Журнал по юриспруденции

Вопросы российского и международного права

Том 16, № 9А, 2026.

С. 1-522.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС»

Московская область, г. Ногинск

Law Journal

Matters of Russian and International Law

September 2026, Volume 16, Issue 9A.

Pages 1-522.

ANALITIKA RODIS publishing house

Noginsk, Moscow region

«Вопросы российского и международного права»
Том 16, № 9А, 2026

Выпуски журнала издаются в двух частях: А и В. Периодичность части А – 12 номеров в год. Периодичность части В – 12 номеров в год.

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редсовета и редколлегии, а также другими ведущими учеными.

Керимов Александр Джангирович – доктор юридических наук (5.1.2; 5.1.5), профессор, член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в РФ, главный научный сотрудник ***Института государства и права Российской академии наук*** – главный редактор журнала.

Исаенкова Оксана Владимировна – доктор юридических наук (5.1.3), профессор, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ, заведующая кафедрой гражданского процесса, ***Саратовская государственная юридическая академия*** – заместитель главного редактора журнала.

Журкина Ольга Вячеславовна – кандидат юридических наук (5.1.4), заведующая кафедрой организации судебной и прокурорско-следственной деятельности, ***Оренбургский государственный университет*** – заместитель главного редактора по направлению «Уголовно-правовые науки» (5.1.4).

В журнале рассматриваются актуальные проблемы теории и практики российского, зарубежного и международного права. Освещаются дискуссионные вопросы теоретико-исторических, государственно-правовых, цивилистических, уголовно-правовых и международно-правовых наук. Предлагаются к обсуждению оригинальные концепции и современные трактовки правовых теорий, проводится анализ нормативно-правовых актов и практики их применения. Формулируются научно обоснованные выводы, предложения и рекомендации, направленные на совершенствование законодательства и правоприменительной практики в области публичного и частного права.

Авторами материалов, представленных в журнале, являются руководители и ведущие специалисты государственных органов и коммерческих организаций, российские и зарубежные ученые, занимающиеся различными областями юридической науки и практики, а также аспиранты и докторанты.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Журнал «Вопросы российского и международного права» включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» в соответствии с приказом Минобрнауки России от 25 июля 2014 г. № 793 с изменениями, внесенными приказом Минобрнауки России от 03 июня 2015 г. № 560 (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 25 августа 2014 г., регистрационный № 33863), вступившим в силу 1 декабря 2015 года.

Генеральный директор издательства	Е.А. Лисина
Главный редактор	А.Д. Керимов, доктор юридических наук (5.1.2; 5.1.5)
Заместитель главного редактора	О.В. Исаенкова, доктор юридических наук (5.1.3)
Заместитель главного редактора по направлению «Уголовно-правовые науки» (5.1.4)	О.В. Журкина, кандидат юридических наук (5.1.4)
Научный редактор и переводчик	А.А. Маркова
Дизайн и верстка	М.А. Пучков
Адрес редакции и издателя	142412, Московская область, Ногинск, ул. Рогожская, 7
Телефоны редакции	+7 (495) 210 0554; +7 985 7689176
E-mail	info@publishing-vak.ru
Сайт	http://www.publishing-vak.ru

Журнал издается с мая 2011 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-43670 от 24.01.2011.

ISSN 2222-5129.

Учредитель и издатель: Общество с ограниченной ответственностью «АНАЛИТИКА РОДИС».

Индекс по Каталогу периодики «Урал-Пресс»: **42934** «Вопросы российского и международного права».

Цена договорная. Печ. л. 67,25. Формат 60x90/8.

Дата выхода в свет: 30.12.2026.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Периодичность: 12 раз в год. Тираж 1000 экз. Заказ № 5245.

Отпечатано в типографии «Книга по Требованию».

127918, Москва, Сущевский вал, 49.

"Matters of Russian and International Law" September 2026, Volume 16, Issue 9A

The issues of the journal are published in two parts: A and B. The publication frequency of part A is 12 times a year. The frequency of part B is 12 times per year.

All articles published in the journal are reviewed by the members of the editorial board and editorial staff as well as by other leading scientists.

Kerimov Aleksandr Dzhangirovich – Doctor of Law (5.1.2; 5.1.5), Professor, member of the Expert Council under the High Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, Chief Researcher at the ***Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*** (Russia) – editor-in-chief.

Isaenkova Oksana Vladimirovna – Doctor of Law (5.1.3), Professor, member of the Scientific-Consultative Council under the Supreme Court of the Russian Federation, Head of the Department of civil procedure, ***Saratov State Law Academy*** (Russia) – deputy editor-in-chief.

Zhurkina Ol'ga Vyacheslavovna – PhD in Law (5.1.4), Docent, Head of the Department of the organization of judicial, prosecutorial and investigative activities, ***Orenburg State University*** (Russia) – deputy editor-in-chief at the area of "Criminal legal sciences".

The journal publishes articles on topical problems of the theory and practice of Russian, foreign and international law. The articles deal with controversial issues of theoretical and historical, state legal, civilistic, criminal legal and international legal sciences. The authors propose original concepts and modern interpretations of legal theories for discussion, carry out an analysis of normative legal acts and the practice of their application and formulate scientifically grounded conclusions, proposals and recommendations aimed at improving legislation and law enforcement practice in the field of public and private law.

The authors of the submitted materials are chief executives and leading experts of government bodies and commercial organizations, Russian and foreign scholars working in different fields of legal science and practice, as well as postgraduate and doctoral students.

The views and opinions of the publisher do not necessarily coincide with those of the authors.

The journal "Matters of Russian and International Law" ("*Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava*") was included in the "**List of the peer-reviewed scientific journals**, in which the major scientific results of dissertations for obtaining Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees should be published" in accordance with Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 793 of July 25, 2014 (as amended by Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 560 of June 3, 2015 that was registered by the Ministry of Justice of the Russian Federation on August 25, 2014 (registration No. 33863) and entered into force on December 1, 2015).

CEO of the publishing house	E.A. Lisina
Editor-in-chief	A.D. Kerimov, Doctor of Law (5.1.2; 5.1.5)
Deputy editor-in-chief	O.V. Isaenkova, Doctor of Law (5.1.3)
Deputy editor-in-chief at the area of "Criminal legal sciences"	O.V. Zhurkina, PhD in Law (5.1.4)
Science editor and translator	A.A. Markova
Styling and make-up	M.A. Puchkov
Address of the Publisher and the Editorial Board	P.O. Box 142412, 7 Rogozhskaya str., Noginsk, Moscow region, Russian Federation
Phones of the Editorial Board	+7 (495) 210 0554; +7 985 7689176
E-mail	info@publishing-vak.ru
Website	http://www.publishing-vak.ru

The journal is issued since May 2011.

The publication is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR).

Mass media registration certificate: PI No. FS77-43670 of 24.01.2011.

ISSN 2222-5129.

Founder and Publisher: Limited liability company "ANALITIKA RODIS".

Subscription index of the Catalog of periodicals "Ural-Press": **42934** "Matters of Russian and International Law".

Contract price. 67.25 printed sheets. Format 60x90/8.

Date of release: 30.12.2026.

Offset printing. Offset paper. Periodicity: 12 issues per year. Circulation 1,000 issues. Order No. 5245.

Printed from make-up page in the "Kniga po Trebovaniyu" printing house.

P.O. Box 127918, 49 Sushchevskii val, Moscow, Russian Federation.

Редакционный совет

по направлению: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Альбов Алексей Павлович – доктор юридических наук, профессор, кандидат философских наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Российской таможенной академии (РТА); профессор Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

Бабурин Сергей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Президент Ассоциации юридических вузов, Президент Международной Славянской академии наук, образования, искусств и культуры, профессор Московского университета им. С.Ю. Витте, Иностранный член Академии наук Абхазии, главный научный сотрудник, Институт государства и права Российской академии наук.

Баранов Владимир Михайлович – доктор юридических наук, профессор, помощник начальника по инновационному развитию научной деятельности, ФГКОУ ВО Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Клименко Алексей Иванович – доктор юридических наук, профессор, Начальник кафедры теории государства и права, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя.

Станкевич Зигмунд Антонович – доктор юридических наук, действительный член (академик) Российской академии социальных наук, действительный государственный советник Российской Федерации 3-го класса, советник президента Коллегии адвокатов г. Москвы «ТАМИР».

Юрьев Сергей Сергеевич – доктор юридических наук, профессор, председатель московской коллегии адвокатов "Межрегион", профессор кафедры международного права и публично-правовых дисциплин, Российская академия адвокатуры и нотариата.

по направлению: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Винокуров Александр Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного сотрудничества в сфере прокурорской деятельности, обеспечения представительства и защиты интересов Российской Федерации в межгосударственных органах, иностранных и международных (межгосударственных) судах, иностранных и международных третейских судах (арбитражах), Университет прокуратуры Российской Федерации.

Керимов Александр Джангирович – главный редактор журнала, доктор юридических наук, профессор, член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в РФ, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук.

Осинцев Дмитрий Владимирович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел, Уральский юридический институт МВД России.

Рождественская Татьяна Эдуардовна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры финансового права, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина.

Садовникова Галина Дмитриевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права, Университет им. О.Е. Кутафина (Московская государственная юридическая академия).

Черкасов Константин Валерьевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и административного права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

по направлению: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Батрова Татьяна Александровна – доктор юридических наук, доцент, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), профессор кафедры гражданского и предпринимательского права.

Боголюбов Сергей Александрович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий отделом экологического и аграрного законодательства, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Вершило Николай Дмитриевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры земельного и экологического права, Российский государственный университет правосудия.

Головина Светлана Юрьевна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой трудового права, Уральский государственный университет им. В.Ф. Яковлева, Заслуженный юрист Российской Федерации.

Землякова Галина Леонидовна – доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт государства и права Российской академии наук.

Исаенкова Оксана Владимировна – заместитель главного редактора, доктор юридических наук, профессор, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ, заведующий кафедрой гражданского процесса, Саратовская государственная юридическая академия.

Прасолов Борис Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин., Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) им. И.М. Губкина.

Соловьева Татьяна Владимировна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского процесса, Саратовская государственная юридическая академия.

Тужилова-Орданская Елена Марковна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права, Институт права, Башкирский государственный университет, Заслуженный юрист Республики Башкортостан, Заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, Почётный работник высшего профессионального образования РФ.

Хныкин Геннадий Валентинович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры трудового права, МГУ им. М.В. Ломоносова.

по направлению 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Астанин Виктор Викторович – доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом законодательства и сравнительного права интеллектуальной собственности, Республиканский научно-исследовательский институт интеллектуальной собственности.

Волосова Нонна Юрьевна – доктор юридических наук, Почетный работник высшего профессионального образования, доцент, заведующий кафедрой уголовного права, Оренбургский государственный университет.

Горшенков Геннадий Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

Григорьев Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник группы подготовки научно-педагогических и научных кадров аппарата ученого секретаря, адъюнктуры, докторантуры Федерального казенного учреждения «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказания России».

Дуюнов Владимир Кузьмич – доктор юридических наук, профессор, Профессор кафедры «Уголовное право и процесс» ФГБОУ «Тольяттинский государственный университет».

Егоров Николай Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики, юридический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

Журкина Ольга Вячеславовна – заместитель главного редактора по направлению «Уголовно-правовые науки» (5.1.4), кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой организации судебной и прокурорско-следственной деятельности, Оренбургский государственный университет.

Захарцев Сергей Иванович – доктор юридических наук, доцент, советник генерального директора, рейтинговое агентство «Эксперт-РА».

Исламова Эльнара Рафисовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Кардашевская Марина Владимировна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя.

Литвинов Николай Дмитриевич – доктор юридических наук, доцент.

Моисеева Татьяна Федоровна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой судебных экспертиз и криминалистики, Российский государственный университет правосудия.

Нестеров Анатолий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, Российский федеральный центр судебной экспертизы.

по направлению: 5.1.5. Международно-правовые науки

Керимов Александр Джангирович – главный редактор журнала, доктор юридических наук, профессор, член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в РФ, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук.

Павлов Павел Владимирович – доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики предприятия, Институт управления в экономических, экологических и социальных системах, Южный федеральный университет.

Садыкова Эльмира Ленаровна – кандидат юридических наук («Международное право; Европейское право»), доктор политических наук («Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития»), профессор, исполнительный директор, Фонд содействия стратегическому диалогу и партнерству.

Шумилов Владимир Михайлович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой международного права, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития РФ.

Энтин Марк Львович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой европейского права, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации.

Editorial Board

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences

Al'bov Aleksei Pavlovich – Doctor of Law, PhD in Philosophy, Professor, Professor at the Department of the theory and history of state and law, Russian Customs Academy, Professor at the All-Russian State University of Justice (Russia).

Baburin Sergei Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, President of the Association of Law Universities, President of the International Slavic Academy of Sciences, Education, Arts and Culture, foreign member of the Academy of Sciences of Abkhazia, Professor at Moscow Witte University, Leading Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Baranov Vladimir Mikhailovich – Doctor of Law, Professor, Assistant to the Rector for Innovative Development of Scientific Activities, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Russia).

Klimenko Aleksei Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of the theory of state and law, Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Russia).

Stankevich Sigmund Antonovich – Doctor of Law, Full Member (Academician) of the Russian Academy of Social Sciences, Full State Councilor of the Russian Federation (the 3rd class), Advisor to the President of the Moscow Bar Association "TAMIR" (Russia).

Yur'ev Sergei Sergeevich – Doctor of Law, Professor, President of the Moscow Bar Association "Mezhregion", Professor at the Department of international law and public law disciplines, Russian Academy of Lawyers and Notaries (Russia).

5.1.2. Public legal (state legal) sciences

Vinokurov Aleksandr Yur'evich – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of international cooperation in the field of public prosecutors' activities, ensuring representation and protection of the interests of the Russian Federation in interstate bodies, foreign and international (interstate) courts, foreign and international courts of arbitration (commercial courts), University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Russia).

Kerimov Aleksandr Dzhangirovich – Journal's Chief Editor, Doctor of Law, Professor, member of the Expert Council under the High Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, Chief Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Osintsev Dmitrii Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of administrative law and administrative activities of internal affairs bodies, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Russia).

Rozhdestvenskaya Tat'yana Eduardovna – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of financial law, Kutafin Moscow State Law University (Russia).

Sadovnikova Galina Dmitrievna – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of constitutional and municipal law, Kutafin Moscow State Law University (Russia).

Cherkasov Konstantin Valer'evich – Doctor of Law, Docent, Professor at the Department of constitutional and administrative law, All-Russian State University of Justice (Russia).

5.1.3. Private legal (civilistic) sciences

Batrova Tat'yana Aleksandrovna – Doctor of Law, Docent, Professor at the Department of civil and business law, All-Russian State University of Justice (Russia).

Bogolyubov Sergei Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Head of the Department of environmental and agrarian legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Russia).

Vershilo Nikolai Dmitrievich – Doctor of Law, Docent, Professor at the Department of land and environmental law, Russian State University of Justice (Russia).

Golovina Svetlana Yur'yevna – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of labor law, Ural State Law University (Russia).

Zemlyakova Galina Leonidovna – Doctor of Law, Docent, Leading Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Isaenkova Oksana Vladimirovna – Deputy Chief Editor, Doctor of Law, Professor, member of the Scientific-Consultative Council under the Supreme Court of the Russian Federation, Head of the Department of civil procedure, Saratov State Law Academy (Russia).

Prasolov Boris Vladimirovich – PhD in Law, Docent, Associate Professor at the Department of civil law disciplines, Gubkin Russian State University of Oil and Gas (Russia).

Solov'eva Tat'yana Vladimirovna – Doctor of Law, Docent, Professor at the Department of civil procedure, Saratov State Law Academy (Russia).

Tuzhilova-Ordanskaya Elena Markovna – Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Honored Worker of Science of the Republic of Bashkortostan, Head of the Department of civil law, Bashkir State University (Russia).

Khnykin Gennadii Valentinovich – Doctor of Law, Docent, Professor at the Department of labor law, Lomonosov Moscow State University (Russia).

5.1.4. Criminal legal sciences

Astanin Viktor Viktorovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of legislation and comparative intellectual property law, Republican Scientific Research Institute of Intellectual Property (Russia).

Volosova Nonna Yur'evna – Doctor of Law, Docent, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Head of the Department of criminal law, Orenburg State University (Russia).

Gorshenkov Gennadii Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of criminal law and procedure, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Russia).

Grigor'ev Viktor Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Leading Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation (Russia).

Duyunov Vladimir Kuz'mich – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of criminal law and procedure, Togliatti State University (Russia).

Egorov Nikolai Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of forensic science, Lomonosov Moscow State University (Russia).

Zhurkina Ol'ga Vyacheslavovna – Deputy Chief Editor at the area of "5.1.4. Criminal legal sciences", PhD in Law, Docent, Head of the Department of the organization of judicial, prosecutorial and investigative activities, Orenburg State University (Russia).

Zakhartsev Sergei Ivanovich – Doctor of Law, Docent, Advisor to the CEO, Expert RA rating agency (Russia).

Islamova El'nara Rafisovna – PhD in Law, Docent, Associate Professor at the Department of public prosecutors' supervision and participation of public prosecutors in criminal, civil and commercial proceedings, Saint Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Russia).

Kardashevskaya Marina Vladimirovna – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of forensic science, Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Russia).

Litvinov Nikolai Dmitrievich – Doctor of Law, Docent (Russia).

Moiseeva Tat'yana Fedorovna – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of forensic examinations and forensic science, Russian State University of Justice (Russia).

Nesterov Anatolii Vasil'evich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher at the Russian Federal Center of Forensic Science (Russia).

5.1.5. International legal sciences

Kerimov Aleksandr Dzhangirovich – Journal's Chief Editor, Doctor of Law, Professor, member of the Expert Council under the High Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, Chief Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Pavlov Pavel Vladimirovich – Doctor of Law, Doctor of Economics, Professor, Professor at the Department of enterprise economics, Southern Federal University (Russia).

Sadykova El'mira Lenarovna – PhD in Law ("International Law; European Law"), Doctor of Political Science ("Political Problems of International Relations, Global and Regional Development"), Professor, Executive Director, Foundation for the Promotion of Strategic Dialogue and Partnership (Russia).

Shumilov Vladimir Mikhailovich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of international law, Russian Foreign Trade Academy (Russia).

Entin Mark L'vovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of European law, MGIMO University (Russia).

Содержание

Теоретико-исторические правовые науки

Саяпина Татьяна Сергеевна
Механизм медиативного правового саморегулирования в различных правовых семьях: нормативные основы и пределы автономии сторон 9

Дубинка Евгений Валерьевич
Копча Богдан Михайлович
Государственные реформы Петра I как фактор трансформации правовой системы России 20

Коновалов Александр Владимирович
Налоговая система Советского государства в период НЭПа: формирование, функции и трансформация 28

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Алексеева Анастасия Николаевна
Клепиков Игорь Владимирович
Правовые коллизии в постановлении Правительства РФ № 1509: леса на землях сельхозназначения 36

Барциц Сабина Зурабовна
Понятие, сущность, значение использования искусственного интеллекта в системе средств оптимизации деятельности органов прокуратуры 44

Коробов Илья Андреевич
Теоретические основы публично-правового обеспечения информационной безопасности в Словацкой Республике 54

Володин Евгений Анатольевич
Искусственный интеллект в конституционном судопроизводстве Российской Федерации: правовые пределы алгоритмизации проверки нормативных правовых актов на соответствие Конституции 60

Коносов Дионис Канарисович
Коллизии наднационального и национального регулирования сроков выпуска товаров: анализ статьи 119 ТК ЕАЭС и статьи 109 Федерального закона № 289-ФЗ 72

Веремеев Владимир Владимирович
Тимофеев Сергей Алексеевич
Правоприменительная практика разрешения споров, связанных с выходом из членства в саморегулируемых организациях в области строительства 82

Горшенин Николай Анатольевич
Гражданско-правовые конструкции в механизме коррупционной маскировки: критерии разграничения и модель двухуровневого комплаенса 93

Рехачева Татьяна Викторовна
Особенности нормативно-правового обеспечения разработки и применения систем искусственного интеллекта в Республике Сингапур 102

Кирюхина Софья Михайловна
Цели государственной политики и цели саморегулирования в области физической культуры и спорта 111

Степанова Наталья Валерьевна
Основные направления государственной политики формирования цифрового общества в Луганской Народной Республике 122

Носенко Андрей Юрьевич
Принцип соразмерности как гарантия защиты конституционных прав предпринимателей 133

Большакова Валентина Михайловна
Конституционное указание на идеалы и веру в Бога и светский характер российского государства 139

Осина Татьяна Германовна
Информационная власть публичного органа и правовая природа цифрового доказательства в административном судопроизводстве 146

Коровин Андрей Владимирович
Трансформация миграционного законодательства России: формирование региональных механизмов управления 152

Кузнецова Анастасия Андреевна
Правовой режим объектов культурного наследия: конфликт интересов и поиск компромиссов 159

Синика Елена Александровна
Правовое регулирование персонального ассистента в контексте сокращения неоплачиваемого труда женщин: сравнительно-правовой анализ 165

Дружинин Евгений Сергеевич
Проактивное предоставление мер социальной поддержки в цифровой среде: пределы публичной администрации и гарантии граждан 178

Частно-правовые (цивилистические) науки

Шестерякова Ирина Владимировна
К вопросу о правовом регулировании труда несовершеннолетних: международный и национальный аспекты (на примере отдельных зарубежных стран) 187

Горчакова Анастасия Павловна
Гончарова Анастасия Михайловна
Таможенный контроль и защита объектов интеллектуальной собственности в сфере промышленного дизайна при трансграничной электронной торговле 197

Макаров Иван Николаевич
Казарова Диана Сергеевна
Айрапетян Варсеник Сергеевна
Эволюция правоотношений собственности в России на рубеже XX и XXI веков в условиях рыночных преобразований 211

Макаров Иван Николаевич
Казарова Диана Сергеевна
Айрапетян Варсеник Сергеевна
Влияние приватизации на трансформацию правоотношений собственности в России в конце XX и начале XXI века 220

Батдыев Эльдар Русланович
Эльдаров Айдемир Юсупович
Голосовая идентичность как нематериальное благо: разграничение режимов записи голоса, голосовой модели и синтезированной речи 231

Архангельский Артём Евгеньевич
Шелкович Максим Тимофеевич
Противодействие неправомерному использованию инсайдерской информации в сфере цифровых финансовых активов 245

Умрихин Дмитрий Олегович
Преимущественные права на заключение отдельных договоров аренды 259

Романова Елена Владимировна
Беляков Анатолий Анатольевич
Меленчук Владислав Александрович
Правовые источники и принципы регулирования обработки аэроснимков 264

Афамготов Эдуард Магаметович
Беликов Александр Викторович
Ешев Марат Альбекович
Марков Петр Николаевич
Правовые границы сбора и обработки общедоступных персональных данных технологиями интернет-разведки.....271

Чечевичкин Алексей Викторович
Компенсация за нарушение исключительного права: подзаконное регулирование 279

Урсакий Даниил Викторович
Зарубежный опыт и перспективы развития отечественного регулирования института субординации в банкротстве.....288

Белышева Арина Викторовна
Участие прокурора в гражданском процессе в защиту прав граждан на своевременную и полную выплату заработной платы 296

Усков Владислав Владимирович
Паник Даниил Эдуардович
Правовое регулирование идентификации рисков деятельности контрагента в условиях цифровой трансформации 303

Сиротинина Вероника Александровна
Комплексный договор: дискуссия в доктрине 313

Уголовно-правовые науки

Галатов Александр Андреевич
Факторы, обуславливающие эффективность норм уголовно-правового компромисса.....322

Зеленкова Анна Анатольевна
Возрастные и психологические особенности несовершеннолетних при выборе тактики их допроса в уголовном судопроизводстве 329

Росляков Владислав Дмитриевич
Изменение пределов уголовно-правовой охраны отношений по обеспечению законных интересов кредиторов: анализ составов криминальных банкротств.....336

Качан Антон Валентинович
Проблемы реализации принципа законности при установлении оснований уголовной ответственности в российском уголовном праве.....344

Сатторова Нигорахон Мураджановна
Уголовно-правовые проблемы квалификации домашнего насилия и дифференциации ответственности за преступления против личности в Российской Федерации 354

Шапошников Виталий Леонидович
Участие Госавтоинспекции в противодействии незаконному обороту наркотиков.....363

Размыслов Владислав Валерьевич
Обжалование постановления об отводе защитника в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации как спорный вопрос.....374

Радионова Ольга Александровна
Теоретические аспекты современной габитоскопии: история, теория, практика 385

Юрина Юлия Ивановна
Зиненко Юлия Васильевна
Кузьмина Ольга Леонидовна
Способы совершения преступления, связанного с неправомерным оборотом средств платежей, в структуре частной криминалистической методики расследования преступлений 396

Анисич Владислав Андреевич
Компенсирующее тактическое решение защитника в условиях процессуальной асимметрии 411

Федорова Наталья Викторовна
Слабкая Диана Николаевна
Дифференциация уголовного наказания беременным женщинам и лицам, имеющим детей в возрасте до 14 лет: институциональный механизм контроля отсрочки отбывания наказания 417

Слабкая Диана Николаевна
Реформирование института условно-досрочного освобождения по гуманитарным основаниям: опыт зарубежных пенитенциарных служб 425

Матвеева Юлия Игоревна
Процессуальная самостоятельность: исторические этапы формирования 433

Дьяконова Виктория Викторовна
Системный кризис технико-юридического качества актов высшего судебного толкования как барьер для реализации норм УПК РФ 440

Ембулаева Наталья Юрьевна
Окороков Виктор Иванович
Особенности применения уголовно-правовых норм со сложной структурой диспозиций и санкций 450

Лебешев Иван Сергеевич
Новиков Алексей Валерьевич
Шульц Евгений Вячеславович
К вопросу отдельных психологических характеристик личности осужденных-рецидивистов, повторно отбывающих наказание в местах лишения свободы....457

Закомалдин Александр Сергеевич
Марченко Константин Сергеевич
Шувалов Павел Евгеньевич
Использование данных оперативно-розыскной деятельности, полученных с помощью цифровых технологий, в уголовном судопроизводстве....468

Новиков Алексей Валерьевич
Правовые аспекты деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы: современное состояние и перспективы совершенствования....476

Международно-правовые науки

Йованович Миляна
Институциональные основы регионального сотрудничества государств Центральной Азии по противодействию незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ как фактор обеспечения международной безопасности....484

Скаридов Александр Станиславович
Ограничение вооружений после ДСНВ: контуры новой договорно-правовой парадигмы 494

Ма Шихао
Исполнение решений Международного суда ООН: теория и практика выполнения обязательств, вытекающих из юрисдикционных решений 504

Князев Иван Алексеевич
Филатова Виктория Викторовна
Кибератаки как угроза обеспечения неприкосновенности дипломатических представительств и их персонала (в контексте современного международного права)....512

Contents

Theoretical and historical legal sciences

Tat'yana S. Sayapina
The Mechanism of Mediative Legal Self-Regulation in Various Legal Families: Normative Foundations and Limits of Party Autonomy 9

Evgenii V. Dubinka
Bogdan M. Kopcha
State Reforms of Peter I as a Factor in the Transformation of Russia's Legal System 20

Aleksandr V. Konovalov
The Tax System of the Soviet State during the NEP Period: Formation, Functions, and Transformation 28

Public law (state and law) sciences

Anastasiya N. Alekseeva
Igor' V. Klepikov
Legal Conflicts in Russian Government Resolution No. 1509: Forests on Agricultural Lands 36

Sabina Z. Bartsits
The Concept, Essence, and Significance of the Use of Artificial Intelligence in the System of Means for Optimizing the Activities of Prosecution Bodies 44

Il'ya A. Korobov
Theoretical Foundations of Public-Law Provision of Information Security in the Slovak Republic 54

Evgenii A. Volodin
Artificial Intelligence in Constitutional Judicial Proceedings of the Russian Federation: Legal Limits of Algorithmization of Verification of Normative Legal Acts for Compliance with the Constitution 60

Dionis K. Konosov
Collisions of Supranational and National Regulation of Time Limits for the Release of Goods: An Analysis of Article 119 of the EAEU Customs Code and Article 109 of Federal Law No. 289-FZ 72

Vladimir V. Veremeev
Sergei A. Timofeev
Law Enforcement Practice in Resolving Disputes Related to Withdrawal from Membership in Self-Regulatory Organizations in the Field of Construction 82

Nikolai A. Gorshenin
Civil-Law Constructs in the Mechanism of Corruption Masking: Criteria of Delimitation and a Two-Level Compliance Model 93

Tat'yana V. Rekhacheva
Peculiarities of the Regulatory and Legal Support for the Development and Application of Artificial Intelligence Systems in the Republic of Singapore 102

Sof'ya M. Kiryukhina
Goals of State Policy and Goals of Self-Regulation in the Field of Physical Culture and Sports 111

Natal'ya V. Stepanova
Main Directions of State Policy for the Formation of a Digital Society in the Lugansk People's Republic 122

Andrei Yu. Nosenko
The Principle of Proportionality as a Guarantee of the Protection of the Constitutional Rights of Entrepreneurs 133

Valentina M. Bol'shakova
Constitutional Reference to Ideals and Faith in God and the Secular Character of the Russian State.....139

Tat'yana G. Osina
Information Power of a Public Authority and the Legal Nature of Digital Evidence in Administrative Judicial Proceedings.....146

Andrei V. Korovin
Transformation of Russia's Migration Legislation: Formation of Regional Governance Mechanisms.....152

Anastasiya A. Kuznetsova
The Legal Regime of Cultural Heritage Objects: Conflict of Interests and the Search for Compromises.....159

Elena A. Sinika
Legal Regulation of the Personal Assistant in the Context of Reducing Women's Unpaid Labor: A Comparative Legal Analysis.....165

Evgenii S. Druzhinin
Proactive Provision of Social Support Measures in the Digital Environment: Limits of Public Administration and Guarantees of Citizens.....178

Private law (civilistic) sciences

Irina V. Shesteryakova
On the Legal Regulation of the Labor of Minors: International and National Aspects (on the Example of Selected Foreign Countries).....187

Anastasiya P. Gorchakova
Anastasiya M. Goncharova
Customs Control and Protection of Intellectual Property Objects in the Field of Industrial Design in Cross-Border E-Commerce.....197

Ivan N. Makarov
Diana S. Kazarova
Varsenik S. Ayrapetyan
Evolution of Property Legal Relations in Russia at the Turn of the 20th and 21st Centuries under the Conditions of Market Transformations.....211

Ivan N. Makarov
Diana S. Kazarova
Varsenik S. Ayrapetyan
The Impact of Privatization on the Transformation of Property Legal Relations in Russia in the Late 20th and Early 21st Centuries.....220

El’dar R. Batdyev
Aidemir Yu. El'darov
Voice Identity as an Intangible Good: Distinguishing the Regimes of Voice Recording, Voice Model, and Synthesized Speech.....231

Artem E. Arkhangel’skii
Maksim T. Shelkovich
Countering the Misuse of Insider Information in the Sphere of Digital Financial Assets.....245

Dmitrii O. Umrikhin
Preemptive Rights to Conclude Certain Lease Agreements.....259

Elena V. Romanova
Anatolii A. Belyakov
Vladislav A. Melenchuk
Legal Sources and Principles of Regulation of Aerial Image Processing.....264

Eduard M. Afamgotov
Aleksandr V. Belikov
Marat A. Eshev
Petr N. Markov
Legal Boundaries of the Collection and Processing of Publicly Available Personal Data by Internet Intelligence Technologies 271

Aleksei V. Chechevichkin
Compensation for Infringement of an Exclusive Right: Subordinate Regulation 279

Daniil V. Ursakii
Foreign Experience and Prospects for the Development of Domestic Regulation of the Institution of Subordination in Bankruptcy 288

Arina V. Belysheva
Participation of the Prosecutor in Civil Proceedings in Defense of Citizens' Rights to Timely and Full Payment of Wages 296

Vladislav V. Uskov
Daniil E. Panik
Legal Regulation of Counterparty Risk Identification in the Context of Digital Transformation 303

Veronika A. Sirotinina
Complex Contract: A Discussion in Doctrine 313

Criminal law sciences

Aleksandr A. Galatov
Factors Determining the Effectiveness of Criminal Law Compromise Norms 322

Anna A. Zelenkova
Age and Psychological Characteristics of Minors in Choosing the Tactics of Their Interrogation in Criminal Proceedings 329

Vladislav D. Roslyakov
Changing the Limits of Criminal-Legal Protection of Relations for Ensuring the Legitimate Interests of Creditors: An Analysis of the Elements of Criminal Bankruptcies 336

Anton V. Kachan
Problems of Implementing the Principle of Legality in Establishing the Grounds for Criminal Liability in Russian Criminal Law 344

Nigorakhon M. Sattorova
Criminal-Law Problems of Qualifying Domestic Violence and Differentiating Liability for Crimes against the Person in the Russian Federation 354

Vitalii L. Shaposhnikov
Participation of the State Traffic Inspectorate in Countering the Illegal Drug Trafficking 363

Vladislav V. Razmyslov
Appealing a Decision on the Challenge of a Defense Counsel under Article 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation as a Contested Issue 374

Ol'ga A. Radionova
Theoretical Aspects of Modern Habitoscopy: History, Theory, Practice 385

Yuliya I. Yurina
Yuliya V. Zinenko
Ol'ga L. Kuz'mina
Methods of Committing a Crime Related to the Illegal Circulation of Means of Payment in the Structure of a Private Forensic Methodology for Investigating Crimes 396

Vladislav A. Anisich
Compensatory Tactical Decision of the Defense Counsel in Conditions of Procedural Asymmetry 411

Natal'ya V. Fedorova
Diana N. Slabkaya
Differentiation of Criminal Punishment for Pregnant Women and Persons with Children Under 14 Years of Age: Institutional Mechanism of Control over the Deferral of Serving Sentence 417

Diana N. Slabkaya
Reforming the Institution of Parole on Humanitarian Grounds: The Experience of Foreign Penitentiary Services 425

Yuliya I. Matveeva
Procedural Independence: Historical Stages of Formation 433

Viktoriya V. D'yakonova
Systemic Crisis of Technical-Legal Quality of Acts of Higher Judicial Interpretation as a Barrier to the Implementation of the Norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation 440

Natal'ya Yu. Embulaeva
Viktor I. Okorokov
Specific Features of the Application of Criminal Law Norms with a Complex Structure of Dispositions and Sanctions 450

Ivan S. Lebeshev
Aleksei V. Novikov
Evgenii V. Shul'ts
On the Question of Certain Psychological Characteristics of the Personality of Recidivist Convicts Serving Sentences in Places of Deprivation of Liberty Repeatedly 457

Aleksandr S. Zakomaldin
Konstantin S. Marchenko
Pavel E. Shuvalov
Use of Operational-Search Activity Data Obtained with the Help of Digital Technologies in Criminal Judicial Proceedings 468

Aleksei V. Novikov
Legal Aspects of the Activity of Employees of the Penal Enforcement System: Current State and Prospects for Improvement 476

International legal sciences

Milyana Yovanovich
Institutional Foundations of Regional Cooperation of Central Asian States in Countering the Illegal Trafficking of Narcotic Drugs and Psychotropic Substances as a Factor in Ensuring International Security 484

Aleksandr S. Skaridov
Arms Limitation after New START: The Outlines of a New Treaty-Legal Paradigm 494

Ma Shihao
Implementation of International Court of Justice Decisions: The Theory and Practice of Fulfilling Obligations Arising from Jurisdictional Decisions 504

Ivan A. Knyazev
Viktoriya V. Filatova
Cyberattacks as a Threat to Ensuring the Inviolability of Diplomatic Missions and Their Personnel (in the Context of Contemporary International Law) 512

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 347.9 **DOI: 10.34670/AR.2026.52.60.002**

Механизм медиативного правового саморегулирования в различных правовых семьях: нормативные основы и пределы автономии сторон

Саяпина Татьяна Сергеевна

Старший преподаватель,
кафедра конституционного и гражданского права,
Государственный университет просвещения,
105005, Российская Федерация, Москва, ул. Радио, 10а/2;
e-mail: tatiana-communicate@yandex.ru

Аннотация

В статье сопоставляется устройство медиативного правового саморегулирования в романо-германской, англосаксонской, религиозной, социалистической, традиционной и смешанных правовых системах. Задача исследования — выяснить, что в автономии сторон остаётся общим для разных правопорядков и какие ограничения обусловлены особенностями каждого из них. Работа опирается на формально-юридический, сравнительно-правовой и структурно-функциональный методы; её материалом послужили зарубежные законы, судебные решения и научные публикации о медиации, примирении и правовом плюрализме. Правовая семья используется лишь как сравнительный ориентир, тогда как анализируется конкретный режим согласительного взаимодействия. Автономия сторон рассмотрена в трёх аспектах: вступление в процедуру, выработка условий соглашения и его юридическое признание. Установлено, что ни подробный закон, ни направление дела судом, ни признание обычных или религиозных норм ещё не говорят о том, насколько самостоятельны участники. Социальная приемлемость договорённости, её обязательность и возможность принудительного исполнения требуют раздельной оценки. Саморегулирование сохраняется там, где стороны остаются авторами решения, а их воля сформирована осознанно и защищена внешним контролем правомерности.

Для цитирования в научных исследованиях

Саяпина Т.С. Механизм медиативного правового саморегулирования в различных правовых семьях: нормативные основы и пределы автономии сторон // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 9А. С. 9-19. DOI: 10.34670/AR.2026.52.60.002

Ключевые слова

Медиация, правовое саморегулирование, правовые семьи, автономия сторон, медиативное соглашение, правовой плюрализм, примирение, судебное управление, религиозные нормы, обычное право.

Введение

Обращение к медиации в разных правовых семьях позволяет ответить на практический вопрос: кто в действительности определяет, как будут вести себя участники после урегулирования, – они сами или внешний субъект, чья воля замещает их собственную. Специальный закон о медиации ещё не свидетельствует о широкой автономии сторон. Равным образом и там, где такого закона нет, согласительное взаимодействие может иметь вполне определённые правовые основания.

Цель исследования – выявить нормативные условия, при соблюдении которых согласование интересов с помощью посредника остаётся именно правовым саморегулированием. Формально-юридический, сравнительно-правовой и структурно-функциональный методы применяются для сопоставления полномочий участников, поводов обращения к процедуре, допустимых пределов соглашения и способов признания его результатов. Цитаты из иноязычных нормативных актов, судебных решений и научных работ приводятся в переводе автора.

Выделенные шесть сравнительных блоков не претендуют на исчерпывающую классификацию. Исламская традиция, народная медиация КНР и общинные практики Кении приводятся в качестве примеров религиозных, социалистических и традиционных систем. Правопорядок одного государства нередко сочетает черты нескольких блоков, поэтому сравнивается конкретный правовой режим – в смешанных системах вместе с взаимодействием его разнородных нормативных оснований.

Н. Александер подчёркивает, что «медиация не существует в вакууме», а «контекст определяет медиацию и непосредственно влияет на то, как она практикуется» [Alexander, 2001]. В более поздней работе выделены «четыре основных подхода к регулированию современной медиации»: «рыночное регулирование», «саморегулирование», «формальная рамка» и «формальный законодательный подход» [Alexander, 2008, с. 3]. В статье эта типология служит методологическим ориентиром и не отождествляется с действующим законодательством какой-либо страны. Следует также различать два значения термина: саморегулирование профессионального сообщества задаёт стандарты работы посредников, тогда как саморегулирование участников конфликта приводит к выработке ими индивидуального решения.

Механизм саморегулирования и параметры сравнения

Механизм медиативного правового саморегулирования понимается в работе как система субъектов, объекта и юридически значимых связей, благодаря которой стороны при содействии посредника сами согласуют модель своего поведения и сами её реализуют. Объектом служит юридически значимое взаимодействие участников, нуждающееся в упорядочении. Связи внутри механизма неоднородны. Компетенционные определяют, какими правами участник может распорядиться, согласовательные позволяют прийти к совместному решению, информационные дают возможность понять его последствия. Порядок взаимодействия задают организационно-процедурные связи, а реализационные соединяют договорённость с её исполнением и защитой. Процедура медиации – это развёртывание механизма во времени, однако к ней механизм не сводится.

Для целей сравнения автономия сторон рассматривается в трёх измерениях. Первое касается обращения к медиации, выбора посредника и организации взаимодействия. Второе связано с

самостоятельной выработкой условий урегулирования, включая право отклонить предложенный вариант. Третье относится к оформлению, признанию и исполнению достигнутого соглашения. В последнем измерении свобода сторон ограничена изначально: выбрать допустимую юридическую форму они могут, но придать документу свойства исполнительного титула вопреки закону своим соглашением не вправе.

Романо-германская правовая семья: законодательные гарантии самостоятельного решения

Германский Закон о медиации от 21 июля 2012 г. определяет медиацию как «конфиденциальную и структурированную процедуру, в которой стороны с помощью одного или нескольких медиаторов добровольно и под собственную ответственность стремятся к согласительному урегулированию своего конфликта», а медиатора – как «независимое и нейтральное лицо без полномочий на принятие решения» (§ 1). Согласно § 2, медиатор «удостоверяется, что стороны поняли принципы и порядок медиативной процедуры и участвуют в медиации добровольно» (абз. 2), а «стороны могут прекратить медиацию в любое время» (абз. 5). Если договорённость достигнута, медиатор содействует тому, чтобы стороны заключили соглашение «со знанием обстоятельств и понимали его содержание»; участникам, действующим без профессиональной консультации, он обязан указать на возможность «при необходимости проверить соглашение у внешних консультантов» (§ 2, абз. 6). Как видно, подробность закона в данном случае не сужает самостоятельность сторон: он возлагает на посредника обязанности, без которых этой самостоятельностью трудно было бы воспользоваться.

Иначе решён вопрос о вступлении в процедуру в Италии, хотя она принадлежит к той же правовой семье. Статья 5 Законодательного декрета от 4 марта 2010 г. № 28 делает предварительную медиацию условием последующего судебного рассмотрения ряда споров, в том числе о вещных правах, наследовании, аренде, банковских и страховых договорах. В решении по делу Menini and Rampanelli (C-75/16) Суд ЕС указал применительно к сфере Директивы 2013/11/ЕС о потребительских спорах, что требование медиации как условия допустимости обращения в суд «может оказаться совместимым с принципом эффективной судебной защиты» при условии, что процедура «не завершается решением, обязательным для сторон», «не вызывает существенной задержки» для обращения в суд и порождает лишь «очень низкие расходы» (п. 61). Распространять эти выводы на все разновидности итальянской медиации, выходящие за предмет директивы, было бы неосторожно.

Германский и итальянский режимы, таким образом, по-разному распределяют роли закона, суда и самих участников. Свобода в определении результата и добровольность обращения к процедуре – разные величины, и оценивать их нужно порознь. Ограничение добровольности допустимо лишь при условии соразмерности и сохранения доступа к суду.

Англосаксонская правовая семья: судебное управление и осознанное согласие

В Англии и Уэльсе правило 3.1(2)(o) Civil Procedure Rules прямо наделяет суд полномочием «обязать стороны участвовать в альтернативном разрешении спора». В деле Churchill v Merthyr Tydfil County Borough Council Апелляционный суд признал, что суд вправе приостановить

производство либо обязать стороны участвовать во внесудебной процедуре «при условии, что распоряжение не затрагивает само существо права истца на судебное рассмотрение» и соразмерно законной цели (п. 74(ii)). Сам спор касался внутренней процедуры рассмотрения жалоб в муниципалитете, а не медиации в классическом смысле, однако суд прямо отнёс медиацию к числу возможных внесудебных процедур (пп. 64–65, 74). Представление об англосаксонской модели как о полностью свободной от судебного направления поэтому не соответствует действительности.

Особенно наглядно разница между участием и результатом прослеживается в законодательстве штата Флорида. Согласно § 44.102(2)(b) Florida Statutes, суд «может направить на медиацию полностью или частично» гражданское дело, для которого медиация не является обязательной. При этом § 44.1011(2) определяет медиацию как «неформальную и несостязательную процедуру, цель которой – помочь спорящим сторонам достичь взаимоприемлемого и добровольного соглашения», и прямо указывает: «в медиации полномочие принимать решение принадлежит сторонам». Правило одного штата не следует считать общим для всех юрисдикций США, но оно показывает, что внешний организационный импульс, исходящий от суда, вполне уживается с тем, что индивидуальный регулятор стороны вырабатывают сами.

Дж. Нолан-Хейли связывает автономию с информированным согласием: участники должны понимать процедуру, добровольный характер своего участия и содержание достигнутого результата [Nolan-Haley, 1999, с. 778]. Н. Уэлш, исследуя связанную с судом медиацию, приходит к выводу, что «наделение спорящих сторон контролем над решением не гарантирует, что они воспримут такой контроль как значимый или как существенную защиту от несправедливости» [Welsh, 2002, с. 191]. Н. Ачарья утверждает, что обязательную медиацию «трудно оправдать, поскольку она отрицает процессуальное право на состязательный процесс, обеспечивающий реализацию юридических прав» [Acharya, 2023, с. 733]. С учётом этого возражения мало проверить, свободны ли стороны в выборе результата, – необходимо ещё выяснить, насколько доступна им в действительности судебная защита.

Религиозные правовые системы: примирение в пределах нормативно допустимого

Для исламской традиции ключевое значение имеет институт sulh. А. Отман показывает, что sulh «является не внесудебным институтом, а неотъемлемой частью исламской системы правосудия»; вместе с тем юристы стремились установить пределы его действия, «особенно когда он мог нарушать правила против riba (ростовщичества) и gharar (неопределённости, обмана или неразумного риска)» [Othman, 2007, с. 64]. Отсюда следует, что одобрение примирения религией вовсе не делает допустимым любое условие, о котором договорились стороны. Нужно учитывать и то, что sulh по объёму шире медиации. Соглашение может быть заключено и без посредника, а само употребление термина ничего не говорит о том, как распределены полномочия между участниками.

Нормы о примирении конкретизированы в Законе Саудовской Аравии о гражданских сделках, утверждённом Королевским декретом № M/191 от 18 июня 2023 г. Статья 391 определяет примирение как «договор, по которому стороны урегулируют существующий спор или предотвращают возможный спор путём отказа от своих требований или их части». Статья 392 требует, чтобы сторона «обладала правоспособностью распоряжаться правами»,

предусмотренными договором. Статья 402 устанавливает, что «последствия примирения ограничиваются спорными правами, урегулированными примирением». Статья 1 указывает порядок применения источников: сначала положения закона, затем заключительные общие правила, далее соответствующие принципы шариата. Предметом регулирования здесь служит главным образом договорный результат примирения; универсальной процедуры работы медиатора закон не устанавливает.

Статья 8(1) саудовского Закона о коммерческих судах относит к предмету подзаконного регулирования процедуры медиации и примирения, в том числе случаи, когда обращение к ним обязательно до суда. Согласно статье 29(2), достигнутое перед судом примирение «отражается в протоколе судебного заседания, который подписывается сторонами и утверждается председательствующим судьёй», при этом «протокол судебного заседания считается исполнительным документом». Религиозная нормативная основа соседствует, следовательно, с законодательной формализацией и особым порядком обеспечения исполнения.

А. Джамал при сравнении религиозных альтернативных процедур Великобритании и Сингапура подчёркивает, что для реализации автономии «поощряемая религиозная практика должна быть такой, которую индивид определяет для себя сам» [Jamal, 2015, с. 19]. Одновременно отмечается риск того, что частные договорённости станут «местом, где господствуют принуждение или неравенство переговорных возможностей», и приведут к урегулированию, «нарушающему важные нормы публичного порядка» [Jamal, 2015, с. 20]. Надо оговориться, что работа посвящена прежде всего религиозному арбитражу, и её выводы о процедуре к медиации применимы лишь с поправками. З. О. Шитту-Аденуга, А. С. Абиола и С. С. Мустафа, анализируя нигерийскую практику, рекомендуют, чтобы «сульх был закреплён в законодательстве Нигерии» [Shittu-Adenuga, Abiola, Mustapha, 2023, с. 257]. В этой позиции хорошо видно, как религиозная процедура, приемлемая для общества, получает определённые условия правового признания.

Социалистическая правовая система: согласование и публичная организация

Социалистическую систему в статье представляет народная медиация КНР, которую не следует смешивать с судебным примирением и другими согласительными институтами. Закон КНР о народной медиации от 28 августа 2010 г. определяет её как деятельность, при которой комитет народной медиации «посредством убеждения, разъяснения и иных методов побуждает стороны на основе равноправных переговоров добровольно достичь соглашения о медиации» (ст. 2). Статья 3 требует проводить медиацию «на основе добровольности и равенства сторон», «не противореча законам, подзаконным актам и государственной политике», и запрещает по причине медиации «препятствовать сторонам в защите своих прав». По статье 5 работой комитетов руководят органы юстиции, а низовые народные суды оказывают им профессиональную помощь; сами же комитеты закон относит к общественным организациям (ст. 7).

Содержательная автономия обеспечена рядом конкретных гарантий: «если одна из сторон явно отказывается от медиации, медиация не проводится» (ст. 17), а стороны вправе «выбирать или принимать народного медиатора», «принимать медиацию, отказываться от неё или требовать её прекращения», «самостоятельно выражать свою волю и добровольно заключать соглашение о медиации» (ст. 23). Вместе с тем статья 22 допускает, что медиатор «предлагает варианты разрешения спора», однако с целью «помочь сторонам добровольно достичь

соглашения». На стадии реализации закон различает положение о том, что соглашение «обладает юридически обязательной силой» (ст. 31), и право стороны после судебного подтверждения «обратиться в народный суд с заявлением о принудительном исполнении» (ст. 33). Публичная организация согласительной деятельности, как следует из этих норм, не исключает самостоятельного волеизъявления сторон. Предложить вариант решения и предписать обязательный исход – не одно и то же.

Сложнее обстоит дело, если сопоставить нормативные гарантии с институциональными стимулами. Й. Ли, Й. Коккен и Б. ван Рой, долгое время изучавшие работу одного суда в центральном Китае, показали, что ориентация на показатели примирения может вести к стратегическому завышению статистики и к смещению первоначальных целей [Li, Kocken, van Rooij, 2018]. Эти данные получены в рамках конкретного исследования судебной практики, и делать из них вывод о принудительном характере народной медиации в целом нет оснований. М. Чэнь дополняет эту критику: «в медиации, инициированной судьями, стороны могут легко уступить авторитету судьи или не желать раскрывать информацию, которая может быть использована против них в последующем судебном разбирательстве» [Chen, 2023, с. 182].

Традиционные правовые системы: общинное признание и конституционные пределы

Изучая обычные примирительные практики, нельзя исходить из образа Африки как однородного пространства, лишённого нормативного регулирования. Ф. Кариуки характеризует традиционные системы правосудия как основанные на «сотрудничестве, общинности, прочной групповой сплочённости, социальных обязательствах, консенсусном принятии решений, социальном конформизме и сильных социальных санкциях» [Kariuki, 2017, с. 157]. Этими чертами объясняется устойчивость неформального урегулирования, но добровольность каждого отдельного результата из них не вытекает. Если совет старейшин предписывает исход независимо от согласия сторон, перед нами уже не посредничество.

Кения интересна не как «чистая» традиционная система, а как пример того, как обычный компонент получает нормативное признание. Статья 159(2)(c) Конституции Кении 2010 г. устанавливает, что альтернативные формы разрешения споров, «включая примирение, медиацию, арбитраж и традиционные механизмы разрешения споров, поощряются с учётом пункта 3». Статья 159(3) предписывает, что традиционные механизмы «не должны применяться таким образом, который противоречит Биллю о правах», противоречит справедливости и нравственности либо «несовместим с настоящей Конституцией или любым писаным законом». Из конституционного признания не следует, что любое решение общины становится исполнимым медиативным соглашением. Для такой квалификации требуется ещё установить, что процедура носила согласительный характер, а результат облечён в надлежащую юридическую форму.

Ф. Кариуки полагает, что регулирование традиционного правосудия должно иметь форму «рамочного закона, определяющего принципы, которым должны соответствовать такие процессы, например справедливость, недискриминацию и соблюдение стандартов прав человека» [Kariuki, 2017, с. 172], а сами эти процессы должны быть «полностью добровольными, консенсуальными, а их решения – необязательными» [Kariuki, 2017, с. 173]. К. Муигуа, выступая за включение традиционных способов урегулирования в современную правовую практику Кении, предупреждает об опасности иного рода: такая интеграция «может привести к утрате некоторых свойств механизмов АРС, таких как добровольность,

конфиденциальность и автономия сторон» [Muigua, 2022, с. 12]. Признавая обычай, правопорядок должен снабдить его гарантиями и вместе с тем не лишить согласительной функции.

Тезис об отсутствии в африканских государствах специального регулирования опровергается Единообразным актом ОХАДА о медиации от 23 ноября 2017 г. Согласно статье 7, «стороны свободны в согласовании порядка проведения медиации», а «медиатор не навязывает сторонам решение спора». Статья 8 обязывает медиатора обеспечить, чтобы «предполагаемое решение подлинно отражало волю сторон при соблюдении норм публичного порядка». В статье 16 разведены обязательность письменного соглашения, нотариальный способ придания ему исполнительной силы и судебное утверждение либо exequatur; судья «не может изменять условия соглашения», однако в утверждении или исполнении «может быть отказано, если соглашение о медиации противоречит публичному порядку». Акт ОХАДА не выражает какую-либо одну традиционную правовую семью, но демонстрирует взаимодействие унифицированного писаного права с весьма различными национальными условиями.

Смешанные правовые системы: согласование нормативных оснований

Смешанный характер права ЮАР обусловлен взаимодействием римско-голландского, английского и обычного права в рамках конституционного правопорядка [Muigua, 2022, с. 12]. М. де Йонг, сопоставляя зарубежные подходы, приходит к выводу, что Южной Африке необходимо обширное законодательство о медиации, чтобы «придать медиации заслуженное ею формальное признание, одновременно максимально увеличивая её преимущества, сводя к минимуму её потенциальный вред и защищая медиатора, стороны и третьих лиц» [De Jong, 2019, с. 279]. Расширение нормативного регулирования может, таким образом, служить защите автономии, а не только её ограничению.

Директива о медиации отделения Высокого суда Гаутенга от 22 апреля 2025 г., переизданная с изменениями от 27 октября 2025 г., устанавливает, что ни по одному делу «не назначается дата судебного разбирательства, если запрос не сопровождается отчётом о медиации» (п. 13). Для споров, которые по своей природе не могут быть урегулированы медиацией, предусмотрено исключение, оформляемое в особом порядке (пп. 9, 13; п. 7.1A Протокола). При этом п. 6.5.1 Протокола закрепляет: «медиатор контролирует процесс медиации, а стороны определяют её результат». Согласно п. 6.6.5, подписанные соглашения «имеют полную обязательную силу и подлежат исполнению». Сфера действия этих правил ограничена одним судебным подразделением и одним видом производства; об обязательности медиации во всей стране они не свидетельствуют.

Ещё один вариант сочетания нормативных оснований даёт Сингапур. А. Джамал описывает, как государственные и исламские институты взаимодействуют при проведении религиозных альтернативных процедур [Jamal, 2015, с. 12–20]. Механизм, установленный светским Mediation Act 2017, требует, однако, самостоятельного анализа: согласно статье 12(1), любая сторона медиативного соглашения по спору, не переданному в суд, может «с согласия всех других сторон этого соглашения обратиться в суд с заявлением о внесении соглашения в качестве судебного приказа». Суд вправе отказать, если соглашение «ничтожно или оспоримо» по основаниям недействительности договора, «предмет соглашения не допускает урегулирования», условия о ребёнке не отвечают его «наилучшим интересам» либо внесение соглашения «противоречит публичному порядку» (ст. 12(4)). Поскольку сфера действия закона

очерчена статьёй 6, этот порядок не распространяется сам собой на любую религиозную или судебную примирительную процедуру.

Общие элементы и пределы автономии

Во всех рассмотренных режимах решение о содержании будущего взаимодействия принадлежит сторонам. Чтобы это решение получило юридическую силу, нужен ряд взаимосвязанных условий. Участник должен быть способен распорядиться соответствующими правами и понимать как саму процедуру, так и последствия соглашения. У него должна оставаться возможность отвергнуть предложенный вариант, а посредник не вправе заменить его согласие своим. Наконец, содержание договорённости не может выходить за обязательные ограничения. Если соглашение не достигнуто, процедура от этого не теряет правового значения: отказ договориться бывает вполне правомерным осуществлением автономии.

Пределы автономии также неоднородны. Компетенционные определяются кругом прав, которыми участник может распоряжаться. Содержательные не допускают условий, противоречащих императивным нормам, публичному порядку или охраняемым интересам третьих лиц. Процедурные призваны обеспечить осознанность согласия и допустимый способ его получения, а реализационные касаются формы соглашения, его признания и исполнения. Функции этих пределов различны, и признание договорённости обязательной ещё не наделяет её непосредственной исполнительной силой.

В. Гамаюнова ставит задачу определить, «когда согласие не должно легитимировать результаты», используя «достоинство, телесную неприкосновенность, равенство и доступ к правосудию» в качестве исходных ориентиров и сочетая «минимальные гарантии с судебной проверкой до утверждения» [Hamaïunova, 2026, с. 767]. Автор предлагает заранее отбирать споры, пригодные для медиации, и проверять справедливость соглашения в суде до его утверждения или исполнения [Hamaïunova, 2026, с. 778–781]. При таком подходе внешний контроль ограничивается проверкой допустимости результата, а сам компромисс по-прежнему определяют стороны.

Заключение

Проведённое сравнение показывает, что в разных правовых традициях механизм медиативного правового саморегулирования выполняет одну и ту же функцию: при содействии посредника стороны вырабатывают индивидуальную модель юридически значимого поведения. Различаются источники и способы признания этой модели, организация процедуры, круг вопросов, допустимых для соглашения, и внешние гарантии. Принадлежность к правовой семье задаёт контекст, но не предопределяет единственно возможный режим медиации.

Если разграничивать автономию при обращении к процедуре, при выработке условий соглашения и при придании ему юридической силы, становится видно, что обязательное участие ещё не означает навязанного результата, а неформальная процедура – добровольного согласия. Принадлежность сторонам содержательного решения – условие необходимое, однако без осознанного и защищённого волеизъявления оно недостаточно.

Оценивая обычные и религиозные практики, важно отличать согласие от подчинения авторитету, а социальную действенность договорённости – от её обязательности и тем более принудительной исполнимости. Пределы автономии одновременно ограничивают саморегулирование и сохраняют его правовой характер.

Библиография

1. Acharya N. Exploring the Role of Mandatory Mediation in Civil Justice // Alberta Law Review. 2023. Vol. 60, No. 3. P. 719–738. URL: https://digitalcommons.schulichlaw.dal.ca/cgi/viewcontent.cgi?article=1936&context=scholarly_works.
2. Alexander N. What's Law Got To Do With It? Mapping Modern Mediation Movements in Civil and Common Law Jurisdictions // Bond Law Review. 2001. Vol. 13, No. 2. Article 5. URL: https://blr.scholasticahq.com/article/5379.pdf.
3. Alexander N. What's Law Got To Do With It? How the World is Regulating Mediation. Conference paper, 16–18 June 2008. URL: https://www.asiapacificmediationforum.org/resources/2008/30-Nadja_Alexander.pdf.
4. Chen M. Commercial Mediation in Mainland China: Pitfalls & Opportunities // Pepperdine Dispute Resolution Law Journal. 2023. Vol. 23, No. 2. P. 167–201. URL: https://digitalcommons.pepperdine.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1532&context=drlj.
5. De Jong M. Mediation Legislation Around the World: A Variety of Options for South Africa // Comparative and International Law Journal of Southern Africa. 2019. Vol. 52, No. 3. P. 279–318. URL: https://unisapressjournals.co.za/index.php/CILSA/article/view/5257.
6. Hamaïunova V. The genie of autonomy: steering mandatory mediation within human-rights limits // The International Journal of Human Rights. 2026. Vol. 30, No. 4. P. 767–786. DOI: 10.1080/13642987.2025.2569345.
7. Jamal A. A. ADR and Islamic law: the cases of the UK and Singapore. NUS Law Working Paper 2015/004. 2015. URL: https://law.nus.edu.sg/wp-content/uploads/2020/04/004_2015_Arif-Jamal.pdf.
8. Kariuki F. African Traditional Justice Systems // Journal of CMSD. 2017. Vol. 1, No. 1. P. 156–175. URL: http://journalofcmsd.net/wp-content/uploads/2017/09/FINAL-Francis-Kariuki-African-Customary-Law-and-African-Justice-Systems-Autosaved-Copy-1.pdf.
9. Li Y., Kocken J., van Rooij B. Understanding China's Court Mediation Surge: Insights from a Local Court // Law & Social Inquiry. 2018. Vol. 43, No. 1. P. 58–81. DOI: 10.1111/lsi.12234.
10. Muigua K. Fusion of Mediation and Other ADR Mechanisms with Modern Dispute Resolution in Kenya: Prospects and Challenges. Conference paper. Nairobi, 28 October 2022. URL: https://kmco.co.ke/wp-content/uploads/2022/11/Fusion-of-Mediation-and-Other-ADR-Mechanisms-with-Modern-Dispute-Resolution-in-Kenya-Prospects-and-Challenges.pdf.
11. Nel A. C. Public Lecture on Indigenous Languages and the South African Justice System. University of Mpumalanga, Mbombela, 28 July 2026. URL: https://www.justice.gov.za/m_speeches/2026/20260728-Public%20Lecture_University-of-MP-DMin.html.
12. Nolan-Haley J. M. Informed Consent in Mediation: A Guiding Principle for Truly Educated Decisionmaking // Notre Dame Law Review. 1999. Vol. 74, No. 3. P. 775–840. URL: https://scholarship.law.nd.edu/ndlr/vol74/iss3/3/.
13. Othman A. "And Amicable Settlement Is Best": Sulh and Dispute Resolution in Islamic Law // Arab Law Quarterly. 2007. Vol. 21, No. 1. P. 64–90. DOI: 10.1163/026805507X197857.
14. Shittu-Adenuga Z. O., Abiola A. S., Mustapha S. S. The Critique of Alternative Dispute Resolution under Islamic Law and Its Relevance in the Contemporary Nigeria // Jurnal Syariah. 2023. Vol. 31, No. 2. P. 257–282. DOI: 10.22452/syariah.vol31no2.4.
15. Welsh N. A. Disputants' Decision Control in Court-Connected Mediation: A Hollow Promise Without Procedural Justice // Journal of Dispute Resolution. 2002. No. 1. P. 179–192. URL: https://scholarship.law.missouri.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1411&context=jdr.

The Mechanism of Mediative Legal Self-Regulation in Various Legal Families: Normative Foundations and Limits of Party Autonomy

Tat'yana S. Sayapina

Senior Lecturer,
Department of Constitutional and Civil Law,
State University of Education,
105005, 10a/2, Radio str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: tatiana-communicate@yandex.ru

Abstract

The article compares the arrangement of mediative legal self-regulation in the Romano-Germanic, Anglo-Saxon, religious, socialist, traditional, and mixed legal systems. The aim of the study is to determine what in the autonomy of the parties remains common to different legal orders and what limitations are conditioned by the specific features of each of them. The work relies on the formal-legal, comparative-legal, and structural-functional methods; its material consists of foreign laws, judicial decisions, and scholarly publications on mediation, conciliation, and legal pluralism. The legal family is used only as a comparative reference point, whereas the specific regime of consensual interaction is analyzed. The autonomy of the parties is examined in three aspects: entry into the procedure, elaboration of the terms of the agreement, and its legal recognition. It is established that neither a detailed law, nor the referral of a case by a court, nor the recognition of customary or religious norms yet indicates how independent the participants are. The social acceptability of an arrangement, its binding force, and the possibility of enforcement require separate assessment. Self-regulation is preserved where the parties remain the authors of the decision, and their will is formed consciously and protected by external control of lawfulness.

For citation

Sayapina T.S. (2026) Mekhanizm mediativnogo pravovogo samoregulirovaniya v razlichnykh pravovykh sem'yakh: normativnye osnovy i predely avtonomii storon [The Mechanism of Mediative Legal Self-Regulation in Various Legal Families: Normative Foundations and Limits of Party Autonomy]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (9A), pp. 9-19. DOI: 10.34670/AR.2026.52.60.002

Keywords

Mediation, legal self-regulation, legal families, party autonomy, mediation agreement, legal pluralism, conciliation, judicial management, religious norms, customary law.

References

1. Acharya, N. (2023). Exploring the role of mandatory mediation in civil justice. *Alberta Law Review*, 60(3), 719–738. https://digitalcommons.schulichlaw.dal.ca/cgi/viewcontent.cgi?article=1936&context=scholarly_works
2. Alexander, N. (2001). What's law got to do with it? Mapping modern mediation movements in civil and common law jurisdictions. *Bond Law Review*, 13(2), Article 5. https://blr.scholasticahq.com/article/5379.pdf
3. Alexander, N. (2008, June 16–18). *What's law got to do with it? How the world is regulating mediation* [Conference paper]. https://www.asiapacificmediationforum.org/resources/2008/30-Nadja_Alexander.pdf
4. Chen, M. (2023). Commercial mediation in mainland China: Pitfalls & opportunities. *Pepperdine Dispute Resolution Law Journal*, 23(2), 167–201. https://digitalcommons.pepperdine.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1532&context=drlj
5. De Jong, M. (2019). Mediation legislation around the world: A variety of options for South Africa. *Comparative and International Law Journal of Southern Africa*, 52(3), 279–318. https://unisapressjournals.co.za/index.php/ CILSA/ article/view/5257
6. Hamaïunova, V. (2026) The genie of autonomy: Steering mandatory mediation within human-rights limits. *The International Journal of Human Rights*, 30(4), 767–786. https://doi.org/10.1080/13642987.2025.2569345
7. Jamal, A. A. (2015). *ADR and Islamic law: The cases of the UK and Singapore* (NUS Law Working Paper 2015/004). https://law.nus.edu.sg/wp-content/uploads/2020/04/004_2015_Arif-Jamal.pdf
8. Kariuki, F. (2017). African traditional justice systems. *Journal of CMSD*, 1(1), 156–175. http://journalofcmsd.net/wp-content/uploads/2017/09/FINAL-Francis-Kariuki-African-Customary-Law-and-African-Justice-Systems-Autosaved-Copy-1.pdf
9. Li, Y., Kocken, J., & van Rooij, B. (2018). Understanding China's court mediation surge: Insights from a local court. *Law & Social Inquiry*, 43(1), 58–81. https://doi.org/10.1111/lsi.12234
10. Muigua, K. (2022, October 28). *Fusion of mediation and other ADR mechanisms with modern dispute resolution in Kenya: Prospects and challenges* [Conference paper]. https://kmco.co.ke/wp-content/uploads/2022/11/Fusion-of-

Mediation-and-Other-ADR-Mechanisms-with-Modern-Dispute-Resolution-in-Kenya-Prospects-and-Challenges.pdf
11. Nel, A. C. (2026, July 28). *Public lecture on indigenous languages and the South African justice system* [Public lecture]. University of Mpumalanga, Mbombela. https://www.justice.gov.za/m_speeches/2026/20260728-Public%20Lecture_University-of-MP-DMin.html
12. Nolan-Haley, J. M. (1999). Informed consent in mediation: A guiding principle for truly educated decisionmaking. *Notre Dame Law Review*, 74(3), 775–840. https://scholarship.law.nd.edu/ndlr/vol74/iss3/3/
13. Othman, A. (2007). "And amicable settlement is best": Sulh and dispute resolution in Islamic law. *Arab Law Quarterly*, 21(1), 64–90. https://doi.org/10.1163/026805507X197857
14. Shittu-Adenuga, Z. O., Abiola, A. S., & Mustapha, S. S. (2023). The critique of alternative dispute resolution under Islamic law and its relevance in the contemporary Nigeria. *Jurnal Syariah*, 31(2), 257–282. https://doi.org/10.22452/syariah.vol31no2.4
15. Welsh, N. A. (2002). Disputants' decision control in court-connected mediation: A hollow promise without procedural justice. *Journal of Dispute Resolution*, (1), 179–192. https://scholarship.law.missouri.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1411&context=jdr

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 340.15:94(47).05 **DOI: 10.34670/AR.2026.93.54.003**

Государственные реформы Петра I как фактор трансформации правовой системы России

Дубинка Евгений Валерьевич

Ассистент,
Азовский государственный
педагогический университет им. П.Д. Осипенко,
346780, Российская Федерация, Азов, ул. Ленина, 66;
e-mail: eugeniivalerievitch@yandex.ru

Копча Богдан Михайлович

Бакалавр,
Азовский государственный
педагогический университет им. П.Д. Осипенко,
346780, Российская Федерация, Азов, ул. Ленина, 66;
e-mail: tama_drums@list.ru

Аннотация

В статье рассматривается комплекс государственных реформ Петра I (1696–1725) как системный фактор трансформации правовой системы России. Цель исследования — выявить институциональные и доктринальные сдвиги, произошедшие в российском праве под воздействием петровских преобразований, и оценить их значение для последующего развития юриспруденции. Методологическую основу составляют историко-генетический, сравнительно-правовой и формально-юридический методы, а также принцип междисциплинарности, позволяющий соединить исторический анализ с юридической догматикой. Установлено, что реформы привели к утверждению приоритета закона как источника права, формированию отраслевого деления законодательства, институционализации бюрократии и надзора, унификации процессуального и сословного статуса субъектов. Показано, что трансформация носила двойственный характер: рационализация и секуляризация права сопровождались усилением этатизма и дисциплинарного (полицейского) начала. Сделан вывод о ключевом значении петровского периода для становления категориального аппарата, источниковедческой базы и проблематики отечественной юриспруденции, включая соотношение государства и личности, кодификацию и отраслевую дифференциацию права.

Для цитирования в научных исследованиях

Дубинка Е.В., Копча Б.М. Государственные реформы Петра I как фактор трансформации правовой системы России // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 9А. С. 20-27. DOI: 10.34670/AR.2026.93.54.003

Ключевые слова

Реформы Петра I, правовая система, абсолютизм, приоритет закона, регламент, кодификация, рецепция права, бюрократия, судопроизводство, история государства и права.

Введение

Проблема соотношения государственных преобразований и эволюции правовой системы принадлежит к числу фундаментальных для историко-правовой науки. Реформы Петра I занимают в этом отношении особое место: они не просто изменили отдельные институты, а заложили основы того типа правопонимания и правового регулирования, который определил развитие России на два последующих столетия. Для юриспруденции актуальность темы определяется тем, что именно в петровскую эпоху формируются ключевые для юридической науки категории — «закон» как основная форма права, «регламент» как акт отраслевого регулирования, «государственная служба» как правовой институт, — а также проблематика соотношения формального и материального права, публичного и частного начал.

В историографии сложились две основные линии оценки: апологетическая, подчёркивающая прогрессивный характер модернизации (С. М. Соловьёв, Н. И. Павленко), и критическая, акцентирующая насильственный и «дисциплинарный» характер преобразований (Н. М. Карамзин, М. О. Акишин). Юридическая наука, в свою очередь, долгое время рассматривала петровские реформы преимущественно в контексте истории учреждений, тогда как догматический анализ нормативного материала оставался на периферии. Настоящая работа восполняет этот пробел, соединяя историко-генетический анализ с юридико-техническим разбором ключевых актов.

Цель исследования — определить значение государственных реформ Петра I для трансформации правовой системы России и для последующего развития отечественной юриспруденции.

Для достижения цели решаются следующие **задачи**: выявить предпосылки и логику правовых преобразований; проанализировать изменения в системе источников и формах права; охарактеризовать институциональные преобразования (бюрократия, надзор, суд); оценить значение реформ для юриспруденции и последующего правового развития.

К концу XVII в. правовая система Московского государства характеризовалась господством обычно-правовых начал, слабой систематизацией и разрозненностью источников. Соборное уложение 1649 г. (ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. I. № 1), оставаясь основным кодифицированным актом, к началу XVIII в. во многом устарело: его нормы не охватывали новые сферы (военное дело, морское право, промышленность), а последующее законодательство накапливалось в виде отдельных указов, нередко противоречащих друг другу. Такая правовая неопределённость создавала значительные трудности как для правоприменения, так и для осуществления государственной власти, требовавшей единых и предсказуемых правил.

Основная часть

Логика петровских преобразований в правовой сфере определялась задачами военно-административной модернизации. Реформа армии и создание флота, промышленное

строительство, изменение налоговой системы требовали соответствующего нормативного обеспечения: уставов, регламентов, инструкций. Тем самым правотворчество из функции, осуществляемой «по случаю», превращалось в постоянную и целенаправленную деятельность государства. В юридическом измерении это означало сдвиг от преимущественно казуального регулирования к нормативному, от обычая и судебной практики — к закону как основной форме права.

Существенным фактором стала и рецепция западноевропейского (прежде всего шведского) законодательства. Приглашение иностранных специалистов, изучение зарубежного опыта, прямые заимствования при составлении регламентов определяли содержание реформ. Однако, как отмечает Х. Багер, рецепция носила избирательный характер: заимствовались институты и процедуры, но не правовые гарантии, что предопределило специфику российского абсолютизма [Багер, 2021]. Этот момент принципиально важен для юридической оценки: формальная рациональность права развивалась без его содержательной рациональности (в веберовском смысле), то есть без гарантий прав личности и независимости суда.

Таким образом, правовая трансформация петровской эпохи определялась сочетанием внутренних потребностей государственной модернизации и внешних рецепционных импульсов. В результате сложилась модель, которую в современной историко-правовой литературе принято обозначать как «регулярное государство» — государство, целиком подчинённое нормативному регулированию, но при этом не ограниченное правом в отношении собственной власти [Константинов, 2025].

Центральное для юриспруденции значение петровских реформ состоит в утверждении закона в качестве основной и высшей формы права. Этому способствовали как практика правотворчества (интенсивное издание указов, уставов, регламентов), так и идеология: в ряде актов прямо подчёркивается, что «законы должны быть известны и исполняемы» всеми подданными. Указ о форме суда 1723 г. (ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. VII. № 4344) и «Краткое изображение процессов или судебных тяжб» (1716) закрепили нормативные требования к судопроизводству, заменив прежние обычно-правовые начала формализованными правилами.

С юридической точки зрения произошёл сдвиг в структуре источников права: если ранее обычай и судебная практика играли определяющую роль, то теперь верховенство получает царский указ, а обычай сохраняется лишь в субсидиарном порядке. Это имело фундаментальное значение: закон становится не только инструментом управления, но и основой для систематизации и толкования права — то есть для собственно юридической деятельности. Можно утверждать, что именно в петровскую эпоху складываются условия для формирования профессионального правоведения, поскольку основным объектом работы юриста становится письменный нормативный акт.

Принципиальным нововведением стало появление уставов и регламентов как особых форм кодификации. Воинский устав 1716 г. (ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. V. № 3006) объединил нормы военного, уголовного и процессуального права; Генеральный регламент 1720 г. (Т. VI. № 3534) регламентировал деятельность коллегий, вводя единые процедуры делопроизводства и принятия решений; Духовный регламент 1721 г. (Т. VI. № 3718) определил правовой статус церкви как государственного учреждения; Морской устав 1720 г. и Регламент Главного магистрата были ориентированы на соответствующие сферы.

Юридическое значение этих актов выходит за пределы их содержания. Они впервые в русской правовой истории строились по отраслевому принципу, что закладывало предпосылки дифференциации права на отрасли — административное, военное, процессуальное, церковное.

Тем самым создавалась основа для отраслевого деления, ставшего впоследствии классическим для континентальной правовой традиции и для русской юриспруденции XIX в. Не случайно именно из петровских уставов ведут происхождение многие институты, сохранившиеся (в изменённом виде) до кодификаций XIX столетия.

Интенсивность правотворчества обернулась накоплением значительного массива нормативных актов, требовавших упорядочения. Предпринимались попытки создания нового Уложения (работа кодификационных комиссий 1700, 1714, 1720-х гг.), однако они не увенчались успехом. В юридическом смысле это означало, что приоритет закона утвердился без его систематизации, породив известное противоречие: закон как высшая форма права сосуществовал с устаревшим Уложением 1649 г. и массой несистематизированных указов.

Незавершённость систематизации не следует, однако, рассматривать как провал. Для юриспруденции она имела двойственное значение: с одной стороны, создавала правовую неопределённость и препятствовала единообразию правоприменения; с другой — поставила задачу, над решением которой работали последующие поколения юристов, вплоть до создания Свода законов Российской империи при Николае I. Таким образом, петровская эпоха сформировала не только новый нормативный материал, но и саму проблематику кодификации — одну из центральных для отечественной юридической науки на протяжении полутора столетий.

Создание Сената (1711), коллегий (1718–1721) и губернских учреждений означало институциональную революцию государственного аппарата. Для юриспруденции особое значение имеет Табель о рангах 1722 г. (Указ от 24 января 1722 г., ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. VI. № 3890), которая установила единую иерархию должностей и ввела принцип выслуги, заменив прежний принцип знатности. С правовой точки зрения это означало формализацию государственной службы как особого правового института: статус чиновника, порядок его продвижения, объём полномочий и ответственности получили нормативную регламентацию.

Одновременно был создан институт прокурорского надзора (1722), выполнявший функцию контроля законности. В условиях абсолютной монархии надзор не мог быть независимым и действовал как инструмент монаршей воли, однако сам факт институционализации контроля за соблюдением законов имел важное значение. С этой точки зрения петровская реформа заложила основы юридической техники государственного управления и представления о законности как о внутреннем требовании к аппарату.

Судебная реформа сочетала заимствования (в 1719 г. учреждаются надворные и нижние суды по шведской модели) с последующим отказом от них (в 1722 г. судебные функции возвращаются воеводам). Однако в сфере процессуального права изменения носили устойчивый характер. «Краткое изображение процессов или судебных тяжб» и Указ о форме суда 1723 г. вводят единые правила судопроизводства: письменность, формализованную систему доказательств, ревизионное начало, инстанционный порядок обжалования, состязательность в форме суда и следственность в процессуальных формах розыска.

Юридическое значение этих преобразований заключается в переходе от обычно-правового процесса к формализованному, основанному на законе. Впервые в русской истории судопроизводство получает достаточно детальную нормативную регламентацию, что создаёт предпосылки для судебной деятельности как профессиональной функции, требующей знания права. Это — прямой шаг к формированию юридической профессии в её современном понимании, хотя в условиях XVIII в. судебные функции ещё не были отделены от административных.

Указ о единонаследии 1714 г. (ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. V. № 2789) унифицировал правовой режим вотчины и поместья, введя понятие «недвижимого имения», и закрепил институт майората. Введение подушной подати (1718–1724) и паспортной системы оформило новый статус податных сословий, ограничив свободу передвижения. Городская реформа 1721 г. выделила городское сословие как субъекта права с элементами самоуправления.

В юридическом измерении эти реформы означали формализацию сословного деления и повышение определённости статусов, но одновременно — усиление зависимости личности от государства. Права подданных оставались производными от государственной воли, а не признанными за личностью априори. Этот принцип, закреплённый в петровскую эпоху, стал одним из ключевых предметов последующей юридической рефлексии: именно вокруг соотношения государства и личности разворачивалась русская правовая мысль XIX — начала XX в., от либеральных концепций до теорий правового государства.

Оценка значения петровских преобразований для юриспруденции требует разграничения нескольких аспектов. На **доктринальном уровне** реформы утвердили рационалистическое правопонимание: право мыслится как установленное государственной властью и зафиксированное в письменном акте, что соответствует естественно-правовым и легистским концепциям, господствовавшим в Европе XVII–XVIII вв. Этим создавалась интеллектуальная предпосылка для формирования в России юридической науки как самостоятельной дисциплины, обслуживающей потребности государства в законотворчестве и толковании.

На **институциональном уровне** реформы сформировали предпосылки профессионализации юридической деятельности: появилась потребность в лицах, знающих нормативный материал и способных его применять; возникли учреждения, деятельность которых строилась на формальных процедурах; сложилась практика работы с текстом закона. Это заложило основу для последующего выделения юриспруденции в особую сферу деятельности, что в конечном итоге реализовалось в создании университетского юридического образования в XVIII–XIX вв.

На **категориальном уровне** петровское законодательство ввело ряд базовых понятий, ставших затем элементами юридического языка: «закон», «устав», «регламент», «должность», «ранг», «имение», «подушная подать». Многие из этих категорий сохранились в правовой терминологии и после петровской эпохи, что свидетельствует о том, что реформы создали не только институты, но и язык их описания.

Наконец, на **проблемном уровне** реформы поставили перед юриспруденцией задачи, определившие её развитие на столетия: соотношение государства и личности; приоритет закона и формы его систематизации; отраслевое деление права; независимость суда; законность управления. В этом смысле петровская правовая трансформация не завершилась в 1725 г., а задала долгосрочную траекторию, на которой разворачивались последующие этапы развития русского права — от кодификационных попыток XVIII в. до великих реформ 1860-х гг. и до современной правовой системы.

Вместе с тем значение реформ нельзя оценивать однозначно положительно. Двойственность петровской модели — рационализация без правовых гарантий, формализация без защиты прав — стала источником воспроизводящегося противоречия между заимствованными институтами и реальным правовым статусом личности. Как справедливо отмечает М. О. Акишин, петровское «регулярное государство» было дисциплинарным, а не правовым: его нормы регулировали поведение, но не защищали права [Акишин, 2023]. Это наблюдение принципиально для юридической науки, поскольку указывает на то, что формально-правовая модернизация без

содержательных гарантий недостаточна.

Государственные реформы Петра I явились системным фактором трансформации правовой системы России: они изменили не отдельные институты, а структуру правового регулирования в целом — включая тип правопонимания, соотношение источников, формы и отраслевое деление права.

Центральное юридическое достижение петровской эпохи — утверждение приоритета закона как основной и высшей формы права, сопряжённое с появлением уставов и регламентов как форм отраслевой кодификации. Это создало предпосылки для систематизации законодательства и для отраслевой дифференциации права.

Институциональные преобразования (бюрократия, надзор, судебная реформа) способствовали формализации государственного управления и процессуального права, а также — в перспективе — профессионализации юридической деятельности.

Трансформация носила двойственный характер: рационализация и секуляризация права сопровождались усилением этатизма и дисциплинарного начала, что предопределило противоречивость последующего развития.

Заключение

Для юриспруденции значение петровских реформ состоит в формировании категориального аппарата, институциональных предпосылок профессиональной юридической деятельности и — главное — самой проблематики, определившей развитие правовой науки: соотношение государства и личности, приоритет закона, кодификация, независимость суда, законность управления.

Перспективы дальнейших исследований связаны с компаративным изучением петровской рецепции в контексте европейских абсолютистских модернизаций, а также с анализом правоприменительной практики петровских учреждений по архивным материалам, что позволит уточнить реальный эффект преобразований, а не только их нормативно заявленное содержание.

Библиография

1. Айриян Э.С. О влиянии реформ Петра I на государственное управление и право // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 80-летию Победы в Великой Отечественной Войне): Материалы XXII международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Санкт-Петербург, 24–25 апреля 2025 года. Часть 2. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2025. С. 1350–1353. EDN EZHUGX.
2. Акишин М.О. Позиция В. де Геннина по вопросу о приватизации казенной металлургии // Quaestio Rossica. 2023. Т. 11, № 3. С. 776–789. DOI 10.15826/qr.2023.3.817.
3. Дорошенко О.М., Жуланов А.В., Базулина А.А. Реформы Петра I в области государства и права // Вестник экономической безопасности. 2021. № 2. С. 25–29. DOI 10.24412/2414-3995-2021-2-25-29. EDN UEONUR.
4. Дудник С.И., Осипов И.Д. Философия модернизации в эпоху Петра Великого // Конфликтология. 2019. Т. 14, № 3. С. 157–165. EDN TQWGFQ.
5. Зайцева Ю.В. Государственное строительство в России начала XVIII в.: правовые основы и детерминация // Российское право онлайн. 2023. № 1. С. 59–62. DOI 10.17803/2542-2472.2023.25.1.059-062. EDN FASFTT.
6. Константинов Н.С. Реформы Петра I и их влияние на государственное устройство и право // Современная Российская наука: Сборник статей Всероссийского научно-исследовательского конкурса, Пенза, 15 апреля 2025 года. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2025. С. 37–39. EDN CPLBLC.
7. Филин С.А. Противоречивость реформ законодательства владения крепостными при Петре I // Петр Великий и его эпоха: от Московского царства до российской империи: Сборник научных статей. Ярославль: Шукаева и семья, 2023. С. 197–207. EDN FYMSTW.

State Reforms of Peter I as a Factor in the Transformation of Russia's Legal System

Evgenii V. Dubinka

Assistant,
Osipenko Azov State Pedagogical University,
346780, 66, Lenina str., Azov, Russian Federation;
e-mail: eugeniivalerievitch@yandex.ru

Bogdan M. Kopcha

Bachelor,
Osipenko Azov State Pedagogical University,
346780, 66, Lenina str., Azov, Russian Federation;
e-mail: tama_drums@list.ru

Abstract

The article examines the complex of state reforms of Peter I (1696–1725) as a systemic factor in the transformation of Russia's legal system. The aim of the study is to identify the institutional and doctrinal shifts that occurred in Russian law under the influence of Peter's transformations and to assess their significance for the subsequent development of jurisprudence. The methodological basis is formed by the historical-genetic, comparative-legal, and formal-legal methods, as well as the principle of interdisciplinarity, which allows historical analysis to be combined with legal dogmatics. It is established that the reforms led to the affirmation of the priority of law as a source of law, the formation of a branch-based division of legislation, the institutionalization of bureaucracy and supervision, and the unification of the procedural and estate status of subjects. It is shown that the transformation was dual in nature: the rationalization and secularization of law were accompanied by the strengthening of statism and the disciplinary (police) principle. A conclusion is drawn about the key significance of the Petrine period for the formation of the categorical apparatus, the source base, and the problematic of Russian jurisprudence, including the relationship between state and individual, codification, and the branch differentiation of law.

For citation

Dubinka E.V., Kopcha B.M. (2026) Gosudarstvennye reformy Petra I kak faktor transformatsii pravovoy sistemy Rossii [State Reforms of Peter I as a Factor in the Transformation of Russia's Legal System]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (9A), pp. 20-27. DOI: 10.34670/AR.2026.93.54.003

Keywords

Reforms of Peter I, legal system, absolutism, priority of law, regulation, codification, reception of law, bureaucracy, legal proceedings, history of state and law.

References

1. Airiyan, E. S. (2025). O vliyanii reform Petra I na gosudarstvennoe upravlenie i pravo [On the influence of Peter I's reforms on state administration and law]. In *Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya (k 80-letiyu Pobedy v Velikoy Otechestvennoy Voyne): Materialy XXII mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [State and law: Evolution, current state, development prospects (on the 80th anniversary of Victory in the Great Patriotic War): Proceedings of the XXII International Scientific and Practical Conference] (Part 2, pp. 1350–1353). Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
2. Akishin, M. O. (2023). Pozitsiya V. de Gennina po voprosu o privatizatsii kazennoy metallurgii [W. de Henning's position on the privatisation of state-owned metallurgy]. *Quaestio Rossica*, 11(3), 776–789. https://doi.org/10.15826/qr.2023.3.817
3. Doroshenko, O. M., Zhulanov, A. V., & Bazulina, A. A. (2021). Reformy Petra I v oblasti gosudarstva i prava [Peter I's reforms in the field of state and law]. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti* [Bulletin of Economic Security], (2), 25–29. https://doi.org/10.24412/2414-3995-2021-2-25-29
4. Dudnik, S. I., & Osipov, I. D. (2019). Filosofiya modernizatsii v epokhu Petra Velikogo [Philosophy of modernization in the era of Peter the Great]. *Konfliktologiya* [Conflictology], 14(3), 157–165.
5. Filin, S. A. (2023). Protivorechivost reform zakonodatelstva vladeniya krepostnymi pri Petre I [Inconsistency of legislative reforms of serf ownership under Peter I]. In *Petr Velikiy i ego epokha: ot Moskovskogo tsarstva do rossiyskoy imperii: Sbornik nauchnykh statey* [Peter the Great and his era: From the Muscovite Tsardom to the Russian Empire: Collection of scientific articles] (pp. 197–207). Shukaeva i semya.
6. Konstantinov, N. S. (2025). Reformy Petra I i ikh vliyanie na gosudarstvennoe ustroystvo i pravo [Peter I's reforms and their influence on the state structure and law]. In *Sovremennaya Rossiyskaya nauka: Sbornik statey Vserossiyskogo nauchno-issledovatelskogo konkursa* [Modern Russian Science: Collection of articles of the All-Russian Research Competition] (pp. 37–39). Nauka i Prosveshchenie.
7. Zaytseva, Yu. V. (2023). Gosudarstvennoe stroitelstvo v Rossii nachala XVIII v.: pravovye osnovy i determinatsiya [State construction in Russia at the beginning of the 18th century: Legal foundations and determination]. *Rossiyskoe pravo onlayn* [Russian Law Online], (1), 59–62. https://doi.org/10.17803/2542-2472.2023.25.1.059-062

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 336.22 **DOI: 10.34670/AR.2026.23.12.004**

Налоговая система Советского государства в период НЭПа: формирование, функции и трансформация

Коновалов Александр Владимирович

Аспирант,
кафедра истории и экономической теории,
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского;
644077, Российская Федерация, Омск, просп. Мира, 55а;
e-mail: mrmeow1213@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена исследованию формирования и трансформации налоговой системы Советского государства в период новой экономической политики (НЭП) 1921–1929 годов. Цель исследования состоит в выявлении функционального назначения основных налоговых инструментов НЭПа и определении их роли в сочетании фискальных, экономических и социально-политических задач государства. На основе анализа нормативных актов, научной литературы и историко-экономических исследований рассматриваются переход от продразвёрстки к продовольственному налогу, становление единого сельскохозяйственного налога, развитие промыслового и подоходно-поимущественного налогообложения, а также значение акцизов и местных сборов. Обосновывается положение о том, что налоговая система НЭПа не была исключительно инструментом пополнения бюджета: на раннем этапе она выполняла стимулирующую и адаптационную функцию, а во второй половине 1920-х годов всё более заметно использовалась для административного и социально-политического воздействия. Научная новизна работы заключается в рассмотрении налоговой системы НЭПа как динамического механизма, изменявшегося вслед за трансформацией самой модели государственного управления экономикой.

Для цитирования в научных исследованиях

Коновалов А.В. Налоговая система Советского государства в период НЭПа: формирование, функции и трансформация // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 9А. С. 28-35. DOI: 10.34670/AR.2026.23.12.004

Ключевые слова

Новая экономическая политика, НЭП, налоговая система, налоговая политика, продналог, единый сельскохозяйственный налог, промысловый налог, прямое налогообложение, акцизы, государственные доходы, Советское государство, государственная политика.

Введение

Переход Советского государства к новой экономической политике в 1921 году. представлял собой не только изменение методов хозяйственного управления, но и глубокую перестройку системы государственных доходов. Отказ от продразвёрстки и допущение ограниченных рыночных отношений потребовали создания такого механизма мобилизации ресурсов, который позволял бы государству сохранять финансовый контроль, не разрушая при этом экономические стимулы производителя. Именно в этом контексте налог приобрёл значение одного из центральных инструментов экономической политики.

В отечественной историографии налоговая политика НЭПа изучалась с позиций истории финансов, экономической истории и истории государства и права. Существенное значение имеют работы П. П. Гензеля, В. П. Дьяченко, И. В. Сиботиной, И. А. Комиссаровой, а также современные исследования отдельных аспектов прямого налогообложения и налогового аппарата [Гензель, 1924; Сиботина, 2008; Дьяченко, 1978; Жуков, 2020; Комиссарова, 2000; Грачев, 2025]. Особую ценность представляют труды, позволяющие сопоставить нормативную конструкцию налогов с практикой их применения.

Цель настоящего исследования состоит в выявлении закономерностей формирования налоговой системы НЭПа и определении изменения её функций в зависимости от общей направленности государственной экономической политики. Для достижения цели решаются следующие задачи: определить предпосылки налоговой реформы 1921 года; проследить эволюцию сельскохозяйственного налогообложения; исследовать налогообложение торговли и частного предпринимательства; раскрыть роль прямых и косвенных налогов; выявить причины усиления фискального и административного давления во второй половине 1920-х годов.

Методологическую основу составили историко-правовой, институциональный и сравнительно-исторический методы. Использование институционального подхода позволяет рассматривать налог не изолированно, а как элемент взаимодействия государства, производителя и рынка. Историко-правовой метод используется для сопоставления содержания нормативных решений и фактической направленности налоговой политики.

Основная часть

К началу 1921 года хозяйственный кризис достиг уровня, при котором сохранение прежних методов мобилизации продовольствия становилось несовместимым с задачей восстановления производства. Политика военного коммунизма строилась на преимущественно административном изъятии ресурсов. В деревне центральным механизмом выступала продразвёрстка, не предполагавшая для производителя заранее определённой границы изъятия, сопоставимой с классической налоговой обязанностью.

21 марта 1921 года ВЦИК принял декрет «О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом». Данный акт стал нормативной основой перехода к продовольственному налогу [Декрет ВЦИК, 1921]. В отличие от разверстки, налог устанавливался заранее. Принципиально важно и то, что после исполнения налоговой обязанности крестьянин получал возможность распоряжаться оставшейся продукцией, в том числе реализовывать её на рынке. Тем самым государство сохраняло изъятие части продукта, но одновременно восстанавливало связь между результатом хозяйственной деятельности и экономической выгодой производителя.

Исторический смысл этой реформы не следует сводить к простому уменьшению объёма изъятий. Её значение состояло в изменении характера отношений между государством и сельскохозяйственным производителем. Налог предполагал определённость обязательства и тем самым создавал возможность хозяйственного расчёта. Именно это обстоятельство делало налоговый механизм совместимым с ограниченным восстановлением рынка.

Показательно, что современное исследование прямого налогообложения в РСФСР отмечает: в первые годы НЭПа государству пришлось фактически заново формировать налоговый аппарат и одновременно адаптировать методы определения налоговой базы к крайне слабому состоянию статистического и учётного обеспечения [Грачев, 2025]. Следовательно, переход к налогам представлял собой не только изменение ставок или объектов обложения, но и институциональную перестройку государственного управления.

Продовольственный налог был первым и основным элементом новой модели. Его первоначальная натуральная форма соответствовала объективным условиям 1921–1922 годов денежное обращение оставалось нестабильным, товарный рынок только восстанавливался, а значительная часть хозяйственных операций осуществлялась непосредственно продуктами.

В научной литературе подчёркивается, что объём продналога был существенно меньше планировавшихся ранее изъятий по продразвёрстке [Жуков, 2020; Грачев, 2025]. Это имело не только социальное, но и экономическое значение. После передачи налога государству дополнительное производство оставалось в распоряжении хозяйства. Таким образом, предельный экономический результат от увеличения производства переставал автоматически увеличивать государственные изъятия.

Однако было бы неверно рассматривать продналог исключительно как отступление от политико-экономического курса на строение коммунизма. Государство не отказывалось от перераспределительной функции налога и не ставило целью создание свободной рыночной экономики. Налог фактических стал инструментом взаимной уступки. Он обеспечивал государственные нужды, но и создавал условия для восстановление производственной активности.

Двойственность продналога определила дальнейший путь развитие налоговой системы. По мере восстановления экономики натуральная форма обложения трансформировалась в денежную. Появилась совокупность налогов, различавшихся по объекту, субъекту и экономической функции.

Важным этапом систематизации сельскохозяйственного налогообложения стало введение единого сельскохозяйственного налога в 1923 году. Необходимостью упорядочить многочисленные платежи и адаптировать налоговую систему к условиям восстановительного периода послужили основанием для введения данного налога. Однако в отличие от первоначального продналога, единый сельскохозяйственный налог должен был взыматься в денежной форме.

Важная особенность сельскохозяйственного налога заключалась в стремлении связать размер налоговой повинности с объективными экономическими показателями субъекта изъятия. Такой подход требовал оценки его имущественного и производственного потенциала. В реалиях огромной страны после гражданской войны это была сложнейшая задача. Исследование практики прямого налогообложения показывает, что налоговым органам иногда приходилось определять доходы по средним нормам и внешним признакам зажиточности [Грачев, 2025].

Одним из фундаментальных противоречий налоговой системы НЭПа стало стремление

государства создать систему, в которой будут дифференцированные налоги, но при этом у государства отсутствовали на данные цели административные. Всё это привело к различным подходам и критериям оценки на местах, которые зависели от конкретных управленцев.

Сельскохозяйственный налог имел и выраженную

социальную-политическую направленность. Государство стремилось облегчить положение бедных хозяйств и одновременно повышало налоговую нагрузку на наиболее богатые слои населения. Такое разделение на раннем этапе сочеталось с задачей стимулирования и восстановления экономики, однако к концу 1920-х годов стало ясно, что это скорее политический инструмент в рамках классовой борьбы.

Восстановление торговли естественно привело к расширению частного сектора в экономике. Его существование было продиктовано компромиссионностью НЭПа, однако государство не собиралось оставлять данный сектор без контроля, позволять саморегуляцию. Для этих задач был введён промысловый налог.

Промысловое налогообложение позволяло вести учёт хозяйствующих субъектов и получать стабильный доход в государственный бюджет. Сочетание патентного и уравнительного элементов давало возможность учитывать как характер деятельности, так и её оборот. Таким образом данный налог стал частью механизма регулирования государством частного сектора в экономике.

Исследования налоговой политики НЭПа показывают, что налогообложение частного предпринимательства постепенно усложнялось. Расширение числа объектов обложения и изменение порядка расчёта платежей свидетельствовали о постепенном усилении государственного контроля [Сиботина, 2008; Комиссарова, 2000]. Следовательно, отношение государства к частному сектору можно охарактеризовать как институционально ограниченный допуск. Частный сектор считался необходимой для восстановления экономики. Но государство считало, что имелась необходимость постоянного финансового регулирования.

Наряду с сельскохозяйственным и промысловым налогообложением в 1920-е годы формировалась система прямых налогов с населения и предприятий. Существенное место занимали платежи, учитывавшие доход и имущественное положение субъектов.

Подоходно-поимущественное налогообложение демонстрировало стремление государства соединить фискальный принцип с дифференциацией налоговой нагрузки. Налог должен был учитывать не только размер получаемого дохода, но и имущественное положение плательщика. Что являло собой принцип социальной дифференциации.

Как показывает И. В. Сиботина, развитие налогового законодательства НЭПа представляло собой самостоятельный процесс формирования нового правового механизма: первоначально многочисленные решения принимались в форме декретов и постановлений, а затем происходила их систематизация [Сиботина, 2008]. Следовательно, налоговая система НЭПа может быть рассмотрена и как этап развития советского финансового права.

Особое значение имело восстановление налогового администрирования.

Необходимость в создании налогового аппарата было залогом реализации политики государства в налоговой сфере.

В первые годы НЭПа косвенные налоги стали чуть ли не основой налоговых поступлений в бюджет государства. Наиболее распространённой формой были акцизы. Установление их на широкий круг потребительских товаров позволяло государству получать значительные доходы.

ИХ привлекательность заключалось в простоте их вводы и взыскания. Государству не требовалось длительная цепочка администрирования и оценки субъектов. Разовое установление

акциза позволяла получать денежную муссу в государственный бюджет постоянно со всех видов сделок по данному товару. Минусом являлась налоговая нагрузка , которая ложилась на население, при покупке товара.

В результате косвенное налогообложение создавало противоречие между бюджетной эффективностью и социальной нагрузкой. Чем шире становился круг товаров, облагаемых акцизами, тем значительнее становилось их влияние на потребительские цены и нагрузка на население. Тем самым можно сделать вывод, что структура налоговых доходов отражала не только потребности бюджета, но и пределы покупательной способности населения.

Для характеристики налоговой системы НЭПа важно учитывать, что прямые и косвенные налоги переплетались между собой. Они образовывали единый механизм перераспределения ресурсов, в котором государство комбинировало налогообложение доходов и имущества с изъятием части потребительских расходов.

Существенное место в финансовой системе занимали местные налоги и сборы. Они обеспечивали доходы местных бюджетов и использовались для финансирования коммунального хозяйства, благоустройства, жилищного строительства и иных местных расходов.

Одной из проблем начального этапа НЭПа было разнообразие местных платежей. Неодинаковость экономического положения территорий объективно требовала определённой гибкости, однако чрезмерное количество местных сборов затрудняло предсказуемость налоговой нагрузки. В юридическом отношении это создавало вопрос о границах полномочий местных органов и о необходимости централизованного упорядочения налоговой системы.

Проблема администрирования усиливалась недостатком квалифицированных управленческих кадров, слабостью материальной базы государства и невозможности установить точные доходы всех субъектов на территории страны. Современные исследования показывают, что в начале 1920-х годов государство сталкивалось с необходимостью практически заново выстраивать механизмы прямого налогообложения [Грачев, 2025]. Это подтверждает вывод о том, что история налоговой системы НЭПа — это одновременно история формирования соответствующих институтов государственного управления.

К середине и особенно к концу 1920-х годов первоначальный баланс между рыночными стимулами и государственным контролем стал изменяться. Укрепление административно-командных тенденций сопровождалось ограничением частного сектора и усилением дифференциации налоговой нагрузки.

Налоговый механизм всё чаще использовался для воздействия на экономически более самостоятельные группы. Повышение нагрузки на зажиточные крестьянские хозяйства имело уже не только фискальное значение. Налог становился элементом политики ограничения экономической самостоятельности определённых групп.

Именно в этот период проявилась граница возможностей налогового инструмента как средства согласования интересов государства и рынка. Пока государство было заинтересовано в восстановлении товарного производства, налог мог выполнять стимулирующую функцию. По мере перехода к централизованному планированию потребность в рыночных стимулах снижалась, а значение административного перераспределения возрастало.

Поэтому свёртывание НЭПа следует рассматривать не как единовременную отмену отдельных налогов, а как изменение самой логики финансового регулирования. Налоговая система постепенно включалась в более широкую модель централизованного управления государством.

Научная новизна исследования заключается в интерпретации налоговой системы НЭПа как динамического института, функции которого изменялись одновременно с изменением экономической модели государства. В отличие от подхода, при котором налоги рассматриваются преимущественно как источник бюджетных доходов, в статье выделены три последовательно взаимодействовавшие группы функций: фискальная, экономико-стимулирующая и социально-политическая.

Основные выводы:

1. Переход от продразвёрстки к продналогу был не просто изменением способа изъятия ресурсов у населения. Он означал изменение степени определённости государственного требования к производителю и восстановление экономической связи между результатом производства и распоряжением остаточным продуктом.

2. В ходе развития сельскохозяйственного налогообложения по мере перехода к единому сельскохозяйственному налогу возрастала формальная дифференциация налоговой нагрузки на население, но при этом сохранялась проблема объективного определения налоговой базы субъектов налогообложения. Следовательно, развитие налоговой нормы опережало возможности административного аппарата.

3. Налогообложение частного сектора имело несколько функций: обеспечивало доходы бюджета, создавало условия для административного надзора за активностью хозяйствующих субъектов. Промысловый налог в этом отношении выступал не только фискальным, но и институциональным инструментом.

4. К концу 1920-х годов было обусловлено сменой приоритетов функций налоговой системы. Стимулирующее значение отдельных налоговых механизмов сокращалось, а перераспределительная и социально-политическая составляющие данных механизмов возросла.

Налоговая система Советского государства периода НЭПа сформировалась как результат поиска компромисса между необходимостью обеспечить государственные доходы и потребностью восстановить разрушенное хозяйство. Отказ от продразвёрстки и введение продналога создали исходную конструкцию новой финансовой политики, в которой государственное изъятие стало более определённым, а производитель получил возможность распоряжаться частью созданного продукта.

Дальнейшее развитие системы привело к появлению единого сельскохозяйственного, промыслового, подоходно-поимущественных налогов, акцизов и многочисленных местных платежей. Эта система была сложной и неоднородной, однако именно её многофункциональность позволяла государству одновременно решать задачи формирования бюджета, регулирования рынка и социального перераспределения.

Исторический парадокс налоговой политики НЭПа заключается в том, что инструмент, первоначально использованный для приспособления государства к рыночным механизмам, впоследствии стал одним из средств ограничения этих механизмов. На раннем этапе налог создавал пространство для восстановления хозяйственной инициативы; на завершающем этапе НЭПа налоговая дифференциация всё больше включалась в систему административного давления.

Заключение

Таким образом, опыт НЭПа позволяет рассматривать налоговую систему как важнейший индикатор трансформации отношений между государством и экономикой. Изменение объектов,

ставок и порядка взимания налогов отражало не только финансовые потребности, но и изменение самого понимания допустимого соотношения рынка, государственного контроля и социальной политики.

Библиография

1. Бокарев Ю.П. Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 20-е гг.: источники, методы исследования, этапы взаимоотношений. Москва: Наука, 1989. 310 с.
2. Гензель П.П. Система налогов Советской России. Москва; Ленинград: Экономическая жизнь, 1924. 86 с.
3. Генкина Э.Б. Переход Советского государства к новой экономической политике (1921–1922 гг.). Москва: Госполитиздат, 1954. 504 с.
4. Грачев С.И. Воссоздание системы прямого налогообложения в РСФСР 1921–1923 гг. // Общество: философия, история, культура. 2025. № 1. С. 71–79.
5. Декрет ВЦИК от 21 марта 1921 г. «О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом» // Электронная библиотека исторических документов.
6. Дьяченко В.П. История финансов СССР (1917–1950 гг.). Москва: Наука, 1978. 493 с.
7. Жуков Ю.Н. Переход от «военного коммунизма» к НЭПу — ради крестьян или рабочих? // Российская история. 2020. № 2. С. 101–111. DOI: 10.31857/S086956870009258-4.
8. Комиссарова И.А. Система прямого налогообложения в 1920-е гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Иваново, 2000.
9. Ленин В.И. О продовольственном налоге (Значение новой политики и её условия) // Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 43. Москва: Политиздат, 1970.
10. Сиботина И.В. Налоговое законодательство и налоговая политика в годы НЭПа (1921–1930 гг.): автореф. дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2008. 30 с.
11. Старовойтова Е.Н., Долидович О.М. Реорганизация налогового аппарата Советского государства при переходе к новой экономической политике // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016.
12. Юровский Л.Н. Денежная политика Советской власти (1917–1927 гг.): избранные статьи. Москва: Начала-Пресс, 1996. 418 с.

The Tax System of the Soviet State during the NEP Period: Formation, Functions, and Transformation

Aleksandr V. Konovalov

Postgraduate Student,
Department of History and Economic Theory,
Dostoevsky Omsk State University;
644077, 55a, Mira ave., Omsk, Russian Federation;
e-mail: mrmeow1213@gmail.com

Abstract

The article is devoted to the study of the formation and transformation of the tax system of the Soviet state during the period of the New Economic Policy (NEP) of 1921–1929. The aim of the study is to identify the functional purpose of the main tax instruments of the NEP and to determine their role in combining the fiscal, economic, and sociopolitical tasks of the state. Based on an analysis of normative acts, scientific literature, and historical-economic research, the work examines the transition from prodrazverstka (grain requisitioning) to the food tax, the establishment of the unified agricultural tax, the development of trade and income-property taxation, as well as the

significance of excise duties and local levies. The position is substantiated that the tax system of the NEP was not exclusively an instrument for replenishing the budget: at the early stage it performed a stimulating and adaptive function, while in the second half of the 1920s it was increasingly used for administrative and sociopolitical influence. The scientific novelty of the work lies in considering the tax system of the NEP as a dynamic mechanism that changed following the transformation of the very model of state economic management.

For citation

Konovalov A.V. (2026) Nalogovaya sistema Sovetskogo gosudarstva v period NEPa: formirovanie, funktsii i transformatsiya [The Tax System of the Soviet State during the NEP Period: Formation, Functions, and Transformation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (9A), pp. 28-35. DOI: 10.34670/AR.2026.23.12.004

Keywords

New Economic Policy, NEP, tax system, tax policy, food tax, unified agricultural tax, trade tax, direct taxation, excise duties, state revenues, Soviet state, state policy.

References

1. Bokarev, Yu. P. (1989). *Sotsialisticheskaya promyshlennost' i melkoe krest'yanskoe khozyaistvo v SSSR v 20-e gg.: istochniki, metody issledovaniya, etapy vzaimootnoshenii* [Socialist industry and small peasant economy in the USSR in the 1920s: sources, research methods, stages of interaction]. Nauka.
2. Dekret VTsIK ot 21 marta 1921 g. "O zamene prodovol'stvennoi i syr'evoi razverstki natural'nym nalogom" [Decree of the All-Russian Central Executive Committee of March 21, 1921, "On the replacement of food and raw material requisitioning with a natural tax"]. Elektronnaya biblioteka istoricheskikh dokumentov.
3. D'yachenko, V. P. (1978). *Istoriya finansov SSSR (1917–1950 gg.)* [History of finance of the USSR (1917–1950)]. Nauka.
4. Genkina, E. B. (1954). *Perekhod Sovetskogo gosudarstva k novoi ekonomicheskoi politike (1921–1922 gg.)* [The transition of the Soviet state to the New Economic Policy (1921–1922)]. Gospolitizdat.
5. Genzel', P. P. (1924). *Sistema nalogov Sovetskoi Rossii* [The tax system of Soviet Russia]. Ekonomicheskaya zhizn'.
6. Grachev, S. I. (2025). Vossozdanie sistemy pryamogo nalogooblozheniya v RSFSR 1921–1923 gg. [Reconstruction of the direct taxation system in the RSFSR, 1921–1923]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*, (1), 71–79.
7. Komissarova, I. A. (2000). *Sistema pryamogo nalogooblozheniya v 1920-e gg.* [The system of direct taxation in the 1920s] (Candidate dissertation abstract). Ivanovo.
8. Lenin, V. I. (1970). O prodovol'stvennom naloge (Znachenie novoi politiki i ee usloviya) [On the food tax (The significance of the new policy and its conditions)]. In *Polnoe sobranie sochinenii* (5th ed., Vol. 43). Politizdat.
9. Sibotina, I. V. (2008). *Nalogovoe zakonodatel'stvo i nalogovaya politika v gody NEPa (1921–1930 gg.)* [Tax legislation and tax policy during the NEP years (1921–1930)] (Candidate dissertation abstract). Moscow.
10. Starovoitova, E. N., & Dolidovich, O. M. (2016). Reorganizatsiya nalogovogo apparata Sovetskogo gosudarstva pri perekhode k novoi ekonomicheskoi politike [Reorganization of the tax apparatus of the Soviet state during the transition to the New Economic Policy]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*.
11. Yurovskii, L. N. (1996). *Denezhnaya politika Sovetskoi vlasti (1917–1927 gg.): izbrannye stat'i* [Monetary policy of the Soviet government (1917–1927): selected articles]. Nachala-Press.
12. Zhukov, Yu. N. (2020). Perekhod ot "voennogo kommunizma" k NEPu — radi krest'yan ili rabochikh? [The transition from "war communism" to the NEP — for peasants or workers?]. *Rossiiskaya istoriya*, (2), 101–111. https://doi.org/10.31857/S086956870009258-4

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 349.41:349.6 **DOI: 10.34670/AR.2026.30.27.006**

Правовые коллизии в постановлении Правительства РФ № 1509: леса на землях сельхозназначения

Алексеева Анастасия Николаевна

Консультант,
отдел комплексного развития сельских территорий,
Управление сельского хозяйства и социального развития села,
Министерство агропромышленного комплекса
и торговли Архангельской области,
163004, Российская Федерация, Архангельск, пр. Троицкий, 49;
e-mail: nastyia2010@mail.ru

Клепиков Игорь Владимирович

Кандидат технических наук, доцент,
Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова,
163002, Российская Федерация, Архангельск, набережная Северной Двины, 17;
e-mail: i.klepikov@narfu.ru

Аннотация

Постановление «Об особенностях использования, охраны, защиты, воспроизводства лесов, расположенных на землях сельскохозяйственного назначения», утвержденное Правительством РФ от 21 сентября 2020 года № 1509, ставит важную задачу — урегулировать механизм использования лесов, расположенных на землях сельскохозяйственного назначения. Механизм, закрепленный Постановлением, расширяет возможности использования заросших участков, включая заготовку ресурсов, размещение отдельных объектов и некоторые виды переработки, но противоречит строгим ограничениям земельного законодательства относительно размещения объектов лесоперерабатывающей инфраструктуры и соблюдения целевого назначения земель. В статье анализируется правовое регулирование использования лесов, расположенных на землях сельскохозяйственного назначения, выявляются ключевые коллизии между положениями данного акта и Земельным и Лесным кодексами Российской Федерации, а также предлагается ряд предложений по устранению существующих пробелов.

Для цитирования в научных исследованиях

Алексеева А.Н., Клепиков И.В. Правовые коллизии в постановлении Правительства РФ № 1509: леса на землях сельхозназначения // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 9А. С. 36-43. DOI: 10.34670/AR.2026.30.27.006

Ключевые слова

Лесные земли, сельскохозяйственные угодья, земли сельскохозяйственного назначения, использование лесов, лесоперерабатывающая инфраструктура, целевое назначение, правовые коллизии, межведомственная комиссия.

Введение

В 2019 году Минприроды России представлен проект постановления Правительства Российской Федерации об особенностях использования, охраны, защиты, воспроизводства лесов, расположенных на землях сельскохозяйственного назначения. Проект разработан в связи с масштабным зарастанием сельскохозяйственных земель древесно-кустарниковой растительностью. Согласно экспертным оценкам, к 2019 году площадь лесов на сельхозземлях в России достигала порядка 70 млн гектаров, а это около 18 % от общей площади таких земель (более 380 млн гектаров) [Министерство природных ресурсов…, 2019; Государственный (национальный) доклад…, 2019].

На заседании Комитета Государственной Думы по аграрным вопросам 14 октября 2020 года обозначили необходимость принятия нормативно-правового акта, регулирующего использование лесов на землях сельскохозяйственного назначения. Ключевой позицией стало создание механизма ведения полноценного лесного хозяйства на таких землях с учётом того, что возврат участков в сельхозоборот зачастую невозможен из-за утраты их пригодности либо экономически нецелесообразен. Однако Постановление № 1509, принятое 21 сентября 2020 года, не сняло правовых противоречий - оно отчётливо обозначило коллизии между нормами земельного и лесного законодательства.

Цель исследования: рассмотреть несогласованность норм Постановления Правительства РФ от 21 сентября 2020 года № 1509 и Земельного кодекса Российской Федерации.

Задачи исследования:

1. Провести анализ нормативных правовых актов в отношении использования лесов, расположенных на сельскохозяйственных землях.

2. Определить проблемные вопросы и пути практического решения корреляции земельного и лесного законодательства.

Методология. В основе исследования лежит анализ законодательства Российской Федерации.

Результаты исследования

Статья 77 Земельного кодекса Российской Федерации (ЗК РФ) дает определение землям сельскохозяйственного назначения как категории земель – это земли, предназначенные для целей сельского хозяйства и расположенные за чертой населенных пунктов. В состав сельхозземель входят земли, служащие для производства сельхозкультур – сельскохозяйственные угодья, а также земли под коммуникациями, дорогами, объектами для производства сельхозпродукции, объектами для реализации сельского туризма, жилые дома крестьянских фермерских хозяйств и садоводств, огородничества, водными объектами [Земельный кодекс РФ, 2001]. В части лесов в ЗК РФ указано, что на сельхозземлях могут быть расположены агролесомелиоративные и агрофитомелиоративные насаждения, то есть лесные насаждения, относящиеся к мелиоративным системам и предназначенные для улучшения состояния земель.

Федеральным законом от 27 декабря 2018 года № 538-ФЗ внесены изменения в Лесной кодекс Российской Федерации (ЛК РФ): теперь статьи 6 и 123 ЛК РФ говорят о том, что леса могут находиться на сельхозземлях, и их освоение не влечёт изменения целевого назначения земель. Порядок обращения с такими лесами определяет Правительство РФ [Лесной кодекс РФ,

2006; Федеральный закон № 538-ФЗ, 2018]. Правительство РФ утвердило особенности использования, охраны, защиты, воспроизводства лесов, расположенных на землях сельскохозяйственного назначения, в рамках Постановления Правительства РФ от 21 сентября 2020 года № 1509 (Постановление ПРФ № 1509).

Основной механизм действия Постановления ПРФ № 1509 и его особенности описала Николаева Л. А. [Николаева, Шадрин, 2023], мы же углубимся в проблемные вопросы применения документа.

В первую очередь, пункт 4 Постановления ПРФ № 1509 устанавливает, что леса на сельхозземлях осваиваются для целей, прописанных в пунктах 1 - 8, 10, 10.1, 13 - 15 части 1 статьи 25 ЛК РФ, с обязательным соблюдением целевого назначения земель. Важно, что при этом не допускается размещение объектов, не предусмотренных пунктом 2 статьи 77 ЗК РФ [Постановление Правительства РФ № 1509, 2020]. Указанные пункты 25 статьи ЛК РФ разрешают: заготовку древесины, живицы, пищевых и недревесных лесных ресурсов; сбор лекарственных средств; ведение охотничьего, рыболовного и сельского хозяйства; проведение научно-исследовательской, образовательной, рекреационной и религиозной деятельности; выращивание ягодных, декоративных, лесных плодовых и лекарственных растений, строительство и эксплуатацию лесных питомников, объектов лесоперерабатывающей инфраструктуры и линейных объектов.

Земельное законодательство, в частности, статья 42 ЗК РФ закрепляет жёсткое правило: земля должна использоваться строго в соответствии с её целевым назначением. Исходя из этой нормы, сельскохозяйственные земли должны использоваться только для целей сельского хозяйства. Напомним, что Земельный кодекс допускает устройство на сельхозземлях объектов для производства, хранения и первичной переработки только сельхозпродукции, а в определенных случаях разрешает размещение нестационарных торговых объектов и жилых домов (статья 77 ЗК РФ). Кроме того, на сельхозугодьях разрешено строительство исключительно одного жилого дома для КФХ (статья 79 ЗК РФ), строительство линейных объектов разрешено при наличии проекта рекультивации земель и на основании публичного сервитута (статья 78 ЗК РФ), а использование объектов лесоперерабатывающей продукции на сельхозземлях глава XIV ЗК РФ вообще не регулирует.

Так, с одной стороны, Постановление ПРФ № 1509 разрешает полноценные виды лесопользования вплоть до лесопереработки, а с другой – Земельный кодекс РФ не даёт легальную возможность возводить значительную часть необходимой для этого инфраструктуры. В этом и кроется суть правовой коллизии: лесное право такую инфраструктуру в принципе допускает, но земельное право для сельхозземель ставит жёсткий фильтр, и под его узкий перечень объекты лесопереработки не подпадают. Поэтому на практике возникает вопрос: можно ли вообще считать допустимым создание такого объекта на сельхозземлях или это выходит за рамки целевого назначения участка?

Следующий момент, который отметим, это отнесение древесно-кустарниковой растительной к лесу на сельхозземлях. Постановление ПРФ № 1509 относит к таким лесам насаждения и (или) древесно-кустарниковую растительность при одновременном соблюдении следующих признаков: площадь залесенности участка - более 0,5 га; высота деревьев - свыше 5 метров; доля участка, занятого лесным растительным покровом - более 75 %; сомкнутость крон древесного и кустарникового яруса - в диапазоне 0,8-1 [Постановление Правительства РФ № 1509, 2020].

Сразу обозначим, что установленный порог площади леса в 0,5 га фактически

предопределяет и минимальную площадь самого земельного участка. Если участок меньше этой величины, правообладатель априори не вправе использовать его для освоения лесов - в частности, для сбора пищевых лесных ресурсов или культивирования лекарственных трав.

Согласно пунктам 7(1) и 7(2) Постановления ПРФ № 1509 региональный уполномоченный орган по лесным отношениям представляет экспертное заключение о соответствии растительности понятию «леса на сельхозземлях» по фотографиям или видео, представленным заявителем, сделанных из поворотных точек участка. Квалифицированный специалист может оценить сомкнутость крон и зарастание участка по статичному снимку, но определить высоту деревьев достоверно по фото нельзя, так как нет опорной точки для масштаба. Кроме того, возможно «подогнать» картинку и сделать фиксацию в направлении зарастания участка. Также по фото/видео невозможно оценить площадь леса на участке, которая должна составлять более 0,5 га. Иная доказательная база об отнесении лесов к лесам, расположенным на сельхозземлях, от заявителя не требуется. Так, по фото или видео действительно можно получить представление о зарастании участка, но для юридически значимых решений визуальной фиксации без измерительных приборов может быть недостаточно.

Возникает диссонанс: Постановление ПРФ № 1509 обязывает опираться на визуальную фиксацию зарастания участка, но в реальности одной картинки для юридически весомого вывода может быть недостаточно.

Обозначим еще один важный момент – недостаточность оснований для принятия отрицательного решения на заявление об использовании лесов.

Пункт 7(4) Постановления утверждает, что межведомственная комиссия выносит отрицательное решение по заявлению, если есть хотя бы одно из установленных оснований: в экспертном заключении представлена позиция, что растительность не является лесом; земельный участок отнесен к особо ценным продуктивным сельхозугодьям; в Росреестре отсутствуют права на земельный участок и границы участка.

По нашему мнению, межведомственная комиссия должна оценить заявление и на его соответствие Постановлению ПРФ № 1509: возможность соблюдения целевого назначения земель, а особенно в отношении сельхозугодий (пункт 3), расположения мелиоративных систем на участке (пункт 13), необходимо учитывать и наличие подъездных путей к участку, а также сопряженное законодательство, например, об охране окружающей среды, где некоторые виды деятельности вовсе не допустимы.

Кроме того, положительное решение комиссии не влечёт смены категории земель (сохраняется правовой статус земель сельхозназначения), но документ не требует разработки проекта рекультивации земель или проекта культуртехнической мелиорации при подаче заявления об использовании лесов для исполнения пункта 3 постановления о соблюдении целевого назначения земель.

Документ также не регулирует вопрос признания растительности лесами на сельхозземлях и их использования в случаях, когда надзорными органами уже зафиксированы признаки неиспользования сельскохозяйственных земельных участков в рамках Постановления Правительства РФ от 18.09.2020 № 1482.

Заключение

В заключении хочется согласиться с позицией Лазарева О.Е., что действительно возможности использования земель сельскохозяйственного назначения расширились, но уже в

контексте ведения лесного хозяйства – всё же Постановление ПРФ № 1509 делает акцент не на ввод участка в сельхозоборот, а на использование ресурсов заросшей древесной растительностью земли.

В исследовании выделены проблемы, которые возможно отрегулировать на федеральном уровне, внеся изменения в законодательство.

Считаем целесообразным пункт 4 Постановления ПРФ № 1509 доработать в части допустимых целей для использования лесов и условий их реализации, чтобы исключить неоднозначную правоприменительную практику и риски признания деятельности нецелевым использованием сельхозземель, а особенно в отношении сельхозугодий. Или дополнить статью 77 Земельного кодекса Российской Федерации формулировкой о возможности использования сельхозземель для целей лесопользования в случаях, предусмотренных Постановлением ПРФ № 1509.

Также допускаем введение дифференцированных критериев признания лесов на сельхозземлях в зависимости от планируемых целей их использования. Например, заготовка дикоросов, сбор лекарственных растений или ведение сельского, рыболовного хозяйств вовсе не требует произрастание деревьев высотой более 5 метров – для таких целей возможно предусмотреть альтернативные критерии.

В целях повышения прозрачности процедуры и снижения рисков неоднозначной трактовки фактических характеристик земельного участка предлагаем обязать заявителя прилагать также акт обследования участка, составленный квалифицированным специалистом, для подтверждения соответствия лесов признакам, указанным в Постановлении ПРФ № 1509.

Предполагаем возможным дополнить пункт 7(4) Постановления ПРФ № 1509 основаниями для принятия отрицательного решения межведомственной комиссии по заявлению об использовании лесов: в случаях, когда надзорными органами ранее были выявлены признаки неиспользования сельскохозяйственных земельных участков и их зарастания, а также действует предписание об устранении нарушений; в случаях распространения на земельный участок особо охраняемых территорий, в границах которых заявленный вид деятельности не допускается; в случаях выявления отсутствия подъездных путей к земельному участку, планируемому к использованию в рамках постановления.

Таким образом, Постановление ПРФ № 1509 стало важным шагом к урегулированию проблемы заросших сельхозземель, но не сняло фундаментальных противоречий между земельными и лесными нормами. Дальнейшее развитие правового регулирования требует либо более глубокой гармонизации этих отраслей законодательства, либо введения специальных переходных механизмов, учитывающих специфику земель.

Библиография

1. Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2019 году [Электронный ресурс]. URL: https://rosreestr.gov.ru/activity/gosudarstvennoe-upravlenie-v-sfere-ispolzovaniya-i-okhrany-zemel/gosudarstvennyy-natsionalnyy-doklad-o-sostoyanii-i-ispolzovanii-zemel-rossiyskoy-federatsii/.
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773.
3. Лазарев О.Е., Лазарева О.С., Павлова П.О. О возможности использования лесов на землях сельскохозяйственного назначения // Современные проблемы рационального природообустройства и водопользования: материалы Всероссийской научной конференции, Красноярск, 24 ноября 2021 года / Красноярский государственный аграрный университет. Красноярск, 2022. С. 63–67. EDN CREDXM.

4. Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ (ред. от 04.08.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64299/.
5. Министерство природных ресурсов и лесопромышленного комплекса Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://www.mnr.gov.ru/press/news/razrabotan_mekhanizm_pravovogo_regulirovaniya_lesov_na_zemlyakh_selkhoznaznacheniya/.
6. Николаева Л.А., Шадрин Р.А. Особенности использования, охраны, защиты, воспроизводства лесов, расположенных на землях сельскохозяйственного назначения, в условиях Северо-Запада РФ // Актуальные вопросы лесного хозяйства: Материалы VII международной молодежной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 09–10 ноября 2023 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет им. С.М. Кирова, 2023. С. 118–121. EDN SMMLAH.
7. Постановление Правительства РФ от 18.09.2020 № 1482 (ред. от 07.03.2026) «О признаках неиспользования земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения по целевому назначению или использования с нарушением законодательства Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_362716/.
8. Постановление Правительства РФ от 21.09.2020 № 1509 (ред. от 13.03.2025) «Об особенностях использования, охраны, защиты, воспроизводства лесов, расположенных на землях сельскохозяйственного назначения» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_362805/.
9. Приказ Минсельхоза России № 901, Минприроды России № 926 от 27.12.2022 «Об утверждении типового положения о межведомственной комиссии по рассмотрению заявлений об использовании земельного участка в целях использования, охраны, защиты, воспроизводства лесов, расположенных на землях сельскохозяйственного назначения» (Зарегистрировано в Минюсте России 10.02.2023 № 72327) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_439601/.
10. Федеральный закон от 27.12.2018 № 538-ФЗ «О внесении изменений в Лесной кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования отношений, связанных с обеспечением сохранения лесов на землях лесного фонда и землях иных категорий» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314666/.

Legal Conflicts in Russian Government Resolution No. 1509: Forests on Agricultural Lands

Anastasiya N. Alekseeva

Consultant,
Department of Integrated Rural Development,
Directorate of Agriculture and Social Development of the Village,
Ministry of Agro-Industrial Complex and Trade of the Arkhangelsk Region,
163004, 49, Troitskiy ave., Arkhangelsk, Russian Federation;
e-mail: nastyia2010@mail.ru

Igor' V. Klepikov

PhD in Technology, Associate Professor,
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov,
163002, 17, Severnoy Dviny embankment, Arkhangelsk, Russian Federation;
e-mail: i.klepikov@narfu.ru

Abstract

The Resolution "On the Specifics of the Use, Protection, Defense, and Reproduction of Forests Located on Agricultural Lands," approved by the Government of the Russian Federation on September 21, 2020, No. 1509, sets an important task — to regulate the mechanism for the use of forests located on agricultural lands. The mechanism enshrined in the Resolution expands the possibilities for using overgrown plots, including the harvesting of resources, the placement of individual facilities, and certain types of processing, but contradicts the strict restrictions of land legislation regarding the placement of timber-processing infrastructure facilities and compliance with the designated purpose of lands. The article analyzes the legal regulation of the use of forests located on agricultural lands, identifies key conflicts between the provisions of this act and the Land and Forest Codes of the Russian Federation, and also proposes a number of suggestions for eliminating existing gaps.

For citation

Alekseeva A.N., Klepikov I.V. (2026) Pravovye kollizii v postanovlenii Pravitel'stva RF No. 1509: lesa na zemlyakh sel'khoznaznacheniya [Legal Conflicts in Russian Government Resolution No. 1509: Forests on Agricultural Lands]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (9A), pp. 36-43. DOI: 10.34670/AR.2026.30.27.006

Keywords

Forest lands, agricultural lands, agricultural purpose lands, use of forests, timber-processing infrastructure, designated purpose, legal conflicts, interdepartmental commission.

References

1. Federal Law No. 538-FZ of December 27, 2018 "On Amendments to the Forest Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Terms of Improving the Legal Regulation of Relations Related to Ensuring the Conservation of Forests on Lands of the Forest Fund and Lands of Other Categories." (2018). *ConsultantPlus Legal Reference System*. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314666/
2. Gosudarstvennyy (natsionalnyy) doklad o sostoyanii i ispolzovanii zemel v Rossiyskoy Federatsii v 2019 godu [State (national) report on the state and use of lands in the Russian Federation in 2019]. (2019). https://rosreestr.gov.ru/activity/gosudarstvennoe-upravlenie-v-sfere-ispolzovaniya-i-okhrany-zemel/gosudarstvennyy-natsionalnyy-doklad-o-sostoyanii-i-ispolzovanii-zemel-rossiyskoy-federatsii/
3. Lazarev, O. E., Lazareva, O. S., & Pavlova, P. O. (2022). O vozmozhnosti ispolzovaniya lesov na zemlyakh selskokhozyaystvennogo naznacheniya [On the possibility of using forests on agricultural lands]. In *Sovremennye problemy ratsionalnogo prirodoobustroystva i vodopolzovaniya: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii* [Modern problems of rational environmental management and water use: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference] (pp. 63–67). Krasnoyarsk State Agrarian University.
4. Lesnoy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 04.12.2006 No. 200-FZ (red. ot 04.08.2026) [Forest Code of the Russian Federation No. 200-FZ of December 4, 2006 (as amended on August 4, 2026)]. (2006). *ConsultantPlus Legal Reference System*. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64299/
5. Ministerstvo prirodnykh resursov i lesopromyshlennogo kompleksa Rossiyskoy Federatsii [Ministry of Natural Resources and Forestry Complex of the Russian Federation]. (n.d.). https://www.mnr.gov.ru/press/news/razrabotan_mekhanizm_pravovogo_regulirovaniya_lesov_na_zemlyakh_selkhoznaznacheniya/
6. Nikolaeva, L. A., & Shadrin, R. A. (2023). Osobennosti ispolzovaniya, okhrany, zashchity, vosproizvodstva lesov, raspolozhennykh na zemlyakh selskokhozyaystvennogo naznacheniya, v usloviyakh Severo-Zapada RF [Features of the use, protection, and reproduction of forests located on agricultural lands in the North-West of the Russian Federation]. In *Aktualnye voprosy lesnogo khozyaystva: Materialy VII mezhdunarodnoy molodezhnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Current issues of forestry: Proceedings of the VII International Youth Scientific and Practical Conference] (pp. 118–121). Saint Petersburg State Forest Technical University named after S.M. Kirov.
7. Postanovlenie Pravitelstva RF ot 18.09.2020 No. 1482 (red. ot 07.03.2026) "O priznakakh neispolzovaniya zemelnykh

uchastkov iz zemel selskokhozyaystvennogo naznacheniya po tselevomu naznacheniyu ili ispolzovaniya s narusheniem zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii" [Resolution of the Government of the Russian Federation No. 1482 of September 18, 2020 (as amended on March 7, 2026) "On the signs of non-use of land plots from agricultural land for their intended purpose or use in violation of the legislation of the Russian Federation"]. (2020). *ConsultantPlus Legal Reference System*. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_362716/

8. Postanovlenie Pravitelstva RF ot 21.09.2020 No. 1509 (red. ot 13.03.2025) "Ob osobennostyakh is polzovaniya, okhrany, zashchity, vosproizvodstva lesov, raspolozhennykh na zemlyakh selskokhozyaystvennogo naznacheniya" [Resolution of the Government of the Russian Federation No. 1509 of September 21, 2020 (as amended on March 13, 2025) "On the specifics of the use, protection, and reproduction of forests located on agricultural lands"]. (2020). *ConsultantPlus Legal Reference System*. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_362805/
9. Prikaz Minselkhoza Rossii No. 901, Minprirody Rossii No. 926 ot 27.12.2022 "Ob utverzhdenii tipovogo polozheniya o mezhvedomstvennoy komissii po rassmotreniyu zayavleniy ob ispolzovanii zemelnogo uchastka v tselyakh ispolzovaniya, okhrany, zashchity, vosproizvodstva lesov, raspolozhennykh na zemlyakh selskokhozyaystvennogo naznacheniya" [Order of the Ministry of Agriculture of Russia No. 901 and the Ministry of Natural Resources of Russia No. 926 of December 27, 2022 "On approval of the standard regulations on the interdepartmental commission for reviewing applications for the use of a land plot for the purposes of use, protection, and reproduction of forests located on agricultural lands"]. (2022). *ConsultantPlus Legal Reference System*. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_439601/
10. Zemelnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 25.10.2001 No. 136-FZ (red. ot 29.12.2025) [Land Code of the Russian Federation No. 136-FZ of October 25, 2001 (as amended on December 29, 2025)]. (2001). *ConsultantPlus Legal Reference System*. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 004.8:351.74 **DOI: 10.34670/AR.2026.93.25.007**

Понятие, сущность, значение использования искусственного интеллекта в системе средств оптимизации деятельности органов прокуратуры

Барциц Сабина Зурабовна

Аспирант,
кафедра организации судебной и прокурорской деятельности,
Московский государственный юридический
университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА),
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9;
e-mail: bbbartsits@mail.ru

Аннотация

В статье исследуются понятие, сущность и значение искусственного интеллекта как средства оптимизации деятельности органов прокуратуры Российской Федерации. На основе анализа нормативных правовых актов и научных подходов рассматриваются предпосылки внедрения цифровых технологий в прокурорскую деятельность, их отличие от традиционных средств автоматизации. Определяются перспективные направления применения искусственного интеллекта при осуществлении прокурорского надзора за исполнением федерального законодательства, включая обработку значительных массивов информации, выявление признаков нарушений закона, информационно-аналитическое обеспечение прокурорских проверок и совершенствование межведомственного взаимодействия. Особое внимание уделяется правовым и организационным условиям использования указанных технологий, достоверности получаемых результатов и профессиональной подготовке прокурорских работников. Обосновывается необходимость сохранения за прокурором полномочий по принятию юридически значимых решений и ответственности за них. Сделан вывод о вспомогательном характере искусственного интеллекта и необходимости совершенствования правового регулирования его использования.

Для цитирования в научных исследованиях

Барциц С.З. Понятие, сущность, значение использования искусственного интеллекта в системе средств оптимизации деятельности органов прокуратуры // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 9А. С. 44-53. DOI: 10.34670/AR.2026.93.25.007

Ключевые слова

Искусственный интеллект, органы прокуратуры, общий надзор, цифровая трансформация, прокурорская деятельность, цифровизация, надзорная деятельность, правовое регулирование, государственная политика, управление рисками.

Введение

В условиях последовательной реализации государственной политики в сфере цифровой трансформации общества и государства особую актуальность приобретают вопросы все более использования искусственного интеллекта в различные сферы правоотношений. В послании Федеральному Собранию Российской Федерации от 29.02.2024 Президент Российской Федерации В.В. Путин особо подчеркнул необходимость внедрения цифровых технологий в управление и иные сферы деятельности, в каждой из которых нужно использовать искусственный интеллект [Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию, 2024]. В равной степени данное требование распространяется на прокурорскую деятельность. На расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации 19.03.2026 Президент Российской Федерации дополнительно подчеркнул обязанность прокуроров противодействовать преступлениям и правонарушениям в том числе с использованием информационных технологий [Расширенное заседание коллегии Генеральной прокуратуры, 2026]. Необходимость внедрения технологий ИИ в деятельность органов прокуратуры Российской Федерации обусловлена совокупностью объективных факторов, связанных с усложнением общественных отношений, увеличением объёма информации, подлежащей обработке в процессе осуществления прокурорского надзора и иной прокурорской деятельности, расширением круга задач, возложенных на органы прокуратуры.

Необходимость внедрения технологий ИИ в деятельность органов прокуратуры Российской Федерации обусловлена совокупностью объективных факторов, связанных с усложнением общественных отношений, увеличением объёма информации, подлежащей обработке в процессе осуществления прокурорского надзора и иной прокурорской деятельности, расширением круга задач, возложенных на органы прокуратуры.

Основное содержание

Необходимость внедрения технологий ИИ в деятельность органов прокуратуры Российской Федерации обусловлена совокупностью объективных факторов, связанных с усложнением общественных отношений, увеличением объёма информации, подлежащей обработке в процессе осуществления прокурорского надзора и иной прокурорской деятельности, расширением круга задач, возложенных на органы прокуратуры. Определенное значение в их решении имеет реализация национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства» [Паспорт федерального проекта «Искусственный интеллект», 2020], в структуру которого включен федеральный проект «Искусственный интеллект». Несмотря на ориентированность его реализации в сфере предпринимательства, в нем содержатся положения, распространяющиеся и на сферу прокурорской деятельности. В частности, паспорт Национального проекта «Искусственный интеллект» предусматривает внедрение ИИ-решений в деятельность Федеральной таможенной службы России, связь с Государственными программами «Научно-техническое развитие Российской Федерации» и «Информационное общество», а также с подпрограммой «Информационная среда». Использование этих наработок в деятельности органов прокуратуры представляется безусловно необходимым. В частности, в числе целей и показателей федерального проекта предусматривается подготовка специалистов в области искусственного интеллекта в рамках программ высшего и дополнительного образования. Данное положение представляется

возможным рассматривать и как возлагающее на органы прокуратуры обязанность обеспечить «цифровую грамотность» прокурорских работников. Академией криптографии Российской Федерации сформирована нормативная база для совершенствования защищенных технологий и систем ИИ, применяемых в современных информационных системах, имеющая значение и для надлежащего обеспечения функционирования информационных систем прокуратуры. О.В. Кипкаев и И.В. Горошко в числе ключевых направлений прокурорской деятельности в сфере информационных технологий и защиты информации называют: контроль за обеспечением информационной безопасности на всех этапах жизненного цикла информационных систем; надзор за обеспечением безопасности объектов критической информационной инфраструктуры; обеспечение контроля за конфиденциальностью, целостностью и доступностью персональных данных и иной охраняемой законом информации [Кипкаев, Горошко, 2025].

В обновленной Концепции цифровой трансформации органов и организации прокуратуры РФ до 2030 г., утвержденной приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 11.09.2025 № 621, предусмотрена комплексная оптимизация органов прокуратуры на основе современных цифровых решений [Об утверждении Концепции цифровой трансформации, 2025]. Можно согласиться с Д.А. Куневым в том, что ее стратегические цели заключаются в автоматизации аналитических процессов, сокращении рутинной нагрузки на прокуроров, обеспечении оперативного доступа к информации, повышении достоверности и управленческой ценности аналитических материалов [Кунев, 2025]. Вместе с тем внедрение ИИ в прокурорскую практику обусловлено рядом трудностей, связанных в том числе с необходимостью определения его понятия, нормативных пределов и реальных возможностей использования.

В юридической науке справедливо отмечается сложность конструирования универсального варианта понятия ИИ, что обусловлено как динамичностью его технологического развития, так и его междисциплинарной природой. В Российской Федерации нормативное определение понятия ИИ впервые сформулировано в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года [О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации, 2019]. В подпункте «а» пункта 5 данной Стратегии в качестве ИИ назван комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их.

В пункте 1 статьи 3 Федерального закона от 26.07.2026 № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» ИИ определяется как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая способность самостоятельно совершенствовать свои функции, повышать точность решений за счет анализа новых данных и выполнять поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их [О поддержке развития технологий искусственного интеллекта, 2026]. В состав такого комплекса законодатель включает информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение, в том числе основанное на методах машинного обучения, а также процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений.

Сопоставление определений понятия ИИ, содержащегося в Национальной стратегии его

развития на период до 2030 года, а также в упомянутом законе, позволяет сделать вывод о преемственности подхода к уяснению его сущности и содержания. Вместе с тем определение, содержащееся в федеральном законе, более детализировано, более подробно раскрывает способность ИИ изменять характеристики своего функционирования, самостоятельно совершенствовать функции и повышать точность решений в результате анализа вновь поступающих данных. Но вместе с тем, как справедливо отмечает И.М. Мацкевич, ИИ – это интеллект, созданный не в естественной биологической среде. Он никогда не станет интеллектом человеческого уровня. Поэтому Указом Президента Российской Федерации от 15.02.2024 № 124 из Национальной стратегии развития ИИ обоснованно исключено понятие «самообучение» как свойство ИИ [Мацкевич, 2026].

И.Н. Спицин и И.Н. Тарасов, исследуя проблему формирования понятия ИИ, обоснованно, по нашему мнению, отметили, что такие определения обладают ограниченной ценностью для юриспруденции, поскольку сами по себе не позволяют определить особенности правового регулирования соответствующих отношений [Спицин, Тарасов, 2020]. Другой недостаток рассматриваемой дефиниции связан с использованием в качестве одного из центральных признаков способности системы имитировать когнитивные функции человека. Сам термин «когнитивные функции» является чрезвычайно широким и не позволяет провести достаточно определенную границу между искусственным интеллектом и традиционными средствами автоматизации. На указанное обстоятельство непосредственно обращает внимание и И.А. Каляев. Анализируя первоначальную редакцию определения Национальной стратегии, ученый отмечает, что при его буквальном толковании в число систем искусственного интеллекта может быть включен даже обычный калькулятор, поскольку выполнение арифметических вычислений относится к когнитивной деятельности человека, а калькулятор выполняет соответствующие операции быстрее и точнее человека. По мнению исследователя, сам факт имитации определенной человеческой функции еще не свидетельствует о наличии интеллекта у технической системы [Каляев, 2023].

В зарубежных государствах и их объединениях (США, ЕС и др.) под системой ИИ понимается машинная система, определяемая через степень автономности, возможную адаптивность и способность на основе входных данных формировать результаты, воздействующие на физическую или виртуальную среду [Regulation (EU) 2024/1689, 2024]. Российский подход к формулированию определения понятия ИИ позволяет рассматривать его, по нашему мнению, не как общий технологический феномен, а как конкретную систему средств, оптимизирующих процесс накопления, дифференцированного распределения и хранения, а также обработки различных видов информации, обеспечивающих оперативность в получении данных, служащих ориентиром в принятия определенного (в том числе правового) решения. Считаем также целесообразным предложить определение понятия «результаты деятельности искусственного интеллекта», под которыми следовало бы понимать: выводы, прогнозы, рекомендации, проекты решений либо иные результаты, конкретное содержание которых и способ их формирования не предопределены заранее установленными правилами.

На основании изложенного представляется возможным считать. Что использование ИИ в прокурорской деятельности предназначено для информационного, аналитического, организационного или иного вспомогательного обеспечения реализации возложенных на прокуратуру функций при сохранении за прокурором обязанности и полномочий по принятию юридически значимых решений, а также установлении ответственности за их принятие. Мы солидарны с И.М. Мацкевичем в том, что для внедрения ИИ в прокурорскую деятельность

наиболее перспективным представляется гибридный подход, при котором ИИ используется как один из аналитических инструментов в работе, и на основе полученных результатов за прокурором остается окончательное процессуальное решение [Мацкевич, 2026]. Однако, по нашему мнению, ИИ может использоваться не только для поиска путей к принятию верного процессуального и иного правового решения, но также для поиска выбора верной тактики проведения проверки исполнения законов, участия в рассмотрении дел судами и т.п. Исходя из этого, полагаем, что ИИ в прокурорской деятельности представляет собой совокупность средств, источников, процессов получения информации, необходимой и значимой для использования на том или ином направлении или участке прокурорской деятельности с целью обеспечения ее оперативности, эффективности и выполнения в строгом соответствии с законом.

О.А. Степанов и Д.А. Басангов обоснованно полагают, что позитивным развитием цифровизации деятельности органов прокуратуры представляется развитие высокотехнологичного надзора, который позволяет оперативно осуществлять надзорные функции, снизить количество допускаемых ошибок, усилить информационное взаимодействие с общественными институтами и органами государственной власти [Степанов, Басангов, 2024]. Приведенное мнение обозначает общую задачу и направленность использования ИИ в органах прокуратуры. Следует учитывать, что предыдущая Концепция цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 года, утвержденная приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 14.09.2017 № 627, определяла основные направления развития информационной инфраструктуры, автоматизации деятельности и совершенствования электронного взаимодействия органов прокуратуры, в том числе с другими государственными структурами. Обновленная Концепция цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2030 года предусматривает более широкое использование технологий ИИ при реализации надзорных функций и организации деятельности органов прокуратуры. В числе основных целей, направленных на совершенствование и оптимизацию надзорного ведомства в ней названы: цифровизация данных для возможности дальнейшей интеграции технологий искусственного интеллекта в повседневную деятельность; повсеместное расширение среды электронного взаимодействия для формирования наиболее доступных способов коммуникации для всех субъектов рассматриваемых отношений; совершенствование цифровой инфраструктуры с учетом внутригосударственного опыта развития технологического развития с учетом потребностей к достижению технологического суверенитета, как одного из основных принципов цифровой трансформации органов прокуратуры; автоматизация деятельности органов прокуратуры с использованием технологий, основанных на методах искусственного интеллекта; повышение информационной безопасности, как один из приоритетов цифровой трансформации в целом; развитие кадрового потенциала, формирование цифровых компетенции у будущих и действующих прокурорских работников.

Практическая направленность государственной политики в рассматриваемой сфере подтверждается утверждением Генеральным прокурором Российской Федерации 22 марта 2024 г. Плана по внедрению технологий искусственного интеллекта и автоматизации деятельности в органах прокуратуры Российской Федерации на 2024–2026 годы [План по внедрению технологий искусственного интеллекта, 2024; Искусственный интеллект: условия внедрения технологий, 2024]. Принятие данного документа характеризует переход от общего определения перспектив цифровизации к планированию конкретных мероприятий по внедрению интеллектуальных технологий в прокурорскую деятельность. Ранее приказом Генерального

прокурора Российской Федерации от 12.05.2023 № 316 утвержден Перечень информационных систем персональных данных органов и организаций прокуратуры: АИС учета документов «Архивное дело ОП»; АИК «Надзор-WEB»; Государственная автоматизированная система правовой статистики (ГАС ПС); Информационная система межведомственного электронного взаимодействия (ИС МЭВ ГП РФ); Единый портал Генеральной прокуратуры РФ; Федеральная государственная информационная система «Единый реестр проверок»; Информационно-аналитическая система правового мониторинга. В настоящее время эти и другие информационные системы активно используются, нарабатывается все более совершенная практика их применения. В частности, в области работы с кадрами с использованием возможностей ИИ решаются задачи: а) повышения эффективности кадровой работы и антикоррупционной деятельности прокуратуры; б) снижения коррупционных рисков за счет прозрачности и автоматизации; в) усиления профилактической роли прокуратуры через анализ больших данных; г) обеспечения объективности при проведении служебных проверок и отборе кадров; д) формирования кадрового резерва на основе данных о компетенциях и профессиональных качествах [Соколов, Красникова, Готовцев, 2025]. При проведении проверок исполнения федерального законодательства прокурорские работники благодаря использованию системы ИС МЭВ активно получают функциональные данные из информационных систем и цифровых сервисов, таких, как ГИС ЖКХ, ИС «Реформа ЖКХ», ЕИС «Закупки», ИС «Электронный бюджет» и других, что позволяет получить информацию и анализировать состояние законности во всех значимых сферах [Белоусова, 2026]. В сфере деятельности органов прокуратуры по противодействию коррупции используются информационные системы МЭВ используются специализированные ресурсы: 1) «СПАРК» - система сервисов по оценке рисков и обеспечению безопасности бизнеса; 2) «МАРКЕР» – линейка сервисов для мониторинга, анализа и контроля закупок; 3) «X-Compliance», позволяющая выявлять потенциальные конфликты интересов. Источник происхождения денежных средств и т.п., а также другие [Немировский, 2023].

Приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 31.03.2023 № 227 утверждены квалификационные требования к должностям прокурорских работников прокуратуры города, района, приравненной к ним прокуратуры [Об утверждении квалификационных требований, 2023]. Они обязаны иметь устойчивые навыки работы с эксплуатируемыми средствами вычислительной техники, информационными системами и информационными ресурсами органов прокуратуры Российской Федерации. В свою очередь приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 29.11.2022 № 718 утверждены квалификационные требования к специальной профессиональной подготовке выпускников Университета прокуратуры Российской Федерации для прохождения службы в органах прокуратуры Российской Федерации [Об утверждении квалификационных требований к специальной профессиональной подготовке, 2022]. В сущности, эти требования распространяются и на выпускников институтов прокуратуры в составе Университета имени О.Е. Кутафина (г. Москва), Саратовской государственной юридической академии, Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева (г. Екатеринбург). Они также обязаны иметь базовые навыки работы с эксплуатируемыми средствами вычислительной техники, информационными системами и информационными ресурсами органов прокуратуры Российской Федерации. Казалось бы, целевая подготовка будущих прокурорских работников сама по себе предусматривает включение в ученые планы специальной учебной дисциплины. Полагаем, что она может быть названа «Информационные системы органов прокуратуры и

навыки их использования». В проведении занятий по ней безусловно необходимо участие работников органов прокуратуры, имеющих достаточный опыт в данной сфере. Это обеспечило бы целенаправленное овладение будущими прокурорами указанными выше навыками и их внутреннюю готовность к их применению после приема на службу в органы прокуратуры.

Изучение ими включенной в учебно-тематический план института прокуратуры МГЮА дисциплины «Информационные системы в профессиональной деятельности юриста» не обеспечивает получения необходимого объема теоретических знаний и практических навыков в этой области, По нашему мнению, для устранения данного пробела в подготовке будущих прокуроров целесообразны: 1) безотлагательная проработка вопроса о включении предлагаемой нами дисциплины в учебные планы институтов прокуратуры; 2) подготовка ее соответствующей унифицированной рабочей программы; 3) издание организационно-распорядительного документа руководителей Генеральной прокуратуры Российской Федерации и названных выше образовательных учреждений, предусматривающего выполнение этой работы.

Заключение

Развитие ИИ в деятельности органов прокуратуры следует рассматривать как закономерный этап совершенствования средств и методов реализации возложенных на прокуратуру функций в условиях цифровой трансформации государства. Значение указанных технологий для прокурорского надзора за исполнением федерального законодательства определяется их способностью повышать качество информационно-аналитического обеспечения надзорной деятельности, способствовать своевременному выявлению признаков нарушений закона и создавать дополнительные предпосылки для повышения обоснованности прокурорских решений. Вместе с тем необходимо учитывать, что искусственный интеллект для целей правового регулирования необходимо рассматривать лишь как высокоэффективного «цифрового помощника», позволяющего прокурору оптимизировать свою работу, выполнять задачи, связанные с поиском, обработкой, передачей информации, а также иные задачи в наиболее производительном ключе. При этом ответственность и возможность принятия решений всегда должна оставаться за человеком.

Библиография

1. Белоусова Д. Информационные системы и цифровые сервисы в «общенадзорной» прокурорской деятельности // Законность. 2026. № 2. С. 15.
2. Искусственный интеллект: условия внедрения технологий и возможности их использования в деятельности органов прокуратуры // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2025. № 6 (110).
3. Каляев И.А. Как измерить искусственный интеллект? // Искусственный интеллект и принятие решений. 2023. № 1. С. 3–11.
4. Кипкаев О.В., Горошко И.В. Первоосновы прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере информационных технологий и защиты информации // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2025. № 5 (109). С. 63–76.
5. Кунев Д.А. Информационно-аналитическая деятельность в органах прокуратуры: становление, развитие, перспективы цифровой трансформации (к 90-летию системы ведомственной аналитики) // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2025. № 4 (108). С. 55.
6. Мацкевич И.М. Использование технологий искусственного интеллекта в деятельности органов прокуратуры // Законность. 2026. № 4. С. 30–36.
7. Немировский В.А. Использование информационных систем в деятельности органов прокуратуры по противодействию коррупции // Законность. 2023. № 1. С. 19–23.

8. О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации: Федеральный закон от 26.07.2026 № 243-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2026. № 30. Ст. 4089.
9. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта в Российской Федерации до 2030 года): Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 41. Ст. 5700 (в ред. от 15.02.2024).
10. Об утверждении квалификационных требований к должностям прокурорских работников прокуратуры города, района, приравненной к ним прокуратуры: приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 31.03.2023 № 227 (ред. от 26.03.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_443865/
11. Об утверждении квалификационных требований к специальной профессиональной подготовке выпускников федерального государственного казённого образовательного учреждения высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации» для прохождения службы в органах прокуратуры Российской Федерации: приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 29.11.2022 № 718. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405759633/
12. Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2030 года, а также о внесении изменений в отдельные организационно-распорядительные документы Генерального прокурора Российской Федерации: приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 11.09.2025 № 621 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_514574/
13. Паспорт федерального проекта «Искусственный интеллект» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: приложение № 3 к протоколу президиума Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности от 27.08.2020 № 17 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_398627/9e733b9ece0472e8f17a73cd753a75784f9e1fab/
14. План по внедрению технологий искусственного интеллекта и автоматизации деятельности в органах прокуратуры Российской Федерации на 2024–2026 годы: утв. Генеральным прокурором Российской Федерации 22.03.2024 // СПС «КонсультантПлюс».
15. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 29 февраля 2024 г. // Президент России: официальный сайт. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/73585
16. Расширенное заседание коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации 19 марта 2026 г. // Президент России: официальный сайт. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/79360
17. Соколов М.С., Красникова Е.В., Готовцев А.А. Цифровое и информационное обеспечение кадровых и антикоррупционных процессов в органах и организациях прокуратуры // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2025. № 6 (110). С. 115.
18. Спицин И.Н., Тарасов И.Н. Использование искусственного интеллекта при отправлении правосудия: теоретические аспекты правовой регламентации (постановка проблемы) // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 8 (117). С. 102–106.
19. Степанов О.А., Басангов Д.А. Актуальные аспекты использования информационных технологий в деятельности органов прокуратуры // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2024. № 1 (99). С. 26.
20. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of June 13, 2024, laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. 2024. L 2024/1689. July 12. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj

The Concept, Essence, and Significance of the Use of Artificial Intelligence in the System of Means for Optimizing the Activities of Prosecution Bodies

Sabina Z. Bartsits

Postgraduate Student,
Department of Organization of Judicial and Prosecutorial Activity,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
125993, 9, Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: bbbartsits@mail.ru

Abstract

The article examines the concept, essence, and significance of artificial intelligence as a means of optimizing the activities of the prosecution bodies of the Russian Federation. Based on an analysis of normative legal acts and scientific approaches, the prerequisites for the introduction of digital technologies into prosecutorial activity and their difference from traditional means of automation are considered. Promising areas of application of artificial intelligence in the exercise of prosecutorial supervision over the implementation of federal legislation are identified, including the processing of significant arrays of information, the identification of signs of violations of the law, information-analytical support for prosecutorial inspections, and the improvement of interdepartmental interaction. Particular attention is paid to the legal and organizational conditions for the use of these technologies, the reliability of the results obtained, and the professional training of prosecutorial workers. The necessity of retaining for the prosecutor the powers to make legally significant decisions and responsibility for them is substantiated. A conclusion is drawn about the auxiliary nature of artificial intelligence and the need to improve the legal regulation of its use.

For citation

Bartsits S.Z. (2026) Ponyatie, sushchnost', znachenie ispol'zovaniya iskusstvennogo intellekta v sisteme sredstv optimizatsii deyatel'nosti organov prokuratury [The Concept, Essence, and Significance of the Use of Artificial Intelligence in the System of Means for Optimizing the Activities of Prosecution Bodies]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (9A), pp. 44-53. DOI: 10.34670/AR.2026.93.25.007

Keywords

Artificial intelligence, prosecution bodies, general supervision, digital transformation, prosecutorial activity, digitalization, supervisory activity, legal regulation, state policy, risk management.

References

1. Belousova, D. (2026) Informatsionnye sistemy i tsifrovye servisy v "obshchenadzornoi" prokurorskoi deyatel'nosti [Information systems and digital services in "general supervisory" prosecutorial activities]. *Zakonnost'*, (2), 15.
2. Kalyaev, I. A. (2023). Kak izmerit' iskusstvennyi intellekt? [How to measure artificial intelligence?]. *Iskusstvennyi intellekt i prinyatie reshenii*, (1), 3–11.
3. Kipkaev, O. V., & Goroshko, I. V. (2025). Pervoosnovy prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonodatel'stva v sfere informatsionnykh tekhnologii i zashchity informatsii [Fundamentals of prosecutorial oversight over the enforcement of legislation in the field of information technology and information security]. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiiskoi Federatsii*, (5(109)), 63–76.
4. Kunev, D. A. (2025). Informatsionno-analiticheskaya deyatel'nost' v organakh prokuratury: stanovlenie, razvitie, perspektivy tsifrovoi transformatsii (k 90-letiyu sistemy vedomstvennoi analitiki) [Information and analytical activities in the prosecutor's office: formation, development, and prospects for digital transformation (on the 90th anniversary of the departmental analytics system)]. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiiskoi Federatsii*, (4(108)), 55.
5. Matskevich, I. M. (2026) Ispol'zovanie tekhnologii iskusstvennogo intellekta v deyatel'nosti organov prokuratury [The use of artificial intelligence technologies in the activities of prosecutorial authorities]. *Zakonnost'*, (4), 30–36.
6. Nemirovskii, V. A. (2023). Ispol'zovanie informatsionnykh sistem v deyatel'nosti organov prokuratury po protivodeistviyu korruptsii [The use of information systems in the anti-corruption activities of prosecutorial bodies]. *Zakonnost'*, (1), 19–23.
7. O podderzhke razvitiya tekhnologii iskusstvennogo intellekta v Rossiiskoi Federatsii [On support for the development of artificial intelligence technologies in the Russian Federation]: Federal Law No. 243-FZ of July 26, 2026. (2026) *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*, (30), Art. 4089.
8. O razvitii iskusstvennogo intellekta v Rossiiskoi Federatsii (vmeste s Natsional'noi strategiei razvitiya iskusstvennogo intellekta v Rossiiskoi Federatsii do 2030 goda) [On the development of artificial intelligence in the Russian Federation

(together with the National Strategy for the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation through 2030)]: Decree of the President of the Russian Federation No. 490 of October 10, 2019. (2019). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*, (41), Art. 5700 (as amended on February 15, 2024).
9. Ob utverzhdenii kvalifikatsionnykh trebovanii k dolzhnostyam prokurorskikh rabotnikov prokuratury goroda, raiona, priravnennoi k nim prokuratury [On the approval of qualification requirements for the positions of prosecutorial employees of the prosecutor's office of a city, district, and equivalent prosecutor's office]: Order of the Prosecutor General of the Russian Federation No. 227 of March 31, 2023 (as amended on March 26, 2025). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_443865/
10. Ob utverzhdenii kvalifikatsionnykh trebovanii k spetsial'noi professional'noi podgotovke vypusknikov federal'nogo gosudarstvennogo kazennogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya vysshego obrazovaniya "Universitet prokuratury Rossiiskoi Federatsii" dlya prokhozhdeniya sluzhby v organakh prokuratury Rossiiskoi Federatsii [On the approval of qualification requirements for special professional training of graduates of the Federal State Treasury Educational Institution of Higher Education "University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation" for service in the prosecutor's offices of the Russian Federation]: Order of the Prosecutor General of the Russian Federation No. 718 of November 29, 2022. https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405759633/
11. Ob utverzhdenii Kontseptsii tsifrovoi transformatsii organov i organizatsii prokuratury Rossiiskoi Federatsii do 2030 goda, a takzhe o vnesenii izmenenii v otdel'nye organizatsionno-rasporyaditel'nye dokumenty General'nogo prokurora Rossiiskoi Federatsii [On the approval of the Concept for the Digital Transformation of the Bodies and Organizations of the Prosecutor's Office of the Russian Federation through 2030, as well as on amendments to certain organizational and administrative documents of the Prosecutor General of the Russian Federation]: Order of the Prosecutor General of the Russian Federation No. 621 of September 11, 2025. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_514574/
12. Pasport federal'nogo proekta "Iskusstvennyi intellekt" natsional'noi programmy "Tsifrovaya ekonomika Rossiiskoi Federatsii" [Fact sheet on the "Artificial Intelligence" federal project of the "Digital Economy of the Russian Federation" national program]: Appendix No. 3 to the minutes of the Presidium of the Government Commission on Digital Development, the Use of Information Technologies to Improve the Quality of Life and Business Conditions No. 17 of August 27, 2020. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_398627/9e733b9ece0472e8f17a73cd753a75784f9e1fab/
13. Plan po vnedreniyu tekhnologii iskusstvennogo intellekta i avtomatizatsii deyatel'nosti v organakh prokuratury Rossiiskoi Federatsii na 2024–2026 gody [Plan for the implementation of artificial intelligence technologies and automation of activities in the prosecutor's offices of the Russian Federation for 2024–2026]: Approved by the Prosecutor General of the Russian Federation on March 22, 2024. *SPS "Konsul'tantPlyus"*.
14. Poslanie Prezidenta Rossiiskoi Federatsii Federal'nomu Sobraniyu ot 29 fevralya 2024 g. [Address by the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of February 29, 2024]. http://kremlin.ru/events/president/news/73585
15. Rasshirennoe zasedanie kollegii General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii 19 marta 2026 g. [Expanded meeting of the Collegium of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation on March 19, 2026]. http://kremlin.ru/events/president/news/79360
16. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of June 13, 2024, laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act). (2024). *Official Journal of the European Union*, L 2024/1689. https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj
17. Sokolov, M. S., Krasnikova, E. V., & Gotovtsev, A. A. (2025). Tsifrovoe i informatsionnoe obespechenie kadrovykh i antikorruptsionnykh protsessov v organakh i organizatsiyakh prokuratury [Digital and information support for personnel and anti-corruption processes in prosecutorial bodies and organizations]. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiiskoi Federatsii*, (6(110)), 115.
18. Spitsin, I. N., & Tarasov, I. N. (2020). Ispol'zovanie iskusstvennogo intellekta pri otpravlenii pravosudiya: teoreticheskie aspekty pravovoi reglamentatsii (postanovka problemy) [The use of artificial intelligence in the administration of justice: theoretical aspects of legal regulation (problem statement)]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, 15(8(117)), 102–106.
19. Stepanov, O. A., & Basangov, D. A. (2024). Aktual'nye aspekty ispol'zovaniya informatsionnykh tekhnologii v deyatel'nosti organov prokuratury [Current aspects of the use of information technologies in the activities of prosecutorial authorities]. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiiskoi Federatsii*, (1(99)), 26.
20. Iskusstvennyi intellekt: usloviya vnedreniya tekhnologii i vozmozhnosti ikh ispol'zovaniya v deyatel'nosti organov prokuratury [Artificial intelligence: conditions for the implementation of technologies and opportunities for their use in the activities of the prosecutor's office]. (2025). *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiiskoi Federatsii*, (6(110)).

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 342.9 **DOI: 10.34670/AR.2026.89.14.008**

Теоретические основы публично-правового обеспечения информационной безопасности в Словацкой Республике

Коробов Илья Андреевич

Магистр,
Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА),
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9;
e-mail: ya.korobov6@yandex.ru

Аннотация

Исследуется соотношение правового режима информации и обязанностей субъектов, обеспечивающих её защиту в Словацкой Республике. Проблема заключается в том, что отраслевое распределение норм затрудняет определение требований к конкретной операции с данными, а перечисление применимых актов не раскрывает порядка их совместного исполнения. Объект исследования составляют общественные отношения по обеспечению правомерного и устойчивого обращения информации в публичном управлении и предпринимательской деятельности. Использованы формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы. Обосновано понимание информационной безопасности как функционального правового комплекса с публично-правовым ядром. Научная новизна состоит в соединении двух самостоятельных этапов квалификации: определения режима сведений и установления обязанностей организации. Предложено оценивать исполнение через связь правового основания, ответственного лица, действия, срока и доказательства. Показано, что открытость сведений совместима с повышенными требованиями к защищённости системы, а передача обработки подрядчику не прекращает публичных обязанностей заказчика. Результаты применимы при подготовке решений о доступе, организации защиты и совершенствовании методического обеспечения надзора. Особое внимание уделено пофрагментной оценке смешанных документов, совместному применению режимов засекреченных сведений, персональных данных и кибербезопасности, а также тому, какой процедурный опыт словацкого регулирования может быть полезен для российского права.

Для цитирования в научных исследованиях

Коробов И.А. Теоретические основы публично-правового обеспечения информационной безопасности в Словацкой Республике // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 9А. С. 54-59. DOI: 10.34670/AR.2026.89.14.008

Ключевые слова

Информационная безопасность, публичное право, Словацкая Республика, доступ к информации, персональные данные, кибербезопасность, правовой режим, правоприменение, публично-правовое регулирование, информационные отношения.

Введение

Исследование словацкой модели информационной безопасности требует соединить три вопроса: что защищается, кому адресована обязанность и как проверяется её исполнение. Без этого возникает либо чрезмерное ограничение доступа, либо формальное соблюдение требований, не обеспечивающее защищённости.

Цель исследования – обосновать взаимосвязь правового режима сведений и организации их защиты. Анализ охватывает доступ, конфиденциальность, безопасность обработки и устойчивость услуг в словацком регулировании.

Й. Андрашко, М. Месарчик и П. Сокол рассматривают информационную безопасность через сохранение конфиденциальности, целостности и доступности информации, а кибербезопасность – применительно к киберпространству [Andraško, Mesarčik, Sokol, 2022, с. 12–13]. Для юридического исследования это различие значимо по предмету: защита бумажного дела и непрерывность сетевого сервиса требуют разных процедур, хотя могут служить одному охраняемому интересу.

Сводить информационную безопасность к секретности нельзя. Открытый реестр нуждается в защите от подмены записей и остановки работы. Напротив, шифрование клиентской базы не заменяет правового основания обработки. Законность и достаточность мер защиты подлежат самостоятельной проверке. А. В. Минбалеев рассматривает правовое регулирование во взаимосвязи с саморегулированием и техническими регуляторами [Минбалеев, 2019, с. 32]. Для настоящего исследования это позволяет разграничить юридическую допустимость операции и способы её безопасного выполнения.

Материалы и методы исследования

Исходное разграничение закреплено в пунктах 2–3 статьи 2 Конституции Словацкой Республики от 1 сентября 1992 г. № 460/1992 Zb. (Собрание законов Словацкой Республики, 1992, № 460; редакция с 01.11.2025; URL: https://static.slov-lex.sk/static/SK/ZZ/1992/460/20251101.html; дата обращения: 11.09.2026; далее – Конституция). Государственный орган действует на конституционном основании, в установленных пределах и предусмотренным законом способом; частное лицо вправе делать то, что законом не запрещено. Поэтому орган сначала устанавливает полномочие на операцию, а предприятие – обязанности, возникающие из избранной деятельности.

Пункт 1 статьи 26 Конституции гарантирует свободу выражения мнения и право на информацию; пункты 2–3 статьи 19 и статья 22 охраняют частную жизнь, персональные данные и тайну сообщений. Закон Словацкой Республики от 17 мая 2000 г. № 211/2000 Z. z. «О свободном доступе к информации и об изменении и дополнении некоторых законов (закон о свободе информации)» (Собрание законов Словацкой Республики, 2000, № 211; редакция с 04.02.2026; URL: https://static.slov-lex.sk/static/SK/ZZ/2000/211/20260204.html; дата обращения: 11.09.2026) определяет круг обязанных лиц (§ 2) и право доступа (§ 3). Само ведение бизнеса не создаёт обязанности раскрывать всю документацию.

Предлагаемый порядок квалификации исходит не из названия документа или отметки «конфиденциально», а из содержания сведений, статуса участников и предполагаемого действия. Опубликование, передача подрядчику и повторное использование требуют самостоятельной оценки. В частности, § 3, пункт 5 закона о свободе информации разрешает

дальнейшее распространение законно полученных сведений, но исключает предусмотренное им освобождение от ответственности в перечисленных случаях, включая раскрытие сведений о частной жизни и персональных данных с предварительного письменного согласия. Это не общий запрет распространения: правомерность последующей операции проверяется отдельно.

П. Икрени и соавторы связывают открытость публичного управления с общественным контролем и минимизацией ограничений [Ikrényi et al., 2015, с. 23–24]. Нормативное выражение пофрагментного подхода содержится в § 12, пункте 1 закона № 211/2000: запрошенная информация предоставляется после исключения защищаемых сведений. Наличие ограничения в отношении части документа не служит самостоятельным основанием для отказа в доступе ко всему документу.

Закон Словацкой Республики от 11 марта 2004 г. № 215/2004 Z. z. «О защите засекреченных сведений и об изменении и дополнении некоторых законов» (Собрание законов Словацкой Республики, 2004, № 215; редакция с 01.05.2025; URL: https://static.slov-lex.sk/static/SK/ZZ/2004/215/20250501.html; дата обращения: 11.09.2026) различает засекреченные сведения и лимитированную информацию. Для первых проверяются признаки сведений и полномочия по их отнесению к секретным (§ 2, подпункты a, e), а также степень секретности (§ 3). Лимитированная информация регулируется отдельно (§ 3a) и не является пятой степенью секретности.

Основной акт о персональных данных – Регламент Европейского парламента и Совета (ЕС) 2016/679 от 27 апреля 2016 г. «О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном движении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общий регламент по защите данных)» (Официальный журнал Европейского союза. 2016. L 119. С. 1–88; URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj/eng; дата обращения: 11.09.2026; далее – GDPR). Связь сведений с определённым или определяемым человеком устанавливается по статье 4, пункту 1; сфера действия – по статьям 2–3; цель и основание обработки – по статьям 5–6. Например, необходимость адреса покупателя для доставки сама по себе не оправдывает его публичное размещение (статья 5, пункт 1, подпункт b; статья 6, пункт 1, подпункт b).

Результаты и обсуждение

Режимы защиты не образуют единой шкалы, на которой более строгая категория поглощает остальные. Так, договорная конфиденциальность клиентской базы и основание обработки содержащихся в ней персональных данных отвечают на разные вопросы: разрешение контрагента не заменяет проверки по статье 6 GDPR. И. В. Забайкина показывает, что нарушения кибербезопасности автоматизированных систем отражаются не только на защищённости данных, но и на экономической устойчивости предприятий и издержках операционных простоев [Забайкина, 2025].

Рассмотрим условный муниципальный договор о ремонте здания, подлежащий опубликованию по § 5a, пункту 1 закона № 211/2000. Частный телефон работника проверяется по § 9; чертежи могут не публиковаться согласно § 5a, пункту 4. Однако освобождение от обязательного опубликования не означает запрета предоставления по запросу (§ 12, пункт 2). Ссылка на коммерческую тайну также требует учёта исключений для публичных средств и имущества (§ 10, пункт 2, подпункт c) и опубликования обязательных к публикации договоров (§ 10, пункт 3). Следовательно, решение зависит от содержания фрагмента и способа доступа, а не от общей пометки на документе.

GDPR непосредственно применяется в государствах – членах ЕС в пределах своей сферы (заключительное положение после статьи 99). Директива Европейского парламента и Совета (ЕС) 2022/2555 от 14 декабря 2022 г. «О мерах по обеспечению высокого общего уровня кибербезопасности в Союзе, об изменении Регламента (ЕС) № 910/2014 и Директивы (ЕС) 2018/1972 и об отмене Директивы (ЕС) 2016/1148» (Официальный журнал Европейского союза. 2022. L 333. С. 80–152; URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2022/2555/oj/eng; дата обращения: 11.09.2026; далее – NIS2) предусматривает национальную реализацию (статья 41). Словацкие требования закреплены в Законе от 30 января 2018 г. № 69/2018 Z. z. «О кибербезопасности и об изменении и дополнении некоторых законов» (Собрание законов Словацкой Республики, 2018, № 69; редакция с 30.04.2026; URL: https://static.slov-lex.sk/static/SK/ZZ/2018/69/20260430.html; дата обращения: 11.09.2026).

Квалификация сведений не определяет весь набор обязанностей организации. Наличие персональных данных само по себе не устанавливает специального статуса в законодательстве о кибербезопасности: проверяются вид субъекта, услуга, размерные критерии и исключения, предусмотренные § 17, пунктом 1 и приложениями 1–2 закона № 69/2018. Его § 17, пункты 2–5 отдельно регулирует сообщение сведений, регистрацию и момент возникновения соответствующих прав и обязанностей.

Устойчивость критической инфраструктуры регулирует Закон Словацкой Республики от 27 ноября 2024 г. № 367/2024 Z. z. «О критической инфраструктуре и об изменении и дополнении некоторых законов» (Собрание законов Словацкой Республики, 2024, № 367; редакция с 01.01.2025; URL: https://static.slov-lex.sk/static/SK/ZZ/2024/367/20250101.html; дата обращения: 11.09.2026). Его § 9 устанавливает критерии и порядок определения критического субъекта. Для водоснабжающей организации взлом системы и повреждение оборудования могут одинаково остановить услугу, но требуют разных мер. Режимы не исключают друг друга: критический субъект прямо указан в § 17, пункте 1, подпункте b закона № 69/2018.

Передача обработки подрядчику не снимает с контролёра обязанности обеспечить и подтвердить соответствие обработки требованиям GDPR (статья 24, пункт 1). Статья 28, пункт 3 требует договора или иного обязательного правового акта; подпункты g–h предусматривают удаление либо возврат данных по выбору контролёра с оговоркой об обязательном хранении, предоставление подтверждающей информации и содействие аудитам. Обработчик сообщает контролёру о нарушении безопасности персональных данных без неоправданной задержки (статья 33, пункт 2). Достаточность мер безопасности оценивается с учётом риска (статья 32, пункты 1–2).

Для систематизации этих требований предлагается фиксировать каждую обязанность через пять элементов: правовое основание, ответственный субъект, действие, срок и доказательство исполнения. Это авторский способ организации правового анализа, а не самостоятельная законодательная форма. Для уведомлений об инциденте следует дополнительно фиксировать адресата и событие, запускающее срок. Такая запись позволяет проверить обоснованность решения, разграничить отсутствие обязанности, её исполнение и нарушение.

Заключение

Словацкую модель объединяет функциональная связь правовых норм, компетенции, организационных процедур и контроля. Её нельзя представить ни перечнем тайн, ни каталогом технических мер. Режим информации определяет условия конкретной операции; статус

организации добавляет требования, связанные с выполняемой функцией и услугой; доказательства позволяют оценить исполнение. Эти этапы взаимосвязаны, но не взаимозаменяемы.

Для российского права полезен прежде всего процедурный опыт: пофрагментная оценка смешанного документа, фиксация основания ограничения, согласование обязанностей и доказательств. Перенос названий словацких режимов или количества степеней секретности сам по себе не обоснован. Заимствование оправданно при выявленной неопределённости отечественного регулирования и должно соотноситься с действующими компетенциями и гарантиями. Тем самым сравнительный анализ позволяет совершенствовать порядок применения права, не предполагая заранее недостаточности национальной системы.

Библиография

1. Забайкина И.В. Влияние кибербезопасности промышленных автоматизированных систем на экономическую устойчивость предприятий и издержки операционных простоев в условиях растущих угроз // Вопросы природопользования. 2025. Т. 4, № 8. С. 62–72.
2. Минбалеев А.В. Трансформация регулирования цифровых отношений // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 12 (64). С. 31–36. DOI: 10.17803/2311-5998.2019.64.12.031-036.
3. Andraško J., Mesarčik M., Sokol P. Právo kybernetickej bezpečnosti [Право кибербезопасности]. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave, Právnická fakulta, 2022. S. 12–13.
4. Ikrényi P. a kol. Zákon o slobodnom prístupe k informáciám. Komentár [Закон о свободном доступе к информации. Комментарий]. Bratislava: Wolters Kluwer, 2015. S. 23–24.

Theoretical Foundations of Public-Law Provision of Information Security in the Slovak Republic

Il'ya A. Korobov

Master,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
125993, 9, Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: ya.korobov6@yandex.ru

Abstract

The article examines the relationship between the legal regime of information and the duties of entities ensuring its protection in the Slovak Republic. The problem lies in the fact that the sectoral distribution of norms makes it difficult to determine the requirements for a specific data operation, and a listing of applicable acts does not reveal the procedure for their joint implementation. The object of the study is constituted by social relations concerning the provision of lawful and sustainable circulation of information in public administration and entrepreneurial activity. The formal-legal, systemic, and comparative-legal methods were used. The understanding of information security as a functional legal complex with a public-law core is substantiated. The scientific novelty consists in combining two independent stages of qualification: determining the regime of information and establishing the duties of the organization. It is proposed to assess implementation through the connection of legal basis, responsible person, action, time limit, and evidence. It is shown that the openness of information is compatible with increased requirements for the security

of the system, and the transfer of processing to a contractor does not terminate the public duties of the customer. The results are applicable in preparing decisions on access, organizing protection, and improving the methodological support of supervision. Particular attention is paid to the fragment-by-fragment assessment of mixed documents, the joint application of the regimes of classified information, personal data, and cybersecurity, as well as to what procedural experience of Slovak regulation may be useful for Russian law.

For citation

Korobov I.A. (2026) Teoreticheskie osnovy publichno-pravovogo obespecheniya informatsionnoy bezopasnosti v Slovatskoy Respublike [Theoretical Foundations of Public-Law Provision of Information Security in the Slovak Republic]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (9A), pp. 54-59. DOI: 10.34670/AR.2026.89.14.008

Keywords

Information security, public law, Slovak Republic, access to information, personal data, cybersecurity, legal regime, law enforcement, public-law regulation, information relations.

References

1. Andraško, J., Mesarčik, M., & Sokol, P. (2022). Právo kybernetickej bezpečnosti [Cybersecurity law]. Comenius University in Bratislava, Faculty of Law.
2. Ikrényi, P., et al. (2015). Zákon o slobodnom prístupe k informáciám. Komentár [Freedom of Information Act: A commentary]. Wolters Kluwer.
3. Minbaleev, A. V. (2019). Transformatsiya regulirovaniya tsifrovykh otnosheniy [Transformation of regulation of digital relations]. Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), (12(64)), 31–36. https://doi.org/10.17803/2311-5998.2019.64.12.031-036
4. Zabaiinka, I. V. (2025). Impact of cybersecurity of industrial automated systems on the economic sustainability of enterprises and the costs of operational downtime in the context of growing threats. Issues of Nature Management, 4(8), 62–72.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 342.565.2:004.8 **DOI: 10.34670/AR.2026.58.61.009**

Искусственный интеллект в конституционном судопроизводстве Российской Федерации: правовые пределы алгоритмизации проверки нормативных правовых актов на соответствие Конституции

Володин Евгений Анатольевич

Аспирант,
Московский гуманитарный университет,
111395, Российская Федерация, Москва, ул. Юности, 5;
e-mail: volodin.zhen@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу правовых оснований и ограничений применения технологий искусственного интеллекта в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации. Автор исходит из того, что конституционное судопроизводство обладает рядом качеств, отличающих его от иных видов судопроизводства: преобладание абстрактного и конкретного нормоконтроля над разрешением спора о факте, действие принятого решения erga omnes, телеологический характер толкования конституционных норм, отсутствие в большинстве случаев состязательности сторон в её традиционном понимании. Показано, что перечисленные особенности задают собственную, отличную от гражданского, арбитражного и уголовного процесса, конфигурацию допустимого алгоритмического участия: обработка входящих обращений и проверка их на соответствие формальным критериям приемлемости, сопоставление оспариваемой нормы с массивом ранее принятых постановлений и определений Конституционного Суда на предмет выявления содержательных коллизий, подготовка справочно-аналитических материалов о зарубежной практике конституционного контроля — могут быть отнесены к сфере оправданной автоматизации, тогда как собственно акт конституционно-правовой квалификации нормы, требующий соотнесения текста закона с ценностными началами Конституции, исключает делегирование машине. Сформулированы предложения по внесению дополнений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации», направленные на закрепление обязанности раскрытия факта использования систем интеллектуального анализа при подготовке дела к слушанию и на установление процессуального запрета ссылаться на результаты алгоритмической обработки как на самостоятельное основание итогового решения.

Для цитирования в научных исследованиях

Володин Е.А. Искусственный интеллект в конституционном судопроизводстве Российской Федерации: правовые пределы алгоритмизации проверки нормативных правовых актов на соответствие Конституции // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 9А. С. 60-71. DOI: 10.34670/AR.2026.58.61.009

Ключевые слова

Искусственный интеллект в конституционном судопроизводстве, нормоконтроль, Конституционный Суд Российской Федерации, алгоритмизация толкования конституционных норм, приемлемость обращения, erga omnes, цифровизация конституционного правосудия, пределы автоматизации судебной деятельности, правовые гарантии конституционного судопроизводства, телеологическое толкование, управление рисками, методология исследования.

Введение

Дискуссия об искусственном интеллекте в правосудии, развернувшаяся в отечественной науке за последние несколько лет, преимущественно строится вокруг судов общей юрисдикции и арбитражных судов - той сферы, где количество однотипных дел, поддающихся формализации, действительно велико и где эффект от автоматизации заметен статистически [Ващекин, 2023; Федоренко, Шумейко, 2025]. Конституционное судопроизводство остаётся в этой дискуссии на периферии, и подобное положение вещей объяснимо: количество дел, ежегодно рассматриваемых Конституционным Судом Российской Федерации, исчисляется десятками постановлений и несколькими тысячами определений об отказе в принятии обращения к рассмотрению, что несопоставимо с нагрузкой судов общей юрисдикции. Однако именно скромный количественный масштаб конституционного судопроизводства долгое время скрывал качественную специфику той проблемы, которую ставит перед этим видом судопроизводства цифровизация.

Особенность конституционного правосудия состоит не в объёме дел, а в характере предмета проверки. Суд общей юрисдикции устанавливает фактические обстоятельства и применяет к ним норму права; арбитражный суд оценивает доказательства исполнения обязательства; Конституционный Суд Российской Федерации, напротив, в подавляющем большинстве случаев не устанавливает факты в традиционном смысле - он соотносит текст нормативного предписания с содержанием конституционных положений, обладающих открытой, ценностно нагруженной структурой. Позиция, выраженная Конституционным Судом ещё в постановлении от 15 июля 1999 г. № 11-П, о недопустимости формально-догматического подхода к оценке соразмерности ограничения прав [Постановление Конституционного Суда РФ от 15.07.1999 № 11-П, 1999], иллюстрирует именно эту черту конституционного нормоконтроля: решение принимается не путём подведения факта под норму, а путём взвешивания конституционных ценностей, для которого отсутствует алгоритмически исчислимая метрика.

Между тем цифровая инфраструктура конституционного правосудия развивается, и было бы наивно полагать, что технологии интеллектуального анализа текста обойдут стороной аппарат Конституционного Суда. Обработка потока обращений, из которых подавляющее большинство не отвечает критериям допустимости, установленным Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде Российской Федерации», объективно подталкивает секретариат к использованию средств автоматической классификации текста; необходимость обеспечения внутренней непротиворечивости практики конституционного контроля стимулирует применение систем интеллектуального поиска по массиву правовых позиций. Указанные процессы протекают без специального нормативного сопровождения, и настоящая статья призвана восполнить этот пробел применительно именно к конституционному

судопроизводству, а не к судопроизводству вообще.

Актуальность обращения к теме усиливается и тем обстоятельством, что решения Конституционного Суда Российской Федерации порождают эффект erga omnes - они обязательны не только для сторон конкретного дела, но и для неопределённого круга лиц, законодателя и правоприменителей в целом. Ошибка алгоритма, допущенная на стадии подготовки дела к слушанию в суде общей юрисдикции, затрагивает интересы конкретных участников процесса; аналогичная ошибка, повлиявшая на позицию Конституционного Суда, транслируется на всю правовую систему. Это обстоятельство качественно повышает цену возможной алгоритмической погрешности и требует особой осторожности при определении пределов автоматизации.

Материалы и методы

Методологическую основу настоящего исследования составляет сочетание формально-юридического анализа положений Конституции Российской Федерации, Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Национальной стратегии развития искусственного интеллекта [О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации, 2019; О внесении изменений в Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490, 2024] с сопоставительным изучением доктринальных позиций, сформулированных применительно к иным видам судопроизводства [Морхат, 2019; Гаджиев, Нарыгина, 2025; Бондарева, Сафонов, 2025]. Поскольку эмпирическая практика применения интеллектуальных систем непосредственно в конституционном судопроизводстве в Российской Федерации не обнаруживает открытых статистических данных, автор опирается на метод экстраполяции: закономерности, выявленные применительно к гражданскому и арбитражному процессу [Соседова, 2020; Дрозд, 2024], проверяются на предмет применимости к специфике конституционного нормоконтроля с учётом структурных особенностей последнего.

Использован сравнительно-правовой метод, позволивший сопоставить документы Совета Европы, в частности Европейскую этическую хартию об использовании искусственного интеллекта в судебных системах 2018 года [Европейская этическая хартия по использованию искусственного интеллекта в судебных системах и их окружении, 2018] и Рекомендацию CM/Rec(2020)1 о влиянии алгоритмических систем на права человека [Recommendation CM/Rec(2020)1, 2020], с отечественной практикой органов конституционного контроля. Догматический анализ дополнен методом системного толкования: положения статей 3, 36, 74, 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» рассматриваются в единстве с общими принципами судопроизводства, установленными применительно к иным его видам.

Литературный обзор

Отечественная наука публичного права накопила значительный массив исследований общего характера, посвящённых понятию и признакам искусственного интеллекта [Морхат, 2017; Минбалеев, 2022; Тарасов, 2022; Щитова, 2022], а также правовому регулированию отношений, складывающихся в связи с его использованием [Ващекин, 2023; Липчанская, 2021; Федоренко, Шумейко, 2025]. Отдельное направление составляют работы, анализирующие возможности и риски применения ИИ в судебной деятельности как таковой, без выделения

специфики отдельных видов судопроизводства: В. В. Момотов последовательно проводит мысль о том, что алгоритм не может и не должен быть нейтрален человеку в тех вопросах, где решение опосредовано ценностным выбором [Момотов, 2019]; М. В. Соседова обращается к проблематике «предсказанного правосудия», отмечая, что предиктивная функция ИИ применительно к типовым гражданским спорам принципиально отличается от задачи содержательной правовой квалификации [Соседова, 2020]; А. С. Хуноян предлагает модель поэтапного внедрения интеллектуальных систем в судебную деятельность применительно к судам общей юрисдикции [Хуноян, 2022].

Применительно к конституционному правосудию специальных публикаций в представленном массиве источников практически не встречается: авторы, затрагивающие вопрос, ограничиваются упоминанием конституционного судопроизводства в общем перечне сфер потенциального применения ИИ, не раскрывая его отраслевой специфики [Гаджиев, Нарыгина, 2025; Бондарева, Сафонов, 2025]. Такое положение соответствует и общей картине, выявленной в диссертационных исследованиях смежной проблематики: А. Р. Атабеков анализирует правовое регулирование искусственного интеллекта в публичной сфере в сравнительно-правовом ключе, не выделяя конституционное судопроизводство как самостоятельный объект [Атабеков, 2024]; Д. О. Дрозд рассматривает процессуальные формы использования элементов искусственного интеллекта применительно к арбитражному и гражданскому судопроизводству, прямо оставляя конституционное правосудие за рамками исследования [Дрозд, 2024].

Зарубежная литература также демонстрирует смещение внимания к судам общей юрисдикции и административным трибуналам: Ф. З. Боргезиус исследует проблему алгоритмической дискриминации применительно к решениям, затрагивающим социальные права граждан в системе массового правоприменения, но не в контексте органов конституционного контроля [Borgesius, 2018]. Документы Совета Европы формулируют общие этические требования к алгоритмическим системам в судебной сфере [Европейская этическая хартия по использованию искусственного интеллекта в судебных системах и их окружении, 2018; Recommendation CM/Rec(2020)1, 2020], которые нуждаются в адаптации к специфике органов конституционной юстиции, обладающих принципиально иной, чем суды общей юрисдикции, компетенцией.

Изложенное позволяет констатировать, что вопрос о допустимых формах и пределах применения искусственного интеллекта именно в конституционном судопроизводстве Российской Федерации не подвергался специальному научному анализу, что и предопределяет обращение автора к данной теме.

Результаты

Специфика предмета конституционного нормоконтроля как ограничитель алгоритмизации

Функциональное назначение Конституционного Суда Российской Федерации состоит не в разрешении спора между сторонами по поводу фактических обстоятельств, а в проверке нормативного предписания на соответствие Конституции. Эта проверка осуществляется преимущественно посредством телеологического толкования - выявления цели, преследуемой законодателем, и соотнесения её с системой конституционных ценностей, среди которых достоинство личности, соразмерность ограничения прав, разделение властей, федеративное устройство. Подобная деятельность принципиально отличается от установления фактов по

гражданскому или уголовному делу: она не опирается на доказательственную базу в процессуальном смысле термина и не предполагает применения стандартов оценки достоверности сведений.

Данное обстоятельство имеет прямое значение для определения границ алгоритмизации. Системы машинного обучения демонстрируют высокую эффективность там, где решаемая задача может быть сведена к классификации на основе ранее накопленного массива однотипных примеров [Ващекин, 2023; Бондарева, Сафонов, 2025]. Применительно к конституционному нормоконтролю такой массив принципиально ограничен: количество постановлений Конституционного Суда Российской Федерации, вынесенных за всё время его деятельности, исчисляется несколькими сотнями, что на порядки меньше массива судебных решений судов общей юрисдикции, обычно используемого для обучения моделей предиктивной аналитики [Соседова, 2020]. Малый объём обучающей выборки делает статистически ненадёжным использование методов машинного обучения непосредственно для прогнозирования исхода конституционного спора, а тем более - для формирования содержательной правовой позиции.

Формы допустимого алгоритмического участия на различных стадиях конституционного судопроизводства

Стадийность конституционного судопроизводства, установленная Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде Российской Федерации», позволяет дифференцировать формы возможного алгоритмического участия применительно к каждой из стадий.

Таблица 1 — Формы использования искусственного интеллекта на стадиях конституционного судопроизводства

Стадия судопроизводства	Возможная ИИ-функция	Основной риск	Степень допустимости
Регистрация обращения	Автоматическая проверка комплектности документов, уплаты государственной пошлины	Отказ по формальному признаку без учёта фактических обстоятельств заявителя	Высокая
Предварительное изучение обращения	Классификация обращения по предмету регулирования, поиск аналогичных ранее рассмотренных дел	Ошибочное отнесение обращения к категории «явно необоснованных»	Умеренная, при обязательной верификации судьёй
Подготовка дела к слушанию	Систематизация нормативного массива, сопоставление оспариваемой нормы с ранее выраженными правовыми позициями	Механическое перенесение позиции без учёта изменившегося социально-правового контекста	Умеренная
Изучение зарубежного опыта и доктрины	Автоматизированный подбор компаративного материала	Искажение смысла зарубежного регулирования при машинном переводе	Умеренная
Формулирование правовой позиции и резолютивной части постановления	Отсутствует; исключительно судейское усмотрение	Подмена ценностного выбора статистической закономерностью	Недопустимая
Обнародование и исполнение решения	Автоматизация рассылки, учёт исполнения предписаний законодателю	Отсутствует существенных рисков	Высокая

Как показывает таблица, наиболее спорной является стадия предварительного изучения

обращения секретариатом Конституционного Суда, на которой уже сегодня решается вопрос о том, будет ли обращение доложено судье-докладчику либо признано неприемлемым по формальным критериям. Именно на этой стадии алгоритмическая классификация текста обращения способна привести к системной ошибке: заявитель, чья жалоба сформулирована юридически неточно, но содержит по существу конституционно значимый вопрос, рискует получить отказ, основанный на поверхностном текстовом сходстве его обращения с ранее отклонёнными обращениями. Данный риск описан в литературе применительно к иным видам судопроизводства как эффект «воспроизведения предшествующего отказа» [Тарасов, 2022; Федоренко, Шумейко, 2025], и он приобретает в конституционном судопроизводстве повышенную значимость ввиду того, что для заявителя обращение в Конституционный Суд зачастую является последним доступным средством правовой защиты.

Сравнение допустимой степени автоматизации в различных видах судопроизводства

Для того чтобы обосновать специфику конституционного судопроизводства, целесообразно сопоставить её с иными видами судопроизводства по ряду формальных критериев.

Таблица 2 — Сравнительная характеристика видов судопроизводства применительно к пределам допустимой алгоритмизации

Критерий	**Гражданское / арбитражное судопроизводство**	**Административное судопроизводство**	**Уголовное судопроизводство**	**Конституционное судопроизводство**
Преобладающий предмет	Факт и его правовая квалификация	Проверка законности акта органа власти	Установление вины	Проверка нормы на соответствие Конституции
Объём типовых дел	Высокий (приказное, упрощённое производство)	Средний	Низкий	Крайне низкий
Действие решения	Inter partes	Inter partes, отдельные категории - erga omnes	Inter partes	Erga omnes
Характер толкования	Систематическое, историческое	Систематическое	Строго формальное (в силу принципа законности)	Телеологическое, ценностное
Обучающая выборка для ИИ	Значительная	Средняя	Значительная	Незначительная
Допустимый уровень автоматизации (по авторской классификации)	Вспомогательный - проектный	Вспомогательный - аналитический	Вспомогательный (за пределами оценки вины)	Вспомогательный

Сопоставление показывает, что конституционное судопроизводство занимает крайнюю позицию по большинству значимых параметров: минимальный объём типовых дел, максимальный эффект решения, максимально ценностно нагруженное толкование.

Сопоставление показывает, что конституционное судопроизводство занимает крайнюю позицию по большинству значимых параметров: минимальный объём типовых дел, максимальный эффект решения, максимально ценностно нагруженное толкование.

Совокупность этих факторов позволяет утверждать, что предельно допустимый уровень алгоритмизации в конституционном судопроизводстве ниже, чем в любом ином виде судопроизводства, включая уголовный процесс, где, несмотря на исключительную значимость личной свободы, предмет доказывания всё же в большей степени поддаётся формализации через институт стандартов доказывания.

Проблема алгоритмической реконструкции правовых позиций

Отдельного анализа требует ситуация, при которой интеллектуальная система используется не для вынесения решения, а для «интеллектуального поиска» правовых позиций, ранее выраженных Конституционным Судом Российской Федерации, - функция, аналогичная предиктивным сервисам, применяемым в гражданском и арбитражном процессе [Соседова, 2020; Хуноян, 2022]. На первый взгляд подобная функция относится к вспомогательному уровню автоматизации и не порождает конституционно значимых рисков. Однако при более пристальном рассмотрении обнаруживается специфическая опасность: правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации формируются не изолированно, а в сложной системе взаимных отсылок, уточнений и - в отдельных случаях - фактического преодоления ранее выраженных подходов при сохранении внешне сходной текстовой формулы. Алгоритм, оперирующий критерием текстового совпадения, рискует представить судье-докладчику формально релевантную, но содержательно устаревшую позицию, что способно исказить последующую правовую квалификацию. Данная опасность носит более острый характер, чем аналогичная проблема в гражданском судопроизводстве, поскольку ошибочная правовая позиция, воспроизведённая в постановлении Конституционного Суда, немедленно приобретает нормативное значение для всей правовой системы.

Обсуждение

Сформулированные результаты позволяют утверждать, что применительно к конституционному судопроизводству неприменима универсальная модель допустимости алгоритмизации, разработанная для судов общей юрисдикции и арбитражных судов на основе критерия формализуемости предмета спора и объёма типовых дел [Дрозд, 2024]. Специфика конституционного нормоконтроля требует введения дополнительного критерия - характера эффекта итогового решения. Там, где решение обязательно лишь для сторон конкретного дела, ошибка алгоритма локализуема и устранима посредством пересмотра судебного акта в апелляционном или кассационном порядке; там, где решение действует erga omnes, механизм последующей коррекции значительно более трудоёмок и требует нового обращения в Конституционный Суд либо законодательной инициативы.

Из этого вытекает необходимость сформулировать применительно к конституционному судопроизводству собственный, более строгий стандарт раскрытия факта алгоритмического участия. Если в гражданском и арбитражном процессе допустимо ограничиться общим указанием на использование системы автоматизированного анализа при подготовке материалов дела [Дрозд, 2024; Федоренко, Шумейко, 2025], то применительно к конституционному судопроизводству целесообразно закрепить требование о раскрытии конкретного перечня операций, выполненных с использованием интеллектуальной системы, в материалах, прилагаемых к делу, с тем чтобы данная информация могла быть учтена при последующем изучении практики Конституционного Суда доктриной и правоприменителями.

Существенным является и вопрос об ответственности за возможную ошибку алгоритма на

стадии предварительного изучения обращения. Поскольку отказ в принятии обращения к рассмотрению по формальным основаниям не подлежит обжалованию в вышестоящую инстанцию ввиду отсутствия таковой применительно к Конституционному Суду Российской Федерации, автор полагает необходимым установить специальный внутренний механизм - обязательную выборочную повторную проверку определённой доли отказных материалов (например, не менее пятой части) без использования систем автоматической классификации, силами судьи-докладчика или сотрудника аппарата, с целью выявления системных отклонений в работе алгоритма. Подобный механизм, не имеющий прямых аналогов в иных видах судопроизводства, обусловлен именно отсутствием вышестоящей инстанции, способной исправить возможную алгоритмическую ошибку.

Наконец, следует отдельно остановиться на соотношении рассматриваемой проблематики с общими этическими принципами, сформулированными Советом Европы [Европейская этическая хартия по использованию искусственного интеллекта в судебных системах и их окружении, 2018; Recommendation CM/Rec(2020)1, 2020]. Европейская этическая хартия закрепляет принцип «под контролем пользователя», предполагающий сохранение за судьёй решающей роли в любом случае применения алгоритмических систем. Применительно к конституционному судопроизводству данный принцип нуждается в усилении: если для судов общей юрисдикции достаточно предусмотреть право стороны потребовать пересмотра дела без учёта алгоритмической рекомендации, то применительно к Конституционному Суду Российской Федерации соответствующее требование должно приобрести характер императивного правила, не зависящего от волеизъявления заявителя, поскольку публично-правовой характер конституционного нормоконтроля, затрагивающего интересы неопределённого круга лиц, исключает возможность распоряжения процессуальными гарантиями по усмотрению одной из сторон.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сформулировать ряд выводов. Во-первых, конституционное судопроизводство обладает совокупностью признаков - телеологическим характером толкования, эффектом erga omnes принимаемых решений, крайне ограниченным объёмом обучающего массива данных, - которые задают более строгий, чем в иных видах судопроизводства, стандарт допустимости алгоритмического участия. Во-вторых, оправданной сферой применения интеллектуальных систем в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации следует признать регистрацию обращений, их предварительную формальную классификацию при условии обязательной верификации судьёй, систематизацию нормативного и сравнительно-правового материала; недопустимой - собственно формулирование правовой позиции и резолютивной части итогового акта. В-третьих, специфика стадии предварительного изучения обращения, на которой отсутствует институт обжалования в вышестоящую инстанцию, требует введения специального механизма выборочной проверки алгоритмически отклонённых обращений, не имеющего аналогов в иных видах судопроизводства.

Изложенные положения могут быть учтены при разработке дополнений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации», а также в подзаконные акты, регламентирующие деятельность аппарата Конституционного Суда, и при формировании общей модели процессуальных гарантий применения искусственного

интеллекта в судебной системе Российской Федерации. Дальнейшего исследования требует вопрос о применимости выработанных подходов к деятельности конституционных (уставных) советов субъектов Российской Федерации, создаваемых в порядке, предусмотренном законодательством о поправке к Конституции Российской Федерации.

Библиография

1. Атабеков А. Р. Концептуальные подходы и практика правового регулирования искусственного интеллекта в публичной сфере: сравнительно-правовое исследование: автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 5.1.2. Москва, 2024. 40 с.
2. Бондарева И. О., Сафонов А. А. Искусственный интеллект в судебной системе: на пути к ответственной интеграции // Юристъ-Правоведъ. 2025. № 4(115). С. 122–127.
3. Ващекин А. Н., Ващекина И. В. Искусственный интеллект в судебной системе: задачи и методы // Правовая информатика. 2023. № 3. С. 65–74.
4. Гаджиев В. Э., Нарыгина М. О. Искусственный интеллект в судебной системе: за и против // Сборник материалов XIX Всероссийской молодежной научно-практической конференции. Улан-Удэ, 2025. С. 197–200.
5. Дрозд Д. О. Процессуальные формы использования элементов искусственного интеллекта в современном арбитражном и гражданском судопроизводстве: дис. … канд. юрид. наук: 5.1.3. Москва, 2024. 249 с.
6. Европейская этическая хартия по использованию искусственного интеллекта в судебных системах и их окружении: принята Европейской комиссией по эффективности правосудия (CEPEJ) 3–4 декабря 2018 г.
7. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта: одобрен 26.10.2021 // Официальный сайт Аналитического центра при Правительстве РФ. URL: https://a-ai.ru.
8. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с последующими изменениями) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
9. Липчанская М. А. Динамика развития конституционного права на образование в условиях цифровизации и внедрения технологий искусственного интеллекта: регуляторные риски и перспективы // Субъект права: стабильность и динамика правового статуса в условиях цифровизации: сб. науч. тр. / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило, 2021.
10. Минбалеев А. В. Понятие «искусственный интеллект» в праве // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2022. Т. 32, № 6. С. 1094–1099.
11. Момотов В. В. Искусственный интеллект в суде не будет нейтрален человеку // Электронное периодическое издание LEGAL.REPORT. URL: legal.report.
12. Мохат П. М. К вопросу о юридическом понимании искусственного интеллекта // Аграрное и земельное право. 2017. № 11(155). С. 89–95.
13. Мохат П. М. Применение искусственного интеллекта в судопроизводстве // Право и цифровая экономика. 2019. № 1(03). С. 44–47.
14. О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490: указ Президента РФ от 15.02.2024 № 124 // Собрание законодательства РФ. 2024. № 8. Ст. 1042.
15. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.
16. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.
17. Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации: федер. закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. I). Ст. 6217.
18. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15.07.1999 № 11-П // Собрание законодательства РФ. 1999. № 30. Ст. 3988.
19. Соседова М. В. Возможность применения искусственного интеллекта при рассмотрении отдельных гражданских дел: предсказанное правосудие // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 5. С. 32–37.
20. Тарасов И. Н. Проблемы правового регулирования на примере понятия «искусственный интеллект» // Lex Russica. 2022. Т. 75, № 1(182). С. 122–130.
21. Федоренко Н. В., Шумейко И. Ю. Влияние искусственного интеллекта на судебную систему России // Юристъ-Правоведъ. 2025. № 4(115). С. 68–76.
22. Хуноян А. С. Моделирование применения технологии искусственного интеллекта в судебной системе // Правовая информатика. 2022. № 4. С. 76–86.
23. Щитова А. А. Правовое регулирование информационных отношений по использованию систем искусственного интеллекта: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.13. Москва, 2022. 225 с.
24. Borgesius F. Z. Discrimination, artificial intelligence, and algorithmic decision-making. URL: https://rm.coe.int.

25. Recommendation CM/Rec(2020)1 of the Committee of Ministers to member States on the human rights impacts of algorithmic systems.

Artificial Intelligence in Constitutional Judicial Proceedings of the Russian Federation: Legal Limits of Algorithmization of Verification of Normative Legal Acts for Compliance with the Constitution

Evgenii A. Volodin

Postgraduate Student,
Moscow University for the Humanities,
111395, 5, Yunosti str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: volodin.zhen@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of the legal grounds and limitations of the use of artificial intelligence technologies in the activity of the Constitutional Court of the Russian Federation. The author proceeds from the premise that constitutional judicial proceedings possess a number of qualities distinguishing them from other types of judicial proceedings: the predominance of abstract and concrete normative control over the resolution of a dispute about fact, the effect of a decision taken erga omnes, the teleological character of the interpretation of constitutional norms, and the absence in most cases of adversariality of the parties in its traditional sense. It is shown that these features set their own configuration of permissible algorithmic participation, different from civil, arbitration, and criminal procedure: the processing of incoming applications and verification of their compliance with formal admissibility criteria, the comparison of the contested norm with the array of previously adopted rulings and determinations of the Constitutional Court for the purpose of identifying substantive collisions, and the preparation of reference and analytical materials on foreign practice of constitutional control may be attributed to the sphere of justified automation, whereas the act of constitutional-legal qualification of the norm itself, requiring the correlation of the text of the law with the value foundations of the Constitution, excludes delegation to a machine. Proposals are formulated for introducing amendments to the Federal Constitutional Law "On the Constitutional Court of the Russian Federation," aimed at consolidating the obligation to disclose the fact of the use of intelligent analysis systems in preparing a case for hearing and at establishing a procedural prohibition on referring to the results of algorithmic processing as an independent basis for the final decision.

For citation

Volodin E.A. (2026) Iskusstvennyy intellekt v konstitutsionnom sudoproizvodstve Rossiyskoy Federatsii: pravovye predely algoritmizatsii proverki normativnykh pravovykh aktov na sootvetstvie Konstitutsii [Artificial Intelligence in Constitutional Judicial Proceedings of the Russian Federation: Legal Limits of Algorithmization of Verification of Normative Legal Acts for Compliance with the Constitution]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (9A), pp. 60-71. DOI: 10.34670/AR.2026.58.61.009

Keywords

Artificial intelligence in constitutional judicial proceedings, normative control, Constitutional Court of the Russian Federation, algorithmization of the interpretation of constitutional norms, admissibility of an application, erga omnes, digitalization of constitutional justice, limits of automation of judicial activity, legal guarantees of constitutional judicial proceedings, teleological interpretation, risk management, research methodology.

References

1. Atabekov, A. R. (2024). *Kontseptual'nye podkhody i praktika pravovogo regulirovaniya iskusstvennogo intellekta v publichnoy sfere: sravnitel'no-pravovoe issledovanie* [Conceptual Approaches and Practice of Legal Regulation of Artificial Intelligence in the Public Sphere: A Comparative Legal Study] (Abstract of Dr. Sc. (Law) dissertation: 5.1.2). Moscow, 40 p.
2. Bondareva, I. O., & Safonov, A. A. (2025). Iskusstvennyy intellekt v sudebnoy sisteme: na puti k otvetstvennoy integratsii [Artificial Intelligence in the Judicial System: Towards Responsible Integration]. *Yurist-Pravoved*, (4(115)), 122–127.
3. Borgesius, F. Z. (2018). *Discrimination, artificial intelligence, and algorithmic decision-making*. Retrieved from https://rm.coe.int.
4. Drozd, D. O. (2024). *Protsessual'nye formy ispol'zovaniya elementov iskusstvennogo intellekta v sovremennom arbitrazhnom i grazhdanskom sudoproizvodstve* [Procedural Forms of Using Elements of Artificial Intelligence in Modern Arbitration and Civil Proceedings] (Ph.D. (Law) dissertation: 5.1.3). Moscow, 249 p.
5. *Evropeyskaya eticheskaya khartiya po ispol'zovaniyu iskusstvennogo intellekta v sudebnykh sistemakh i ikh okruzhenii* [European Ethical Charter on the Use of Artificial Intelligence in Judicial Systems and their Environment]. (2018). Adopted by the European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ) on December 3–4, 2018.
6. Fedorenko, N. V., & Shumeiko, I. Yu. (2025). Vliyanie iskusstvennogo intellekta na sudebnuyu sistemu Rossii [The Influence of Artificial Intelligence on the Judicial System of Russia]. *Yurist-Pravoved*, (4(115)), 68–76.
7. Gadzhiev, V. E., & Narygina, M. O. (2025). Iskusstvennyy intellekt v sudebnoy sisteme: za i protiv [Artificial Intelligence in the Judicial System: Pros and Cons]. In *Sbornik materialov XIX Vserossiyskoy molodezhnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* (pp. 197–200). Ulan-Ude.
8. Khunoyan, A. S. (2022). Modelirovanie primeneniya tekhnologii iskusstvennogo intellekta v sudebnoy sisteme [Modeling the Application of Artificial Intelligence Technology in the Judicial System]. *Pravovaya informatika*, (4), 76–86.
9. *Kodeks etiki v sfere iskusstvennogo intellekta* [Code of Ethics in the Field of Artificial Intelligence]. (2021). Approved on 26.10.2021. Retrieved from https://a-ai.ru.
10. *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii* [Constitution of the Russian Federation]. (2014). Adopted by nationwide vote on December 12, 1993 (as amended). *Sobranie zakonodatel'stva RF*, (31), Art. 4398.
11. Lipchanskaya, M. A. (2021). Dinamika razvitiya konstitutsionnogo prava na obrazovanie v usloviyakh tsifrovizatsii i vnedreniya tekhnologiy iskusstvennogo intellekta: regulyatornye riski i perspektivy [Dynamics of the Development of the Constitutional Right to Education in the Context of Digitalization and the Introduction of Artificial Intelligence Technologies: Regulatory Risks and Prospects]. In D. A. Pashentsev & M. V. Zaloilo (Eds.), *Sub"ekt prava: stabil'nost' i dinamika pravovogo statusa v usloviyakh tsifrovizatsii: sb. nauch. tr.*
12. Minbaleev, A. V. (2022). Ponyatie "iskusstvennyy intellekt" v prave [The Concept of "Artificial Intelligence" in Law]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo*, 32(6), 1094–1099.
13. Momotov, V. V. (2019). Iskusstvennyy intellekt v sude ne budet neytralen cheloveku [Artificial Intelligence in Court Will Not Be Neutral to Humans]. *Elektronnoe periodicheskoe izdanie LEGAL.REPORT*. Retrieved from legal.report.
14. Morkhat, P. M. (2017). K voprosu o yuridicheskom ponimanii iskusstvennogo intellekta [On the Issue of the Legal Understanding of Artificial Intelligence]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo*, (11(155)), 89–95.
15. Morkhat, P. M. (2019). Primenenie iskusstvennogo intellekta v sudoproizvodstve [Application of Artificial Intelligence in Judicial Proceedings]. *Pravo i tsifrovaya ekonomika*, (1(03)), 44–47.
16. *O vnesenii izmeneniy v Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 10 oktyabrya 2019 g. № 490* [On Amendments to the Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019 No. 490]. (2024). Decree of the President of the RF No. 124 of 15.02.2024. *Sobranie zakonodatel'stva RF*, (8), Art. 1042.
17. *O razvitii iskusstvennogo intellekta v Rossiyskoy Federatsii* [On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation]. (2019). Decree of the President of the RF No. 490 of 10.10.2019. *Sobranie zakonodatel'stva RF*, (41), Art. 5700.
18. *Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiyakh i o zashchite informatsii* [On Information, Information Technologies and Information Protection]. (2006). Federal Law No. 149-FZ of 27.07.2006 (as amended on 29.12.2025). *Sobranie zakonodatel'stva RF*, (31(Pt. I)), Art. 3448.

19. *Ob obespechenii dostupa k informatsii o deyatel'nosti sudov v Rossiyskoy Federatsii* [On Ensuring Access to Information on the Activities of Courts in the Russian Federation]. (2008). Federal Law No. 262-FZ of 22.12.2008 (as amended on 14.07.2022). *Sobranie zakonodatel'stva RF*, (52(Pt. I)), Art. 6217.
20. *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 15.07.1999 № 11-P* [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 11-P of 15.07.1999]. (1999). *Sobranie zakonodatel'stva RF*, (30), Art. 3988.
21. *Recommendation CM/Rec(2020)1 of the Committee of Ministers to member States on the human rights impacts of algorithmic systems*. (2020).
22. Shchitova, A. A. (2022). *Pravovoe regulirovanie informatsionnykh otnosheniy po ispol'zovaniyu sistem iskusstvennogo intellekta* [Legal Regulation of Information Relations for the Use of Artificial Intelligence Systems] (Ph.D. (Law) dissertation: 12.00.13). Moscow, 225 p.
23. Sosedova, M. V. (2020). Vozmozhnost' primeneniya iskusstvennogo intellekta pri rassmotrenii otdel'nykh grazhdanskikh del: predskazannoe pravosudie [The Possibility of Using Artificial Intelligence in the Consideration of Certain Civil Cases: Predicted Justice]. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess*, (5), 32–37.
24. Tarasov, I. N. (2022). Problemy pravovogo regulirovaniya na primere ponyatiya "iskusstvennyy intellekt" [Problems of Legal Regulation Using the Example of the Concept of "Artificial Intelligence"]. *Lex Russica*, 75(1(182)), 122–130.
25. Vashchekin, A. N., & Vashchekina, I. V. (2023). Iskusstvennyy intellekt v sudebnoy sisteme: zadachi i metody [Artificial Intelligence in the Judicial System: Tasks and Methods]. *Pravovaya informatika*, (3), 65–74.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 339.543 **DOI: 10.34670/AR.2026.41.90.010**

Коллизии наднационального и национального регулирования сроков выпуска товаров: анализ статьи 119 ТК ЕАЭС и статьи 109 Федерального закона № 289-ФЗ

Коносов Дионис Канарисович

Аспирант,
кафедра таможенного права,
Московский гуманитарный университет,
111395, Российская Федерация, Москва, ул. Юности, 5;
e-mail: konosov.dionis@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена сравнительно-правовому анализу регулирования сроков выпуска товаров в праве Евразийского экономического союза и законодательстве Российской Федерации о таможенном регулировании. Автором рассмотрено соотношение статьи 119 Таможенного кодекса ЕАЭС, устанавливающей общий и продлеваемый сроки выпуска товаров, со статьей 109 Федерального закона от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации», конкретизирующей отдельные процедурные аспекты исчисления и продления указанных сроков применительно к национальному правопорядку. Выявлены точки правовой неопределенности, возникающие вследствие делегирования наднациональным регулятором государствам-членам полномочий по установлению дополнительных случаев и порядка продления сроков выпуска, а также вследствие несовпадения подходов к определению момента начала течения срока при взаимодействии таможенных органов с иными органами государственного контроля. На основе анализа правовых позиций Суда Евразийского экономического союза и практики арбитражных судов Российской Федерации показано, что различное толкование указанных норм судебными органами приводит к неодинаковым правовым последствиям для участников внешнеэкономической деятельности, находящихся в сходных фактических обстоятельствах. Сформулированы предложения по устранению выявленных коллизий, включая уточнение оснований продления сроков выпуска на уровне права Союза и синхронизацию соответствующих положений национального закона.

Для цитирования в научных исследованиях

Коносов Д.К. Коллизии наднационального и национального регулирования сроков выпуска товаров: анализ статьи 119 ТК ЕАЭС и статьи 109 Федерального закона № 289-ФЗ // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 9А. С. 72-81. DOI: 10.34670/AR.2026.41.90.010

Ключевые слова

Сроки выпуска товаров, Таможенный кодекс ЕАЭС, таможенное регулирование, наднациональное право, коллизии права, продление сроков, таможенный контроль, декларация на товары, Суд Евразийского экономического союза, административная ответственность, таможенный орган, гармонизация законодательства, государственный контроль, бездействие таможенного органа, правоприменительная практика, управление рисками, методология исследования, государственная политика.

Введение

Институт сроков выпуска товаров относится к числу тех элементов таможенного регулирования, в которых наиболее остро проявляется противоречие между двумя разнонаправленными задачами таможенного администрирования – обеспечением полноты и достоверности таможенного контроля, с одной стороны, и минимизацией временных издержек участников внешнеэкономической деятельности, с другой. Именно поэтому нормирование данных сроков традиционно рассматривается как индикатор качества таможенного регулирования в целом.

Особенность правового положения Российской Федерации как государства-члена Евразийского экономического союза заключается в том, что базовое регулирование сроков выпуска товаров закреплено на наднациональном уровне – статьей 119 Таможенного кодекса ЕАЭС [Таможенный кодекс ЕАЭС, 2017], тогда как значительная часть процедурных вопросов, связанных с их продлением и фактическим исчислением, урегулирована статьей 109 Федерального закона № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» [О таможенном регулировании, 2018]. Подобная двухуровневая модель регулирования, будучи в целом объяснимой с точки зрения сохранения за государствами-членами определенной дискреции в вопросах организации таможенного контроля, порождает на практике ряд коллизионных ситуаций, требующих самостоятельного научного осмысления.

Актуальность настоящего исследования определяется, во-первых, увеличением количества споров, связанных с исчислением и нарушением сроков выпуска товаров, о чем свидетельствует практика арбитражных судов Российской Федерации; во-вторых, недостаточной определенностью пределов национального нормотворчества применительно к продлению указанных сроков; в-третьих, отсутствием единообразного толкования соотношения статьи 119 ТК ЕАЭС и статьи 109 Закона № 289-ФЗ в правовых позициях, формируемых Судом Евразийского экономического союза и российскими судами.

Целью статьи является выявление и систематизация коллизий, возникающих между наднациональным и национальным регулированием сроков выпуска товаров, а также выработка предложений, направленных на их устранение либо минимизацию.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы познания – анализ, синтез, индукция и дедукция, – а также специально-юридические методы: формально-юридический, использованный при толковании текста статьи 119 ТК ЕАЭС и статьи 109 Закона № 289-ФЗ; сравнительно-правовой, примененный при сопоставлении объема регулирования, отнесенного к компетенции наднационального и национального законодателя; метод анализа правоприменительной практики, использованный при изучении правовых позиций Суда ЕАЭС и арбитражных судов Российской Федерации.

Нормативную основу исследования составили Таможенный кодекс Евразийского экономического союза [Таможенный кодекс ЕАЭС, 2017], Договор о Евразийском экономическом союзе [Договор о ЕАЭС, 2014], Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» [О таможенном регулировании, 2018], Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Кодекс об административных правонарушениях, 2001], Постановление Правительства Российской

Федерации от 23.04.2021 № 636 «Об утверждении Положения о Федеральной таможенной службе» [Об утверждении Положения о Федеральной таможенной службе, 2021], а также Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23.05.2020 № 1388-р «Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года» [Стратегия развития таможенной службы, 2020].Эмпирическую базу составили Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.11.2019 № 49 [О некоторых вопросах, 2019], решение Суда Евразийского экономического союза от 07.03.2019 [6], решение Арбитражного суда города Москвы от 05.02.2025 по делу № А40-235299/2024 [Решение Арбитражного суда города Москвы, 2025], постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.09.2024 по делу № А40-232894/2022 [Постановление Арбитражного суда Московского округа, 2024], а также Определение Верховного Суда Российской Федерации № 309-ЭС21-7843 от 25.08.2021 [Определение Верховного Суда РФ, 2021].

Литературный обзор

Проблематика сроков совершения таможенных операций традиционно рассматривается в отечественной науке в контексте более широкой темы сервисно-ориентированного таможенного администрирования. В диссертационном исследовании М.В. Бойковой обосновывается тезис о том, что скорость совершения таможенных операций выступает одним из ключевых показателей качества государственной услуги, оказываемой таможенными органами, и что любое необоснованное увеличение сроков выпуска товаров должно рассматриваться как отклонение от целевой модели такого администрирования [Бойкова, 2021]. Данный подход представляется методологически значимым для настоящего исследования, поскольку позволяет оценивать нормы статьи 119 ТК ЕАЭС и статьи 109 Закона № 289-ФЗ не только с формально-юридических, но и с функциональных позиций.

А.А. Костин, анализируя актуальные вопросы таможенного контроля, обращает внимание на то, что применение системы управления рисками способно как сокращать, так и объективно продлевать сроки выпуска товаров, в зависимости от того, к какой категории уровня риска отнесена партия товаров, и указывает на необходимость более четкой фиксации оснований для отнесения товаров к объектам дополнительной проверки [Костин, 2024]. Данное наблюдение имеет прямое отношение к предмету настоящего исследования, поскольку значительная часть коллизий между наднациональным и национальным регулированием возникает именно на стадии продления первоначального четырехчасового срока.

Е.Е. Гринда, рассматривая влияние международных соглашений на национальное законодательство Российской Федерации, приходит к выводу о том, что делегирование государствам-членам интеграционных объединений полномочий по конкретизации наднациональных норм неизбежно порождает разброс национальных практик, если наднациональный акт не устанавливает четких пределов такой конкретизации [Гринда, 2024]. Данный вывод в полной мере применим к соотношению статьи 119 ТК ЕАЭС и статьи 109 Закона № 289-ФЗ, поскольку именно отсутствие в тексте кодекса исчерпывающего перечня оснований для продления национальным законодателем сроков выпуска и создает почву для расширительного толкования.

В более ранней публикации автора настоящей статьи рассматривались общие вопросы современного состояния и перспектив развития правового регулирования таможенного контроля в Российской Федерации, где отмечалась тенденция к постепенному расширению

перечня оснований для проведения дополнительных форм контроля в рамках выпуска товаров без соразмерного пересмотра предельных сроков такого контроля [Коносов, 2025]. Настоящее исследование продолжает и конкретизирует указанную линию применительно к узкому, но практически значимому вопросу соотношения статьи 119 ТК ЕАЭС и статьи 109 Закона № 289-ФЗ.

Вместе с тем следует признать, что в существующей литературе вопрос о коллизиях между наднациональным и национальным регулированием сроков выпуска товаров как самостоятельный предмет исследования разработан фрагментарно: как правило, он затрагивается попутно, в рамках более широких работ, посвященных таможенному контролю или таможенному администрированию в целом, что и предопределяет необходимость настоящего анализа.

Результаты

Статья 119 ТК ЕАЭС закрепляет два самостоятельных временных режима выпуска товаров. Общий срок составляет четыре часа с момента регистрации декларации на товары таможенным органом; при этом кодекс отдельно регулирует ситуацию, когда декларация зарегистрирована незадолго до окончания времени работы таможенного органа, – в этом случае течение срока переносится на начало следующего рабочего времени. Второй режим – продленный срок выпуска – применяется в случаях, когда до истечения общего срока выявлена необходимость завершения проверки соблюдения запретов и ограничений, назначения таможенной экспертизы, истребования у декларанта дополнительных документов и сведений либо иных обстоятельств, прямо связанных с завершением таможенного контроля. Продленный срок ограничен предельной величиной в десять рабочих дней, исчисляемых со дня, следующего за днем регистрации декларации на товары, если кодексом не предусмотрено иное.

Значимой особенностью конструкции статьи 119 ТК ЕАЭС является то, что она не содержит закрытого перечня оснований продления срока выпуска, а использует формулировки, отсылающие к обстоятельствам, требующим завершения тех или иных контрольных мероприятий. Тем самым кодекс фактически делегирует государствам-членам определенную свободу усмотрения в части конкретизации того, какие именно обстоятельства могут рассматриваться в качестве достаточного основания для продления срока, а также в части процедурного оформления соответствующего решения таможенного органа.

Статья 109 Закона № 289-ФЗ реализует указанное делегирование применительно к российскому правопорядку. Национальный законодатель конкретизирует порядок фиксации решения о продлении срока выпуска товаров, определяет требования к содержанию уведомления, направляемого декларанту, а также устанавливает особенности исчисления сроков в случаях, когда выпуск товаров невозможен ввиду проведения в отношении данных товаров иных видов государственного контроля (надзора), возложенных на других федеральных органов исполнительной власти и осуществляемых во взаимодействии с таможенными органами. Тем самым национальный закон переносит акцент с материально-правового описания оснований продления, данного в статье 119 ТК ЕАЭС, на процедурно-организационные аспекты – порядок оформления, фиксации и доведения до декларанта соответствующих решений.

Указанная модель распределения регулятивной нагрузки сама по себе не является порочной, однако анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что на стыке материально-правового (наднационального) и процедурного (национального) регулирования

возникает несколько устойчивых зон правовой неопределенности.

Первая зона связана с определением момента, с которого начинает исчисляться продленный срок выпуска товаров, в ситуациях, когда решение о продлении срока принимается таможенным органом не одномоментно с наступлением обстоятельств, послуживших основанием для такого решения, а спустя определенный промежуток времени, обусловленный внутренними организационными процедурами. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.11.2019 № 49 ориентирует суды на непосредственное применение норм ТК ЕАЭС при рассмотрении соответствующих споров [5], однако буквальное прочтение данного разъяснения не снимает вопроса о том, каким образом надлежит применять процедурные положения статьи 109 Закона № 289-ФЗ в случаях, когда их применение объективно приводит к увеличению фактического срока нахождения товаров под таможенным контролем сверх продолжительности, формально закрепленной статьей 119 ТК ЕАЭС.

Вторая зона неопределенности касается соотношения сроков выпуска товаров со сроками проведения иных видов государственного контроля. Решение Суда Евразийского экономического союза от 07.03.2019 [6] содержит правовую позицию, согласно которой применение мер, не предусмотренных актами органов Союза, не должно приводить к фактическому увеличению установленных Кодексом предельных сроков совершения таможенных операций. Между тем практика показывает, что при взаимодействии таможенных органов с органами, осуществляющими санитарный, ветеринарный и карантинный фитосанитарный контроль, срок фактического распоряжения товаром декларантом нередко превышает десять рабочих дней, формально установленных статьей 119 ТК ЕАЭС, поскольку соответствующие ведомственные процедуры регулируются отдельными национальными актами, институционально не увязанными напрямую с текстом кодекса.

Третья зона проблем связана с определением правовых последствий пропуска таможенным органом установленного срока выпуска товаров при отсутствии формально оформленного решения о его продлении. Решение Арбитражного суда города Москвы от 05.02.2025 по делу № А40-235299/2024 [Решение Арбитражного суда города Москвы, 2025] иллюстрирует ситуацию, при которой бездействие таможенного органа, выразившееся в непринятии решения о выпуске товаров по истечении установленного срока и одновременно в отсутствии надлежащим образом оформленного решения о продлении такого срока, было признано незаконным именно со ссылкой на буквальное содержание статьи 119 ТК ЕАЭС, а не на процедурные требования национального закона. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.09.2024 по делу № А40-232894/2022 [Постановление Арбитражного суда Московского округа, 2024], в свою очередь, демонстрирует пример, в котором суд кассационной инстанции при оценке правомерности продления срока выпуска товаров основывался преимущественно на соблюдении процедурных требований статьи 109 Закона № 289-ФЗ, признав достаточным факт направления декларанту соответствующего уведомления вне зависимости от содержательной обоснованности продления. Сопоставление данных судебных актов подтверждает отсутствие единообразного подхода к вопросу о том, нормы какого уровня регулирования – наднационального или национального – должны иметь приоритет при оценке законности продления срока выпуска товаров в конкретном деле.

Определение Верховного Суда Российской Федерации № 309-ЭС21-7843 от 25.08.2021 [Определение Верховного Суда РФ, 2021] также представляет интерес в контексте настоящего исследования, поскольку в нем затрагивается вопрос о допустимости взыскания с декларанта дополнительных издержек, возникших вследствие превышения таможенным органом

предельного срока выпуска товаров, что подтверждает практическую значимость точного определения границ применения статьи 119 ТК ЕАЭС и статьи 109 Закона № 289-ФЗ не только для публично-правовых, но и для смежных имущественных отношений участников внешнеэкономической деятельности.

Обсуждение

Проведенный анализ позволяет выделить несколько групп факторов, обусловливающих коллизионность рассматриваемого регулирования.

Первая группа факторов носит структурный характер и связана с самой моделью распределения регулятивных полномочий между правом Союза и национальным законодательством. Открытый перечень оснований продления сроков выпуска товаров, использованный в статье 119 ТК ЕАЭС, предполагающий их конкретизацию на уровне государств-членов, объективно создает предпосылки для того, чтобы национальный законодатель, реализуя предоставленную дискрецию, смещал акцент с материально-правовых оснований продления на процедурные аспекты его оформления, что и наблюдается в статье 109 Закона № 289-ФЗ. Полагаем, что устранение данной коллизии возможно двумя путями: либо посредством закрепления на уровне ТК ЕАЭС исчерпывающего перечня оснований продления срока выпуска товаров с одновременным сокращением делегируемых государствам-членам полномочий, либо посредством прямого указания в самом кодексе на то, что национальное законодательство вправе регулировать исключительно процедурные, но не материально-правовые аспекты продления сроков. Второй путь представляется более реалистичным, поскольку не требует полной унификации организационных моделей таможенного контроля государств-членов, сохраняющих существенные различия в структуре и ресурсной обеспеченности таможенных органов.

Вторая группа факторов связана с недостаточной институциональной увязкой сроков выпуска товаров со сроками проведения иных видов государственного контроля, возложенных на органы, не входящие в систему таможенных органов. Поскольку статья 119 ТК ЕАЭС оперирует единым предельным сроком в десять рабочих дней, тогда как ведомственные акты, регулирующие санитарный, ветеринарный и карантинный фитосанитарный контроль, устанавливают собственные сроки проведения соответствующих проверок, зачастую не синхронизированные с указанным пределом, возникает системный разрыв, который формально устраняется статьей 109 Закона № 289-ФЗ лишь применительно к порядку информационного взаимодействия таможенных органов с иными контролирующими органами, но не применительно к содержательному согласованию предельных сроков. Представляется целесообразным дополнение статьи 109 Закона № 289-ФЗ положением, прямо устанавливающим, что срок проведения иных видов государственного контроля, осуществляемого во взаимодействии с таможенным органом в рамках выпуска товаров, не может превышать предельного срока, установленного статьей 119 ТК ЕАЭС, а при объективной невозможности соблюдения данного предела – положением о приостановлении, а не о фактическом продлении срока выпуска, с раздельной фиксацией периода такого приостановления.

Третья группа факторов носит правоприменительный характер и связана с отсутствием единообразного подхода судов к определению того, нормы какого уровня – наднационального или национального – подлежат приоритетному применению при оценке законности

конкретного решения о продлении срока выпуска товаров. Сопоставление правовых позиций, изложенных в решении Арбитражного суда города Москвы по делу № А40-235299/2024 и в постановлении Арбитражного суда Московского округа по делу № А40-232894/2022, показывает, что в отсутствие единой методологии толкования суды по существу самостоятельно решают вопрос о приоритете содержательной либо процедурной оценки правомерности продления срока, что снижает предсказуемость правоприменения для декларантов. Разрешение данной проблемы видится в подготовке соответствующих разъяснений на уровне Пленума Верховного Суда Российской Федерации, конкретизирующих применительно к статье 119 ТК ЕАЭС и статье 109 Закона № 289-ФЗ правило о том, что процедурные нарушения, допущенные таможенным органом при оформлении решения о продлении срока, не могут восполнять отсутствие содержательных оснований для такого продления, прямо предусмотренных наднациональным регулированием, – иное фактически означало бы придание процедурной норме национального закона значения, превышающего значение материально-правовой нормы кодекса.

Четвертая группа факторов затрагивает соотношение рассматриваемого института с общими задачами развития таможенного администрирования, обозначенными в Стратегии развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года [Стратегия развития таможенной службы, 2020] и в Положении о Федеральной таможенной службе [Об утверждении Положения о Федеральной таможенной службе, 2021], в части сокращения временных издержек участников внешнеэкономической деятельности. Полагаем, что декларируемая на организационном уровне цель сокращения сроков совершения таможенных операций объективно вступает в противоречие с сохраняющейся на нормативном уровне неопределенностью оснований и порядка продления таких сроков, поскольку любое расширительное толкование продлевающих норм способно нивелировать достигнутые организационные и технологические результаты.

Заключение

Проведенное исследование позволяет заключить, что соотношение статьи 119 Таможенного кодекса ЕАЭС и статьи 109 Федерального закона № 289-ФЗ представляет собой типичный пример коллизии, обусловленной не прямым текстуальным противоречием норм, а неполнотой распределения регулятивных полномочий между наднациональным и национальным уровнями правового регулирования. Основными направлениями устранения выявленных коллизий представляются: уточнение на уровне права Союза пределов национального нормотворчества применительно к продлению сроков выпуска товаров с разграничением материально-правовой и процедурной составляющих регулирования; синхронизация предельных сроков выпуска товаров со сроками проведения иных видов государственного контроля, осуществляемых во взаимодействии с таможенными органами, посредством введения механизма приостановления, а не фактического продления срока; выработка Верховным Судом Российской Федерации единой методологии оценки соотношения содержательных и процедурных оснований продления сроков выпуска товаров в целях обеспечения единообразия правоприменительной практики.

Реализация указанных предложений способна не только устранить существующую правовую неопределенность, но и повысить реальную, а не декларативную предсказуемость сроков выпуска товаров для добросовестных участников внешнеэкономической деятельности,

что в конечном счете отвечает как интересам государства в сфере таможенного контроля, так и интересам развития внешней торговли.

Библиография

1. Бойкова М.В. Развитие теории и методологии сервисно-ориентированного таможенного администрирования: дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05. Люберцы, 2021. 543 с.
2. Гринда Е.Е. Влияние международных соглашений на национальное законодательство Российской Федерации // Вестник Международного юридического института. 2024. № 3(88). С. 35–43.
3. Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
5. Коносов Д.К. Правовое регулирование таможенного контроля в Российской Федерации: современное состояние и перспективы развития // Юридическая наука. 2025. № 12. С. 263–266.
6. Костин А.А. Актуальные вопросы таможенного контроля в современных условиях // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2024. № 1(89). С. 58–61.
7. О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике в связи с вступлением в силу Таможенного кодекса Евразийского экономического союза: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 49 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 2.
8. Об утверждении Положения о Федеральной таможенной службе: Постановление Правительства РФ от 23.04.2021 № 636 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru.
9. Определение Верховного Суда РФ № 309-ЭС21-7843 от 25.08.2021.
10. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.09.2024 по делу № А40-232894/2022. URL: https://www.alta.ru/tamdoc/24f23289/.
11. Решение Арбитражного суда города Москвы от 05.02.2025 по делу № А40-235299/2024. URL: https://www.alta.ru/tamdoc/25a23529/.
12. Решение Суда Евразийского экономического союза от 07.03.2019. URL: https://www.alta.ru/tamdoc/19bn0015/.
13. Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 23.05.2020 № 1388-р (ред. от 12.07.2024) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 22. Ст. 3572.
14. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru.
15. Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ (ред. от 27.10.2025) «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 32 (ч. I). Ст. 5082.

Collisions of Supranational and National Regulation of Time Limits for the Release of Goods: An Analysis of Article 119 of the EAEU Customs Code and Article 109 of Federal Law No. 289-FZ

Dionis K. Konosov

Postgraduate Student,
Department of Customs Law,
Moscow University for the Humanities,
111395, 5, Yunosti str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: konosov.dionis@mail.ru

Abstract

The article is devoted to a comparative-legal analysis of the regulation of time limits for the

release of goods in the law of the Eurasian Economic Union and in the legislation of the Russian Federation on customs regulation. The author examines the correlation between Article 119 of the EAEU Customs Code, which establishes the general and extendable time limits for the release of goods, and Article 109 of Federal Law No. 289-FZ of 03.08.2018 "On Customs Regulation in the Russian Federation," which specifies certain procedural aspects of calculating and extending these time limits in relation to the national legal order. Points of legal uncertainty are identified that arise from the delegation by the supranational regulator to the member states of powers to establish additional cases and the procedure for extending the time limits for release, as well as from the divergence of approaches to determining the moment when the time limit begins to run in the interaction of customs authorities with other state control bodies. Based on an analysis of the legal positions of the Court of the Eurasian Economic Union and the practice of arbitration courts of the Russian Federation, it is shown that the differing interpretation of these norms by judicial bodies leads to unequal legal consequences for participants in foreign economic activity who are in similar factual circumstances. Proposals are formulated for eliminating the identified collisions, including clarification of the grounds for extending the time limits for release at the level of Union law and synchronization of the corresponding provisions of the national law.

For citation

Konosov D.K. (2026) Kollizii nadnatsional'nogo i natsional'nogo regulirovaniya srokov vypuska tovarov: analiz stat'i 119 TK EAES i stat'i 109 Federal'nogo zakona No. 289-FZ [Collisions of Supranational and National Regulation of Time Limits for the Release of Goods: An Analysis of Article 119 of the EAEU Customs Code and Article 109 of Federal Law No. 289-FZ]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (9A), pp. 72-81. DOI: 10.34670/AR.2026.41.90.010

Keywords

Time limits for the release of goods, EAEU Customs Code, customs regulation, supranational law, collisions of law, extension of time limits, customs control, customs declaration, Court of the Eurasian Economic Union, administrative liability, customs authority, harmonization of legislation, state control, inaction of the customs authority, law enforcement practice, risk management, research methodology, state policy.

References

1. Boykova, M.V. (2021). *Razvitie teorii i metodologii servisno-orientirovannogo tamozhennogo administrirovaniya* [Development of the Theory and Methodology of Service-Oriented Customs Administration] (Doctoral dissertation). Lyubertsy.
2. Code of the Russian Federation on Administrative Offences of 30.12.2001 No. 195-FZ (as amended on 23.03.2026). (2002). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 1 (Part 1), Art. 1. [Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh].
3. Customs Code of the Eurasian Economic Union (Annex No. 1 to the Treaty on the Customs Code of the Eurasian Economic Union). (2017). *Official Internet Portal of Legal Information*. http://www.pravo.gov.ru
4. Decision of the Arbitration Court of the City of Moscow of February 5, 2025 in case No. A40-235299/2024. (2025). https://www.alta.ru/tamdoc/25a23529/
5. Decision of the Court of the Eurasian Economic Union of March 7, 2019. (2019). https://www.alta.ru/tamdoc/19bn0015/
6. Federal Law No. 289-FZ of 03.08.2018 (as amended on 27.10.2025) "On Customs Regulation in the Russian Federation and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation". (2018). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 32 (Part I), Art. 5082. [Federalnyy zakon "O tamozhennom regulirovanii v Rossiyskoy Federatsii"].
7. Grinda, E.E. (2024). Vliyanie mezhdunarodnykh soglasheniy na natsionalnoe zakonodatelstvo Rossiyskoy Federatsii

[The Influence of International Agreements on the National Legislation of the Russian Federation]. *Vestnik Mezhdunarodnogo yuridicheskogo instituta* [Bulletin of the International Law Institute], 3(88), 35–43.

8. Konosov, D.K. (2025). Pravovoe regulirovanie tamozhennogo kontrolya v Rossiyskoy Federatsii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya [Legal Regulation of Customs Control in the Russian Federation: Current State and Development Prospects]. *Yuridicheskaya nauka* [Legal Science], 12, 263–266.
9. Kostin, A.A. (2024). Aktualnye voprosy tamozhennogo kontrolya v sovremennykh usloviyakh [Current Issues of Customs Control in Modern Conditions]. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V.B. Bobkova filiala Rossiyskoy tamozhennoy akademii* [Scientific Notes of the St. Petersburg Branch named after V.B. Bobkov of the Russian Customs Academy], 1(89), 58–61.
10. On Certain Issues Arising in Judicial Practice in Connection with the Entry into Force of the Customs Code of the Eurasian Economic Union: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 49 of 26.11.2019. (2020). *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, 2. [O nekotorykh voprosakh, voznikayushchikh v sudebnoy praktike].
11. On Approval of the Regulation on the Federal Customs Service: Resolution of the Government of the Russian Federation No. 636 of 23.04.2021. (2021). *Official Internet Portal of Legal Information*. http://pravo.gov.ru
12. Order of the Government of the Russian Federation No. 1388-r of 23.05.2020 (as amended on 12.07.2024) "Development Strategy of the Customs Service of the Russian Federation until 2030". (2020). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 22, Art. 3572. [Strategiya razvitiya tamozhennoy sluzhby Rossiyskoy Federatsii do 2030 goda].
13. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of September 25, 2024 in case No. A40-232894/2022. (2024). https://www.alta.ru/tamdoc/24f23289/
14. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 309-ES21-7843 of 25.08.2021. (2021). [Opredelenie Verkhovnogo Suda RF].
15. Treaty on the Eurasian Economic Union (signed in Astana on 29.05.2014). (2014). *Official Internet Portal of Legal Information*. http://www.pravo.gov.ru

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 347.9 **DOI: 10.34670/AR.2026.18.65.011**

Правоприменительная практика разрешения споров, связанных с выходом из членства в саморегулируемых организациях в области строительства

Веремеев Владимир Владимирович

Кандидат экономических наук, доцент,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
119571, Российская Федерация, Москва, пр. Вернадского, 82;
e-mail: 9582911@mail.ru

Тимофеев Сергей Алексеевич

Кандидат юридических наук,
независимый исследователь,
119019, Российская Федерация, Москва, ул. Воздвиженка, 3/5;
e-mail: timofeev_sa@mail.ru

Аннотация

Актуальность исследования обусловлена продолжающейся реформой института саморегулирования в строительной отрасли и наличием многочисленных правовых коллизий, возникающих при рассмотрении судебных дел, в частности по вопросам прекращения членства в саморегулируемых организациях (СРО). Пробелы законодательного регулирования процедуры выхода из СРО порождают значительное количество однотипных судебных исков, что создает излишнюю нагрузку на судебную систему. Цель работы — выявление закономерностей и общих проблем правоприменительной практики разрешения споров, связанных с исключением из СРО члена организации, а также формулирование предложений по унификации судебных подходов и совершенствованию законодательного регулирования по данной проблеме, что позволит создать необходимую правовую базу для досудебного урегулирования споров о выходе из СРО члена организации и свести к минимуму число обращений в судебные органы. Методологическую основу исследования составили формально-юридический метод, сравнительно-правовой анализ судебных актов арбитражных судов, включая определения Верховного Суда РФ, и системное толкование норм Гражданского кодекса РФ, Градостроительного кодекса РФ и Федерального закона № 315-ФЗ "О саморегулируемых организациях". Результаты: систематизированы основные категории споров о праве саморегулируемых организаций на членские взносы после возникновения оснований для исключения члена из организации. Показана несостоятельность правовой позиции ассоциаций в области строительства по судебному урегулированию споров по уплате членских, целевых взносов. На основании анализа судебной статистики сделан вывод о наличии системного кризиса саморегулирования в области строительства. По результатам исследования авторами предложен комплекс мер по совершенствованию правового регулирования деятельности СРО в области строительства.

Для цитирования в научных исследованиях

Веремеев В.В., Тимофеев С.А. Правоприменительная практика разрешения споров, связанных с выходом из членства в саморегулируемых организациях в области строительства // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 9А. С. 82-92. DOI: 10.34670/AR.2026.18.65.011

Ключевые слова

Саморегулируемая организация (СРО), строительная отрасль, выход из СРО, прекращение членства, членские и целевые взносы, правоприменительная практика, судебный спор, арбитражная практика, Гражданский кодекс РФ, Градостроительный кодекс РФ, Устав саморегулируемой организации, управление рисками, методология исследования, государственная политика.

Введение

Рассмотрим суть проблемы, а именно, практику урегулирования споров, возникающих из отношений между членами саморегулируемых организации в области строительства, реконструкции, капитального ремонта, сноса объектов капитального строительства и самой организацией.

В этой статье речь пойдет прежде всего о последствиях прекращения членства в СРО. Как ни странно, именно этот аспект отношений в СРО вызвал многочисленные судебные разбирательства.

Рассматриваемые отношения регулируют:

- Гражданский кодекс РФ – создаёт общую правовую базу для деятельности некоммерческих организаций, в частности, данная сфера деятельности регулируется ст. ст. 50, 123.1, 123.8 – 123.11 ГК РФ. Законодательно закреплено, что некоммерческие организации не могут иметь целью своей деятельности извлечение прибыли. Важным для рассматриваемых отношений является положение ч.6 ст. 50 Кодекса о том, что к отношениям по осуществлению некоммерческими организациями своей основной деятельности, а также к другим отношениям с их участием, не относящимся к предмету гражданского законодательства (статья 2), правила Гражданского Кодекса не применяются, если законом или уставом некоммерческой организации не предусмотрено иное.

- Градостроительный кодекс РФ детализирует как именно функционирует СРО в строительстве, в частности, ст. 55.7 определяет порядок прекращения членства в СРО – Членство индивидуального предпринимателя или юридического лица в саморегулируемой организации прекращается по основаниям и в случаях, которые указаны в Федеральном законе "О саморегулируемых организациях". Саморегулируемая организация имеет право установить внутренними документами (Уставом) саморегулируемой организации дополнительные основания для исключения из членов саморегулируемой организации.

- Федеральный закон от 1 декабря 2007 года № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» регулирует отношения, возникающие в связи с деятельностью саморегулируемых организаций, объединяющих субъектов предпринимательской или профессиональной деятельности, осуществлением взаимодействия саморегулируемых организаций и их членов.

- Устав и Положение о членстве в СРО регламентируют порядок вступления, требования к

кандидатам, размеры взносов, а также правила дисциплинарной ответственности и прекращения членства в СРО.

Основная часть

Как правило, основания для прекращения членства в СРО устанавливаются Положениями о членстве в СРО, утверждаемыми Общим собранием саморегулируемой организации, одним из таких оснований является «неоднократная неуплата в течение одного года или неоднократная несвоевременная уплата в течение одного года членских, целевых взносов».

Последствием исключения из СРО по данному основанию является прекращение членства по решению исполнительного органа организации, при этом юридическому лицу не возвращаются уплаченные им вступительный и членские взносы. Это исчерпывающие последствия для юридического лица, не заплатившего членские взносы. Законодательством РФ не предусмотрено никаких иных последствий для члена СРО.

Если член СРО более двух раз в течение года не уплатил членские взносы, коллегиальный орган управления саморегулируемой организации может и должен инициировать вопрос об исключении члена из организации.

На практике, большинство субъектов предпринимательства при утрате интереса к осуществлению деятельности в области строительства фактически разрывают отношения с саморегулируемой организацией, основанные на добровольных началах, путем сокращения расходов на уплату членских и иных целевых взносов, справедливо полагая, что это достаточное самостоятельное основание для исключения из СРО в соответствии с внутренними документами ассоциации.

Но, как показал анализ судебной практики, в подавляющем большинстве случаев, коллегиальные органы управления саморегулируемой организации ведут себя в данном вопросе иначе: они не инициируют процедуру исключения лица из СРО при наступлении соответствующих обстоятельств, а продолжают требовать уплаты членских взносов и, постепенно «накапливают задолженность» члена организации с целью последующего обращения в суд о принудительном взыскании задолженности. Само словосочетание «принудительное взыскание членских взносов» противоречит правовой природе и принципу добровольности членства в саморегулируемых организациях. Ст. 30 Конституции РФ закрепляет **запрет на принуждение** к пребыванию в любом объединении, включая профессиональные союзы (ассоциации). Когда член саморегулируемой организации перестал уплачивать членские взносы – это означает осознанное решение о прекращении его участия в деятельности организации. В соответствии с принципом добровольности участия в ассоциации, никто не вправе требовать принудительной уплаты членских взносов – это прямое нарушение Конституции РФ и принципов деятельности СРО, установленных законодательством. Однако, мы видим в массовом порядке обратную картину: суды принимают к рассмотрению иски саморегулируемых организаций к своим членам по спорам об уплате членских взносов и выносят решения в пользу заявителей.

Уплата членских взносов в соответствии с ГК РФ и внутренними документами саморегулируемой организации, является добровольной обязанностью члена саморегулируемой организации, но не обязательством, основанном на сделке, в гражданско-правовом смысле. По смыслу ч.1 ст. 123.11 ГК РФ член ассоциации в любой момент вправе выйти из СРО, причем как путем подачи соответствующего заявления (активное прекращение членства в СРО), так и

фактическим прекращением своего участия в деятельности некоммерческой организации, в частности, уплаты членских и целевых взносов (пассивное прекращение членства в СРО), при этом в обоих случаях для участника наступают одинаковые правовые последствия – прекращение членства в СРО.

Отношения между членами саморегулируемой организации и самой организацией не строятся на договорной основе в гражданско-правовом смысле этого понятия, по типу: участники уплачивают членские взносы за получение определенной совокупности услуг, оказываемых им самой организацией. ГК РФ (ст. 123.11) прямо установлено, что член ассоциации (СРО) пользуется её услугами безвозмездно. В ином случае, члены организации должны были бы регулярно подписывать с СРО акты оказанных услуг и проводить сверку взаиморасчетов за оказанные услуги. Такая форма взаимоотношений членов СРО и организации имела бы все признаки предпринимательской деятельности, что противоречит действующему законодательству. Согласно ст. ст. 50 и 123.8 ГК РФ, объединения юридических лиц (ассоциации) создаются для достижения общественно полезных целей, имеющих исключительно некоммерческий характер.

Проведенный нами анализ действующего законодательства и внутренних документов саморегулируемых организаций в области строительства показал, что у профессиональных союзов типа ассоциаций (СРО) отсутствуют правовые основания для применения мер принудительного взыскания членских взносов. Единственное последствие, которое наступает для лица при пассивном выходе из СРО, это исключение из членов саморегулируемой организации, при этом ранее уплаченные членские взносы такому лицу не возвращаются.

Теперь приступим к анализу общих проблем правоприменительной практики по разрешению споров о неуплате членских взносов в ассоциациях (СРО) в области строительства.

Немного статистики.

В 2023-2025 годы арбитражными судами субъектов Российской Федерации было рассмотрено исков о взыскании задолженности по уплате членских взносов:

- Арбитражным судом города Москвы: Ассоциация в области строительства «Саморегулируемая организация «АЛЬЯНС СТРОИТЕЛЕЙ» в отношении 420 членов ассоциации; Ассоциация Саморегулируемая организация «Объединенные строители» в отношении 2000 членов ассоциации. Указанная статистика получена на основе анализа данных Картотеки арбитражных дел с официального сайта Арбитражного суда города Москвы.

- Арбитражным судом Новосибирской области: Ассоциация строительных организаций Новосибирской области в отношении 540 членов ассоциации; Ассоциация профессиональных строителей Сибири в отношении 120 членов ассоциации.

- Арбитражным судом Республики Татарстан: Ассоциация «Объединение строительных организаций Татарстана» в отношении 210 членов ассоциации; Союз содействия в развитии строительства саморегулируемая организация «Объединение профессиональных строителей» в отношении 220 членов ассоциации.

- Арбитражный суд города Санкт-Петербурга и Ленинградской области: Ассоциация Саморегулируемая организация «Строительный альянс Северо-Запада» в отношении 270 членов ассоциации; Ассоциация Саморегулируемая организация «Межрегиональное объединение строительных компаний» в отношении 330 членов ассоциации.

Всего, по данным реестра Национального объединения строителей (НОСТРОЙ) по Российской Федерации зарегистрировано 251 действующая ассоциация (СРО) в строительстве.

Мы не ставили задачу получить полную статистику по искам СРО в строительстве о

взыскании членских взносов.

С использованием метода экстраполяции, на основании данных приведенного выше анализа и с учетом числа действующих СРО в области строительства, можно констатировать, что в среднем в год рассматривается от 20 до 40 тыс. судебных дел данной категории.

По состоянию на середину 2026 года, согласно сведениям Единого реестра НОСТРОЙ, в СРО в области строительства зарегистрировано 104 254 действующих членов.

Таким образом, судебная статистика показывает, что в период с 2023 по 2025 год практически к каждому второму члену СРО в строительстве предъявлялись иски о взыскании членских взносов. Это свидетельствует о серьезном системном кризисе недоверия к саморегулированию в строительстве. Странно, что НОСТРОЙ не замечает этот негативный процесс и не предлагает никаких мер для его решения.

По нашему мнению, одной из причин такого кризиса является несовершенство законодательства саморегулирования в области строительстве, а именно: законодатель без всякого обоснования ввел жесткие ограничения на участие в СРО в области строительства, во-первых, установлен фактический запрет на свободный переход из одного СРО в другое, что явно противоречит ст. 30 Конституции РФ – при добровольном выходе из СРО в течение года нельзя вступить в другую СРО, но в этом нет никакой логики, непонятна и сама необходимость такого запрета (ссылка на закон), во-вторых, при выходе из СРО компенсационный взнос аннулируется: при в вступлении в другую СРО через год компенсационный взнос надо платить заново. Это сильно ограничивает права субъектов предпринимательства на добровольное пребывание в профессиональном объединении, а также приводит к необоснованному увеличению издержек бизнеса, когда при отсутствии предпринимательской необходимости, компании должны продолжать уплачивать членские, целевые взносы, чтобы сохранить статус участника СРО.

Теперь проанализируем, а как судебная система реагирует на большой поток однотипных дел о взыскании членских взносов по искам СРО.

По данным Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации в 2024 году арбитражными судами РФ по первой инстанции рассмотрено 1 099 872 дел по экономическим спорам всех категорий (всего статистика Судебного департамента предусматривает 11 категорий дел по экономическим спорам).

С учетом приведенной выше статистики, дела по искам ассоциаций (СРО) в области строительства о принудительном взыскании членских взносов составляют до 4% всех дел по экономическим спорам. Это очень большая дополнительная нагрузка на судебную систему.

Интересна и другая статистика - в 100% случаях арбитражные суды по первой инстанции удовлетворяют иски ассоциаций к своим членам о принудительном взыскании членских взносов.

Принудительное взыскание членских взносов, которое стало массовым явлением, – прямо противоречит целям и принципам деятельности СРО, установленным законодательством.

Анализ судебных решений по рассматриваемой категории дел дает следующую картину (Решение Арбитражного суда города Москвы по Делу № А40-292960/23-136-2257 от 29 февраля 2024 года; Решение Арбитражного суда города Москвы по Делу № А40-292957/23-173-2281 от 20 мая 2024 года; Решение Арбитражного суда города Москвы по делу № А40-207446/23-158-1222 от 26 октября 2023 года – документы с официального сайта «Электронное правосудие» https://kad.arbitr.ru/): все без исключения суды, в мотивировочной части решений, приводят ссылку на ч.1 ст. 307 ГК РФ «в силу обязательства одно лицо (должник) обязано совершить в

пользу другого лица (кредитора) определенные действия, как-то: передать имущество, выполнить работу, уплатить деньги, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности».

В качестве оснований для возникновения обязательств должника (члена некоммерческой организации) и права требования кредитора (некоммерческая организация) по уплате членских взносов суды ссылаются на ст. 26 Федерального закона «О некоммерческих организациях». В частности, дается отсылка к ч.2 ст. 26 указанного закона о том, что порядок поступления членских взносов определяется учредительными документами некоммерческой организации.

Таким образом суды полагают, что источником возникновения права требования некоммерческой организации уплаты членских взносов является устав некоммерческой организации.

Но это прямо противоречит нормам материального права. Часть 2 ст. 307 ГК РФ в нормативном единстве со ст. 8 ГК РФ определяет исчерпывающий перечень оснований возникновения права на истребование задолженности у должника. В этом перечне в качестве основания отсутствует устав некоммерческой организации, как источник возникновения гражданских прав и обязанностей.

Отношения между членами ассоциации и самой ассоциацией, как было показано выше, устанавливаются и регулируются учредительными документами некоммерческой организации.

Для вступления в СРО субъект предпринимательской деятельности подает соответствующее заявление, решение о вступлении в члены СРО принимает коллегиальный орган управления СРО (как правило Правление), которое оформляется протоколом. Но, ни заявление о вступление в СРО, ни протокол с решением о приеме в СРО не соответствуют признакам заключения сделки между сторонами (В соответствии со ст. 161 ГК РФ сделки между юридическими лицами могут совершаться только в письменной форме, в соответствии со ст. 434 ГК РФ договор должен быть составлен в письменной форме и подписан сторонами, в соответствии со ст. 432 ГК РФ договор должен содержать соглашение по всем существенным условиям договора) и, следовательно, не могут рассматриваться как источник возникновения гражданско-правовых отношений между сторонами в смысле ст. 307 ГК РФ.

Рассмотрим эту проблему с другой стороны, в соответствии с нормами права, кредитор должен соответствовать ряду обязательных признаков, делающих его таковым:

- кредитор – это сторона в обязательстве (ч.1 ст. 307 ГК РФ), которые возникают из сделок (ч. 2 ст. 307 ГК РФ) или иных оснований, предусмотренных законодательством (ст. 8 ГК РФ). Как мы показали выше никаких признаков договора (сделки) в отношениях между членом некоммерческой организации и самой организацией, основанных на уставе организации, не существует. Иные основания, предусмотренные законом, не относятся к отношениям сторон, вытекающих из устава некоммерческой организации;

- кредитор вправе уступить право требования к должнику другому лицу (ст. 338 ГК РФ). Очевидно, что некоммерческая организация не может уступить право требования по уплате членских взносов третьему лицу.

Следовательно, по вопросам об уплате членских взносов некоммерческая организация не обладает необходимыми признаками кредитора, а раз нет кредитора, то и нет должника, таким образом вся правовая конструкция решений судов о признания ассоциации в качестве кредитора, а члена ассоциации в качестве должника рассыпается.

Ещё раз подчеркнем, что отношения между ассоциацией и её членами основывается исключительно на положениях устава и иных внутренних документах ассоциации,

утверждаемых общим собранием. Указанными документами не предусматривается никаких иных последствий для члена СРО, не уплачивающего членские взносы, кроме исключения из ассоциации.

Поэтому правовая позиция ассоциаций, обращающихся с исками в суд о принудительном взыскании членских взносов, является надуманной, также как и позиция арбитражных судов, принимающих такие иски к рассмотрению.

В соответствии со ст. 127.1 АПК РФ, судья отказывает в принятии искового заявления, если заявление не подлежит рассмотрению в судах. Как мы показали выше, ни одна действующая норма материального права не устанавливает оснований для принудительного взыскания членских взносов в саморегулируемых организациях.

Выводы

Статистика рассматриваемых арбитражными судами дел по искам ассоциаций о принудительном взыскании членских взносов свидетельствует о системном кризисе саморегулирования в области строительства – за период с 2023 по 2025 год практически каждый второй член СРО в области строительства подвергся процедуре принудительного взыскания членских взносов.

Необоснованное, жесткое законодательное регулирование условий выхода из ассоциации с потерей компенсационного взноса, а также фактический законодательный запрет на переход из одной ассоциации в другую нарушают конституционные права субъектов предпринимательской деятельности, в частности, право на свободное пребывание в любом объединении, включая профессиональные союзы (ассоциации) – ст. 30 Конституции РФ.

Арбитражные суды по стране перегружены делами по искам ассоциаций о принудительном взыскании членских взносов – количество таких дел за год составляет около 4% от всех дел по экономическим спорам. При этом, по мнению авторов исследования, данная категория дел не подлежит рассмотрению в судах.

Рекомендации

Национальному объединению строителей (НОСТРОЙ) по Российской Федерации следует обратить внимание на данную проблему и провести анализ по стране практики разрешения споров по вопросам уплаты членских и целевых взносов. На основе полученных результатов, разработать методические рекомендации по разрешению споров данной категории во внесудебном порядке, в соответствии с положениями уставов и иных внутренних документов ассоциаций.

Для разрешения системного кризиса саморегулирования в области строительства, выразившегося в массовой неуплате членских, целевых взносов членами ассоциаций, разработать и представить в федеральные органы власти поправки в Градостроительный кодекс Российской Федерации (см. п.3 рекомендаций).

Верховному суду РФ было бы целесообразно осуществить правовой анализ обоснованности принятия арбитражными судами к рассмотрению заявлений некоммерческих организаций о принудительном взыскании членских взносов. Данная категория споров, в соответствии с нормами материального права, должна рассматриваться исключительно во внесудебном порядке, что будет способствовать значительному снижению нагрузки на судебную систему в целом.

На законодательном уровне привести нормы материального права в соответствие

конституционным правом субъектов предпринимательской деятельности на свободное пребывание в профессиональных союзах (ассоциациях):

разрешить выход и свободный переход из одной ассоциации в другую без каких-либо ограничений прав на повторное членство в СРО, для чего внести следующие изменения в Градостроительный кодекс РФ:

изложить п.5 ст. 55.7 в следующей редакции:

«5. Лицу, прекратившему членство в саморегулируемой организации:

– не возвращаются уплаченные вступительный взнос, членские взносы;

– не возвращается взнос (взносы) в компенсационный фонд (компенсационные фонды) саморегулируемой организации при прекращении членства по основаниям, предусмотренным абз.1 п.2 ст.55.7 настоящего Кодекса;

– предоставляется право на перечисление в течение года внесенного им взноса (взносов) в компенсационный фонд (компенсационные фонды) в саморегулируемую организацию, в которую это лицо вновь принято по собственному заявлению в порядке, предусмотренном абз.1 п.6 ст.55.7 настоящего Кодекса.

Перечисление взноса (взносов) в компенсационный фонд (компенсационные фонды) в саморегулируемую организацию, в которую вновь принято указанное лицо, осуществляется на основании требования этой саморегулируемой организации, предъявляемого к саморегулируемой организации, в которую ранее был внесен этим лицом взнос (взносы) в компенсационный фонд (компенсационные фонды). К требованию должны быть приложены документы, подтверждающие факт принятия решения о приеме юридического лица, индивидуального предпринимателя в члены саморегулируемой организации. Саморегулируемая организация обязана исполнить такое требование в течение пяти рабочих дней.»

изложить п.6 ст. 55.7 в следующей редакции:

«6. В случае прекращения индивидуальным предпринимателем или юридическим лицом членства в саморегулируемой организации:

1) по собственному заявлению, такой индивидуальный предприниматель или такое юридическое лицо имеет право в любое время быть вновь принятым в члены саморегулируемой организации, при условии отсутствия в течение предшествующего года предписаний органов государственного строительного надзора при строительстве, реконструкции объектов капитального строительства.

2) по основаниям, предусмотренным абз.1 п.2 ст. 55.7, такой индивидуальный предприниматель или такое юридическое лицо в течение одного года не могут быть вновь приняты в члены саморегулируемой организации.»

Библиография

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 2025) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 2025) // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 16.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru.
4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

5. Федеральный закон от 01.12.2007 № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» (ред. от 2025) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 49. Ст. 6076.
6. Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (ред. от 2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 145.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.
8. Определение Верховного Суда РФ от 2024 № 305-ЭС24-1 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru.
9. Ассоциация в области строительства «Саморегулируемая организация «АЛЬЯНС СТРОИТЕЛЕЙ»: официальный сайт. URL: https://alians-stroiteley.ru.
10. Ассоциация Саморегулируемая организация «Объединенные строители»: официальный сайт. URL: https://obedstroy.ru.
11. Ассоциация строительных организаций Новосибирской области: официальный сайт. URL: https://asno.ru.
12. Ассоциация профессиональных строителей Сибири: официальный сайт. URL: https://apss.ru.
13. Ассоциация «Объединение строительных организаций Татарстана»: официальный сайт. URL: https://osot.ru.
14. Союз содействия в развитии строительства саморегулируемая организация «Объединение профессиональных строителей»: официальный сайт. URL: https://ops-rt.ru.
15. Ассоциация Саморегулируемая организация «Строительный альянс Северо-Запада»: официальный сайт. URL: https://sasnw.ru.
16. Ассоциация Саморегулируемая организация «Межрегиональное объединение строительных компаний»: официальный сайт. URL: https://morsk.ru.
17. Национальное объединение строителей (НОСТРОЙ): официальный сайт. URL: https://nostroy.ru.
18. Единый реестр членов СРО НОСТРОЙ. URL: https://reestr.nostroy.ru.
19. Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru.

Law Enforcement Practice in Resolving Disputes Related to Withdrawal from Membership in Self-Regulatory Organizations in the Field of Construction

Vladimir V. Veremeev

PhD in Economics, Associate Professor,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
119571, 82, Vernadskogo ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: 9582911@mail.ru

Sergei A. Timofeev

PhD in Law,
Independent Researcher,
119019, 3/5, Vozdvizhenka str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: timofeev_sa@mail.ru

Abstract

The relevance of the study is due to the ongoing reform of the institution of self-regulation in the construction industry and the presence of numerous legal collisions arising in the consideration of court cases, in particular on issues of termination of membership in self-regulatory organizations (SROs). Gaps in the legislative regulation of the procedure for withdrawal from an SRO generate a significant number of similar lawsuits, which creates an excessive burden on the judicial system.

The aim of the work is to identify patterns and common problems of law enforcement practice in resolving disputes related to the exclusion of an organization's member from an SRO, as well as to formulate proposals for unifying judicial approaches and improving legislative regulation on this problem, which will create the necessary legal basis for the pre-trial settlement of disputes on the withdrawal of an organization's member from an SRO and minimize the number of appeals to judicial bodies. The methodological basis of the study was formed by the formal-legal method, comparative-legal analysis of judicial acts of arbitration courts, including rulings of the Supreme Court of the Russian Federation, and the systemic interpretation of the norms of the Civil Code of the Russian Federation, the Town-Planning Code of the Russian Federation, and Federal Law No. 315-FZ "On Self-Regulatory Organizations." Results: the main categories of disputes on the right of self-regulatory organizations to membership fees after the emergence of grounds for excluding a member from the organization are systematized. The inconsistency of the legal position of construction associations on the judicial settlement of disputes on the payment of membership and targeted fees is shown. Based on the analysis of judicial statistics, a conclusion is drawn about the existence of a systemic crisis of self-regulation in the field of construction. Based on the results of the study, the authors propose a set of measures to improve the legal regulation of the activity of SROs in the field of construction.

For citation

Veremeev V.V., Timofeev S.A. (2026) Pravoprimenitel'naya praktika razresheniya sporov, svyazannykh s vykhodom iz chlenstva v samoreguliruemykh organizatsiyakh v oblasti stroitel'stva [Law Enforcement Practice in Resolving Disputes Related to Withdrawal from Membership in Self-Regulatory Organizations in the Field of Construction]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (9A), pp. 82-92. DOI: 10.34670/AR.2026.18.65.011

Keywords

Self-regulatory organization (SRO), construction industry, withdrawal from an SRO, termination of membership, membership and targeted fees, law enforcement practice, judicial dispute, arbitration practice, Civil Code of the Russian Federation, Town-Planning Code of the Russian Federation, charter of a self-regulatory organization, risk management, research methodology, state policy.

References

1. Arbitration Procedural Code of the Russian Federation of 24.07.2002 No. 95-FZ (as amended on 2025). (2002). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 30, Art. 3012. [Arbitrazhnyy protsessualnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii].
2. Association of Construction Organizations of the Novosibirsk Region. (n.d.). https://asno.ru
3. Association of Professional Builders of Siberia. (n.d.). https://apss.ru
4. Association "Association of Construction Organizations of Tatarstan". (n.d.). https://osot.ru
5. Association Self-Regulatory Organization "Construction Alliance of the North-West". (n.d.). https://sasnw.ru
6. Association Self-Regulatory Organization "Interregional Association of Construction Companies". (n.d.). https://morsk.ru
7. Association Self-Regulatory Organization "United Builders". (n.d.). https://obedstroy.ru
8. Association in the Field of Construction "Self-Regulatory Organization "ALLIANCE OF BUILDERS". (n.d.). https://alians-stroiteley.ru
9. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of 30.11.1994 No. 51-FZ (as amended on 2025). (1994). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 32, Art. 3301. [Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii].

10. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020). (2020). *Official Internet Portal of Legal Information*. http://pravo.gov.ru
11. Federal Law of 01.12.2007 No. 315-FZ "On Self-Regulatory Organizations" (as amended on 2025). (2007). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 49, Art. 6076. [Federalnyy zakon "O samoreguliruemykh organizatsiyakh"].
12. Federal Law of 12.01.1996 No. 7-FZ "On Non-Commercial Organizations" (as amended on 2025). (1996). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 3, Art. 145. [Federalnyy zakon "O nekommercheskikh organizatsiyakh"].
13. National Association of Builders (NOSTROY). (n.d.). https://nostroy.ru
14. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 2024 No. 305-ES24-1. (2024). *Card Index of Arbitration Cases*. https://kad.arbitr.ru
15. Town Planning Code of the Russian Federation of 29.12.2004 No. 190-FZ (as amended on 2025). (2005). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 1 (Part 1), Art. 16. [Gradostroitelnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii].
16. Union for Assistance in the Development of Construction Self-Regulatory Organization "Association of Professional Builders". (n.d.). https://ops-rt.ru
17. Unified Register of SRO Members of NOSTROY. (n.d.). https://reestr.nostroy.ru
18. Card Index of Arbitration Cases. (n.d.). https://kad.arbitr.ru
19. Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. (2015). Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 23.06.2015 No. 25 "O primenenii sudami nekotorykh polozheniy razdela I chasti pervoy Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii" [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.06.2015 No. 25 "On the Application by Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation"]. *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, 8. [Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF].

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 343.35 **DOI: 10.34670/AR.2026.81.60.012**

Гражданско-правовые конструкции в механизме коррупционной маскировки: критерии разграничения и модель двухуровневого комплаенса

Горшенин Николай Анатольевич

Аспирант,
кафедра уголовного права,
Московский университет «Синергия»,
105318, Российская Федерация, Москва, ул. Измайловский Вал, 2;
e-mail: gorshenin.na@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена использованию гражданско-правовых конструкций для маскировки коррупционного поведения в частном секторе. Обосновывается, что агентские, посреднические, консультационные и иные договоры не обладают коррупциогенностью сами по себе. Риск возникает при расхождении между заявленной хозяйственной целью, фактическим исполнением и направлением имущественной выгоды. Предложено понятие «длинной схемы» как многоэтапного механизма, в котором формально самостоятельные действия объединены общей целью передачи незаконного вознаграждения или влияния на управленческое решение. На основе норм гражданского и уголовного законодательства, доктринальных подходов и обезличенного материала внутреннего расследования сформулированы критерии разграничения правомерного посредничества и коррупционной маскировки, а также меры риск-ориентированного антикоррупционного комплаенса. Обосновывается необходимость второго уровня комплаенса, закрепляемого за государством.

Для цитирования в научных исследованиях

Горшенин Н.А. Гражданско-правовые конструкции в механизме коррупционной маскировки: критерии разграничения и модель двухуровневого комплаенса // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 9А. С. 93-101. DOI: 10.34670/AR.2026.81.60.012

Ключевые слова

Коррупция в частном секторе, коммерческий подкуп, гражданско-правовая конструкция, мнимая сделка, притворная сделка, агентский договор, посредник, незаконное вознаграждение, длинная схема, антикоррупционный комплаенс, второй уровень комплаенса, риск-ориентированный подход.

Введение

Коррупция в частном секторе представляет собой самостоятельное социально-правовое явление, способное причинять ущерб имущественным интересам коммерческих организаций, их работников и иных участников экономических отношений [Красноусов, 2014, с. 4–6; Галлямов, 2025, с. 40–41]. Одной из наиболее значимых, но не единственной формой ее проявления является коммерческий подкуп [Красноусов, 2014, с. 6, 29]. Коррупционные риски в организациях могут возникать в процессе принятия управленческих и хозяйственных решений, что обусловливает необходимость применения внутренних мер предупреждения и контроля [Трунцевский, 2023, с. 98–106].

Специфика частнокоррупционного поведения состоит в том, что незаконный интерес может реализовываться посредством правомерных по своей природе инструментов. Договор, счет, акт, отчет агента и платежное поручение создают внешне последовательное объяснение движения денежных средств. Однако наличие документов не исключает ситуации, при которой заявленная услуга не оказана, посредник не выполняет самостоятельной функции, цена не связана с экономической ценностью результата, а конечная выгода поступает лицу, способному повлиять на решение организации.

В юридической литературе противодействие коррупции и криминализации экономики рассматривается как комплексная задача, решение которой предполагает применение не только уголовно-правовых, но также гражданско-правовых и организационных средств [Ботнев, 2015, с. 5; Литвиненко, Грачев, 2022, с. 280]. Уголовный закон определяет основные «опорные точки» - признаки преступлений и пределы ответственности, тогда как выявление скрытого механизма коррупционного поведения требует исследования не только юридически значимых обстоятельств, но и экономического содержания хозяйственных операций, фактической деятельности участников, а также причинно-следственных связей между совокупностью действий и наступившими последствиями. В отличии от преступлений, расследование которых начинается с установления очевидного события, в сфере частноправовой коррупции сам факт возможного преступления в основном не имеет внешне выраженного и непосредственно наблюдаемого характера. Его наличие предварительно должно быть выявлено посредством анализа продолжительной последовательности взаимосвязанных событий. В свою очередь реконструкция данных связей позволяет обоснованно сделать вывод о наличии либо отсутствии обстоятельств, требующих уголовно-правовой оценки и служащих началом расследования.

Разовая нетипичная сделка или ненадлежаще исполненное договорное обязательство само по себе не свидетельствуют о совершении преступления, и как справедливо отмечают К. Титаев и И. Четверикова, квалификация обычных хозяйственных действий и договорных нарушений в качестве преступлений может приводить к избыточной криминализации экономической деятельности [Титаев, Четверикова, 2017, с. 7–16].

Цель исследования состоит в определении признаков, способных разграничить легитимное использование гражданское-правовых конструкций и их применение в качестве средства маскировки коррупционного поведения, а также в обосновании необходимости второго уровня комплаенса в лице государства. Методологическую основу составили формально-юридические и системны методы, анализ законодательства и доктринальных источников, а также изучение обезличенного материала внутреннего расследования кредитной организации.

Основная часть

Свобода договора, автономия воли и презумпция добросовестности гражданских правоотношений в Российской Федерации предполагают, что предлагаемые законом посреднические конструкции, такие как агентский договор, договор комиссии, поручения, возмездного оказания услуг и иные модели, являются обычными средствами организации предпринимательской деятельности. Сам факт посредничества или установления высокого вознаграждения не свидетельствуют о коррупционности той или иной операции или деятельности в целом.

Внимание заслуживают те ситуации, в которых юридическая форма сделки или операции расходится с действительным содержанием ее направленности. Статья 10 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) запрещает осуществление права в обход закона с противоправной целью и иное заведомо недобросовестное поведение, а статья 170 ГК РФ устанавливает последствия мнимых и притворных сделок [ГК РФ, ст. 10, 170]. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в свою очередь разъяснил, что мнимая сделка совершается без намерения создать соответствующие правовые последствия, а притворная прикрывает другую сделку и для такого прикрытия может использоваться несколько формально самостоятельных сделок [Постановление Пленума ВС РФ, 2023]. Последнее положение принципиально для анализа многоэтапных коррупционных механизмов.

Коррупционный риск возникает не из вида договора, а из способа его включения в передачу имущественной выгоды. Определяющее значение имеют четыре взаимосвязанных элемента: отсутствие самостоятельной деловой цели; фиктивность или неопределенность исполнения; несоразмерность платежа результату; связь выгодоприобретателя с лицом, принимающим управленческое решение. Каждый признак допускает нейтральное объяснение, поэтому вывод должен основываться на их совокупности и подтверждаться фактическими данными.

Можно выделить три базовые модели маскировки. Первая основана на мнимом или притворном договоре, который используется как формальное основание платежа. Вторая предполагает включение посредника, не обладающего ресурсами и не выполняющего заявленной функции. Третья состоит во встраивании незаконного предоставления в обычные выплаты: комиссию, премию, вознаграждение за консультационные или маркетинговые услуги, компенсацию расходов. Во всех случаях проверке подлежат фактический результат, деловая необходимость, порядок определения цены, инициатор платежа и конечный получатель средств.

Подход Росфинмониторинга подтверждает необходимость учитывать фактическое содержание посреднической операции. В Информационном письме № 63 применительно к операциям с драгоценными металлами, драгоценными камнями и ювелирными изделиями разъясняется, что сведения об операциях, совершаемых в рамках договора комиссии, представляет комиссионер как лицо, непосредственно участвующее в их совершении [Росфинмониторинг, 2023].

В Информационном письме № 62 Росфинмониторинг указывает, что требования законодательства о противодействии отмыванию денежных средства и финансированию терроризма распространяются на организации и индивидуальных предпринимателей, фактически оказывающих посреднические услуги при совершении сделок купли-продажи недвижимого имущества, независимо от того, являются такие услуги их основным или дополнительным видом деятельности [Росфинмониторинг, 2023].

Банк России указывает, что агентские и иные гражданско-правовые договоры могут использоваться как формальное основание перечисления денежных средств в рамках транзитных и обналичивающих схем, и рекомендует проверять экономический смысл и законные цели таких операций [Банк России, 2023].

Эти позиции не устанавливают коррупционность агентирования и посреднических схем в целом, но показывают, что формальная договорная квалификация не заменяет анализа цели и движения денежных средств.

Следовательно, разграничение правомерного оборота и коррупционной маскировки должно основываться на функциональном критерии. Если посредник реально выполняет определенную задачу, обладает необходимыми ресурсами, представляет проверяемый результат, а вознаграждение соответствует его вкладу, договор сохраняет обычное хозяйственное значение. Если документы лишь объясняют платеж, а фактическая функция отсутствует или выгода направляется связанному лицу в связи с управленческим решением, конструкция требует углубленной проверки.

Наиболее сложной является многоэтапная модель, которую предлагается обозначить как «длинную схему». Под ней понимается распределенный во времени и между несколькими лицами механизм, где формально самостоятельные договоры, платежи и управленческие действия функционально подчинены общей цели: передаче незаконной выгоды, созданию имущественного преимущества либо воздействию на решение в организации. Определяющим является не количество операций, а наличие устойчивой связи между ними.

Отдельные элементы такой схемы могут соответствовать закону. Применение организацией агентской модели или привлечение брокера – вполне законно. Вместе с тем, при декомпозиции элементов, рассматриваемых как одно целое, возможно обнаружить не поддающиеся объяснениям логические пустоты, что подтверждает утверждение о том, что внешняя правомерность каждого звена не исключает противоправно направленности их совокупности.

Категория «длинной схемы» несет в себе аналитическое назначение – объединение разрозненных фактов в проверяемую модель, и, как следствие, определение направления внутреннего расследования.

Для эмпирической проверки положений исследования использован обезличенный материал внутреннего расследования кредитной организации, который не используется для утверждения о наличии состава конкретного преступления и рассматривается исключительно для иллюстрации «длинной схемы».

Так, службой безопасности организации при проверке внешних контрагентов, привлекавших клиентов на кредитование выявлены признаки возможных злоупотреблений группы работников во главе с руководителем направления привлечения клиентов. Первоначально, предметом проверки являлись брокерские организации, в результате чего получены сведения о неформальных отношениях руководителя группы с представителями одного из брокеров.

Внутри организации инициировалась согласование шаблона агентского договора и проекта приказа. При этом договоры с основными сторонними юридическими лицами заключены не была. Одновременно агентский договор был оформлен с физическим лицом, ранее работавшим в связанной организации; впоследствии оно было принято в штат. Вознаграждение по агентскому договору фактически не выплачивалось. Параллельно продолжалось поступление заявок от брокеров, а в отдельных случаях брокерское вознаграждение перечислялось клиентами после получения кредита.

По материалам проверки, работники также рекомендовали отдельным клиентам

перемещать денежные средства через другие кредитные организации. В одном эпизоде клиент сообщил о давлении и подаче заявки на кредит без его согласия. При повторной заявке были выявлены признаки недостоверных сведений о доходе и попыток воздействия на процедуру андеррайтинга; выдача кредита не состоялась.

Для анализа существенна не отдельная операция, а ее место в последовательности действий. Проект договора, взаимодействие с брокером, кредитная заявка, движение денежных средства и попытка воздействия на внутреннюю процедуру при отдельной оценке могут иметь различные объяснения. Однако их функциональная взаимосвязь формирует единый риск-контур.

Юридически значимыми в данном материале являются не предположения о мотивах участников схемы, а проверяемые факты, т.е. кто именно инициирует договор, какие прежние трудовые и деловые связи посредника; есть ли убедимый результат оказанных услуг; факт движения клиента и денежных средств через сторонние организации; одномоментность посреднической активности с попытками воздействия на кредитное решение. Именно эти данные позволяет перейти от подозрения общего к уже обоснованно проверяемой версии.

Для анализа существенна не отдельная операция, а ее место в последовательности действий. Это связано с тем, что именно в этой последовательности формируется и проявляется действительная воля сторон. Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации, действительная воля сторон подлежит установлению [Постановление Пленума ВС РФ, 2023]. Данное положение существенно для анализа описанной выше ситуации - действительная воля сторон может быть установлена посредством сопоставления фактического поведения участников правоотношения с гражданско-правовыми документами, имеющими доказательственное значение. Типовые акты без конкретного результата, противоречивость предмета договора и действиями, направленными на его исполнение, стремительно понижают объяснительную ценность.

Следует отметить существенную диспропорцию в объеме нормативного внимания, уделяемого противодействию коррупции в публичном и частном секторе. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273 – ФЗ

«О противодействии коррупции» содержит лишь одну статью, непосредственно и специально посвященную предупреждению коррупции в организациях.

Статья 13.3 настоящего закона возлагает на организации обязанность разрабатывать и принимать меры по предупреждению коррупции, тогда как прочие положения специального механизма не образуют. Формальная составляющая при этом присутствует: принятие антикоррупционной политики, назначение ответственных лиц, формирование комиссий по противодействию коррупции. Однако перечисленные меры носят преимущественно формальный характер и реального механизма предупреждения коррупции в себе не несут.

На верхнеуровневом, первом этапе всегда находится внутриорганизационный комплаенс и, безусловно, расчет на добросовестность участника экономического оборота. Поскольку принцип свободы предпринимательской деятельности представляется довольно чувствительной материей, механизм государственного участия, не допускающий вмешательства в деятельность организаций целесообразен. При этом степень такого участия должна определяться с учетом уровня коррупции (риска организации).

Такой подход особенно актуален в свете риск ориентированной политики государства в осуществлении контроля/надзора. Анализ деятельности организаций возможен средствами комплаенс-контроля и искусственного интеллекта, изучающего в том числе тексты договоров.

В современной юридической литературе антикоррупционный комплаенс определяется как система мер, направленных на соблюдение правовых, этических, экономических и социально-

культурных норм в целях предупреждения коррупционных нарушений и исключения коррупционных рисков [Шорохов и др., 2024, с. 3–4]. Его практическое значение также связывается с профилактикой правовых рисков и защитой имущественных интересов коммерческих организаций [Таут, Овечкина, 2021, с. 102, 106]. Формирование научной основы антикоррупционного комплаенса предполагает междисциплинарное использование положений международного и уголовного права, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности [Гармаев, Иванов, Маркунцов, 2020, с. 106–108]. Применительно к финансово-хозяйственной деятельности коммерческих организаций особое значение имеют риск-ориентированный подход, внутренний финансовый контроль и аудит, позволяющие выявлять признаки нарушений на ранних стадиях [Землин, Левшиц, Ованесян, 2025, с. 101–102]. Представляется, что для обнаружения «длинной схемы» сведения о договоре, контрагенте, движении денежных средств и связанном с ними управленческом решении должны анализироваться в совокупности.

Первый уровень контроля является договорным. До заключения посреднического или консультационного договора следует фиксировать его деловую цель, причину невозможности достичь результата собственными силами, содержание ожидаемого результата, критерии приемки и порядок расчета вознаграждения. Такие формулировки как «информационное сопровождение», «консультационные услуги» или «содействие в привлечении клиентов» без конкретики, т.е. без измеримого содержания очевидно повышают риск фиктивности.

Второй уровень является субъектным. Проверка должна охватывать не только общие данные из Единого государственного реестра юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, сведения о численности, достоверности адреса регистрации, но и корпоративные связи, аффилированность должностных лиц с работниками, обладающими дискреционными полномочиями. Выявленная связь указывает не на возможное нарушение, а на риск конфликта интересов и посягательство на независимость, что требует исключения непотизма.

Третий уровень является транзакционным. Контролю подлежат непосредственно переводы денежных средств: их дробление, несоответствие суммы обычному для таких сделок уровню, а также совпадение выплат со значимым решением организации. При этом принимаются во внимание не только управленческие решения в рамках бизнес-стратегии, но и такие обстоятельства, как неблагонадежность управленца, его сомнительное прошлое или проблемы компании на направлении, которое курирует лицо, выводящее денежные средства для урегулирования вопроса.

Категория «длинной схемы» позволяет анализировать многоэтапные механизмы, поиск которых в крупной организации невозможен без цифровизации комплаенса в целях реструктуризации событий. Для первоначальной оценки достаточно установить самостоятельную деловую цель посредничества, а также подтвердить реальность и ценность результата. Однако в условиях, когда по каким-либо причинам компания не справляется самостоятельно, процесс не должен на этом завершаться: он должен переходить на следующий этап контроля — в лице государства.

Заключение

Ответ на вопрос о том, почему в бизнесе антикоррупционных механизмов меньше, чем в публичной сфере, заключается не только в том, что публичная коррупция так или иначе сопряжена с участием государства, а значит — с бюджетными средствами, что повышает риски для планирования кредитно-денежной политики и подрывает доверие к государству. Дело еще

и в том, что бизнес является драйвером экономики: чем больше этапов, тем глубже бюрократия проникает в процессы, тем медленнее идет развитие. Эти явления пропорциональны друг другу и работают как своего рода весы. Поэтому, говоря о комплаенсе в бизнесе, особенно важно найти золотую середину — такую степень глубины механизмов, которая не навредит прогрессу.

Комплаенс изначально ориентирован на добросовестных участников экономического оборота. Однако государство должно иметь возможность своевременно выявлять подозрительность действий организации, фиктивность ее деятельности и отсутствие смысла существования, кроме как для незаконных схем. Поэтому второй уровень комплаенса целесообразно закрепить за государством. В отличие от коммерческих сервисов проверки благонадежности контрагента, именно государство — на законном основании и при условии соответствующих реформ — способно получать все данные для анализа в режиме онлайн. Без человеческого участия невозможно обучить машину работе, однако объединение подходов налоговой службы, Росфинмониторинга и Банка России, практика правоохранительных органов в своей совокупности способно обучить интеллект анализировать массивы данных государственных реестров для гарантированной оценки деятельности и выявлять «длинные схемы».

Библиография

1. Ботнев В.Г. Гражданско-правовое регулирование противодействия коррупции в бизнесе // Государственная служба. 2015. № 4 (96). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdansko-pravovoe-regulirovanie-protivodeystviya-korruptsii-v-biznese (дата обращения: 20.10.2026).
2. Галлямов О.О. Коррупция в частном секторе: правовая неопределенность и вопросы противодействия // Юридический мир. 2025. № 4. С. 40–43.
3. Гармаев Ю.П., Иванов Э.А., Маркунцов С.А. О формировании междисциплинарной концепции антикоррупционного комплаенса в Российской Федерации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4. С. 106–128.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 2025) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
5. Землин А.И., Левшиц Д.Ю., Ованесян Р.К. Правовые аспекты противодействия коррупции в коммерческих организациях при осуществлении финансово-хозяйственной деятельности // Право и государство: теория и практика. 2025. № 7. С. 3–16. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-aspekty-protivodeystviya-korruptsii-v-kommercheskih-organizatsiyah-pri-osuschestvlenii-finansovo-hozyaystvennoy (дата обращения: 20.10.2026).
6. Информационное письмо Росфинмониторинга от 2022 г. № 62 «О требованиях законодательства о противодействии отмыванию денежных средств и финансированию терроризма» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Информационное письмо Росфинмониторинга от 2022 г. № 63 «Об операциях с драгоценными металлами, драгоценными камнями и ювелирными изделиями» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Красноусов С.Д. Коммерческий подкуп как форма коррупции в частном секторе: понятие и противодействие: монография. Москва: Проспект, 2014. 160 с.
9. Литвиненко А.Н., Грачев А.В. Организационно-правовые методы противодействия криминализации экономики и коррупции // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 279–283.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.
11. Таут С.В., Овечкина М.А. Антикоррупционный комплаенс как инструмент профилактики правовых рисков и эффективной защиты имущественных прав компаний // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. № 3 (234). С. 99–107.
12. Титаев К., Четверикова И. Избыточная криминализация экономической деятельности в России: как это происходит и что с этим делать. Москва: Институт проблем правоприменения, 2017. 36 с.
13. Трунцевский Ю.В. Деловая коррупция и противодействие ей в организациях // Журнал российского права. 2023. Т. 27, № 4. С. 98–106.
14. Шорохов В.Е., Шорохова А.А., Бурский И.Г., Козлова С.А. Понятие антикоррупционного комплаенса // Хозяйство и право. 2024. № 7. С. 3–16.

Civil-Law Constructs in the Mechanism of Corruption Masking: Criteria of Delimitation and a Two-Level Compliance Model

Nikolai A. Gorshenin

Postgraduate Student,
Department of Criminal Law,
Synergy Moscow University,
105318, 2, Izmaylovskiy Val str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: gorshenin.na@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the use of civil-law constructs for masking corrupt behavior in the private sector. It is substantiated that agency, intermediary, consulting, and other contracts do not possess corruption-generating potential in themselves. The risk arises when there is a discrepancy between the declared economic purpose, the actual performance, and the direction of the property benefit. The concept of a "long scheme" is proposed as a multi-stage mechanism in which formally independent actions are united by a common purpose of transferring an illegal reward or influencing a managerial decision. On the basis of the norms of civil and criminal legislation, doctrinal approaches, and anonymized material from an internal investigation, criteria are formulated for delimiting lawful intermediation from corruption masking, as well as measures of risk-oriented anti-corruption compliance. The necessity of a second level of compliance, assigned to the state, is substantiated.

For citation

Gorshenin N.A. (2026) Grazhdansko-pravovye konstruktsii v mekhanizme korruptsionnoy maskirovki: kriterii razgranicheniya i model' dvukhurovnevogo komplaensa [Civil-Law Constructs in the Mechanism of Corruption Masking: Criteria of Delimitation and a Two-Level Compliance Model]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (9A), pp. 93-101. DOI: 10.34670/AR.2026.81.60.012

Keywords

Corruption in the private sector, commercial bribery, civil-law construct, sham transaction, disguised transaction, agency contract, intermediary, illegal reward, long scheme, anti-corruption compliance, second level of compliance, risk-oriented approach.

References

1. Botnev, V. G. (2015). Grazhdansko-pravovoe regulirovanie protivodeystviya korruptsii v biznese [Civil law regulation of anti-corruption in business]. *Gosudarstvennaya sluzhba*, (4), 96. Retrieved October 20, 2026, from https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdansko-pravovoe-regulirovanie-protivodeystviya-korruptsii-v-biznese
2. Civil Code of the Russian Federation (Part One) No. 51-FZ of November 30, 1994 (as amended). (1994). *Sobranie zakonodatelstva RF*, (32), Art. 3301. [In Russian].
3. Gallyamov, O. O. (2025). Korruptsiya v chastnom sektore: pravovaya neopredelennost i voprosy protivodeystviya [Corruption in the private sector: Legal uncertainty and counteraction issues]. *Yuridicheskiy mir*, (4), 40–43.
4. Garmaev, Yu. P., Ivanov, E. A., & Markuntsov, S. A. (2020). O formirovanii mezhdistsiplinarnoy kontseptsii antikorruptsionnogo komplaensa v Rossiyskoy Federatsii [On the formation of an interdisciplinary concept of anti-corruption compliance in the Russian Federation]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, (4), 106–128.

5. Information Letter of Rosfinmonitoring No. 62 (2022). *O trebovaniyakh zakonodatelstva o protivodeystvii otmyvaniyu denezhnykh sredstv i finansirovaniyu terrorizma* [On the requirements of legislation on countering money laundering and terrorist financing]. [In Russian].
6. Information Letter of Rosfinmonitoring No. 63 (2022). *Ob operatsiyakh s dragotsennymi metallami, dragotsennymi kamnyami i yuvelirnymi izdeliyami* [On operations with precious metals, precious stones and jewelry]. [In Russian].
7. Krasnousov, S. D. (2014). *Kommercheskiy podkup kak forma korruptsii v chastnom sektore: ponyatie i protivodeystvie* [Commercial bribery as a form of corruption in the private sector: Concept and counteraction]. Prospekt.
8. Litvinenko, A. N., & Grachev, A. V. (2022). Organizatsionno-pravovye metody protivodeystviya kriminalizatsii ekonomiki i korruptsii [Organizational and legal methods of countering the criminalization of the economy and corruption]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, (2), 279–283.
9. Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. (2015). *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 23.06.2015 No. 25 "O primenenii sudami nekotorykh polozheniy razdela I chasti pervoy Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii"* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 25 of June 23, 2015 "On the application by courts of certain provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation"]. *Byulleten Verkhovnogo Suda RF*, (8). [In Russian].
10. Shorokhov, V. E., Shorokhova, A. A., Burskiy, I. G., & Kozlova, S. A. (2024). Ponyatie antikorruptsionnogo komplaensa [The concept of anti-corruption compliance]. *Khozyaystvo i pravo*, (7), 3–16.
11. Taut, S. V., & Ovechkina, M. A. (2021). Antikorruptsionnyy komplaens kak instrument profilaktiki pravovykh riskov i effektivnoy zashchity imushchestvennykh prav kompaniy [Anti-corruption compliance as a tool for preventing legal risks and effectively protecting companies' property rights]. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii*, (3), 234, 99–107.
12. Titaev, K., & Chetverikova, I. (2017). *Izbotochnaya kriminalizatsiya ekonomicheskoy deyatelnosti v Rossii: kak eto proiskhodit i chto s etim delat* [Excessive criminalization of economic activity in Russia: How it happens and what to do about it]. Institut problem pravoprimeneniya.
13. Truntsevskiy, Yu. V. (2023). Delovaya korruptsiya i protivodeystvie ey v organizatsiyakh [Business corruption and its counteraction in organizations]. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 27(4), 98–106.
14. Zemlin, A. I., Levshits, D. Yu., & Ovanesyan, R. K. (2025). Pravovye aspekty protivodeystviya korruptsii v kommercheskikh organizatsiyakh pri osushchestvlenii finansovo-khozyaystvennoy deyatelnosti [Legal aspects of anti-corruption in commercial organizations during financial and economic activities]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, (7), 3–16. Retrieved October 20, 2026, from https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-aspekty-protivodeystviya-korruptsii-v-kommercheskih-organizatsiyah-pri-osuschestvlenii-finansovo-hozyaystvennoy

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34:004.8 **DOI: 10.34670/AR.2026.76.18.013**

Особенности нормативно-правового обеспечения разработки и применения систем искусственного интеллекта в Республике Сингапур

Рехачева Татьяна Викторовна

Кандидат юридических наук, доцент,
кафедра государственного и муниципального права,
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского;
644077, Российская Федерация, Омск, просп. Мира, 55а;
e-mail: tatiana.rekhacheva@gmail.com

Аннотация

В статье исследуется эволюция нормативно-правового регулирования и национальные стратегии развития систем искусственного интеллекта (ИИ) в Республике Сингапур. Автор подчёркивает, что, несмотря на статус глобального технологического лидера и обилие ИТ-компаний, Сингапур не принимает единый комплексный закон об ИИ. Государство использует гибкий подход, точечно внося изменения в действующие нормативные акты, делая акцент на персональной ответственности человека. На основе анализа национальных стратегий (2019–2026 гг.) и моделей регулирования (2020–2026 гг.) выявлена чёткая тенденция перехода от мягкого, добровольного и рамочного контроля к более жёстким императивным нормам, усилению ответственности за безопасность данных и подготовке отраслевых законов. Технологический фокус последовательно смещается от традиционного и генеративного ИИ к автономным агентным системам, что подтверждается лингвистическим анализом документов: переходом от рекомендательных формулировок к прямым обязательствам.

Для цитирования в научных исследованиях

Рехачева Т.В. Особенности нормативно-правового обеспечения разработки и применения систем искусственного интеллекта в Республике Сингапур // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 9А. С. 102-110. DOI: 10.34670/AR.2026.76.18.013

Ключевые слова

Искусственный интеллект, Сингапур, агентный ИИ, генеративный ИИ, национальная стратегия, правовое регулирование, государственная политика, управление рисками.

Введение

Республика Сингапур является одной из самой высокотехнологичных стран в мире. Её ведущее положение в цифровых технологиях не раз отмечалось исследователями [Fang, Hu, 2026, с. 4; Канаева, Федоренко, 2024, с. 99], как и частое лидерство в индексах и рейтингах [Гаджиева, 2021, с. 26-27]. Так в Мировом рейтинге цифровой конкурентоспособности за 2025 год Сингапур занял третью строку, уступив США и Швейцарии, однако до этого в 2022, 2023 и 2024 годах возглавлял под рейтинг «Технологии».

В республике зарегистрировано значительное количество ИТ-компаний (9991 компания в 2025 году, 9696 — в 2024, 9405 — в 2023) [Formation of All Business Entities by Industry, Annual Singapore, https://data.gov.sg/datasets/d_83b7cf1a1d8ef3e55c363e0d06dbcea5/view], поэтому исследование нормативно-правового регулирования в вопросах использования систем искусственного интеллекта в столь динамично развивающейся республике является необходимостью.

Сингапур признаётся мировым сообществом одной из наиболее технически развитых стран в сфере использования и применения искусственного интеллекта. Российские [Дремлюга, 2022, с. 215-216] и зарубежные [Ang, Yap, 2026, с. 833] исследователи не раз отмечали передовой опыт этой страны.

Долгое время правовая система Сингапура основывалась на общем праве [Phang, Goh, Soh, 2020, с. 4-8], сегодня же государство использует как законы, так и судебные прецеденты. Иерархия источников права состоит из четырёх категорий: Конституция Республики Сингапур, Законы Парламента, подзаконные акты и судебный прецедент. Законы Парламента могут именоваться по-разному — Act или Statute для современных законов или Ordinance для законов, принятых в колониальный период; подзаконные акты могут именоваться Regulations, Rules, Orders, Notifications, By-laws.

Нормативно-правовые акты

Несмотря на обилие разнообразных подзаконных актов, Сингапур в настоящий момент не имеет отдельного закона, регулирующего создание, использование, применение систем искусственного интеллекта (далее — системы ИИ), ровно как и акта, закрепляющего бы ответственность компаний-разработчиков за выдачу недостоверного результата или ответственность конкретного пользователя систем ИИ за отдельные недобросовестные действия. Страна использует гибкий подход [Artificial Intelligence 2026, https://practiceguides.chambers.com/practice-guides/artificial-intelligence-2026/singapore/trends-and-developments/O25612] и принимает необходимые законы точечно, поскольку уже имеющаяся нормативно-правовая база, согласно законодателю, имеет необходимое регулирование.

Тем не менее в ряде принятых парламентом нормативно-правовых актов мы можем встретить положения, прямо указывающие на регулирование отдельных аспектов ИИ.

Во-первых, обновлённый в 2024 году Закон о выборах [Elections (Integrity of Online Advertising) (Amendment) Act 2024, https://sso.agc.gov.sg/Acts-Supp/34-2024/Published/20241121] теперь имеет статью 61MA, которая прямо запрещает публиковать нереалистичные фото- или видеоматериалы, созданные в том числе с помощью искусственного интеллекта, во время выборов. Согласно части 2 статьи наказанием является штраф до 1000 долларов Сингапура, или лишение свободы на срок до 12 месяцев, или оба наказания одновременно. Поправка

предостерегает от манипулирования избирателями в интернет-среде. Принятая в 2024 году поправка впервые закрепила слова «искусственный интеллект» в нормативно-правовом акте.

Во-вторых, Закон об авторском праве [Copyright Act 2021, https://sso.agc.gov.sg/Act/CA2021?WholeDoc=1] (принят в 1987 году, изменён в 2021 году) в статье 243 даёт толкование термину «вычислительный анализ данных», закрепляя возможность идентификации, извлечения и анализа информации или данных из произведения или записи в отношении текстов и изображений. Статья 244 же запрещает пользоваться извлечённой информацией для создания контрафактной продукции.

В-третьих, обновлённый Уголовный кодекс [Criminal Law (Miscellaneous Amendments) Act 2025, https://sso.agc.gov.sg/Acts-Supp/21-2025/Published/20251203] (принят в 1987 году, изменён в 2025 году) вносит изменения в статью 377BE (Распространение либо угроза распространения интимного изображения или записи). Теперь в случае невозможности отличить сгенерированное изображение от реального обвиняемый не освобождается от уголовной ответственности.Кроме это есть ряд законов, косвенно затрагивающих вопросы искусственного интеллекта.

Во-первых, Закон о справедливости на рабочем месте [Workplace Fairness Act 2025, https://sso.agc.gov.sg/Act/WFA2025/Uncommenced/20260926131150?DocDate=20250213] 2025 года статьёй 3 запрещает каким-либо образом дискриминировать потенциального работника. Несмотря на полную свободу работодателя в выборе метода оценки кандидата, в том числе и с использованием систем ИИ, можно сделать вывод, что работодатель будет нести ответственность, согласно статье 17, если для оценки кандидатов использовал системы ИИ и в процессе использования опирался на какой-либо дискриминирующий признак. Данное суждение подтверждает официальный ответ 13 ноября 2024 года от Министерства трудовых ресурсов [Oral Answer to PQ on Guidelines on Employer's use of Artificial Intelligence in Hiring or Promotions, https://www.mom.gov.sg/newsroom/parliament-questions-and-replies/2024/1113-oral-answer-to-pq-on-guidelines-on-employer-use-of-artificial-intelligence-in-hiring], прямо закрепляющий ответственность руководителя.

Во-вторых, Закон о защите персональных данных [Personal Data Protection Act 2012; PDPA, https://sso.agc.gov.sg/Act/PDPA2012], принятый в 2012 году, прямо не указывает на возможность сбора, обработки, хранения персональных данных с помощью искусственного интеллекта, но, согласно статье 14, закреплённые нормы права запрещают делать это без прямого согласия субъекта персональных данных.

Как видно из представленных выше нормативно-правовых актов, Сингапур не стремится принять один закон, регулирующий искусственный интеллект, а вносит изменения в существующие, что может свидетельствовать о стратегическом решении государства не принимать отдельный закон, но вносить изменения в действующие законы и тем самым регулировать необходимые отношения. Все изменения в который раз подчёркивают позицию страны по отношению к распределению ответственности: её несёт человек, использующий системы ИИ в своей работе и защите данных, где для обработки требуется сознательное согласие.

Национальная стратегия

В 2026 году Правительством Сингапура была обновлена национальная стратегия развития искусственного интеллекта [NAS, https://isomer-user-content.by.gov.sg/39/cb52d9a0-0d6c-484d-96fe-571031b37eb7/NAIS_update.pdf] (далее — ИИ). Первая стратегия была принята в 2019 году

[National Artificial Strategy, https://file.go.gov.sg/nais2019.pdf], вторая — в декабре 2023 года [National Artificial Strategy, https://file.go.gov.sg/nais2023.pdf] и получила довольно амбициозный подзаголовок — «ИИ во имя общего блага для Сингапура и мира». Основной акцент стратегия делает на инфраструктуру и цифровую среду, людей и коммуникации и стимуляторы развития систем ИИ. Ключевые моменты двух стратегий и обновления 2026 года отражены в таблице 1.

Таблица 1 – Ключевые отличия национальных стратегий развития ИИ (2019, 2023, 2026 гг.)

Критерий	Стратегия 2019 года	Стратегия 2023 года	Обновление стратегии 2026 года
Орган, принявший стратегию	Офис цифрового правительства Сингапура совместно с государственной программой Smart Nation	Министерство коммуникаций и информации совместно с государственной программой Smart Nation	Министерство цифрового развития и информации
Срок действия	До 2030 года	До 2026-2028 года	До 2025-2030 годов
Особенность регулирования	Добровольное применение разрабатываемых отраслевых стандартов	Риск-ориентированное регулирование. Рамочное регулирование генеративного ИИ.	Подготовка отраслевых законов для закрытия лакун
Ответственность	Отсутствует	Для всех разработчиков и поставщиков ИИ	Усиление ответственности за безопасность данных. Введение ответственности за агентский ИИ.
Созданные на основе стратегии организации	Национальное управление по ИИ (при SNDGO)	Фонд AI Verify	Национальный совет по ИИ
Ключевые технологии ИИ		Генеративный ИИ	Агентный ИИ и физические ИИ системы

Как видно из таблицы выше, Сингапур движется от мягкого регулирования к более жёсткому, принятию отдельных отраслевых законов (например, Закон о цифровой инфраструктуре, поправки к Закону об управлении в государственном секторе). За 6 лет произошёл существенный сдвиг в парадигме ответственности и снижение срока в горизонте оперативного планирования при сохранении единого срока стратегического планирования.

В отличие от привычных нам стратегий, обновление 2026 года практически не содержит конкретных норм права, более того, написано довольно понятным языком с минимальным использованием юридических терминов. Основной акцент — на определение приоритетов государства (раздел «Введение», стр. 6), создание отдельных регулирующих органов (раздел «Предисловие»), установление рамочного регулирования (раздел «Послесловие», стр. 41) и запуск ряда инициативных программ (раздел «Промышленность», стр. 7-8, раздел «Правительство», стр. 13-14). 10 разделов стратегии описывают основные обновлённые приоритеты и их успешный опыт внедрения технологий и систем ИИ в повседневные аспекты жизни, в производство, в научные разработки и в систему подготовки специалистов для технологий нового уровня.

Кроме того, таблица 1 и национальные стратегии позволяют констатировать следующие моменты. Во-первых, существенно повысился уровень органов власти, принимающих национальную стратегию, что свидетельствует о переходе вопроса регулирования ИИ в разряд стратегических. Во-вторых, происходит переход от добровольности применения стандартов к

их императивному выполнению. В-третьих, государство пытается идти вместе с разработчиками систем ИИ и не отставать хотя бы в принятии стратегических рамочных документов.

Модели регулирования систем ИИ

В январе 2026 года Сингапур объявил о запуске новой модели регулирования систем искусственного интеллекта [Singapore Launches New Model AI Governance Framework for Agentic AI, https://www.sgpc.gov.sg/detail?url=/media_releases/imda/press_release/P-20260122-2&page=/detail&HomePage=home#_ftn1]. В выпущенном пресс-релизе отмечалось, что Сингапур — первое государство, разработавшее подробное руководство для коммерческих организаций по внедрению и использованию систем ИИ. В руководстве много внимания уделяется техническим и иным аспектам внедрения в деятельность организации.

Предыдущая версия 2020 года [Model artificial intelligence governance framework, https://www.pdpc.gov.sg/-/media/files/pdpc/pdf-files/resource-for-organisation/ai/sgmodelaigovframework2.pdf], выпущенная Министерством коммуникации и информации, определила 4 ключевых области для развития систем ИИ:

– создание структуры взаимодействия внутри организации,
– определение уровня вовлечённости человека в принятие решений системами ИИ,
– оперативное управление производством,
– взаимодействие всех заинтересованных лиц.

Принципы, заложенные в 2020 году, определили дальнейшее развитие законодательства, посвящённого развитию ИИ в Сингапуре, что, в частности, легло в основу Национальной стратегии 2023 года [National Artificial Strategy, https://file.go.gov.sg/nais2023.pdf]. Тем не менее модель регулирования систем ИИ дорабатывалась и обновлялась (2024 год [Model artificial intelligence governance framework, https://aiverifyfoundation.sg/wp-content/uploads/2024/06/Model-AI-Governance-Framework-for-Generative-AI-19-June-2024.pdf] и 2026 год [Singapore Launches New Model AI Governance Framework for Agentic AI, https://www.sgpc.gov.sg/detail?url=/media_releases/imda/press_release/P-20260122-2&page=/detail&HomePage=home#_ftn1]). В рамках разработки всех моделей регулирования ИИ неоднократно подчёркивается, что применение стандартов и следование им является добровольным выбором каждой компании, занимающейся разработкой, внедрением или обслуживанием систем ИИ.

Необходимо отметить и тот факт, что в модели 2026 года больше внимания уделяется построению доверительной экосистемы, созданию защитных механизмов использования и сохранению возможностей для всестороннего инвестирования. В версии 2026 года особо подчеркивается, что человек несёт ответственность за действия систем ИИ (подраздел «Обеспечение ответственности человека»), продолжает работать и введённая в 2020 году матрица рисков (положение 3.14-3.17).

В таблице № 2 представлены ключевые отличия трёх моделей регулирования систем ИИ.

Исходя из таблицы и полных текстов трёх моделей можно сделать следующие выводы. Во-первых, произошел сдвиг от повторяемости результатов до введения ограничений, свидетельствующий о скором изменении законодательства, где акцент будет на регулировании операционной деятельности систем ИИ, а не на рамочном регулировании. Во-вторых, модели ИИ не сменяют другу друга, а развиваются на предыдущих, так традиционный ИИ делал

прогнозы на основе вводимых в него данных, генеративный ИИ — сам создает данные на основе заложенных в него баз, а агентский - выполняет заранее заданные действия на основе введенной в него и созданной самим агентом информации. В-третьих, уменьшается время на разработку моделей регулирования, что может быть связано с ускоренным выпуском новых итераций разнообразных систем ИИ. В-четвёртых, выше уже отмечалось, что модели предполагают добровольное следование стандартам, однако исходя из модальности используемых глаголов в тексте происходит переход к императивной модальности. В модели 2020 года всего 6 раз встречается глагол must (выражение обязательства действия) и 78 раз should (рекомендация), в 2024 году — 11 и 52 раза соответственно , а в 2026 году — 8 и 14 раз соответственно. Глагол could (вероятность) практический исчез из моделей, в 2020 году - 47 употреблении и всего 4 употребления в 2026 году.

Таблица 2 – Ключевые отличия моделей регулирования систем ИИ (2020, 2024, 2026 гг.)

Критерий	Модель 2020 года	Модель 2024 года	Модель 2026 года
Акцент на технологиях	Повторяемость результатов, их объяснимость, прослеживаемость и воспроизводимость.	Большие языковые модели, методы машинного обучения и работы с нейросетями.	Автономная работа ИИ агентов, доступ и его ограничения
Основная модель ИИ	Традиционная	Генеративная	Агентская
Управление рисками	Создание матрицы рисков и регулярный мониторинг используемых ИИ систем	Оценка больших языковых моделей, тестирование ИИ систем на предвзятость и недостоверность информации	Подготовка и внедрение специальных руководств по тестированию агентных приложений

Исходя из заявленных целей и текста рамочного рекомендованного акта, можно утверждать, что основной целью документа является создание цифровой среды, объединяющей организации, их персонал и учредителей в сфере внедрения и использования систем ИИ.

Однако уже в ноябре 2021 года появилась первая пошаговая инструкция использования систем ИИ для малого и среднего бизнеса — «Машиностроение» [Precision engineering. Industry digital plan, https://services2.imda.gov.sg/ctoaas_assets/idp/pdf/precision-engineering.pdf]. Руководство доступным для обычных людей языком описывает ряд цифровых сервисов, которые уже можно внедрять в свой бизнес, кроме того, объясняет преимущества цифровой экономики, указывает необходимые ИИ-навыки и даёт ссылки на иные ресурсы. В феврале 2022 года появились инструкции по следующим отраслям: «Медиа» [Media. Industry digital plan, https://services2.imda.gov.sg/ctoaas_assets/idp/pdf/media.pdf], «Бухгалтерский учёт» [Accountancy. Industry digital plan, https://services2.imda.gov.sg/ctoaas_assets/idp/pdf/accountancy.pdf], «Логистика» [Logistics. Industry digital plan, https://services2.imda.gov.sg/ctoaas_assets/idp/pdf/logistics.pdf], «Автобусные перевозки» [Land transport. Industry digital plan, https://services2.imda.gov.sg/ctoaas_assets/idp/pdf/land-transport.pdf]; в ноябре 2021 года — «Архитектурно-строительные решения» [Process construction and maintenance. Industry digital plan, https://services2.imda.gov.sg/ctoaas_assets/idp/pdf/process-construction-maintenance.pdf], «Морские перевозки: бункеровка» [Sea transport (bunkering). Industry digital plan, https://services2.imda.gov.sg/ctoaas_assets/idp/pdf/sea-transport-bunkering.pdf], «Морские перевозки: портовая инфраструктура» [Sea transport (harbour craft). Industry digital plan,

https://services2.imda.gov.sg/ctoaas_assets/idp/pdf/sea-transport-habour-craft.pdf], «Морские перевозки: аренда судов» [Sea transport (ship agency). Industry digital plan, https://services2.imda.gov.sg/ctoaas_assets/idp/pdf/sea-transport-ship-agency.pdf], «Обучение взрослых» [Training and adult education. Industry digital plan, https://services2.imda.gov.sg/ctoaas_assets/idp/pdf/training-and-adult-education.pdf], «Оптовая торговля» [Wholesale trade. Industry digital plan, https://services2.imda.gov.sg/ctoaas_assets/idp/pdf/wholesale-trade.pdf], а в ноябре 2023 года — «Туризм: достопримечательности» [Tourism. Industry digital plan, https://services2.imda.gov.sg/ctoaas_assets/idp/pdf/tourism-attraction.pdf]. Несмотря на проработанность этих отраслей, ещё 12 отраслей ожидают своей очереди, пока ссылки ведут на страницу с общими рекомендациями.

Руководства имеют общую структуру, а именно 3 этапа цифровизации: стандартизация управления, оптимизация управления большими данными и переход к интеллектуальному бизнесу. Для каждой отрасли прописаны государственные меры поддержки и запускаемые инициативы, например использовании технологии CTO-as-a-Service (технический директор как сервис), позволяющей начинающим компаниям и стартапам по модели аутсорса воспользоваться знаниями опытного технического директора. Кроме того, указаны конкретные технологии (генеративный ИИ, технологии блокчейна, умные-сенсоры, роботизация с элементами машинного обучения, ИИ аналитика и чат-боты). Стоит также отметить, что полный переход на ИИ технологии возможен лишь на третьей стадии, при этом сотрудники не замещаются технологиями, а используют их в работе, для достижения заявленных показателей, развития отрасли и снижения времени простоя. Можно сделать вывод, что государство не поддерживает внедрение ИИ ради его внедрения, а применяет его для выполнения конкретных задач в каждой отрасли. Более того, при внедрении одной из описанных технологий в работу малого и среднего бизнеса, можно подавать заявку государственный грант.

Выводы

Сингапур за последние несколько лет разработал и применил ряд национальных стратегий, моделей использования искусственного интеллекта, стандартов развития отдельных отраслей. При очередном скачкообразном развитии систем ИИ, правительство Сингапура корректирует документы, тем самым создавая адаптивную и сбалансированную модель правового регулирования на сегодняшний день. Более того, как только системы ИИ закрепляются в постоянном использовании компаниями и гражданами, государство начинает создавать отраслевые законы или вносятся изменения в уже существующие.

Необходимо отметить изменение в парадигме государства, если в начале 2020х годов регулирование преимущественно было мягким и содержало рекомендации, рамочные нормы и даже пожелания государства к работе реального сектора экономики, то уже последние принятые акты стали более жёстко регулировать отдельные положения, вводить санации и предписывать поведение организаций и физических лиц в отдельных ситуациях.

Несмотря на обилие документов, помогающих организациям внедрить в производство системы ИИ, и одно из ведущих мест в мировых рейтингах [World Digital Competitiveness Ranking 2025. Singapore, https://www.imd.org/entity-profile/singapore-digital/], Сингапур не преследует цифровизацию страны и повсеместное использование искусственного интеллекта ради его использования. Разработка, внедрение и применение систем происходит для

повышения уровня благосостояния граждан и повышения конкурентоспособности компаний на мировом рынке.

Вместе с развитием информационных технологий и различных типов искусственного интеллекта трансформируются и государственные органы, чтобы иметь все необходимые ресурсы для всесторонней поддержки как компаний, создающих новые системы, так компаний, использующих их, так и граждан.

Библиография

1. Гаджиева М.М. Позиции Сингапура в международных рейтингах // Инновационная экономика. 2021. № 2 (27). С. 25–38.
2. Дремлюга Р.И. Основы национального регулирования применения искусственного интеллекта: опыт Сингапура // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 1. С. 214–224. DOI: 10.24866/1813-3274/2022-1/214-224.
3. Канаева Е.А., Федоренко Д.О. Цифровые трансграничные инициативы экономического сообщества АСЕАН как инструмент развития экономики Сингапура // Современная мировая экономика. 2024. Т. 2, № 1 (5). С. 83–104.
4. Ang A., Yap A. Generative AI Regulation in Singapore // The Oxford Handbook of the Foundations and Regulation of Generative AI. 2026. P. 831–847. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780198940272.013.0042.
5. Fang Z., Hu H. Comparing national innovation sustainability: evidence from China and Singapore // Science and Public Policy. 2026. scag018. P. 1–15. DOI: 10.1093/scipol/scag018.
6. Phang A., Goh Y., Soh J. The development of Singapore Law: A bicentennial retrospective // Singapore Academy of Law Journal. 2020. Vol. 32, No. 1. P. 804–890.

Peculiarities of the Regulatory and Legal Support for the Development and Application of Artificial Intelligence Systems in the Republic of Singapore

Tat'yana V. Rekhacheva

PhD in Law, Associate Professor,
Department of State and Municipal Law,
Dostoevsky Omsk State University;
644077, 55a, Mira ave., Omsk, Russian Federation;
e-mail: tatiana.rekhacheva@gmail.com

Abstract

The article examines the evolution of regulatory and legal regulation and national strategies for the development of artificial intelligence (AI) systems in the Republic of Singapore. The author emphasizes that, despite its status as a global technological leader and the abundance of IT companies, Singapore does not adopt a single comprehensive law on AI. The state uses a flexible approach, selectively amending existing normative acts, with an emphasis on the personal responsibility of the human being. Based on the analysis of national strategies (2019–2026) and regulatory models (2020–2026), a clear trend is identified of transition from soft, voluntary, and framework control to stricter imperative norms, strengthened responsibility for data security, and the preparation of sectoral laws. The technological focus is consistently shifting from traditional and generative AI to autonomous agentic systems, which is confirmed by the linguistic analysis of documents: a transition from recommendatory formulations to direct obligations.

For citation

Rekhacheva T.V. (2026) Osobennosti normativno-pravovogo obespecheniya razrabotki i primeneniya sistem iskusstvennogo intellekta v Respublike Singapur [Peculiarities of the Regulatory and Legal Support for the Development and Application of Artificial Intelligence Systems in the Republic of Singapore]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (9A), pp. 102-110. DOI: 10.34670/AR.2026.76.18.013

Keywords

Artificial intelligence, Singapore, agentic AI, generative AI, national strategy, legal regulation, state policy, risk management.

References

1. Ang, A., & Yap, A. (2026) Generative AI regulation in Singapore. In *The Oxford handbook of the foundations and regulation of generative AI* (pp. 831–847). https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780198940272.013.0042
2. Dremlyuga, R. I. (2022). Osnovy natsional'nogo regulirovaniya primeneniya iskusstvennogo intellekta: opyt Singapura [Fundamentals of national regulation of artificial intelligence application: the experience of Singapore]. *Aziatsko-Tikhookeanskii region: ekonomika, politika, pravo*, 24(1), 214–224. https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-1/214-224
3. Fang, Z., & Hu, H. (2026) Comparing national innovation sustainability: Evidence from China and Singapore. *Science and Public Policy*, scag018, 1–15. https://doi.org/10.1093/scipol/scag018
4. Gadzhieva, M. M. (2021). Pozitsii Singapura v mezhdunarodnykh reitingakh [Singapore's positions in international rankings]. *Innovatsionnaya ekonomika*, (2(27)), 25–38.
5. Kanaeva, E. A., & Fedorenko, D. O. (2024). Tsifrovye transgranichnye initsiativy ekonomicheskogo soobshchestva ASEAN kak instrument razvitiya ekonomiki Singapura [Digital cross-border initiatives of the ASEAN economic community as a tool for developing Singapore's economy]. *Sovremennaya mirovaya ekonomika*, 2(1(5)), 83–104.
6. Phang, A., Goh, Y., & Soh, J. (2020). The development of Singapore law: A bicentennial retrospective. *Singapore Academy of Law Journal*, 32(1), 804–890.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 342.9. **DOI: 10.34670/AR.2026.78.74.014**

Цели государственной политики и цели саморегулирования в области физической культуры и спорта

Кирюхина Софья Михайловна

Аспирант,
кафедра государственного и административного права,
Санкт-Петербургский государственный университет;
199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9;
e-mail: sofya.kirykhina@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу целей государственного регулирования и саморегулирования как взаимосвязанных элементов системы физической культуры и спорта в Российской Федерации. Автор подчёркивает современную тенденцию к усилению роли Министерства спорта Российской Федерации в установлении единой иерархической системы управления физической культурой и спортом, а также в развитии отрасли. Обосновывается положение о том, что цели саморегулирования, в том числе связанные с автономией, не противоречат целям государственной политики. Напротив, при надлежащем согласовании они способствуют достижению национальной цели с минимальными издержками и позволяют государству сосредоточиться на выполнении своей социальной функции и формировании единого правового поля. Автор предлагает усилить координирующую и стратегическую роль государства в сфере физической культуры и спорта с последующим расширением саморегулирования и развитием горизонтальной кооперации ключевых субъектов отрасли.

Для цитирования в научных исследованиях

Кирюхина С.М. Цели государственной политики и цели саморегулирования в области физической культуры и спорта // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 9А. С. 111-121. DOI: 10.34670/AR.2026.78.74.014

Ключевые слова

Спортивное право, государственное управление, цели государственной политики, цели саморегулирования, физическая культура и спорт, государственное регулирование, спортивные федерации, стратегическое планирование, государственная политика, управление рисками.

Введение

Государство наряду со спортивными федерациями и иными физкультурно-спортивными организациями выступает ключевым субъектом регулирования отношений, возникающих в области физической культуры и спорта. Степень и характер вовлеченности государства в регулирование физической культуры и спорта напрямую зависит от реализуемой в стране политики и правового режима, в связи с чем все чаще среди политиков, ученых и юристов встает вопрос: сохранять ли значительное присутствие государства в спортивном секторе или пойти по пути децентрализации, предоставления большей автономии, саморегулирования спортивным федерациям, профессиональным спортивным лигам и физкультурно-спортивным организациям, наделенным правом проводить соревнования по своим правилам вида спорта.

В Российской Федерации, как в правопреемнике Союза Советских Социалистических Республик, идея централизации остается руководящей до настоящего времени, что прямо прослеживается в последних поручениях Президента Российской Федерации, внесенных изменениях в федеральный закон от 4 декабря 2007 года №329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (далее по тексту - Закон о спорте), а также в подходах к финансированию отрасли. Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью определения интереса и целей государства в регулировании физической культуры и спорта в период роста разнообразия спортивных направлений, коммерциализации спорта, что подчеркивает значимость поиска ответа на фундаментальный вопрос о доминирующей роли государства в определении спортивной политики в XXI веке, а именно: почему государство должно оставаться ключевым субъектом, определяющим спортивную политику, какие цели публичный субъект должен преследовать в ситуации, когда международные и национальные физкультурно-спортивные организации способны самостоятельно, автономно регулировать данную область и поддерживать соответствующий порядок.

Основная часть

Спортивная система в России построена по пирамидальному принципу распределения управленческих полномочий, где определяющее начало остается за государством. Целеполагание государственного регулирования в области физической культуры и спорта определяется и обосновывается как собственными публичными интересами, так и стратегическими интересами государства, использующего спорт в качестве инструмента пропаганды, демонстрации экономических или политических достижений [Понкин, Редькина, Соловьёв, Шевченко, 2017, с. 77-78].

В первую очередь, для целей настоящего исследования необходимо разграничить государственную политику, государственное регулирование и государственное управление, а также саморегулирование. Государственная политика задает стратегические ориентиры, а государственное управление выступает главным инструментом их практической реализации [Понкин, 2024, с. 55]. Государственное управление включает в себя государственное регулирование, планирование, координацию, финансирование, контроль, обеспечивая практическую реализацию установленных целей. В свою очередь государственное регулирование как одна из функций управления устанавливает нормативную основу для деятельности субъектов физической культуры и спорта, определяет их права, обязанности, гарантии и пределы самостоятельности. Саморегулирование – это необходимый элемент

регулирования отношений в области спорта, обусловленный спецификой и динамичностью спортивных отношений, а также модернизацией государственного регулирования. Саморегулирование - не подменяет государственное регулирование, напротив, в определенных законодателем случаях государственное регулирование заменяется другим видом регулирования – саморегулированием.

В соответствии с указом Президента РФ от 7 мая 2024 года №309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» в качестве национальной цели России определено сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, целевым качественным показателем выступает повышение к 2030 году уровня удовлетворенности граждан условиями для занятий физической культурой и спортом [О национальных целях развития, 2024]. В этой связи Президент Российской Федерации систематически проводит заседания Совета по развитию физической культуры и спорта, издает в рамках своих полномочий поручения, которых по состоянию на октябрь 2026 года насчитывается больше трехсот пятидесяти. Заинтересованность государства в развитии физической культуры и спорта также отражена в утвержденной долгосрочной Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года (далее по тексту – Стратегия) [Об утверждении Стратегии развития физической культуры и спорта, 2020], в государственной программе «Развитие физической культуры и спорта» [Об утверждении государственной программы, 2021]. Национальная цель развития Российской Федерации получает отраслевую конкретизацию в разделе III Стратегии. Целью Стратегии является формирование приоритетов государственной политики в области физической культуры и спорта, основных направлений и механизмов, способствующих созданию условий, обеспечивающих равные возможности гражданам страны вести здоровый образ жизни, систематически заниматься физической культурой и спортом, а также сохранение конкурентоспособности российского спорта и формирование базы для эффективной работы системы российского спорта при различных сценариях развития геополитической и экономической ситуации в стране [Об утверждении Стратегии развития физической культуры и спорта, 2020]. На 2023-2025 год были сформированы дополнительные цели Стратегии с учетом изоляции российского спорта. Закрепление вышеперечисленных целей определяет место физической культуры и спорта в общественной и государственной жизни, а также возложенную на публичные органы роль в рассматриваемой области. Тем не менее, такая общая цель Стратегии как «обеспечение равных возможностей гражданам вести здоровый образ жизни, систематически заниматься физической культурой и спортом» отнюдь не требует государственного вмешательства. Целесообразнее вести речь об обеспечении доступности занятий по тому или иному виду спорта и спортивных секций, бесплатного участия в официальных спортивных и физкультурных мероприятиях, доступности объектов инфраструктуры, формировании правовой базы для развития физической культуры и спорта на основании успешного сочетания государственного регулирования и саморегулирования, так как именно такая цель позволит достичь показателей, установленных в Стратегии, в конечном итоге, достичь национальной цели. Цели, задачи и направления развития рассматриваемой области достаточно четко и подробно определены в Стратегии, однако задачи к конкретным целям не привязаны, а цели не дифференцированы на «спортивные» и «физкультурные». Это объясняется, тем, что, во-первых, данные объекты государственной политики очень взаимосвязаны, их регулирование осуществляется в рамках одного закона, единых программных документов. Во-вторых, развитие спорта высших достижений, профессионального спорта в определенной степени способствует и развитию физической

культуры, массового спорта, в том числе и наоборот, поскольку подготовка спортивного резерва невозможна без развитой физкультурно-оздоровительной среды. В-третьих, разделение целей на «спортивные» и «физкультурные» может привести к фрагментации управления, что противоречит принципам, закрепленным в ст. 3 Закона о спорте.

Преимуществом действующей Стратегии по сравнению с предшествующей является гибкость управления, а именно: ориентация органов управления в совершении самостоятельных действий в отношения всех частей спорта и категорий потребителей с учетом запросов и обратной связи, то есть сегодня заметен переход к субъектно-ориентированному подходу в управлении отраслью, горизонтальному сотрудничеству и поддержке частных инициатив. Указанные тенденции можно рассматривать как предпосылки расширения саморегулирования.

Стратегия развития физической культуры и спорта базируется на сочетании успешного роста показателей во всех частях спорта: массового, профессионального, спорта высших достижений, корпоративного, студенческого и детско-юношеского, что объясняется социальной функцией государства и стремлением последнего обеспечить достижение одиннадцати целевых показателей к отчетным периодам нарастающим итогом. Последние поручения Президента Российской Федерации сместили акцент на преимущественное развитие и совершенствование отношений в детско-юношеском спорте (Пр-2978, п.1к, Пр-1365, п.1 а, Пр-1365, п.1 г, Пр-1365, п.1 е, Пр-1365, п.1 ж)-1 и др.), в спорте среди инвалидов, лиц с ограниченными возможностями, участников специальной военной операции (Пр-480, п.4, Пр-2785, п.1 б), Пр-2785, п.2 б), Пр-2718, п.1 и др.). Напротив, отношения, возникающие в профессиональном спорте и спорте высших достижений, довольно успешно могут регулироваться спортивными федерациями по виду (видам) спорта или профессиональными спортивными лигами ввиду коммерческой привлекательности данных частей спорта. Исторический опыт наглядно показал, что в процессе децентрализации и передачи полномочий спортивным федерациям, фокус всегда смещался в сторону элитного спорта [Хенри, 2012, с. 58]. Предоставление саморегулирования физкультурно-спортивным организациям позволяет государству сосредоточиться на создании правового поля, реализации своей социальной функции (развитии массового спорта, поддержке спортсменов, строительстве спортивной инфраструктуры), а ряд вопросов по управлению и нормативному регулированию определенным видом (видами) спорта и организации физкультурных мероприятий и соревнований делегировать физкультурно-спортивным организациям, что дает возможность последним гибко регулировать спортивные отношения, учитывая международный опыт, создавать нормы, обеспечивая тем самый достижение главной цели – сохранение целостности соревнований, автономного порядка и минимизации рассмотрения споров в государственных судах. А. И. Понкина в этой связи пишет, что атомность спорта не является сама по себе целью, конечной целью признания и обеспечения автономности спорта являются сохранение и защита ценностей спорта (состязательности, честной игры и пр.) [Понкина, 2013, с. 107].

Таким образом, предоставляя и защищая саморегулирование, обеспечивая грамотное соотношение государственного регулирования и саморегулирования, государство достигает таких целей как уменьшение административных и финансовых издержек, повышение доверия к спортивной системе, создание условий для занятий физической культурой и спортом. Основу для саморегулирования создает государство. Саморегулирование — это не самоцель, а инструмент для перехода государства от роли «мецената» к роли «стратега, регулятора и гаранта общественных интересов» в области физической культуры и спорта, оптимизирующего межличностные и межгрупповые отношения в обществе и повышающего отдачу от вложенных средств [Алексеев, 2005, с. 269], чтобы саморегулирование способствовало достижению целей

государственной политики внимание государства должно быть сосредоточено на совершенствовании нормативно-правовой базы, материальной поддержки инициатив, способствующих развитию спорта, усовершенствовании взаимодействия между ключевыми субъектами спорта, установлении критериев и методики оценки эффективности деятельности общероссийских и региональных спортивных федераций по видам спорта, включая оценку их роли в содействии развитию спорта, формирование рейтинга эффективности общероссийских и региональных спортивных федераций на основе учета их вклада в достижение целевых показателей Стратегии, а также рассмотрение вопроса о возложение на спортивные федерации ответственности за развитие отрасли. Неразрывно с вышеизложенным связано и совершенствование механизмов, направленных на обеспечение защиты прав и интересов субъектов спорта в условиях роста саморегулирования, невмешательством Министерства спорта Российской Федерации в деятельность спортивных федераций и профессиональных спортивных лиг, пассивной позицией государственных судов в пересмотре решений спортивных федераций.

В Стратегии определена такая задача как совершенствование системы спортивной подготовки детей и молодежи, а также формирование условий для развития школьного и студенческого спорта. В этом направлении государство дополнительно поставило в части детско-юношеского спорта перед собой конкретные цели путем их закрепления в Концепции развития детско-юношеского спорта в Российской Федерации до 2030 года [Об утверждении Концепции развития детско-юношеского спорта, 2021]. В части студенческого спорта наличествует такой программный документ как распоряжение Правительства РФ от 10 апреля 2025 года № 881-р «Об утверждении межотраслевой программы развития студенческого спорта на период до 2030 года и план мероприятий по ее реализации». Указанные документы конкретизируют общие приоритеты государственной политики с учетом особенностей соответствующих категорий участников, позволяя учитывать образовательные, социальные и спортивные результаты. Их реализация предполагает взаимодействие органов публичной власти, образовательных и физкультурно-спортивных организаций.

В более практическом документе, государственной программе «Развитие физической культуры и спорта» (далее по тексту – Программа), продублирована национальная цель и определены к ней задачи. Также определены цели, которые преследуются реализацией настоящей Программой. Стоит подчеркнуть, что управленческую составляющую программы и вероятность успешной реализации поставленных целей усиливает и повышает структура документа, поскольку к каждой цели соответствуют свои задачи и перечисленные государственные программы. Программа больше направлена на достижение внешних целей – повышение результатов на международных соревнованиях и в мировом спортивном рейтинге, а не на внутренних социальных или оздоровительных целях. Анализируя целевые показатели в Стратегии и в Программе, можно заметить, что целевых показателей (как качественных, так и количественных) в Программе закреплено только пять, в Стратегии же - одиннадцать.

Часть стратегического планирования государства составляют федеральные проекты, которые включены в государственную программу, например, федеральный проект «Спорт – норма жизни», федеральный проект «Бизнес-спринт», «Развитие физической культуры и массового спорта», «Развитие спорта высших достижений». Финансирование осуществляется преимущественно из государственного бюджета в рамках предоставления целевых субсидий.

На уровне субъектов Российской Федерации цели и задачи в области физической культуры и спорта конкретизируются в региональных стратегиях и государственных программах.

Анализируя соответствующие документы, можно заметить, что различия в терминологии «программа» или «стратегия» не оказывают влияния на содержательную основу документа, поскольку ключевые смысловые компоненты остаются инвариантными, также можно отметить некоторую идентичность программных документов субъектов. Целями, как правило, выступают: создание условий, обеспечивающих гражданам возможность систематически заниматься спортом и вести здоровый образ жизни и достижение спортивных результатов сборных субъектов, другие цели вариативны, также встречаются программы, в которых полностью продублирована национальная цель. Такие цели являются общими и полностью отражают цели государства, определенные в Стратегии, что свидетельствует о том, что цели формируются сверху вниз, однако реализация поставленных целей сильно зависит от объема предоставляемого центром финансирования, поскольку сегодня большинство субъектов Российской Федерации являются дотационными. Напротив, кардинальное расхождение целей на федеральном и региональном уровне способно привести к конфликтам, поскольку региональные спортивные федерации, как ключевые субъекты физической культуры и спорта на региональном уровне, не имеют полной самостоятельности в осуществлении своей деятельности и вынуждены учитывать политику, проводимую соответствующим органом государственной власти субъекта в области физической культуры и спорта, а также политику, проводимую общероссийской спортивной федерацией.

Обязательным документом, представляемым общероссийской спортивной федерацией, является проект программы (или стратегии) развития вида спорта на четыре года [Об утверждении порядка разработки, 2021; Об утверждении общенациональной стратегии развития футбола, 2017].Данный документ по своей структуре и содержанию функционально аналогичен программным документам федерального или регионального уровней, однако обладает узкоотраслевой направленностью. Его ключевым элементом выступает формулировка целей и задач развития конкретного вида(ов) спорта, ожидаемых результатов и направлений. В таком случае следует говорить о частном планировании, что позволяет общероссийской спортивной федерации разработать детализированный план действий с учетом всех рисков и повышает ответственность представителей спортивных федераций перед Министерством спорта Российской Федерации. Вышеизложенное подтверждает, что государство реализует политику в области физической культуры и спорта в диалоге с физкультурно-спортивными организациями посредством имеющихся административных механизмов, учитывая и признавая саморегулирование. Для публичного субъекта целью саморегулированием является создание условий для эффективного функционирования системы физической культуры и спорта с учетом различных сценариев развития отрасли и быстроменяющейся конъектуры, удовлетворения потребностей населения. Т. А. Андронова, О. А. Тарасенко пишут, что государственное регулирование, выражаясь в установлении общих правил поведения, в качестве одной из своих целей преследует обеспечение баланса частных и публичных интересов при осуществлении того или иного вида деятельности [Андронова, Тарасенко, 2022, с. 32 Андронова, Тарасенко, 2022, с. 32], что свидетельствует о том, что, допуская и зачищая саморегулирование, государство способствует и достижению целей государственной политики в области физической культуры и спорта, снижает свои административные издержки путем передачи ряда публичных функций спортивным федерациям, профессиональным спортивным лигам и иным физкультурно-спортивным организациям, наделенным правом проводить соревнования по своим правилам вида спорта. В конечном итоге саморегулируемая деятельность спортивных федераций способствует достижению и национальной цели, а именно сохранению населения,

укреплению здоровья и повышение благополучия людей [О национальных целях развития, 2024], независимо от личных, частных интересов спортивных федераций, которые последние также преследуют.

Резюмируя, следует отметить, что цели и задачи государственной политики в области физической культуры и спорта закрепляются в документах стратегического планирования. Дополнительные приоритеты и направления деятельности органов публичной власти определяются в том числе поручениями Президента Российской Федерации. Вместе с тем определенность поставленных целей должна сопровождаться формированием согласованных правовых, организационных и финансовых механизмов их достижения. Представляется, что в современных условиях приоритетное значение должно придаваться укреплению здоровья населения, обеспечению равных возможностей для занятий физической культурой и спортом, территориальной и финансовой доступности спортивной инфраструктуры, а также защите прав участников физкультурно-спортивных отношений. Достижение указанных целей предполагает создание правовых условий для согласования публичных и частных интересов, при которых стратегическая, координирующая и регулятивная деятельность государства сочетается с самостоятельностью субъектов физической культуры и спорта. Такой подход соответствует закрепленному в п. 3 ст. 3 Закона о спорте принципу сочетания государственного регулирования отношений в области физической культуры и спорта с саморегулированием этих отношений. Его последовательная реализация требует определения предмета саморегулирования, пределов государственного вмешательства и гарантий самостоятельного принятия решений физкультурно-спортивными организациями. Современное развитие законодательства свидетельствует об укреплении координирующей роли Министерства спорта Российской Федерации (далее по тексту – Минспорт России) и вертикальных связей в системе государственного управления отраслью. оказательным примером является введённое согласование назначения и освобождения от должности руководителей исполнительных органов субъектов Российской Федерации в области физической культуры и спорта с федеральным органом исполнительной власти в данной сфере [О внесении изменений, 2026]. Аналогичную направленность имеют поручения Президента Российской Федерации от 23 декабря 2025 года № Пр-2978, касающиеся наделения Минспорта России полномочием по определению перечня командных игровых видов спорта, совершенствования положений, регулирующих особенности развития таких видов спорта [Перечень поручений, 2025]; (2) наделение Минспорта России полномочиями по ведению единого реестра организаций и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих деятельность в области физической культуры и спорта, определению критериев включения в такой реестр и исключения из него [Перечень поручений, 2025].

Вместе с тем укрепление государственного управления требует более четкого разграничения вопросов, нуждающихся в государственном регулировании, и вопросов, которые физкультурно-спортивные организации способны эффективно разрешать самостоятельно. За государством целесообразно сохранять определение стратегических приоритетов, установление обязательных гарантий прав, требований безопасности, условий предоставления государственного финансирования и контроль за соблюдением законодательства. Расширение самостоятельности физкультурно-спортивных организаций должно обеспечивать использование их профессиональной компетенции, учет особенностей отдельных видов спорта и развитие частной инициативы. При этом такая самостоятельность должна сопровождаться прозрачностью деятельности, ответственностью за принимаемые решения и эффективными механизмами защиты прав участников спортивных отношений.

Заключение

Действующая Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года уже предусматривает совершенствование модели государственного управления, обеспечение взаимодействия субъектов физической культуры и спорта и поддержку негосударственных организаций. Представляется целесообразным конкретизировать эти положения и дополнить их задачами, раскрывающими содержание и гарантии саморегулирования. К числу таких задач следует отнести:

– совершенствование модели государственного управления физической культуры путем расширения полномочий по саморегулированию и договорных начал в формировании и реализации спортивной политики, но с сохранением контрольных функций за государством, то есть смещение акцента с прямого административного управления на стратегическое руководство и создание условий для самостоятельного, инициативного и эффективного развития отрасли;

– расширение взаимодействия между ключевыми субъектами физической культуры и спорта, развитие межрегионального и договорного сотрудничества (уход от административных методов);

– корректировка деятельности физкультурно-спортивных организаций с целью соответствия такой деятельности нормативным стандартам и механизмам саморегулирования;

– обеспечение и защита прав и интересов ключевых субъектов физической культуры и спорта;

– конкретизация участия и обязанностей спортивных федераций в развитии массового и детско-юношеского спорта с обеспечением необходимых ресурсов и самостоятельности в выборе способов достижения установленных результатов. Государственную поддержку целесообразно направлять прежде всего на социально значимые направления, испытывающие недостаток финансирования, с учетом потребностей населения, территориальной доступности занятий и возможностей привлечения внебюджетных средств. Расширение саморегулирования при таких условиях способно повысить вклад спортивного сообщества в достижение целей государственной политики и обеспечить более полное использование его организационного, профессионального и финансового потенциала. Представляется необходимым различать три уровня целеполагания: публичные цели развития физической культуры и спорта; общие цели саморегулирования спортивных отношений; организационные интересы отдельных субъектов. Их согласование достигается посредством определения прав, обязанностей и гарантий, договорного взаимодействия и оценки результатов, поэтому содействие саморегулирования реализации государственной политики следует рассматривать как обусловленный правовыми и организационными механизмами результат.

Библиография

1. Алексеев С.В. Спортивное право России. Правовые основы физической культуры и спорта: учебник для студентов вузов / под ред. П.В. Крашенинникова. Москва: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2005. С. 269.
2. Андронова Т.А., Тарасенко О.А. О соотношении терминов «государственное регулирование», «саморегулирование», «правовой режим» // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 12. С. 30–37.
3. Государственное управление в сфере спорта: учебник для магистров / И.В. Понкин, А.И. Редькина, А.А.

Соловьёв, О.А. Шевченко; науч. ред. И.В. Понкин. Москва: Буки Веди, 2017. 485 с.
4. О внесении изменений в статью 6 Федерального закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» и статью 4 Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»: федеральный закон от 25 мая 2026 г. № 160-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_534922/
5. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/73986
6. О физической культуре и спорте в Российской Федерации: федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 50. Ст. 6242.
7. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие физической культуры и спорта» и о признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 30 сентября 2021 г. № 1661 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 41. Ст. 6972.
8. Об утверждении Концепции развития детско-юношеского спорта в Российской Федерации до 2030 года и плана мероприятий по её реализации: распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2021 г. № 3894-р. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_407364/
9. Об утверждении межотраслевой программы развития студенческого спорта на период до 2030 года и плана мероприятий по её реализации: распоряжение Правительства Российской Федерации от 10 апреля 2025 г. № 881-р. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_503497/
10. Об утверждении общенациональной стратегии развития футбола в Российской Федерации на период до 2030 года (в новой редакции): приказ Министерства спорта Российской Федерации от 11 сентября 2017 г. № 797. URL: https://sudact.ru/law/prikaz-minsporta-rossii-ot-11092017-n-797/prikaz/
11. Об утверждении порядка разработки и представления общероссийскими спортивными федерациями в Министерство спорта Российской Федерации программ развития соответствующих видов спорта в Российской Федерации: приказ Министерства спорта Российской Федерации от 30 июня 2021 г. № 503. URL: https://base.garant.ru/401591606/
12. Об утверждении Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 24 ноября 2020 г. № 3081-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 49. Ст. 7958.
13. Перечень поручений по итогам заседания Совета по развитию физической культуры и спорта: утв. Президентом Российской Федерации 23 декабря 2025 г. № Пр-2978. URL: http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/78857
14. Понкин И.В. Теория государственного управления: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: ИНФРА-М, 2024. 566 с.
15. Понкина А.И. Государственное управление и самоуправление в области спорта: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.14. Москва, 2013. 217 с.
16. Хенри И. Спортивная политика в Европе и спорт для всех как её цель // Вестник Российского международного олимпийского университета. 2012. № 1 (2). С. 50–69.

Goals of State Policy and Goals of Self-Regulation in the Field of Physical Culture and Sports

Sof'ya M. Kiryukhina

Postgraduate Student,
Department of State and Administrative Law,
Saint Petersburg State University;
199034, 7/9, Universitetskaya embankment, Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: sofya.kirykhina@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of the goals of state regulation and self-regulation as interrelated elements of the system of physical culture and sports in the Russian Federation. The

author emphasizes the current trend toward strengthening the role of the Ministry of Sports of the Russian Federation in establishing a unified hierarchical system of management of physical culture and sports, as well as in the development of the industry. The proposition is substantiated that the goals of self-regulation, including those related to autonomy, do not contradict the goals of state policy. On the contrary, with proper coordination, they contribute to the achievement of the national goal with minimal costs and allow the state to focus on performing its social function and forming a unified legal field. The author proposes to strengthen the coordinating and strategic role of the state in the field of physical culture and sports, with the subsequent expansion of self-regulation and the development of horizontal cooperation among the key subjects of the industry.

For citation

Kiryukhina S.M. (2026) Tseli gosudarstvennoy politiki i tseli samoregulirovaniya v oblasti fizicheskoy kul'tury i sporta [Goals of State Policy and Goals of Self-Regulation in the Field of Physical Culture and Sports]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (9A), pp. 111-121. DOI: 10.34670/AR.2026.78.74.014

Keywords

Sports law, public administration, goals of state policy, goals of self-regulation, physical culture and sports, state regulation, sports federations, strategic planning, state policy, risk management.

References

1. Alekseev, S. V. (2005). *Sportivnoe pravo Rossii. Pravovye osnovy fizicheskoi kul'tury i sporta* [Sports law of Russia. Legal foundations of physical culture and sport] (P. V. Krasheninnikov, Ed.). YuNITI-DANA: Zakon i pravo.
2. Andronova, T. A., & Tarasenko, O. A. (2022). O sootnoshenii terminov "gosudarstvennoe regulirovanie", "samoregulirovanie", "pravovoi rezhim" [On the correlation between the terms "state regulation", "self-regulation" and "legal regime"]. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA)*, (12), 30–37.
3. Henry, I. (2012). Sportivnaya politika v Evrope i sport dlya vsekh kak ee tsel' [Sport policy in Europe and sport for all as its goal]. *Vestnik Rossiiskogo mezhdunarodnogo olimpiiskogo universiteta*, (1(2)), 50–69.
4. Ponkin, I. V. (2024). *Teoriya gosudarstvennogo upravleniya* [Theory of public administration] (2nd ed., rev. and suppl.). INFRA-M.
5. Ponkin, I. V., Red'kina, A. I., Solov'ev, A. A., & Shevchenko, O. A. (2017). *Gosudarstvennoe upravlenie v sfere sporta* [Public administration in sport] (I. V. Ponkin, Ed.). Buki Vedi.
6. Ponkina, A. I. (2013). *Gosudarstvennoe upravlenie i samoupravlenie v oblasti sporta* [Public administration and self-government in sport] (Candidate dissertation). Moscow.
7. O vnesenii izmenenii v stat'yu 6 Federal'nogo zakona "O fizicheskoi kul'ture i sporte v Rossiiskoi Federatsii" i stat'yu 4 Federal'nogo zakona "Ob obshchikh printsipakh organizatsii publichnoi vlasti v sub"ektakh Rossiiskoi Federatsii" [On amendments to Article 6 of the Federal Law "On Physical Culture and Sport in the Russian Federation" and Article 4 of the Federal Law "On the General Principles of Organizing Public Authority in the Constituent Entities of the Russian Federation"]: Federal Law No. 160-FZ of May 25, 2026. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_534922/
8. O natsional'nykh tselyakh razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2030 goda i na perspektivu do 2036 goda [On the national development goals of the Russian Federation through 2030 and for the period up to 2036]: Decree of the President of the Russian Federation No. 309 of May 7, 2024. http://kremlin.ru/events/president/news/73986
9. O fizicheskoi kul'ture i sporte v Rossiiskoi Federatsii [On physical culture and sport in the Russian Federation]: Federal Law No. 329-FZ of December 4, 2007. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*, (50), Art. 6242.
10. Ob utverzhdenii gosudarstvennoi programmy Rossiiskoi Federatsii "Razvitie fizicheskoi kul'tury i sporta" i o priznanii utrativshimi silu nekotorykh aktov i otdel'nykh polozhenii nekotorykh aktov Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii [On approving the State Programme of the Russian Federation "Development of Physical Culture and Sport" and repealing certain acts and certain provisions of certain acts of the Government of the Russian Federation]: Resolution of the Government of the Russian Federation No. 1661 of September 30, 2021. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*, (41), Art. 6972.
11. Ob utverzhdenii Kontseptsii razvitiya detsko-yunosheskogo sporta v Rossiiskoi Federatsii do 2030 goda i plana meropriyatii po ee realizatsii [On approving the Concept for the Development of Children's and Youth Sport in the

Russian Federation through 2030 and the action plan for its implementation]: Order of the Government of the Russian Federation No. 3894-r of December 28, 2021. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_407364/

12. Ob utverzhdenii mezhotraslevoi programmy razvitiya studencheskogo sporta na period do 2030 goda i plana meropriyatii po ee realizatsii [On approving the intersectoral programme for the development of student sport through 2030 and the action plan for its implementation]: Order of the Government of the Russian Federation No. 881-r of April 10, 2025. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_503497/
13. Ob utverzhdenii obshchenatsional'noi strategii razvitiya futbola v Rossiiskoi Federatsii na period do 2030 goda (v novoi redaktsii) [On approving the national football development strategy in the Russian Federation through 2030 (revised version)]: Order of the Ministry of Sport of the Russian Federation No. 797 of September 11, 2017. https://sudact.ru/law/prikaz-minsporta-rossii-ot-11092017-n-797/prikaz/
14. Ob utverzhdenii poryadka razrabotki i predstavleniya obshcherossiiskimi sportivnymi federatsiyami v Ministerstvo sporta Rossiiskoi Federatsii programm razvitiya sootvetstvuyushchikh vidov sporta v Rossiiskoi Federatsii [On approving the procedure for all-Russian sports federations to prepare and submit to the Ministry of Sport of the Russian Federation programmes for the development of respective sports in the Russian Federation]: Order of the Ministry of Sport of the Russian Federation No. 503 of June 30, 2021. https://base.garant.ru/401591606/
15. Ob utverzhdenii Strategii razvitiya fizicheskoi kul'tury i sporta v Rossiiskoi Federatsii na period do 2030 goda [On approving the Strategy for the Development of Physical Culture and Sport in the Russian Federation through 2030]: Order of the Government of the Russian Federation No. 3081-r of November 24, 2020. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*, (49), Art. 7958.
16. Perechen' poruchenii po itogam zasedaniya Soveta po razvitiyu fizicheskoi kul'tury i sporta [List of instructions following the meeting of the Council for the Development of Physical Culture and Sport]: approved by the President of the Russian Federation on December 23, 2025, No. Pr-2978. http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/78857

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 351:004 **DOI: 10.34670/AR.2026.99.16.015**

Основные направления государственной политики формирования цифрового общества в Луганской Народной Республике

Степанова Наталья Валерьевна

Соискатель учёной степени кандидата юридических наук,
Главное управление Росгвардии по г. Москве,
123458, Российская Федерация, Москва, ул. Твардовского, 2/2;
e-mail: aleksiyao@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются основные направления государственной политики формирования цифрового общества в Луганской Народной Республике и их значение для социально-экономического развития региона. Цель исследования заключается в выявлении содержания этих направлений и определении условий повышения результативности проводимых цифровых преобразований. Методологическую основу составляют формально-юридический и системный методы, анализ нормативных правовых актов и обобщение научной литературы по вопросам государственной политики и цифрового развития. Исследованы федеральные и региональные документы, определяющие организационные, правовые и технологические условия цифровизации. Выделены четыре взаимосвязанных направления государственной политики: создание инфраструктурных и организационных условий цифрового развития, формирование цифровой образовательной среды, цифровая трансформация здравоохранения и совершенствование доступа граждан и хозяйствующих субъектов к государственным услугам. Показано, что содержание цифровых преобразований выходит за пределы автоматизации отдельных операций и затрагивает организацию деятельности органов власти, способы реализации полномочий и порядок осуществления административных процедур. Особое внимание уделено согласованности нормативного регулирования, межведомственному информационному взаимодействию, защите персональных данных и обеспечению доступности цифровых сервисов. Обоснована необходимость оценки преобразований с учётом качества услуг, временных и организационных затрат заявителей, открытости административной деятельности и удовлетворённости получателей. Сформулирован вывод о зависимости результативности государственной политики от согласования правовых, организационных и технологических изменений с потребностями населения и бизнеса. Практическое значение исследования состоит в возможности использования его результатов при уточнении приоритетов региональной политики, совершенствовании административных процедур и разработке механизмов мониторинга цифрового развития.

Для цитирования в научных исследованиях

Степанова Н.В. Основные направления государственной политики формирования цифрового общества в Луганской Народной Республике // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 9А. С. 122-132. DOI: 10.34670/AR.2026.99.16.015

Ключевые слова

Государственная политика, цифровое общество, цифровая трансформация, государственные услуги, Луганская Народная Республика, цифровизация, административные процедуры, защита персональных данных, государственное управление, управление рисками.

Введение

Формирование цифрового общества сопровождается изменением экономических отношений, социальных практик и способов взаимодействия граждан и организаций с государством, что повышает значение согласованной государственной политики. Для Луганской Народной Республики актуальность данной задачи обусловлена необходимостью одновременно развивать цифровую инфраструктуру, совершенствовать региональное правовое регулирование и обеспечивать доступность цифровых возможностей для населения и бизнеса. В этих условиях определение основных направлений государственной политики цифрового развития необходимо для согласования правовых, организационных и технологических преобразований с задачами социально-экономического развития региона.

Проблемы формирования цифрового общества и государственной политики цифрового развития получили отражение в работах З.Р. Мингазовой [Мингазова, 2024], Е.М. Стырина, А.Г. Атаевой и Д.В. Жатиковой [Стырин, Атаева, Жатикова, 2025]. Различные аспекты цифровых преобразований рассматриваются в исследованиях Р.С. Веденеева [Веденеев, 2023], С.Н. Костиной [Костина, 2022], Е.Н. Лищук, С.Д. Капелюка [Лищук, Капелюк, 2024]. Существенное значение для изучения данной проблематики имеют труды А.В. Минбалеева, Д.С. Аваевой, Д.А. Бочарникова и других авторов [Минбалеев, Аваева, Бочарников и др., 2025]. Научную основу исследования также составляют работы О.Г. Седых, О.В. Тарабан [Седых, Тарабан, 2022], Е.В. Козырева, И.Ф. Зенковой, Е.А. Хрыкина, Н.О. Щеголевой и И.О. Виноградовой [Козырев, Зенкова, Хрыкин, Щеголева, Виноградова, 2022]. Вместе с тем особенности формирования и реализации государственной политики цифрового развития в Луганской Народной Республике требуют дальнейшего изучения с учётом происходящих правовых и социально-экономических преобразований.

Таким образом, целью статьи является выявление основных направлений государственной политики формирования цифрового общества в Луганской Народной Республике и определение условий повышения её результативности в обеспечении социально-экономического развития региона.

Основная часть

Ведущая роль государства в процессах цифровизации и необходимость формирования государственной политики, имеющей системный характер, подтверждаются опытом развитых стран мира, которые прошли значительный путь в этом направлении и накопили опыт применения инструментов государственного регулирования [Мингазова, 2024; Стырин, Атаева, Жатикова, 2025].

Исследование термина «государственная политика» позволило установить неоднозначность его толкования в научном дискурсе. Исследователи определяют это понятие, акцентируя

внимание на относительной стабильности организации и целенаправленной деятельности государственных институтов, осуществляемой ими непосредственно или опосредованно в отношении определённой проблемы либо совокупности проблем, влияющих на жизнь общества [Стырин, Атаева, Жатикова, 2025]; совокупности ценностных целей, государственно-управленческих мер, решений и действий, порядке реализации государственно-политических решений (целей, поставленных государственной властью) и системе государственного управления развитием страны [Минбалеев, Аваева, Бочарников и др., 2025]; наборе ценностей, целей и инструментов, связанных с определением общественных проблем, требующих внимания [Мингазова, 2024].

Несмотря на различия в трактовках, эти подходы объединяет направленность государственной политики на решение конкретной проблемы в интересах общества. Опираясь на приведённые определения, считаем, что под государственной политикой цифрового развития следует понимать основанную на действующих нормативных правовых актах и согласованную по целям систему государственно-управленческих мер, осуществляемых органами государственной власти и направленных на реализацию функций государства в сфере цифровых преобразований. Целью такой политики является распространение цифровых технологий во всех сферах общественной жизни и создание необходимых условий и возможностей для цифровизации национального хозяйства при соблюдении базовых принципов, обеспечении цифровой безопасности, защите цифровых прав и свобод, интересов граждан, общества и государства в целом.

Анализ нормативных правовых актов, регулирующих цифровые преобразования в Луганской Народной Республике, позволяет выделить несколько направлений правовой политики, связанных с формированием условий социально-экономического развития цифрового общества.

Первое направление – создание организационных и инфраструктурных условий цифрового развития. Его правовую основу составляет Положение о Министерстве цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Луганской Народной Республики, утверждённое Указом временно исполняющего обязанности Главы ЛНР от 19 июня 2023 г. № УГ-94/23. Документ закрепляет полномочия министерства в сфере цифрового развития, внедрения цифровых технологий в государственное управление и цифровой трансформации государственных и муниципальных услуг. Кроме того, предусматривается участие министерства в согласовании планов подключения социально значимых объектов к сетям передачи данных.

Тем самым определяются организационные основания проведения цифровых преобразований и распределяется ответственность за реализацию соответствующих мероприятий [Об утверждении Положения о Министерстве цифрового развития, 2023].

Социально-экономическое значение данного направления заключается в формировании условий, при которых цифровые технологии становятся доступными для населения, организаций и учреждений социальной сферы. Возможность использования электронных услуг, образовательных ресурсов и информационных систем зависит от наличия устойчивой связи и технической обеспеченности пользователей. Поэтому развитие инфраструктуры следует рассматривать как необходимую предпосылку распространения цифровых способов взаимодействия в экономике и социальной сфере. При недостаточной обеспеченности связью различия между территориями могут ограничивать доступ граждан к одним и тем же услугам и возможностям. В этом отношении правовая политика призвана обеспечивать согласованность инфраструктурных мероприятий с задачами территориального развития и потребностями

населения. Закрепление полномочий профильного органа создаёт управленческую основу такой деятельности, тогда как её результативность определяется фактическим расширением доступности цифровых ресурсов и устойчивостью их использования.

Второе направление – развитие цифровой образовательной среды как условия накопления человеческого капитала. Государственная программа Луганской Народной Республики «Развитие образования», утверждённая постановлением Правительства ЛНР от 14 октября 2025 г. № 213/25, предусматривает внедрение и развитие «электронной школы», объединяющей образовательные ресурсы, библиотеку учебных материалов, инструменты построения индивидуальных образовательных траекторий и информационную базу управления образованием. Включение данных положений в государственную программу отражает признание цифровых технологий одним из средств совершенствования образовательной деятельности и расширения возможностей взаимодействия обучающихся, педагогов и родителей [Об утверждении Положения о Министерстве цифрового развития, 2023].

В социально-экономическом отношении развитие цифровой образовательной среды связано с расширением доступа к знаниям и повышением качества подготовки будущих работников. Использование электронных материалов позволяет разнообразить содержание обучения, учитывать индивидуальные потребности обучающихся и обеспечивать дополнительную поддержку при освоении образовательных программ. Одновременно применение таких ресурсов предполагает развитие цифровых навыков педагогов и учащихся, необходимых для последующего участия в общественной и экономической жизни. Значение этого направления выходит за пределы технического оснащения образовательных организаций: оно затрагивает условия воспроизводства человеческого капитала, профессионального самоопределения и дальнейшего освоения новых компетенций. Вместе с тем реализация предусмотренных программой мер требует согласования технического обеспечения с методическим сопровождением и подготовкой педагогических работников. Поэтому оценивать результаты цифровизации образования целесообразно с учётом того, насколько созданные возможности используются в учебном процессе и способствуют повышению доступности и качества образования.

Третье направление – цифровая трансформация здравоохранения. Постановление Правительства ЛНР от 18 апреля 2025 г. № 63/25 «О межведомственной комиссии по вопросам цифровой трансформации здравоохранения Луганской Народной Республики» предусматривает координацию деятельности по созданию единого цифрового контура, внедрению медицинских информационных систем и обеспечению их взаимодействия с единой государственной информационной системой в сфере здравоохранения. Создание межведомственной комиссии формирует организационный механизм согласования действий участников цифровых преобразований, поскольку функционирование медицинских информационных систем предполагает совместное решение управленческих, технических и организационных вопросов [О межведомственной комиссии по вопросам цифровой трансформации здравоохранения ЛНР, 2025].

Социально-экономическое содержание этого направления раскрывается в государственной программе ЛНР «Развитие здравоохранения», утверждённой постановлением Правительства ЛНР от 15 октября 2025 г. № 223/25. В редакции изменений, внесённых постановлением от 21 августа 2026 г. № 180/26, внедрение цифровых технологий и платформенных решений связывается с повышением эффективности функционирования медицинских организаций, совершенствованием управления отраслью, кадровым обеспечением и экономической

эффективностью здравоохранения. Таким образом, программные положения охватывают как организацию медицинской деятельности, так и использование ресурсов системы здравоохранения [Об утверждении государственной программы ЛНР «Развитие здравоохранения», 2025].

Практическое значение данного направления состоит в создании условий для более согласованного обмена медицинской информацией и информационного сопровождения оказания помощи. При надлежащей организации цифровое взаимодействие может уменьшать объём повторного ввода сведений, облегчать получение необходимых данных и повышать обоснованность управленческих решений. Для социально-экономического развития это имеет значение в связи с сохранением здоровья населения, поддержанием трудоспособности и повышением эффективности использования бюджетных средств. При этом достижение указанных результатов зависит от совместимости информационных систем, качества содержащихся в них сведений, подготовки медицинских работников и соблюдения требований к защите информации. Следовательно, правовая политика в данной сфере предполагает обеспечение условий, при которых внедрение цифровых решений способствует повышению доступности и качества медицинской помощи.

Четвёртое направление – совершенствование доступа граждан и хозяйствующих субъектов к государственным услугам. Организационную основу этого процесса формирует постановление Правительства ЛНР от 20 декабря 2024 г. № 302/24 «Об утверждении перечней государственных услуг», закрепляющее перечни услуг и обязанность разработки административных регламентов их предоставления [Об утверждении перечней государственных услуг, 2024]. Данное направление приобретает особое значение в условиях развития цифрового общества, поскольку эффективность государственной политики во многом зависит от доступности услуг, своевременности их предоставления и удобства взаимодействия граждан и организаций с органами власти. Внедрение цифровых технологий в эту сферу создаёт возможности для упрощения подачи заявлений, сокращения временных и организационных затрат заявителей, а также повышения прозрачности административных процедур. В социально-экономическом отношении такие преобразования способствуют облегчению доступа населения к мерам государственной поддержки и снижению административной нагрузки на хозяйствующих субъектов.

Преимущества электронного управления как формы публичного управления, основанной на применении информационно-коммуникационных технологий, отражены в программных документах Российской Федерации и Луганской Народной Республики, определяющих цели и приоритеты цифровой трансформации государственного управления.

В частности, в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, утверждённой Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203, применение информационно-коммуникационных технологий связывается с повышением эффективности государственного управления, развитием экономики и социальной сферы (пп. «д» п. 21). Конкретизируя эти положения, подпункты «д» и «е» пункта 40 предусматривают развитие электронного взаимодействия граждан, организаций и органов власти, а также внедрение технологий, обеспечивающих повышение качества государственного управления [О Стратегии развития информационного общества, 2017]. На региональном уровне соответствующее направление закреплено в Положении о Министерстве цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Луганской Народной Республики, утверждённом Указом временно исполняющего обязанности Главы ЛНР от 19 июня 2023 г. № УГ-94/23, которое относит к

функциям министерства внедрение цифровых технологий в государственное управление и цифровую трансформацию государственных и муниципальных услуг [Об утверждении Положения о Министерстве цифрового развития, 2023].

Тем самым развитие электронного управления рассматривается как одно из направлений повышения эффективности государственного управления в Луганской Народной Республике, совершенствования взаимодействия органов власти с гражданами и организациями, а также повышения доступности и качества государственных услуг.

В силу того, что ЛНР является новым субъектом Российской Федерации, вопросы эффективности государственной политики приобретают особое значение в связи с необходимостью согласования регионального регулирования с федеральными требованиями, развития управленческой инфраструктуры и обеспечения доступности государственных услуг.

В этих условиях важным представляется не только нормативное закрепление направлений цифровизации, но и определение критериев, позволяющих оценивать её влияние на деятельность органов власти и условия социально-экономического развития территории.

В работе О. Г. Седых и О. В. Тарабан раскрываются маркетинговый, функциональный и процессный подходы к оценке качества государственных услуг, позволяющие рассматривать их предоставление с позиции потребностей получателей, выполнения возложенных функций

и совершенствования административных процедур [Седых, Тарабан, 2022]. Е. В. Козырев, И. Ф. Зенкова, Е. А. Хрыкин, Н. О. Щеголева и И. О. Виноградова рассматривают оценку эффективности цифровизации на примере лицензирования деятельности в области пожарной безопасности, уделяя внимание изменению временных затрат сотрудников лицензирующих органов [Козырев, Зенкова, Хрыкин, Щеголева, Виноградова, 2022]. Эти подходы могут служить методологической основой для разработки системы оценки результатов цифровых преобразований в ЛНР.

Применительно к задачам настоящего исследования такую оценку целесообразно проводить с учётом открытости деятельности органов публичной власти, доступности предоставляемых услуг, доверия граждан, возможностей участия общественности в подготовке публично-властных решений и использования цифровых механизмов общественного контроля. Самостоятельное значение имеют сокращение сроков административных процедур, снижение затрат граждан и организаций, удовлетворённость получателей услуг и уменьшение коррупционных рисков. Совокупность этих критериев позволяет связать оценку цифровизации с её управленческими и социально-экономическими результатами.

Указанные критерии требуют дальнейшего теоретического обоснования и нормативного закрепления в государственных программах ЛНР, регулирующих цифровые преобразования, административных регламентах предоставления услуг и региональных порядках мониторинга их качества. При этом для каждого критерия необходимо определить измеримые показатели, источники информации, периодичность оценки и ответственных исполнителей. Такое закрепление позволит использовать результаты мониторинга для корректировки принимаемых решений и повышения результативности правовой политики.

При этом анализ нормативных правовых актов, регулирующих цифровизацию государственных услуг в Российской Федерации и Луганской Народной Республике [О единой системе межведомственного электронного взаимодействия, 2010; Козырев, Зенкова, Хрыкин, Щеголева, Виноградова, 2022; О межведомственной комиссии, 2025; О Стратегии развития информационного общества, 2017; О требованиях к предоставлению в электронной форме, 2016; Об утверждении Положения о Министерстве цифрового развития, 2023], позволяет

утверждать, что её содержание выходит за пределы автоматизации отдельных операций. Цифровые преобразования затрагивают организацию деятельности государственного аппарата, способы реализации властных полномочий и порядок осуществления административных процедур.

Во-первых, изменяется порядок взаимодействия заявителя с органами публичной власти. Электронная форма обращения позволяет подавать документы и получать сведения о ходе рассмотрения заявления без непосредственного посещения соответствующего органа. Правовое значение этих изменений состоит в необходимости установить требования к идентификации заявителя, юридической значимости электронных документов, фиксации момента обращения и уведомлению о принятом решении. Следовательно, цифровизация предполагает нормативное упорядочение всего взаимодействия – от подачи заявления до получения результата услуги.

Во-вторых, цифровизация изменяет характер управленческих процессов, поскольку выполнение отдельных операций, проверка сведений, а в предусмотренных законодательством случаях – принятие решений осуществляются информационными системами в автоматизированном режиме. Это меняет содержание деятельности должностных лиц и требует от органов государственного и муниципального управления способности организовывать работу с алгоритмами, данными и цифровой инфраструктурой, обеспечивать контроль за их функционированием и нести ответственность за законность принимаемых решений.

В-третьих, цифровизация влияет на прозрачность и подотчётность деятельности органов власти. Электронные сервисы позволяют отслеживать этапы рассмотрения заявлений и фиксировать действия должностных лиц, создавая дополнительные возможности для выявления нарушений и предупреждения злоупотреблений [О требованиях к предоставлению в электронной форме, 2016]. Одновременно возрастают требования к соблюдению законности административных процедур, защите персональных данных и обеспечению информационной безопасности.

В-четвёртых, цифровизация непосредственно связана с формированием доверия граждан к государству. Своевременное и удобное получение государственных услуг без избыточных административных барьеров способствует положительной оценке деятельности органов власти. Напротив, нестабильная работа цифровых сервисов, непонятные требования и затруднения при исправлении ошибок могут снижать доверие граждан даже при формальном расширении возможностей электронного взаимодействия.

Таким образом, цифровизация способна как повышать эффективность государственного управления, так и выявлять недостатки его организации. Если внутренние процедуры остаются неэффективными, а нормативное регулирование – противоречивым, внедрение современных цифровых платформ само по себе не обеспечивает надлежащего результата.

В таких условиях существующие организационные и правовые проблемы воспроизводятся в электронной среде, что ограничивает социально-экономический эффект цифровых преобразований [Стырин, Атаева, Жатикова, 2025; Минбалеев, Аваева, Бочарников и др., 2025].

Изучение опыта иных субъектов Российской Федерации в области цифровой трансформации государственного управления и предоставления государственных услуг [Стырин, Атаева, Жатикова, 2025; Минбалеев, Аваева, Бочарников и др., 2025] позволяет говорить о том, что в практическом отношении цифровизация осуществляется по нескольким взаимосвязанным направлениям:

Указанную последовательность цифровых преобразований целесообразно использовать в ЛНР с учётом состояния информационно-коммуникационной инфраструктуры, готовности

органов власти и потребностей получателей государственных услуг. Её реализация предполагает предварительное упрощение и нормативное упорядочение административных процедур, последующее обеспечение межведомственного обмена данными, развитие механизмов электронной идентификации и объединение услуг в доступной для пользователей цифровой среде.

Такой подход позволит согласовать организационные, правовые и технологические изменения, создавая условия для повышения доступности государственных услуг, снижения административной нагрузки на граждан и хозяйствующих субъектов и укрепления доверия к органам власти.

Таким образом, цифровизация государственных услуг в ЛНР является не отдельным направлением реформ, а комплексным процессом, объединяющим правовые, организационные и технологические элементы.

Её успех определяется тем, насколько эффективно государство способно объединять эти составляющие в единую, согласованную систему, ориентированную на потребности гражданина.

При этом цифровые преобразования имеют комплексный, всеобъемлющий характер и охватывают инфраструктуру, образование, здравоохранение и сферу предоставления государственных услуг.

Их значение для социально-экономического развития состоит в создании условий для развития человеческого капитала, повышения доступности общественно значимых благ и совершенствования взаимодействия населения и бизнеса с государством.

Заключение

Государственная политика формирования цифрового общества в Луганской Народной Республике охватывает развитие цифровой инфраструктуры, преобразование образования и здравоохранения, а также совершенствование предоставления государственных услуг. Рассмотренные нормативные правовые акты создают основу этих преобразований, результативность которых зависит от согласованности регулирования, организационной готовности органов власти и практической доступности цифровых сервисов. Приоритетное значение имеют развитие межведомственного информационного взаимодействия, упрощение административных процедур, защита персональных данных и оценка качества предоставляемых услуг. Реализация указанных направлений должна способствовать развитию человеческого капитала, снижению административных барьеров и расширению возможностей участия населения и бизнеса в социально-экономической жизни региона.

Библиография

1. Веденеев Р.С. Цифровизация государственных услуг в Российской Федерации: на примере Сахалинской области // Коммуникология: электронный научный журнал. 2023. Т. 8, № 4. С. 66–76.
2. Козырев Е.В., Зенкова И.Ф., Хрыкин Е.А., Щеголева Н.О., Виноградова И.О. О критериях оценки эффективности цифровизации при предоставлении государственной услуги по лицензированию видов деятельности в области пожарной безопасности // Современные проблемы гражданской защиты. 2022. № 1 (42). С. 14–23.
3. Костина С.Н. Цифровизация государственных и муниципальных услуг на региональном уровне: кейс Свердловской области // Муниципалитет: экономика и управление. 2022. № 3 (40). С. 39–48. DOI 10.22394/2304-3385-2022-3-39-48.
4. Лищук Е.Н., Капелюк С.Д. Цифровизация государственных услуг в России: статистический анализ // Экономика, предпринимательство и право. 2024. Т. 14, № 12. С. 7059–7078. DOI 10.18334/epp.14.12.122314.

5. Мингазова З.Р. Государственная политика в области цифровизации экономики // Политематический сетевой электронный научный журнал Башкирского государственного аграрного университета. 2024. № 2 (52). С. 305–315. DOI 10.31563/2308-9644-2024-52-2-305-315.
6. О внесении изменений в государственную программу Луганской Народной Республики «Развитие здравоохранения»: постановление Правительства Луганской Народной Республики от 21 августа 2026 г. № 180/26. URL: https://base.garant.ru/414796095/
7. О единой системе межведомственного электронного взаимодействия: постановление Правительства Российской Федерации от 8 сентября 2010 г. № 697 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 38. Ст. 4823.
8. О межведомственной комиссии по вопросам цифровой трансформации здравоохранения ЛНР: постановление Правительства ЛНР от 18 апреля 2025 г. № 63/25. URL: https://base.garant.ru/411903144/
9. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203. URL: https://base.garant.ru/71670570/
10. О требованиях к предоставлению в электронной форме государственных и муниципальных услуг: постановление Правительства Российской Федерации от 26 марта 2016 г. № 236 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 15. Ст. 2084.
11. Об утверждении государственной программы ЛНР «Развитие образования»: постановление Правительства ЛНР от 14 октября 2025 г. № 213/25. URL: https://base.garant.ru/412895735/
12. Об утверждении государственной программы Луганской Народной Республики «Развитие здравоохранения»: постановление Правительства Луганской Народной Республики от 15 октября 2025 г. № 223/25 (с изменениями). URL: [уточните]
13. Об утверждении перечней государственных услуг: постановление Правительства Луганской Народной Республики от 20 декабря 2024 г. № 302/24. URL: https://sovminlnr.ru/akty-soveta-ministrov/postanovleniya/33760-ob-utverzhdenii-perechney-gosudarstvennyh-uslug.html
14. Об утверждении Положения о Министерстве цифрового развития, связи и массовых коммуникаций ЛНР: указ временно исполняющего обязанности Главы ЛНР от 19 июня 2023 г. № УГ-94/23. URL: https://base.garant.ru/409020922/
15. Седых О.Г., Тарабан О.В. Подходы к оценке качества государственных услуг: отечественный и зарубежный опыт // Baikal Research Journal. 2022. Т. 13, № 4. DOI 10.17150/2411-6262.2022.13(4).15.
16. Стырин Е.М., Атаева А.Г., Жатикова Д.В. Цифровая зрелость государственного управления в России: теория, методология, практика оценки: монография. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2025. 274с.
17. Цифровая трансформация государства и права в условиях экономики данных: монография / А.В. Минбалеев, Д.С. Аваева, Д.А. Бочарников [и др.]; под ред. А.В. Минбалеева. Саратов: Амирит, 2025. 257 с.

Main Directions of State Policy for the Formation of a Digital Society in the Lugansk People's Republic

Natal'ya V. Stepanova

Candidate for the Degree of PhD in Law,
Main Directorate of Rosgvardiya for Moscow,
123458, 2/2, Tvardovskogo str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: aleksiyao@yandex.ru

Abstract

The article examines the main directions of state policy for the formation of a digital society in the Lugansk People's Republic and their significance for the socio-economic development of the region. The aim of the study is to identify the content of these directions and to determine the conditions for increasing the effectiveness of the digital transformations being carried out. The methodological basis is formed by the formal-legal and systemic methods, the analysis of normative legal acts, and the generalization of scientific literature on issues of state policy and digital development. Federal and regional documents defining the organizational, legal, and technological

conditions of digitalization are studied. Four interrelated directions of state policy are identified: the creation of infrastructural and organizational conditions for digital development, the formation of a digital educational environment, the digital transformation of healthcare, and the improvement of citizens' and economic entities' access to public services. It is shown that the content of digital transformations goes beyond the automation of individual operations and affects the organization of the activity of authorities, the ways of exercising powers, and the procedure for carrying out administrative procedures. Particular attention is paid to the consistency of normative regulation, interdepartmental information interaction, the protection of personal data, and the ensuring of the accessibility of digital services. The necessity of evaluating transformations taking into account the quality of services, the time and organizational costs of applicants, the openness of administrative activity, and the satisfaction of recipients is substantiated. A conclusion is formulated about the dependence of the effectiveness of state policy on the coordination of legal, organizational, and technological changes with the needs of the population and business. The practical significance of the study consists in the possibility of using its results in refining the priorities of regional policy, improving administrative procedures, and developing mechanisms for monitoring digital development.

For citation

Stepanova N.V. (2026) Osnovnye napravleniya gosudarstvennoy politiki formirovaniya tsifrovogo obshchestva v Luganskoy Narodnoy Respublike [Main Directions of State Policy for the Formation of a Digital Society in the Lugansk People's Republic]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (9A), pp. 122-132. DOI: 10.34670/AR.2026.99.16.015

Keywords

State policy, digital society, digital transformation, public services, Lugansk People's Republic, digitalization, administrative procedures, personal data protection, public administration, risk management.

References

1. Kozyrev, E. V., Zenkova, I. F., Khrykin, E. A., Shchegoleva, N. O., & Vinogradova, I. O. (2022). O kriteriyakh otsenki effektivnosti tsifrovizatsii pri predostavlenii gosudarstvennoi uslugi po litsenzirovaniyu vidov deyatel'nosti v oblasti pozharnoi bezopasnosti [On criteria for evaluating the effectiveness of digitalization in the provision of state services for licensing activities in the field of fire safety]. *Sovremennye problemy grazhdanskoi zashchity*, (1(42)), 14–23.
2. Kostina, S. N. (2022). Tsifrovizatsiya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh uslug na regional'nom urovne: keis Sverdlovskoi oblasti [Digitalization of state and municipal services at the regional level: a case study of the Sverdlovsk Region]. *Munitsipalitet: ekonomika i upravlenie*, (3(40)), 39–48. https://doi.org/10.22394/2304-3385-2022-3-39-48
3. Lishchuk, E. N., & Kapelyuk, S. D. (2024). Tsifrovizatsiya gosudarstvennykh uslug v Rossii: statisticheskii analiz [Digitalization of public services in Russia: a statistical analysis]. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo*, 14(12), 7059–7078. https://doi.org/10.18334/epp.14.12.122314
4. Mingazova, Z. R. (2024). Gosudarstvennaya politika v oblasti tsifrovizatsii ekonomiki [State policy in the field of economic digitalization]. *Politematicheskii setevoi elektronnyi nauchnyi zhurnal Bashkirskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, (2(52)), 305–315. https://doi.org/10.31563/2308-9644-2024-52-2-305-315
5. O vnesenii izmenenii v gosudarstvennuyu programmu Luganskoi Narodnoi Respubliki "Razvitie zdravookhraneniya" [On amendments to the state program of the Lugansk People's Republic "Healthcare Development"]: Resolution of the Government of the Lugansk People's Republic No. 180/26 of August 21, 2026. https://base.garant.ru/414796095/
6. O edinoi sisteme mezhvedomstvennogo elektronnogo vzaimodeistviya [On the unified system of interdepartmental electronic interaction]: Decree of the Government of the Russian Federation No. 697 of September 8, 2010. (2010). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*, (38), Art. 4823.

7. O mezhvedomstvennoi komissii po voprosamtsifrovoi transformatsii zdravookhraneniya LNR [On the interdepartmental commission for the digital transformation of healthcare in the LPR]: Resolution of the Government of the LPR No. 63/25 of April 18, 2025. https://base.garant.ru/411903144/
8. O Strategii razvitiya informatsionnogo obshchestva v Rossiiskoi Federatsii na 2017–2030 gody [On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030]: Decree of the President of the Russian Federation No. 203 of May 9, 2017. https://base.garant.ru/71670570/
9. O trebovaniyakh k predostavleniyu v elektronnoi forme gosudarstvennykh imunitsipal'nykh uslug [On requirements for the provision of state and municipal services in electronic form]: Decree of the Government of the Russian Federation No. 236 of March 26, 2016. (2016). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*, (15), Art. 2084.
10. Ob utverzhdenii gosudarstvennoi programmy LNR "Razvitie obrazovaniya" [On the approval of the LPR state program "Development of Education"]: Resolution of the Government of the LPR No. 213/25 of October 14, 2025. https://base.garant.ru/412895735/
11. Ob utverzhdenii gosudarstvennoi programmy Luganskoi Narodnoi Respubliki "Razvitie zdravookhraneniya" [On the approval of the state program of the Lugansk People's Republic "Healthcare Development"]: Resolution of the Government of the Lugansk People's Republic No. 223/25 of October 15, 2025 (as amended). [URL to be specified]
12. Ob utverzhdenii perechnei gosudarstvennykh uslug [On the approval of lists of public services]: Resolution of the Government of the Lugansk People's Republic No. 302/24 of December 20, 2024. https://sovminlnr.ru/akty-soveta-ministrov/postanovleniya/33760-ob-utverzhdenii-perechney-gosudarstvennyh-uslug.html
13. Ob utverzhdenii Polozheniya o Ministerstve tsifrovogo razvitiya, svyazi i massovykh kommunikatsii LNR [On the approval of the Regulation on the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the LPR]: Decree of the Acting Head of the LPR No. UG-94/23 of June 19, 2023. https://base.garant.ru/409020922/
14. Sedykh, O. G., & Taraban, O. V. (2022). Podkhody k otsenke kachestva gosudarstvennykh uslug: otechestvennyi i zarubezhnyi opyt [Approaches to assessing the quality of public services: domestic and international experience]. *Baikal Research Journal*, 13(4). https://doi.org/10.17150/2411-6262.2022.13(4).15
15. Styrin, E. M., Ataeva, A. G., & Zhatikova, D. V. (2025). *Tsifrovaya zrelost' gosudarstvennogo upravleniya v Rossii: teoriya, metodologiya, praktika otsenki* [Digital maturity of public administration in Russia: theory, methodology, and assessment practice]. Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki.
16. Vedeneev, R. S. (2023). Tsifrovizatsiya gosudarstvennykh uslug v Rossiiskoi Federatsii: na primere Sakhalinskoi oblasti [Digitalization of public services in the Russian Federation: a case study of the Sakhalin Region]. *Kommunikologiya: elektronnyi nauchnyi zhurnal*, 8(4), 66–76.
17. Minbaleev, A. V., Avaeva, D. S., Bocharnikov, D. A., et al. (2025). *Tsifrovaya transformatsiya gosudarstva i prava v usloviyakh ekonomiki dannykh* [Digital transformation of the state and law in the context of a data-driven economy] (A. V. Minbaleev, Ed.). Amirit.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 342 **DOI: 10.34670/AR.2026.81.57.016**

Принцип соразмерности как гарантия защиты конституционных прав предпринимателей

Носенко Андрей Юрьевич

Аспирант,
Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко,
3300, Республика Молдова, Тирасполь, ул. 25 Октября, 128;
e-mail: smmnosenko@gmail.com

Аннотация

В статье исследуется принцип соразмерности как один из конституционно-правовых механизмов обеспечения защиты прав предпринимателей. Основная цель работы — определить, как данный принцип устанавливает пределы государственного вмешательства в предпринимательскую деятельность и способствует согласованию частных интересов с публичными потребностями. Методологическую основу исследования составили формально-юридический и сравнительно-правовой методы, а также системное толкование правовых норм; эмпирический материал включает правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, отдельные судебные акты арбитражных судов и научную литературу. По итогам исследования выявлены следующие критерии оценки соразмерности ограничений: легитимность и общественная значимость цели, способность избранного средства обеспечить её достижение, отсутствие менее обременительных вариантов, а также соотношение последствий ограничения с ожидаемым публичным результатом. Практическая значимость выводов состоит в том, что предложенные критерии могут применяться при подготовке правовой позиции по судебным делам, а также при экспертизе нормативных актов, затрагивающих права участников предпринимательской деятельности. Представленные положения могут быть использованы в учебных исследованиях и при подготовке научных публикаций, поскольку формируют удобную основу для анализа ограничений предпринимательских прав.

Для цитирования в научных исследованиях

Носенко А.Ю. Принцип соразмерности как гарантия защиты конституционных прав предпринимателей // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 9А. С. 133-138. DOI: 10.34670/AR.2026.81.57.016

Ключевые слова

Принцип соразмерности, конституционные права, защита прав предпринимателей, ограничение прав, баланс интересов, Конституционный Суд, правовое регулирование, предпринимательская деятельность, пропорциональность, судебная практика, государственный контроль, административная нагрузка.

Введение

Закрепленные статьей 34 Конституции Российской Федерации[Конституция Российской Федерации, 1993] свобода экономической деятельности и право на предпринимательскую инициативу не являются безусловными: государство может устанавливать определенные ограничения, когда этого требует защита общественно значимых интересов. Однако законность таких мер не должна оцениваться исключительно формально — их воздействие также должно быть справедливым и соответствовать цели введения ограничения. В этом заключается содержание принципа соразмерности, который призван не допускать чрезмерного государственного воздействия, способного фактически лишить предпринимателя возможности продолжать свою деятельность.

Актуальность рассматриваемой проблемы обусловлена сохраняющейся административной нагрузкой на бизнес и продолжающимся возникновением споров, связанных с правомерностью проверок, штрафов и других мер государственного принуждения. В правоприменительной практике встречаются случаи, когда соблюдение установленной процедуры само по себе не сопровождается анализом реальных последствий принятого решения для предпринимательской деятельности.

Цель настоящей статьи состоит в раскрытии практического значения принципа соразмерности как гарантии защиты предпринимательских прав и в разработке понятного алгоритма его применения, который может быть полезен в учебных исследованиях и профессиональных юридических публикациях. Научная новизна работы заключается в систематизации критериев соразмерности применительно к защите прав предпринимателей и в рассмотрении возможностей их использования при анализе распространённых споров между субъектами бизнеса и органами публичной власти.

Литературный обзор

В отечественной юридической науке принцип соразмерности обычно рассматривается в рамках учения об ограничении прав и свобод, а также в исследованиях, посвящённых конституционному правосудию. Г. А. Гаджиев отмечает, что пропорциональность следует понимать не только как технический способ правового анализа, но и как самостоятельный конституционный принцип, обеспечивающий равновесие интересов и препятствующий произвольному вмешательству государства в сферу частных прав [Гаджиев, 2008, с. 110]. А. В. Малько трактует соразмерность как средство ограничения чрезмерного использования властных полномочий и защиты граждан и организаций от необоснованных ограничительных мер [Малько, 2019, с. 89]. М. А. Краснов сопоставляет российские и зарубежные подходы к пропорциональности, раскрывая способы реализации сходных правовых идей в других государствах и возможные направления их использования в отечественной практике [Краснов, 2017, с. 45].

В работах по административному и предпринимательскому праву принцип соразмерности применяется, в частности, для оценки законности административных актов и принудительных мер; соответствующие вопросы рассматривают О. М. Олейник и В. Ф. Яковлев [Олейник, 2021, с. 203; Яковлев, 2016, с. 205]. При этом исследователи сходятся во мнении, что оценка соразмерности не должна ограничиваться проверкой соблюдения процедуры: необходимо устанавливать, как конкретное ограничение отражается на возможности осуществления предпринимательской деятельности.

Вместе с тем многие публикации преимущественно содержат общетеоретически е

рассуждения и не предлагают последовательного алгоритма, который можно было бы использовать при рассмотрении конкретного дела. Настоящее исследование направлено на частичное восполнение этого пробела посредством разработки системы критериев, применимой как в учебной работе, так и в научных публикациях более высокого уровня.

Материалы и методы

Источниковую базу исследования составили Конституция Российской Федерации [Конституция Российской Федерации, 1993], федеральные законы, регулирующие предпринимательскую деятельность и государственный контроль (надзор), а также правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, в том числе постановления, в которых рассматривались вопросы соразмерности ограничений [Постановление Конституционного Суда РФ от 25.02.2014 № 4-П, 2014]. Эмпирический материал включил отдельные акты арбитражных судов по спорам об оспаривании штрафов, приостановлении деятельности и применении иных мер принуждения. Теоретическую основу образовали научные труды российских специалистов в области конституционного, административного и предпринимательского права.

Формально-юридический метод использовался для установления содержания правовых предписаний и судебных позиций. Сравнительно-правовой метод позволил сопоставить российский подход с зарубежными концепциями пропорциональности. Метод системного толкования применялся для выявления взаимосвязи принципа соразмерности с другими конституционными началами, включая правовую определённость, равенство и справедливость. Дополнительно был проведён анализ судебной практики, благодаря которому удалось определить типичные случаи соблюдения или нарушения данного принципа и сформулировать рекомендации по его применению.

Результаты

Исследование показало, что принцип соразмерности раскрывается через несколько взаимосвязанных критериев. Каждый из них обладает самостоятельным значением, однако полноценная оценка ограничения возможна лишь при их комплексном применении.

Первый критерий — легитимность цели: ограничительная мера должна быть направлена на решение общественно значимой задачи, например на охрану здоровья, обеспечение безопасности, защиту прав и законных интересов третьих лиц либо оборону государства.

Второй критерий — пригодность избранных средств, предполагающая, что применяемая мера действительно способна содействовать достижению заявленной цели и между ней и ожидаемым результатом существует разумная связь.

Третий критерий связан с необходимостью ограничения: при наличии альтернативного способа, позволяющего достичь той же цели с меньшим воздействием на предпринимателя, предпочтение должно отдаваться именно менее обременительному варианту.

Четвёртый критерий касается соотношения последствий: причиняемый предпринимателю вред, включая финансовые потери и невозможность продолжать бизнес, не должен быть чрезмерным по сравнению с публичным благом, ради которого вводится ограничение.

Анализ судебной практики позволяет выделить несколько распространённых проявлений несоблюдения принципа соразмерности: назначение штрафов, существенно превышающих причинённый ущерб или годовой оборот организации; установление чрезмерных требований к документации и отчётности; приостановление деятельности без рассмотрения возможности применить более мягкую меру. В отдельных делах Конституционный Суд указывал на

несоразмерный характер санкций и необходимость корректировки соответствующих положений законодательства [Постановление Конституционного Суда РФ от 25.02.2014 № 4-П, 2014]. Это подтверждает не только теоретическую, но и практическую значимость рассматриваемого принципа.

Обсуждение

Результаты исследования позволяют рассматривать принцип соразмерности как практический механизм защиты предпринимательских прав, а не только как отвлечённую правовую конструкцию. Его применение предполагает оценку фактических последствий принимаемых решений, а не ограничивается буквальным следованием закону; такой подход особенно важен при интенсивном осуществлении государственного контроля и надзора за бизнесом.

Вместе с тем суды не всегда последовательно проверяют ограничительные меры по всем критериям соразмерности. В некоторых случаях рассмотрение сводится к установлению законности и обоснованности акта, тогда как степень обременительности для предпринимателя остаётся без достаточного внимания. Подобная практика приводит к непоследовательности правоприменения и ослабляет гарантии защиты прав субъектов бизнеса.

Дополнительную трудность создаёт отсутствие в законодательстве ясных ориентиров, позволяющих определить, какая санкция или мера принуждения является соразмерной. В результате должностные лица и суды сохраняют значительный объём усмотрения. Предложенную систему критериев могут применять предприниматели при оспаривании решений органов власти, а законодатели — при подготовке новых нормативных предписаний.

Существенной проблемой остаётся формальный подход к назначению административных санкций, при котором не учитываются индивидуальные обстоятельства дела. Как следует из Постановления Конституционного Суда РФ от 25.02.2014 № 4-П, установление минимальных размеров штрафов без возможности их снижения нарушает конституционные принципы справедливости и соразмерности, поскольку не позволяет учитывать имущественное положение лица и иные смягчающие обстоятельства [Постановление Конституционного Суда РФ от 25.02.2014 № 4-П, 2014]. Данная правовая позиция активно используется в практике арбитражных судов при оспаривании постановлений о привлечении к административной ответственности, однако её последовательное применение всё ещё зависит от усмотрения суда. Это подтверждает, что даже при наличии чётких правовых ориентиров реализация принципа соразмерности сталкивается с трудностями на практике, а значит, необходимы дополнительные механизмы, обеспечивающие единообразие подходов и предсказуемость регулирования.

Для исследования данный подход ценен тем, что обеспечивает последовательную структуру правового анализа. В научной публикации он, в свою очередь, позволяет обосновывать выводы и практические предложения с опорой на судебную практику и доктринальные источники. Включение обозначенных критериев в правоприменительную деятельность может повысить предсказуемость регулирования и способствовать снижению административной нагрузки на предпринимателей.

Заключение

Принцип соразмерности относится к числу ключевых гарантий, призванных защищать конституционные права предпринимателей от чрезмерного вмешательства государства. Его назначение состоит в поддержании равновесия между публичными задачами и свободой

предпринимательской деятельности, а также в установлении пределов допустимых ограничений.

Проведённый анализ подтвердил, что оценка соразмерности должна опираться на совокупность критериев: легитимность цели, пригодность выбранных средств, необходимость ограничения и соразмерность его последствий. Изучение судебной практики указывает на повторяющийся характер соответствующих нарушений, что обусловливает потребность как в совершенствовании правоприменительных подходов, так и в корректировке законодательства.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использовать его выводы при подготовке процессуальных документов, разработке правовой позиции по делу и проведении экспертизы нормативных правовых актов. В учебной работе предложенная система может служить аналитическим инструментом для оценки ограничений предпринимательских прав; в научной публикации она позволяет изложить методику, ориентированную на решение практических задач.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с разработкой конкретных способов расчёта соразмерных санкций, а также с изучением особенностей применения принципа соразмерности в отдельных отраслях и сферах правового регулирования предпринимательской деятельности.

Библиография

1. Гаджиев Г.А. Принципы права и право из принципов // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 2 (63). С. 109–120.
2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru.
3. Краснов М.А. Пропорциональность: новый взгляд на старые проблемы // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 5. С. 43–49.
4. Малько А.В. Теория государства и права: учебник. Москва: Юристъ, 2019. 456 с.
5. Олейник О.М. Предпринимательское право: учебник для вузов. Москва: Юрайт, 2021. 512 с.
6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 февраля 2014 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 7.3, 9.1, 14.43, 15.19, 15.23.1 и 19.7.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Арбитражного суда Нижегородской области и жалобами ряда организаций» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru.
7. Яковлев В.Ф. Право и экономика: соотношение понятий и практика применения // Вестник гражданского права. 2016. Т. 16. № 3. С. 200–215.

The Principle of Proportionality as a Guarantee of the Protection of the Constitutional Rights of Entrepreneurs

Andrei Yu. Nosenko

Postgraduate Student,
Shevchenko Prindestrovian State University,
3300, 128, 25 Oktyabrya str., Tiraspol, Republic of Moldova;
e-mail: smmnosenko@gmail.com

Abstract

The article examines the principle of proportionality as one of the constitutional-legal

mechanisms for ensuring the protection of the rights of entrepreneurs. The main aim of the work is to determine how this principle establishes the limits of state interference in entrepreneurial activity and contributes to the reconciliation of private interests with public needs. The methodological basis of the study was formed by the formal-legal and comparative-legal methods, as well as the systemic interpretation of legal norms; the empirical material includes the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, individual judicial acts of arbitration courts, and scientific literature. Based on the results of the study, the following criteria for assessing the proportionality of restrictions are identified: the legitimacy and public significance of the aim, the ability of the chosen means to ensure its achievement, the absence of less burdensome options, and the correlation of the consequences of the restriction with the expected public result. The practical significance of the conclusions consists in the fact that the proposed criteria can be applied in preparing a legal position in court cases, as well as in the expert review of normative acts affecting the rights of participants in entrepreneurial activity. The presented provisions can be used in educational research and in the preparation of scientific publications, since they form a convenient basis for analyzing restrictions on entrepreneurial rights.

For citation

Nosenko A.Yu. (2026) Printsip sorazmernosti kak garantiya zashchity konstitutsionnykh prav predprinimateley [The Principle of Proportionality as a Guarantee of the Protection of the Constitutional Rights of Entrepreneurs]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (9A), pp. 133-138. DOI: 10.34670/AR.2026.81.57.016

Keywords

Principle of proportionality, constitutional rights, protection of entrepreneurs' rights, restriction of rights, balance of interests, Constitutional Court, legal regulation, entrepreneurial activity, proportionality, judicial practice, state control, administrative burden.

References

1. *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii* [Constitution of the Russian Federation]. (1993). Adopted by popular vote on 12.12.1993 (as amended following the nationwide vote held on 01.07.2020). *Official Internet Portal of Legal Information*. Retrieved from http://www.pravo.gov.ru
2. Gadzhiev, G.A. (2008). Printsipy prava i pravo iz printsipov [Principles of Law and Law Derived from Principles]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, (2(63)), 109–120.
3. Krasnov, M.A. (2017). Proportsional'nost': novyy vzglyad na starye problemy [Proportionality: A New Perspective on Old Problems]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, (5), 43–49.
4. Malko, A.V. (2019). *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Yurist.
5. Oleinik, O.M. (2021). *Predprinimatel'skoe pravo* [Business Law]. Yurayt.
6. *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 25 fevralya 2014 g. No. 4-P* [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 4-P of February 25, 2014]. (2014). *Official Internet Portal of Legal Information*. Retrieved from http://pravo.gov.ru
7. Yakovlev, V.F. (2016). Pravo i ekonomika: sootnoshenie ponyatiy i praktika primeneniya [Law and Economics: The Relationship Between Concepts and Their Practical Application]. *Vestnik grazhdanskogo prava*, 16(3), 200–215.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 342.4 **DOI: 10.34670/AR.2026.29.94.017**

Конституционное указание на идеалы и веру в Бога и светский характер российского государства

Большакова Валентина Михайловна

Кандидат юридических наук, доцент,
кафедра конституционного и административного права,
Нижегородский институт управления — филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
603950, Российская Федерация, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 46;
e-mail: bolshakova@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению противоречия, которое возникло после поправок в Конституцию Российской Федерации в 2020 году: в часть 2 статьи 67.1 Конституции РФ была включена формулировка о том, что Российская Федерация, «сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога», признаёт исторически сложившееся государственное единство. При этом статья 14 Конституции по-прежнему закрепляет светский характер государства: никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной, а религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом. Системное толкование статей 67.1 и 14 позволяет констатировать, что принцип светскости не был отменён или пересмотрен. Баланс сохранился: конституционная поправка о вере в Бога гармонизирует взаимодействие юридических и нравственно-этических норм Конституции Российской Федерации.

Для цитирования в научных исследованиях

Большакова В.М. Конституционное указание на идеалы и веру в Бога и светский характер российского государства // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 9А. С. 139-145. DOI: 10.34670/AR.2026.29.94.017

Ключевые слова

Конституционное указание на веру в Бога, поправки в Конституцию РФ в 2020 году, системное толкование статей 67.1 и 14 Конституции РФ, светский характер государства, конституционная поправка о вере в Бога, противоречия в формулировках норм Конституции РФ, взаимодействие юридических и нравственно-этических норм Конституции Российской Федерации, государственно-конфессиональные отношения, религиозная идентичность, цифровизация и духовная безопасность.

Введение

Включение в текст Конституции Российской Федерации статьи 67.1, по итогам Общероссийского голосования 1 июля 2020 года, с указанием на « предков, передавших нам идеалы и веру в Бога», не было случайным стечением обстоятельств, напротив, имело весьма актуальный и объективно обусловленный характер. Это показало широкое, заинтересованное и обстоятельное обсуждение конституционной поправки в российском обществе, которая в конечном итоге и была им поддержана. Размещение конституционного указания на веру в Бога в третьей главе Конституции «Федеративное устройство» является причинно обусловленным как общей объединяющей идеи развития российской государственности и укрепления единства страны. Многие исследователи рассматривали конституционные положения о Российской Федерации, которая, объединённая тысячелетней историей, сохраняет память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, в более широком контексте, как имеющие особую значимость, выходящую за рамки проблематики главы о федеративном устройстве; по их мнению, эти положения по своему статусу могли бы быть размещены в преамбуле Конституции либо основах конституционного строя Российской Федерации [Добрынин, 2020].

Основное содержание

По образному выражению Ильи Игина-члена Российского союза писателей, в конституционной поправке нашло отражение духовное предназначение России, которое означает «вечное стояние на границе миров» …, идею отлитую «в жертвенной плоти истории, в которой понятие Добра и Зла, Бога и дьявола никогда не были отвлеченными абстракциями. Они -живые силы, ведущие титаническую борьбу за сердце народа». Духовная доминанта-«вечное стояние» в вере-требует и духовной защиты от угроз внешнего мира, в котором « под благовидной маской свободы и прогресса, действует древний враг, принявший новое обличье»-либеральная свобода, неотличимая от сатанизма, который встает на защиту не традиции, а тех, кто ее оскверняет [Игин, 2025].

В ходе общественных обсуждений сторонников принятия поправки объединял ее основной мотив- сохраняются светский характер государства и базовые принципы свободы совести и вероисповедания. Наряду с этим по поводу конституционной новеллы о вере в Бога звучали и негативные, в том числе подстрекательские высказывания о том, что это декларативная, избыточная норма, имеющая популистский характер, она усиливает влияние религиозных институтов, означает дискриминацию атеистов, что противоречит самой природе светского государства; предпринимались попытки втянуть правоведов в религиоведческие споры о сущности Бога, вопрошалось, о каком Боге идет речь, ведь в каждой религии существует свой образ Бога? При этом игнорировался тот факт, что в Конституции светского государства, то есть не атеистического и нерелигиозного, в принципе не может быть дано описание свойств Бога. В этом смысле сопредседатель рабочей группы по обсуждению поправок в Конституцию сенатор Андрей Клишас в интервью телеканалу Царьград высказался следующим образом: « Государство у нас светское, но это не исключает уважения к традиционным религиям и никаким образом не противоречит тому , что в Конституции может быть упомянут Бог, как Бог в общем-то всех религий…». И далее продолжил: Того, Кого «мы называем Бог, это и Аллах, и Всевышний, как говорят наши братья мусульмане, и Яхве, и так далее. А те, кто относит себя к

атеистам, начинают спорить с нами по поводу того, что Бог — это православный Бог…Это все, в общем, недобросовестные спекуляции» [Интервью Царьграду сенатора Андрея Клишаса, 2020].

Определяющими факторами принятия конституционной поправки о вере в Бога, инициированной Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Кириллом, послужили два процессуально значимых события. Во-первых, поддержка предложения Патриарха религиозными лидерами России на объединённом заседании Межрелигиозного совета России и Христианского межконфессионального консультативного комитета 28 февраля 2020 года, представлявшими христианские, исламские, иудейские и буддийские общины страны. Отмечалось, что сохраняемое невмешательство государства в дела церковных организаций — это конституционная ценность, и принципы светского государства, которые не исключают уважения к традиционным религиям, должны оставаться неизменными. В итоговом Коммюнике указывалось: « Утверждая мир в многонациональной и многоконфессиональной стране, поддерживаем предложение о внесении упоминания Бога в текст обновленной Конституции, рассматриваем это как закрепление ценности религиозных убеждений народов нашей страны, исторически и культурно связанных с представляемыми нами религиями, а также духовной преемственности по отношению к нашим предкам» [Коммюнике объединенного заседания Межрелигиозного совета России и Христианского межконфессионального консультативного комитета, 2020].

Во-вторых, конституционно-правовое истолкование Конституционным Судом РФ части 2 статьи 67.1 Конституции, отнесение ее к числу поправок к Конституции, которые соответствуют Основному закону страны как имеющих неполитический, надпартийный и внеконфессиональный характер. Включение в текст Конституции указания на веру в Бога, переданную народу России предками, не означает отказа от светского характера Российского государства, провозглашенного в ее статье 14, и от свободы совести, гарантируемой ее статьей 28, не сопряжено с конфессиональной принадлежностью, не объявляет наличие тех или иных религиозных убеждений обязательным в Российской Федерации, не ставит вопреки статье 19(часть2) Конституции РФ граждан России в неравное положение в зависимости от наличия такой веры и ее направленности. Цель поправки-подчеркнуть необходимость учета при осуществлении государственной политики той исторически значимой социально-культурной роли, которую религиозная составляющая сыграла в становлении и развитии российской государственности [Заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 года № 1-З, 2020].

Между тем в общественном дискурсе и после принятия конституционной поправки об идеалах и вере в Бога наблюдаются попытки внести этнорелигиозную напряжённость в общество, появляются антигосударственные и антирелигиозные проекты равносильные «идеологической диверсии в тылу». На это обратил внимание Всемирный Русский Народный Собор, который в Заявлении от 20 января 2026 года выразил глубочайшую озабоченность и решительное осуждение антиправославных идей, публично озвученных известным российским режиссером В. Бортко в декабре 2025 года в телепрограмме «Взгляд из Петербурга» [Заявление Всемирного Русского Народного Собора, 2026]. Суть его высказываний состоит в необходимости транзита президентской власти, передаче ее « преемнику при жизни действующего правителя», ибо, как полагает В. Бортко, после любого сильного «авторитарного» правителя народному единству может помешать сложившаяся в России религиозная идентичность разных групп; религия, мол, не соединяет, а разъединяет, « резко разграничивает народы». Необходимо вытеснение Православия и других традиционных религий из публичного пространства, конфессиональное самосознание порой вступает в

противоречие с общероссийской гражданственностью».

На словах ратуя за верховенство закона и равенство всех перед законом, В. Бортко фактически бросает вызов гарантированной статьей 28 Конституции свободе вероисповедания на основе принципа - религия есть частное дело гражданина. Сегодня это особо вызывающий и кощунственный призыв применительно к Вооруженным Силам и правоохранительным органам Российской Федерации. Святейший Патриарх Кирилл обратил внимание на то, что предлагаемая «безрелигиозная стерильность общественного пространства» несовместима с принципиально важной особенностью христианской веры-совместным и публичным деятельным ее исповеданием, когда личное и общинное тесно переплетаются и находятся в неразрывном единстве [Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на Епархиальном собрании г. Москвы, 2025]. Внешнее свидетельство о вере и общественный характер ее исповедания не могут быть чем-то второстепенным.

Всемирный Русский Народный Собор подчеркнул, что любые действия, угрожающие общественному единству, должны получать адекватную правовую оценку, а российское общество-быть осведомленным о существующих вызовах. Собор призвал все здоровые общественные силы, представителей традиционных религий России, государственные институты и средства массовой информации к консолидации и активной публичной позиции, направленной на противодействие распространению идеологии, которая представляется деструктивной и чуждой, способной подорвать исторически сложившиеся цивилизационные устои в ответственный для страны момент. К примеру, определенные проявления распространяемой в западных странах идеологии нетерпимости к христианам и христианским ценностям существуют и в российском обществе: об этом свидетельствуют упорные попытки избежать изображения Креста Господня, храмов, памятников святым, других святынь русского народа на гербах и логотипах, праздничной символике, дизайне банкнот и тому подобном, чтобы якобы соблюсти « светский нейтралитет». А ведь речь идет об изображении святынь народа государствообразующего, которые «на протяжении тысячелетий были свидетельством о мировоззренческих, исторических и даже культурных и эстетических ценностях государства и общества» [Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на Епархиальном собрании г. Москвы, 2025].

Наступившая эпоха всеобщей цифровизации, отличающаяся стремительным, во многом непредсказуемым развитием технологий и моделей искусственного интеллекта, характеризуется не только повсеместным эффективным применением новых технологий; последние одновременно несут и потенциально серьезные угрозы для духовной жизни человека, его религиозного сознания и мировоззренческой позиции, включая веру в Бога. Выделим две независимые друг от друга группы вызовов и угроз для человека в этой сфере:

Первая группа охватывает вызовы и угрозы, обусловленные той ситуацией, что цифровые технологии используются не только во благо общества и государства, но и злоумышленниками в целях противоположных: намеренно распространяются искаженные факты и разного рода языковые манипуляции, интернет-мошенничество с целью получения доступа к конфиденциальным данным пользователей(фишинг) и дипфейки-поддельные видео, аудио или изображения, создаваемые с помощью искусственного интеллекта и нейросетей. Цифровой мир, в который погружается современный человек, представляет собой информационное пространство, в котором велика вероятность полного стирания границ между реальным миром и виртуальным, несуществующим, и такой мир становится «апокалиптической перспективой» развития цивилизации [Яковлева, 2025].

Ко второй группе относятся вызовы и угрозы духовной жизни человека, порождаемые

самими технологиями искусственного интеллекта, вернее, этическими проблемами, связанными с принимаемыми им решениями: это могут быть вмешательства в частную жизнь, посягания на свободу и достоинство личности, дискриминация граждан, цифровое неравенство, «дегуманизация межличностных и общественных коммуникаций» и др.

И хотя богословская позиция по проблематике искусственного интеллекта еще не разработана Церковь в ряде документов и выступлениях Св. Патриарха четко обозначила свое отношение к современным технологиям. В частности, она:

– «предостерегает от попыток использовать достижения науки и техники для установления контроля над внутренним миром личности, для создания каких бы то ни было технологий внушения и манипуляции человеческим сознанием или подсознанием» [Основы социальной концепции Русской Православной Церкви, 2000];
– призывает не к бегству от технологий, а к вдумчивому и ответственному их осмыслению, оценке опасностей и потенциальных рисков искусственного интеллекта, проведению собственных богословских исследований и формированию богословской позиции по проблемам искусственного интеллекта;
– развитие цифровых технологий не должно подрывать основные ценности человеческого бытия: веру, любовь, свободу и ответственность, семейные ценности; самое главное – сохранение в душе веры в Бога, потеря религиозной веры в эпоху развития искусственного интеллекта может привести к «эпохе апокалипсиса»;
– выступает за регулируемую в законодательном порядке этическую экспертизу новых технологий, чтобы они служили человеку в его стремлении к Богу, а не уводили от Него;
– призывает к просветительской работе среди населения, повышению его цифровой грамотности.

Заключение

Таким образом, конституционную новеллу об идеалах и вере в Бога характеризуют следующие особенности:

– это духовно-нравственная ценность, органически сочетающаяся с традиционными российскими ценностями, имеет выраженную мировозренческую направленность, являясь одним из ключевых элементов духовной идентичности многонационального народа России, стала объектом конституционно-правовой защиты со стороны государства;
– открывает легальную возможность учитывать исторически значимую роль религии в формировании и развитии российской государственности, не ограничивая при этом ее светскую направленность;
– имеет вероучительное и духовно-нравственное значение для верующих граждан, не ущемляя при этом конституционных прав и свобод каждого исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой;
– не препятствует объединению верующих и неверующих граждан в различных сферах жизнедеятельности общества на основе переданных предками идеалов любви к Отечеству, сохранения единства страны и др.;
– новелла не представляет каких-либо преференций ни одной из конфессий, а также права священнослужителям замещать государственные должности, не означает возможность регулирования церковным правом каких бы то ни было общественных отношений;
– возвышается ответственность Русской православной церкви « перед обществом и

государством, поскольку именно Церковь исторически имеет духовные полномочия для оценки того, что соответствует « вере в Бога», а что ей не соответствует» [Лункин, 2020].

В конечном же итоге конституционная поправка о вере в Бога гармонизирует взаимодействие юридических и нравственно-этических норм Конституции Российской Федерации.

Библиография

1. Добрынин Н.М. Конституция России: настоящее и будущее. Современная версия новейшей истории государства: учеб.-метод. пособие. Новосибирск: Наука, 2020. С. 45.
2. Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на Епархиальном собрании г. Москвы, 16 декабря 2025 года. URL: https://patriarchia.ru/document/118805.
3. Заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 года № 1-З.
4. Заявление Всемирного Русского Народного Собора. URL: https://dompisatel.ru/?p=42776.
5. Игин И.А. Либерализм — это сатанизм: размышления о русской судьбе и противостоянии западной массовой культуре // Аргументы недели. 2025. 30 декабря.
6. Интервью Царьграду сенатора, сопредседателя рабочей группы по поправкам в Основной закон страны Андрея Клишаса. URL: https://tsargrad.tv/news/jetot-fakt-nevozmozhno-otricat-veru-v-boga-nam-peredali-predki-andrej-klishas-ob-istoricheskoj-popravke-v-konstitucii_241498.
7. Коммюнике объединенного заседания Межрелигиозного совета России и Христианского межконфессионального консультативного комитета. URL: https://pravoslavie.ru/128909.html.
8. Лункин Р.Н. Эпоха развитого традиционализма. Конституционная поправка о Боге отражает консервативный характер российского государства // Независимая газета. 2020. 17 марта.
9. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. URL: https://patriarchia.ru/article/105101.
10. Яковлева Е. Патриарх Кирилл: В медиаполе нужны не ложные страхи, а трезвая оценка его особенностей и опасностей // Российская газета. 2025. 16 октября.

Constitutional Reference to Ideals and Faith in God and the Secular Character of the Russian State

Valentina M. Bol'shakova

PhD in Law, Associate Professor,
Department of Constitutional and Administrative Law,
Nizhny Novgorod Institute of Management — Branch of the
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,
603950, 46, Gagarina ave., Nizhny Novgorod, Russian Federation;
e-mail: bolshakova@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the consideration of the contradiction that arose after the 2020 amendments to the Constitution of the Russian Federation: Part 2 of Article 67.1 of the Constitution of the Russian Federation included a formulation stating that the Russian Federation, "preserving the memory of ancestors who passed on to us ideals and faith in God," recognizes the historically established state unity. At the same time, Article 14 of the Constitution still enshrines the secular character of the state: no religion may be established as state or obligatory, and religious associations are separated from the state and equal before the law. A systemic interpretation of Articles 67.1 and

14 allows us to state that the principle of secularism was not abolished or revised. The balance has been preserved: the constitutional amendment on faith in God harmonizes the interaction of legal and moral-ethical norms of the Constitution of the Russian Federation.

For citation

Bol'shakova V.M. (2026) Konstitutsionnoe ukazanie na idealy i veru v Boga i svetskiy kharakter rossiyskogo gosudarstva [Constitutional Reference to Ideals and Faith in God and the Secular Character of the Russian State]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (9A), pp. 139-145. DOI: 10.34670/AR.2026.29.94.017

Keywords

Constitutional reference to faith in God, 2020 amendments to the Constitution of the Russian Federation, systemic interpretation of Articles 67.1 and 14 of the Constitution of the Russian Federation, secular character of the state, constitutional amendment on faith in God, contradictions in the wording of the norms of the Constitution of the Russian Federation, interaction of legal and moral-ethical norms of the Constitution of the Russian Federation, state-confessional relations, religious identity, digitalization and spiritual security.

References

1. *Doklad Svyateyshego Patriarkha Kirilla na Yeparkhial'nom sobranii g. Moskvy, 16 dekabrya 2025 goda* [Report of His Holiness Patriarch Kirill at the Diocesan Assembly of Moscow, December 16, 2025]. Retrieved from https://patriarchia.ru/document/118805
2. Dobrynin, N.M. (2020). *Konstitutsiya Rossii: nastoyashchee i budushchee. Sovremennaya versiya noveyshey istorii gosudarstva* [The Constitution of Russia: Present and Future. Modern Version of the Newest History of the State]. Nauka.
3. Igin, I.A. (2025, December 30). Liberalizm — eto satanizm: razmyshleniya o russkoy sud'be i protivostoyanii zapadnoy massovoy kul'ture [Liberalism Is Satanism: Reflections on the Russian Fate and Opposition to Western Mass Culture]. *Argumenty nedeli*.
4. *Interv'yu Tsargradu senatora, sopredsedatelya rabochey gruppy po popravkam v Osnovnoy zakon strany Andreya Klishasa* [Interview to Tsargrad of Senator, Co-Chair of the Working Group on Amendments to the Basic Law of the Country Andrey Klishas]. (2020). Retrieved from https://tsargrad.tv/news/jetot-fakt-nevozmozhno-otricat-veru-v-boga-nam-peredali-predki-andrej-klishas-ob-istoricheskoj-popravke-v-konstitucii_241498
5. *Kommyunike ob"edinennogo zasedaniya Mezhreligioznogo soveta Rossii i Khristianskogo mezhkonfessional'nogo konsul'tativnogo komiteta* [Communiqué of the Joint Meeting of the Interreligious Council of Russia and the Christian Interconfessional Consultative Committee]. (2020). Retrieved from https://pravoslavie.ru/128909.html
6. *Osnovy sotsial'noy kontseptsii Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi* [Foundations of the Social Concept of the Russian Orthodox Church]. (2000). Retrieved from https://patriarchia.ru/article/105101
7. Lunkin, R.N. (2020, March 17). Epokha razvitogo traditsionalizma. Konstitutsionnaya popravka o Boge otrazhaet konservativnyy kharakter rossiyskogo gosudarstva [The Era of Developed Traditionalism. The Constitutional Amendment on God Reflects the Conservative Character of the Russian State]. *Nezavisimaya gazeta*.
8. Yakovleva, E. (2025, October 16). Patriarkh Kirill: V mediapole nuzhny ne lozhnye strakhi, a trezvaya otsenka ego osobennostey i opasnostey [Patriarch Kirill: In the Media Field, Not False Fears Are Needed, but a Sober Assessment of Its Features and Dangers]. *Rossiyskaya gazeta*.
9. *Zaklyuchenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 16 marta 2020 goda No. 1-Z* [Conclusion of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 16, 2020 No. 1-Z]. (2020).
10. *Zayavlenie Vsemirnogo Russkogo Narodnogo Sobora* [Statement of the World Russian People's Council]. (2026) Retrieved from https://dompisatel.ru/?p=42776

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 342.9; ББК 67.401 **DOI: 10.34670/AR.2026.45.14.019**

Информационная власть публичного органа и правовая природа цифрового доказательства в административном судопроизводстве

Осина Татьяна Германовна

Аспирант,
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
105318, Российская Федерация, Москва, ул. Измайловский Вал, 2;
e-mail: tania.eremina88@yandex.ru

Аннотация

Работа посвящена анализу положения публичного органа, который одновременно представляет цифровой отчёт и распоряжается доступом к разъяснению его происхождения. Информационная власть рассматривается как зависимость проверки от действий, доступных лишь одной стороне спора. Разводятся удостоверение документа и подтверждение события, официальный статус сведений и убедительность вывода, неизменность файла и полнота отбора. С опорой на КАС РФ, научную дискуссию и судебную практику обосновывается адресная модель раскрытия условий формирования спорного результата. Предложены рекомендации по формулированию запроса и оценке ответа, не требующие неограниченного доступа к системе.

Для цитирования в научных исследованиях

Осина Т.Г. Информационная власть публичного органа и правовая природа цифрового доказательства в административном судопроизводстве // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 9А. С. 146-151. DOI: 10.34670/AR.2026.45.14.019

Ключевые слова

Цифровое доказательство, публичный ответчик, информационная власть, ведомственный отчёт, судебный контроль, раскрытие данных, административное судопроизводство, бремя доказывания, электронный документ, судебная проверка.

Введение

Представим ситуацию: орган ссылается на таблицу из ведомственной системы как на доказательство направления уведомления, а гражданин утверждает, что ничего не получал. Ни название системы, ни подпись составителя не объясняют, что именно зафиксировано в строке — момент создания сообщения, передача его на отправку или факт вручения. Этот пример далее используется как условная модель, а не как описание реального дела.

Итак, противоречие возникает не между сторонами по поводу прочтения строки, а между записью и выводом из неё. Читают они её одинаково, однако правила возникновения записи известны только одной стороне. Отсюда следует: сам по себе доступ к документу ещё не даёт возможности проверить, связан ли он с событием.

Задача исследования — выявить последствия неравного доступа к проверке. Применяются толкование норм КАС РФ и правовое моделирование. Рассматриваются споры с публичной администрацией, но не производство по КоАП РФ. Предлагается модель проверки ведомственных данных; вопрос о частоте ошибок в практике не ставится.

Основная часть

Квалификация файла как определённого средства доказывания необходима, но описанную трудность не снимает. С.С. Казиханова считает достаточным применение действующей системы доказательств и общих процессуальных правил [Казиханова, 2024]. Г. Варбанова, напротив, обосновывает выделение электронных доказательств в самостоятельную категорию в контексте европейского права [Варбанова, 2025]. Применительно к поставленной в настоящей статье проблеме сопоставление этих подходов позволяет сформулировать самостоятельный вывод: ни сохранение прежней классификации, ни введение новой категории сами по себе не открывают гражданину доступ к сведениям о формировании отчёта.

А.В. Орлов возвращает обсуждение цифровизации к собственно задачам доказывания [Орлов, 2026]. Выяснять следует, способен ли материал подтвердить спорное обстоятельство, а не то, насколько современен носитель. Дополнительным предметом исследования становится распределение возможностей объяснять и проверять операции с данными.

Уточнение понятия электронного доказательства, предложенное М.С. Павловой [Павлова, 2024], и исследование электронных средств доказывания А.А. Дубровиной [Дубровина, 2022] подтверждают значимость юридической категории. Однако скан письма и отчёт из нескольких таблиц, исследуемые как письменные материалы, требуют разных проверок: в первом случае — сопоставления копии с документом, во втором — объяснения способа составления результата.

Информационной властью предлагается называть положение участника, от которого существенно зависит объяснение или воспроизведение получения значимого цифрового результата. Это аналитическое понятие, а не специальное полномочие. Оно возможно и без права изменять запись — достаточно исключительного доступа к параметрам поиска или к описанию статуса.

Различаются четыре возможности: создавать запись, определять её доступность, собирать отчёт и объяснять обозначения. Они могут принадлежать разным лицам. Орган не обязательно является оператором; оператор не обязательно внёс сведения. Разработчик способен объяснить программу, но не подтвердить, кто совершил действие.

Полезно здесь разграничение документа и его образа, проводимое А.Р. Емалтыновым [Емалтынов, 2021]. Для скана принципиально соответствие существующему документу; для

выборки — ещё и основание отбора. Требуя «оригинал», следует уточнить, подразумевается ли исходный файл отчёта, первоначальная запись или массив, по которому выполнялся поиск.

Статья 70 КАС РФ предусматривает письменные материалы в цифровой форме и истребование подлинников в установленных случаях. Но если отчёт создаётся только по запросу, проверке может подлежать не тождество бумажной и электронной версий, а соответствие отчёта исходным данным на момент формирования.

Контроль сам по себе не доказывает фальсификацию: возможность операции не означает её совершения. Однако отсутствие подозрений не освобождает от проверки отбора и толкования записей. Между безусловным доверием и презумпцией злоупотребления есть третий путь — выяснить, как данные превращаются в утверждение.

Первая граница вывода отделяет подтверждение документа от подтверждения события. Е.А. Сапрыкина исследует реквизиты и подпись в административном судопроизводстве [Сапрыкина, 2017]. Это необходимо для установления автора, но удостоверение сегодняшней справки само по себе не доказывает указанного в ней прошлого действия.

Статья 6 Закона об электронной подписи устанавливает условия равнозначности электронных и бумажных документов, а не истинность каждого суждения подписанта. Для отчёта об отправке требуется выяснить значение операции и её связь с адресатом. Требования к юридической силе документа не заменяют доказательственной оценки.

Вторая граница проходит между официальностью информации и убедительностью вывода. Часть 9 статьи 14 Закона об информации признаёт сведения государственных информационных систем официальными и закрепляет обязанности обеспечивать их достоверность и актуальность. Специальное значение конкретной реестровой записи учитывается отдельно: переносить его на каждую строку служебного отчёта нельзя.

Статья 84 КАС РФ исключает заранее установленную силу доказательств. Название государственной системы указывает на происхождение материала, но связь с конкретным обстоятельством требует объяснения. Обратная ошибка также недопустима: ведомственное происхождение не является самостоятельным доводом против достоверности.

Третья граница отделяет неизменность файла от полноты выборки. Допустим, отчёт не редактировался, но поиск выполнен только по действующему идентификатору обращения, без прежнего. Подпись этот пробел не устраняет. Пример иллюстрирует различие вопросов, а не утверждает дефект конкретной системы.

Т.Ю. Карева и С.Н. Юртаев связывают оценку электронной информации с её происхождением, надёжностью обращения и другими доказательствами [Карева, Юртаев, 2024]. Для ведомственной выборки необходимо также установить пределы охваченного массива: точность копирования не гарантирует достаточности исходного отбора.

Предлагается критерий достаточности объяснения: раскрываются условия формирования сведений, без которых нельзя разрешить конкретное разногласие. Проверяется связь материала с фактом, а не инфраструктура учреждения в целом. Поэтому такой подход не создаёт права получить всю базу данных.

Возражение оценивается по трём вопросам: какой вывод оспорен, какая операция на него влияет и кто располагает проверочными сведениями? Общей ссылки на изменяемость файлов недостаточно. Но гражданин не обязан называть неизвестный ему журнал, если описал содержательное расхождение.

Ответ «не обнаружено» характеризует выполненный поиск. Для вывода «не происходило» нужно установить, что событие должно было отразиться в этом источнике, сведения охватывались поиском и сохранялись в соответствующий период. В противном случае

неполнота поиска ошибочно принимается за доказательство отсутствия юридически значимого события.

Специальные знания иногда необходимы. А.Б. Алиева связывает трудности исследования электронной информации с недостатком технической компетенции [Алиева, 2021]. Однако экспертиза каждого отчёта была бы чрезмерной: параметры отбора могут выясняться объяснением и сопоставлением материалов; скрытое изменение данных способно потребовать другого инструмента.

Р. Йокубаускас и М. Сверчиньский предлагают усиливать механизмы оспаривания электронных материалов, включая метаданные [Jokubauskas, Świerczyński, 2020]. Полезна ориентация на доступность проверки, но эти предложения не обязательны для российского суда и не подменяют КАС РФ.

Часть 2 статьи 62 КАС РФ возлагает на публичного ответчика подтверждение законности оспариваемого поведения и фактов возражений. Истец сохраняет обязанности подтверждать нарушение либо угрозу нарушения своих прав и иные факты в своей доказательственной сфере. Однако объяснять законность через недоступные гражданину данные должен не сам гражданин.

Статья 63 КАС РФ позволяет истребовать доказательства по инициативе суда либо ходатайству; держатель сообщает причины невозможности их представить. Запрос должен обозначать событие, период и требуемое подтверждение. Знание технического способа извлечения нельзя превращать в условие удовлетворения ходатайства гражданина.

При споре об уведомлении можно запросить сведения, связывающие обращение, адресата и операцию отправки, с объяснением системного статуса. При возражении о полноте — период и идентификаторы поиска. Это рекомендации, а не обязательный комплект приложений к любой выгрузке.

Ответ сопоставляется с исходным возражением. Дополнительная печать не объясняет границы поиска; надёжность продукта не подтверждает совершение действия. Небольшая связанная выборка с понятным объяснением иногда устраняет неопределённость без исследования всей базы.

Пункт 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 57 допускает предложение представить расчёты в таблицах со встроенными формулами; пункт 24 предусматривает получение подлинников электронных образов в обозначенных случаях. Значим не только факт приобщения, но и возможность исследовать содержание. При этом правило об образе документа нельзя механически переносить на заново созданный отчёт.

В определении от 7 февраля 2023 г. № 5-КГ22-144-К2 Верховный Суд отменил акты, основанные на ненадлежащем исследовании переписки: суды ссылались на отсутствие экспертного подтверждения её неизменности, но вопрос об исследовании не обсуждали. Дело рассматривалось по ГПК РФ и используется сравнительно, а не как прямое применение КАС РФ. Сомнение требует процессуального разрешения; это не означает достоверности любого скриншота.

Раскрытие ограничивается достаточным способом проверки. Неравенство сторон не обосновывает доступ ко всем операциям, исходному коду и персональным данным третьих лиц. Следует искать менее обременительный вариант: ограниченную выборку, обезличивание, объяснение обозначений либо другой связанный материал.

Нужно выяснить и причины отсутствия данных: создавались ли они, у кого находились и каковы правила хранения. Бессрочное сохранение любых технических следов не предполагается. Но невозможность представить сведения не доказывает законности: применяются оценка совокупности доказательств и правила бремени доказывания.

Заключение

Таким образом, информационное преимущество заключается не только в количестве документов, но и в возможности объяснить операции, недоступные другой стороне. Оно не доказывает недобросовестности, однако требует адресной проверки пути от записи к юридическому факту.

Предлагаемое решение — раскрытие существенных условий получения спорного результата. Объём определяется содержанием возражения, а не максимальной прозрачностью системы. Суд устанавливает требующий подтверждения факт, держателя сведений и способ устранения пробела, сохраняя различие между юридической силой документа и убедительностью утверждения.

Библиография

1. Алиева А.Б. Электронные доказательства в теории и правоприменительной практике процессуального судопроизводства // Проблемы экономики и юридической практики. 2021. Т. 17. № 6. С. 124–129.
2. Варбанова Г. Электронные доказательства как самостоятельный правовой феномен: теоретические основы и европейская практика // Journal of Digital Technologies and Law. 2025. Т. 3. № 3. С. 497–511.
3. Дубровина А.А. Электронные средства доказывания в условиях цифровой реальности // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 6. С. 36–40.
4. Емалтынов А.Р. Некоторые проблемы оценки электронных доказательств в системе электронного правосудия // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 5. С. 31–35.
5. Казиханова С.С. Электронные доказательства в теории судебных доказательств // Цифровое право. 2024. Т. 5. № 4. С. 79–95.
6. Карева Т.Ю., Юртаев С.Н. Проблемы оценки электронных доказательств в ходе судебного доказывания в цивилистическом процессе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2024. № 3. С. 104–111.
7. Орлов А.В. Доказательства и цифровизация: приоритеты развития административного процессуального права // Административное право и процесс. 2026. № 2. С. 73–77.
8. Павлова М.С. Электронные доказательства: некоторые вопросы правовой природы и терминологии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 2. С. 155–162.
9. Сапрыкина Е.А. Электронные документы как средство доказывания в административном судопроизводстве // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2017. № 3. С. 148–154.
10. Jokubauskas R., Świerczyński M. Is Revision of the Council of Europe Guidelines on Electronic Evidence Already Needed? // Utrecht Law Review. 2020. Vol. 16. No. 1. P. 13–20.

Information Power of a Public Authority and the Legal Nature of Digital Evidence in Administrative Judicial Proceedings

Tat'yana G. Osina

Postgraduate Student,
Moscow Financial and Industrial University "Synergy",
105318, 2, Izmaylovskiy Val str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: tania.eremina88@yandex.ru

Abstract

The work is devoted to the analysis of the position of a public authority that simultaneously presents a digital report and controls access to the clarification of its origin. Information power is

considered as the dependence of verification on actions available only to one party to the dispute. A distinction is drawn between the certification of a document and the confirmation of an event, the official status of information and the persuasiveness of a conclusion, the immutability of a file and the completeness of the selection. Relying on the Code of Administrative Proceedings of the Russian Federation, scientific discussion, and judicial practice, an address-based model of disclosing the conditions for the formation of the disputed result is substantiated. Recommendations are proposed for formulating a request and evaluating a response that do not require unlimited access to the system.

For citation

Osina T.G. (2026) Informatsionnaya vlast' publichnogo organa i pravovaya priroda tsifrovogo dokazatel'stva v administrativnom sudoproizvodstve [Information Power of a Public Authority and the Legal Nature of Digital Evidence in Administrative Judicial Proceedings]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (9A), pp. 146-151. DOI: 10.34670/AR.2026.45.14.019

Keywords

Digital evidence, public defendant, information power, departmental report, judicial control, data disclosure, administrative judicial proceedings, burden of proof, electronic document, judicial verification.

References

1. Alieva, A.B. (2021). Elektronnye dokazatelstva v teorii i pravoprimenitelnoy praktike protsessualnogo sudoproizvodstva [Electronic Evidence in Procedural Theory and Practice]. Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki — Economic Problems and Legal Practice, 17(6), 124–129.
2. Dubrovina, A.A. (2022). Elektronnye sredstva dokazyvaniya v usloviyakh tsifrovoy realnosti [Electronic Means of Proof in Digital Reality]. Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess — Arbitrazh and Civil Procedure, (6), 36–40.
3. Emaltynov, A.R. (2021). Nekotorye problemy otsenki elektronnykh dokazatelstv v sisteme elektronnogo pravosudiya [Problems of Assessing Electronic Evidence in E-Justice]. Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess — Arbitrazh and Civil Procedure, (5), 31–35.
4. Jokubauskas, R., & Świerczyński, M. (2020). Is Revision of the Council of Europe Guidelines on Electronic Evidence Already Needed? Utrecht Law Review, 16(1), 13–20.
5. Kareva, T.Yu., & Yurtaev, S.N. (2024). Problemy otsenki elektronnykh dokazatelstv v khode sudebnogo dokazyvaniya v tsivilisticheskom protsesse [Assessment of Electronic Evidence in Civil Proceedings]. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo — Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod, (3), 104–111.
6. Kazikhanova, S.S. (2024). Elektronnye dokazatelstva v teorii sudebnykh dokazatelstv [Electronic Evidence in the Theory of Judicial Evidence]. Tsifrovoe pravo — Digital Law Journal, 5(4), 79–95.
7. Orlov, A.V. (2026) Dokazatelstva i tsifrovizatsiya: prioritety razvitiya administrativnogo protsessualnogo prava [Evidence and Digitalisation: Priorities for Administrative Procedural Law]. Administrativnoe pravo i protsess — Administrative Law and Procedure, (2), 73–77.
8. Pavlova, M.S. (2024). Elektronnye dokazatelstva: nekotorye voprosy pravovoy prirody i terminologii [Electronic Evidence: Legal Nature and Terminology]. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo — Proceedings of Voronezh State University. Series: Law, (2), 155–162.
9. Saprykina, E.A. (2017). Elektronnye dokumenty kak sredstvo dokazyvaniya v administrativnom sudoproizvodstve [Electronic Documents as a Means of Proof in Administrative Proceedings]. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo — Proceedings of Voronezh State University. Series: Law, (3), 148–154.
10. Varbanova, G. (2025). Elektronnye dokazatelstva kak samostoyatelnyy pravovoy fenomen: teoreticheskie osnovy i evropeyskaya praktika [Electronic Evidence as an Independent Legal Phenomenon: Theoretical Foundations and European Practice]. Journal of Digital Technologies and Law, 3(3), 497–511.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 342.9 **DOI: 10.34670/AR.2026.49.64.020**

Трансформация миграционного законодательства России: формирование региональных механизмов управления

Коровин Андрей Владимирович

Аспирант,
Московский финансово-юридический университет,
115191, Российская Федерация, Москва, ул. Большая Тульская, 17;
e-mail: shetabear11@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу ключевых направлений трансформации миграционного законодательства Российской Федерации в 2026 году, включая институциональные и правовые механизмы, связанные с созданием государственного информационного ресурса «Цифровой профиль иностранного гражданина», повышением государственных пошлин, модернизацией системы медицинского освидетельствования, расширением полномочий субъектов Российской Федерации в сфере трудовой миграции, а также введением дополнительных финансовых гарантий и мер ответственности. Также на основе проведенного анализа сделаны выводы по формированию многоуровневой модели управления миграционными процессами в современном правовом поле, сочетающей централизацию учёта, экономические фильтры и региональную гибкость.

Для цитирования в научных исследованиях

Коровин А.В. Трансформация миграционного законодательства России: формирование региональных механизмов управления // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 9А. С. 152-158. DOI: 10.34670/AR.2026.49.64.020

Ключевые слова

Миграционное законодательство, цифровой профиль иностранного гражданина, государственные пошлины, медицинское освидетельствование, региональные квоты, трудовая миграция, высококвалифицированные специалисты, гражданство Российской Федерации, управление рисками, государственная политика.

Введение

Ряд изменений 2026 года в миграционной политике России имеет системный характер, при этом затрагивая не только правовой статус иностранных граждан, но и обязанности работодателей в работе с иностранными гражданами [О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации, 2002]. Анализируя не столь давно принятые нормативные правовые акты, а также акты, находящиеся на этапе законодательной инициативы, можно выявить ряд взаимосвязанных направлений в государственной политике, среди которых централизация цифрового учёта, усиление финансовой нагрузки на оформление миграционных статусов, реформирование медицинского контроля, а также перераспределение полномочий между федеральным центром и субъектами Российской Федерации. Перечисленные процессы требуют научного осмысления с точки зрения их соответствия конституционным принципам, административно-правовым механизмам и потребностям рынка труда.

Основная часть

Центральным элементом формируемой системы миграционного контроля становится государственный информационный ресурс «Цифровой профиль иностранного гражданина». Постановление Правительства Российской Федерации от 12 июня 2026 г. № 735 утвердило состав сведений, которые предоставляются органами и организациями специально, для включения в указанный ресурс [Об утверждении состава сведений, предоставляемых органами и организациями для включения в государственный информационный ресурс «Цифровой профиль иностранного гражданина», 2026]. Также были утверждены правила его формирования и ведения, а также правила доступа к содержащимся в нём сведениям. Документ предполагает создание единой электронной базы данных, аккумулирующей информацию о каждом иностранном гражданине и лице без гражданства, находящемся на территории России. В цифровой профиль поступают сведения из различных ведомств, взаимодействие которых организуется через единую систему межведомственного электронного взаимодействия и систему миграционного и регистрационного учёта «МИР».

Помимо стандартных данных о документах, удостоверяющих личность, и миграционном учёте, в профиль включаются сведения о трудовой деятельности и образовании, медицинском страховании, наличии в собственности недвижимости и транспортных средств, а также информация об административных правонарушениях и действующих ограничениях на въезд. Иностранный гражданин вправе самостоятельно представлять сведения о себе для включения в цифровой профиль через портал «Госуслуги» или приложение ruID, однако эталонными считаются данные, полученные от ведомств-поставщиков [О государственном информационном ресурсе «Цифровой профиль иностранного гражданина», 2025]. Правила предусматривают систему уровней доверия к идентификатору цифрового профиля, включающую упрощённый уровень, формируемый на основе ведомственных данных, подтверждённый уровень, требующий наличия учётной записи в ЕСИА и фотографического изображения лица, а также усиленный уровень, дополнительно предполагающий прохождение дактилоскопической регистрации. Постановление вступило в силу с 30 июня 2026 года, при этом ведомства представляют сведения по мере готовности их информационных систем, но не позднее 1 декабря 2026 года. Параллельно совершенствуется клиентский сервис — мобильное приложение ruID, запущенное Минцифры России, которое доступно на семи языках и позволяет подать заявление на въезд, проверить наличие ограничений, оформить сим-карту, а для

отдельных категорий иностранных граждан — дистанционно подать документы. Таким образом, цифровой профиль решает одновременно две задачи: обеспечивает более полный учёт и создаёт для иностранца, соблюдающего требования законодательства, возможность удалённого взаимодействия с государственными органами.

В параллель с цифровизацией происходит также пересмотр финансовых условий легализации пребывания мигрантов. Федеральные законы от 26 июня 2026 г. № 189-ФЗ и № 190-ФЗ существенно увеличивают размеры государственных пошлин за ряд юридически значимых действий в миграционной сфере. Приём в гражданство Российской Федерации подорожает с 4200 до 50 000 рублей, пошлина за вид на жительство вырастет с 6000 до 30 000 рублей, за разрешение на временное проживание — с 1900 до 15 000 рублей, а многократное пересечение государственной границы будет стоить 6000 рублей вместо прежних 1900 рублей. Закон вводит и новые виды пошлин, в частности за замену вида на жительство и выдачу разрешения на временное проживание в связи с утратой или порчей документа. Перерасчёт государственных пошлин обусловлен расходами и трудозатратами системы МВД России при совершении соответствующих процедур, а ожидаемый фискальный эффект оценивается до 15,8 млрд рублей ежегодно, которые будут направлены на реализацию приоритетных мероприятий в сфере миграционной политики. Освобождение от уплаты пошлин за гражданство и вид на жительство предусмотрено только для иностранцев, заключивших контракт о прохождении военной службы на срок не менее одного года в период специальной военной операции, и членов их семей.

С 1 сентября 2026 года вступает в силу пакет федеральных законов от 10 июня 2026 года № 162-ФЗ, № 163-ФЗ и № 164-ФЗ, направленных на модернизацию системы обязательных медицинских освидетельствований иностранных граждан. Действующий порядок, по мнению законодателя, не обеспечивал должной прозрачности результатов и их качества, что потребовало реформирования [Бабкина, Светличная, Шаулина, Чернов, 2022]. Высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации обязано утвердить перечень медицинских организаций, уполномоченных проводить освидетельствование мигрантов на опасные инфекции, ВИЧ, а также химико-токсикологические исследования на наркотики и психоактивные вещества.

Новая обязанность возлагается на все медицинские организации: при выявлении у иностранца инфекционных заболеваний из установленного перечня либо следов употребления наркотиков учреждение обязано оформить электронное сообщение и в течение 24 часов разместить его в ЕГИСЗ. За нарушения установлена дифференцированная ответственность, включая штрафы для мигрантов, медицинских работников и клиник, а также уголовную ответственность за подделку и оборот медицинских документов.

Заметный тренд текущего законодательного периода — расширение полномочий субъектов Российской Федерации в миграционной сфере, где законопроект предлагает наделить региональные правительства и органы местного самоуправления правом устанавливать квоты на постановку на миграционный учёт по месту пребывания иностранных работников. Авторы инициативы указывают на проблему стихийного формирования компактных районов проживания мигрантов, основанных на этнической принадлежности, что создаёт препятствия для социальной и культурной адаптации. Квоты предлагается применять адресно, на основе комплексной оценки обстановки, что даст регионам инструмент для оперативного реагирования [О внесении изменения в статью 18.1 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», 2026].

Другой проект направлен на устранение правового пробела, снижающего эффективность

региональных запретов на привлечение иностранной рабочей силы. В настоящее время субъекты Российской Федерации могут ограничивать труд только тех иностранцев, которые работают по патенту, тогда как граждане стран ЕАЭС, а также лица с видом на жительство и разрешением на временное проживание из-под действия таких запретов выведены. По подсчётам авторов инициативы, каждый третий легальный мигрант находится вне зоны регионального контроля, в связи с чем предлагается исключить из статьи 18.1 Федерального закона № 115-ФЗ формулировку «осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов», что позволит регионам вводить запреты для всех категорий иностранных работников независимо от оснований ведения трудовой деятельности.

Законодатели подготовили также ряд инициатив, касающихся ответственности работодателей и самих мигрантов. Предлагается обязать работодателей открывать целевые банковские счета для покрытия потенциальных расходов на административное выдворение иностранных работников, при этом с этих же средств предполагается взыскивать неуплаченные мигрантами штрафы за административные правонарушения в миграционной сфере [Красноперов, 2024]. Авторы инициатив указывают на проблему взыскания штрафов после выезда иностранного работника за пределы страны, когда исполнительное производство фактически становится невозможным [Прудникова, 2024]. В сфере противодействия нелегальной легализации мигрантов готовятся изменения, предусматривающие дополнение статьи 327 Уголовного кодекса Российской Федерации новым составом, устанавливающим наказание за подделку сертификатов о знании русского языка, истории и основ законодательства. Кроме того, обсуждается предложение об ограничении количества попыток сдачи экзамена по русскому языку, истории и основам законодательства до трёх, поскольку неограниченное количество попыток снижает значимость тестирования как инструмента проверки знаний, необходимых для интеграции.

С 1 сентября 2026 года вступает в силу Приказ МВД России от 12 мая 2026 г. № 290, утверждающий новые формы ходатайства иностранного гражданина о привлечении его в качестве высококвалифицированного специалиста, а также форм и порядков уведомления МВД России или его территориального органа об осуществлении иностранными гражданами трудовой деятельности на территории Российской Федерации. Порядок в целом не меняется, однако в формах появляются технические уточнения: теперь потребуется отражать срок действия договора либо указывать, что он бессрочный, а в форме сообщения о выплатах высококвалифицированному специалисту предусмотрено поле для ИНН иностранца. К уведомлениям необходимо будет прикладывать согласия на обработку персональных данных по рекомендуемым образцам, а новые формы будут действовать до 1 сентября 2032 года. Кроме того, Государственная Дума приняла в окончательном чтении поправки в Налоговый кодекс Российской Федерации, предусматривающие новый механизм уплаты фиксированного аванса по НДФЛ для иностранных работников, размер которого зависит от категории налогоплательщика и может повышаться на 50 процентов при наличии иждивенцев; закон вступит в силу с 1 января 2027 года.

Заключение

Таким образом, резюмируя проведенный анализ трансформации современного миграционного законодательства, можно сделать следующие выводы относительно направлений трансформации. Цифровизация учётных процедур через систему «Цифровой профиль» и развитие сервиса ruID в 2026 году формируют более централизованную и

прозрачную систему контроля, а повышение государственных пошлин и введение новых видов финансовых обременений меняют экономику пребывания иностранных граждан в России. Усиление медицинского контроля с электронной фиксацией результатов и расширение ответственности за нарушения призваны снизить долю теневого сектора, в то же время, перераспределение полномочий в пользу регионов позволяет субъектам Российской Федерации более гибко реагировать на локальную ситуацию в сфере трудовой миграции. Работодателям, привлекающим иностранную рабочую силу, рекомендуется учитывать эти изменения при планировании кадровой политики, своевременно переходить на новые формы уведомлений, проводить аудит затрат с учётом роста пошлин, внедрять процедуры проверки медицинских документов и статуса иностранных работников. Общий вектор государственной политики в миграционной сфере состоит в повышении управляемости процессов и дифференциации подходов к разным категориям мигрантов, что требует дальнейшего научного мониторинга и оценки правоприменительной практики.

Библиография

1. Бабкина О.А., Светличная Д.Д., Шаулина А.В., Чернов Ю.И. Миграционный учет в России: теоретико-практические вопросы совершенствования // Евразийский юридический журнал. 2022. № 3(166). С. 107–109.
2. Красноперов Е.О. Административно-правовое регулирование миграционных процессов на территории России // Вопросы природопользования. 2024. № 3. С. 54–59.
3. О государственном информационном ресурсе «Цифровой профиль иностранного гражданина»: Указ Президента РФ от 9 июля 2025 г. № 467 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://www.garant.ru.
4. О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации: федер. закон от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://www.garant.ru.
5. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: федер. закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://www.garant.ru.
6. О внесении изменения в статью 18.1 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» в части установления запрета на привлечение иностранных граждан к трудовой деятельности по отдельным видам экономической деятельности: законопроект № 1271595-8 // Официальный сайт Государственной Думы. URL: http://duma.gov.ru.
7. Об утверждении состава сведений, предоставляемых органами и организациями для включения в государственный информационный ресурс «Цифровой профиль иностранного гражданина», Правил формирования и ведения государственного информационного ресурса «Цифровой профиль иностранного гражданина», а также Правил доступа к сведениям, содержащимся в государственном информационном ресурсе «Цифровой профиль иностранного гражданина»: Постановление Правительства РФ от 12 июня 2026 г. № 735 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://www.garant.ru.
8. Прудникова Т.А. Особенности административно-правового регулирования миграционного учета в Российской Федерации на современном этапе // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 158–161.

Transformation of Russia's Migration Legislation: Formation of Regional Governance Mechanisms

Andrei V. Korovin

Postgraduate Student,
Moscow University of Finance and Law,
115191, 17, Bol'shaya Tul'skaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: shetabear11@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of the key directions of the transformation of the migration legislation of the Russian Federation in 2026, including the institutional and legal mechanisms associated with the creation of the state information resource "Digital Profile of a Foreign Citizen," the increase of state fees, the modernization of the medical examination system, the expansion of the powers of the constituent entities of the Russian Federation in the sphere of labor migration, as well as the introduction of additional financial guarantees and liability measures. Also, on the basis of the conducted analysis, conclusions are drawn regarding the formation of a multi-level model of migration process management in the modern legal field, combining the centralization of records, economic filters, and regional flexibility.

For citation

Korovin A.V. (2026) Transformatsiya migratsionnogo zakonodatel'stva Rossii: formirovanie regional'nykh mekhanizmov upravleniya [Transformation of Russia's Migration Legislation: Formation of Regional Governance Mechanisms]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (9A), pp. 152-158. DOI: 10.34670/AR.2026.49.64.020

Keywords

Migration legislation, digital profile of a foreign citizen, state fees, medical examination, regional quotas, labor migration, highly qualified specialists, citizenship of the Russian Federation, risk management, state policy.

References

1. Babkina, O.A., Svetlichnaya, D.D., Shaulina, A.V., & Chernov, Yu.I. (2022). Migratsionnyy uchet v Rossii: teoretiko-prakticheskie voprosy sovershenstvovaniya [Migration Registration in Russia: Theoretical and Practical Issues of Improvement]. *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal*, (3(166)), 107–109.
2. Krasnoperov, E.O. (2024). Administrativno-pravovoe regulirovanie migratsionnykh protsessov na territorii Rossii [Administrative and Legal Regulation of Migration Processes on the Territory of Russia]. *Voprosy prirodopol'zovaniya*, (3), 54–59.
3. *O gosudarstvennom informatsionnom resurse "Tsifrovoy profil' inostrannogo grazhdanina"* [On the State Information Resource "Digital Profile of a Foreign Citizen"]. (2025). Decree of the President of the RF No. 467 of 09.07.2025. Retrieved from https://www.garant.ru
4. *O migratsionnom uchete inostrannykh grazhdan i lits bez grazhdanstva v Rossiyskoy Federatsii* [On Migration Registration of Foreign Citizens and Stateless Persons in the Russian Federation]. (2006). Federal Law No. 109-FZ of 18.07.2006. Retrieved from https://www.garant.ru
5. *O pravovom polozhenii inostrannykh grazhdan v Rossiyskoy Federatsii* [On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation]. (2002). Federal Law No. 115-FZ of 25.07.2002. Retrieved from https://www.garant.ru
6. *O vnesenii izmeneniya v stat'yu 18.1 Federal'nogo zakona "O pravovom polozhenii inostrannykh grazhdan v Rossiyskoy Federatsii" v chasti ustanovleniya zapreta na privlechenie inostrannykh grazhdan k trudovoy deyatel'nosti po otdel'nym vidam ekonomicheskoy deyatel'nosti* [On Amending Article 18.1 of the Federal Law "On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation" Regarding the Establishment of a Prohibition on the Engagement of Foreign Citizens in Labor Activity in Certain Types of Economic Activity]. (2026) Draft Law No. 1271595-8. Retrieved from http://duma.gov.ru
7. *Ob utverzhdenii sostava svedeniy, predostavlyaemykh organami i organizatsiyami dlya vklyucheniya v gosudarstvennyy informatsionnyy resurs "Tsifrovoy profil' inostrannogo grazhdanina", Pravil formirovaniya i vedeniya gosudarstvennogo informatsionnogo resursa "Tsifrovoy profil' inostrannogo grazhdanina", a takzhe Pravil dostupa k svedeniyam, soderzhashchimsya v gosudarstvennom informatsionnom resurse "Tsifrovoy profil' inostrannogo grazhdanina"* [On Approval of the Composition of Information Provided by Bodies and Organizations for Inclusion in the State Information Resource "Digital Profile of a Foreign Citizen," the Rules for the Formation and Maintenance of the State Information Resource "Digital Profile of a Foreign Citizen," as well as the Rules for Access to Information

Contained in the State Information Resource "Digital Profile of a Foreign Citizen"]. (2026) Resolution of the Government of the RF No. 735 of 12.06.2026. Retrieved from https://www.garant.ru

8. Prudnikova, T.A. (2024). Osobennosti administrativno-pravovogo regulirovaniya migratsionnogo ucheta v Rossiyskoy Federatsii na sovremennom etape [Features of Administrative and Legal Regulation of Migration Registration in the Russian Federation at the Present Stage]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, (2), 158–161.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 351.853 **DOI: 10.34670/AR.2026.96.16.021**

Правовой режим объектов культурного наследия: конфликт интересов и поиск компромиссов

Кузнецова Анастасия Андреевна

Соискатель ученой степени кандидата наук,
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
644077, Российская Федерация, Омск, просп. Мира, 55-а;
e-mail: nastuhsa92@mail.ru

Аннотация

В статье анализируется противоречие между правом граждан на доступ к объектам культурного наследия и интересами их собственников. Рассмотрены ключевые проблемы: правовые коллизии, неопределенность регулирования и недостаток прозрачности информации. Предложены решения — проведение историко-культурной экспертизы при планировании застройки, создание единой информационной платформы о доступе к объектам и унификация правил посещения. Показано, как эти меры помогут сбалансировать интересы сторон и обеспечить сохранность культурного наследия при его доступности для общества.

Для цитирования в научных исследованиях

Кузнецова А.А. Правовой режим объектов культурного наследия: конфликт интересов и поиск компромиссов // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 9А. С. 159-164. DOI: 10.34670/AR.2026.96.16.021

Ключевые слова

Культурное наследие, доступ граждан, интересы собственников, правовые коллизии, историко-культурная экспертиза, сохранение наследия, регулирование использования, информационная платформа, баланс интересов, государственная политика.

Введение

В современных условиях сохранение культурного наследия сопряжено с рядом проблем, расположенных на стыке публичных и частных интересов. Охрана историко-культурной значимости данных объектов сталкивается с попытками вовлечь их в текущую хозяйственную деятельность, что порождает сложные юридические и практические коллизии. Исследование вопросов доступа граждан к культурным ценностям, режима эксплуатации объектов их владельцами и согласования соответствующих запросов нуждаются в выработке сбалансированных подходов. Рассмотрим ключевые проблемы в данной сфере и обозначим возможные пути их преодоления.

Первое, что видется необходимым рассмотреть – это проблему соотношения прав граждан на доступ к объектам культурного наследия и возможности их современного использования собственником. В целях баланса интересов обеих сторон, законодатель установил компромиссный правовой режим в статье 47.4 Федерального закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». Согласно данной норме, доступ к исследуемым объектам не должен делать невозможным его текущее использование владельцем. Она отражает попытку сбалансировать публичный интерес в сохранении и популяризации культурного достояния и частный интерес в эксплуатации имущества, однако на практике достижение такого баланса нередко оказывается затруднительным.

Основная часть

Противоречие на начальном этапе коренится в противоположной направленности интересов субъектов исследуемых правоотношений. Владелец недвижимости, вводимой в коммерческий оборот (эксплуатация строения как офисного центра, коворкинга и т.д.), стремится провести необходимую реконструкцию помещений, обустроить для комфортного ведения хозяйственной деятельности. В качестве иллюстрации следует привести определение Санкт-Петербургского городского суда по апелляционной жалобе КГИОП на решение Смольнинского районного суда по гражданскому делу № 2-3377/2022 [Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда по делу № 2-3377/2022, 2023], где спор возник из-за монтажа двух наружных блоков кондиционирования на фасаде здания, отнесенного к выявленным объектам культурного наследия («Дом Е. Тимофеева»). Профильный комитет настаивал на демонтаже климатического оборудования и взыскании неустойки за отказ от выполнения предписания.

Собственник устанавливает регламент посещения объекта, исходя из непрерывности хозяйственной деятельности, норм безопасности и эксплуатационного порядка. Граждане, ссылаясь на статью 44 Конституции РФ, требуют доступности объектов культурного наследия. Они считают эти объекты национальным достоянием, открытым для просвещения, образования и отдыха [Янович, 2016]. Правовая неопределенность норм в данном вопросе порождает споры между сторонами [Кудряшева, 2020].

С 1 марта 2026 года вступил в силу закон, скорректировавший порядок застройки территорий, отнесенных к объектам культурного наследия. Земельные участки в границах исследуемых объектов регулируются градостроительным регламентом. Муниципальные власти обязаны актуализировать Правила землепользования и застройки (далее - ПЗЗ). Указанные правила определяют разрешенные виды использования участков и лимитирующие параметры: этажность, долю застройки, расстояние от границ участка. Важно подчеркнуть, что и приоритет

сохранения объектов культурного наследия, закрепленный Федеральным законом № 73-ФЗ, сохраняется. Параметры, установленные в ПЗЗ, нередко вступают в противоречие с исторически сложившимися и физическими характеристиками объекта культурного наследия. В результате проекты приспособления объектов культурного наследия (музеи, кафе и т. д.) рискуют получить отказ в согласовании, что снижает доступность объектов из-за нехватки инвестиций в инфраструктуру (пандусы, навигация и т. п.).

Барьеры для реализации законодательно закрепленного права на доступ связаны и с нехваткой информационной открытости. Сведения о режиме работы объектов, порядке осмотра и действующих ограничениях (в том числе из-за противоаварийных работ) отрывочны, а единая цифровая платформа для их сбора не создана. Уведомления о временном закрытии доступа (например, по соображениям безопасности - как с Дзивгисской крепостью после инцидента [Дзивгисскую крепость в Северной Осетии огородили забором после падения туриста со стены, 2020]) доходят до граждан с опозданием и в неудобной форме.

Как справедливо отмечает, Д. С. Букина одних законодательных предписаний для фактического обеспечения доступа недостаточно. Нужна целенаправленная работа по созданию инфраструктуры, включая цифровые средства для накопления и распространения сведений об объектах культурного наследия [Букина, 2024].

Пункт 5 статьи 47.4 Федерального закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ задает основу нормативного регулирования доступа к объектам культурного наследия, которые используются в религиозных целях. Норма носит компромиссный характер: порядок доступа устанавливается с учетом внутренних регламентов религиозной организации (включая дресс-код и правила поведения), но при условии их не противоречия законодательству РФ. На практике же возникает коллизия между конституционным правом граждан на доступ к культурным ценностям (ст. 44 Конституции РФ) и автономией религиозной общины, стремящейся сохранить собственные традиции. Формально законные требования организации создают барьеры для посетителей, так как отсутствуют унифицированные и прозрачные критерии их применения. Указанное порождает субъективизм и вариативность. Некоторые граждане считают такие ограничения дискриминационными, даже если те юридически обоснованны. Прецеденты массовы: в разных субъектах РФ ежегодно фиксируются жалобы на отказ в доступе в храмы из-за брюк, отсутствия головного убора, футболок и т.д [Архиепископ Лонгин пообещал помочь старушке, которую не пускают в церковь в брюках, 2010].

Разрешение коллизий между нормами градостроительного законодательства и задачами сохранения объектов культурного наследия требует корректировки нормативно-правовой базы. В Градостроительный кодекс РФ нужно внести положение об обязательном проведении историко-культурной экспертизы при актуализации Правил землепользования и застройки (ПЗЗ) на территориях с локализованными ОКН. Данная экспертиза устанавливает соответствие проектируемых параметров (высотные отметки застройки, показатели плотности, отступы от границ участков) историко-культурной значимости объекта и характеристикам сложившегося архитектурного окружения. В статью 47.4 Федерального закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ требуется включить механизм, определяющий порядок согласования градостроительных регламентов при обязательном участии уполномоченных органов в сфере охраны культурного наследия. Такой порядок предотвращает ситуации, когда параметры ПЗЗ противоречат физическим и историческим особенностям памятника. Востребованной также является разработка и интеграция в ФЗ № 73-ФЗ методики с критериями оценки допустимых отклонений от градостроительных нормативов при адаптации объекта культурного наследия к современным условиям эксплуатации. Методика должна учитывать уникальные свойства объекта, предмет

его охраны и потенциал приспособления к новым функциональным задачам.

Фрагментарность данных о режиме доступа к объектам культурного наследия может быть устранима через единую государственную информационную систему. Она должна консолидировать сведения об их доступности. На платформе должны быть опубликованы обновляемые данные: расписание работы учреждений, регламент посещения (включая ограничения из-за противоаварийных работ), уведомления о временном закрытии с указанием причин и сроков, правила поведения и требования к одежде для объектов религиозного назначения. В Федеральный закон № 73-ФЗ также должны быть внесены поправки, которые обяжут собственников и пользователей объектов культурного наследия оперативно передавать информацию о доступе на указанном ресурсе и на сайтах структур, уполномоченных в сфере охраны наследия. Законодательно требуется закрепить обязанность муниципальных органов информировать граждан о предстоящих изменениях правил землепользования и застройки, затрагивающих территории объектов культурного наследия, и проводить по этим вопросам публичные слушания.

Статья 44 Конституции РФ гарантирует каждому право на приобщение к культурным ценностям, но религиозные объединения сами решают, как допускать людей к культовым памятникам. Разрешить этот конфликт можно корректировкой пункта 5 статьи 47.4 Федерального закона № 73-ФЗ. Новая норма очертит границы ограничений на посещение религиозных памятников, в том числе введет прямой запрет на дискриминацию по полу, национальности или социальному статусу. Унифицированные правила осмотра таких объектов, согласованные с руководством общин и госорганами охраны памятников, выглядят разумной мерой. В данных правилах должны быть прописаны требования к внешнему виду и поведению посетителей, закреплены часы экскурсионного доступа, свободные от богослужений, гарантии посещаемости для людей с инвалидностью. Последним шагом предлагается внести в Закон № 73-ФЗ норму о досудебном урегулировании споров в доступе к религиозным объектам с обязательным участием представителей Министерства культуры, религиозных общин и гражданского общества. Эти предложения удержат баланс между правами собственников, интересами граждан и задачами государства по сохранению достояния при его открытом и рациональном использовании.

Заключение

В заключение следует отметить, что проблема соотношения права граждан на доступ к объектам культурного наследия и интересов их собственников отражает противоречие между публичными и частными интересами. Споры порождает юридическая неопределенность. Межотраслевые рассогласования мешают адаптировать объекты культурного наследия к современному использованию их владельцами. Право на посещение упирается в неполноту информационных ресурсов. Реализация предложенных мер позволит сбалансировать интересы сторон и гарантировать сохранность культурного наследия при обеспечении реального доступа граждан к национальным ценностям.

Библиография

1. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда по делу № 2-3377/2022 от 26.09.2023 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации: сайт. URL: https://www.zakonrf.info/gorsud/doc-912695da-374a-518e-87ad-bdbf4913ef92/.
2. Архиепископ Лонгин пообещал помочь старушке, которую не пускают в церковь в брюках // Комсомольская

правда: сайт. 2010. 17 мая. URL: https://www.kp.ru/daily/24492/647413/.
3. Букина Д.С. Реализация конституционного права граждан на доступ к объектам культурного наследия // Вестник магистратуры. 2024. № 4-1 (151). С. 39–41.
4. Градостроительный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2004 № 190-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22.12.2004: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 24.12.2004 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 16.
5. Дзивгисскую крепость в Северной Осетии огородили забором после падения туриста со стены // RU-BEZH: интернет-издание. 2020. 20 июля. URL: https://ru-bezh.ru/kompanii-i-ryinki/news/26/07/20/pamyatniki-krasnoyarskogo-kraya-prevratili-v-tsifrovye-3d-modeli.
6. Кудряшева Е.Д. Конституционное право на доступ к культурным ценностям в системе культурных прав человека и гражданина в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2020. С. 6–8.
7. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: федер. закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24.05.2002: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 14.06.2002 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 26. Ст. 2519.
8. О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: федер. закон от 31.07.2025 № 295-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 18.07.2025: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 25.07.2025 // Российская газета. 2025. 04 авг.
9. Янович М.В. Конституционное право на доступ к объектам культурного наследия в Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Архангельск, 2016. 26 с.

The Legal Regime of Cultural Heritage Objects: Conflict of Interests and the Search for Compromises

Anastasiya A. Kuznetsova

Candidate for the Degree of PhD,
Dostoevsky Omsk State University,
644077, 55-a, Mira ave., Omsk, Russian Federation;
e-mail: nastuhsa92@mail.ru

Abstract

The article analyzes the contradiction between citizens' right of access to cultural heritage objects and the interests of their owners. Key problems are considered: legal collisions, regulatory uncertainty, and insufficient transparency of information. Solutions are proposed: conducting historical-cultural expertise in urban development planning, creating a unified information platform on access to objects, and unifying visiting rules. It is shown how these measures will help balance the interests of the parties and ensure the preservation of cultural heritage while making it accessible to society.

For citation

Kuznetsova A.A. (2026) Pravovoy rezhim ob''ektov kul'turnogo naslediya: konflikt interesov i poisk kompromissov [The Legal Regime of Cultural Heritage Objects: Conflict of Interests and the Search for Compromises]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (9A), pp. 159-164. DOI: 10.34670/AR.2026.96.16.021

Keywords

Cultural heritage, citizens' access, owners' interests, legal collisions, historical-cultural expertise, heritage preservation, regulation of use, information platform, balance of interests, state policy.

References

1. *Apellyatsionnoe opredelenie Sankt-Peterburgskogo gorodskogo suda po delu No. 2-3377/2022 ot 26.09.2023* [Appeal Ruling of the St. Petersburg City Court in Case No. 2-3377/2022 of 26.09.2023]. (2023). Retrieved from https://www.zakonrf.info/gorsud/doc-912695da-374a-518e-87ad-bdbf4913ef92/
2. *Arkhiepiskop Longin poobeshchal pomoch' starushke, kotoruyu ne puskayut v tserkov' v bryukakh* [Archbishop Longin Promised to Help an Old Woman Who Is Not Allowed into Church in Trousers]. (2010, May 17). Komsomol'skaya pravda. Retrieved from https://www.kp.ru/daily/24492/647413/
3. Bukina, D.S. (2024). Realizatsiya konstitutsionnogo prava grazhdan na dostup k ob"ektam kul'turnogo naslediya [Implementation of the Constitutional Right of Citizens to Access Cultural Heritage Sites]. *Vestnik magistratury*, (4-1(151)), 39–41.
4. *Dzivgisskuyu krepost' v Severnoy Osetii ogorodili zaborom posle padeniya turista so steny* [The Dzivgis Fortress in North Ossetia Was Fenced Off After a Tourist Fell from the Wall]. (2020, July 20). RU-BEZH. Retrieved from https://ru-bezh.ru/kompanii-i-ryinki/news/26/07/20/pamyatniki-krasnoyarskogo-kraya-prevratili-v-tsifrovye-3d-modeli
5. *Gradostroitel'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii* [Urban Planning Code of the Russian Federation]. (2004). Federal Law No. 190-FZ of 29.12.2004. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, (1(Pt. 1)), Art. 16.
6. Kudryasheva, E.D. (2020). Konstitutsionnoe pravo na dostup k kul'turnym tsennostyam v sisteme kul'turnykh prav cheloveka i grazhdanina v Rossiyskoy Federatsii [Constitutional Right to Access Cultural Values in the System of Cultural Rights of a Person and Citizen in the Russian Federation]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, 6–8.
7. *Ob ob"ektakh kul'turnogo naslediya (pamyatnikakh istorii i kul'tury) narodov Rossiyskoy Federatsii* [On Objects of Cultural Heritage (Historical and Cultural Monuments) of the Peoples of the Russian Federation]. (2002). Federal Law No. 73-FZ of 25.06.2002. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, (26), Art. 2519.
8. *O vnesenii izmeneniy v Zemel'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii, otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii i priznanii utrativshimi silu otdel'nykh polozheniy zakonodatel'nykh aktov Rossiyskoy Federatsii* [On Amendments to the Land Code of the Russian Federation, Certain Legislative Acts of the Russian Federation and the Invalidation of Certain Provisions of Legislative Acts of the Russian Federation]. (2025). Federal Law No. 295-FZ of 31.07.2025. *Rossiyskaya gazeta*, 04 August.
9. Yanovich, M.V. (2016). *Konstitutsionnoe pravo na dostup k ob"ektam kul'turnogo naslediya v Rossiyskoy Federatsii* [Constitutional Right to Access Cultural Heritage Sites in the Russian Federation] (Abstract of Cand. Sci. (Law) thesis). Arkhangelsk, 26 p.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 349.2 **DOI: 10.34670/AR.2026.53.73.022**

Правовое регулирование персонального ассистента в контексте сокращения неоплачиваемого труда женщин: сравнительно-правовой анализ

Синика Елена Александровна

Аспирант,
Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко,
3300, Республика Молдова, Тирасполь, ул. 25 Октября, 128;
e-mail: tiraspol.a@bk.ru

Аннотация

Неоплачиваемый труд по уходу за детьми и взрослыми с инвалидностью преимущественно осуществляется женщинами, что ограничивает их возможности для трудоустройства, получения дохода и формирования пенсионных прав. В связи с этим правовое регулирование услуг персонального ассистента рассматривается как один из инструментов перераспределения обязанностей по уходу и сокращения гендерного неравенства. Целью исследования является выявление особенностей правового регулирования персонального ассистирования в Российской Федерации, Республике Беларусь, Республике Казахстан, Кыргызской Республике и Приднестровье, а также определение направлений совершенствования соответствующего законодательства. В результате сравнительно-правового анализа выделены три модели регулирования персональной помощи: компенсационно-трудовая, публично-сервисная и смешанная модель оплачиваемого ассистента, выбираемого семьёй. Обоснована двойственная правовая природа персонального ассистирования, сочетающая предоставление индивидуализированной социальной услуги с необходимостью определения правового статуса лица, осуществляющего уход. Установлено, что законодательство Приднестровья не содержит специальной нормативной основы для услуги персонального ассистента. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования выводов для совершенствования законодательства в сфере социальной защиты лиц с инвалидностью, обеспечения гендерного равенства и создания условий для совмещения семейных обязанностей с трудовой деятельностью.

Для цитирования в научных исследованиях

Синика Е.А. Правовое регулирование персонального ассистента в контексте сокращения неоплачиваемого труда женщин: сравнительно-правовой анализ // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 9А. С. 165-177. DOI: 10.34670/AR.2026.53.73.022

Ключевые слова

Неоплачиваемая работа по уходу, персональный ассистент, расширение прав и возможностей женщин, гендерное равенство, лица с инвалидностью, лица с семейными обязанностями, социальное обслуживание, долговременный уход, сравнительное правоведение, Приднестровье.

Введение

Проблема неоплачиваемой работы по уходу долгое время оставалась за пределами правового регулирования, поскольку традиционно рассматривалась как частное дело семьи. Между тем именно этот вид труда в наибольшей степени предопределяет фактическое неравенство женщин и мужчин в сфере занятости, доходов и пенсионного обеспечения. По оценкам Международной организации труда, в мире ежедневно затрачивается 16,4 млрд часов на неоплачиваемую работу по уходу, что эквивалентно ежедневному восьмичасовому труду двух миллиардов человек без вознаграждения; на долю женщин приходится 76,2 % этого объема, и они затрачивают на такую работу в 3,2 раза больше времени, чем мужчины [International Labour Office, 2018; Новости ООН, 2018]. Иными словами, неоплачиваемый уход – это не маргинальное явление, а масштабный сегмент общественно необходимого труда, юридически не признанного в качестве такового.

Наиболее остро проблема проявляется в семьях, где проживает ребенок или взрослый с тяжелой инвалидностью, нуждающийся в постоянном постороннем уходе. В таких семьях уход носит не временный, а пожизненный характер, его интенсивность нередко исчисляется десятками часов в неделю, а возможность передать хотя бы часть обязанностей другому лицу фактически отсутствует. Российские исследования, основанные на данных выборочного наблюдения Росстата, подтверждают, что интенсивный родственный уход (более 20 часов в неделю) существенно снижает вероятность занятости ухаживающего лица [Гришина, Цацура, 2020]. Поскольку функцию ухода в подавляющем большинстве случаев выполняют матери, проблема приобретает отчетливо выраженное гендерное измерение: женщина, лишенная возможности трудиться, лишается и самостоятельного дохода, и страхового стажа, и, в конечном счете, достойного пенсионного обеспечения. В отечественной литературе справедливо подчеркивается, что реализация права женщины на труд затрудняется уже тем, что именно на мать традиционно возлагается основная часть задач по уходу за ребенком [Швецова, 2022].

Основная часть

Прежде чем перейти к анализу, необходимо определить основные термины, используемые в статье. Неоплачиваемая работа по уходу – деятельность по непосредственному уходу за лицом, нуждающимся в посторонней помощи (кормление, гигиена, перемещение, присмотр), а также сопутствующая ей деятельность (приготовление пищи, уборка, сопровождение), осуществляемая членом семьи без денежного вознаграждения. Такое понимание соответствует подходу МОТ, разграничивающему прямой (личный, межличностный) и косвенный уход [International Labour Office, 2018].

Лицо, осуществляющее уход (неформальный, родственный уход), – член семьи или иное близкое лицо, систематически оказывающее помощь лицу с инвалидностью вне рамок трудовых или гражданско-правовых отношений. В российской доктрине для обозначения данной категории используется также понятие «лица, ухаживающие за родственниками» [Дзгоева, 2023].

Персональный ассистент (персональная помощь) – в понимании Комитета ООН по правам инвалидов - индивидуально ориентированная поддержка человека с инвалидностью, предоставляемая по его выбору и под его контролем, финансируемая с учетом индивидуальных

потребностей и направленная на обеспечение самостоятельного образа жизни [Комитет по правам инвалидов. Замечание общего порядка № 5 (2017), 2017]. В национальных правопорядках персональным ассистентом именуется лицо, оказывающее такую помощь на основании трудового или гражданско-правового договора, а услугой персонального ассистента – соответствующий вид социальной услуги.

В рамках настоящего исследования предлагается рассмотреть понятие персонального ассистента в двух взаимосвязанных значениях. Во-первых, как третье лицо, которое принимает на себя часть обязанностей по уходу и тем самым высвобождает время ухаживающей матери для трудовой деятельности. Во-вторых, как правовой статус самой женщины, которая постоянно ухаживает за ребенком или взрослым с инвалидностью, не имеет помощи и не может трудиться: признание за ней статуса персонального ассистента означает превращение невидимого неоплачиваемого труда в юридически признанную и оплачиваемую деятельность с включением ее периода в страховой стаж.

Расширение прав и возможностей женщин – категория, восходящая к Пекинской платформе действий и задаче 5 Целей устойчивого развития, – означает создание правовых, институциональных и экономических условий, при которых женщина способна самостоятельно определять свою жизненную траекторию, в том числе в сфере труда и дохода [Пекинская декларация и Платформа действий, 1995; Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, 2015].

Временный патронажный уход - кратковременное замещение лица, осуществляющего уход, специалистом или учреждением в целях предотвращения его физического и эмоционального истощения.

Международно-правовая основа исследуемой проблемы формируется на пересечении трех самостоятельных элементов регулировнаия: защиты прав женщин, защиты прав лиц с инвалидностью и регулирования труда работников с семейными обязанностями.

Первый элемент нормативного регулирования образует Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г. Статья 5 Конвенции обязывает государства принимать меры к изменению социальных и культурных моделей поведения, основанных на стереотипных ролях мужчин и женщин, и к признанию общей ответственности мужчин и женщин за воспитание детей. Особое значение для темы исследования имеет подпункт «c» пункта 2 статьи 11 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, обязывающий государства поощрять предоставление дополнительных социальных услуг, позволяющих родителям совмещать выполнение семейных обязанностей с трудовой деятельностью и участием в общественной жизни [Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, 1979].Услуга персонального ассистента является типичным примером именно такой дополнительной социальной услуги, она не заменяет семью, но создает для матери реальную возможность сохранить связь с рынком труда.

Второй элемент правового регулирования составляет Конвенция о правах инвалидов 2006 г. Статья 19 Конвенции о правах инвалидов закрепляет право всех лиц с инвалидностью жить в обычных условиях, с равными с другими людьми вариантами выбора, и прямо называет среди обеспечивающих это право мер доступ к услугам по месту жительства, включая персональную помощь. Подпункт «x» преамбулы Конвенции о правах инвалидов указывает, что семьи лиц с инвалидностью должны получать необходимую защиту и помощь, а подпункт «c» пункта 2 статьи 28 рассматриваемой Конвенции обязывает государства обеспечивать семьям, живущим в условиях бедности, доступ к помощи, связанной с инвалидностью, включая временный уход

(передышку) [Конвенция о правах инвалидов, 2006].

Принципиальное значение для толкования статьи 19 имеет Замечание общего порядка № 5 (2017) Комитета по правам инвалидов. Комитет определил персональную помощь как поддержку, которая должна финансироваться с учетом индивидуальных потребностей, находиться под контролем самого лица с инвалидностью (в том числе в части выбора ассистента) и строиться на принципе «один на один». Из такого толкования следует важный для темы исследования вывод: если государство не обеспечивает персональную помощь, ее функцию неизбежно выполняет семья, а с учетом приведенных данных МОТ – прежде всего женщины, вынужденные отказываться от оплачиваемой занятости [Комитет по правам инвалидов. Замечание общего порядка № 5 (2017), 2017; International Labour Office, 2018]. Тем самым развитие персональной помощи оказывается непосредственно связанным с обеспечением гендерного равенства.

Следует отметить еще один важный элемент правового регулирования, который непосредственно указывает на Конвенцию МОТ № 156 и Рекомендацию № 165 1981 г. о трудящихся с семейными обязанностями. Конвенция распространяет свое действие не только на работников, имеющих детей, но и на лиц, обязанности которых связаны с другими ближайшими членами семьи, явно нуждающимися в уходе или помощи, и обязывает государства развивать общинные службы по уходу [Конвенция № 156 о равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин, 1981; Рекомендация № 165 о равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин, 1981]. Российская Федерация является участницей Конвенции № 156, что дополнительно подчеркивает ее значение для государств постсоветского пространства, ориентирующихся на российскую правовую модель.

Программный уровень регулирования представлен Пекинской платформой действий 1995 г., призывающей учитывать неоплачиваемую работу в национальных счетах и обеспечивать совмещение семейных и профессиональных обязанностей, а также задачей 5.4 Целей устойчивого развития: признавать и ценить неоплачиваемую работу по уходу посредством предоставления государственных услуг, инфраструктуры и социальной защиты, а также поощрения совместной ответственности в семье [Пекинская декларация и Платформа действий, 1995; Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, 2015]. В докладе МОТ 2018 г. эта логика сформулирована в виде принципа «трех R» (recognize, reduce, redistribute) – признание, сокращение и перераспределение неоплачиваемого труда по уходу [International Labour Office, 2018].

Анализ указанных актов позволяет сделать вывод, что международные стандарты требуют от государства не просто выплаты компенсации лицу, осуществляющему уход, но и создания инфраструктуры услуг, которая позволила бы перераспределить часть ухода от семьи к обществу. Денежная выплата без услуги закрепляет женщину в роли бессрочного неоплачиваемого опекуна; услуга без признания труда ухаживающего лица оставляет без защиты тех, кто осуществляет уход самостоятельно. Оптимальная правовая модель, должна сочетать оба элемента.

В качестве методологической основы исследования использован сравнительно-правовой метод, предполагающий анализ законодательства Российской Федерации, Республики Беларусь, Республики Казахстан и Кыргызской Республики и Приднестровье. Указанные государства являются участницами Конвенции о правах инвалидов. Это позволяет выявить общие закономерности и национальные особенности правового регулирования, сопоставить

используемые законодательные механизмы и определить возможные направления совершенствования соответствующего правового регулирования.

Конституция Российской Федерации закрепляет принцип социального государства (ст. 7), равенство прав и свобод независимо от пола (ст. 19), защиту семьи, материнства и детства (ст. 38) и гарантирует социальное обеспечение в случае инвалидности (ст. 39) [Конституция Российской Федерации, 1993]. Конвенция о правах инвалидов ратифицирована Федеральным законом от 3 мая 2012 г. № 46-ФЗ [14].

Вместе с тем на федеральном уровне самостоятельная услуга персонального ассистента не закреплена. Функционально близкие механизмы рассредоточены по нескольким актам. Федеральный закон «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» предусматривает социальное обслуживание на дому и социальное сопровождение [Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации, 2013]; Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» дополнен нормами о сопровождаемом проживании инвалидов [О социальной защите инвалидов в Российской Федерации, 1995]. С 2020-х гг. в субъектах Российской Федерации внедряется система долговременного ухода, параметры которой ежегодно определяются типовой моделью, утверждаемой приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации; в 2025 г. действовала модель, утвержденная приказом от 27 декабря 2024 г. № 732 [О реализации в Российской Федерации в 2025 году Типовой модели системы долговременного ухода, 2024]. Однако эта система ориентирована преимущественно на граждан пожилого возраста и взрослых инвалидов и не рассчитана на детей с тяжелыми нарушениями развития.

Основным инструментом поддержки ухаживающих лиц в России остается ежемесячная выплата, установленная Указом Президента Российской Федерации от 26 февраля 2013 г. № 175 [О ежемесячных выплатах лицам, осуществляющим уход за детьми-инвалидами и инвалидами с детства I группы, 2013]. Ее правовой режим в последние годы существенно изменился именно в направлении, значимом для гендерного равенства. Так, с 1 января 2024 г. право на выплату сохраняют родители и опекуны, работающие на условиях неполного рабочего времени, в том числе дистанционно или на дому [С 1 января 2024 года родители детей с инвалидностью смогут одновременно работать и получать выплаты по уходу, 2024], а Указом от 29 декабря 2024 г. № 1125 выплата в размере 10 000 руб. распространена на всех трудоспособных лиц, осуществляющих уход, с ежегодной индексацией [Указ Президента Российской Федерации от 29 декабря 2024 г. № 1125, 2024]. Трудовое законодательство дополнительно предоставляет одному из родителей ребенка-инвалида право на неполное рабочее время и четыре дополнительных оплачиваемых выходных дня в месяц (ст. 93, 262 Трудового кодекса Российской Федерации) [Трудовой кодекс Российской Федерации, 2001].

Таким образом, российская модель условно может быть названа компенсационно-трудовой. Данная правовая модель поддерживает совмещение ухода и работы, но не предусматривает услуги, которая физически освобождала бы мать от ухода на время ее трудовой деятельности. В доктрине обоснованно указывается на хаотичность реформ в данной сфере и предлагается наделить лиц, осуществляющих уход за родственниками, статусом социальных работников, поднять размер выплат до минимального размера оплаты труда и устранить неоправданную дифференциацию выплат в зависимости от категории лица, нуждающегося в уходе [Дзгоева, 2023]. Отмечается и общая тенденция трансформации правового статуса инвалида от медицинской модели к модели социальной интеграции [Соловьева, 2025].

Белорусский законодатель пошел по пути прямого закрепления услуги персонального

ассистента в системе социального обслуживания. Закон Республики Беларусь от 30 июня 2022 г. № 183-З «О правах инвалидов и их социальной интеграции», вступивший в силу 6 января 2023 г., интегрировал положения Конвенции о правах инвалидов и внес изменения в Закон «О социальном обслуживании», которыми введен новый вид социальной услуги – услуга персонального ассистента [О правах инвалидов и их социальной интеграции, 2022; О социальном обслуживании, 2000]. Нормативы ее предоставления содержатся в Перечне социальных услуг, утвержденном постановлением Совета Министров от 27 декабря 2012 г. № 1218, который является минимальным социальным стандартом в области социального обслуживания; в 2024 г. Перечень скорректирован постановлением № 435 [О некоторых вопросах оказания социальных услуг, 2012; Минтруд о корректировке постановления по вопросам предоставления социальных услуг, 2024].

Содержательно белорусская услуга включает информационную поддержку, содействие в освоении технических средств реабилитации, организацию дневной занятости вне дома, сопровождение, а также содействие при трудоустройстве; оказывается она специалистом по социальной работе территориального центра социального обслуживания населения в объеме, дифференцированном в зависимости от ограничений жизнедеятельности и семейного положения получателя. Важно, что объем услуги поставлен в зависимость от того, проживает ли инвалид совместно с трудоспособными родственниками.

Белорусскую модель можно квалифицировать как услугу – публично-сервисную, в которой ассистент является работником государственного учреждения, а услуга входит в гарантированный государством минимальный социальный стандарт. Ее достоинство состоит в том, что институциональная устойчивость и бюджетная обеспеченность. Вместе с тем соответствующее регулирование ориентировано преимущественно на обеспечение интеграции самого лица с инвалидностью, тогда как потребность в высвобождении времени члена семьи, осуществляющего уход, учитывается лишь косвенно, что обусловлено ограниченным объёмом предусмотренных временных нормативов.

В Республике Казахстан предусмотрен аналогичный правовой институт, реализуемый посредством оказания услуги индивидуального помощника. Его нормативное закрепление осуществляется на уровне кодифицированного законодательного акта – Социального кодекса Республики Казахстан от 20 апреля 2023 г. № 224-VII. Согласно статье 163 обозначенного выше Кодекса услуги индивидуального помощника предоставляются лицам с инвалидностью первой группы, имеющим затруднение в передвижении, из расчета не более восьми часов в день. Помощник действует на основании гражданско-правового договора; к нему предъявляются требования о совершеннолетии, отсутствии учета в организациях в области психического здоровья и др. При этом ограничение по пенсионному возрасту не применяется, если помощником является близкий родственник или супруг (супруга) [Социальный кодекс Республики Казахстан, 2023]. Порядок предоставления и оплаты услуги детализирован в Правилах, утвержденных приказом Министра труда и социальной защиты населения от 30 июня 2023 г. № 288 [Об утверждении Правил предоставления услуг индивидуального помощника для лиц с инвалидностью первой группы, 2023].

С позиции настоящего исследования ключевое значение имеет то обстоятельство, что Казахстанское законодательство допускает выполнение функций индивидуального помощника близким родственником, то есть фактически признает родственный уход оплачиваемой деятельностью. Одновременно Кодекс устанавливает правило о недопустимости совмещения: услуги индивидуального помощника не предоставляются при назначении государственного

пособия лицу, осуществляющему уход за тем же лицом с инвалидностью [Об утверждении Правил предоставления услуг индивидуального помощника для лиц с инвалидностью первой группы, 2023]. Тем самым законодатель исключает двойное финансирование одного и того же ухода. Недостатком модели является узкий круг получателей, в который входят дети с инвалидностью и лица с интеллектуальными нарушениями, не имеющие затруднений в передвижении, в него не входят.

В Кыргызской Республике сформирована правовая модель персонального ассистирования, наиболее близкая к концепции персонального ассистента, рассматриваемой в настоящем исследовании. Данный институт был впервые введён постановлением Правительства Кыргызской Республики от 23 ноября 2018 г. № 556 и изначально ориентировался на оказание поддержки родителям детей с ограниченными возможностями здоровья, нуждающихся в постоянном постороннем уходе. В настоящее время правовую основу предоставления соответствующей услуги составляют статья 16 Закона Кыргызской Республики от 8 августа 2025 г. «О правах и гарантиях лиц с инвалидностью», а также Положение, утверждённое постановлением Кабинета Министров Кыргызской Республики от 3 августа 2026 г. № 521 [О правах и гарантиях лиц с инвалидностью, 2025; Об условиях оплаты услуг персонального ассистента ребенка с инвалидностью, 2026]. Персональным ассистентом может быть родитель, законный представитель, близкий родственник либо иное лицо, выбранное семьей; услуга предоставляется ребенку с инвалидностью или лицу с инвалидностью с детства I группы, нуждающемуся в постоянном постороннем уходе и надзоре, и оплачивается из республиканского бюджета. С 1 сентября 2026 г. оплата производится в полном размере за каждого подопечного, в том числе при уходе за несколькими лицами в одной семье, а услуга предоставляется независимо от дохода семьи [Об условиях оплаты услуг персонального ассистента ребенка с инвалидностью, 2026; Персональным ассистентам в КР будут платить полную сумму за каждого подопечного, 2026].

Таким образом, законодатель Кыргызской Республике прямо признал уход матери за ребенком с тяжелой инвалидностью оплачиваемой деятельностью, сохранив за семьей право выбора – осуществлять уход самостоятельно или поручить его другому лицу.

Результаты сравнительно-правового анализа позволяют выделить три основные модели правового регулирования отношений, связанных с осуществлением ухода: компенсационно-трудовую, характерную для Российской Федерации; публично-сервисную, реализуемую в Республике Беларусь; и смешанную модель, основанную на возможности выбора семьёй оплачиваемого ассистента, представленную в Республике Казахстан и наиболее последовательно развитую в Кыргызской Республике.

С позиции сокращения объёма неоплачиваемого труда женщин наибольший потенциал имеет смешанная модель, поскольку она предусматривает два взаимодополняющих механизма: перераспределение обязанностей по уходу посредством привлечения стороннего ассистента и признание экономической значимости такого труда путём его материального вознаграждения в случае, когда соответствующие функции выполняет мать. Вместе с тем отдельные элементы российской модели, в частности сохранение выплат при осуществлении трудовой деятельности на условиях неполной занятости и предоставление трудовых гарантий работникам, имеющим семейные обязанности, могут рассматриваться в качестве значимых дополнительных инструментов совершенствования правового регулирования.

Конституционную основу исследуемых отношений в Приднестровье образуют положения о равенстве прав и свобод человека и гражданина независимо от пола (ст. 17 Конституции), а также о государственной защите семьи, материнства и детства и праве на социальное

обеспечение [Конституция Приднестровской Молдавской Республики, 1995]. Отраслевой основой являются Закон Приднестровья от 26 июня 2006 г. № 51-З-IV «О социальной защите инвалидов» и Трудовой кодекс Приднестровья [О социальной защите инвалидов, 2006; Трудовой кодекс Приднестровской Молдавской Республики, 2002].

Закон Приднестровья «О социальной защите инвалидов» определяет социальную защиту инвалидов как систему гарантированных государством экономических, социальных и правовых мер, обеспечивающих инвалидам условия для преодоления, замещения (компенсации) ограничений жизнедеятельности и направленных на создание им равных с другими гражданами возможностей участия в жизни общества [О социальной защите инвалидов, 2006;]. По результатам проведённого анализа установлено, что действующее законодательство Приднестровья, включая законы и подзаконные нормативные правовые акты, не предусматривает нормативного закрепления понятий «персональный ассистент» и «услуга персонального ассистента», а также не регламентирует порядок предоставления и финансирования соответствующей услуги.

Трудовой кодекс Приднестровья содержит общие гарантии для работников с семейными обязанностями [Трудовой кодекс Приднестровской Молдавской Республики, 2002], однако эти гарантии адресованы лицам, уже состоящим в трудовых отношениях. Для матери ребенка с тяжелой инвалидностью, нуждающегося в круглосуточном присмотре, они, как правило, недостижимы: невозможно воспользоваться неполным рабочим днем, если на время работы ребенка не с кем оставить. В результате женщина вынуждена полностью выйти из сферы оплачиваемого труда, а ее деятельность по уходу, будучи общественно необходимой, остается юридически невидимой.

Заключение

Проведённый анализ позволяет выделить ряд системных проблем нормативно-правового регулирования отношений, связанных с предоставлением персональной помощи лицам с инвалидностью и организацией ухода за ними в Приднестровье.

Во-первых, выявлен пробел в правовом регулировании. Несмотря на объективную потребность лиц с инвалидностью, нуждающихся в постоянном постороннем уходе, в индивидуализированной помощи, действующее законодательство не предусматривает самостоятельного правового института персонального ассистирования. Отсутствие нормативно закреплённых понятий, оснований предоставления соответствующей услуги, порядка её организации и финансирования препятствует формированию устойчивого механизма реализации потребностей указанных лиц и поддержки членов их семей.

Во-вторых, отсутствует специальный правовой статус лица, осуществляющего постоянный уход. Член семьи, фактически выполняющий функции по уходу за ребёнком или взрослым с инвалидностью, не приобретает в силу одного лишь осуществления такой деятельности статуса работника либо поставщика социальной услуги. При отсутствии специального правового механизма выполнение соответствующих обязанностей само по себе не обеспечивает возникновения права на вознаграждение, а также не гарантирует учёта периода ухода при формировании пенсионных прав. Подобная ситуация имеет выраженное гендерное измерение, поскольку обязанности по уходу во многих случаях возлагаются на женщин и ограничивают их возможности для трудоустройства, профессионального развития и экономической самостоятельности. Следовательно, формально нейтральное правовое регулирование может приводить к фактическому неравенству, что обусловливает необходимость оценки его

последствий с позиций принципа равенства и недопустимости дискриминации.

В-третьих, нормативно не определены критерии нуждаемости и параметры предоставления персональной помощи. Отсутствие закреплённых критериев, учитывающих степень ограничения жизнедеятельности, потребность в постоянной посторонней помощи и индивидуальные обстоятельства заявителя, затрудняет объективное определение круга получателей услуги и необходимого объёма поддержки. Это также создаёт риски неодинакового применения соответствующих мер и осложняет планирование бюджетных расходов, распределение финансовых ресурсов и контроль за их целевым использованием.

В-четвёртых, отсутствует специальный механизм финансирования услуги персонального ассистента. Непредусмотренность соответствующей услуги в системе государственных расходных обязательств не позволяет обеспечить гарантированное и непрерывное предоставление помощи на устойчивой нормативно-финансовой основе. В результате реализация подобных инициатив может зависеть от привлечения средств международных организаций, доноров и иных внебюджетных источников.

Устранение выявленных проблем предполагает формирование комплексной нормативной основы персонального ассистирования. В качестве возможных законодательных решений могут рассматриваться внесение изменений и дополнений в Закон Приднестровья «О социальной защите инвалидов» либо принятие отдельного нормативного правового акта, специально регулирующего предоставление соответствующей услуги. С учётом необходимости согласования правового статуса получателей и ассистентов, оснований предоставления помощи, финансовых гарантий и процедурных механизмов представляется целесообразным закрепить основные положения непосредственно в Законе «О социальной защите инвалидов», предусмотрев делегирование Правительству полномочий по установлению детального порядка предоставления и оплаты услуги.

Такой подход позволит обеспечить законодательную определённость в отношении содержания услуги, круга её получателей и основных гарантий, одновременно сохранив возможность более гибкого регулирования организационных и финансовых вопросов на подзаконном уровне.

В качестве дополнительного направления совершенствования регулирования следует рассмотреть возможность поэтапного внедрения услуги.

Библиография

1. Гришина Е.Е., Цацура Е.А. Влияние родственного ухода на занятость, здоровье и материальное положение ухаживающих // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7, № 2. DOI: 10.17323/demreview.v7i2.11142.
2. Дзгоева Ф.О. Некоторые этические и правовые вызовы при построении эффективной системы долговременного ухода // Lex russica. 2023. Т. 76, № 2. С. 134–144. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.195.2.134-144.
3. Каждый день люди по всему миру тратят 16,4 миллиарда часов на неоплачиваемый уход за детьми и стариками: [новостное сообщение о докладе МОТ] // Новости ООН. 2018. 28 июня. URL: https://news.un.org/ru/story/2018/06/1333522.
4. Комитет по правам инвалидов. Замечание общего порядка № 5 (2017) о самостоятельном образе жизни и вовлеченности в местное сообщество: CRPD/C/GC/5 от 27 октября 2017 г. // Официальный сайт УВКПЧ ООН. URL: https://www.ohchr.org/ru/treaty-bodies/crpd.
5. Конвенция № 156 о равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин: трудящиеся с семейными обязанностями: принята 23 июня 1981 г. на 67-й сессии Генеральной конференции МОТ // Официальный сайт Международной организации труда. URL: https://www.ilo.org.
6. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин: принята резолюцией 34/180 Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 1979 г. // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml.
7. Конвенция о правах инвалидов: принята резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи ООН от 13 декабря 2006 г.

// Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml.
8. Конституция Приднестровской Молдавской Республики, принятая на всенародном референдуме 24 декабря 1995 года и подписанная Президентом Приднестровской Молдавской Республики 17 января 1996 года (редакция по состоянию на 17.08.2024 г.). Тирасполь: Юридическая литература, 2024. 52 с.
9. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru.
10. Минтруд о корректировке постановления по вопросам предоставления социальных услуг: [аналитический материал о постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 19 июня 2024 г. № 435] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 2024. URL: https://pravo.by/novosti/analitika/2024/august/78460/.
11. О ежемесячных выплатах лицам, осуществляющим уход за детьми-инвалидами и инвалидами с детства I группы: Указ Президента Российской Федерации от 26 февраля 2013 г. № 175 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 9. Ст. 954.
12. О некоторых вопросах оказания социальных услуг: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 27 декабря 2012 г. № 1218 (с изм. и доп.) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: https://pravo.by.
13. О правах инвалидов и их социальной интеграции: Закон Республики Беларусь от 30 июня 2022 г. № 183-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: https://pravo.by.
14. О правах и гарантиях лиц с инвалидностью: Закон Кыргызской Республики от 8 августа 2025 г. // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. URL: https://cbd.minjust.gov.kg.
15. О ратификации Конвенции о правах инвалидов: Федеральный закон от 3 мая 2012 г. № 46-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 19. Ст. 2280.
16. О реализации в Российской Федерации в 2025 году Типовой модели системы долговременного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами, нуждающимися в уходе: приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 27 декабря 2024 г. № 732 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru.
17. О социальной защите инвалидов: Закон Приднестровья от 26 июня 2006 г. № 51-З-IV (САЗ 06-27) // Официальный сайт Верховного Совета Приднестровья. URL: https://vspmr.org/legislation/laws/.
18. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ (ред. действующая) // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/.
19. О социальном обслуживании: Закон Республики Беларусь от 22 мая 2000 г. № 395-З (с изм. и доп.) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: https://pravo.by.
20. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ (ред. действующая) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru.
21. Об утверждении Правил предоставления услуг индивидуального помощника для лиц с инвалидностью первой группы, имеющих затруднение в передвижении, в соответствии с индивидуальной программой абилитации и реабилитации лица с инвалидностью: приказ Министра труда и социальной защиты населения Республики Казахстан от 30 июня 2023 г. № 288 // Эталонный контрольный банк нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2300032994.
22. Об условиях оплаты услуг персонального ассистента ребенка с инвалидностью и (или) лица с инвалидностью с детства I группы (старше 18 лет), нуждающегося в постоянном постороннем уходе и надзоре: постановление Кабинета Министров Кыргызской Республики от 3 августа 2026 г. № 521 // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. URL: https://cbd.minjust.gov.kg.
23. Пекинская декларация и Платформа действий: приняты на Четвертой всемирной конференции по положению женщин (Пекин, 4–15 сентября 1995 г.) // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/.
24. Персональным ассистентам в КР будут платить полную сумму за каждого подопечного // Economist.kg. 2026. 8 сентября. URL: https://economist.kg/society/2026/09/08/personalnye-assistenty-vyplaty-podopechnye/.
25. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/70/1 от 25 сентября 2015 г. // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/.
26. Рекомендация № 165 о равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин: трудящиеся с семейными обязанностями: принята 23 июня 1981 г. на 67-й сессии Генеральной конференции МОТ // Официальный сайт Международной организации труда. URL: https://www.ilo.org.

27. С 1 января 2024 года родители детей с инвалидностью смогут одновременно работать и получать выплаты по уходу: [информационное сообщение] // Социальный фонд России. Отделение по Воронежской области. 2024. 9 января. URL: https://sfr.gov.ru/branches/voronezh/news~2024/01/09/259031.
28. Соловьева С.В. Трансформация правового регулирования статуса инвалидов // Society and Security Insights. 2025. Т. 8, № 1. DOI: 10.14258/ssi(2025)1-06.
29. Социальный кодекс Республики Казахстан: Кодекс Республики Казахстан от 20 апреля 2023 г. № 224-VII (с изм. и доп.) // Эталонный контрольный банк НПА Республики Казахстан «Әділет». URL: https://adilet.zan.kz.
30. Трудовой кодекс Приднестровской Молдавской Республики: Закон № 161-3-III от 19.07.2002 г. // Официальный сайт Верховного Совета Приднестровской Молдавской Республики. URL: http://www.vspmr.org/.
31. Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. действующая) // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru.
32. Указ Президента Российской Федерации от 29 декабря 2024 г. № 1125 о выплатах лицам, осуществляющим уход за детьми-инвалидами и инвалидами с детства I группы // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru.
33. Швецова А.В. Механизмы реализации права на труд и профессиональное развитие женщин в период декретного отпуска // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2022. № 1, ч. 2. С. 201–214. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-201-214.
34. Care Work and Care Jobs for the Future of Decent Work / International Labour Office. Geneva: ILO, 2018. URL: https://www.ilo.org/publications/major-publications/care-work-and-care-jobs-future-decent-work.

Legal Regulation of the Personal Assistant in the Context of Reducing Women's Unpaid Labor: A Comparative Legal Analysis

Elena A. Sinika

Postgraduate Student,
Shevchenko Pridnestrovian State University,
3300, 128, 25 Oktyabrya str., Tiraspol, Republic of Moldova;
e-mail: tiraspol.a@bk.ru

Abstract

Unpaid care work for children and adults with disabilities is predominantly performed by women, which limits their opportunities for employment, income generation, and the formation of pension rights. In this regard, the legal regulation of personal assistant services is considered as one of the tools for redistributing care responsibilities and reducing gender inequality. The aim of the study is to identify the specifics of the legal regulation of personal assistance in the Russian Federation, the Republic of Belarus, the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic, and Pridnestrovie, as well as to determine directions for improving the relevant legislation. As a result of the comparative legal analysis, three models of regulating personal assistance are identified: the compensatory-labor model, the public-service model, and the mixed model of a paid assistant chosen by the family. The dual legal nature of personal assistance is substantiated, combining the provision of an individualized social service with the need to determine the legal status of the person providing care. It is established that the legislation of Pridnestrovie does not contain a special normative basis for the personal assistant service. The practical significance of the study lies in the possibility of using the conclusions to improve legislation in the field of social protection of persons with disabilities, ensuring gender equality, and creating conditions for combining family responsibilities with work activity.

For citation

Sinika E.A. (2026) Pravovoe regulirovanie personal'nogo assistenta v kontekste sokrashcheniya neoplachivaemogo truda zhenshchin: sravnitel'no-pravovoy analiz [Legal Regulation of the Personal Assistant in the Context of Reducing Women's Unpaid Labor: A Comparative Legal Analysis]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (9A), pp. 165-177. DOI: 10.34670/AR.2026.53.73.022

Keywords

Unpaid care work, personal assistant, women's empowerment, gender equality, persons with disabilities, persons with family responsibilities, social services, long-term care, comparative jurisprudence, Pridnestrovie.

References

1. *Care Work and Care Jobs for the Future of Decent Work*. (2018). International Labour Office. Retrieved from https://www.ilo.org/publications/major-publications/care-work-and-care-jobs-future-decent-work
2. *Chto takoe neoplachivaemyy ukhod i pochemu eto vazhno* [What Is Unpaid Care Work and Why It Matters]. (2018, June 28). Novosti OON. Retrieved from https://news.un.org/ru/story/2018/06/1333522
3. *Konstitutsiya Pridnestrovskoy Moldavskoy Respubliki* [Constitution of the Pridnestrovian Moldavian Republic]. (1995). Tiraspol: Yuridicheskaya literatura.
4. *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii* [Constitution of the Russian Federation]. (1993). Adopted by popular vote on 12.12.1993 (as amended following the nationwide vote held on 01.07.2020). *Official Internet Portal of Legal Information*. Retrieved from http://pravo.gov.ru
5. *Konventsiya No. 156 o ravnom obrashchenii i ravnykh vozmozhnostyakh dlya trudyashchikhsya muzhchin i zhenshchin: trudyashchiesya s semeynymi obyazannostyami* [Convention No. 156 on Equal Treatment and Equal Opportunities for Workers with Family Responsibilities]. (1981). Retrieved from https://www.ilo.org
6. *Konventsiya o likvidatsii vsekh form diskriminatsii v otnoshenii zhenshchin* [Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women]. (1979). Retrieved from https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml
7. *Konventsiya o pravakh invalidov* [Convention on the Rights of Persons with Disabilities]. (2006). Retrieved from https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml
8. *Komitet po pravam invalidov. Zamechanie obshchego poryadka No. 5 (2017) o samostoyatel'nom obraze zhizni i vovlechennosti v mestnoe soobshchestvo* [Committee on the Rights of Persons with Disabilities. General Comment No. 5 (2017) on Living Independently and Being Included in the Community]. (2017). Retrieved from https://www.ohchr.org/ru/treaty-bodies/crpd
9. *Mintrud o korrektirovke postanovleniya po voprosam predostavleniya sotsial'nykh uslug* [Mintrud on the Adjustment of the Resolution on the Provision of Social Services]. (2024). Natsional'nyy pravovoy Internet-portal Respubliki Belarus'. Retrieved from https://pravo.by/novosti/analitika/2024/august/78460/
10. *O ezhemesyachnykh vyplatakh litsam, osushchestvlyayushchim ukhod za det'mi-invalidami i invalidami s detstva I gruppy* [On Monthly Payments to Persons Caring for Disabled Children and Persons Disabled Since Childhood of Group I]. (2013). Decree of the President of the RF No. 175 of 26.02.2013. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, (9), Art. 954.
11. *O nekotorykh voprosakh okazaniya sotsial'nykh uslug* [On Certain Issues of Providing Social Services]. (2012). Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Belarus No. 1218 of 27.12.2012. Retrieved from https://pravo.by
12. *O pravakh invalidov i ikh sotsial'noy integratsii* [On the Rights of Persons with Disabilities and Their Social Integration]. (2022). Law of the Republic of Belarus No. 183-Z of 30.06.2022. Retrieved from https://pravo.by
13. *O pravakh i garantiyakh lits s invalidnost'yu* [On the Rights and Guarantees of Persons with Disabilities]. (2025). Law of the Kyrgyz Republic of 08.08.2025. Retrieved from https://cbd.minjust.gov.kg
14. *O ratifikatsii Konventsii o pravakh invalidov* [On Ratification of the Convention on the Rights of Persons with Disabilities]. (2012). Federal Law No. 46-FZ of 03.05.2012. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, (19), Art. 2280.
15. *O realizatsii v Rossiyskoy Federatsii v 2025 godu Tipovoy modeli sistemy dolgovremennogo ukhoda za grazhdanami pozhilogo vozrasta i invalidami, nuzhdayushchimisya v ukhode* [On the Implementation in the Russian Federation in 2025 of the Model System of Long-Term Care for Elderly Citizens and Persons with Disabilities in Need of Care].

(2024). Order of the Ministry of Labor and Social Protection of the RF No. 732 of 27.12.2024. Retrieved from http://pravo.gov.ru
16. *O sotsial'noy zashchite invalidov* [On Social Protection of Persons with Disabilities]. (2006). Law of Pridnestrovie No. 51-3-IV of 26.06.2006. Retrieved from https://vspmr.org/legislation/laws/
17. *O sotsial'noy zashchite invalidov v Rossiyskoy Federatsii* [On Social Protection of Persons with Disabilities in the Russian Federation]. (1995). Federal Law No. 181-FZ of 24.11.1995. KonsultantPlyus. Retrieved from https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/
18. *O sotsial'nom obsluzhivanii* [On Social Services]. (2000). Law of the Republic of Belarus No. 395-Z of 22.05.2000. Retrieved from https://pravo.by
19. *Ob osnovakh sotsial'nogo obsluzhivaniya grazhdan v Rossiyskoy Federatsii* [On the Fundamentals of Social Services for Citizens in the Russian Federation]. (2013). Federal Law No. 442-FZ of 28.12.2013. Retrieved from http://pravo.gov.ru
20. *Ob utverzhdenii Pravil predostavleniya uslug individual'nogo pomoshchnika dlya lits s invalidnost'yu pervoy gruppy, imeyushchikh zatrudnenie v peredvizhenii* [On Approval of the Rules for the Provision of Individual Assistant Services for Persons with Disabilities of the First Group with Mobility Difficulties]. (2023). Order of the Minister of Labor and Social Protection of the Population of the Republic of Kazakhstan No. 288 of 30.06.2023. Retrieved from https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2300032994
21. *Ob usloviyakh oplaty uslug personal'nogo assistenta rebenka s invalidnost'yu i (ili) litsa s invalidnost'yu s detstva I gruppy* [On the Conditions of Payment for the Services of a Personal Assistant for a Child with a Disability and (or) a Person Disabled Since Childhood of Group I]. (2026) Resolution of the Cabinet of Ministers of the Kyrgyz Republic No. 521 of 03.08.2026. Retrieved from https://cbd.minjust.gov.kg
22. *Pekinskaya deklaratsiya i Platforma deystviy* [Beijing Declaration and Platform for Action]. (1995). Retrieved from https://www.un.org/ru/
23. *Personal'nym assistentam v KR budut platit' polnuyu summu za kazhdogo podopechnogo* [Personal Assistants in the Kyrgyz Republic Will Be Paid the Full Amount for Each Ward]. (2026, September 8). Economist.kg. Retrieved from https://economist.kg/society/2026/09/08/personalnye-assistenty-vyplaty-podopechnye/
24. *Preobrazovanie nashego mira: Povestka dnya v oblasti ustoychivogo razvitiya na period do 2030 goda* [Transforming Our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development]. (2015). Retrieved from https://www.un.org/ru/
25. *Rekomendatsiya No. 165 o ravnom obrashchenii i ravnykh vozmozhnostyakh dlya trudyashchikhsya muzhchin i zhenshchin: trudyashchiesya s semeynymi obyazannostyami* [Recommendation No. 165 on Equal Treatment and Equal Opportunities for Workers with Family Responsibilities]. (1981). Retrieved from https://www.ilo.org
26. *S 1 yanvarya 2024 goda roditeli detey s invalidnost'yu smogut odnovremenno rabotat' i poluchat' vyplaty po ukhodu* [From January 1, 2024, Parents of Children with Disabilities Will Be Able to Work and Receive Care Payments Simultaneously]. (2024, January 9). Sotsial'nyy fond Rossii. Otdelenie po Voronezhskoy oblasti. Retrieved from https://sfr.gov.ru/branches/voronezh/news~2024/01/09/259031
27. Solov'eva, S.V. (2025). Transformatsiya pravovogo regulirovaniya statusa invalidov [Transformation of the Legal Regulation of the Status of Persons with Disabilities]. *Society and Security Insights*, 8(1). DOI: 10.14258/ssi(2025)1-06
28. *Sotsial'nyy kodeks Respubliki Kazakhstan* [Social Code of the Republic of Kazakhstan]. (2023). Code of the Republic of Kazakhstan No. 224-VII of 20.04.2023. Retrieved from https://adilet.zan.kz
29. *Trudovoy kodeks Pridnestrovskoy Moldavskoy Respubliki* [Labor Code of the Pridnestrovian Moldavian Republic]. (2002). Law No. 161-3-III of 19.07.2002. Retrieved from http://www.vspmr.org/
30. *Trudovoy kodeks Rossiyskoy Federatsii* [Labor Code of the Russian Federation]. (2001). Federal Law No. 197-FZ of 30.12.2001. KonsultantPlyus. Retrieved from https://www.consultant.ru
31. *Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 29 dekabrya 2024 g. No. 1125 o vyplatakh litsam, osushchestvlyayushchim ukhod za det'mi-invalidami i invalidami s detstva I gruppy* [Decree of the President of the Russian Federation No. 1125 of December 29, 2024 on Payments to Persons Caring for Disabled Children and Persons Disabled Since Childhood of Group I]. (2024). Retrieved from http://pravo.gov.ru
32. Shvetsova, A.V. (2022). Mekhanizmy realizatsii prava na trud i professional'noe razvitie zhenshchin v period dekretnogo otpuska [Mechanisms for the Implementation of the Right to Work and Professional Development of Women During Maternity Leave]. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie*, (1(Pt. 2)), 201–214. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-201-214
33. Grishina, E.E., & Tsatsura, E.A. (2020). Vliyanie rodstvennogo ukhoda na zanyatost', zdorov'e i material'noe polozhenie ukhazhivayushchikh [The Impact of Family Care on Employment, Health and Material Situation of Caregivers]. *Demograficheskoe obozrenie*, 7(2). DOI: 10.17323/demreview.v7i2.11142
34. Dzgoeva, F.O. (2023). Nekotorye eticheskie i pravovye vyzovy pri postroenii effektivnoy sistemy dolgovremennogo ukhoda [Some Ethical and Legal Challenges in Building an Effective Long-Term Care System]. *Lex russica*, 76(2), 134–144. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.195.2.134-144

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 657.6:330.131.7 **DOI: 10.34670/AR.2026.75.92.018**

Проактивное предоставление мер социальной поддержки в цифровой среде: пределы публичной администрации и гарантии граждан

Дружинин Евгений Сергеевич

Соискатель,
Международный инновационный университет,
354000, Российская Федерация, Сочи, ул. Орджоникидзе, 10а;
e-mail: terra-sochi@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена административно-правовым аспектам проактивного (упреждающего) предоставления мер социальной поддержки в условиях цифровой трансформации социальной сферы. Автор исходит из конституционной характеристики Российской Федерации как социального государства (ст. 7 Конституции РФ) и доказывает, что цифровизация допустима лишь как способ исполнения публичных обязанностей, а не как самоцель: технологическая организация поддержки не должна снижать уровень юридической защищённости гражданина. На основе анализа Федеральных законов № 210-ФЗ, № 178-ФЗ и № 152-ФЗ раскрывается юридическая природа проактивной процедуры и обосновывается её многостадийный характер: выявление возможного права с помощью информационных систем, проверка юридической значимости результата уполномоченным субъектом и принятие решения (предложения, отказа). Разграничиваются информационное выявление возможного права и юридически значимое решение, предложение воспользоваться мерой и её назначение; подчёркивается, что публичная компетенция не передаётся программному обеспечению, а ответственность за результат сохраняется за органом. Выявлены основные процедурные риски: смешение информирования и решения, недостоверность исходных данных, формальная мотивировка, отсутствие реального человеческого пересмотра, цифровое неравенство, распыление ответственности. Предложена авторская модель пяти взаимосвязанных гарантий: идентификация правового основания, проверяемость данных, понятное объяснение, человеческий пересмотр, доступное многоканальное обжалование. Сформулированы направления совершенствования административных регламентов, включая минимальное содержание уведомления, единого внешнего ответственного субъекта, многоканальность и оценку качества процедуры по показателям защиты прав. Научная новизна состоит в рассмотрении проактивного предоставления как многостадийной административно-правовой процедуры и в выделении контура правовой проверяемости цифрового решения; практическая значимость — в применимости модели при разработке и экспертизе регламентов и ведомственных стандартов.

Для цитирования в научных исследованиях

Дружинин Е.С. Проактивное предоставление мер социальной поддержки в цифровой среде: пределы публичной администрации и гарантии граждан // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 9А. С. 178-186. DOI: 10.34670/AR.2026.75.92.018

Ключевые слова

Цифровая трансформация социальной сферы; проактивное предоставление; упреждающий режим; государственные и муниципальные услуги; социальная поддержка; социальное государство; административная процедура; персональные данные; автоматизированная обработка; процедурные гарантии; человеческий пересмотр; обжалование; цифровое неравенство; административный регламент.

Введение

Цифровая трансформация социальной сферы изменяет не только технический способ взаимодействия гражданина с государством, но и порядок выявления оснований для предоставления социальной поддержки. Наряду с заявительной моделью развиваются процедуры, в которых уполномоченный орган использует уже имеющиеся сведения для выявления возможного права гражданина и последующего предложения либо предоставления меры поддержки без первоначального заявления. Такая модель способна уменьшить число формальных обращений, сократить объем документов и повысить адресность социальной политики.

Одновременно перенос части административных действий в информационные системы создает новые юридические риски. Гражданин может не знать, какие сведения послужили основанием результата, не иметь возможности быстро исправить ошибку в межведомственном массиве, не понимать различия между информационным уведомлением и юридически значимым решением. Наконец, электронный канал может оказаться фактически единственным, хотя доступ к цифровой инфраструктуре и уровень цифровых навыков у разных групп населения различаются.

Конституционная характеристика Российской Федерации как социального государства означает, что цифровизация должна рассматриваться как способ исполнения публичных обязанностей, а не как самостоятельная цель. В соответствии со статьей 7 Конституции Российской Федерации политика государства направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека [Конституция РФ, 1993]. Из этого следует, что технологическая организация социальной поддержки допустима лишь постольку, поскольку она не снижает уровень юридической защищенности гражданина [Конституция РФ, 1993].

Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ предусматривает организацию предоставления государственных и муниципальных услуг в упреждающем (проактивном) режиме и относит соответствующие вопросы к нормативно определенной процедуре [Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг, 2010]. Федеральный закон от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ регулирует государственную социальную помощь, информирование граждан о мерах социальной защиты и процессы назначения и предоставления соответствующих мер [О государственной социальной помощи, 1999]. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ устанавливает принципы обработки персональных данных и специальные правила защиты субъекта при принятии решений исключительно на основании автоматизированной обработки [О персональных данных, 2006].

Степень разработанности отдельных аспектов цифровизации публичного управления, социальной защиты и обработки данных достаточно высока. Однако вопрос о проактивном

предоставлении социальной поддержки как единой административно-правовой процедуре, в которой должны быть согласованы выявление права, качество данных, мотивировка, человеческий пересмотр и обжалование, требует дальнейшего изучения.

Цель статьи состоит в определении пределов публичной администрации и содержания минимальных гарантий граждан при проактивном предоставлении мер социальной поддержки. Для достижения цели решаются задачи: раскрыть юридическую природу проактивной процедуры; разграничить информационное выявление возможного права и юридически значимое решение; выявить основные процедурные риски; сформулировать модель гарантий и предложения по ее нормативному закреплению.

Методологическую основу составили формально-юридический, системный, структурно-функциональный методы и метод правового моделирования. Нормативные акты анализируются в редакциях, доступных на дату подготовки рукописи; при подаче статьи редакцию законодательства необходимо повторно сверить.

Проактивное предоставление как административно-правовая процедура

Проактивное предоставление меры социальной поддержки следует определить как урегулированную законом и административным регламентом последовательность действий уполномоченного субъекта, при которой без первоначального заявления гражданина выявляются обстоятельства, указывающие на возможное наличие права, гражданин информируется о выявленном обстоятельстве, а затем принимается решение либо совершается иное юридически значимое действие.

Предлагаемое определение позволяет разграничить три стадии. На первой стадии информационная система сопоставляет сведения и выявляет возможную жизненную ситуацию, связанную с правом на поддержку. На второй стадии уполномоченный субъект проверяет юридическую значимость полученного результата: достаточно ли сведений, относятся ли они к конкретной мере, не требуют ли уточнения. На третьей стадии принимается решение, направляется предложение, запрашиваются дополнительные сведения либо выносится отказ.

Такое разграничение имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Совпадение сведений в информационных системах само по себе не является доказательством наличия всех условий социальной меры. В то же время отсутствие совпадения не может автоматически означать отсутствие права, если данные неполны, устарели или получены из источника, не отражающего фактическую ситуацию гражданина.

Федеральный закон № 210-ФЗ закрепляет проактивный режим как форму организации предоставления государственных и муниципальных услуг [Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг, 2010]. Однако из этого не следует передача публичной компетенции программному обеспечению. Информационная система является инструментом исполнения полномочий, тогда как юридическая ответственность за решение сохраняется за органом или организацией, наделенными соответствующей компетенцией [Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг, 2010]. Поэтому административный регламент должен определять не только источник данных и последовательность автоматизированных действий, но и субъекта, который отвечает за итоговый результат перед гражданином [Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг, 2010].

Необходимо также различать предложение воспользоваться мерой и назначение меры. Предложение сообщает о предполагаемом наличии права и может предполагать подтверждение обстоятельств или совершение гражданином определенного действия. Назначение влечет юридические последствия и потому должно основываться на установленном законом наборе условий. Если эти стадии не разграничены в уведомлении, гражданин не понимает, возникло ли право, принято ли решение или ему лишь предложено начать процедуру.

Пределы использования данных и автоматизированных процедур

Проактивная модель опирается на межведомственное информационное взаимодействие, требования к которому установлены законодательством о предоставлении государственных и муниципальных услуг [Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг, 2010]. Его назначение состоит в том, чтобы сократить необходимость представления гражданином документов, уже находящихся у публичной администрации. Но упрощение документооборота не означает освобождение органа от обязанности проверить относимость, достаточность и актуальность сведений [Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг, 2010].

В социальной сфере могут использоваться сведения о доходах, составе семьи, месте жительства, состоянии здоровья, инвалидности и иных обстоятельствах частной жизни. В соответствии с Федеральным законом № 152-ФЗ обработка персональных данных должна отвечать принципам законности, справедливости, соответствия конкретным, заранее определенным и законным целям, а также достаточности и недопустимости избыточности [О персональных данных, 2006]. Следовательно, межведомственное взаимодействие должно быть связано с конкретной социальной мерой и не может превращаться в неопределенное накопление сведений о гражданине [О персональных данных, 2006].

Особое значение имеет качество производных данных. Даже если каждый исходный элемент был собран законно, их автоматизированное сопоставление может привести к новому выводу, непосредственно влияющему на социальное право. Такой вывод требует процедурной проверки с учетом принципов обработки персональных данных и прав субъекта [О персональных данных, 2006]. Нельзя считать, что законность получения отдельных сведений автоматически означает законность любого результата их объединения.

Федеральный закон № 152-ФЗ предусматривает право субъекта возражать против решения, принятого исключительно на основании автоматизированной обработки персональных данных, если оно порождает юридические последствия или иным образом затрагивает его права и законные интересы [О персональных данных, 2006]. Для социальной сферы это правило должно рассматриваться совместно с обязанностью обеспечить доступный способ проверки результата. Гражданину необходимо не только формально разрешить подать возражение, но и предоставить возможность понять, с каким обстоятельством связан результат и какие сведения можно уточнить [О персональных данных, 2006].

При этом объяснимость не тождественна раскрытию исходного программного кода. Публично-правовая гарантия состоит в информировании о юридически значимых основаниях и факторах решения в понятной форме. Уведомление должно отвечать как минимум на следующие вопросы: какая мера рассматривалась; какой орган отвечает за результат; какие категории сведений были использованы; какое условие считается подтвержденным или неподтвержденным; что гражданин может сделать для исправления ошибки или пересмотра

результата.

Основные процедурные риски

Первый риск — смешение информационного выявления и юридического решения. Система может выявить обстоятельства, указывающие на возможное право, но такой результат еще не равен установлению всех условий. Если автоматическое совпадение воспринимается как окончательное решение, гражданин лишается возможности представить дополнительные сведения. Если же автоматический отказ воспринимается как доказательство отсутствия права, ошибка данных превращается в отказ без полноценной проверки.

Второй риск — недостоверность или неполнота исходных данных. Причиной может быть несвоевременное обновление, различие форматов, ошибка идентификации лица или отсутствие сведений в конкретной системе. Юридическая процедура должна включать механизм исправления данных, понятный гражданину и не сводящийся к перенаправлению между несколькими ведомствами.

Третий риск — формальная мотивировка. Сообщение «оснований не найдено» не позволяет гражданину проверить законность результата. Мотивировка должна быть ориентирована не на внутреннюю техническую логику системы, а на юридически значимые обстоятельства и последующие действия, доступные гражданину.

Четвертый риск — отсутствие реального человеческого пересмотра. Регистрация жалобы без полномочия изменить результат не обеспечивает восстановления права. Пересмотр должен осуществляться сотрудником или подразделением, способным проверить данные, примененный критерий и правовую квалификацию ситуации.

Пятый риск — цифровое неравенство. Оно выражается не только в отсутствии доступа к интернету. Существенными могут быть отсутствие устройства, низкая цифровая грамотность, недоступность интерфейса для лиц с инвалидностью, невозможность пройти идентификацию, отсутствие помощи и сложность языка уведомления. Если электронная форма становится единственным практически доступным путем, формально единая процедура может приводить к неравным результатам.

Шестой риск — распыление ответственности между органом, принимающим решение, и оператором системы. Для гражданина технический оператор и орган социальной защиты не должны образовывать неопределенную цепочку. Внешняя процедура должна указывать единый ответственный субъект, а внутреннее распределение обязанностей между участниками информационного взаимодействия не должно ухудшать положение гражданина.

Авторская модель процедурных гарантий

Для согласования эффективности проактивной модели с принципами правового государства предлагается закрепить пять взаимосвязанных гарантий.

Первая гарантия — идентификация правового основания. Уведомление должно содержать наименование меры, ссылку на норму, определяющую условия ее предоставления, сведения о характере сообщения и указание на орган, ответственный за дальнейшую процедуру. Если гражданину направлено лишь предложение, это должно быть прямо указано. Если принято юридически значимое решение, необходимо сообщить его правовые последствия и дату их наступления.

Вторая гарантия — проверяемость данных. Гражданин должен иметь возможность получить информацию о категориях сведений, повлиявших на результат, и сообщить об их неточности. Данная гарантия не означает безусловного раскрытия всех сведений или нарушения режима конфиденциальности. Она означает наличие процедуры, в которой гражданин может понять, какие обстоятельства требуют исправления, и представить относящуюся к делу информацию.

Третья гарантия — понятное объяснение. Мотивировка должна описывать юридически значимые причины результата. Для отрицательного решения необходимо указывать, какое условие не подтверждено, каким источником подтверждалась соответствующая информация и какие действия возможны для исправления ситуации. Ссылка только на автоматизированный результат недостаточна.

Четвертая гарантия — человеческий пересмотр. По требованию гражданина спорный результат должен быть проверен уполномоченным сотрудником. Пересмотр должен включать оценку исходных данных, соблюдение порядка их получения, корректность применения условий меры и соответствие результата компетенции органа. Итог проверки оформляется самостоятельным ответом с указанием мотивов.

Пятая гарантия — доступное обжалование и многоканальность. Уведомление должно содержать срок, адресата и способы подачи жалобы. Электронный способ может быть основным, но не должен исключать письменный, личный или иной доступный канал. Законодательство предусматривает досудебное (внесудебное) обжалование решений и действий органов, должностных лиц и организаций, участвующих в предоставлении государственных и муниципальных услуг [Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг, 2010]. Нельзя считать эффективным обжалование, для которого гражданин обязан использовать тот же цифровой ресурс, работу которого он оспаривает.

Предложенная модель образует не набор разрозненных требований, а последовательную процедуру. Правовое основание отвечает на вопрос о компетенции и применимой норме. Проверяемость данных позволяет обнаружить ошибку. Объяснение делает результат понятным. Человеческий пересмотр обеспечивает индивидуальную проверку. Обжалование предоставляет внешний способ восстановления права.

Направления совершенствования административных регламентов

Первое направление — нормативное разграничение стадий проактивной процедуры. В административном регламенте следует отдельно описать выявление возможного права, уведомление, проверку обстоятельств, принятие решения, исправление данных и обжалование. Для каждой стадии должны быть установлены субъект, срок, результат и способ его фиксации с учетом требований к административным регламентам [Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг, 2010].

Второе направление — установление минимального содержания уведомления. В него целесообразно включить: наименование меры; правовое основание; характер сообщения; орган, ответственный за решение; существенные категории использованных данных; подтвержденные и неподтвержденные условия; порядок исправления сведений; возможность человеческого пересмотра; срок и способы обжалования.

Третье направление — закрепление единого внешнего ответственного субъекта. Техническая организация взаимодействия может распределяться между несколькими участниками, но гражданин должен направлять требование об исправлении данных или жалобу

в понятный ему орган. Этот орган обязан самостоятельно определить внутреннего участника, ответственного за проверку, и не перекладывать организационные трудности на гражданина.

Четвертое направление — нормативное обеспечение многоканальности. Возможность обратиться через МФЦ, письменно или лично должна сохраняться не только на стадии первоначального обращения, но и при исправлении данных, получении мотивировки и обжаловании. Для лиц, испытывающих цифровые трудности, целесообразно развивать бесплатное содействие со стороны работников социальных служб или иных уполномоченных лиц.

Пятое направление — оценка качества процедуры по показателям защиты прав. Помимо скорости обработки следует учитывать число исправленных сведений, отмененных решений, жалоб, случаев обращения через альтернативные каналы и ситуаций, когда электронная процедура не была завершена. Такой подход соответствует целям цифровой и функциональной трансформации социальной сферы [Об утверждении Концепции цифровой и функциональной трансформации социальной сферы, 2021]. Показатели позволят оценивать цифровую трансформацию не только как технологический проект, но и как механизм реализации социальных прав.

Заключение

Проактивное предоставление мер социальной поддержки является допустимой формой цифровой трансформации только при сохранении юридической ответственности публичной администрации и доступности средств защиты. Информационная система может выявлять обстоятельства и обеспечивать обработку данных, но не заменяет орган, наделенный публичной компетенцией, и не освобождает его от обязанности проверить результат и мотивировать решение.

Предложенная авторская модель включает пять гарантий: идентификацию правового основания, проверяемость использованных данных, понятное объяснение, человеческий пересмотр и доступное многоканальное обжалование. Их взаимосвязь имеет принципиальное значение: одна только цифровая доступность не компенсирует отсутствие мотивировки, а возможность жалобы не будет эффективной без доступа к сведениям, на которых основано решение.

Научная новизна статьи состоит в том, что проактивное предоставление социальной поддержки рассматривается как многостадийная административно-правовая процедура, а не только как технологический способ автоматического назначения выплаты или услуги. Впервые в рамках предлагаемого подхода выделены пять гарантий, образующих последовательный контур правовой проверяемости цифрового решения.

Практическая значимость заключается в возможности использовать предложенную модель при разработке и экспертизе административных регламентов, ведомственных стандартов уведомления, процедур исправления данных и учебно-методических материалов по публичному праву.

Библиография

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravo.gov.ru.

2. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru.
3. О государственной социальной помощи: Федеральный закон от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru.
4. О персональных данных: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru.
5. Об утверждении Концепции цифровой и функциональной трансформации социальной сферы, относящейся к сфере деятельности Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации: распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 февраля 2021 г. № 431-р [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru.

Proactive Provision of Social Support Measures in the Digital Environment: Limits of Public Administration and Guarantees of Citizens

Evgenii S. Druzhinin

Candidate for a Degree,
International Innovative University,
354000, 10a, Ordzhonikidze str., Sochi, Russian Federation;
e-mail: terra-sochi@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the administrative-legal aspects of the proactive (anticipatory) provision of social support measures in the context of the digital transformation of the social sphere. The author proceeds from the constitutional characterization of the Russian Federation as a social state (Art. 7 of the Constitution of the Russian Federation) and argues that digitalization is permissible only as a way of fulfilling public duties, and not as an end in itself: the technological organization of support should not reduce the level of legal protection of the citizen. On the basis of an analysis of Federal Laws No. 210-FZ, No. 178-FZ, and No. 152-FZ, the legal nature of the proactive procedure is revealed and its multi-stage character is substantiated: the identification of a possible right with the help of information systems, the verification of the legal significance of the result by an authorized subject, and the adoption of a decision (proposal, refusal). A distinction is drawn between the informational identification of a possible right and a legally significant decision, between a proposal to use a measure and its assignment; it is emphasized that public competence is not transferred to software, and responsibility for the result remains with the body. The main procedural risks are identified: the confusion of informing and decision-making, the unreliability of source data, formal reasoning, the absence of real human review, digital inequality, and the diffusion of responsibility. The author's model of five interrelated guarantees is proposed: identification of the legal basis, verifiability of data, comprehensible explanation, human review, and accessible multi-channel appeal. Directions for improving administrative regulations are formulated, including the minimum content of a notification, a single external responsible subject, multi-channel access, and assessment of the quality of the procedure by indicators of rights protection. The scientific novelty consists in considering proactive provision as a multi-stage administrative-legal procedure and in identifying the contour of legal verifiability of a digital decision; the practical significance lies in the applicability of the model in the development and expert review of regulations and departmental standards.

For citation

Druzhinin E.S. (2026) Proaktivnoe predostavlenie mer sotsial'noy podderzhki v tsifrovoy srede: predely publichnoy administratsii i garantii grazhdan [Proactive Provision of Social Support Measures in the Digital Environment: Limits of Public Administration and Guarantees of Citizens]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (9A), pp. 178-186. DOI: 10.34670/AR.2026.75.92.018

Keywords

Digital transformation of the social sphere; proactive provision; anticipatory regime; state and municipal services; social support; social state; administrative procedure; personal data; automated processing; procedural guarantees; human review; appeal; digital inequality; administrative regulation.

References

1. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii: prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g. s izmeneniyami, odobrennymi v khode obshcherossiyskogo golosovaniya 1 iyulya 2020 g. [Constitution of the Russian Federation: Adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the All-Russian vote on July 1, 2020]. (1993). http://www.pravo.gov.ru
2. Ob gosudarstvennoy sotsialnoy pomoshchi: Federalnyy zakon ot 17 iyulya 1999 g. No. 178-FZ [On state social assistance: Federal Law No. 178-FZ of July 17, 1999]. (1999). http://pravo.gov.ru
3. Ob organizatsii predostavleniya gosudarstvennykh i munitsipalnykh uslug: Federalnyy zakon ot 27 iyulya 2010 g. No. 210-FZ [On the organization of the provision of state and municipal services: Federal Law No. 210-FZ of July 27, 2010]. (2010). http://pravo.gov.ru
4. Ob utverzhdenii Kontseptsii tsifrovoy i funktsionalnoy transformatsii sotsialnoy sfery, otnosyashcheysya k sfere deyatelnosti Ministerstva truda i sotsialnoy zashchity Rossiyskoy Federatsii: rasporyazhenie Pravitelstva Rossiyskoy Federatsii ot 20 fevralya 2021 g. No. 431-r [On approval of the Concept of digital and functional transformation of the social sphere related to the sphere of activity of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation: Order of the Government of the Russian Federation No. 431-r of February 20, 2021]. (2021). http://pravo.gov.ru
5. O personalnykh dannykh: Federalnyy zakon ot 27 iyulya 2006 g. No. 152-FZ [On personal data: Federal Law No. 152-FZ of July 27, 2006]. (2006). http://pravo.gov.ru

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 349.2 **DOI: 10.34670/AR.2026.66.80.023**

К вопросу о правовом регулировании труда несовершеннолетних: международный и национальный аспекты (на примере отдельных зарубежных стран)

Шестерякова Ирина Владимировна

Доктор юридических наук, доцент, профессор,
кафедра трудового права и права социального обеспечения им. К.Н. Гусова,
Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА),
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9;
e-mail: irinashesteryakova@mail.ru

Аннотация

Международная организация труда сегодня обращает внимание на сложности в правовом регулировании труда несовершеннолетних граждан. Это касается вопросов трудоустройства, установления режима рабочего времени, предоставления отпусков, выплаты заработной платы. В статье рассматриваются положения конвенций Международной организации труда № 138 «О минимальном возрасте приема на работу» и № 182 «О запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда», а также нормы трудового законодательства Российской Федерации, Республики Казахстан, Китайской Народной Республики и Республики Индии о минимальном возрасте заключения трудового договора, сокращенной продолжительности рабочего времени, запрете привлечения несовершеннолетних к работам с вредными и опасными условиями труда, к ночной и сверхурочной работе. Отдельно анализируются изменения статьи 63 Трудового кодекса Российской Федерации, допускающие заключение трудового договора с лицами, достигшими четырнадцати лет, с письменного согласия одного из родителей. Анализ международных актов и национальных стандартов зарубежных стран (Казахстан, Китай, Индия) показал, что, несмотря на принятие необходимых норм на национальном уровне в отношении труда несовершеннолетних граждан, всё ещё остаётся нерешённой проблема принудительного детского труда, вовлечения детей в наихудшие формы труда, невозможность детей совмещать работу с получением необходимого школьного образования. Однако правительства указанных стран принимают действенные и последовательные меры по устранению проблем в правовом регулировании труда несовершеннолетних работников.

Для цитирования в научных исследованиях

Шестерякова И.В. К вопросу о правовом регулировании труда несовершеннолетних: международный и национальный аспекты (на примере отдельных зарубежных стран) // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 9А. С. 187-196. DOI: 10.34670/AR.2026.66.80.023

Ключевые слова

Труд, работник, несовершеннолетние, конвенции, Международная организация труда, методология исследования.

Введение

По данным Международной организации труда в 2025 году 67 миллионов молодых людей были безработными, из них 20% это доля молодых людей не являются занятыми, то есть не имеют работы и не обучаются, не имеют образования и даже начальной профессиональной подготовки (статус NEET) [ILO, 2026]. Эксперты МОТ утверждают, что молодые женщины в два раза чаще имеют указанный статус, чем молодые мужчины. Почти во всех субрегионах мира проблема NEET (статус человека, не имеющего работы, не имеющего образования общего и профессионального, являющегося незанятым) в первую очередь затрагивает молодых женщин. В 2025 году женщины по-прежнему составляли более двух третей молодежи в категории NEET, а доля молодых женщин в этой категории (27,4 %) более чем вдвое превышала соответствующий показатель среди молодых мужчин (13,1 %). Во всем мире с 2023 года доля молодежи в категории NEET выросла среди молодых женщин несколько больше, чем среди молодых мужчин (на 0,5 и 0,2 % пункта соответственно), что привело к дальнейшему увеличению гендерного разрыва [ILO, 2026, p. 3].

Конвенция Международной организации труда № 138 «О минимальном возрасте приема на работу» (Женева, 1973 г.) является одной из основополагающих. Суть Конвенции заключается в том, чтобы установить минимальный возраст приёма на работу, гарантии защиты несовершеннолетних работников при приеме на отдельные виды работ, требования к работе для лиц от 13 до 15 лет. Также является основополагающей и Конвенция МОТ № 182 «О запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда» (Женева, 1999 г.).

Сегодня эти Конвенции не утратила своей актуальности в силу того, что молодые люди хотели бы работать, получать профессиональное образование, выйти на рынок труда, но несмотря на международные стандарты, на национальном уровне это не всегда становится возможным, как показывает статистика Международной организации труда.

Арабские государства и Северная Африка неизменно остаются субрегионами с самыми высокими в мире показателями безработицы среди молодежи. В этих двух субрегионах более чем каждый пятый экономически активный молодой человек испытывает трудности с поиском работы (уровни безработицы среди молодежи составляют 26,2 процента и 22,6 процента соответственно), а по меньшей мере каждый третий молодой человек относится к категории NEET (доля молодежи в этой категории составляет 32,4 процента и 30,1 процента соответственно). Продолжающийся рост этих и без того высоких показателей свидетельствует об усилении глубоко укоренившихся структурных барьеров, которые вытесняют молодых людей, особенно молодых женщин, с рынка труда [ILO, 2026, p. 4].

Материалы и методы исследования

Рассмотрим отдельные проблемы правового регулирования труда на примере некоторых зарубежных стран и Российской Федерации.

Результаты и обсуждение

Конвенция МОТ № 138 предусматривает правило о том, что национальным законодательством конкретный минимальный возраст может быть предусмотрен. Например, в Российской Федерации такой возраст указан в ст. 63 ТК РФ, где установлено, что заключение трудового договора допускается с лицами, достигшими возраста шестнадцати лет. Лица,

получившие общее образование и достигшие возраста пятнадцати лет, могут заключать трудовой договор для выполнения легкого труда, не причиняющего вреда их здоровью. Лица, достигшие возраста пятнадцати лет и в соответствии с федеральным законом оставившие общеобразовательную организацию до получения основного общего образования или отчисленные из указанной организации и продолжающие получать общее образование в иной форме обучения, могут заключать трудовой договор для выполнения легкого труда, не причиняющего вреда их здоровью и без ущерба для освоения образовательной программы.

Федеральный закон от 13.06.2023 № 259-ФЗ «О внесении изменений в статью 63 Трудового кодекса Российской Федерации» [Федеральный закон № 259-ФЗ, 2023] внес в ТК РФ изменения, касающиеся приема на работу детей 14 лет и детей-сирот. Так, теперь с письменного согласия одного из родителей (попечителя) трудовой договор может быть заключен с лицом, получившим общее образование и достигшим возраста четырнадцати лет, для выполнения легкого труда, не причиняющего вреда его здоровью, либо с лицом, получающим общее образование и достигшим возраста четырнадцати лет, для выполнения в свободное от получения образования время легкого труда, не причиняющего вреда его здоровью, и без ущерба для освоения образовательной программы. Трудоустройство детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, получивших общее образование и достигших возраста четырнадцати лет, для выполнения легкого труда, не причиняющего вреда их здоровью, либо детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, получающих общее образование и достигших возраста четырнадцати лет, для выполнения в свободное от получения образования время легкого труда, не причиняющего вреда их здоровью, и без ущерба для освоения образовательной программы осуществляется с письменного согласия органа опеки и попечительства или иного законного представителя.

Если в прежней редакции для детей указанного возраста требовалось письменное согласие родителей и органов опеки и попечительства, то теперь в отношении детей имеющих родителей, согласие органов опеки не требуется. Положения российского трудового законодательства соответствуют требованиям международных стандартов, а именно тех, которые указаны в Конвенции № 138. Так, в ряде статей ТК РФ предусмотрены категории работ, на которых запрещено принимать несовершеннолетних работников. Например, ст. 265 ТК РФ запрещает применение труда лиц в возрасте до восемнадцати лет на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, на подземных работах, а также на работах, выполнение которых может причинить вред их здоровью и нравственному развитию (игорный бизнес, работа в ночных кабаре и клубах, производство, перевозка и торговля спиртными напитками, табачными изделиями, наркотическими и иными токсическими препаратами, материалами эротического содержания). Особо стоит отметить, что, Приказом Минтруда России от 01.10.2026 № 456н "Об утверждении перечня работ, на которых запрещается применение труда работников в возрасте до восемнадцати лет" [Приказ Минтруда России № 456н, 2026] был утверждён Перечень тяжелых работ, на которых запрещается применение труда лиц, моложе 18 лет. Данный приказ вступит в силу с марта 2027 года. Например, это работа во вредных и (или) опасных условиях труда. на рабочих местах, в отношении которых не проведена специальная оценка условий труда. работы, выполняемые непосредственно с применением средств индивидуальной защиты органов дыхания (за исключением респираторов), в ограниченных и замкнутых пространствах и др. Запрет также установлен для работы в ночное время, привлечения к сверхурочной работе, направления в командировки, работа в выходные и нерабочие праздничные дни, вахтовым методом.

Кроме того, в соответствии с Письмо Минтруда России от 22.05.2026 № 14-6/10/В-8486 [Письмо Минтруда России № 14-6/10/В-8486, 2026] утвержден перечень работ, на которых рекомендуется принимать на работу несовершеннолетних граждан от 14 до 18 лет, работающих в свободное от учебы время. Например, это гардеробщик, мойщик посуды, курьер, промоутер, подсобный рабочий, помощник кладовщика и др. Примечательно то, что в рекомендациях Минтруда не просто перечислена рекомендуемая трудовая функция, но и указано описание/характеристика выполняемых по этой функции работ. Также стоит отметить и тот факт, что в России обновились требования к переноске и передвижению тяжестей для несовершеннолетних граждан [Приказ Минтруда России № 369н, 2025], которые стоит учитывать при поручении отдельных видов работ несовершеннолетним, например, курьерам, подсобным рабочим и др.

Похожее положение о возрасте начала трудовой деятельности содержится в Трудовом кодексе Республики Казахстан [Трудовой кодекс Республики Казахстан, 2015]. Так, в ст. 31 ТК РК закреплено, что заключение трудового договора допускается с гражданами, достигшими шестнадцатилетнего возраста. Трудовой договор может быть заключен с: 1) гражданами, достигшими пятнадцати лет, в случаях получения ими основного среднего, общего среднего образования в организации среднего образования; 2) учащимися, достигшими четырнадцатилетнего возраста, для выполнения в свободное от учебы время работы, не причиняющей вреда здоровью и не нарушающей процесса обучения; 3) с лицами, не достигшими четырнадцатилетнего возраста, в организациях кинематографии, театрах, театральных и концертных организациях, цирках для участия в создании и (или) исполнении произведений без ущерба здоровью и нравственному развитию. В этом случае наряду с несовершеннолетним трудовой договор должен подписываться одним из его законных представителей. Данное правило было внесено в ТК РК с мая 2020 года [Закон Республики Казахстан № 321-VI, 2020]. Кроме того, законодательство устанавливает дополнительные гарантии для трудоустройства и правового регулирования труда несовершеннолетних в Казахстане. Согласно ст. 69 ТК РК для работников, не достигших восемнадцатилетнего возраста, устанавливается сокращенная продолжительность рабочего времени: 1) для работников в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет - не более 24 часов в неделю; 2) для работников в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет - не более 36 часов в неделю. Несовершеннолетних работников запрещено направлять в служебные командировки (ст. 127 ТК РК), запрещен перенос и передвижение тяжестей вручную, по нормам, установленным действующим законодательством [Приказ Министра здравоохранения и социального развития РК № 944, 2015] (ст. 182 ТК РК).

Приказом Министра здравоохранения и социального развития Республики Казахстан от 8 декабря 2015 года № 944 [Приказ Министра здравоохранения и социального развития РК № 944, 2015] утверждён список работ, на которых запрещен труд несовершеннолетних граждан. По мнению А.Салыкбаевой, «подросток может устроиться промоутером, курьером, разносчиком газет, наборщиком текста, сборщиком товаров, упаковщиком, официантом, оператором call-центра. Также им могут предлагаться такие вакансии, не требующие особых профессиональных навыков: специалист по сбору информации, помощники блогеров, ассистенты, чат-менеджеры, интернет-промоутеры, графические дизайнеры, SMM-специалисты» [[Салыкбаева, 2026].

Для несовершеннолетних предоставлены также и иные гарантии в сфере в трудовом праве Казахстана. Однако, на практике, возникает множество проблем. По данным министра труда и социальной защиты населения Аскарбека Ертаева в Казахстане готовят изменения в трудовое

законодательство для усиления защиты несовершеннолетних работников. Среди предлагаемых мер – обязательное страхование подростков от несчастных случаев на производстве. Самое часто встречающееся нарушение трудового законодательства в отношении несовершеннолетних – это неоформление трудового договора, хотя работодатели обязаны своевременно вносить сведения о трудовых отношениях в Единую систему учета трудовых договоров (ЕСУТД). По данным Минтруда Казахстана трудовые договоры не оформлялись с более чем 70 % несовершеннолетних работников, до 51 % несовершеннолетних работают по вечерам или даже по ночам. Ещё около 10 % сталкивались с нерегулярными выплатами либо вовсе не получали плату за выполненную работу [Tengrinews, 2026]. Несмотря на то, Казахстан ратифицировал Конвенцию МОТ № 181 (Женева, 1999) «О запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда» [Закон Республики Казахстан № 367, 2002] в 2002 году, по-прежнему остаётся проблема использования детского труда при сборе хлопка, свеклы табачных листьев и др. По мнению специалистов [Киськбасова, 2026], наиболее «благоприятным» регионом для развития наихудших форм детского труда является юг республики. Там расположены свекольные, хлопковые поля и табачные плантации, на которых недобросовестными хозяевами труд несовершеннолетних особенно ценится. Кроме того, на юг Казахстана приезжает множество мигрантов из других азиатских стран, в частности Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана. В числе гастарбайтеров нередко встречаются дети.

О серьезности ситуации в правовом регулировании труда несовершеннолетних в Республике Казахстан говорит тот факт, что в 2022 году при Министерстве труда и социальной защиты был создан Национальный Координационный совет по борьбе с наихудшими формами труда несовершеннолетних [Приказ Министра труда и социальной защиты населения РК № 127, 2022]. Координационный совет отмечает, что в настоящее время в Казахстане созданы достаточная правовая база для недопущения детского труда и механизмы для обеспечения соблюдения законодательства по данному вопросу, а также предусмотрены уголовная и административная ответственность за вовлечение детей в наихудшие формы детского труда. Во исполнение поручения Главы государства, обозначенного в Послании «Стратегия «Казахстан – 2050» в целях повышения эффективности законодательных норм по защите прав несовершеннолетних, в рамках принятого 3 июля 2014 года нового Уголовного кодекса РК ужесточены наказания за преступления против детей. Так, за нарушение работодателем трудового законодательства в части привлечения несовершеннолетних к работам, на которых запрещается применение труда несовершеннолетних предусматривается штраф в размере до двухсот тысяч месячных расчетных показателей либо лишение свободы на срок до двух лет и т.д. (ст.153) [Справка по борьбе с наихудшими формами детского труда, 2026].

Постановлением Правительства Республики Казахстан от 29 января 2026 года № 56 утверждена Концепция "Дети Казахстана" на 2026 – 2030 годы» [Концепция «Дети Казахстана», 2026]. В Концепции отмечается, что наиболее часто дети вовлекаются в трудовую деятельность в летний каникулярный период, что связано с желанием подростков заработать. Основные сферы занятости подростков включают в себя сельское хозяйство (прополка, сбор урожая), рынки (погрузка, сортировка овощей и фруктов), автомойки, мелкая торговля и курьерские услуги. Также имеются факты опасных случаев занятости, таких как попрошайничество, нелегальная работа в ночных заведениях. Проблема усугубляется недостаточным уровнем правовой грамотности родителей и самих подростков. В стране ежегодно реализуется национальная кампания "12 дней борьбы против эксплуатации детского труда." Для снижения рисков вовлечения в незаконную занятость местные исполнительные органы организуют

временные легальные формы трудоустройства подростков. На сайте www.enbek.kz размещен перечень видов работ, которые могут выполняться несовершеннолетними при условии соблюдения требований трудового законодательства. Вместе с тем случаи незаконного использования детского труда и привлечения несовершеннолетних к опасным видам занятости показывают необходимость ужесточения требований и более четких механизмов законодательного регулирования.

В Китайской Народной Республике (далее Китай) законодательно установлена трудовая правосубъектность граждан с 16 лет на основании Конституции, Закона о труде [Закон о труде КНР, 1994] (ст. 15), Закона о запрете детского труда (2002 г.) [Provisions on Prohibition of Child Labour, 2002], Закон о защите несовершеннолетних (2012, ст. 38) [Regulations Banning Child Labour, 2002]. В возрасте до 16 лет граждане могут работать в сфере спорта или артистической профессии. Статья 3 указанного Закона предусматривает, что родители или опекуны несовершеннолетних в возрасте до 16 лет должны защищать их физическое и психическое благополучие, обеспечивать их право на получение обязательного образования и не допускать их нелегального трудоустройства. Учреждения или лица, оказывающие услуги по трудоустройству несовершеннолетних в возрасте до 16 лет, подлежат штрафу органами охраны труда в размере 5000 юаней за каждого клиента; органы по трудоустройству, оказывающие услуги несовершеннолетним в возрасте до 16 лет, должны быть лишены лицензии на оказание услуг по трудоустройству органами охраны труда (ст. 7). Также установлено, что подростки не могут привлекаться к тяжёлому труду (четвертой степени тяжести), на подземных работах, на работах с радиоактивными и легковоспламеняющимися веществами и др. Однако проблема детского труда актуальная и для Китая. Так, примерно 7,74 % детей в Китае работают в возрасте от 10 до 15 лет [Burkert, 2026], несмотря на строгое законодательство и серьёзную ответственность для работодателей. Следует отметить, что это показатель для развитых районов Китая.В менее развитых регионах Китая детский труд встречается чаще. Например, в северо-западных районах и на Цинхай-Тибетском нагорье – наименее развитых регионах – наблюдаются самые высокие показатели использования детского труда, тогда как в более развитых восточных и центральных регионах эта проблема стоит не так остро. Такие факторы, как нехватка рабочей силы, высокая инфляция и укрепление национальной валюты, снижают рентабельность бизнеса, что приводит к привлечению к работе несовершеннолетних. Правительство Китая признает, что детский труд – это проблема, глубоко укоренившаяся в экспортноориентированной экономике страны.

Правительство Китая принимает меры по искоренению наихудших форм детского труда, одной из которых является законодательство, указанное выше. Однако посреднические агентства по трудоустройству обманом или силой забирают их и отправляют работать в различные регионы страны, где они трудятся до 300 часов в месяц. В тоже время, исследователи отмечают, что в настоящее время по сравнению с другими промышленно развитыми странами, проблема детского труда в Китае стоит не так остро.

В Республике Индии (далее Индия) один из самых высоких показателей доли детей в возрасте до 18 лет, вовлеченных в трудовую деятельность [Vakilsearch, 2026]. Это одна из самых острых проблем современной Индии. В соответствии с Конституцией Индии (§ 21 (A) и 24) ребёнок в возрасте до четырнадцати лет не может привлекаться к работе. Работа детей до 14 лет строго запрещена в любом учреждении. Нарушение этого правила может повлечь за собой наложение штрафов, а также тюремное заключение в некоторых штатах Индии.

Согласно Закону о детском труде [The Child Labour (Prohibition and Regulation) Act, 1986] трудовая правосубъектность в Индии возникает с 14 лет. Детей в возрасте от 14 до 18 лет нельзя принимать на работу с вредными или опасными условиями труда, на работу, наносящую вред нравственному и физическому развитию (например, детям до 18 лет запрещено работать в сфере перевозки пассажиров, товаров или почты по железной дороге; сбор золы, расчистка золоотвала или строительные работы в помещении железной дороги; работа в заведении общественного питания на вокзале, связанная с перемещением с одной платформы на другую, работа по продаже хлопушек и фейерверков в магазинах с временной лицензией; бойни/скотобойня, автомобильные мастерские и гаражи; литейные цеха; обращение с ядовитыми или легковоспламеняющимися веществами или взрывчатыми веществами; ручное и ткацкое производство; шахты (подземные и подводные) и угольные шахты; цеха пластиковых изделий и стеклопластика; домашние работники или прислуга и др.) [ILO, 2026]. Особенно стоит отметить, что Закон о работе в шахтах запрещает принимать на подземную работу лиц моложе 18 лет [The Mines Act, 1952]. Действующее законодательство особо обращает внимание на то, что ребёнок должен в первую очередь получить соответствующий уровень образования. Однако этот же Закон разрешает работать детям до 14 лет, если это не мешает учёбе и, если это семейный бизнес. В данном случае семьёй считаются отец, мать, брат, сестра, сестра и брат отца, сестра и брат матери. Кроме того, детям до 14 лет разрешено, например, работать в сфере спорта, кинематографии и иных зрелищных профессиях. Для работников в возрасте от 14 до 18 лет установлено сокращеное рабочее время – 3 часа в день, запрещено работать с 19.00. до 08.00, привлекать их к сверхурочной работе, им должен быть предоставлен еженедельный отдых не менее одного дня.

Установлены также и особые требования к трудоустройству несовершеннолетних работников. Так, работодатели должны вести специальный реестр о трудоустройстве таких работников, где указывается следующее: дата рождения, имя и фамилия, рабочее время и время отдыха, вид выполняемой работы. Кроме того, работодатель должен сообщить инспектору по труду о том, что принимает на работу несовершеннолетнего работника и указать следующую информацию: название компании и ее адрес, данные об управляющем компании, фактическое место исполнения трудовых обязанностей работника. Несмотря на наличие запретов и ограничений, проблема использования детского труда в Индии по-прежнему актуальна. По данным последней переписи, проводимой в 2011 году в Индии, было 10,13 миллиона работающих детей в возрасте от 5 до 14 лет. Особенно это касается таких штатов как, Уттар-Прадеш, Бихар, Раджастхан, Махараштра и Мадхья-Прадеш, в которых процент работающих детей составляют почти 55% от общей численности работающих детей в Индии [The Quint, 2023]. Детей по-прежнему привлекают к работе в семьях, вынужденных отрабатывать долги, работать в сельском хозяйстве, в качестве прислуги, но самое большое количество детей, занятых в неформальном секторе экономки (придорожные кафе, изготовление кирпича, работа со стеклом, алмазной промышленности и т.д.). Хотя, как отмечают представители МОТ, в последние годы наметилась положительная тенденция в соблюдении трудовых прав несовершеннолетних.

Заключение

Таким образом, в результате рассмотрения международных трудовых норм и трудового законодательства отдельных стран можно сделать следующие выводы:

- все рассматриваемые страны ратифицировали Конвенции МОТ № 138 «О минимальном возрасте приема на работу» (Женева, 1973 г.) и 182 «О запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда» (Женева, 1999 г.);

- во всех странах принято национальное законодательство, которое соответствует международным стандартам, как в отношении возраста приёма на работу, так и в отношении запрета приёма на опасную, вредную, не соответствующую возрасту работу;

- во всех странах предусмотрена норма о том, что работа несовершеннолетнего не должна препятствовать получению основанного образования;

- как показал обзор национального законодательства в Китае, Индии все еще велика доля детского труда, то есть детей в возрасте от 5 до 14 лет. В Бразилии и Индии среди работающих детей по-прежнему высок процент детей жертв принудительного труда и торговли людьми;

Во всех рассматриваемых странах можно констатировать нарушения трудового законодательства в отношении правового регулирования труда несовершеннолетних. Однако правительством принимаются необходимые и последовательные меры для искоренения наихудших форм детского труда.

Библиография

1. Закон Республики Казахстан от 4 мая 2020 года № 321-VI «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам труда». URL: https://prg.kz/document/?doc_id=34010504&pos=112;64
2. Закон Республики Казахстан «О ратификации Конвенции о запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда (Конвенция 182)» № 367. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z020000367_
3. Концепция «Дети Казахстана» на 2026–2030 годы. URL: https://old.adilet.zan.kz/rus/docs/P2600000056
4. Письмо Минтруда России от 22.05.2026 № 14-6/10/В-8486 «О направлении актуализированных Методических рекомендаций по организации трудовой деятельности несовершеннолетних граждан в возрасте от 14 до 18 лет в свободное от учебы время» // Администратор образования. 2026. № 15 (август).
5. Приказ Минтруда России от 01.10.2026 № 456н «Об утверждении перечня работ, на которых запрещается применение труда работников в возрасте до восемнадцати лет» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru
6. Приказ Минтруда России от 10.06.2025 № 369н «Об утверждении предельных норм переноски и передвижения тяжестей работниками в возрасте до восемнадцати лет» // Администратор образования. 2025. № 16 (август).
7. Приказ Министра здравоохранения и социального развития Республики Казахстан от 8 декабря 2015 года № 944 «Об утверждении списка работ, на которых запрещается применение труда работников, не достигших восемнадцатилетнего возраста...». URL: https://prg.kz/document/?doc_id=35844164&pos=0;0
8. Приказ Министра труда и социальной защиты населения Республики Казахстан от 18 апреля 2022 года № 127 «О некоторых вопросах борьбы с наихудшими формами детского труда». URL: https://prg.kz/document/?doc_id=39106367&pos=3;111
9. Справка по борьбе с наихудшими формами детского труда. URL: https://www.gov.kz/org/enbek/press/article/details/77994?lang=ru
10. Трудовой кодекс Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года № 414-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 07.09.2026 г.). URL: https://prg.kz/document/?doc_id=38910832&pos=1087;43
11. Федеральный закон от 13.06.2023 № 259-ФЗ «О внесении изменений в статью 63 Трудового кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2023. № 132. 20 июня.
12. Burkert H. 10 Facts about Child Labor in China. URL: https://borgenproject.org/10-facts-about-child-labor-in-china/
13. Global Employment Trends for Youth 2026: Back to the future. International Labour Organization, 2026. DOI: 10.54394/00033788
14. Provisions on Prohibition of Child Labour. URL: https://english.court.gov.cn/2015-09/11/c_761573.htm
15. Regulations Banning Child Labour, 2002. URL: https://www.ilo.org/dyn/natlex/docs/WEBTEXT/63806/65269/E02CHN01.htm
16. The Child Labour (Prohibition and Regulation) Act, 1986. URL: https://labour.gov.in/sites/default/files/act_2.pdf
17. The Global Youth Employment Challenges. URL: https://www.ilo.org/topics-and-sectors/youth-employment
18. The Mines Act, 1952. URL: https://labour.gov.in/sites/default/files/themines act1952.pdf

19. What Does India's Law Say on Child Labour? How to File Complaints? URL: https://www.thequint.com/explainers/child-labour-in-india-what-laws-say-explained
20. Киськбасова А. Невольные хлеба. Детский труд в Казахстане принимает опасные формы. URL: https://prg.kz/document/?doc_id=30141834&pos=10;-106
21. Салыкбаева А. Почему бы не поработать? URL: https://kursbiznesa.kz/a51346-trud-nesovershennoletnih-letnij.html
22. Работодателей обяжут страховать подростков в Казахстане. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/rabotodateley-obyajut-strahovat-podrostkov-v-kazahstane-600115/

On the Legal Regulation of the Labor of Minors: International and National Aspects (on the Example of Selected Foreign Countries)

Irina V. Shesteryakova

Doctor of Law, Associate Professor,
Professor,
Gusov Department of Labor Law and Social Security Law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
125993, 9, Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: irinashesteryakova@mail.ru

Abstract

The International Labour Organization today draws attention to the difficulties in the legal regulation of the labor of minor citizens. This concerns issues of employment, the establishment of working time regimes, the granting of leave, and the payment of wages. The article examines the provisions of International Labour Organization Conventions No. 138 "Minimum Age for Admission to Employment" and No. 182 "Prohibition and Immediate Action for the Elimination of the Worst Forms of Child Labour," as well as the norms of the labor legislation of the Russian Federation, the Republic of Kazakhstan, the People's Republic of China, and the Republic of India on the minimum age for concluding an employment contract, reduced working time, and the prohibition of involving minors in work with harmful and dangerous working conditions, in night and overtime work. The amendments to Article 63 of the Labor Code of the Russian Federation, permitting the conclusion of an employment contract with persons who have reached the age of fourteen with the written consent of one of the parents, are analyzed separately. The analysis of international acts and national standards of foreign countries (Kazakhstan, China, India) has shown that, despite the adoption of the necessary norms at the national level regarding the labor of minor citizens, the problem of forced child labor, the involvement of children in the worst forms of labor, and the impossibility of children combining work with obtaining the necessary school education still remain unresolved. However, the governments of these countries are taking effective and consistent measures to eliminate problems in the legal regulation of the labor of minor workers.

For citation

Shesteryakova I.V. (2026) K voprosu o pravovom regulirovanii truda nesovershennoletnikh: mezhdunarodnyy i natsional'nyy aspekty (na primere otdel'nykh zarubezhnykh stran) [On the Legal Regulation of the Labor of Minors: International and National Aspects (on the Example of Selected Foreign Countries)]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (9A), pp. 187-196. DOI: 10.34670/AR.2026.66.80.023

Keywords

Labor, worker, minors, conventions, International Labour Organization, research methodology.

References

1. Burkert, H. (2026) 10 facts about child labor in China. https://borgenproject.org/10-facts-about-child-labor-in-china/
2. Federal Law No. 259-FZ of 13.06.2023 "On Amendments to Article 63 of the Labor Code of the Russian Federation." (2023). Rossiyskaya Gazeta [Russian Newspaper], (132), June 20.
3. Global employment trends for youth 2026: Back to the future. (2026) International Labour Organization. https://doi.org/10.54394/00033788
4. Kisykbasova, A. (2026) Nevolnye khleba. Detskiy trud v Kazakhstane prinimaet opasnye formy [Involuntary bread. Child labor in Kazakhstan takes dangerous forms]. https://prg.kz/document/?doc_id=30141834&pos=10;-106
5. Kontseptsiya "Deti Kazakhstana" na 2026–2030 gody [Concept "Children of Kazakhstan" for 2026–2030]. (2026) https://old.adilet.zan.kz/rus/docs/P2600000056
6. Pismo Mintruda Rossii ot 22.05.2026 № 14-6/10/V-8486 [Letter of the Ministry of Labor of Russia of 22.05.2026 No. 14-6/10/V-8486]. (2026) Administrator obrazovaniya [Education Administrator], (15), August.
7. Prikaz Mintruda Rossii ot 01.10.2026 № 456n [Order of the Ministry of Labor of Russia of 01.10.2026 No. 456n]. (2026) http://pravo.gov.ru
8. Prikaz Mintruda Rossii ot 10.06.2025 № 369n [Order of the Ministry of Labor of Russia of 10.06.2025 No. 369n]. (2025). Administrator obrazovaniya [Education Administrator], (16), August.
9. Prikaz Ministra zdravookhraneniya i sotsialnogo razvitiya Respubliki Kazakhstan ot 8 dekabrya 2015 goda № 944 [Order of the Minister of Health and Social Development of the Republic of Kazakhstan of December 8, 2015 No. 944]. (2015). https://prg.kz/document/?doc_id=35844164&pos=0;0
10. Prikaz Ministra truda i sotsialnoy zashchity naseleniya Respubliki Kazakhstan ot 18 aprelya 2022 goda № 127 [Order of the Minister of Labor and Social Protection of the Population of the Republic of Kazakhstan of April 18, 2022 No. 127]. (2022). https://prg.kz/document/?doc_id=39106367&pos=3;111
11. Provisions on prohibition of child labour. (2002). https://english.court.gov.cn/2015-09/11/c_761573.htm
12. Regulations banning child labour, 2002. (2002). https://www.ilo.org/dyn/natlex/docs/ WEBTEXT/ 63806/65269/ E02CHN01.htm
13. Salykbaeva, A. (2026) Pochemu by ne porabotat? [Why not work?]. https://kursbiznesa.kz/a51346-trud-nesovershennoletnih-letnij.html
14. Spravka po borbe s naihudshimi formami detskogo truda [Information note on combating the worst forms of child labor]. (2026) https://www.gov.kz/org/enbek/press/article/details/77994?lang=ru
15. The Child Labour (Prohibition and Regulation) Act, 1986. (1986). https://labour.gov.in/sites/default/files/act_2.pdf
16. Rabotodatelei obyazhut strakhovat' podrostkov v Kazakhstane. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/ raboto da teley-obyajut-strahovat-podrostkov-v-kazahstane-600115/
17. The global youth employment challenges. (2026) https://www.ilo.org/topics-and-sectors/youth-employment
18. The Mines Act, 1952. (1952). https://labour.gov.in/sites/default/files/theminesact1952.pdf
19. Trudovoy kodeks Respubliki Kazakhstan ot 23 noyabrya 2015 goda № 414-V [Labor Code of the Republic of Kazakhstan of November 23, 2015 No. 414-V]. (2015). https://prg.kz/document/?doc_id=38910832&pos=1087;43
20. What does India's law say on child labour? How to file complaints? (2023). https://www.thequint.com/explainers/child-labour-in-india-what-laws-say-explained
21. Zakon Respubliki Kazakhstan ot 4 maya 2020 goda № 321-VI [Law of the Republic of Kazakhstan of May 4, 2020 No. 321-VI]. (2020). https://prg.kz/document/?doc_id=34010504&pos=112;64
22. Zakon Respubliki Kazakhstan "O ratifikatsii Konventsii o zapreshchenii i nemedlennykh merakh po iskoreneniyu naikhudshikh form detskogo truda (Konventsiya 182)" № 367 [Law of the Republic of Kazakhstan "On ratification of the Convention concerning the Prohibition and Immediate Action for the Elimination of the Worst Forms of Child Labour (Convention 182)" No. 367]. (2002). https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z020000367_

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 347.7 **DOI: 10.34670/AR.2026.36.33.024**

Таможенный контроль и защита объектов интеллектуальной собственности в сфере промышленного дизайна при трансграничной электронной торговле

Горчакова Анастасия Павловна

Ассистент,
кафедра «Таможенная и товароведческая экспертиза»;
Российский биотехнологический университет (РОСБИОТЕХ),
125080, Российская Федерация, Москва, Волоколамское, 11;
аспирант юридического института ИПБУ,
Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6;
e-mail: gorchakovaanastasia@mail.ru

Гончарова Анастасия Михайловна

Российский биотехнологический университет (РОСБИОТЕХ),
125080, Российская Федерация, Москва, Волоколамское, 11;
e-mail: goncharovaam2023@cloud.mgupp.ru

Аннотация

В данной статье поднимаются актуальные проблемы правовой охраны и таможенной защиты интеллектуальной собственности в условиях стремительного развития трансграничной электронной коммерции в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Обоснован комплекс предложений, включающий распространение мер таможенной защиты на коммерческие онлайн-отправления, интеграцию баз данных с использованием искусственного интеллекта для автоматизированного скрининга, а также достижение единообразия данных между таможенными реестрами и маркетплейсами. Цель исследования – выяснить, способна ли действующая модель таможенной защиты интеллектуальной собственности эффективно работать в условиях трансграничной электронной торговли. Методологическую основу составили анализ положений Соглашения ТРИПС, Таможенного кодекса ЕАЭС, Протокола о внесении изменений в Договор о Таможенном кодексе ЕАЭС от 25 декабря 2023 г., российского законодательства о платформенной экономике, а также сравнительно-правовое исследование опыта Европейского союза и США. Показано, что промышленные образцы не охраняются таможней ни в контейнерных поставках, поскольку отсутствуют в перечне объектов таможенного реестра, ни в посылках, поскольку товары для личного пользования выпускаются без помещения под таможенные процедуры. Выявлено, что новое регулирование электронной торговли создаёт различную защиту одинаковых товаров в зависимости от выбранной продавцом логистической модели. Рассмотрены правовые позиции Конституционного Суда РФ (Постановление от 16 июня 2026 г. № 39-П) о порядке реагирования маркетплейсов на заявления правообладателей и о рисках патентного троллинга.

Для цитирования в научных исследованиях

Горчакова А.П., Гончарова А.М. Таможенный контроль и защита объектов интеллектуальной собственности в сфере промышленного дизайна при трансграничной электронной торговле // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 9А. С. 197-210. DOI: 10.34670/AR.2026.36.33.024

Ключевые слова

Трансграничная электронная торговля, таможенный контроль, интеллектуальная собственность, промышленные образцы, оператор электронной торговли, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), маркетплейсы, таможенный реестр, искусственный интеллект, методология исследования.

Введение

Стремительное развитие платформенной экономики и цифровая модель мировой торговли существенно изменили структуру внешнеэкономических связей. В последнее время наблюдается глобальный рост трансграничной электронной коммерции (e-Commerce), реализуемой через маркетплейсы (Ozon, Wildberries и др.). Потребители получили прямой доступ к международным товарным рынкам, а логистические цепочки сместились в сторону массовых отправлений индивидуальных B2C- и C2C-посылок. Согласно данным исследования Data Insight за 2026 год, объём B2C онлайн-торговли в России достиг 13,4 трлн руб., а число заказов составило 8,3 млрд единиц [Data Insight, 2026]. Учитывая, что доля электронной торговли в непродовольственном ритейле превысила 52% [Data Insight, 2026].

На сегодняшний день специфика трансграничной электронной торговли заключается в дроблении товарных партий на миллионы небольших международных почтовых отправлений (далее – МПО) и экспресс-грузов. Для таможенных органов это означает следующее: традиционные механизмы физического досмотра и администрирования, эффективные при крупнопартийных поставках, оказываются сложно применимыми в условиях скоростного потока МПО.

Обратной стороной увеличения интернет-торговли стал кратный рост объёма контрафактной и фальсифицированной продукции. В текущих рыночных реалиях дистанционный формат продаж исключает возможность предварительного осмотра товара потребителем. Он видит на платформе качественную визуализацию или профессиональное фото изделия, за которым может скрываться как оригинальный товар, так и дешевая реплика. Это создаёт благоприятную среду для распространения контрафактной продукции, охватывающей практически все товарные категории: от брендовых и дизайнерских вещей до продуктов питания и электроники. Данная тенденция наносит существенный ущерб правообладателям, снижая инвестиционную привлекательность креативных индустрий и создавая риски для конечных потребителей.

Трансграничный e-commerce стал главным каналом сбыта товаров с нарушением прав на промышленный дизайн. Копируется внешний вид, эргономика, форма изделия. В зоне максимального риска находятся: электроника и косметические гаджеты (стайлеры, массажеры, наушники), бытовая техника, одежда/обувь, игрушки и часы. Нарушители используют модель «быстрого дизайна» («fast design»), по которой формы популярных устройств копируются за

считанные дни, а отсутствие брендовых логотипов позволяет легко проходить модерацию на маркетплейсах и таможенный контроль [OECD/EUIPO, 2021]. Наглядным примером неэффективности классических способов охраны промышленных образцов выступает бизнес-модель китайских ультрабыстрых платформ (AliExpress, Shein, Temu). Исходя из анализа цифровых поставок The Logistics Navigators за 2024 год, использование сквозных IT-систем управления фабриками в Гуанджоу позволяет сократить цикл анализа от сканирования трендов до выпуска микропартии и размещения карточка товар до 7-14 дней (а в некоторых случаях – до 5-7 дней) [The Logistics Navigators, 2024].

Цель настоящей статьи – выяснить, способна ли действующая модель таможенной защиты интеллектуальной собственности эффективно работать в условиях трансграничной электронной торговли.

Материалы и методы исследования

Контрафакт всегда был острой проблемой не только для правообладателей, но и для регулятора, однако за годы была выработана понятная и логичная схема борьбы с таким явлением: реестр объектов, заявление правообладателя, приостановление срока выпуска на десять рабочих дней. По оценке ОЭСР и Ведомства ЕС по интеллектуальной собственности (EUIPO), мировая торговля контрафактом в 2021 г. составила около 467 млрд долл., или 2,3% мирового импорта, а примерно 65% изъятий приходится на мелкие посылки и почтовые отправления [OECD/EUIPO, 2025; OECD, 2025].

В настоящее время можно говорить о новых способах попыток провоза и производства контрафакта. Так, продавец на зарубежной площадке все реже ставит на товар чужой знак: это слишком заметно и для таможни, и для модератора маркетплейса. Гораздо проще воспроизвести форму – силуэт светильника, очертания сумки, рисунок подошвы, облик детской игрушки. Юридически это уже вопрос не товарного знака, а промышленного образца, т.е. объекта, охраняемого патентом и признаваемого использованным, если изделие сходного назначения производит на информированного потребителя такое же общее впечатление, как запатентованный образец (п. 3 ст. 1358 ГК РФ) [Гражданский кодекс РФ, 2006]. В зарубежной литературе давно спорят о том, вредит ли копирование дизайна инновациям; применительно к индустрии моды был даже сформулирован тезис о «парадоксе пиратства», согласно которому копирование ускоряет смену трендов, а не тормозит их [Raustiala, Sprigman, 2006]. Но этот спор ведется о рынке, где копия по крайней мере видна регулятору. Посылочная торговля делает ее невидимой.

Часть 3 Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (далее – Соглашение ТРИПС) посвящена обеспечению соблюдения прав интеллектуальной собственности. Так, обязательной процедура приостановления выпуска является лишь для товаров с неправомерно используемым товарным знаком и товаров, произведенных с нарушением авторских прав; распространение пограничных мер на иные объекты оставлено на усмотрение государств (ст. 51 Соглашения ТРИПС) [Соглашение ТРИПС, 1994]. Показательно, что для промышленных образцов и патентов (а также топологий интегральных микросхем и закрытой информации) Соглашение ТРИПС заранее предусматривает следующее: если выпуск приостановлен по решению органа, не являющегося судебным или иным независимым органом, и срок приостановления истек, владелец, импортер или получатель вправе получить товар под залог, достаточный для защиты правообладателя (п. 2 ст. 53 Соглашения ТРИПС). Наконец,

ст. 60 Соглашения ТРИПС позволяет не применять пограничные меры к незначительным количествам товаров некоммерческого характера в личном багаже пассажиров или в малых партиях.

Результаты и обсуждение

Право ЕАЭС также продолжило данную логику. В единый таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности могут быть включены объекты авторского права и смежных прав, товарные знаки, знаки обслуживания и наименования мест происхождения товаров (п. 3 ст. 385 ТК ЕАЭС) [Таможенный кодекс ЕАЭС, 2017]. Российский законодатель в 2022 г. дополнил национальный перечень географическими указаниями (ч. 2 ст. 327 Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», далее – Закон о таможенном регулировании) [Таможенный кодекс ЕАЭС, 2017], но объекты патентного права в нем так и не появились. Примечательно, что еще при принятии Таможенного кодекса РФ 2003 г. изобретения, полезные модели и промышленные образцы в число объектов таможенной защиты включены не были [Агамагомедова, 2023]. Добавим, что сам единый таможенный реестр ЕАЭС, предусмотренный ст. 385 ТК ЕАЭС, до сих пор не запущен: в сентябре 2026 г. Консультативный комитет по интеллектуальной собственности при Коллегии ЕЭК обсуждал ход тестирования информационного взаимодействия, необходимого для его запуска [Агамагомедова, 2024].

С.А. Агамагомедова подсчитала, что из семнадцати объектов, перечисленных в ст. 1225 ГК РФ, на границе защищаются шесть, и сочла такую ограниченность объяснимой: интеграционные объединения, по ее мнению, сначала защищают наиболее распространенные средства индивидуализации, а объекты патентного права включаются в перечень позднее, когда единый рынок уже функционирует [Агамагомедова, 2024]. Трудно не согласиться с той идеей, что во всем нужно действовать поэтапно, постепенно, однако это не означает, что «очередь» защиты промышленных образцов еще не наступила.

Также Таможенный кодекс Таможенного союза прямо исключал применение мер по защите прав на объекты интеллектуальной собственности к товарам, перемещаемым физическими лицами для личного пользования, «в том числе пересылаемых в их адрес в международных почтовых отправлениях» (подп. 1 п. 2 ст. 328 ТК ТС) [Таможенный кодекс Таможенного союза, 2009]. ФТС России еще в 2012 г. предлагала это изъятие отменить [Альта-Софт, 2012]. В ТК ЕАЭС аналогичной нормы нет, но п. 1 ст. 384 ТК ЕАЭС связывает принятие мер, предусмотренных ст. 124, с помещением товаров под таможенные процедуры, а товары для личного пользования выпускаются без помещения под таможенные процедуры (ст. 258 ТК ЕАЭС). Изъятие исчезло из текста, но сохранилось в конструкции. Единственным входом в режим защиты для посылки остается решение таможенного органа о том, что ее содержимое к товарам для личного пользования не относится, принимаемое с учетом характера и количества товаров и частоты их перемещения (п. 4 ст. 256 ТК ЕАЭС). Неудивительно, что именно здесь, как отмечается в литературе, сохраняется существенный простор для административного усмотрения [Агамагомедова, 2024].

Таким образом, промобразец не охраняется таможней ни в контейнере, поскольку его нет в перечне объектов, ни в посылке, поскольку посылка, как правило, находится вне процедур, к которым привязаны меры защиты. Если для сходства товарного знака достаточно субъективного, но интуитивно понятного восприятия обычного потребителя, то для

промобразца нужен детальный компонентный анализ или независимая техническая экспертиза (п. 3 ст. 1358 ГК РФ). Таможенный инспектор – государственный служащий, а не патентный эксперт, поэтому в рамках стандартного таможенного досмотра такую работу проделать невозможно.

В 2025 г. таможенные органы России выявили более 7,9 тыс. случаев нарушения прав на объекты интеллектуальной собственности и пресекли оборот около 8 млн единиц контрафактной продукции; из 360 возбужденных дел об административных правонарушениях 331 касалось незаконного использования товарного знака (ст. 14.10 КоАП РФ) [КоАП РФ, 2001], 29 – нарушения авторских и смежных прав (ч. 1 ст. 7.12 КоАП РФ) [Альта-Софт, 2026]. Делать отсюда вывод о том, что внешний вид изделий копируют редко, ошибочно. Статистика фиксирует то, что система способна увидеть, т.е. структуру ее полномочий, а не структуру нарушений.

Это можно объяснить тем, что незаконное использование товарного знака нередко можно установить, сопоставив обозначение на товаре с обозначением в реестре. В случае с промышленным образцом, нужно сравнить совокупность существенных признаков, учесть сходство назначения изделий и оценить общее впечатление на информированного потребителя (п. 3 ст. 1358 ГК РФ). Следовательно, включение промобразцов в таможенный реестр превратит таможенного инспектора в патентного, а выпуск товаров – в спор о степени сходства, что нельзя считать нормой, поскольку каждый из них выполняет свои личные государственные функции, а подобное смешение приведет лишь к затруднениям.

Более того, действующие временные регламенты пограничного контроля не оставляют пространства для подобных процедур. Согласно общему правилу Таможенного кодекса ЕАЭС, выпуск товаров должен быть завершен не позднее одного рабочего дня, следующего за днем регистрации таможенной декларации (ст. 119 ТК ЕАЭС), в то время как проведение полноценной патентоведческой экспертизы занимает недели и требует существенного бюджета. Продление сроков выпуска возможно лишь при назначении исключительных форм контроля, а удерживать посылки неделями таможенные органы не имеют права. Таможенная экспертиза проводится сроком до 20 рабочих дней, а назначение патентной экспертизы силами экспертных учреждений на практике затягивается до нескольких месяцев (ст. 390 ТК ЕАЭС). Для столь быстрого потока мелких отправлений электронной торговли такой подход полностью парализует логистику, а расходование бюджетных средств на проверку копеечных партий нарушает принцип соразмерности таможенного администрирования.

Протокол о внесении изменений в Договор о ТК ЕАЭС, подписанный 25 декабря 2023 г., выделяет товары электронной торговли в самостоятельную категорию, вводит декларацию на товары электронной торговли, фигуру оператора электронной торговли и особую таможенную пошлину [Протокол о внесении изменений в Договор о ТК ЕАЭС, 2023]. Протокол пока не вступил в силу; по сообщению ЕЭК, главы правительств государств-членов поручили обеспечить готовность к применению новых правил к 1 января 2027 г., причем для большинства товаров предполагаются единая ставка пошлины 5%, но не менее 1 евро за килограмм, и беспошлинный порог 200 евро [ЕЭК, 2026].

Новое регулирование различает две модели. Товары электронной торговли, приобретенные физическими лицами, т.е. прямые отправления от иностранного продавца покупателю, декларируются и выпускаются без помещения под таможенные процедуры (п. 2 ст. 309.2 ТК ЕАЭС в редакции Протокола). Товары электронной торговли, предназначенные для реализации физическим лицам, ввозятся заранее, помещаются оператором электронной торговли под процедуру таможенного склада и после покупки выпускаются для внутреннего потребления

(ст. 309.6 ТК ЕАЭС в редакции Протокола). Главу 52 и ст. 124 ТК ЕАЭС Протокол не затрагивает. Отсюда следует вывод, что для складской модели механизм приостановления выпуска товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, применим, поскольку товары помещаются под таможенные процедуры, а для прямых отправлений он по-прежнему структурно недоступен. Возникает следующая ситуация: одинаковые товары одного продавца охраняются по-разному в зависимости от выбранной им логистики. В сложившихся обстоятельствах, нетрудно предсказать, какую колею выберет недобросовестный продавец.

Европейский союз прошел этот путь раньше и в несколько ином направлении. Регламент № 608/2013 о таможенном обеспечении прав интеллектуальной собственности распространяется на образцы наравне с товарными знаками и предусматривает особую процедуру для малых отправлений, т.е. почтовых или курьерских партий, включающих не более трех единиц товара либо весом брутто менее двух килограммов (п. 19 ст. 2, ст. 26) [Regulation (EU) No 608/2013, 2013]. По просьбе правообладателя, выраженной в заявлении о принятии мер, такие товары могут быть уничтожены без полноценного судебного разбирательства, если декларант против этого не возражает [Regulation (EU) No 608/2013, 2013]. Принципиальное значение имело решение ЕС по делу Blomqvist: правообладатель пользуется защитой по действовавшему тогда таможенному регламенту в отношении товаров, проданных через интернет-сайт из третьей страны лицу, проживающему в государстве-члене, уже в силу самого факта приобретения – в момент ввоза товаров на территорию этого государства [Judgment of the Court, 2014]. Европейское право, таким образом, исходит из коммерческого характера деятельности продавца, а не из личного характера потребления покупателя.

Последние два года принесли и более радикальные решения. С 1 июля 2026 г. ЕС отказался от освобождения от пошлин отправлений стоимостью до 150 евро и ввел временную фиксированную пошлину в 3 евро за каждую категорию товара в посылке [Council of the European Union, 2025]. В марте 2026 г. Европейский парламент и Совет ЕС согласовали реформу Таможенного кодекса Союза, по которой продавцы и платформы, содействующие дистанционным продажам товаров из третьих стран непосредственно потребителям в ЕС, будут рассматриваться в качестве импортеров [European Parliament, 2026]. В США беспошлинный режим de minimis для отправлений стоимостью до 800 долл. приостановлен с 29 августа 2025 г., причем приостановление было специально подтверждено в феврале 2026 г., после того, как Верховный суд США признал незаконными пошлины, введенные на основании закона о чрезвычайных экономических полномочиях (IEEPA) [Executive Order 14324, 2025; Executive Order, 2026]. Все это меры прежде всего торговые и фискальные. Но у них есть важный побочный эффект: посылка перестает быть анонимной, у нее появляется ответственный импортер, а значит, и лицо, к которому можно предъявить требование о защите исключительного права. Как отмечает В. Мухина, существенное ограничение или отмена льготных порогов de minimis в США, Евросоюзе и странах Юго-Восточной Азии преследует цель не только пополнения бюджета, но и выведения трансграничных потоков из «серой» зоны в сферу налогового и таможенного администрирования [Мухина, 2026].В рамках американского закона INFORM Consumers Act и директивы DAC7 цифровые платформы фактически трансформируются в источник данных и регуляторных агентов, обязанных верифицировать продавцов и оценивать системные риски распространения нелегальной продукции под угрозой беспрецедентных штрафов. Например, санкции Еврокомиссии в отношении платформы Temu в 2026 г. в размере 200 млн. евро. Аналогично это проявляется в условиях ЕАЭС – поэтапно снижается беспошлинный порог и выстраивается информационная инфраструктура взаимодействия налоговых и таможенных органов с маркетплейсами. Это формирует

нормативную базу для персональной ответственности оператора электронной торговли.

Однако не следует слепо опираться на этот зарубежный опыт, поскольку в нем присутствуют и недочеты. Например, процедура уничтожения малых отправлений рассчитана прежде всего на очевидные подделки. Для «похожих» изделий, где спор о нарушении образца действительно возможен, уничтожение посылки без суда трудно согласовать с гарантиями добросовестного получателя. Ту же идею выражает и п. 2 ст. 53 ТРИПС с его правом на выпуск под залог именно для образцов и патентов.

Если товар пересекает границу посылкой, то момент его «предъявления» наступает раньше – в карточке товара на площадке. Неудивительно, что баланс защиты все заметнее смещается от таможни к цифровым платформам. Федеральный закон «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики» (далее – ФЗ «О платформенной экономике»), вступивший в силу 1 октября 2026 г., закрепляет право правообладателя обратиться к оператору посреднической цифровой платформы с заявлением о прекращении размещения информации, нарушающей его исключительное право (ч. 6 ст. 7 ФЗ «О платформенной экономике»), и обязывает оператора проверять сведения в карточке товара на соответствие ряду публично-правовых требований – о подтверждении соответствия, маркировке, государственной регистрации (ч. 2 ст. 7 ФЗ «О платформенной экономике») [Федеральный закон № 289-ФЗ, 2025]. Соблюдение интеллектуальных прав в число проверяемых условий не входит, и это объяснимо: по государственным реестрам такую проверку провести нельзя. Порядок рассмотрения заявления правообладателя Закон при этом не устанавливает.

Восполнить этот пробел попытался Конституционный Суд РФ. В Постановлении от 16 июня 2026 г. № 39-П. Владелец маркетплейса не обязан заранее проверять товары на предмет нарушения интеллектуальных прав, однако, получив заявление лица, называющего себя правообладателем, по общему правилу должен приостановить размещение информации о товаре на срок, необходимый для разрешения иска к продавцу или принятия обеспечительных мер. В заявлении должны быть приведены сведения о принадлежности права заявителю и о неправомерности использования (либо обоснованных сомнениях в его правомерности), которые продавец убедительно не опроверг. Если заявитель в разумный срок в суд не обратится либо в иске ему будет отказано, продавец и владелец площадки вправе взыскать с него убытки [Постановление КС РФ № 39-П, 2026; Арстанова, 2026]. Суд прямо упомянул и так называемый патентный троллинг, т.е. недобросовестную реализацию исключительных прав, которую маркетплейс констатировать не в состоянии.

В мировой практике, в частности, по опыту управления интеллектуальной собственностью на платформе Alibaba, современный этап борьбы с оборотом контрафакта требует перехода от модели «уведомление – удаление» к проактивной модели управления (Proactive IP Governance). Она подразумевает внедрение алгоритмов искусственного интеллекта для автоматического сопоставления изображения, что позволяет цифровым платформам выявлять нарушения прав на промышленные образцы ещё на этапе модерации и загрузки карточки товара продавцом, минимизируя нагрузку как на суды, так и на правообладателей [Chen, Cheah, Huang, Liu, 2025]. В качестве еще одного примера можно привести официальные руководства государственных органов Великобритании по защите интеллектуальной собственности на платформах электронной торговли, которые подчеркивают необходимость создания прозрачных механизмов notice-and-takedown («уведомление-изъятие») и стандартизированных процедур взаимодействия между правообладателями и владельцами маркетплейсов для купирования оборота контрафакта также для снижения перегрузки судебной системы [GOV.UK, 2026].

Для промышленных образцов эта модель особенно важна. Патент на образец выдается после

экспертизы, но вопрос о том, производит ли конкретное изделие то же общее впечатление, остается оценочным, и заявление о нарушении образца гораздо легче использовать как инструмент конкурентной борьбы, чем заявление о подделке товарного знака. При рассмотрении дела в Конституционном Суде представитель заявителя А.С. Ворожевич предлагала обязать маркетплейсы в течение нескольких дней блокировать карточки товаров при получении обоснованных письменных претензий правообладателей [Арстанова, 2026]. Для товарных знаков такое решение выглядит оправданным. Для образцов оно без дополнительного фильтра рискует превратить площадку в квазисудебный орган, о чем и предупредил Конституционный Суд. Есть и специфически трансграничная трудность: модель предполагает, что правообладатель способен в разумный срок предъявить иск продавцу. Когда продавец находится в другой юрисдикции, такой иск нередко оказывается сложным и дорогим, а исполнение решения - проблематичным [Савельев, 2016]. Приостановление карточки грозит тогда стать фактически окончательной мерой, принятой без суда.

Таким образом, можно сделать следующие предложения:

Во-первых, следует скорректировать основания правовой охраны. Статья 60 Соглашения ТРИПС допускает неприменение пограничных мер к незначительным количествам товаров некоммерческого характера, однако отправление, направленное профессиональным продавцом потребителю, является коммерческим по своей природе, даже если покупатель приобретает товар для себя; именно так, по существу, рассуждал Суд ЕС в деле Blomqvist. Такой подход согласуется и со ст. 26 Соглашения ТРИПС, связывающей права владельца промышленного образца с действиями, совершаемыми в коммерческих целях. Поскольку п. 1 ст. 384 ТК ЕАЭС привязывает меры защиты к таможенным процедурам, изменение должно быть внесено на уровне Союза: меры, предусмотренные ст. 124, следует распространить на товары электронной торговли, приобретенные физическими лицами, по крайней мере тогда, когда их декларирует оператор электронной торговли. Оператор, уже несущий публично-правовые обязанности перед таможней, естественным образом становится адресатом уведомлений о приостановлении выпуска.

Во-вторых, промобразец целесообразно включить в национальный таможенный реестр. Включение, как и сейчас, должно осуществляться только по заявлению правообладателя, с обязательным представлением изображений изделий, перечня существенных признаков, сведений об известных каналах поставки и с повышенным размером обеспечения ответственности, а меры без заявления правообладателя (ex officio) к образцам применяться не должны. Таможенный орган в такой модели не решает вопрос о нарушении. Он использует сведения реестра в системе управления рисками, и в случае угрозы нарушения уведомляет правообладателя, а приостанавливает выпуск только по его заявлению, при этом декларант сохраняет право получить товар под обеспечение по образцу п. 2 ст. 53 Соглашения ТРИПС. В литературе уже высказывалась идея сопряжения электронного декларирования с информационными ресурсами Роспатента для защиты средств индивидуализации, не внесенных в реестр; там же отмечено, что ФТС России внедрила механизм анализа неструктурированных данных, позволяющий автоматически выявлять в том числе объекты интеллектуальной собственности [Агамагомедова, 2024]. Применительно к образцам такое сопряжение работало бы с изображениями, а не со словесными обозначениями, и для современных систем анализа данных эта задача вполне посильна.

На практике такой вектор технологического развития подкрепляется актуальными исследованиями опыта применения искусственного интеллекта в таможенном деле. Как отмечает И.И. Звезда, в рамках стратегии развития таможенной службы РФ до 2030 года

приоритетным направлением выступает создание «умных» пунктов пропуска на основе ИИ-технологий [Звезда, 202]. Внедряемые системы автоматического анализа изображений и рентгенограмм товаров, получаемых с помощью инспекционно-досмотровых комплексов (ИДК), способны самостоятельно идентифицировать и классифицировать объекты без участия оператора. Расширение данного инструмента на сопоставление 3D-форм и визуальных характеристик возимых товаров с патентными базами Роспатента позволяет переложить первичный скрининг промобразцов на нейросети, не нагружая таможенного инспектора задачами патентного эксперта.

В-третьих, необходимо единообразие данных о правообладателе в таможенных постах и на платформах. В настоящий момент правообладатель доказывает свое право дважды: таможенному органу при включении объекта в реестр, представляя обязательство о возмещении вреда и договор страхования ответственности или иной договор об обеспечении (для единого реестра ЕАЭС – на сумму, эквивалентную не менее чем 10 тыс. евро, п. 11 ст. 385 ТК ЕАЭС), и площадке при подаче претензии, причем площадка не располагает ни процедурой проверки, ни гарантиями. Также сведения единого таможенного реестра и сейчас подлежат размещению на официальных сайтах (п. 14 ст. 385 ТК ЕАЭС). Недостает лишь правовой связи между фактом включения объекта в реестр и последствиями заявления правообладателя на платформе.

В качестве примера, как это работает, может использоваться практических опыт крупнейших трансграничных экосистем. Так, специализированная платформа защиты интеллектуальной собственности Alibaba (IPP Platform), обслуживающая сегменты международной электронной торговли, реализует механизмы предварительной фильтрации контента, что позволяет правообладателям заявлять о нарушении прав на промышленные образцы и патенты на уровне карточки товара [Alibaba International IPP Platform, 2026]. Внедрение аналогичных инструментов предварительной проверки изображений на отечественных маркетплейсах позволило бы снять избыточную нагрузку с таможенных органов и сместить контроль на этап размещения продукции.

Заключение

Из данного исследования следует сделать вывод о том, что действующая модель таможенной и гражданско-правовой охраны интеллектуальной собственности в Евразийском экономическом союзе при существующих вызовах трансграничной электронной коммерции требует системной модернизации

Проведенный анализ показал, что действующие пограничные механизмы, эффективные при крупнопартийных поставках и защите средств индивидуализации, объективно не справляются с потоками мелких отправлений, вероятно содержащих контрафактные промышленные образцы. Отсутствие эффективной правовой связи между таможенными органами и цифровыми платформами и исключение патентных объектов из таможенных реестров создают пробелы, которыми активно пользуются недобросовестные продавцы.

Запуск с 1 января 2027 года новых правил регулирования внешней электронной торговли и официальное закрепление института оператора электронной торговли открывают необходимые нормативные предпосылки для преодоления указанных дисбалансов. Предложенный комплекс мер, включающий распространение защитных механизмов на коммерческие онлайн-отправления через операторов электронной торговли, внедрение автоматизированного анализа изображения при включении промышленных образцов в реестры, а также интеграцию данных таможенных реестров с процедурами notice-and-takedown на маркетплейсах в развитие

правовых позиций Конституционного Суда РФ (Постановление № 39-П), позволит сформировать эффективную и сбалансированную систему защиты интеллектуальных прав на рынке ЕАЭС без избыточного обременения логистических процессов и риска патентного троллинга.

Библиография

1. Агамагомедова С.А. Таможенный контроль товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности: направления цифровизации // Труды по интеллектуальной собственности. 2024. Т. 50. № 3. С. 83–91. DOI: 10.17323/tis.2024.22302
2. Агамагомедова С.А. Трансграничная защита интеллектуальных прав: эволюция регулирования и проблемы правоприменения // Труды по интеллектуальной собственности. 2023. Т. 45. № 2. С. 32–43. DOI: 10.17323/tis.2023.17370
3. Агамагомедова С.А. Трансграничные аспекты административной защиты интеллектуальной собственности: обзор российской судебной практики // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2024. Т. 28. № 3. С. 651–668. DOI: 10.22363/2313-2337-2024-28-3-651-668
4. Арстанова А. Когда маркетплейс освобождается от ответственности за нарушение интеллектуальных прав третьими лицами? // Адвокатская газета. 2026. 16 июня. URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/kogda-marketplexys-osvobozhdaetsya-ot-otvetstvennosti-za-narushenie-intellektualnykh-prav-tretimi-lits/
5. Арстанова А. КС проверит конституционность нормы ГК об ответственности информационных посредников // Адвокатская газета. 2026. 26 марта. URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/ks-proverit-konstitutsionnost-normy-gk-ob-otvetstvennosti-informatsionnykh-posrednikov/
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (ч. I). Ст. 5496.
7. Защита интеллектуальной собственности // Альта-Софт: внешнеэкономические новости. 2012. 27 апреля. URL: https://www.alta.ru/external_news/20929/
8. Звезда И.И. Опыт применения искусственного интеллекта в таможенном деле Российской Федерации // Таможенное дело. 2026. № 3. С. 5–7. DOI: 10.18572/2071-1220-2026-3-5-7
9. Интернет-торговля в России 2026: маркетинговое исследование / Data Insight. М.: Data Insight, 2026. URL: https://datainsight.ru/DI_eCommerce_2026
10. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.
11. Мухина В. Закон ставят на платформу: Как регулируются маркетплейсы в разных странах // Эксперт. 2026. 12 октября. URL: https://expert.ru/ekonomika/zakon-stavyat-na-platformu
12. Новые правила регулирования внешней электронной торговли заработают с 1 января 2027 года // Евразийская экономическая комиссия: новости. 2026. 7 августа. URL: https://eec.eaeunion.org/news/novye-pravila-regulirovaniya-vneshney-elektronnoy-torgovli-zarabotayut-s-1-yanvarya-2027-goda/
13. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.2026 № 39-П по делу о проверке конституционности пунктов 1 и 3 статьи 1253.1 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Мир Хобби» // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision916637.pdf
14. Протокол о внесении изменений в Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 года (подписан в г. Санкт-Петербурге 25.12.2023) (не вступил в силу) // Альта-Софт: таможенные документы. URL: https://www.alta.ru/tamdoc/23bn0196/
15. Савельев А.И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2016. ISBN 978-5-8354-1263-1.
16. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) (заключено в г. Марракеше 15.04.1994) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 37 (приложение, ч. VI). С. 2818–2849.
17. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза, подписанному в г. Москве 11.04.2017) (с изм. и доп.) // Официальный сайт Евразийского экономического союза. URL: http://www.eaeunion.org/
18. Таможенный кодекс Таможенного союза (приложение к Договору о Таможенном кодексе таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС на уровне глав государств от 27.11.2009 № 17) (утратил силу) // Собрание законодательства РФ. 2010. № 50. Ст. 6615.
19. Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 2018. № 32 (ч. I). Ст. 5082.
20. Федеральный закон от 05.12.2022 № 488-ФЗ «О внесении изменений в статьи 327 и 334 Федерального закона

„О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации“» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 50 (ч. III). Ст. 8782.
21. Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» // Российская газета. 2025. 6 августа. № 172.
22. ФТС в 2025 году пресекла около 8 млн единиц контрафактной продукции // Альта-Софт: внешнеэкономические новости. 2026. 19 марта. URL: https://www.alta.ru/external_news/126509/
23. Alibaba International IPP Platform. URL: https://ipp.aidcgroup.net/#/ippHome
24. Chen L., Cheah S.M., Huang C., Liu G. Alibaba: Building Advanced Intellectual Property Governance for E-Commerce Marketplaces // Asian Management Insights. 2025. URL: https://ccx.smu.edu.sg/ami/issues/volume-12-issue-2/case-point/alibaba-building-advanced-intellectual-property-governance
25. Council of the European Union. Customs: Council agrees to levy customs duty on small parcels as of 1 July 2026: press release, 12 December 2025. URL: https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2025/12/12/customs-council-agrees-to-levy-customs-duty-on-small-parcels-as-of-1-july-2026/
26. Enforcement of Intellectual Property Rights through Border Measures: Law and Practice in the EU / ed. by O. Vrins, M. Schneider. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2012. 1124 p.
27. European Parliament. Deal reached on Union Customs Code reform: press release. 2026. URL: https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20260323IPR38815/deal-reached-on-union-customs-code-reform
28. Executive Order 14324 of July 30, 2025 "Suspending Duty-Free De Minimis Treatment for All Countries" // The White House. URL: https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/07/suspending-duty-free-de-minimis-treatment-for-all-countries/
29. Executive Order of February 20, 2026 "Continuing the Suspension of Duty-Free De Minimis Treatment for All Countries" // The White House. URL: https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2026/02/continuing-the-suspension-of-duty-free-de-minimis-treatment-for-all-countries/
30. GOV.UK. Protecting Intellectual Property Rights On E-Commerce Stores: Guidance. URL: https://www.gov.uk/government/publications/protecting-intellectual-property-rights-on-e-commerce-stores/protecting-intellectual-property-rights-on-e-commerce-stores
31. Judgment of the Court (Second Chamber) of 6 February 2014, Martin Blomqvist v Rolex SA and Manufacture des Montres Rolex SA, Case C-98/13. ECLI:EU:C:2014:55.
32. OECD/EUIPO. Mapping Global Trade in Fakes 2025: Global Trends and Enforcement Challenges. Paris: OECD Publishing, 2025. (Illicit Trade).
33. OECD/EUIPO. Misuse of E-Commerce for Trade in Counterfeits. Paris: OECD Publishing, 2021. URL: https://www.oecd.org/en/publications/misuse-of-e-commerce-for-trade-in-counterfeits_1c04a64e-en.html
34. Raustiala K., Sprigman C. The Piracy Paradox: Innovation and Intellectual Property in Fashion Design // Virginia Law Review. 2006. Vol. 92. P. 1687–1777.
35. Regulation (EU) No 608/2013 of the European Parliament and of the Council of 12 June 2013 concerning customs enforcement of intellectual property rights and repealing Council Regulation (EC) No 1383/2003 // Official Journal of the European Union. L 181. 29.06.2013. URL: http://data.europa.eu/eli/reg/2013/608/oj
36. The Logistics Navigators. Shein's Supply Chain: How Real-Time Logistics Beat Traditional Fast Fashion. 2024. URL: https://www.logisticsnavigators.com/businessbreakdowns/sheins-supply-chain-how-real-time-logistics-beat-traditional-fast-fashion

Customs Control and Protection of Intellectual Property Objects in the Field of Industrial Design in Cross-Border E-Commerce

Anastasiya P. Gorchakova

Assistant,
Department of Customs and Commodity Expertise;
Russian Biotechnological University (ROSBIOTECH),
125080, 11, Volokolamskoe, Moscow, Russian Federation;
Postgraduate Student of the Law Institute of IPBU,
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba,
117198, 6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: gorchakovaanastasia@mail.ru

Anastasiya M. Goncharova

Russian Biotechnological University (ROSBIOTECH),
125080, 11, Volokolamskoe, Moscow, Russian Federation;
e-mail: goncharovaam2023@cloud.mgupp.ru

Abstract

This article raises urgent problems of legal protection and customs protection of intellectual property in the context of the rapid development of cross-border e-commerce within the Eurasian Economic Union (EAEU). A set of proposals is substantiated, including the extension of customs protection measures to commercial online shipments, the integration of databases using artificial intelligence for automated screening, and the achievement of data uniformity between customs registries and marketplaces. The aim of the study is to determine whether the current model of customs protection of intellectual property is capable of working effectively in the conditions of cross-border e-commerce. The methodological basis was formed by the analysis of the provisions of the TRIPS Agreement, the Customs Code of the EAEU, the Protocol on Amendments to the Treaty on the Customs Code of the EAEU of December 25, 2023, Russian legislation on the platform economy, as well as a comparative-legal study of the experience of the European Union and the United States. It is shown that industrial designs are not protected by customs either in container shipments, since they are absent from the list of objects of the customs registry, or in parcels, since goods for personal use are released without placement under customs procedures. It is revealed that the new regulation of e-commerce creates different protection for identical goods depending on the logistics model chosen by the seller. The legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation (Ruling No. 39-P of June 16, 2026) on the procedure for marketplaces' response to right holders' statements and on the risks of patent trolling are considered.

For citation

Gorchakova A.P., Goncharova A.M. (2026) Tamozhennyy kontrol' i zashchita ob"ektov intellektual'noy sobstvennosti v sfere promyshlennogo dizayna pri transgranichnoy elektronnoy torgovle [Customs Control and Protection of Intellectual Property Objects in the Field of Industrial Design in Cross-Border E-Commerce]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (9A), pp. 197-210. DOI: 10.34670/AR.2026.36.33.024

Keywords

Cross-border e-commerce, customs control, intellectual property, industrial designs, e-commerce operator, Eurasian Economic Union (EAEU), marketplaces, customs registry, artificial intelligence, research methodology.

References

1. Agamagomedova S.A. (2024). Tamozhennyy kontrol' tovarov, soderzhashchikh ob"yekty intellektual'noy sobstvennosti: napravleniya tsifrovizatsii [Customs Control of Goods Containing Intellectual Property Objects: Digitalisation Directions]. Trudy po intellektual'noy sobstvennosti, 50(3), 83-91. DOI: 10.17323/tis.2024.22302
2. Agamagomedova S.A. (2023). Transgranichnaya zashchita intellektual'nykh prav: evolyutsiya regulirovaniya i problemy pravoprimeneniya [Cross-Border Protection of Intellectual Rights: Evolution of Regulation and Problems of Law Enforcement]. Trudy po intellektual'noy sobstvennosti, 45(2), 32-43. DOI: 10.17323/tis.2023.17370
3. Agamagomedova S.A. (2024). Transgranichnyye aspekty administrativnoy zashchity intellektual'noy sobstvennosti: obzor rossiyskoy sudebnoy praktiki [Cross-Border Aspects of Administrative Protection of Intellectual Property: A

Review of Russian Judicial Practice]. Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskiye nauki, 28(3), 651-668. DOI: 10.22363/2313-2337-2024-28-3-651-668
4. Arstanova A. (2026, June 16). Kogda marketpleys osvobozhdayetsya ot otvetstvennosti za narusheniye intellektual'nykh prav tret'imi litsami? [When Is a Marketplace Released from Liability for Infringement of Intellectual Rights by Third Parties?]. Advokatskaya gazeta. Available at: https://www.advgazeta.ru/novosti/kogda-marketplexys-osvobozhdaetsya-ot-otvetstvennosti-za-narushenie-intellektualnykh-prav-tretimi-lits/
5. Arstanova A. (2026, March 26). KS proverit konstitutsionnost' normy GK ob otvetstvennosti informatsionnykh posrednikov [The Constitutional Court Will Verify the Constitutionality of the Civil Code Norm on the Liability of Information Intermediaries]. Advokatskaya gazeta. Available at: https://www.advgazeta.ru/novosti/ks-proverit-konstitutsionnost-normy-gk-ob-otvetstvennosti-informatsionnykh-posrednikov/
6. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast' chetvërtaya) ot 18.12.2006 No. 230-FZ (s izm. i dop.) [Civil Code of the Russian Federation (Part Four) of 18.12.2006 No. 230-FZ (as amended and supplemented)]. (2006). Sobraniye zakonodatel'stva RF, 52(Part I), Art. 5496.
7. Zashchita intellektual'noy sobstvennosti [Protection of Intellectual Property]. (2012, April 27). Al'ta-Soft: vneshneekonomicheskiye novosti. Available at: https://www.alta.ru/external_news/20929/
8. Zvezda I.I. (2026) Opyt primeneniya iskusstvennogo intellekta v tamozhennom dele Rossiyskoy Federatsii [Experience of Applying Artificial Intelligence in Customs Affairs of the Russian Federation]. Tamozhennoye delo, 3, 5-7. DOI: 10.18572/2071-1220-2026-3-5-7
9. Data Insight. (2026) Internet-torgovlya v Rossii 2026: marketingovoye issledovaniye [E-Commerce in Russia 2026: Marketing Research]. Data Insight. Available at: https://datainsight.ru/DI_eCommerce_2026
10. Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh ot 30.12.2001 No. 195-FZ (s izm. i dop.) [Code of the Russian Federation on Administrative Offences of 30.12.2001 No. 195-FZ (as amended and supplemented)]. (2002). Sobraniye zakonodatel'stva RF, 1(Part I), Art. 1.
11. Mukhina V. (2026, October 12). Zakon stavyat na platformu: Kak reguliruyutsya marketpleysy v raznykh stranakh [The Law Is Put on a Platform: How Marketplaces Are Regulated in Different Countries]. Ekspert. Available at: https://expert.ru/ekonomika/zakon-stavyat-na-platformu
12. Novyye pravila regulirovaniya vneshney elektronnoy torgovli zarabotayut s 1 yanvarya 2027 goda [New Rules for Regulating Foreign E-Commerce Will Come into Force on 1 January 2027]. (2026, August 7). Yevraziyskaya ekonomicheskaya komissiya: novosti. Available at: https://eec.eaeunion.org/news/novye-pravila-regulirovaniya-vneshney-elektronnoy-torgovli-zarabotayut-s-1-yanvarya-2027-goda/
13. Postanovleniye Konstitutsionnogo Suda RF ot 16.06.2026 No. 39-P po delu o proverke konstitutsionnosti punktov 1 i 3 stat'i 1253.1 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zhaloboy obshchestva s ogranichennoy otvetstvennost'yu "Mir Khobbi" [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 16.06.2026 No. 39-P in the Case on the Verification of the Constitutionality of Points 1 and 3 of Article 1253.1 of the Civil Code of the Russian Federation in Connection with the Complaint of the Limited Liability Company "Mir Khobbi"]. Ofitsial'nyy sayt Konstitutsionnogo Suda RF. Available at: https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision916637.pdf
14. Protokol o vnesenii izmeneniy v Dogovor o Tamozhennom kodekse Yevraziyskogo ekonomicheskogo soyuza ot 11 aprelya 2017 goda (podpisan v g. Sankt-Peterburge 25.12.2023) (ne vstupil v silu) [Protocol on Amendments to the Treaty on the Customs Code of the Eurasian Economic Union of 11 April 2017 (signed in St Petersburg on 25.12.2023) (not yet in force)]. Al'ta-Soft: tamozhennyye dokumenty. Available at: https://www.alta.ru/tamdoc/23bn0196/
15. Saveliev A.I. (2016). Elektronnaya kommertsiya v Rossii i za rubezhom: pravovoye regulirovaniye [E-Commerce in Russia and Abroad: Legal Regulation] (2nd ed., rev. and suppl.). Statut. ISBN 978-5-8354-1263-1.
16. Soglasheniye po torgovym aspektam prav intellektual'noy sobstvennosti (TRIPS) (zaklyucheno v g. Marrakeshe 15.04.1994) [Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights (TRIPS) (concluded in Marrakesh on 15.04.1994)]. (2012). Sobraniye zakonodatel'stva RF, 37(Appendix, Part VI), 2818-2849.
17. Tamozhennyy kodeks Yevraziyskogo ekonomicheskogo soyuza (prilozheniye No. 1 k Dogovoru o Tamozhennom kodekse Yevraziyskogo ekonomicheskogo soyuza, podpisannomu v g. Moskve 11.04.2017) (s izm. i dop.) [Customs Code of the Eurasian Economic Union (Appendix No. 1 to the Treaty on the Customs Code of the Eurasian Economic Union, signed in Moscow on 11.04.2017) (as amended and supplemented)]. Ofitsial'nyy sayt Yevraziyskogo ekonomicheskogo soyuza. Available at: http://www.eaeunion.org/
18. Tamozhennyy kodeks Tamozhennogo soyuza (prilozheniye k Dogovoru o Tamozhennom kodekse tamozhennogo soyuza, prinyatomu Resheniyem Mezhgosudarstvennogo Soveta YevrAzES na urovne glav gosudarstv ot 27.11.2009 No. 17) (utratil silu) [Customs Code of the Customs Union (Appendix to the Treaty on the Customs Code of the Customs Union, adopted by Decision of the Interstate Council of the EurAsEC at the Level of Heads of State of 27.11.2009 No. 17) (repealed)]. (2010). Sobraniye zakonodatel'stva RF, 50, Art. 6615.
19. Federal'nyy zakon ot 03.08.2018 No. 289-FZ "O tamozhennom regulirovanii v Rossiyskoy Federatsii i o vnesenii izmeneniy v otdel'nyye zakonodatel'nyye akty Rossiyskoy Federatsii" (s izm. i dop.) [Federal Law of 03.08.2018 No. 289-FZ "On Customs Regulation in the Russian Federation and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (as amended and supplemented)]. (2018). Sobraniye zakonodatel'stva RF, 32(Part I), Art. 5082.

20. Federal'nyy zakon ot 05.12.2022 No. 488-FZ "O vnesenii izmeneniy v stat'i 327 i 334 Federal'nogo zakona 'O tamozhennom regulirovanii v Rossiyskoy Federatsii i o vnesenii izmeneniy v otdel'nyye zakonodatel'nyye akty Rossiyskoy Federatsii"' [Federal Law of 05.12.2022 No. 488-FZ "On Amendments to Articles 327 and 334 of the Federal Law 'On Customs Regulation in the Russian Federation and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation"']. (2022). Sobraniye zakonodatel'stva RF, 50(Part III), Art. 8782.
21. Federal'nyy zakon ot 31.07.2025 No. 289-FZ "Ob otdel'nykh voprosakh regulirovaniya platformennoy ekonomiki v Rossiyskoy Federatsii" [Federal Law of 31.07.2025 No. 289-FZ "On Certain Issues of Regulating the Platform Economy in the Russian Federation"]. (2025, August 6). Rossiyskaya gazeta, 172.
22. FTS v 2025 godu presekla okolo 8 mln yedinits kontrafaktnoy produktsii [The FCS Suppressed About 8 Million Units of Counterfeit Products in 2025]. (2026, March 19). Al'ta-Soft: vneshneekonomicheskiye novosti. Available at: https://www.alta.ru/external_news/126509/
23. Alibaba International IPP Platform. Available at: https://ipp.aidcgroup.net/#/ippHome
24. Chen L., Cheah S.M., Huang C., Liu G. (2025). Alibaba: Building Advanced Intellectual Property Governance for E-Commerce Marketplaces. Asian Management Insights. Available at: https://ccx.smu.edu.sg/ami/issues/volume-12-issue-2/case-point/alibaba-building-advanced-intellectual-property-governance
25. Council of the European Union. (2025, December 12). Customs: Council agrees to levy customs duty on small parcels as of 1 July 2026: press release. Available at: https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2025/12/12/customs-council-agrees-to-levy-customs-duty-on-small-parcels-as-of-1-july-2026/
26. Vrins O., Schneider M. (eds.) (2012). Enforcement of Intellectual Property Rights through Border Measures: Law and Practice in the EU (2nd ed.). Oxford University Press.
27. European Parliament. (2026) Deal reached on Union Customs Code reform: press release. Available at: https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20260323IPR38815/deal-reached-on-union-customs-code-reform
28. Executive Order 14324 of July 30, 2025 "Suspending Duty-Free De Minimis Treatment for All Countries". The White House. Available at: https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/07/suspending-duty-free-de-minimis-treatment-for-all-countries/
29. Executive Order of February 20, 2026 "Continuing the Suspension of Duty-Free De Minimis Treatment for All Countries". The White House. Available at: https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2026/02/continuing-the-suspension-of-duty-free-de-minimis-treatment-for-all-countries/
30. GOV.UK. Protecting Intellectual Property Rights On E-Commerce Stores: Guidance. Available at: https://www.gov.uk/government/publications/protecting-intellectual-property-rights-on-e-commerce-stores/protecting-intellectual-property-rights-on-e-commerce-stores
31. Judgment of the Court (Second Chamber) of 6 February 2014, Martin Blomqvist v Rolex SA and Manufacture des Montres Rolex SA, Case C-98/13. ECLI:EU:C:2014:55.
32. OECD/EUIPO. (2025). Mapping Global Trade in Fakes 2025: Global Trends and Enforcement Challenges (Illicit Trade). OECD Publishing.
33. OECD/EUIPO. (2021). Misuse of E-Commerce for Trade in Counterfeits. OECD Publishing. Available at: https://www.oecd.org/en/publications/misuse-of-e-commerce-for-trade-in-counterfeits_1c04a64e-en.html
34. Raustiala K., Sprigman C. (2006). The Piracy Paradox: Innovation and Intellectual Property in Fashion Design. Virginia Law Review, 92, 1687-1777.
35. Regulation (EU) No 608/2013 of the European Parliament and of the Council of 12 June 2013 concerning customs enforcement of intellectual property rights and repealing Council Regulation (EC) No 1383/2003. (2013). Official Journal of the European Union, L 181. Available at: http://data.europa.eu/eli/reg/2013/608/oj
36. The Logistics Navigators. (2024). Shein's Supply Chain: How Real-Time Logistics Beat Traditional Fast Fashion. Available at: https://www.logisticsnavigators.com/businessbreakdowns/sheins-supply-chain-how-real-time-logistics-beat-traditional-fast-fashion

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 347.2 **DOI: 10.34670/AR.2026.40.79.025**

Эволюция правоотношений собственности в России на рубеже XX и XXI веков в условиях рыночных преобразований

Макаров Иван Николаевич

Доктор экономических наук, профессор
Липецкий филиал
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
398001, Российская Федерация, Липецк, ул. Интернациональная, 12;
e-mail: makarov@fa.ru

Казарова Диана Сергеевна

Кандидат психологических наук, доцент,
кафедра государственно-правовых дисциплин,
Липецкий государственный педагогический
университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского,
398020, Российская Федерация, Липецк, ул. Ленина, 42;
e-mail: kazarova@lspu-lipetsk.ru

Айрапетян Варсеник Сергеевна

Адвокат,
Центральная коллегия адвокатов Краснодарского края
350000, Российская Федерация, Краснодар, ул. Красная, 143;
e-mail: ayrapetyan.vs@mail.ru

Аннотация

Периодизация преобразования правоотношений собственности в России 1990-х – 2000-х гг. обычно строится по датам принятия законов, хотя соотношение между вступлением акта в силу и фактическим перераспределением имущества между публичными и частными собственниками остаётся неизмеренным. В статье устанавливается последовательность нормативных изменений и изменения субъектного состава собственников в 1990–2010 гг. Формально-юридическим анализом и сравнением редакций исследованы закон РСФСР о собственности 1990 г., законы и подзаконные акты о приватизации 1991–2001 гг., нормы Конституции РФ, ст. 209–217 ГК РФ и изменения 2026 г.; количественным материалом послужил реестр структурных индикаторов ЕБРР по России из шести докладов (151 запись), в том числе ряд доли частного сектора в ВВП за 21 год, обработанный кусочно-линейной регрессией с перебором лет излома. Доля частного сектора оставалась на уровне 5 % ВВП в 1990–1991 гг., достигла 50 % в 1994 г. и 70 % в 1997 г.; к 1994 г. реализовано 69,2 % всего прироста, то есть до вступления в силу части первой ГК РФ. Изломы ряда приходятся на 1991, 1993 и 1997 гг. с наклонами 17,53 и 7,45 п. п. в год на участках роста и –0,46 п. п. после 1997 г.; снижение до 65 % в 2005 г.

предшествовало закону 2008 г. о стратегических обществах. Кодификация закрепила общий режим собственности для уже сложившегося частного сектора, а переход к возмездной приватизации изменял собственников отдельных объектов, не увеличивая совокупную долю частного сектора; эта временная структура определяет сферу действия десятилетнего предельного срока давности по искам о приватизации, введённого в 2026 г.

Для цитирования в научных исследованиях

Макаров И.Н., Казарова Д.С., Айрапетян В.С. Эволюция правоотношений собственности в России на рубеже XX и XXI веков в условиях рыночных преобразований // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 9А. С. 211-219. DOI: 10.34670/AR.2026.40.79.025

Ключевые слова

Право собственности, формы собственности, приватизация, Гражданский кодекс Российской Федерации, частный сектор, исковая давность, структурные индикаторы ЕБРР, рыночные преобразования, перераспределение имущества, правовой режим.

Введение

В 1990–2000-х гг. правоотношения собственности в России изменялись одновременно в трёх плоскостях. Менялись нормы о допустимых формах собственности и равенстве их защиты, легальные механизмы перехода имущества от публичных собственников к частным лицам и фактический состав собственников экономических активов. Периодизация этого процесса строится, как правило, по датам принятия закона о собственности 1990 г., Конституции 1993 г., части первой Гражданского кодекса РФ, законам о приватизации 1991, 1997 и 2001 гг. [Kozyrin, 2016; Ивлиев, 2024]. Законодательство о приватизации в России предназначалось для коренного изменения отношений собственности, а не только для повышения эффективности отдельных предприятий [Kozyrin, 2016], а сам способ организации собственности в постсоветский период рассматривается как фактор, определявший структуру государства и правоприменения [Бутаков, 2020]. Такая периодизация исходит из того, что норма предшествует изменению субъектного состава и определяет его, однако соотношение между моментом вступления акта в силу и масштабом перераспределения имущества в правовой литературе обычно не измеряется.

Временная структура перехода права собственности получила самостоятельное практическое значение в связи с требованиями о последствиях нарушений при приватизации, предъявляемыми через десятилетия после сделок. Для оспаривания приватизационных сделок центральными остаются вопросы исковой давности и защиты добросовестных приобретателей [Мазаев, 2025], а соотношение публично-правовых ожиданий и частноправовых основ в российском регулировании, затрагивающем права собственников, по-прежнему требует поиска правовых точек соприкосновения [Щербаков, 2025]. Юридическая оценка этих требований зависит от того, когда произошла основная часть передачи имущества и какие нормы действовали в этот момент.

Задача статьи – установить по текстам актов и по измеренному показателю субъектного состава последовательность нормативных изменений и фактического перераспределения собственности в России в 1990–2010 гг. и определить, на какую стадию правового регулирования пришлась основная часть перехода имущества к частным собственникам.

Материалы и методы исследования

Нормативный материал составили акты, которые в 1990–2010 гг. устанавливали общий режим собственности и порядок перехода публичного имущества к частным лицам: Закон РСФСР от 24.12.1990 № 443-1 «О собственности в РСФСР» и постановление Верховного Совета РСФСР от 24.12.1990 о его введении в действие, Закон РСФСР от 03.07.1991 № 1531-1 «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР», постановление Верховного Совета РФ от 11.06.1992 № 2980-1 об утверждении Государственной программы приватизации на 1992 г., указы Президента РФ от 14.08.1992 № 914 и от 22.07.1994 № 1535, Конституция РФ (ст. 8, 9, 35), часть первая ГК РФ (ст. 209, 212–215, 217), федеральные законы от 21.07.1997 № 123-ФЗ, от 25.10.2001 № 137-ФЗ, от 21.12.2001 № 178-ФЗ, от 29.04.2008 № 57-ФЗ и от 10.06.2026 № 167-ФЗ, а также постановление Конституционного Суда РФ от 22.06.2017 № 16-П. Тексты и даты вступления в силу сверены по правовым базам «Гарант», «Легалакт» и «Кодификация.РФ» по состоянию на 21.10.2026. Формально-юридический анализ и сравнение редакций применены к легальным определениям приватизации, перечням форм собственности и субъектов права собственности, а также к моменту вступления каждого акта в силу.

Количественным материалом служат структурные индикаторы Европейского банка реконструкции и развития по России из докладов Transition Report 1999, 2004, 2005, 2007, 2009 и 2010 гг. Основной показатель – доля частного сектора в ВВП (% ВВП). ЕБРР относит к частным предприятия, большинство акций которых принадлежит частным лицам, и оценивает долю по официальным и неофициальным источникам с шагом 5 п. п. Выбор совокупной оценки обусловлен тем, что официальная статистика государственного сектора охватывает прежде всего федеральные акционерные общества и унитарные предприятия, а муниципальный уровень в большинстве источников не наблюдается [Химченко, Плаксина, 2021]; отраслевые оценки компаний с государственным участием по крупнейшим эмитентам доступны лишь с 2006 г. [Абрамов, Радыгин, Чернова, 2016]. Дополнительно извлечены индексы крупной и малой приватизации (шкала 1–4,33), накопленные поступления от приватизации (% ВВП) и качественная оценка оборотоспособности земли. Единица анализа – запись «год – показатель – выпуск доклада»; реестр включает 151 запись с номером страницы и строки PDF. Для каждого года принято значение из самого позднего выпуска, содержащего этот год; значения 1990–1997 гг. представлены только в выпуске 1999 г. Получен непрерывный ряд из 21 годового наблюдения за 1990–2010 гг.

Структурные сдвиги ряда определены непрерывной кусочно-линейной регрессией $y = a + b \cdot t + \Sigma\, c_j \cdot \max(0,\ t - \tau_j)$ с полным перебором целочисленных лет излома τ_j, минимальным расстоянием между изломами два года и заранее заданным пределом $k \leq 3$. Предел обоснован шагом оценок ЕБРР, поскольку округление до 5 п. п. порождает ожидаемую остаточную сумму квадратов 43,8 (п. п.)², и при трёх изломах остаточная сумма (41,8) уже ниже этого уровня. Совпадение изломов с годами вступления актов в силу проверено как доля всех 560 допустимых троек лет излома, каждый элемент которых отстоит от какого-либо акта не более чем на один год. Устойчивость оценена заменой поздних выпусков ранними, исключением базового 1990 г. и расширением перебора до пяти изломов. Извлечение выполнено утилитой pdftotext, расчёт – программой на Python 3; повторный запуск с удалением промежуточных файлов побайтно воспроизвёл реестр и результаты.

Результаты и обсуждение

Принцип множественности форм собственности получил законодательное выражение раньше, чем началось массовое перераспределение имущества. Пункт 3 ст. 2 Закона РСФСР № 443-1, введённого в действие с 1 января 1991 г., допускает нахождение имущества в частной, государственной, муниципальной собственности и в собственности общественных объединений и запрещает государству устанавливать ограничения или преимущества в осуществлении права собственности в зависимости от его принадлежности. Часть 2 ст. 8 Конституции РФ закрепляет равную защиту частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности, а ч. 1 ст. 35 – охрану права частной собственности законом. Статья 212 ГК РФ воспроизводит этот принцип на уровне кодекса (п. 1 и 4), определяет закрытый перечень публичных собственников – Российская Федерация, субъекты, муниципальные образования (п. 2) – и устанавливает, что особенности режима имущества в зависимости от собственника определяются лишь законом (п. 3). Кодификация, следовательно, не ввела равенство форм собственности, а перевела его из закона переходного периода в систему норм вещного права. Категория формы собственности при этом сохранила преемственность с прежней доктриной и связь с экономическим содержанием отношений [Карпов, 2025]; открытая формула «иные формы собственности», дублируемая в ст. 212 ГК РФ, остаётся предметом критики как юридически неопределённая [Лебедева, 2026], а противостояние концепции единого права собственности и концепции особой публичной собственности не снято и в проектах реформы вещного права [Пятков, 2017].

Ряд ЕБРР показывает, что введение принципа множественности форм само по себе субъектный состав не изменило: доля частного сектора составляла 5 % ВВП и в 1990 г., и в 1991 г., когда закон о собственности уже действовал, а Закон № 1531-1 был принят. Первый излом приходится на 1991 г., второй – на 1993 г.; на участке между ними расчётный прирост равен 17,53 п. п. в год, а фактические годовые изменения составили +20 п. п. в 1992 г. и +15 п. п. в 1993 г. Этот участок регулировался прежде всего подзаконными актами. Постановление № 2980-1 вводит Государственную программу приватизации на 1992 г. в действие с момента опубликования, а Указ № 914 устанавливает систему приватизационных чеков. Статья 1 Закона № 1531-1 определяет приватизацию через действие приобретателя – приобретение гражданами и акционерными обществами у государства в частную собственность предприятий и их активов – и не связывает переход права с возмездностью. Приватизационный чек не удостоверял права на долю в государственном имуществе и был государственной ценной бумагой, доход по которой зависел от способа её использования [Kozyrin, 2016]; массовая безденежная приватизация стала основным каналом распределения экономических ресурсов этого периода [Мазаев, 2025].

Порог в 50 % ВВП достигнут в 1994 г., в котором истёк срок действия приватизационных чеков; Указ № 1535 прямо связывает утверждение Основных положений программы приватизации после 1 июля 1994 г. с окончанием этого срока. К 1994 г. включительно реализовано 69,2 % всего прироста доли частного сектора от уровня 1990 г. до максимума в 70 % ВВП. Часть первая ГК РФ вступила в силу с 1 января 1995 г., то есть после того, как основная часть перехода имущества к частным собственникам уже произошла. Работа над кодексом была направлена на устранение противоречий действовавшего гражданско-правового регулирования и задание общих положений, на которых затем строились отдельные институты [Ивлиев, 2024];

сравнительный анализ трёх кодификаций фиксирует в ГК РФ расширение частноправового регулирования и круга участников правоотношений, включая публично-правовые образования [Долинская, 2026]. Измеренный ряд дополняет эти выводы последовательностью, при которой кодекс систематизировал режим собственности, когда преобладание частного сектора уже было достигнуто. На участке 1993–1997 гг. расчётный прирост снизился до 7,45 п. п. в год, а максимум 70 % ВВП впервые зафиксирован в 1997 г.

Третий излом совпадает с годом принятия Федерального закона № 123-ФЗ, который вступил в силу со дня официального опубликования. Его ст. 1 определяет приватизацию как возмездное отчуждение имущества Российской Федерации, субъектов и муниципальных образований в собственность физических и юридических лиц, то есть переносит акцент с приобретателя на публичного собственника и делает возмездность признаком понятия. Переход к денежной приватизации объясняется потребностью федерального бюджета в доходах и в инвестициях для структурной перестройки экономики [Kozyrin, 2016]. После излома расчётный наклон равен –0,46 п. п. в год, а доля 70 % ВВП держалась восемь лет (1997–2004). В выпуске 1999 г. накопленные поступления от приватизации к 1997 г. оценены в 1,7 % ВВП, в выпуске 2009 г. к 2008 г. – в 6,5 % ВВП; показатель отнесён к ВВП текущего года и между выпусками пересматривался, поэтому сопоставляются только значения конкретных выпусков. Федеральный закон № 178-ФЗ вступил в силу 26.04.2002, по истечении трёх месяцев после опубликования, и в ряду ему соответствует неизменная доля 70 % ВВП. Возмездная приватизация конца 1990-х – 2000-х гг. меняла собственников отдельных объектов при устойчивом совокупном соотношении частного и публичного секторов. С этим согласуются снижение приватизационной активности после кризиса 1998 г. [Валов, 2021] и вывод об исчерпании к концу 1990-х гг. приватизации как механизма массового наделения населения собственностью, после чего имущество домохозяйств формировалось приобретением за счёт доходов и кредита [Богомолова, Черкашина, 2018].

Снижение доли частного сектора на 5 п. п. в 2005 г. сопровождалось понижением индекса крупной приватизации с 3,3 до 3,0 – единственным изменением этого индекса после его повышения в 1997 г. В докладе 2005 г. ЕБРР объясняет понижение возвращением под государственный контроль крупных компаний нефтегазового сектора и восстановлением контрольного пакета государства в крупнейшей газовой компании. Текст ст. 212–215 ГК РФ в этот период не изменялся, и расширение публичного сектора шло через приобретение акций и активов теми же гражданско-правовыми способами, которые служили приватизации. Специальный порядок иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение, Федеральный закон № 57-ФЗ установил в 2008 г., когда доля уже три года оставалась на уровне 65 % ВВП. Обратное движение 2005 г. предшествовало закону о стратегических обществах, а не следовало за ним. Оценки по крупнейшим компаниям с государственным участием за 2006–2014 гг. фиксируют рост их доли в выручке и численности занятых при снижении доли в капитализации рынка [Абрамов, Радыгин, Чернова, 2016], то есть расширение публичного участия продолжилось и в форме, не отражённой в округлённом ряду ЕБРР.

Для земли характеристики ЕБРР фиксируют иное соотношение нормы и практики. Часть 2 ст. 9 Конституции РФ допускает нахождение земли в частной собственности, однако в выпуске 1999 г. оборотоспособность земли в России оценена как ограниченная юридически, а в выпусках 2004–2009 гг. – как ограниченная фактически. Между этими оценками в силу вступил

Земельный кодекс РФ: ст. 1 Федерального закона № 137-ФЗ вводит его в действие со дня официального опубликования. Смена квалификации с юридического на фактическое ограничение относится к периоду после снятия законодательного препятствия, и в этом сегменте норма предшествовала изменению оценки. Конституционное закрепление частной собственности на землю одновременно институционализирует механизмы её ограничения [Хлебников, 2026], а сохранение фактического ограничения согласуется с выводом о неразвитости форм земельной собственности и землепользования в сельском хозяйстве [Ryazantsev, Ivolga, 2021].

Близость изломов к датам актов (0, 1 и 0 лет для 1991, 1993 и 1997 гг.) сама по себе не различает гипотезы, поскольку из 560 допустимых троек лет излома 32,7 % целиком лежат в пределах одного года от учтённых актов, без программы 1992 г. – 25,7 %, с добавлением 2007 г. – 42,9 %. Поэтому вывод опирается на порядок и величину изменений, а не на календарное совпадение. Положение третьего излома определено с точностью до года, так как тройка 1991, 1993 и 1998 гг. уступает лучшей по остаточной сумме (48,5 против 41,8) и сохраняет относительное правдоподобие 0,21. При использовании ранних выпусков ряд не изменился, поскольку в 10 годах, представленных в нескольких выпусках, значения доли совпадают и пересмотров оценки не было. При исключении 1990 г. изломы 1993 и 1997 гг. сохраняются, а третий смещается к 2001 г.; при расширении перебора до четырёх и пяти изломов дополнительные точки ложатся на 2001–2005 гг., не затрагивая первых трёх.

Временная структура перераспределения получила самостоятельное правовое значение после принятия Федерального закона от 10.06.2026 № 167-ФЗ. Новый п. 2 ст. 217 ГК РФ распространяет на последствия нарушений при приватизации установленные кодексом сроки исковой давности и предусматривает, что по искам об истребовании приватизированного имущества и иным требованиям о последствиях таких нарушений срок во всяком случае не превышает десяти лет со дня нарушения права. Весь измеренный прирост доли частного сектора пришёлся на 1992–1997 гг., т. е. не менее чем за 29 лет до принятия закона, и для нарушений, допущенных при сделках этого периода, десятилетний предельный срок истёк не позднее 2007 г. Конституционный Суд РФ в постановлении от 22.06.2017 № 16-П признал п. 1 ст. 302 ГК РФ не соответствующим Конституции РФ в той мере, в какой он допускает истребование выморочного жилого помещения у добросовестного приобретателя по иску публично-правового образования. Закон 2026 г. распространяет тот же принцип стабильности титула с защиты отдельного добросовестного приобретателя на сами сделки приватизации, отвечая на проблему давности, которую доктрина называла главной при оспаривании таких сделок [Мазаев, 2025].

Заключение

В 1990–2010 гг. нормативное признание множественности и равенства форм собственности предшествовало изменению субъектного состава собственников: закон о собственности действовал с 1991 г., а доля частного сектора в ВВП в этом году ещё оставалась на уровне 5 %. Основная часть перехода к частным собственникам – 69,2 % прироста доли до максимума в 70 % ВВП – пришлась на 1992–1994 гг. и происходила в режиме закона о собственности, Закона о приватизации 1991 г. и подзаконных актов о программе приватизации и приватизационных чеках.

Часть первая ГК РФ вступила в силу, когда частный сектор уже преобладал, и закрепила общий режим собственности для сложившейся структуры. Федеральные законы № 123-ФЗ и № 178-ФЗ, определившие приватизацию как возмездное отчуждение, действовали, когда совокупная доля частного сектора уже не росла, и регулировали смену собственников отдельных объектов. Сокращение доли частного сектора в 2005 г. произошло в рамках общего гражданско-правового режима и предшествовало специальному закону 2008 г. Для земли последовательность обратная, и снятие законодательного препятствия Земельным кодексом предшествовало переквалификации ограничения оборотоспособности в фактическое.

Измеренная последовательность позволяет датировать сделки, сформировавшие современный частный сектор, 1992–1997 гг. В силу п. 2 ст. 217 ГК РФ в редакции Федерального закона № 167-ФЗ требования о последствиях нарушений при этих сделках ограничены десятилетним сроком со дня нарушения права, и временная структура перераспределения 1990-х гг. определяет сферу действия этой нормы.

Библиография

1. Абрамов А.Е., Радыгин А.Д., Чернова М.И. Компании с государственным участием на российском рынке: структура собственности и роль в экономике // Вопросы экономики. 2016. № 12. С. 61–87. DOI: 10.32609/0042-8736-2016-12-61-87
2. Богомолова Т.Ю., Черкашина Т.Ю. Институционально-экономический контекст формирования нефинансового богатства российских домохозяйств: от приватизации к приобретению // Мир России. 2018. Т. 27. № 2. С. 62–89. DOI: 10.17323/1811-038x-2018-27-2-62-89
3. Бутаков А.В. Россия: собственность и государство. Из истории постсоветского правоприменения (Часть I) // Правоприменение. 2020. Т. 4. № 3. С. 5–15. DOI: 10.24147/2542-1514.2020.4(3).5-15
4. Валов Т.В. Влияние экономического кризиса 1998 года на динамику рыночных реформ и приватизационный процесс в России (на примере Санкт-Петербурга) // Научный диалог. 2021. № 3. С. 347–362. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-347-362
5. Долинская В.В. Тенденции развития гражданского кодифицированного законодательства России: к юбилею Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2026. № 1. С. 153–163. DOI: 10.17803/2311-5998.2026.137.1.153-163
6. Ивлиев Г.П. Гражданский кодекс Российской Федерации: история принятия // Журнал российского права. 2024. Т. 28. № 12. С. 88–94. DOI: 10.61205/jrp.2024.12.1
7. Карпов Е.А. О формах собственности в Российской Федерации: методологический анализ // Гражданское право. 2025. № 4. С. 17–20. DOI: 10.18572/2070-2140-2025-4-17-20
8. Лебедева Е.В. Правовая категория «иные формы собственности» // Гражданское право. 2026. № 2. С. 6–9. DOI: 10.18572/2070-2140-2026-2-6-9
9. Мазаев В.Д. Конституционализм и массовая ваучерная приватизация // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 9. С. 88–96. DOI: 10.17803/2311-5998.2025.133.9.088-096
10. Пятков Д.В. Перспективы вещного права: публичная собственность и единое право собственности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 4. С. 128–143. DOI: 10.17323/2072-8166.2017.4.128.143
11. Химченко А.Н., Плаксина А.М. Корпоративная составляющая государственного сектора экономики России: структура, параметры оценки, характеристика // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. 2021. № 3. С. 181–191. DOI: 10.29025/1994-7720-2021-3-181-191
12. Хлебников А.В. Конституционно-правовые основы ограничений права частной собственности на землю // Вестник Томского государственного университета. 2026. № 525. С. 280–285. DOI: 10.17223/15617793/525/30
13. Щербаков М.В. Публично-правовые ожидания и частноправовые основы социальной ответственности бизнеса: поиск правовых точек соприкосновения в российском регулировании // Академический исследовательский журнал. 2025. Т. 3. № 6. С. 29–37.
14. Kozyrin A. Legal Basis for Transformation of Public Property and Russian Legislation on Privatization in the 1990s // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2016. No. 4. Pp. 140–151. DOI: 10.17323/2072-8166.2016.4.140.151
15. Ryazantsev I., Ivolga A. Distribution of agricultural lands and land ownership in Russia // Ekonomika poljoprivrede. 2021. Vol. 68. No. 4. Pp. 961–975. DOI: 10.5937/ekopolj2104961r

Evolution of Property Legal Relations in Russia at the Turn of the 20th and 21st Centuries under the Conditions of Market Transformations

Ivan N. Makarov

Doctor of Economics, Professor
Lipetsk Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation,
398001, 12, Internatsional'naya str., Lipetsk, Russian Federation;
e-mail: makarov@fa.ru

Diana S. Kazarova

PhD in Psychology, Associate Professor,
Department of State and Legal Disciplines,
Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shanskiy,
398020, 42, Lenina str., Lipetsk, Russian Federation;
e-mail: kazarova@lspu-lipetsk.ru

Varsenik S. Ayrapetyan

Attorney,
Central Bar Association of Krasnodar Krai
350000, 143, Krasnaya str., Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: ayrapetyan.vs@mail.ru

Abstract

The periodization of the transformation of property legal relations in Russia in the 1990s–2000s is usually constructed according to the dates of adoption of laws, although the relationship between the entry of an act into force and the actual redistribution of property between public and private owners remains unmeasured. The article establishes the sequence of normative changes and changes in the subject composition of owners in 1990–2010. By means of formal-legal analysis and comparison of editions, the RSFSR law on property of 1990, the laws and subordinate acts on privatization of 1991–2001, the norms of the Constitution of the Russian Federation, Articles 209–217 of the Civil Code of the Russian Federation, and the amendments of 2026 are studied; the quantitative material was the register of EBRD structural indicators for Russia from six reports (151 records), including a series of the share of the private sector in GDP over 21 years, processed by piecewise linear regression with enumeration of break years. The share of the private sector remained at the level of 5% of GDP in 1990–1991, reached 50% in 1994 and 70% in 1997; by 1994, 69.2% of the entire increase had been realized, that is, before the entry into force of Part One of the Civil Code of the Russian Federation. The breaks in the series fall on 1991, 1993, and 1997, with slopes of 17.53 and 7.45 percentage points per year in the growth segments and –0.46 percentage points after 1997; the decrease to 65% in 2005 preceded the 2008 law on strategic companies. Codification consolidated the general regime of property for the already established private sector, while the transition to compensated privatization changed the owners of individual objects without increasing the aggregate share of the private sector; this temporal structure determines the scope of the ten-year limitation period for privatization claims introduced in 2026.

For citation

Makarov I.N., Kazarova D.S., Ayrapetyan V.S. (2026) Evolyutsiya pravootnosheniy sobstvennosti v Rossii na rubezhe XX i XXI vekov v usloviyakh rynochnykh preobrazovaniy [Evolution of Property Legal Relations in Russia at the Turn of the 20th and 21st Centuries under the Conditions of Market Transformations]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (9A), pp. 211-219. DOI: 10.34670/AR.2026.40.79.025

Keywords

Property right, forms of property, privatization, Civil Code of the Russian Federation, private sector, limitation period, EBRD structural indicators, market transformations, redistribution of property, legal regime.

References

1. Abramov, A. E., Radygin, A. D., & Chernova, M. I. (2016). State-owned enterprises in the Russian market: Ownership structure and their role in the economy. Voprosy Ekonomiki, (12), 61–87. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-12-61-87
2. Bogomolova, T. Yu., & Cherkashina, T. Yu. (2018). Institutional and economic context of the formation of Russian households' non-financial wealth: From privatization to acquisition. Mir Rossii. Universe of Russia, 27(2), 62–89. https://doi.org/10.17323/1811-038x-2018-27-2-62-89
3. Butakov, A. V. (2020). Russia: Property and state. The history of post-Soviet law enforcement (Part I). Law Enforcement Review, 4(3), 5–15. https://doi.org/10.24147/2542-1514.2020.4(3).5-15
4. Dolinskaya, V. V. (2026) Development trends of civil codified legislation of Russia: On the anniversary of the Civil Code of the Russian Federation. Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), (1), 153–163. https://doi.org/10.17803/2311-5998.2026.137.1.153-163
5. Ivliev, G. P. (2024). Civil Code of the Russian Federation: The history of adoption. Journal of Russian Law, 28(12), 88–94. https://doi.org/10.61205/jrp.2024.12.1
6. Karpov, E. A. (2025). On property forms in the Russian Federation: A methodological analysis. Civil Law, (4), 17–20. https://doi.org/10.18572/2070-2140-2025-4-17-20
7. Khlebnikov, A. V. (2026) Constitutional and legal foundations for restrictions on private land ownership. Tomsk State University Journal, (525), 280–285. https://doi.org/10.17223/15617793/525/30
8. Khimchenko, A. N., & Plaksina, A. M. (2021). The corporate component of the public sector of the Russian economy: Structure, assessment parameters, characteristics. Vestnik of North-Ossetian State University, (3), 181–191. https://doi.org/10.29025/1994-7720-2021-3-181-191
9. Kozyrin, A. (2016). Legal basis for transformation of public property and Russian legislation on privatization in the 1990s. Law. Journal of the Higher School of Economics, (4), 140–151. https://doi.org/10.17323/2072-8166.2016.4.140.151
10. Lebedeva, E. V. (2026) The "other forms of ownership" legal category. Civil Law, (2), 6–9. https://doi.org/10.18572/2070-2140-2026-2-6-9
11. Mazaev, V. D. (2025). Constitutionalism and mass voucher privatization. Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), (9), 88–96. https://doi.org/10.17803/2311-5998.2025.133.9.088-096
12. Pyatkov, D. V. (2017). Prospects of real rights: Public property vs. unified property right. Law. Journal of the Higher School of Economics, (4), 128–143. https://doi.org/10.17323/2072-8166.2017.4.128.143
13. Ryazantsev, I., & Ivolga, A. (2021). Distribution of agricultural lands and land ownership in Russia. Ekonomika Poljoprivrede, 68(4), 961–975. https://doi.org/10.5937/ekopolj2104961r
14. Shcherbakov, M. V. (2025). Public law expectations and private law foundations of corporate social responsibility: Searching for legal points of contact in Russian regulation. Academic Research Journal, 3(6), 29–37.
15. Valov, T. V. (2021). Impact of the 1998 economic crisis on the dynamics of market reforms and the privatization process in Russia (on the example of St. Petersburg). Nauchnyi Dialog, (3), 347–362. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-3-347-362

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 347.2 **DOI: 10.34670/AR.2026.22.69.026**

Влияние приватизации на трансформацию правоотношений собственности в России в конце XX и начале XXI века

Макаров Иван Николаевич

Доктор экономических наук, профессор
Липецкий филиал
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
398001, Российская Федерация, Липецк, ул. Интернациональная, 12;
e-mail: makarov@fa.ru

Казарова Диана Сергеевна

Кандидат психологических наук, доцент,
кафедра государственно-правовых дисциплин,
Липецкий государственный педагогический
университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского,
398020, Российская Федерация, Липецк, ул. Ленина, 42;
e-mail: kazarova@lspu-lipetsk.ru

Айрапетян Варсеник Сергеевна

Адвокат,
Центральная коллегия адвокатов Краснодарского края
350000, Российская Федерация, Краснодар, ул. Красная, 143;
e-mail: ayrapetyan.vs@mail.ru

Аннотация

Приватизация в российском праве является основанием прекращения права государственной и муниципальной собственности, однако три последовательных закона о приватизации по-разному определяли её объект и способы, и остаётся не измеренным, какие правовые способы фактически преобладали при каждом законодательном режиме. Исследование устанавливает, как менялись объём приватизации, уровень публичного собственника и правовой результат приватизационных актов в России в 1993–2012 гг. Материалом служат 526 годовых наблюдений Росстата из Российского статистического ежегодника изданий 2008–2013 гг. и тексты Закона РСФСР № 1531-1, Федеральных законов № 123-ФЗ и № 178-ФЗ. Способы приватизации закодированы по непосредственному правовому результату; применены формально-юридический анализ редакций, взвешенные доли, сегментированная лог-линейная регрессия и точный перестановочный тест. В 1993–1997 гг. приватизировано 82 721 предприятие и объект, или 88,5 % единиц 1993–2002 гг. В 1998–2002 гг. договорное отчуждение составляло 98,9 % приватизированных единиц, а в 2003–2012 гг. 86,3 % имущественных комплексов унитарных предприятий приватизированы преобразованием в хозяйственное общество.

Доля выкупа арендованного имущества снизилась с 26,9 % в 1993–1997 гг. до 0,18 % в 2003–2012 гг., доля муниципальной собственности выросла с 61,4 % в 1993 г. до 87,8 % в 2002 г. При 178-ФЗ приватизация предприятия преимущественно заменяла право публичной собственности на имущество предприятия правами участника хозяйственного общества, а непосредственная передача имущества частным лицам переместилась в сферу продажи отдельных объектов и акций.

Для цитирования в научных исследованиях

Макаров И.Н., Казарова Д.С., Айрапетян В.С. Влияние приватизации на трансформацию правоотношений собственности в России в конце XX и начале XXI века // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 9А. С. 220-230. DOI: 10.34670/AR.2026.22.69.026

Ключевые слова

Приватизация, право собственности, публичная собственность, способы приватизации, преобразование унитарного предприятия, муниципальная собственность, выкуп арендованного имущества, правовой режим, приватизационные сделки, государственный сектор.

Введение

Конституция Российской Федерации в ч. 2 ст. 8 признаёт и защищает равным образом частную, государственную, муниципальную и иные формы собственности, а п. 1 ст. 212 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (СЗ РФ, 1994, № 32, ст. 3301) повторяет этот перечень для гражданского оборота. Переход от преобладания государственной собственности к сочетанию форм собственности совершался главным образом через приватизацию: п. 1 ст. 217 ГК РФ допускает передачу государственного и муниципального имущества его собственником в собственность граждан и юридических лиц в порядке, предусмотренном законами о приватизации. Тем самым приватизация в гражданском праве является одновременно основанием прекращения права публичной собственности и основанием возникновения права собственности приобретателя.

В исторических и юридических исследованиях приватизация 1990-х гг. описывается как основная форма преобразования отношений собственности, продолжившая позднесоветский процесс огосударствления общенародной собственности [Гулин, 2024], и как инструмент коренного изменения отношений собственности, а не только повышения эффективности отдельных предприятий [Kozyrin, 2016]. Для правовой характеристики этого процесса выделяются варианты регулирования, различающиеся параметрами, которые закрепляют акты о приватизации [Воронцов, 2020]. Конституционно-правовая литература рассматривает публичную собственность как самостоятельный институт, в рамках которого законодатель формирует публичное имущество и разграничивает его между уровнями власти [Мазаев, 2017], и указывает, что ГК РФ не учитывает такую особенность публичной собственности, как управление ею [Андреев, 2025].

Эти работы описывают нормы и этапы приватизации, однако не измеряют, какие из предусмотренных законом способов фактически определяли судьбу публичного имущества при каждом законодательном режиме. От способа зависит правовой результат. При продаже имущества на торгах право публичной собственности прекращается и возникает право

собственности частного приобретателя, тогда как при преобразовании унитарного предприятия в хозяйственное общество имущество переходит к созданному обществу, а публичное образование становится его участником. Официальная статистика Росстата с 1993 г. публикует число приватизированных единиц, их распределение по уровню публичного собственника и по способам приватизации, что позволяет сопоставить нормативные режимы с наблюдаемой структурой приватизационных актов.

Задача исследования состоит в том, чтобы по официальным рядам Росстата за 1993–2012 гг. установить, как при последовательной смене Закона РСФСР от 03.07.1991 № 1531-1, Федерального закона от 21.07.1997 № 123-ФЗ и Федерального закона от 21.12.2001 № 178-ФЗ менялись объём приватизации, доля имущества муниципальной собственности и соотношение способов, прекращающих публичную собственность договорным отчуждением, и способов, заменяющих её корпоративным участием.

Материалы и методы исследования

Эмпирическую базу составили таблицы раздела «Приватизация» главы «Предприятия и организации» Российского статистического ежегодника Росстата изданий 2008, 2009, 2010 и 2013 гг. и таблица 5.4 главы «Труд» издания 2013 г. Использованы следующие показатели. Это число приватизированных государственных и муниципальных унитарных предприятий и объектов за 1993–2002 гг. с распределением по формам собственности на дату приватизации и по способам приватизации (табл. 12.13 и 12.14 издания 2008 г.); число приватизированных имущественных комплексов государственных и муниципальных унитарных предприятий за 2003–2012 гг. с той же структурой (табл. 12.15 издания 2008 г., табл. 12.13 издания 2010 г., табл. 12.25 издания 2013 г.); число приватизированных жилых помещений и их доля в общем числе жилых помещений, подлежащих приватизации; распределение предприятий и организаций по формам собственности на 1 января 1996–2008 гг. и на конец 2000–2012 гг., а также среднегодовая численность занятых в экономике по формам собственности за 1990–2012 гг. Главы получены в виде исходных электронных файлов ежегодников и преобразованы в текст без ручной правки. Единица анализа – годовое наблюдение показателя; реестр включает 526 наблюдений с указанием издания, таблицы и строки. Для каждого года взято первое издание, содержащее полную таблицу за этот год (1993–2007 гг. – издание 2008 г., 2008–2009 гг. – издание 2010 г., 2010–2012 гг. – издание 2013 г.), остальные издания использованы для сверки.

Учётная единица Росстата изменилась в 2003 г. В 1993–2002 гг. учитывались и предприятия, и обособленные объекты (недвижимость, земельные участки, имущество ликвидируемых предприятий), с 2003 г. – только имущественные комплексы унитарных предприятий без федеральных государственных унитарных предприятий, приватизированных Росимуществом. Поэтому уровни рядов до и после 2003 г. между собой не сопоставляются, а режимы сравниваются по внутренней структуре способов; для 1993–2002 гг. дополнительно рассчитаны доли способов после исключения из базы продаж обособленных объектов и после сужения базы до корпоративного преобразования и продажи предприятий на торгах.

Нормативную базу образуют Закон РСФСР от 03.07.1991 № 1531-1 «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР» (Ведомости СНД и ВС РСФСР, 1991, № 27, ст. 927), Федеральный закон от 21.07.1997 № 123-ФЗ «О приватизации государственного имущества и об основах приватизации муниципального имущества в Российской Федерации» (СЗ РФ, 1997, № 30, ст. 3595), Федеральный закон от 21.12.2001 № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» (СЗ РФ, 2002, № 4, ст.

251), Федеральный закон от 22.07.2008 № 159-ФЗ (СЗ РФ, 2008, № 30 (ч. I), ст. 3615), Закон РФ от 04.07.1991 № 1541-1 «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» (Ведомости СНД и ВС РСФСР, 1991, № 28, ст. 959) и нормы ГК РФ о праве собственности. Нормы о понятии и способах приватизации анализировались в первоначальных и последующих редакциях; действующие редакции проверены на 21.10.2026. Применён формально-юридический метод, в рамках которого сравнивались объект приватизации, перечень способов и правовой результат каждого способа.

Каждый способ, выделяемый Росстатом, отнесён к одной из трёх групп по непосредственному правовому результату. Корпоративное преобразование (авторское рабочее обозначение) включает акционирование в 1993–1997 гг., преобразование унитарного предприятия в открытое акционерное общество с закреплением всех акций в публичной собственности и внесение имущества в уставный капитал хозяйственного общества в 1998–2002 гг., преобразование унитарного предприятия в хозяйственное общество в 2003–2012 гг. Во всех этих случаях собственником имущества становится общество, а публичное образование получает акции или доли. Договорное отчуждение включает продажу имущества и акций на аукционах, коммерческих и инвестиционных конкурсах, посредством публичного предложения и без объявления цены, выкуп арендованного имущества, продажу недвижимости, земли и имущества ликвидируемых предприятий, продажу акций работникам. Третью группу образуют позиции «прочие» и «иное отчуждение». Подитоги вида «из неё» в суммы групп не включались; для каждого года проверено, что сумма групп равна 100 %, а сумма федеральной, региональной и муниципальной собственности – итоговому числу единиц.

Для ряда числа приватизированных единиц 1993–2002 гг. оценена сегментированная лог-линейная регрессия методом наименьших квадратов, в которой до и после точки разрыва оцениваются собственные константа и наклон логарифма, точка разрыва перебиралась по 1996–2000 гг. при не менее чем трёх наблюдениях в каждой ветви, критерием служила минимальная сумма квадратов остатков. Для проверки устойчивости рассчитаны модель сдвига среднего уровня, модель непрерывного излома, квадратичный тренд и сегментированная модель без 1993 г.; модели сравнивались по скорректированному информационному критерию Акаике (AICc). Различие долей муниципальной собственности в 1993–1997 и 1998–2002 гг. проверено точным двусторонним перестановочным тестом по всем 252 разбиениям десяти лет на две группы по пять лет и повторено для каждой границы 1995–2001 гг.; монотонность ряда охарактеризована статистикой Кендалла S. Доли способов по режимам рассчитаны как средние, взвешенные числом приватизированных единиц. Расчёты выполнены воспроизводимым сценарием на Python, повторный запуск даёт идентичный результат.

Результаты и обсуждение

Три закона о приватизации различаются прежде всего объектом. Статья 1 Закона РСФСР от 03.07.1991 № 1531-1 определяла приватизацию как приобретение гражданами и акционерными обществами (товариществами) у государства и местных Советов в частную собственность предприятий, цехов, производств и иных подразделений, а ч. 1 ст. 15 называла три способа: куплю-продажу по конкурсу или на аукционе, продажу долей (акций) в капитале предприятия и выкуп имущества, сданного в аренду. Статья 1 Федерального закона от 21.07.1997 № 123-ФЗ определяла приватизацию через формулу возмездного отчуждения находящегося в публичной собственности имущества (объектов приватизации) в собственность физических и (или) юридических лиц, а п. 1 ст. 16 этого закона закреплял семь способов, включая выкуп

арендованного имущества и преобразование унитарных предприятий в открытые акционерные общества, все акции которых находятся в государственной или муниципальной собственности. Статья 1 Федерального закона от 21.12.2001 № 178-ФЗ сохраняет формулу возмездного отчуждения, а п. 1 ст. 13 этого закона устанавливает перечень способов, в котором на первом месте стоит преобразование унитарного предприятия в акционерное общество (с 2011 г. в соответствии с Федеральным законом от 11.07.2011 № 201-ФЗ также в общество с ограниченной ответственностью) и отсутствует выкуп арендованного имущества. Объектом приватизации сначала было предприятие, затем любое имущество публичного образования, и набор способов последовательно сместился от выкупа к преобразованию.

Правовой результат преобразования отличается от результата продажи. Статья 294 ГК РФ закрепляет за унитарным предприятием право хозяйственного ведения имуществом, собственником которого остаётся публичное образование. При продаже имущества на торгах право публичной собственности прекращается и возникает право собственности приобретателя. При преобразовании хозяйственное общество становится правопреемником унитарного предприятия (п. 1 ст. 37 Федерального закона № 178-ФЗ в действующей редакции), к нему переходит право собственности на имущество, а публичное образование, утрачивая право собственности на это имущество, приобретает права акционера или участника. Правоотношение собственности на конкретные вещи заменяется корпоративным правоотношением, и переход контроля к частным лицам возможен лишь последующей продажей акций или долей.

В 1993–1997 гг. приватизировано 82 721 предприятие и объект, что составляет 88,5 % единиц, приватизированных в 1993–2002 гг. Число ежегодно приватизируемых единиц снизилось с 42 924 в 1993 г. до 2 743 в 1997 г., а в 1998–2002 гг. находилось в пределах от 1 536 до 2 557. Сегментированная лог-линейная регрессия дала наименьшую сумму квадратов остатков (0,099) при начале второй ветви в 1998 г.; ближайшая альтернатива, 1999 г., увеличивает её в 1,57 раза, а исключение 1993 г. сохраняет точку 1998 г. До 1998 г. число единиц сокращалось в среднем на 50,2 % в год ($t = –44,4$), после – наклон соответствует росту на 7,9 % в год при $t = 1,39$, то есть статистически не отличается от нуля. Федеральный закон № 123-ФЗ опубликован в 1997 г., поэтому 1998 г. является первым полным календарным годом его действия и одновременно первым годом новой классификации способов в отчётности Росстата.

Совпадение во времени не превращается в доказательство скачка. Квадратичный тренд описывает тот же ряд с суммой квадратов остатков 0,156 и наименьшим значением AICc (–31,6 против –25,0 для непрерывного излома с узлом в 1998 г. и –21,2 для сегментированной модели), а модель сдвига среднего уровня помещает разрыв в 1996 г. Годовые данные согласуются с непрерывным замедлением массовой приватизации, к началу действия 123-ФЗ уже перешедшей к небольшому устойчивому числу сделок. Основание для правового вывода дают не уровни ряда, а изменение состава приватизируемых единиц и способов.

Состав объектов изменился раньше, чем закон изменил определение приватизации. В 1993–1994 гг. продажа недвижимости в структуре способов отмечена прочерком, в 1995 г. она составляет 15,4 %, в 1996 г. – 22,9 %, в 1997 г. – 38,5 %, в 1998–2002 гг. – от 47,4 до 59,1 %; вместе с продажей земли и имущества ликвидируемых предприятий обособленные объекты образуют 60,7 % единиц 1998–2002 гг. (взвешенная доля). Формула ст. 1 Федерального закона № 123-ФЗ об отчуждении имущества (объектов приватизации) закрепила структуру, которая в статистике проявилась уже в 1995–1997 гг. Публичная собственность прекращалась главным образом не на предприятия как имущественные комплексы, а на отдельные здания, помещения и земельные участки.

С этим связан рост доли муниципальной собственности. Её доля среди приватизированных

единиц составляла 61,4 % в 1993 г. и 87,8 % в 2002 г.; взвешенная доля выросла с 59,9 % в 1993–1997 гг. до 80,5 % в 1998–2002 гг., невзвешенные средние – с 62,8 до 79,8 %. Перестановочный тест при границе 1997/1998 г. даёт p = 0,008 (2 из 252 разбиений), однако p не превышает 0,044 при любой границе от 1995 до 2001 г., а статистика Кендалла составляет S = 37 при максимуме 45. Ряд описывается монотонным ростом, а не сдвигом на дате вступления 123-ФЗ в силу. Доля муниципальной собственности коррелирует с долей обособленных объектов (r = 0,85), и муниципальная приватизация 1998–2002 гг. была в основном продажей муниципальной недвижимости. Пункт 2 ст. 11 Федерального закона от 21.07.1997 № 123-ФЗ предоставлял органам местного самоуправления право самостоятельно назначать продавцов муниципального имущества, и именно муниципальный уровень сформировал основную массу прекращений публичной собственности этого периода. Наблюдаемый рост доли муниципального имущества согласуется с выводом о том, что законодатель использует публичную собственность для разграничения имущества между уровнями власти [Мазаев, 2017], а несогласованность муниципального имущественного режима с гражданским законодательством, отмеченная применительно к составу муниципального имущества [Никитина, 2026], касается той части публичной собственности, которая в 1998–2002 гг. наиболее интенсивно отчуждалась.

Соотношение правовых способов при трёх режимах различается существенно. В 1993–1997 гг. корпоративное преобразование, учтённое как акционирование, составляло 33,4 % приватизированных единиц (44,8 % в 1994 г. и 18,1 % в 1997 г.), договорное отчуждение – 65,0 %, выкуп арендованного имущества – 26,9 %. Акционирование этих лет сопровождалось продажей акций работникам и на чековых аукционах, поэтому оно соединяло смену организационно-правовой формы с передачей акций частным лицам; переход от чековой к денежной приватизации описан как смена модели после окончания срока действия приватизационных чеков [Гдлян, 2026]. В 1998–2002 гг. договорное отчуждение составило 98,9 % приватизированных единиц, а корпоративное преобразование – 1,1 %; преобразование в открытое акционерное общество со всеми акциями в публичной собственности занимало от 0,3 до 0,9 % в год. После исключения продаж обособленных объектов доля корпоративного преобразования в 1998–2002 гг. равна 2,7 %, при сужении базы до преобразования и продажи предприятий на торгах – 9,2 %. Выкуп арендованного имущества вырос с 7,1 % в 1998 г. до 32,9 % в 2002 г. и в среднем за 1998–2002 гг. составил 18,4 %. При режиме 123-ФЗ публичная собственность прекращалась почти исключительно договорной передачей вещей частным приобретателям.

При режиме 178-ФЗ структура изменилась на противоположную. В 2003–2012 гг. из 3 520 учтённых Росстатом имущественных комплексов унитарных предприятий 3 038, или 86,3 %, приватизированы преобразованием в хозяйственное общество; по годам эта доля составляла от 72,3 до 99,1 %. Без 2012 г., когда Росстат стал учитывать и преобразование в общества с ограниченной ответственностью, доля за 2003–2011 гг. равна 85,4 %. Продажа имущественных комплексов сократилась с 26,5 % в 2003 г. до 0,9 % в 2012 г., выкуп арендованного имущества по ранее заключённым договорам аренды с правом выкупа составил 0,18 % и после 2005 г. не встречается. В среднем за год преобразовывалось около 304 имущественных комплексов против около 23 корпоративных преобразований в год в 1998–2002 гг.; при различии учётных единиц это различие абсолютных величин показывает, что преобразование стало основным способом приватизации унитарных предприятий. Для правоотношений собственности это означает, что при 178-ФЗ приватизация предприятия в большинстве случаев не передавала его имущество частному лицу, а заменяла право публичной собственности на вещи правами участника общества, то есть переводила публичное имущество из вещно-правовой в корпоративную

форму. Этот результат соответствует наблюдению о переводе компаний с государственным участием из прямой государственной собственности под косвенный контроль как альтернативе приватизации [Абрамов, Радыгин, Чернова, 2016] и тезису об управлении как особенности публичной собственности, не отражённой в ГК РФ [Андреев, 2025]. Он объясняет и методическую трудность измерения масштаба государственного сектора, на которую указывают исследователи, предлагающие единую методику такого измерения [Абрамов, Першин, Чернова, 2023]: формально завершённая приватизация унитарного предприятия оставляет имущество под контролем публичного образования через долю в капитале.

Устранение выкупа арендованного имущества из перечня способов ст. 13 Федерального закона № 178-ФЗ совпадает с исчезновением этого способа в статистике имущественных комплексов: 26,9 % в 1993–1997 гг., 18,4 % в 1998–2002 гг. и 0,18 % в 2003–2012 гг. Выкуп вернулся как специальный режим Федерального закона от 22.07.2008 № 159-ФЗ, ст. 3 которого предоставила субъектам малого и среднего предпринимательства преимущественное право приобретения арендуемого недвижимого имущества при непрерывной аренде в течение установленного срока (первоначально три года, после изменения Федеральным законом от 17.07.2009 № 149-ФЗ – два года). Этот режим касается отдельных объектов недвижимости и поэтому не отражается в показателе приватизации имущественных комплексов. Правоприменение 159-ФЗ стало источником самостоятельной категории споров. В литературе отмечены несовершенство норм о приватизации арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства имущества [Попов, 2026] и злоупотребление преимущественным правом на приобретение арендованных нежилых помещений [Гдлян, 2026].

Итог перераспределения собственности виден в структуре организаций и занятости. Доля организаций государственной собственности составляла 14,3 % на 1 января 1996 г. и 2,3 % на конец 2012 г., муниципальной – 8,8 и 4,7 %, частной – 63,4 и 85,9 %. Доля занятых в государственном и муниципальном секторе снизилась с 82,6 % в 1990 г. до 37,8 % в 2000 г. и 28,7 % в 2012 г., доля занятых в частном секторе выросла с 12,5 до 46,2 и 59,8 %. Сокращение публичного сектора по занятости за 1990–2000 гг. составило 44,8 п. п., за 2000–2012 гг. – 9,1 п. п.; замедление совпадает по времени с переходом от массового договорного отчуждения к преобразованию, сохраняющему публичный контроль через участие в капитале.

Приватизация жилищного фонда образует отдельный правовой режим. Статья 1 Закона РФ № 1541-1 определяет её как бесплатную передачу в собственность граждан на добровольной основе занимаемых ими жилых помещений, а подп. 3 п. 2 ст. 3 Федерального закона № 178-ФЗ в действующей редакции исключает государственный и муниципальный жилищный фонд из сферы его действия; возмездность, составляющая признак приватизации по ст. 1 Федеральных законов № 123-ФЗ и № 178-ФЗ, здесь отсутствует. К 1 января 2008 г. приватизировано 25 838 тыс. жилых помещений, или 69 % подлежащих приватизации, к 1 января 2013 г. – 29 156 тыс., или 77 %. Годовые значения достигали 1 822 тыс. в 2005 г. и снизились до 340 тыс. в 2011 г. Предельный срок бесплатной приватизации, установленный ч. 2 ст. 2 Федерального закона от 29.12.2004 № 189-ФЗ (1 января 2007 г.), переносился Федеральным законом от 30.06.2006 № 93-ФЗ на 1 марта 2010 г. и Федеральным законом от 01.02.2010 № 4-ФЗ на 1 марта 2013 г., а затем был отменён Федеральным законом от 22.02.2017 № 14-ФЗ. Принципы бесплатности и однократности жилищной приватизации остаются предметом доктринального обсуждения [Емелькина, 2023], а сама жилищная приватизация создала массовый слой собственников общего имущества многоквартирных домов, то есть породила долевые правоотношения, которых в публичной собственности не было.

Обратное направление трансформации регулируется иными основаниями. Пункт 2 ст. 235

ГК РФ допускает обращение имущества граждан и юридических лиц в государственную собственность (национализацию) на основании закона с возмещением стоимости и убытков; национализация рассматривается как самостоятельный способ прекращения права частной собственности, отграничиваемый от иных принудительных способов [Усатая, 2025], в том числе от конфискации имущества, имеющей самостоятельные правовые основания и историческую эволюцию [Литвинова, 2026]. Оспаривание приватизационных сделок спустя десятилетия порождает вопрос о сроках исковой давности и защите добросовестных приобретателей [Мазаев, 2025], для решения которого предлагаются специальные соразмерные сроки по приватизационным искам [Чаплин, 2026]. Полученная структура способов уточняет предмет такого оспаривания. В 1998–2002 гг. приватизационная сделка почти всегда была договором отчуждения конкретного объекта, а в 2003–2012 гг. приватизация унитарного предприятия обычно оставляла имущество в собственности общества с публичным участием.

Сверка изданий подтвердила устойчивость исходных значений, поскольку все 131 перекрывающееся значение одинаковых лет в изданиях 2008, 2009, 2010 и 2013 гг. совпали, а во всех таблицах суммы по формам собственности равны итоговому числу единиц и суммы способов равны 100 %.

Заключение

Официальные ряды Росстата за 1993–2012 гг. показывают, что смена законов о приватизации сопровождалась сменой преобладающего правового способа прекращения публичной собственности. При Законе РСФСР № 1531-1 и государственных программах приватизации 1993–1997 гг. приватизировано 88,5 % единиц десятилетия, и акционирование соединялось с продажей акций частным лицам. При Федеральном законе № 123-ФЗ публичная собственность прекращалась почти исключительно договорным отчуждением (98,9 % единиц 1998–2002 гг.), преимущественно муниципальной недвижимости, а доля муниципальной собственности среди приватизированных единиц выросла до 87,8 % в 2002 г. При Федеральном законе № 178-ФЗ 86,3 % приватизированных имущественных комплексов унитарных предприятий преобразованы в хозяйственные общества, то есть право публичной собственности на имущество предприятия заменялось правами участника общества.

Положение точки разрыва в объёме приватизации совпадает с первым полным годом действия 123-ФЗ, однако ряд с той же точностью описывается непрерывным замедлением, поэтому правовой вывод основан на изменении структуры способов и объектов, а не на уровнях ряда. Выкуп арендованного имущества, исключённый из перечня способов 178-ФЗ, исчез из статистики имущественных комплексов и вернулся в 2008 г. как специальный режим 159-ФЗ для отдельных объектов недвижимости. Жилищная приватизация в силу бесплатности образует самостоятельный режим и к 1 января 2013 г. охватила 77 % подлежащих приватизации жилых помещений.

Библиография

1. Абрамов А.Е., Першин А.А., Чернова М.И. Подходы к измерению государственного сектора и оценке его эффективности // Финансовый журнал. 2023. Т. 15. № 2. С. 27–46. DOI: 10.31107/2075-1990-2023-2-27-46
2. Абрамов А.Е., Радыгин А.Д., Чернова М.И. Компании с государственным участием на российском рынке: структура собственности и роль в экономике // Вопросы экономики. 2016. № 12. С. 61–87. DOI: 10.32609/0042-8736-2016-12-61-87
3. Андреев В.К. О федеральной собственности как особой форме публичной собственности // Журнал российского права. 2025. Т. 29. № 5. С. 53–62. DOI: 10.61205/S160565900032230-7

4. Воронцов Н.Д. О вариантах правового регулирования приватизации // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2020. № 1 (37). DOI: 10.25688/2076-9113.2020.37.1.11
5. Гдлян А.Т. Правовой режим нежилых помещений, относящихся к государственной и муниципальной собственности // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2026. № 1 (137). С. 215–223. DOI: 10.17803/2311-5998.2026.137.1.215-223
6. Гулин К.А. Трансформация отношений собственности в России на рубеже 1980–1990-х гг.: предпосылки, содержание, последствия // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 87. С. 22–36. DOI: 10.17223/19988613/87/3
7. Емелькина И.А. Приватизация жилищного фонда в трудах профессора С.М. Корнеева и современные проблемы приватизации // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2023. Т. 64. № 3. С. 55–65. DOI: 10.55959/MSU0130-0113-11-64-3-4
8. Литвинова Ю.Е. Правовые основания и историческая эволюция института конфискации имущества в различных правовых системах // Академический исследовательский журнал. 2026. Т. 4. № 2. С. 140–151.
9. Мазаев В.Д. Публичная форма собственности как инструмент конституционно-правового регулирования экономики // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 3. С. 19–33. DOI: 10.17323/2072-8166.2017.2.19.33
10. Мазаев В.Д. Конституционализм и массовая ваучерная приватизация // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 9 (133). С. 88–96. DOI: 10.17803/2311-5998.2025.133.9.088-096
11. Никитина А.В. Право муниципальной собственности: проблемы согласованности правового регулирования // Российский судья. 2026. № 8. С. 8–11. DOI: 10.18572/1812-3791-2026-8-8-11
12. Попов М.С. Приватизация федерального имущества: актуальные проблемы // Журнал российского права. 2026. Т. 30. № 5. С. 72–79. DOI: 10.61205/jrp.2026.5.2
13. Усатая Е.С. Национализация как способ прекращения права собственности // Государственная власть и местное самоуправление. 2025. № 12. С. 11–15. DOI: 10.18572/1813-1247-2025-12-11-15
14. Чаплин Н.Ю. Специальные сроки исковой давности при нарушении законодательства о приватизации // Юрист. 2026. № 9. С. 2–8. DOI: 10.18572/1812-3929-2026-9-2-8
15. Kozyrin A.N. Legal Basis for Transformation of Public Property and Russian Legislation on Privatization in the 1990s // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2016. No. 4. Pp. 140–151. DOI: 10.17323/2072-8166.2016.4.140.151

The Impact of Privatization on the Transformation of Property Legal Relations in Russia in the Late 20th and Early 21st Centuries

Ivan N. Makarov

Doctor of Economics, Professor
Lipetsk Branch
of the Financial University under the Government of the Russian Federation,
398001, 12, Internatsional'naya str., Lipetsk, Russian Federation;
e-mail: makarov@fa.ru

Diana S. Kazarova

PhD in Psychology, Associate Professor,
Department of State-Legal Disciplines,
Lipetsk State Pedagogical
University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky,
398020, 42, Lenina str., Lipetsk, Russian Federation;
e-mail: kazarova@lspu-lipetsk.ru

Varsenik S. Ayrapetyan

Attorney,
Central Bar Association of Krasnodar Krai,
350000, 143, Krasnaya str., Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: ayrapetyan.vs@mail.ru

Abstract

Privatization in Russian law is a ground for the termination of state and municipal ownership rights; however, three successive privatization laws defined its object and methods differently, and it remains unmeasured which legal methods actually predominated under each legislative regime. The study establishes how the volume of privatization, the level of the public owner, and the legal result of privatization acts changed in Russia in 1993–2012. The material consists of 526 annual observations of Rosstat from the Russian Statistical Yearbook, editions of 2008–2013, and the texts of the RSFSR Law No. 1531-1, Federal Laws No. 123-FZ and No. 178-FZ. Privatization methods are coded by the immediate legal result; formal-legal analysis of the versions, weighted shares, segmented log-linear regression, and an exact permutation test are applied. In 1993–1997, 82,721 enterprises and objects were privatized, or 88.5% of the units of 1993–2002. In 1998–2002, contractual alienation accounted for 98.9% of privatized units, and in 2003–2012, 86.3% of the property complexes of unitary enterprises were privatized by transformation into a business company. The share of buyout of leased property decreased from 26.9% in 1993–1997 to 0.18% in 2003–2012; the share of municipal ownership grew from 61.4% in 1993 to 87.8% in 2002. Under 178-FZ, the privatization of an enterprise predominantly replaced the right of public ownership of the enterprise's property with the rights of a participant in a business company, while the direct transfer of property to private persons moved into the sphere of the sale of individual objects and shares.

For citation

Makarov I.N., Kazarova D.S., Ayrapetyan V.S. (2026) Vliyanie privatizatsii na transformatsiyu pravootnosheniy sobstvennosti v Rossii v kontse XX i nachale XXI veka [The Impact of Privatization on the Transformation of Property Legal Relations in Russia in the Late 20th and Early 21st Centuries]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (9A), pp. 220-230. DOI: 10.34670/AR.2026.22.69.026

Keywords

Privatization, property right, public property, privatization methods, transformation of a unitary enterprise, municipal property, buyout of leased property, legal regime, privatization transactions, public sector.

References

1. Abramov, A. E., Pershin, A. A., & Chernova, M. I. (2023). Measuring the state sector and assessing its effectiveness: Approaches and implications. Financial Journal, 15(2), 27–46. https://doi.org/10.31107/2075-1990-2023-2-27-46
2. Abramov, A. E., Radygin, A. D., & Chernova, M. I. (2016). State-owned enterprises in the Russian market: Ownership structure and their role in the economy. Voprosy Ekonomiki, (12), 61–87. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-12-61-87
3. Andreev, V. K. (2025). On federal property as a special form of public property. Journal of Russian Law, 29(5), 53–62.

https://doi.org/10.61205/S160565900032230-7
4. Chaplin, N. Yu. (2026) Special statutes of limitations for violations of privatization laws. Jurist, (9), 2–8. https://doi.org/10.18572/1812-3929-2026-9-2-8
5. Emelkina, I. A. (2023). Privatization of the housing fund in the works of Professor S.M. Korneev and modern problems of privatization. Lomonosov Law Journal, 64(3), 55–65. https://doi.org/10.55959/MSU0130-0113-11-64-3-4
6. Gdlyan, A. T. (2026) Legal regime of non-residential premises belonging to state and municipal ownership. Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), (1(137)), 215–223. https://doi.org/10.17803/2311-5998.2026.137.1.215-223
7. Gulin, K. A. (2024). Transformation of property relations in Russia at the turn of the 1980s–1990s: Prerequisites, content, consequences. Tomsk State University Journal of History, (87), 22–36. https://doi.org/10.17223/19988613/87/3
8. Kozyrin, A. N. (2016). Legal basis for transformation of public property and Russian legislation on privatization in the 1990s. Law. Journal of the Higher School of Economics, (4), 140–151. https://doi.org/10.17323/2072-8166.2016.4.140.151
9. Litvinova, Yu. E. (2026) Legal grounds and historical evolution of the institution of property confiscation in various legal systems. Academic Research Journal, 4(2), 140–151.
10. Mazaev, V. D. (2017). Public form of property as an instrument of constitutional law regulation of the economy. Law. Journal of the Higher School of Economics, (3), 19–33. https://doi.org/10.17323/2072-8166.2017.2.19.33
11. Mazaev, V. D. (2025). Constitutionalism and mass voucher privatization. Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), (9(133)), 88–96. https://doi.org/10.17803/2311-5998.2025.133.9.088-096
12. Nikitina, A. V. (2026) The right of municipal property: Problems of consistency in legal regulation. Russian Judge, (8), 8–11. https://doi.org/10.18572/1812-3791-2026-8-8-11
13. Popov, M. S. (2026) Privatization of federal property: Actual issues. Journal of Russian Law, 30(5), 72–79. https://doi.org/10.61205/jrp.2026.5.2
14. Usataya, E. S. (2025). Nationalization as a means of termination of the right of ownership. State Power and Local Self-Government, (12), 11–15. https://doi.org/10.18572/1813-1247-2025-12-11-15
15. Vorontsov, N. D. (2020). On options for legal regulation of privatization. MCU Journal of Legal Sciences, (1(37)). https://doi.org/10.25688/2076-9113.2020.37.1.11

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 347.15/.17 **DOI: 10.34670/AR.2026.95.76.028**

Голосовая идентичность как нематериальное благо: разграничение режимов записи голоса, голосовой модели и синтезированной речи

Батдыев Эльдар Русланович

Магистрант,
Санкт-Петербургский государственный университет,
99034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9;
e-mail: batdyeve@yandex.ru

Эльдаров Айдемир Юсупович

Магистрант,
Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9;
e-mail: eldarovaidemir@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена гражданско-правовой охране голоса человека при создании и использовании голосовых моделей средствами искусственного интеллекта. На основе Гражданского кодекса Российской Федерации, законопроекта № 718834-8 и официальных отзывов на него, Федерального закона от 26 июля 2026 г. № 243-ФЗ, законодательства о персональных данных, российской и зарубежной судебной практики авторы показывают, что действующее право охраняет носители голоса и последствия его неправомерного использования, но не определяет ни содержания права на голосовую идентичность, ни правового режима голосовой модели. Выделены четыре объекта: запись, голосовая идентичность, голосовая модель и синтезированная речь. Обосновывается, что требование согласия на использование голоса вытекает из п. 2 ст. 150 ГК РФ и не зависит от аналогии со ст. 152.1.

Для цитирования в научных исследованиях

Батдыев Э.Р., Эльдаров А.Ю. Голосовая идентичность как нематериальное благо: разграничение режимов записи голоса, голосовой модели и синтезированной речи // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 9А. С. 231-244. DOI: 10.34670/AR.2026.95.76.028

Ключевые слова

Голос, голосовая идентичность, голосовая модель, синтез речи, нематериальные блага, личные неимущественные права, согласие, способы защиты, права исполнителя, искусственный интеллект, ст. 150 ГК РФ, управление рисками.

Введение

Синтез речи на основе нейросетевых моделей позволяет по сравнительно небольшому объему записей воспроизвести голос конкретного человека и озвучить им любой текст. Для гражданского права это означает смену предмета спора. Прежде конфликт возникал вокруг готовой записи: ее распространения, искажения, использования за пределами согласованных целей. Теперь человеку можно приписать высказывания, которых он не делал, а его голос становится ресурсом, который воспроизводится без его участия и помимо его воли.

Первые споры показывают, насколько неустойчиво здесь применение существующих норм. Наиболее известный российский пример — спор актрисы дубляжа А.С. Андроновой с АО «Тинькофф Банк». В 2019 г. она по договору с банком озвучила тексты, записи которых использовались для синтеза речи [Актриса дубляжа обвинила банк, 2023], а затем, по утверждению истицы, её голос появился в рекламе на сторонних сайтах [Апелляционное определение Московского городского суда, 2025]. По договору исполнитель передала банку исключительное право на «исполнение диктора» в полном объёме в порядке отчуждения и разрешила любым третьим лицам анонимное использование исполнения и «осуществление любых иных переработок и изменений»; банк, в свою очередь, предоставил ООО «ТЦР» право использования исполнения диктора на условиях простой (неисключительной) лицензии, причём в договоре с этой организацией упоминалась передача голоса истицы, в том числе для синтеза в нейросети [Апелляционное определение Московского городского суда, 2025]. Иск был основан на нарушении права на неприкосновенность исполнения (подп. 4 п. 1 ст. 1315 ГК РФ). Савеловский районный суд г. Москвы решением от 12.08.2024 в иске отказал, Московский городской суд апелляционным определением от 08.07.2025 оставил решение без изменения [Апелляционное определение Московского городского суда, 2025]. Суды истолковали договор буквально (ст. 431 ГК РФ), указали, что банк сам синтез не производил, а передача прав третьему лицу сама по себе нарушением не является, и не нашли доказательств искажения исполнения. Доводы апелляционной жалобы о том, что голос относится к нематериальным благам и что для обработки голоса как биометрических персональных данных в целях обучения нейросетей требуется согласие его носителя, были отклонены как не нашедшие «правового и документального подтверждения» [Апелляционное определение Московского городского суда, 2025]. Таким образом, спор о голосе был разрешён прежде всего как спор об объёме переданных прав на исполнение, а вопрос о голосе как самостоятельном благе по существу не рассматривался.

16 сентября 2024 г. сенаторы А.А. Клишас, А.Г. Шейкин, Н.С. Кувшинова, Р.В. Смашнев и депутат Государственной Думы Д.В. Бессарабов внесли в Государственную Думу законопроект № 718834-8, дополняющий ГК РФ статьёй 152.3 «Охрана голоса гражданина» по образцу ст. 152.1 [О внесении изменений в часть первую ГК РФ, 2024]. Совет при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства проект не поддержал. По его мнению, перечень нематериальных благ открыт, способы их защиты уже установлены, а в самом проекте не раскрыто понятие «голос гражданина» и не разграничены понятия «голос» и «речь» [Кузьменко, 2024]. Правительство РФ, согласно сообщению «Интерфакса» о проекте отзыва, также не поддержало законопроект, сославшись на урегулированность этих отношений законодательством РФ [Кабмин не поддержал проект, 2025].

В мае 2026 г. проблема обсуждалась на круглом столе в Совете Федерации «Совершенствование законодательства Российской Федерации в сфере защиты голоса и иных

биометрических персональных данных», в числе возможных решений назывались модель согласия на использование голоса, механизмы пресечения оборота синтезированного контента и распределение ответственности [Кассация отнесла дипфейки, 2024; Решение Арбитражного суда г. Москвы по делу № А40-200471/2023, 2024].

В статье исследуется, достаточно ли гражданско-правовых средств для охраны индивидуальных характеристик голоса при создании и использовании голосовых моделей, а если нет, то какие пробелы восполнимы толкованием и какие требуют изменения закона. Основное внимание уделено голосу как нематериальному благу, содержанию права на него и способам защиты. Законодательство о персональных данных рассматривается в той мере, в какой оно влияет на гражданско-правовой режим. Наряду с формально-юридическим и сравнительно-правовым методами (право ЕС, США, Германии, КНР, Японии) использован функциональный анализ технологии синтеза: процесс клонирования голоса разложен на стадии, и каждой из них сопоставлены юридически значимые действия.

Степень научной разработанности темы

Общая теория нематериальных благ и личных неимущественных прав разработана в трудах Л.О. Красавчиковой и М.Н. Малеиной [Красавчикова, 2005; Малеина, 2000; Малеина, 2020]. Применительно к голосу ключевое значение имеет статья М.Н. Малеиной «Право человека на индивидуальный голос и его защита» [Малеина, 2024]. Автор рассматривает индивидуальность голоса как нематериальное благо, имущественная оценка которого (например, при страховании голоса певца) не меняет его природы. В составе права на индивидуальный голос выделяются правомочия по использованию голоса, его изменению и контролю над записью, исключительное право на которую принадлежит другому лицу. При этом М.Н. Малеина прямо отвергает применение ст. 152.1 ГК РФ к голосу по аналогии закона и допускает лишь использование отдельных положений этой статьи как ориентира для специального регулирования [Малеина, 2024]. Этот тезис требует ответа, поскольку законопроект № 718834-8 построен именно по модели ст. 152.1 (см. разд. 3).

Природа нематериальных благ как объектов гражданских прав остаётся предметом дискуссии. М.Л. Нохрина, согласно изложению её позиции в обзорной литературе, обращает внимание на то, что голос и внешний облик имеют материальное выражение в теле человека [Нохрина, 2022]. Т.С. Яценко исследует режим использования и охраны нематериальных благ, в том числе в условиях их коммерциализации [Яценко, 2021]. В.В. Архипов ставит проблему квалификации персональных данных как нематериальных благ [Архипов, 2020]. Ещё в 2008 г. В.А. Колосов и М.З. Шварц поставили вопрос о возможности прав на индивидуальность в условиях её коммерческой эксплуатации и ответили на него утвердительно: право на изображение было квалифицировано ими как имущественное и оборотоспособное, а законодателю предложено выделить группу «личностных прав», включая право на голос [Колосов, Шварц, 2008].

Синтезу голоса непосредственно посвящены работы А.Г. Матвеева и Е.Ю. Мартьяновой [Матвеев, Мартьянова, 2023] и П.И. Петкилёва, рассматривающего цифровой двойник как возможный объект смежных прав [Петкилёв, 2022]. К теме примыкают исследования цифровой личности и цифрового образа человека [Демкин, 2024; Ванин, Шмалий, 2025]. В.В. Ванин и О.В. Шмалий определяют параметры правовой модели субъективного права на цифровой образ и предлагают дифференцировать его содержание по функциональному назначению

информационных систем [Ванин, Шмалий, 2025]. В зарубежной доктрине проблема разрабатывается в рамках права на публичность [Rothman, 2018] и континентальной концепции коммерческих составляющих права личности [Beverley-Smith, 2002; Beverley-Smith, Ohly, Lucas-Schloetter, 2005].

Разграничение голоса и его записи, признание голоса нематериальным благом и критерий узнаваемости в литературе и практике уже присутствуют, и в статье они используются со ссылкой на их авторов. Собственный вклад работы состоит в другом. Голосовая модель выделяется как самостоятельный объект, а ее создание — как отдельное вмешательство в нематериальное благо.

Голос, запись, голосовая модель и синтезированная речь

Слово «голос» в правовых текстах обозначает по меньшей мере четыре разных объекта, и их смешение порождает значительную часть противоречий. Совет по кодификации, оценивая законопроект № 718834-8, указал как раз на то, что в нем не раскрыто понятие «голос гражданина» и не разграничены понятия «голос» и «речь» [Кузьменко, 2024].

Исходная запись представляет собой фиксацию звучания на материальном носителе. В зависимости от обстоятельств она является фонограммой или зафиксированным исполнением (ст. 1304, 1313, 1322 ГК РФ), может содержать сведения о частной жизни и относиться к персональным данным, если позволяет определить лицо.

Голосовая идентичность — совокупность акустических и просодических характеристик (тембр, высота, интонационный рисунок, манера произнесения), по которым слушатели отождествляют звучание с определенным человеком. Соотношение голосовой идентичности с записью сходно с соотношением внешнего облика и фотографии. Статья 152.1 ГК РФ также отделяет изображение гражданина от его носителей — фотографии, видеозаписи, произведения изобразительного искусства.

Голосовая модель — совокупность параметров обученной системы, позволяющая порождать речь, узнаваемую как речь конкретного лица. Модель не воспроизводит запись. Она воспроизводит идентичность в форме, пригодной для неограниченного распространения, и потому не может считаться еще одним носителем, так как обладатель модели фактически получает возможность говорить от имени человека.

Синтезированная речь — результат применения голосовой модели. Она может входить в состав произведения и охраняться интеллектуальными правами его создателей. В деле № А40-200471/2023 суды признали видеоролик, созданный с применением технологии дипфейк, объектом авторского права и квалифицировали эту технологию как инструмент обработки видеоматериала, не исключающий творческого вклада авторов [Решение Арбитражного суда г. Москвы по делу № А40-200471/2023, 2024; Кассация отнесла дипфейки к объектам авторских прав, 2024]. Вместе с тем синтезированная речь, узнаваемая как речь определенного лица, затрагивает его голосовую идентичность, а при соответствующем содержании — честь, достоинство и частную жизнь.

Режим одного из этих объектов не предопределяет режим другого. Правомерное обладание записью, включая исключительное право на фонограмму, не легитимирует создание модели, а авторское право на ролик не заменяет согласия лица, чей голос в нем звучит. Аналогичный вывод сделал Пекинский интернет-суд. В решении 2024 г. он указал, что авторские права компании на записи диктора не включали разрешения использовать ее голос для синтеза с

помощью ИИ, а синтезированный голос охраняется, если соответствующая аудитория может по его характеристикам отождествить его с истицей [Beijing Internet Court, 2024; China's first AI voice personality rights infringement rulings, 2025].

Голос как нематериальное благо и пределы аналогии со ст. 152.1 ГК РФ

Перечень нематериальных благ в п. 1 ст. 150 ГК РФ открыт и охватывает иные блага, принадлежащие гражданину от рождения. Голосовая идентичность обладает традиционно выделяемыми признаками таких благ: она возникает в силу рождения, неотчуждаема, не поддается точной денежной оценке и неразрывно связана с личностью. Довод о материальном выражении голоса в теле человека [Нохрина, 2022] не препятствует такой квалификации, если благом считать не физиологическую способность говорить, а узнаваемый образ звучания. Этот образ воспринимается извне, может быть воспроизведен и присвоен другими лицами так же, как внешний облик. Запись в такой конструкции оказывается носителем блага, а не самим благом.

Сложнее определить содержание права. Статья 152.1 ГК РФ говорит об изображении, и ее буквальное распространение на голос невозможно. М. Н. Малеина считает аналогию закона здесь неприменимой, хотя и признает общую цель обоих благ — индивидуализацию гражданина [Малеина, 2024]. С этим выводом следует согласиться в отношении правил, рассчитанных на фиксацию реального облика.

Основное же правило — недопустимость использования блага без согласия его носителя — в аналогии со ст. 152.1 ГК РФ не нуждается. Оно вытекает из природы нематериального блага, которое неотчуждаемо и находится под контролем лица, и из п. 2 ст. 150 ГК РФ, допускающего защиту в тех случаях и пределах, в каких это следует из существа нарушенного блага и характера последствий нарушения [Гражданский кодекс Российской Федерации, 1994]. Статья 152.1 при таком подходе служит не источником аналогии, а ориентиром для определения пределов защиты. Совет по кодификации, отклоняя законопроект, исходил именно из открытости перечня благ и наличия способов их защиты [Кузьменко, 2024].

Вывод о достаточности действующего права подтверждается лишь отчасти. Защита голоса через ст. 150 ГК РФ возможна, но ее объем зависит от готовности суда конкретизировать содержание права, которое закон не раскрывает. Действующее право, кроме того, не определяет режим голосовой модели и не предусматривает имущественной санкции, соразмерной выгоде от коммерческого использования чужого голоса (см. разд. 7).

Статье 152.2 ГК РФ в этой конструкции отводится ограниченная роль. Голос звучит публично при каждом высказывании и служит средством идентификации лица в обществе, поэтому сам по себе он относится к атрибутам идентичности, а не к сведениям о частной жизни. Норма применима к содержанию записи (разговор о семейных делах, сведения о здоровье) и к синтезированной речи, приписывающей лицу высказывания о его частной жизни, но не к тембру как таковому.

Голос и права исполнителя

Записанное исполнение охраняется правами исполнителя (ст. 1313, 1315, 1317 ГК РФ), запись — правами изготовителя фонограммы (ст. 1322, 1324 ГК РФ) [Гражданский кодекс Российской Федерации, 2006]. Эти права защищают результат творческого труда и вложения в

фиксацию звука, а не идентичность. Синтезированная речь, не содержащая фрагментов исходной фонограммы, не является ее воспроизведением, а порожденное моделью высказывание не является исполнением, поскольку не создано творческим трудом исполнителя. Можно ли считать обучение модели на фонограмме ее переработкой, вопрос спорный. Но и при положительном ответе защиту получил бы правообладатель фонограммы, которым нередко оказывается контрагент исполнителя.

Федеральный закон № 243-ФЗ с 1 марта 2027 г. не признаёт нарушением авторских и смежных прав обращение к информации, содержащейся в произведениях и объектах смежных прав, исключительно для обучения суверенных и (или) национальных больших фундаментальных моделей ИИ, если экземпляр получен разработчиком правомерно либо объект доведён до всеобщего сведения и доступен для анализа без технических ограничений (ч. 2 ст. 10, ч. 2 ст. 13) [О поддержке развития технологий искусственного интеллекта, 2026]. Это изъятие касается исключительных прав и на личные неимущественные права не распространяется. Право на запись может быть ограничено в пользу разработчиков, право на голосовую идентичность — нет.

Спор А. Андроновой с банком показывает двойственную роль интеллектуальных прав. Исполнитель может опираться на них как на средство защиты: иск, как следует из судебных актов, был основан именно на праве на неприкосновенность исполнения [Апелляционное определение Московского городского суда, 2025]. В договорной практике те же права становятся каналом, через который контрагент вместе с записью фактически приобретает контроль над голосом исполнителя, хотя нематериальные блага не подлежат отчуждению (п. 1 ст. 150 ГК РФ). Так, по договору с банком исполнитель разрешила любым третьим лицам «осуществление любых иных переработок и изменений» исполнения, и суды, истолковав договор буквально, не усмотрели нарушения её прав в передаче прав на исполнение третьему лицу, в том числе для синтеза голоса [Апелляционное определение Московского городского суда, 2025]. Близкую мысль высказывала М.Н. Малеина: при переходе исключительного права на запись к третьему лицу за носителем голоса сохраняется право контролировать её использование [Малеина, 2024]. Применительно к синтезу отсюда следует, что отчуждение исключительного права на исполнение или фонограмму не охватывает распоряжения голосовой идентичностью, а разрешение на создание модели требует самостоятельного волеизъявления.

Иной путь избран в ряде штатов США, где право на публичность считается имущественным и передаваемым; закон штата Теннесси 2024 г. (ELVIS Act) прямо распространил его и на голос [ELVIS Act, 2024]. Американские исследователи отмечают, что свободная передача таких прав ставит под угрозу контроль человека над собственной идентичностью [Rothman, 2018]. В отечественной литературе за признание права на изображение имущественным правом, которое может передаваться по исключительной лицензии, высказывались В.А. Колосов и М.З. Шварц [Колосов, Шварц, 2008]. Для российского права этот путь закрыт п. 1 ст. 150 ГК РФ, а спор А. Андроновой показывает, к чему приводит фактическая отчуждаемость прав, связанных с голосом.

Согласие на использование голоса и его пределы

Согласие на использование изображения, как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ, является сделкой (п. 46 постановления от 23.06.2015 № 25) и может содержать условия о сроке и способах использования (п. 47) [О применении судами некоторых положений раздела I части

первой ГК РФ, 2015]. Применяя эти положения к голосу, можно сделать несколько выводов о голосовых моделях.

Согласие на запись голоса не означает согласия на создание модели. Объем согласия определяется его содержанием и обстоятельствами, в которых оно дано (п. 47 постановления № 25). Неясности должны толковаться в пользу лица, чье благо используется: это вытекает из ст. 431 ГК РФ во взаимосвязи с неотчуждаемостью блага, поскольку расширительное толкование вело бы к его фактическому отчуждению. Даже широкая формула вроде «разрешаю любое использование голоса» не лишает лицо права контролировать использование впоследствии, так как отказ от осуществления права не влечет его прекращения (п. 2 ст. 9 ГК РФ).

Законодательство о персональных данных подкрепляет те же выводы. Согласие на обработку должно быть конкретным, предметным, информированным, сознательным и однозначным (ч. 1 ст. 9 Закона № 152-ФЗ), а с 1 сентября 2025 г. должно оформляться отдельным документом [О персональных данных, 2006; О создании многофункционального сервиса, 2025]. Принцип ограничения обработки целью (ч. 2 ст. 5) исключает обработку, несовместимую с целями сбора данных. Цели «озвучивание текстов исполнителем» и «создание системы, озвучивающей любые тексты без исполнителя» несовместимы по существу, поскольку вторая устраняет потребность в первой.

Самостоятельными предметами волеизъявления являются запись; создание и обучение модели; хранение модели и ее передача третьим лицам; использование синтезированной речи с указанием тематики, каналов, территории, срока и характера использования. Согласие на более раннюю стадию не охватывает последующую, а согласие на последующую предполагает согласие на предыдущие.

Отдельный вопрос — судьба модели после прекращения договора. Когда цель обработки достигнута или отпала, оператор обязан прекратить обработку и уничтожить персональные данные (ч. 7 ст. 5, ч. 4 и 5 ст. 21 Закона № 152-ФЗ) [О персональных данных, 2006].

Значение законодательства о персональных данных

Законодательство о персональных данных не определяет содержание права на голос, но существенно влияет на правомерность создания и использования голосовых моделей.

Запись голоса считается персональными данными, если по ней можно прямо или косвенно определить конкретного человека (п. 1 ст. 3 Закона № 152-ФЗ): узнать его можно по самому голосу или по сопутствующим сведениям — метаданным, контексту, титрам. Вопрос о биометрическом характере записи решается ч. 1 ст. 11 Закона. Биометрическими являются сведения, которые характеризуют физиологические и биологические особенности человека, позволяют установить его личность и используются оператором для установления личности [О персональных данных, 2006]. Последний признак является целевым, и, по мнению А.И. Савельева, запись голоса становится биометрическими персональными данными лишь тогда, когда её используют для идентификации [Савельев, 2021]. Правительство РФ в отзыве на законопроект № 718834-8, по сообщениям СМИ, квалифицировало запись голоса как обработку биометрических данных [Кабмин не поддержал проект, 2025]. Текст ч. 1 ст. 11 такое расширительное толкование не поддерживает, тем более что нарушение требований к обработке биометрических данных влечёт административную ответственность.

Для голосовой модели целевой критерий оказывается недостаточным. Модель пригодна для идентификации: те же параметры, которые позволяют синтезировать речь, позволяют

сравнивать образцы и выдавать себя за лицо в системах голосовой аутентификации. Голос является одной из модальностей Единой биометрической системы [Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации, 2022; Биометрию в ЕБС разрешили сдавать, 2026], поэтому модель голоса конкретного лица может служить ключом к его биометрической идентичности независимо от целей, ради которых её создавали. В GDPR квалификация данных как биометрических связана с их способностью позволять или подтверждать уникальную идентификацию (п. 14 ст. 4), а повышенные требования — с обработкой в целях такой идентификации (ст. 9) [Regulation (EU) 2016/679, 2016]. Российский закон соединяет оба вопроса в одном целевом признаке, вследствие чего данные модели выпадают из усиленного режима.

Отсутствие биометрического режима не делает обработку свободной. Создание модели требует одного из оснований, перечисленных в ч. 1 ст. 6 Закона № 152-ФЗ. С 1 марта 2021 г. утратило силу основание, связанное с данными, доступ неограниченного круга лиц к которым предоставлен самим субъектом, а распространение персональных данных подчинено отдельному согласию по ст. 10.1 [О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных», 2020]. Ссылка на то, что записи голоса «находятся в открытом доступе», основанием для обучения модели не является.

В типичных случаях неприменимо и исключение для творческой деятельности (п. 8 ч. 1 ст. 6). Оно требует, чтобы обработка была необходима для такой деятельности и не нарушала прав и законных интересов субъекта. Если энтузиасты переводят компьютерную игру и озвучивают ее клонированным голосом известного диктора, перевод возможен с любым голосом. Необходимость использовать голос именно этого лица возникает лишь тогда, когда предметом творчества является он сам: в пародии, критике, документальном повествовании. Кроме того, создание модели, позволяющей говорить от имени диктора, затрагивает его законные интересы независимо от репутационных последствий. Исключение для обработки в личных и семейных целях (п. 1 ч. 2 ст. 1) также не действует, если результат доступен неопределенному кругу лиц.

Способы защиты

Соотношение ГК РФ и Закона № 152-ФЗ определяется предметом регулирования. Закон о персональных данных отвечает на вопрос о законности обработки информации, ГК РФ — о допустимости вмешательства в нематериальное благо и о его последствиях. Одно и то же действие, например распространение синтезированной речи, может нарушать оба режима. В таком случае лицо вправе использовать средства защиты, предусмотренные каждым из них, но двойная компенсация одного и того же морального вреда недопустима. Согласие на обработку персональных данных не заменяет согласие на использование голоса как нематериального блага, и наоборот.

Гражданский кодекс позволяет требовать признания факта нарушения, опубликования решения суда, пресечения или запрещения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения (абз. 2 п. 2 ст. 150) [Гражданский кодекс Российской Федерации, 1994]. К последнему относится и требование о прекращении использования и уничтожении модели. Доступны также компенсация морального вреда (ст. 151, 1099–1101) [39], защита чести, достоинства и деловой репутации, если синтезированная речь содержит порочащие сведения (ст. 152), возмещение убытков (ст. 15, 1064) и солидарная ответственность тех, кто причинил вред совместно (ст. 1080 ГК РФ), например заказчика ролика и разработчика модели. При

распределении бремени доказывания разумно исходить из п. 48 постановления № 25: истец доказывает факт использования его голоса, ответчик — правомерность использования, в том числе наличие согласия [О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ, 2015].

Закон № 152-ФЗ дополняет эти средства правом требовать уточнения, блокирования или уничтожения данных (ст. 14), включая модель, обжалованием действий оператора в уполномоченный орган или суд (ст. 17) и компенсацией морального вреда независимо от имущественного вреда (ч. 2 ст. 24) [О персональных данных, 2006]. Если использованы фрагменты исходной записи, исполнитель или правообладатель фонограммы может требовать защиты исключительного права, в том числе выплаты компенсации (ст. 1252, 1311 ГК РФ) [28].

Наиболее заметный пробел — то, что за коммерческое присвоение голоса закон не предусматривает имущественной санкции. Компенсация морального вреда возмещает страдания, а не стоимость использования, и при рекламном использовании голоса профессионального диктора ее размер не связан с выгодой нарушителя. Немецкие суды решают эту задачу взысканием суммы, которую нарушитель сберег, не уплатив обычного вознаграждения за правомерное использование; основой для этого стало признание в деле Марлен Дитрих имущественных составляющих общего права личности [Beverley-Smith, Ohly, Lucas-Schloetter, 2005; BGH, Urteil vom 01.12.1999, 1999]. В российском праве применение для этой цели ст. 1102 и 1105 ГК РФ о неосновательном обогащении вызывает сомнения, поскольку голос не является имуществом, поэтому такое правило лучше прямо закрепить в законе.

Использование голоса без согласия

Критерием охраны должна служить узнаваемость результата, а не происхождение данных. Охрана распространяется и на модель, обученную не на записях самого лица, но порождающую узнаваемо сходную речь. В американских делах Midler v. Ford и Waits v. Frito-Lay суды признали неправомерной коммерческую имитацию узнаваемого голоса певца другим исполнителем [Midler v. Ford Motor Co., 1988; Waits v. Frito-Lay, Inc., 1992]. Пекинский интернет-суд связал охрану синтезированного голоса с тем, может ли соответствующая аудитория отождествить его с истицей [Beijing Internet Court, 2024; China's first AI voice personality rights infringement rulings, 2025]. Токийский окружной суд в решении от 30.09.2026 по иску актёра озвучивания Кэндзиро Цуды впервые в японской практике указал, что голос, подобно изображению, охраняется правом на публичность. Требование об удалении роликов, озвученных голосом, имитирующим голос истца, суд при этом отклонил, поскольку к моменту решения ролики уже были удалены [Японский суд впервые признал права на защиту человеческого голоса, 2026; Иск Кенджиро Цуды, 2026]. Узнаваемость — вопрос факта. Она устанавливается с учётом известности лица и контекста использования, при необходимости с помощью фоноскопической экспертизы..

Заключение

Действующее право охраняет голос фрагментарно. Защищены носители голоса — запись как фонограмма, исполнение и персональные данные — и последствия вмешательства в честь, репутацию и частную жизнь. Голосовая идентичность как таковая охраняется лишь через открытый перечень ст. 150 ГК РФ, и объем этой охраны зависит от того, насколько суд готов конкретизировать содержание права. Голосовая модель не имеет определенного режима: из-за

целевого критерия ч. 1 ст. 11 Закона № 152-ФЗ она выпадает из биометрического режима, хотя пригодна для идентификации.

Дальнейшего изучения требуют распределение ответственности между разработчиком модели, оператором платформы и пользователем, а также судебная практика по спорам о голосе по мере ее формирования.

Библиография

1. Актриса дубляжа обвинила банк в утечке её голоса в эротические чаты // НТВ. 2023. 1 сент. URL: https://www.ntv.ru/novosti/2787312/
2. Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 08.07.2025 по делу № 33-27746/2025 (на решение Савеловского районного суда г. Москвы от 12.08.2024 по делу № 2-3580/2024).
3. Архипов В.В. Квалификация персональных данных как нематериальных благ // [выходные данные уточнить]. 2020.
4. Биометрию в ЕБС разрешили сдавать по выбору: лицом, голосом или обоими способами // ППТ.ру. 2026. 11 сент. URL: https://ppt.ru/news/biometricheskie-dannye/biometriyu-v-ebs-mozhno-sdat-litsom-golosom-ili-oboimi-srazu
5. Ванин В.В., Шмалий О.В. Право на цифровой образ // Юрист. 2025. № 8. С. 48–55. DOI: 10.18572/1812-3929-2025-8-48-55.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в действующей редакции).
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвёртая): Федеральный закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ (в действующей редакции).
8. Демкин В.О. Цифровая личность и цифровой образ человека: характеристика и место понятий в системе смежных категорий // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2024. Т. 28, № 3. С. 512–527. DOI: 10.22363/2313-2337-2024-28-3-512-527.
9. Иск Кенджиро Цуды из-за клонирования его голоса с помощью ИИ был отклонён, но создал важный прецедент // GoHa.ru. 2026. 1 окт. URL: https://www.goha.ru/isk-kendzhiro-cudy-iz-za-klonirovaniya-ego-golosa-s-pomoshhyu-ii-byl-otklonen-no-sozdal-vazhnyj-precedent-ln7nvg
10. Кабмин не поддержал проект о запрете использовать голос гражданина без его согласия // Интерфакс. 2025. 20 янв. URL: https://www.interfax.ru/russia/1003742
11. Кассация отнесла дипфейки к объектам авторских прав // Право.ru. 2024. 20 авг. URL: https://pravo.ru/news/254696/
12. Колосов В.А., Шварц М.З. Право на изображение в российском праве с учётом зарубежного опыта // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2008. № 3–5.
13. Красавчикова Л.О. Понятие и система личных неимущественных прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 2005.
14. Кузьменко А. Совет при Президенте России не поддержал законопроект о «дипфейках» // Парламентская газета. 2024. 25 окт. URL: https://www.pnp.ru/social/sovet-pri-prezidente-rossii-ne-podderzhal-zakonoproekt-o-dipfeykakh.html
15. Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. Москва: МЗ Пресс, 2000.
16. Малеина М.Н. Право человека на индивидуальный голос и его защита // [выходные данные уточнить]. 2024.
17. Матвеев А.Г., Мартьянова Е.Ю. Гражданско-правовая охрана голоса человека при его синтезе и последующем использовании // Ex jure. 2023. № 3. С. 118–131. DOI: 10.17072/2619-0648-2023-3-118-131.
18. Нохрина М.Л. Нематериальные блага как объекты гражданских прав: дискуссионные вопросы // [выходные данные уточнить]. 2022.
19. О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных»: Федеральный закон от 30.12.2020 № 519-ФЗ.
20. О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации [об охране голоса гражданина]: проект федерального закона № 718834-8: внесён 16.09.2024. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/718834-8
21. О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации: Федеральный закон от 26.07.2026 № 243-ФЗ.
22. О практике применения судами норм о компенсации морального вреда: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33.
23. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской

Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25.
24. О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 26.07.2026).
25. О создании многофункционального сервиса обмена информацией и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 24.06.2025 № 156-ФЗ.
26. Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2022 № 572-ФЗ.
27. Петкилёв П.И. «Цифровой двойник» как новый объект смежных прав // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2022. Вып. 4 (38). С. 93–100.
28. Решение Арбитражного суда г. Москвы по делу № А40-200471/2023; постановление Девятого арбитражного апелляционного суда по тому же делу; постановление Суда по интеллектуальным правам по тому же делу.
29. Савельев А.И. Научно-практический постатейный комментарий к Федеральному закону «О персональных данных». 2-е изд. Москва: Статут, 2021. 468 с.
30. Японский суд впервые признал права на защиту человеческого голоса // Nippon.com. 2026. 30 сент. URL: https://www.nippon.com/ru/news/yjj2026093000118/
31. Яценко Т.С. Режим использования и охраны нематериальных благ в условиях их коммерциализации. 2021.
32. Beijing Internet Court. Judgment of 23 April 2024, case (2023) Jing 0491 Min Chu No. 12142.
33. Beverley-Smith H. The Commercial Appropriation of Personality. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
34. Beverley-Smith H., Ohly A., Lucas-Schloetter A. Privacy, Property and Personality: Civil Law Perspectives on Commercial Appropriation. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
35. BGH, Urteil vom 01.12.1999 – I ZR 49/97 (Marlene Dietrich) // BGHZ 143, 214.
36. China's first AI voice personality rights infringement rulings and implications // Marks & Clerk. 2025. 14 Feb. URL: https://www.marks-clerk.com/insights/articles/china-s-first-ai-voice-personality-rights-infringement-rulings-and-implications
37. Ensuring Likeness, Voice, and Image Security (ELVIS) Act of 2024 (State of Tennessee).
38. Midler v. Ford Motor Co., 849 F.2d 460 (9th Cir. 1988).
39. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation).
40. Rothman J.E. The Right of Publicity: Privacy Reimagined for a Public World. Cambridge (MA): Harvard University Press, 2018.
41. Waits v. Frito-Lay, Inc., 978 F.2d 1093 (9th Cir. 1992).

Voice Identity as an Intangible Good: Distinguishing the Regimes of Voice Recording, Voice Model, and Synthesized Speech

El’dar R. Batdyev

Master's Student,
Saint Petersburg State University,
199034, 7/9, Universitetskaya embankment, Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: batdyeve@yandex.ru

Aidemir Yu. El'darov

Master's Student,
Saint Petersburg State University,
199034, 7/9, Universitetskaya embankment, Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: eldarovaidemir@gmail.com

Abstract

The article is devoted to the civil-law protection of a person's voice in the creation and use of voice models by means of artificial intelligence. On the basis of the Civil Code of the Russian Federation, Draft Law No. 718834-8 and official reviews thereof, Federal Law No. 243-FZ of 26 July 2026, legislation on personal data, and Russian and foreign judicial practice, the authors show that current law protects the carriers of voice and the consequences of its unlawful use but does not define either the content of the right to voice identity or the legal regime of the voice model. Four objects are identified: the recording, voice identity, the voice model, and synthesized speech. It is substantiated that the requirement of consent to the use of voice follows from paragraph 2 of Article 150 of the Civil Code of the Russian Federation and does not depend on an analogy with Article 152.1.

For citation

Batdyev E.R., El'darov A.Yu. (2026) Golosovaya identichnost' kak nematerial'noe blago: razgranichenie rezhimov zapisi golosa, golosovoy modeli i sintezirovannoy rechi [Voice Identity as an Intangible Good: Distinguishing the Regimes of Voice Recording, Voice Model, and Synthesized Speech]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (9A), pp. 231-244. DOI: 10.34670/AR.2026.95.76.028

Keywords

Voice, voice identity, voice model, speech synthesis, intangible goods, personal non-property rights, consent, methods of protection, performer's rights, artificial intelligence, Article 150 of the Civil Code of the Russian Federation, risk management.

References

1. Aktrisa dubljazha obvinila bank v utechke ee golosa v eroticheskie chaty [A dubbing actress accused a bank of leaking her voice to erotic chats]. (2023, September 1). NTV. https://www.ntv.ru/novosti/2787312/
2. Apellyatsionnoe opredelenie sudebnoi kollegii po grazhdanskim delam Moskovskogo gorodskogo suda ot 08.07.2025 po delu No. 33-27746/2025 [Appeal ruling of the Judicial Panel for Civil Cases of the Moscow City Court of July 8, 2025, in case No. 33-27746/2025]. (2025).
3. Arhipov, V. V. (2020). Kvalifikatsiya personal'nyh dannyh kak nematerial'nyh blag [Qualification of personal data as intangible goods]. [Publisher details to be specified].
4. Beverley-Smith, H. (2002). *The commercial appropriation of personality*. Cambridge University Press.
5. Beverley-Smith, H., Ohly, A., & Lucas-Schloetter, A. (2005). *Privacy, property and personality: Civil law perspectives on commercial appropriation*. Cambridge University Press.
6. BGH, Urteil vom 01.12.1999 – I ZR 49/97 (Marlene Dietrich). (1999). *BGHZ 143*, 214.
7. Biometriyu v EBS razreshili sdavat' po vyboru: litsom, golosom ili oboimi sposobami [Biometrics in the Unified Biometric System allowed to be submitted by choice: face, voice, or both]. (2026, September 11). PPT.ru. https://ppt.ru/news/biometricheskie-dannye/biometriyu-v-ebs-mozhno-sdat-litsom-golosom-ili-oboimi-srazu
8. China's first AI voice personality rights infringement rulings and implications. (2025, February 14). Marks & Clerk. https://www.marks-clerk.com/insights/articles/china-s-first-ai-voice-personality-rights-infringement-rulings-and-implications
9. Demkin, V. O. (2024). Tsifrovaya lichnost' i tsifrovoi obraz cheloveka: kharakteristika i mesto ponyatii v sisteme smezhnykh kategorii [Digital personality and digital image of a person: characteristics and place of concepts in the system of related categories]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 28(3), 512–527. https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-512-527
10. Ensuring Likeness, Voice, and Image Security (ELVIS) Act of 2024 (State of Tennessee). (2024).
11. Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' pervaya) [Civil Code of the Russian Federation (Part One)]: Federal Law No. 51-FZ of November 30, 1994 (as amended). (1994).
12. Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' chetvertaya) [Civil Code of the Russian Federation (Part Four)]: Federal Law No. 230-FZ of December 18, 2006 (as amended). (2006).

13. Isk Kendzhiro Tsudy iz-za klonirovaniya ego golosa s pomoshch'yu II byl otklonen, no sozdal vazhnyi pretsedent [Kenjiro Tsuda's lawsuit over the cloning of his voice using AI was dismissed but set an important precedent]. (2026, October 1). GoHa.ru. https://www.goha.ru/isk-kendzhiro-cudy-iz-za-klonirovaniya-ego-golosa-s-pomoshhyu-ii-byl-otklonen-no-sozdal-vazhnyj-precedent-ln7nvg
14. Kabmin ne podderzhal proekt o zaprete ispol'zovat' golos grazhdanina bez ego soglasiya [The Cabinet did not support the bill banning the use of a citizen's voice without their consent]. (2025, January 20). Interfax. https://www.interfax.ru/russia/1003742
15. Kassatsiya otnesla dipfeiki k ob"ektam avtorskih prav [Cassation classified deepfakes as objects of copyright]. (2024, August 20). Pravo.ru. https://pravo.ru/news/254696/
16. Kolosov, V. A., & Shvarts, M. Z. (2008). Pravo na izobrazhenie v rossiiskom prave s uchetom zarubezhnogo opyta [The right to an image in Russian law taking into account foreign experience]. *Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava*, (3–5).
17. Krasavchikova, L. O. (2005). *Ponyatie i sistema lichnykh neimushchestvennykh prav grazhdan (fizicheskikh lits) v grazhdanskom prave Rossiiskoi Federatsii* [The concept and system of personal non-property rights of citizens (individuals) in the civil law of the Russian Federation]. Izd-vo UrGYuA.
18. Kuz'menko, A. (2024, October 25). Sovet pri Prezidente Rossii ne podderzhal zakonoproekt o "dipfeikakh" [The Presidential Council of Russia did not support the bill on "deepfakes"]. Parlamentskaya gazeta. https://www.pnp.ru/social/sovet-pri-prezidente-rossii-ne-podderzhal-zakonoproekt-o-dipfeykakh.html
19. Maleina, M. N. (2000). *Lichnye neimushchestvennye prava grazhdan: ponyatie, osushchestvlenie, zashchita* [Personal non-property rights of citizens: concept, exercise, protection]. MZ Press.
20. Maleina, M. N. (2024). Pravo cheloveka na individual'nyi golos i ego zashchita [The human right to an individual voice and its protection]. [Publisher details to be specified].
21. Matveev, A. G., & Mart'yanova, E. Yu. (2023). Grazhdansko-pravovaya okhrana golosa cheloveka pri ego sinteze i posleduyushchem ispol'zovanii [Civil law protection of the human voice during its synthesis and subsequent use]. *Ex jure*, (3), 118–131. https://doi.org/10.17072/2619-0648-2023-3-118-131
22. Midler v. Ford Motor Co., 849 F.2d 460 (9th Cir. 1988). (1988).
23. Nokhrina, M. L. (2022). Nematerial'nye blaga kak ob"ekty grazhdanskikh prav: diskussionnye voprosy [Intangible goods as objects of civil rights: debatable issues]. [Publisher details to be specified].
24. O podderzhke razvitiya tekhnologii iskusstvennogo intellekta v Rossiiskoi Federatsii [On support for the development of artificial intelligence technologies in the Russian Federation]: Federal Law No. 243-FZ of July 26, 2026. (2026)
25. O praktike primeneniya sudami norm o kompensatsii moral'nogo vreda [On the practice of courts applying norms on compensation for moral harm]: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 33 of November 15, 2022. (2022).
26. O primenenii sudami nekotorykh polozhenii razdela I chasti pervoi Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii [On the application by courts of certain provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation]: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 25 of June 23, 2015. (2015).
27. O personal'nykh dannykh [On personal data]: Federal Law No. 152-FZ of July 27, 2006 (as amended on July 26, 2026). (2006).
28. O sozdanii mnogofunktsional'nogo servisa obmena informatsiei i o vnesenii izmenenii v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii [On the creation of a multifunctional information exchange service and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation]: Federal Law No. 156-FZ of June 24, 2025. (2025).
29. O vnesenii izmenenii v Federal'nyi zakon "O personal'nykh dannykh" [On amendments to the Federal Law "On Personal Data"]: Federal Law No. 519-FZ of December 30, 2020. (2020).
30. O vnesenii izmenenii v chast' pervuyu Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii [ob okhrane golosa grazhdanina] [On amendments to Part One of the Civil Code of the Russian Federation [on the protection of a citizen's voice]]: Draft Federal Law No. 718834-8: introduced on September 16, 2024. https://sozd.duma.gov.ru/bill/718834-8
31. Ob osushchestvlenii identifikatsii i (ili) autentifikatsii fizicheskikh lits s ispol'zovaniem biometricheskikh personal'nykh dannykh... [On the implementation of identification and (or) authentication of individuals using biometric personal data...]: Federal Law No. 572-FZ of December 29, 2022. (2022).
32. Petkilev, P. I. (2022). "Tsifrovoi dvoinik" kak novyi ob"ekt smezhnykh prav ["Digital twin" as a new object of related rights]. *Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam*, (4(38)), 93–100.
33. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation). (2016).
34. Reshenie Arbitrazhnogo suda g. Moskvy po delu No. A40-200471/2023; postanovlenie Devyatogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda po tomu zhe delu; postanovlenie Suda po intellektual'nym pravam po tomu zhe delu [Decision of the Moscow Arbitration Court in case No. A40-200471/2023; ruling of the Ninth Arbitration Court of Appeal in the same case; ruling of the Intellectual Property Rights Court in the same case]. (2024).
35. Rothman, J. E. (2018). *The right of publicity: Privacy reimagined for a public world*. Harvard University Press.

36. Savel'ev, A. I. (2021). *Nauchno-prakticheskii postateinyi kommentarii k Federal'nomu zakonu "O personal'nykh dannykh"* [Scientific and practical article-by-article commentary to the Federal Law "On Personal Data"] (2nd ed.). Statut.
37. Vanin, V. V., & Shmalii, O. V. (2025). Pravo na tsifrovoi obraz [The right to a digital image]. *Yurist*, (8), 48–55. https://doi.org/10.18572/1812-3929-2025-8-48-55
38. Waits v. Frito-Lay, Inc., 978 F.2d 1093 (9th Cir. 1992). (1992).
39. Beijing Internet Court. Judgment of 23 April 2024, case (2023) Jing 0491 Min Chu No. 12142.
40. Yaponskii sud vpervye priznal prava na zashchitu chelovecheskogo golosa [A Japanese court for the first time recognized rights to protect the human voice]. (2026, September 30). Nippon.com. https://www.nippon.com/ru/news/yjj2026093000118/
41. Yatsenko, T. S. (2021). Rezhim ispol'zovaniya i okhrany nematerial'nykh blag v usloviyakh ikh kommertsializatsii [The regime of use and protection of intangible goods in the context of their commercialization]. [Publisher details to be specified].

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 347.1 **DOI: 10.34670/AR.2026.43.15.029**

Противодействие неправомерному использованию инсайдерской информации в сфере цифровых финансовых активов

Архангельский Артём Евгеньевич

Магистрант,
Российский государственный
университет правосудия им. В.М. Лебедева,
117418, Российская Федерация, Москва, ул. Новочеремушкинская, 69;
e-mail: arttank2002@mail.ru

Шелкович Максим Тимофеевич

Кандидат юридических наук, доцент,
Российский государственный
университет правосудия им. В.М. Лебедева,
117418, Российская Федерация, Москва, ул. Новочеремушкинская, 69;
e-mail: shelkovich_mt@mail.ru

Аннотация

В статье на основе ст. 128 и 141.1 ГК РФ, Постановления Конституционного Суда РФ от 20 января 2026 г. № 2-П и Федеральных законов от 4 августа 2026 г. № 282-ФЗ и № 283-ФЗ показано, что режим доказывания неправомерного использования инсайдерской информации при обороте цифровых активов определяется их гражданско-правовой квалификацией: цифровые финансовые активы (цифровые права), цифровая валюта («иное имущество») и иностранные цифровые инструменты требуют разных доказательств принадлежности, перехода и атрибуции. Сопоставлены предмет и стандарт доказывания в России, США, Европейском союзе и Великобритании, разобраны дела Вахи, Честейна и сотрудников Robinhood, дела Банка России о «Софтлайне» и «Велес Капитале», составлена карта «факт – документ – источник». Критически проанализированы порядок допуска Банка России и состав первых допущенных цифровых депозитариев и организаций обмена; предложены изменения в Закон № 224-ФЗ, акты Банка России и разъяснения высшей судебной инстанции.

Для цитирования в научных исследованиях

Архангельский А.Е., Шелкович М.Т. Противодействие неправомерному использованию инсайдерской информации в сфере цифровых финансовых активов // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 9А. С. 245-258. DOI: 10.34670/AR.2026.43.15.029

Ключевые слова

Цифровые финансовые активы, цифровая валюта, статья 128 ГК РФ, инсайдерская информация, стандарт доказывания, цифровой депозитарий, допуск Банка России, листинг токенов, управление рисками, методология исследования, государственная политика.

Введение

Федеральные законы от 4 августа 2026 г. № 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах» (далее – Закон № 282-ФЗ) и № 283-ФЗ (далее – Закон № 283-ФЗ) завершили формирование базового режима рынка цифровых активов: цифровая валюта и цифровые права получили единый закон, а Банк России – полномочия по ведению реестров участников и надзору [О цифровых валютах и цифровых правах, 2026; О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации, 2026]. Защита рынка от торговли на непубличных сведениях осталась за рамками обоих актов: Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 224-ФЗ (далее – Закон № 224-ФЗ) построен на закрытом перечне предметов (финансовые инструменты, иностранная валюта, товары) и цифровые активы не называет [О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком, 2010].

Проблема не только в предмете запрета. Дело об инсайдерской сделке с цифровым активом решается на стадии доказывания: участник оборота идентифицируется адресом, а не счётом, сведения о листинге находятся у платформы, а доказательства рассредоточены между оператором информационной системы, цифровым депозитарием, организацией обмена и публичным реестром. Набор надлежащих документов определяется квалификацией актива по ст. 128 ГК РФ [Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая), 1994]; эта связь и составляет предмет статьи.

Цель – установить, как квалификация цифровых финансовых активов (далее – ЦФА), иных цифровых прав и цифровой валюты определяет предмет, стандарт и средства доказывания, и предложить меры совершенствования регулирования. Методы: формально-юридический, сравнительно-правовой, анализ судебных и надзорных актов. Уголовно-правовая квалификация оставлена за рамками: уголовные дела привлечены лишь как материал о том, что признаётся имуществом и как доказываются принадлежность актива, осведомлённость и использование информации. Ограничение: часть зарубежных актов доступна в изложении юридических фирм, а Банк России публикует краткие сообщения без текстов предписаний, поэтому его мотивы реконструируются.

Основное содержание

Ст. 128 ГК РФ относит к объектам гражданских прав вещи, иное имущество, включая безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги и цифровые права, и другие блага. Цифровые права по ст. 141.1 ГК РФ – названные в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются правилами информационной системы; распоряжение ими возможно только в этой системе без обращения к третьему лицу [Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая), 1994]. Среди цифровых прав выделяются ЦФА (денежные требования, права по эмиссионным ценным бумагам, участие в капитале непубличного общества [О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации, 2020]), утилитарные цифровые права – права требовать передачи вещей, исключительных прав, выполнения работ или оказания услуг (п. 18 ч. 1 ст. 2 Закона № 282-ФЗ) и гибридные, включающие одновременно ЦФА и утилитарные права (п. 19 ч. 1 ст. 2); все они размещаются по решению о выпуске через оператора информационной системы [О цифровых

валютах и цифровых правах, 2026].

Для доказывания отсюда три вывода. Во-первых, цифровое право существует в силу записи, поэтому принадлежность и переход подтверждаются выпиской из системы оператора, а не данными публичного блокчейна; решение о выпуске фиксирует содержание права и обязанное лицо. Во-вторых, у цифровых прав есть обязанное лицо – эмитент, и спор о них, как правило, договорный (исполнение, убытки по ст. 15 ГК РФ). В-третьих, цена утилитарных прав зависит от потребительского спроса, а не от финансовых показателей эмитента, поэтому «существенное влияние на цену» требует заключения специалиста.

Иная конструкция у цифровой валюты: обязанного перед держателями лица у неё нет [О цифровых валютах и цифровых правах, 2026], поэтому её нельзя отнести к цифровым правам и приходится квалифицировать как «иное имущество» [Янковский, 2020]. Практика шла от отрицания к признанию: Суд Поволжского округа в 2018 г. отказал в защите из-за невозможности установить владельца анонимного кошелька, а Девятый арбитражный апелляционный суд по делу № А40-124668/2017 исходил из открытости перечня ст. 128 ГК РФ и принял в качестве доказательства принадлежности нотариальный протокол осмотра веб-страниц и объяснения должника о доступе к кошельку [Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 № 09АП-16416/2018, 2018]. Верховный Суд РФ применяет функциональный подход: единицы WMZ приравнены к иностранной валюте [Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 01.06.2021 № 48-КГ21-3-К7, 2021]. По делу № 44-КГ20-17-К7 банк требовал от продавца криптовалюты возврата похищенных мошенниками денег как неосновательного обогащения; ответчик ссылался на оплату проданных биткоинов, представив верификацию на платформе и письмо администрации сервиса. Суд указал на неверное распределение бремени доказывания и неоценённую добросовестность ответчика, а потерпевшему – на иск об убытках (ст. 15 ГК РФ) [Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ по делу № 44-КГ20-17-К7, 2020].

В деле Д.И. Тимченко, приобретшего в 2023 г. 1000 USDT и передавшего их управляющему, суды отказали в истребовании из-за неуведомления налогового органа (ч. 6 ст. 14 Закона № 259-ФЗ) и потому, что виндикация касается индивидуально определённых вещей. Постановлением от 20 января 2026 г. № 2-П Конституционный Суд РФ признал норму не соответствующей Конституции в той мере, в какой она исключает защиту прав на законно приобретённую цифровую валюту, не полученную майнингом (уведомление предусмотрено только для майнеров), и подтвердил имущественное содержание цифровой валюты; до изменения закона защита предоставляется при доказанности законности приобретения и использования [Постановление Конституционного Суда РФ от 20.01.2026 № 2-П, 2026; Янковский, 2026]. Спор смещён на документы (табл. 2). Вопрос о стейблкоинах Суд не решил: у USDT есть эмитент, и неясно, цифровая это валюта или иностранный цифровой инструмент [Янковский, 2026]. Различие принципиально: эмитент делает спор договорным, его отсутствие – спором об имуществе (истребование, неосновательное обогащение, убытки).

Итоговая модель трёхуровневая: для цифровых прав – выписка оператора и решение о выпуске; для цифровой валюты – запись по цифровому счёту у депозитария (по обзору, право переходит в момент зачисления [Закон о цифровых валютах 2026: главные изменения и правила, 2026]) либо в публичном реестре с атрибуцией адреса; для стейблкоинов и иностранных цифровых инструментов – смешанный режим, где требование к эмитенту сочетается с имущественным интересом в токене.

На 27 октября 2026 г. норм, включающих цифровые активы в предмет запрета Закона № 224-ФЗ, мы не обнаружили. Закон № 283-ФЗ допускает производные финансовые инструменты на цифровую валюту [О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации, 2026]; поскольку производный инструмент остаётся финансовым, контракты на него охватываются запретом косвенно, а сам токен – нет. Законопроект № 1075257-8, по публичным описаниям, расширения предмета не содержит. В ЕС MiCA применяется к криптоактивам, допущенным к торгам, независимо от места совершения действий [Regulation (EU) 2023/1114, 2023].

Предмет доказывания складывается из пяти групп фактов: (1) информация с признаками инсайдерской (точность, непубличность, способность существенно повлиять на цены); (2) принадлежность лица к инсайдерам по ст. 4 Закона № 224-ФЗ; (3) операция, запрещённая п. 1 ч. 1 ст. 6; (4) использование информации, то есть связь между обладанием сведениями и сделкой [О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком, 2010]; (5) для гражданских последствий – убытки, причинная связь и вина (ст. 15, 1064 ГК РФ). Идентификация лица за адресом элементом состава не является, но предопределяет исход.

Стандарт доказывания в российском процессе не кодифицирован: ст. 65, 71 АПК РФ и ст. 56, 67 ГПК РФ оперируют бременем доказывания и внутренним убеждением [Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, 2002; Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, 2002]. Градации выработаны для отдельных категорий дел: убытки доказываются «с разумной степенью достоверности» [Постановление Президиума ВАС РФ от 06.09.2011 № 2929/11, 2011]; в банкротных спорах долг подтверждается «ясно и убедительно», но для оспаривания требования конкурирующего кредитора достаточно «существенных сомнений» [Определение Верховного Суда РФ от 13.07.2018 № 308-ЭС18-2197, 2018]. При оспаривании предписания Банка России обязанность доказывать обстоятельства, послужившие основанием для его принятия, лежит на органе (ч. 5 ст. 200 АПК РФ), а в административном деле действует презумпция невиновности (ст. 1.5 КоАП РФ) [Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, 2002]. Специальной презумпции использования информации инсайдером российское право не содержит.

В США в гражданском иске SEC достаточно перевеса доказательств, а в уголовном деле о мошенничестве (18 U.S.C. § 1343) вина доказывается вне разумных сомнений. SEC опирается на § 10(b) Закона о ценных бумагах и биржах и Правило 10b-5, что требует квалификации актива как ценной бумаги (инвестиционного контракта по тесту Howey [SEC v. W.J. Howey Co., 1946]), а теория присвоения – нарушения конфиденциальности перед источником информации [United States v. O'Hagan, 1997]. Без такой квалификации обвинение использует норму о мошенничестве, где нужно доказать «имущество» потерпевшего: по Carpenter конфиденциальная информация – имущество работодателя [Carpenter v. United States, 1987], но после Ciminelli защищаются лишь традиционные имущественные интересы [Ciminelli v. United States, 2023]. Использование выводится из обладания сведениями и совпадения сделок с раскрытием [SEC v. Adler, 1998].

В ЕС инсайдерская информация по ст. 87 MiCA определяется по модели ст. 7 Регламента (ЕС) № 596/2014 (MAR); запрет операций – ст. 89, обязанность выявлять злоупотребления и сообщать о них надзору – ст. 92 [Regulation (EU) 2023/1114, 2023]. Суд ЕС по делу Spector Photo Group (C-45/08) допустил опровержимую презумпцию использования при обладании информацией и совершении сделки [Case C-45/08, Spector Photo Group NV, 2009]. В

Великобритании по делу Hannam v. FCA надзорный орган доказывает факты по балансу вероятностей. Сравнение (табл. 1) выявляет три различия: предмет запрета в ЕС определён допуском актива к торгам, а не закрытым перечнем; использование облегчено презумпцией или логическим выводом, тогда как в России доказывается лишь совокупностью косвенных обстоятельств; исход в США зависит от квалификации актива, в России – от перечня Закона № 224-ФЗ, в ЕС – от допуска к торгам.

Таблица 1 – Предмет и стандарт доказывания: сравнение юрисдикций

Показатель	Россия	США	ЕС и Великобритания
Предмет запрета	Финансовые инструменты, валюта, товары; цифровые активы – через производные инструменты	Ценные бумаги (Rule 10b-5, тест Howey); товары (CEA); при мошенничестве нужно «имущество» потерпевшего	Криптоактивы, допущенные к торгам или с заявкой на допуск (ст. 86 MiCA); UK MAR
Стандарт доказывания	Не кодифицирован; «разумная степень достоверности», «ясно и убедительно»	Перевес доказательств (иск SEC); вне разумных сомнений (уголовное дело)	Национальное право; в Великобритании – баланс вероятностей
«Использование» информации	Совокупность косвенных обстоятельств; презумпции нет	Вывод из обладания и совпадения по времени (Adler)	Опровержимая презумпция (Spector); исключения – ст. 9 MAR

Практическая ценность анализа определяется тем, можно ли превратить каждый элемент предмета доказывания в перечень документов (табл. 2).

Таблица 2 – Карта доказывания

Факт	Документы	Источник	Проблема
Доступ к непубличной информации	Список инсайдеров (ст. 9 Закона № 224-ФЗ), приказ о допуске, соглашение о конфиденциальности, журнал доступа, материалы к заседаниям совета директоров, реестр «Coin Aware»	Эмитент, платформа, работодатель; запрос Банка России (ст. 10)	Для листинга токенов обязанность вести списки и журналы не установлена
Непубличность и момент раскрытия	Публикация решения, пресс-релиз, метаданные, нотариальный протокол осмотра страницы	Раскрывающее лицо, нотариус	Точность времени (UTC); различие времени решения и раскрытия
Влияние на цену	Котировки и объёмы до и после раскрытия; расчёт специалиста (в деле «Софтлайна» – минус 5,43 %)	Организатор торговли; специалист	Для токенов с низкой ликвидностью цена зависит от платформы
Сделка и принадлежность: цифровые права	Выписка из реестра информационной системы о записях и переходе, решение о выпуске, отчёт брокера	Оператор информационной системы	Расхождения записей у разных операторов
Сделка и принадлежность: цифровая валюта	Выписка по цифровому счёту, хэш транзакции и данные публичного реестра, договор	Цифровой депозитарий, организация обмена; нотариус	Адрес не равен лицу; сделки вне депозитариев не видны
Атрибуция адреса	Анкета клиента (KYC), IP-логи, переписка, объяснения владельца, нотариальный протокол	Депозитарий, биржа, оператор; суд по ходатайству	Для иностранных платформ нужны судебное поручение и легализация; методики нет
Законность приобретения	Договор, платёжные документы, запись в системе, акт передачи	Сторона сделки; платформа	Бремя на владельце (Постановление КС № 2-П)

Факт	Документы	Источник	Проблема
Использование информации	Сопоставление времени сделок с доступом и раскрытием; структура позиций (выкуп дешевле); запреты и «окна» политики организации	Банк России; биржа; работодатель	Презумпции нет; защита ссылается на альтернативное объяснение

Первая проблема – допустимость электронных данных. Блокчейн-запись (хэш, блок, метка времени, адреса) общедоступна, но принимается судом в надлежащей форме: порядок использования электронных документов разъяснён Пленумом ВС РФ [О некоторых вопросах применения законодательства об электронных документах, 2017], а основным способом фиксации остаётся обеспечение доказательств нотариусом (ст. 102–103 Основ законодательства о нотариате) [Основы законодательства Российской Федерации о нотариате, 1993]. Должника обязывали обеспечить доступ к кошельку в присутствии нотариуса (дело № А40-12639/2016), но в деле № А57-21957/2017 суд отказал в изъятии устройств для экспертизы за отсутствием такой меры.

Вторая проблема – атрибуция: адрес не равен лицу. Лицо устанавливают сведения тех, кто знает клиента: цифрового депозитария, организации обмена, оператора. По обзору, Закон № 282-ФЗ вводит учёт цифровых валют на цифровых счетах и хранение данных о клиентах и операциях не менее 10 лет [Закон о цифровых валютах 2026: главные изменения и правила, 2026]. Но до 1 июля 2027 г. допустимы однoранговые сделки, и вне контура депозитариев атрибуция остаётся нерешённой.

Третья проблема – доказывание «использования»: оно выводится из доступа, времени, ценового эффекта и логики сделки; ни один признак не самостоятелен, и защита может сослаться на альтернативное объяснение. Поэтому в п. 2 раздела 7 предлагается опровержимая презумпция.

Дела отобраны по тому, что в них решается: что считать имуществом и как доказывать осведомлённость и использование. Начнём с дела Вахи (SEC v. Wahi, W.D. Wash., № 2:22-cv-01009 [SEC v. Wahi et al., 2022], и United States v. Wahi, S.D.N.Y.), которое стало первым делом об инсайде на рынке криптоактивов. Менеджер Coinbase Ишан Вахи сообщал брату Никхилу и знакомому Самиру Рамани, какие токены будут допущены к торгам; те через анонимные кошельки покупали их до объявления и продавали после (не менее 14 объявлений, 25 активов, около 1,5 млн долл.). Обвинение строилось на доступе сотрудника к будущим листингам, привязке кошельков к участникам и совпадении сделок с объявлениями. По уголовному делу вменялся сговор с целью мошенничества с использованием электронных средств связи (18 U.S.C. §§ 1343, 1349), то есть нарушение конфиденциальности перед работодателем: Никхил признал вину и 10 января 2023 г. получил 10 месяцев лишения свободы, Ишан – два года 9 мая 2023 г.. В гражданском иске по § 10(b) и Правилу 10b-5 SEC утверждала, что не менее девяти токенов – ценные бумаги. Позиция защиты, по сообщениям специализированных изданий, сводилась к тому, что токены утилитарные и продавались на вторичном рынке, SEC применяет неочевидное толкование без указаний Конгресса, а умысел не доказан. Мотивировка суда такова: в марте 2024 г. судья Т. Лин частично удовлетворила требование SEC о заочном решении против Рамани, согласившись, что токены были инвестиционными контрактами; критики отмечают, что элемент «договор, сделка или схема» теста Howey не проанализирован. Для доказывания это означает, что уголовное дело не зависело от квалификации актива, иск SEC зависел от неё полностью, а единственный вывод о квалификации получен без состязания

сторон.

Обратную сторону американского подхода показывает дело United States v. Chastain (№ 23-7038, 2d Cir., 31 июля 2025 г.). Руководитель продуктового направления OpenSea выбирал NFT для главной страницы и покупал около пятнадцати до публикации (доход около 57 тыс. долл.). Обвинение – мошенничество (18 U.S.C. § 1343) и легализация; ценные бумаги не вменялись, и квалифицировать NFT не требовалось. Защита утверждала, что информация не была «имуществом» OpenSea, так как не имела коммерческой ценности. Суд первой инстанции в 2022 г. отказал в прекращении дела, но признал, что довод «имеет определённую силу», и отметил, что публичность блокчейна затрудняет доказывание умысла на сокрытие. Апелляционный суд большинством судей приговор (три месяца лишения свободы) отменил: информация является «имуществом» лишь при коммерческой ценности для компании, а стандарт «честной игры» неприменим, поскольку мошенничество требует умысла лишить собственника имущества; судья Кабранес в особом мнении указал, что по Carpenter достаточно исключительного права компании на информацию [United States v. Chastain, 2025]. Решающим оказался не факт сделок, а гражданско-правовой вопрос о том, чем владел потерпевший.

Тот же риск сохраняется и в самом свежем эпизоде – деле сотрудников Robinhood. Обвинение от 15 сентября 2026 г. предъявлено прокуратурой Южного округа Нью-Йорка двум бывшим инженерам по Закону о товарных биржах (до 10 лет) и о мошенничестве с использованием электронных средств связи (до 20 лет). По версии обвинения, имея доступ к закрытому каналу о листингах, они в 2025–2026 гг. открывали длинные позиции по бессрочным фьючерсам на Hyperliquid до объявлений и получили более 50 тыс. долл. каждый; политика работодателя запрещала такие сделки за 24 часа до и после объявления. Позиция защиты в опубликованных материалах не раскрыта, конкретные нормы Закона о товарных биржах названы только в пересказе прессы, текст обвинения нам недоступен. Товарное законодательство позволяет не квалифицировать токен как ценную бумагу, но сохраняет риск Честейна: информация о листинге должна иметь коммерческую ценность для работодателя. Осведомлённость будут доказывать реестр лиц с доступом, журналы и политика работодателя; способ идентификации адресов на децентрализованной платформе не раскрыт.

В России логика доказывания та же, хотя предметом пока остаются традиционные инструменты. По сообщению Банка России от 22 июля 2026 г. (в изложении ComNews [Топ-менеджер «Софтлайна» использовал инсайдерскую информацию, 2026]) бывший заместитель генерального директора ПАО «Софтлайн» по управлению активами, представлявший акционера ООО «Алварус Капитал», с 19 июня 2024 г. продавал акции общества, а затем выкупил проданный объём по более низкой цене. Решение о дополнительной эмиссии (до 76 млн акций, около 11,02 млрд руб.) раскрыто 27 июня 2024 г.; котировки упали на 5,43 %. Банк России квалифицировал действия по п. 1 ч. 1 ст. 6 Закона № 224-ФЗ и выдал предписание. Доказательственная конструкция восстанавливается по четырём признакам: доступ (участие в подготовке материалов к заседанию совета директоров), время (сделки до раскрытия), ценовой эффект и обратный выкуп как показатель экономической логики. Возражения лица не приведены. Типичные линии защиты – ранее принятое решение о сокращении позиции, независимость сделки от раскрытых сведений – в ЕС закреплены как основания для исключения (ст. 9 MAR), а в Законе № 224-ФЗ отсутствуют, и бремя их обоснования не распределено. Существенно и то, что сделки совершал представитель в интересах акционера: вопрос о том, чьё знание учитывается и кто получил выгоду, закон решает лишь формулой «за свой счёт или за счёт третьего лица».

Иной вид нарушения выявлен по сообщению от 21 октября 2026 г. [ЦБ выявил использование инсайдерской информации трейдером «Велес Капитала», 2026]: старший трейдер ИК «Велес Капитал» с 16 января 2023 г. по 29 марта 2024 г. торговал по личному счёту, используя информацию о крупных заявках клиентов; квалификация та же, выданы предписания. Это опережающая торговля (front-running): ст. 87 MiCA выделяет сведения о неисполненных распоряжениях клиентов как особый вид инсайдерской информации, Закон № 224-ФЗ – лишь общее понятие. Главные доказательства здесь – журналы приёма клиентских заявок и их сопоставление по времени с личными сделками; именно их придётся запрашивать у депозитариев и обменников.

Надзорную рамку образуют ст. 4, 9–11 Закона № 224-ФЗ, Указание Банка России № 5946-У о перечне инсайдерской информации и рекомендации 2018 г. («китайская стена», стоп-листы) [О перечне инсайдерской информации юридических лиц, 2021]. Проверки начинаются по обращениям, сообщениям СМИ или мониторингу; итог – акт. Типичная мера – предписание (например, АО «БКС Банк» 17 декабря 2024 г. прекратить исполнение поручений отдельных клиентов); письмо от 20 апреля 2020 г. № ИН-06-39/77 освободило на время пандемии от мер за несвоевременное обновление списков, что показывает отсутствие шкалы реагирования. Законопроект № 1075257-8 предлагает ввести «тихие периоды», уведомления инсайдеров об операциях в течение пяти рабочих дней и многоуровневый контроль.

Дел Банка России об инсайде с цифровым активом пока нет (Закон № 282-ФЗ действует с 1 сентября 2026 г.). Сообщения содержат факты, но не доказательства и не позицию лица, поэтому целесообразны обезличенные мотивированные резюме решений по образцу SEC и FCA.

Операторов выпуска ЦФА в реестре Банка России с 2022 г. более полутора десятков. Закон № 282-ФЗ создал цифровые депозитарии (учёт и переход цифровой валюты и прав, доступ клиентов к адресам-идентификаторам) и организации обмена (покупка и продажа от своего имени и за свой счёт вне организованных торгов) [О цифровых валютах и цифровых правах, 2026]. 6 октября 2026 г. Банк России сообщил о включении первых участников: пяти цифровых депозитариев и четырёх организаций обмена; поскольку ВТБ присутствует в обоих реестрах, это восемь организаций и девять записей, то есть меньше десяти (табл. 3).

Таблица 3 – Организации, включённые в реестры цифровых депозитариев и организаций обмена (по сообщениям от 6–7 октября 2026 г.)

Организация	Депозитарий	Обмен	Примечание
ВТБ	Да	Да	В обоих реестрах; банк-брокер
Сбербанк	Да	–	Запуск – с 1 декабря 2026 г. при выходе актов
АО «Атомайз»	Да	–	Оператор выпуска ЦФА; сведения о группе расходятся
АО «Волтари»	Да	–	Группа Web3 Tech
ООО «Облачная инфраструктура»	Да	–	Принадлежит ООО «Система-крипто»
ООО «Т-Инвест Лаб»	–	Да	Группа «Т-Технологий»
ООО «Зефир»	–	Да	Зарегистрировано в августе 2025 г., капитал 10 тыс. руб.
ООО «Система-крипто»	–	Да	Владелец «Облачной инфраструктуры»

Основание допуска – ст. 52 и 53 Закона № 282-ФЗ: Банк России проверяет заявителя, в том числе выездной проверкой; право возникает со дня внесения записи в реестр; основания отказа,

по обзору, – санкционный статус, статус иностранного агента, перечни террористов, высокий риск ПОД/ФТ; исключение – при повторных нарушениях в течение года, неисполнении предписаний, 18 месяцах бездействия [Закон о цифровых валютах 2026: главные изменения и правила, 2026]. Подзаконная база – Положение № 890-П, Указания № 7429-У от 27 августа 2026 г. (в силу с 5 октября) и № 7278-У. Собственные средства: 15 млн руб. для организаций обмена и от 50 до 250 млн руб. для депозитариев; для действующих банков, брокеров и операторов информационных систем предусмотрена упрощённая процедура. Сделки резидентов вне реестров допускаются до 30 июня 2027 г., приведение деятельности в соответствие – до 1 сентября 2027 г..

Критический анализ процедуры выявляет пять проблем:

Первая – асимметрия допуска. Банки и профучастники получают статус по упрощённой процедуре, остальные проходят полную проверку; упрощение подменяет проверку презумпцией надёжности, хотя банковская группа получает новый вид деятельности – торговлю за свой счёт и учёт клиентских активов. Среди допущенных – ООО «Зефир», зарегистрированное, по публикациям, в августе 2025 г. с уставным капиталом 10 тыс. руб.; мы не утверждаем, что требование о 15 млн руб. не выполнено, но из публичных данных не видно, как проверены источники средств, а обменник – контрагент клиента.

Вторая – конфликт интересов в вертикально интегрированных группах. ВТБ присутствует в обоих реестрах и ведёт брокерскую деятельность; группа «Т-Технологий» представлена обменником «Т-Инвест Лаб» и оператором информационной системы «Т-Банк»; «Облачная инфраструктура» принадлежит «Система-крипто», также внесённой в реестр обменников. Одна группа видит решения о допуске актива и клиентские поручения и торгует за свой счёт – риск, показанный делами «Велес Капитала» и Robinhood; обязанности по информационному разграничению в группе в публичных описаниях не названы.

Третья – критерии допуска не включают оценку противодействия инсайду. Они касаются репутации руководителей, капитала, собственности и санкционного статуса; обязанности представить до допуска политику по инсайдерской информации, стоп-листы и журналы доступа публично не названы. Допуск опережает готовность регулирования: Сбербанк увязывает запуск продуктов с выходом подзаконных актов.

Четвёртая – непрозрачность: нет сведений о числе заявлений, отказах, сроках и мотивах, что затрудняет обжалование. Пятая – неохваченные участки: до 1 июля 2027 г. допустимы одноранговые сделки, а самостоятельное хранение вне депозитариев остаётся вне учёта, и сведения о таких операциях нельзя получить по ст. 10 Закона № 224-ФЗ.

На основе проведённого анализа предлагаем следующие меры, сгруппированные по уровню регулирования: изменения Закона № 224-ФЗ (п. 1–3), акты Банка России (п. 4–5), а также гражданско-правовые последствия и методика атрибуции (п. 6).

1. Закон № 224-ФЗ. Включить в предмет запрета (ст. 2) цифровые права и цифровую валюту, допущенные к организованным торгам либо учитываемые в реестре цифровых депозитариев, и производные инструменты на них. Признак допуска к торгам (модель MiCA) снимает зависимость от перечня категорий и исключает закрытые токены без рыночной цены. В круг инсайдеров по ст. 4 включить депозитарии, организации обмена, операторов информационных систем и организаторов торговли, а в перечень инсайдерской информации – решения о допуске актива к торгам, сведения о выпуске ЦФА до публикации решения и о неисполненных клиентских распоряжениях.

2. Презумпция использования. Закрепить в Законе № 224-ФЗ опровержимую презумпцию:

если лицо, обладавшее инсайдерской информацией, совершило операцию с активом в установленный срок до раскрытия, использование предполагается, пока оно не докажет, что сделка совершена во исполнение ранее принятого решения или по иному основанию (образец – Spector и ст. 9 MAR [Regulation (EU) 2023/1114, 2023; Case C-45/08, Spector Photo Group NV, 2009]). Презумпцию следует ограничить предписаниями Банка России и сочетать с обязанностью органа раскрыть доказательственную базу при обжаловании (ч. 5 ст. 200 АПК РФ).

3. Журнал доступа и «окна запрета». Обязать инфраструктурные организации вести журнал доступа к сведениям о листингах, реестр лиц с доступом (аналог «Coin Aware») и устанавливать запрет операций до и после раскрытия (у Robinhood – 24 часа); отсутствие этих документов считать нарушением. Предложение согласуется с «тихими периодами» законопроекта № 1075257-8.

4. Стандартизированная выписка. Банку России утвердить форму «выписки о движении цифровых активов» для депозитариев и операторов информационных систем (идентификатор клиента, адрес-идентификатор, хэш транзакции, метка времени в UTC, контрагент, источник поступления) и срок её предоставления по запросу по ст. 10 Закона № 224-ФЗ (например, пять рабочих дней). Единая форма снимет споры об относимости и допустимости: любой стороне будет известно, как документ создан и кем заверен.

5. Порядок допуска. Включить в критерии допуска политику противодействия инсайду, стоп-листы, схему информационного разграничения в группе и «тихие периоды» с проверкой соблюдения в переходный период; упростить только документальное оформление, не отменяя проверку конфликта интересов и источников средств; опубликовать сроки рассмотрения, основания отказа и обезличенные мотивированные решения об отказе; для вертикально интегрированных групп запретить торговлю за свой счёт на основе информации о клиентских поручениях; обеспечить Банку России доступ к адресам-идентификаторам при проверке по признакам инсайда.

6. Гражданско-правовые последствия и атрибуция. Дело Честейна показывает, что у работодателя убытков может не быть, а у нарушителя возникает необоснованный доход. Предлагаем закрепить правило об истребовании дохода, полученного с использованием служебной информации, в пользу пострадавших контрагентов или фонда защиты инвесторов: ст. 15, 1064 ГК РФ недостаточны, так как связь сделки инсайдера с ущербом контрагента в анонимных торгах недоказуема. Банку России с ФНС России и Росфинмониторингом следует разработать методические рекомендации по привязке адреса к лицу (источники KYC, критерии достаточности, хранение данных).

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать пять выводов. Во-первых, режим доказывания определяется квалификацией актива: для цифровых прав ключевое доказательство – выписка оператора, для цифровой валюты – запись в депозитарии и атрибуция адреса. Во-вторых, предмет запрета Закона № 224-ФЗ привязан к закрытому перечню, а в ЕС определён допуском к торгам. В-третьих, российскому праву недостаёт инструментов доказывания использования информации (презумпция в ЕС, логический вывод в США). В-четвёртых, американские дела показывают, что исход зависит от квалификации токена (Вахи) или рушится при отсутствии «имущества» потерпевшего (Честейн). В-пятых, допуск первых восьми

организаций создаёт инфраструктуру с риском вертикальной интеграции, а его критерии не требуют доказательств готовности защитных механизмов. Предложенные в разделе 6 меры образуют единый пакет, ориентированный на доказывание, а не только на запрет.

Библиография

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
4. Закон о цифровых валютах 2026: главные изменения и правила [Электронный ресурс] // Рефорум. URL: https://regforum.ru/posts/6293_podrobnyy_obzor_zakona_o_cifrovyh_valyutah_i_cifrovyh_pravah/.
5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации: федер. закон от 04.08.2026 № 283-ФЗ // Российская газета. 2026. 11 авг.
6. О перечне инсайдерской информации юридических лиц, указанных в пунктах 1, 3, 4, 11 и 12 статьи 4 Федерального закона от 27 июля 2010 года № 224-ФЗ: Указание Банка России от 27.09.2021 № 5946-У (ред. от 06.10.2023) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_400192/.
7. О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 27.07.2010 № 224-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4193.
8. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.
9. О цифровых валютах и цифровых правах: федер. закон от 04.08.2026 № 282-ФЗ // Российская газета. 2026. 11 авг.
10. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 10. Ст. 357.
11. Определение Верховного Суда РФ от 13.07.2018 № 308-ЭС18-2197 по делу № А32-43610/2015.
12. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 01.06.2021 № 48-КГ21-3-К7.
13. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ по делу № 44-КГ20-17-К7 // СПС «КонсультантПлюс».
14. О некоторых вопросах применения законодательства об электронных документах в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57.
15. По делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Д.И. Тимченко: Постановление Конституционного Суда РФ от 20.01.2026 № 2-П // Собрание законодательства РФ. 2026. № 4. Ст. 372.
16. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 № 09АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
17. Постановление Президиума ВАС РФ от 06.09.2011 № 2929/11.
18. Топ-менеджер «Софтлайна» использовал инсайдерскую информацию для спасения активов акционера [Электронный ресурс] // ComNews. 2026. 24 июля. URL: https://www.comnews.ru/content/246550/2026-07-24/2026-w30/1007/top-menedzher-softlayna-ispolzoval-insayderskuyu-informaciyu-dlya-spaseniya-aktivov-akcionera.
19. ЦБ выявил использование инсайдерской информации трейдером «Велес Капитала» [Электронный ресурс] // Эксперт. 2026. 21 окт. URL: https://expert.ru/news/tsb-vyyavil-ispolzovanie-insayderskoy-informatsii-treyderom-veles-kapitala.
20. Янковский Р.М. Криптовалюты в российском праве: суррогаты, «иное имущество» и цифровые деньги // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4. С. 43–77.
21. Янковский Р.М. Дело Тимченко: комментарий к Постановлению Конституционного Суда РФ № 2-П от 20.01.2026 // Цифровое право. 2026. Т. 7, № 1. URL: https://www.digitallawjournal.org/jour/article/download/312/196.
22. Case C-45/08, Spector Photo Group NV and Chris Van Raemdonck v Commissie voor het Bank-, Financie- en Assurantiewezen (CBFA), judgment of the Court of Justice of the EU of 23 December 2009.
23. Ciminelli v. United States, 598 U.S. 306 (2023).

24. Carpenter v. United States, 484 U.S. 19 (1987).
25. Regulation (EU) 2023/1114 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on markets in crypto-assets (MiCA), Arts. 86–92 // OJ L 150, 9.6.2023, pp. 40–205.
26. SEC v. Adler, 137 F.3d 1325 (11th Cir. 1998).
27. SEC v. Wahi et al., No. 2:22-cv-01009 (W.D. Wash.).
28. SEC v. W.J. Howey Co., 328 U.S. 293 (1946).
29. United States v. Chastain, No. 23-7038 (2d Cir. July 31, 2025).
30. United States v. O'Hagan, 521 U.S. 642 (1997).

Countering the Misuse of Insider Information in the Sphere of Digital Financial Assets

Artem E. Arkhangel'skii

Master's Student,
Lebedev Russian State University of Justice,
117418, 69, Novocheremushkinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: arttank2002@mail.ru

Maksim T. Shelkovich

PhD in Law, Associate Professor,
Lebedev Russian State University of Justice,
117418, 69, Novocheremushkinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: shelkovich_mt@mail.ru

Abstract

The article, based on Art. 128 and 141.1 of the Civil Code of the Russian Federation, Ruling No. 2-P of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 20, 2026, and Federal Laws No. 282-FZ and No. 283-FZ of August 4, 2026, shows that the evidentiary regime for the misuse of insider information in the circulation of digital assets is determined by their civil-law qualification: digital financial assets (digital rights), digital currency ("other property"), and foreign digital instruments require different evidence of ownership, transfer, and attribution. The subject and standard of proof in Russia, the United States, the European Union, and the United Kingdom are compared; the Vakhi, Chestain, and Robinhood employees cases and the Bank of Russia cases concerning "Softline" and "Veles Capital" are analyzed; a "fact – document – source" map is compiled. The procedure for admission by the Bank of Russia and the composition of the first admitted digital depositories and exchange organizations are critically analyzed; amendments to Law No. 224-FZ, acts of the Bank of Russia, and clarifications of the supreme judicial instance are proposed.

For citation

Arkhangel'skii A.E., Shelkovich M.T. (2026) Protivodeystvie nepravomernomu ispol'zovaniyu insayderskoy informatsii v sfere tsifrovykh finansovykh aktivov [Countering the Misuse of Insider Information in the Sphere of Digital Financial Assets]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (9A), pp. 245-258. DOI: 10.34670/AR.2026.43.15.029

Keywords

Digital financial assets, digital currency, Article 128 of the Civil Code of the Russian Federation, insider information, standard of proof, digital depository, admission by the Bank of Russia, token listing, risk management, research methodology, state policy.

References

1. *Arbitrazhnyy protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii* [Arbitration Procedural Code of the Russian Federation]. (2002). Federal Law No. 95-FZ of 24.07.2002. *Collected Legislation of the RF*, (30), Art. 3012.
2. *Bank of Russia identified use of inside information by a Veles Capital trader*. (2026, October 21). Expert. Retrieved from https://expert.ru/news/tsb-vyyavil-ispolzovanie-insayderskoy-informatsii-treyderom-veles-kapitala
3. Carpenter v. United States, 484 U.S. 19 (1987).
4. Case C-45/08, Spector Photo Group NV and Chris Van Raemdonck v Commissie voor het Bank-, Financie- en Assurantiewezen (CBFA), judgment of the Court of Justice of the EU of 23 December 2009.
5. Ciminelli v. United States, 598 U.S. 306 (2023).
6. *Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast' pervaya)* [Civil Code of the Russian Federation (Part One)]. (1994). Federal Law No. 51-FZ of 30.11.1994. *Collected Legislation of the RF*, (32), Art. 3301.
7. *Grazhdanskiy protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii* [Civil Procedure Code of the Russian Federation]. (2002). Federal Law No. 138-FZ of 14.11.2002. *Collected Legislation of the RF*, (46), Art. 4532.
8. *Law on digital currencies 2026: main changes and rules*. (2026) Regforum. Retrieved from https://regforum.ru/posts/6293_podrobnyy_obzor_zakona_o_cifrovyh_valyutah_i_cifrovyh_pravah/
9. *O perechne insayderskoy informatsii yuridicheskikh lits, ukazannykh v punktakh 1, 3, 4, 11 i 12 stat'i 4 Federal'nogo zakona ot 27 iyulya 2010 goda No. 224-FZ* [On the List of Inside Information of Legal Entities Specified in Clauses 1, 3, 4, 11 and 12 of Article 4 of Federal Law No. 224-FZ of 27 July 2010]. (2021). Bank of Russia Directive No. 5946-U of 27.09.2021 (as amended on 06.10.2023). Konsul'tantPlyus. Retrieved from https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_400192/
10. *O protivodeystvii nepravomernomu ispol'zovaniyu insayderskoy informatsii i manipulirovaniyu rynkom i o vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii* [On Countering the Misuse of Inside Information and Market Manipulation and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation]. (2010). Federal Law No. 224-FZ of 27.07.2010. *Collected Legislation of the RF*, (31), Art. 4193.
11. *O tsifrovykh finansovykh aktivakh, tsifrovoy valyute i o vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii* [On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation]. (2020). Federal Law No. 259-FZ of 31.07.2020. *Collected Legislation of the RF*, (31(Pt. I)), Art. 5018.
12. *O tsifrovykh valyutakh i tsifrovykh pravakh* [On Digital Currencies and Digital Rights]. (2026) Federal Law No. 282-FZ of 04.08.2026. *Rossiyskaya Gazeta*, 11 August.
13. *O vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii i priznanii utrativshimi silu zakonodatel'nykh aktov (otdel'nykh polozheniy zakonodatel'nykh aktov) Rossiyskoy Federatsii* [On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation and on Invalidation of Legislative Acts (Certain Provisions of Legislative Acts) of the Russian Federation]. (2026) Federal Law No. 283-FZ of 04.08.2026. *Rossiyskaya Gazeta*, 11 August.
14. *Ob osnovakh zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii o notariate* [Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on Notaries]. (1993). Approved by the Supreme Soviet of the RF on 11.02.1993 No. 4462-1. *Vedomosti SND i VS RF*, (10), Art. 357.
15. *Opredelenie Sudebnoy kollegii po grazhdanskim delam Verkhovnogo Suda RF ot 01.06.2021 No. 48-KG21-3-K7* [Ruling of the Judicial Panel for Civil Cases of the Supreme Court of the RF of 01.06.2021 No. 48-KG21-3-K7]. (2021).
16. *Opredelenie Sudebnoy kollegii po grazhdanskim delam Verkhovnogo Suda RF po delu No. 44-KG20-17-K7* [Ruling of the Judicial Panel for Civil Cases of the Supreme Court of the RF in Case No. 44-KG20-17-K7]. (2020). Konsul'tantPlyus.
17. *Opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 13.07.2018 No. 308-ES18-2197 po delu No. A32-43610/2015* [Ruling of the Supreme Court of the RF of 13.07.2018 No. 308-ES18-2197 in Case No. A32-43610/2015]. (2018).
18. *O nekotorykh voprosakh primeneniya zakonodatel'stva ob elektronnykh dokumentakh v deyatel'nosti sudov obshchey yurisdiktsii i arbitrazhnykh sudov* [On Certain Issues of Application of Legislation on Electronic Documents in the Activities of Courts of General Jurisdiction and Arbitration Courts]. (2017). Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the RF No. 57 of 26.12.2017.
19. *Po delu o proverke konstitutsionnosti chasti 6 stat'i 14 Federal'nogo zakona "O tsifrovykh finansovykh aktivakh, tsifrovoy valyute i o vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii" v svyazi s zhaloboy grazhdanina D.I. Timchenko* [In the Case on the Constitutionality of Part 6 of Article 14 of the Federal Law "On Digital

Financial Assets, Digital Currency..." upon the Complaint of Citizen D.I. Timchenko]. (2026) Resolution of the Constitutional Court of the RF No. 2-P of 20.01.2026. *Collected Legislation of the RF*, (4), Art. 372.
20. *Postanovlenie Devyatogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 15.05.2018 No. 09AP-16416/2018 po delu No. A40-124668/2017* [Resolution of the Ninth Arbitration Appeal Court of 15.05.2018 No. 09AP-16416/2018 in Case No. A40-124668/2017]. (2018). Konsul'tantPlyus.
21. *Postanovlenie Prezidiuma VAS RF ot 06.09.2011 No. 2929/11* [Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the RF of 06.09.2011 No. 2929/11]. (2011).
22. Regulation (EU) 2023/1114 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on markets in crypto-assets (MiCA), Arts. 86–92. (2023). *OJ L 150*, 9.6.2023, pp. 40–205.
23. SEC v. Adler, 137 F.3d 1325 (11th Cir. 1998).
24. SEC v. Wahi et al., No. 2:22-cv-01009 (W.D. Wash.).
25. SEC v. W.J. Howey Co., 328 U.S. 293 (1946).
26. *Top-menedzher "Softlayna" ispol'zoval insayderskuyu informatsiyu dlya spaseniya aktivov aktsionera* [A Softline Top Manager Used Inside Information to Save a Shareholder's Assets]. (2026, July 24). ComNews. Retrieved from https://www.comnews.ru/content/246550/2026-07-24/2026-w30/1007/top-menedzher-softlayna-ispolzoval-insayderskuyu-informaciyu-dlya-spaseniya-aktivov-akcionera
27. United States v. Chastain, No. 23-7038 (2d Cir. July 31, 2025).
28. United States v. O'Hagan, 521 U.S. 642 (1997).
29. Yankovsky, R.M. (2020). Kriptovalyuty v rossiyskom prave: surrogaty, "inoe imushchestvo" i tsifrovye den'gi [Cryptocurrencies in Russian Law: Surrogates, "Other Property" and Digital Money]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, (4), 43–77.
30. Yankovsky, R.M. (2026) Delo Timchenko: kommentariy k Postanovleniyu Konstitutsionnogo Suda RF No. 2-P ot 20.01.2026 [The Timchenko Case: Comment on Ruling No. 2-P of the Constitutional Court of the RF of 20 January 2026]. *Tsifrovoe pravo*, 7(1). Retrieved from https://www.digitallawjournal.org/jour/article/download/312/196

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 347.453 **DOI: 10.34670/AR.2026.65.84.030**

Преимущественные права на заключение отдельных договоров аренды

Умрихин Дмитрий Олегович

Аспирант,
кафедра гражданского права,
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
295007, Российская Федерация, Симферополь,
просп. Академика Вернадского, 4;
e-mail: krovokras666@yandex.ru

Аннотация

В статье проведён анализ действующего жилищного и гражданского законодательства в сфере преимущественного права. Преимущественные права, будучи специфическим институтом, даруют лицу, ими обладающему, право на первоочередное применение своих прав в равных с другими лицами, преимущественными правами не обладающими, при равных условиях. Оценивается статус института внутри российского гражданского законодательства, а также особенность преимущественных прав при договоре коммерческого найма.

Для цитирования в научных исследованиях

Умрихин Д.О. Преимущественные права на заключение отдельных договоров аренды // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 9А. С. 259-263. DOI: 10.34670/AR.2026.65.84.030

Ключевые слова

Преимущество, преимущественное право, преимущественное право в корпоративном праве, коммерческий найм, аренда, договор аренды, жилищное право, добросовестность, государственная политика.

Введение

Преимущественные права на заключение договоров под собой подразумевают приоритетный порядок на перезаключение договора с той же стороной, с которой лицо, наделенное преимущественным правом, уже заключало соответствующий договор.

В российской правовой системе институт преимущественного права занимает особенное место, ввиду специфики допустимого ограничения воли сторон правоотношения. Данный институт широко распространен не только в гражданском законодательстве, но и в других отраслях частного права, а также подотраслях.

Основное содержание

В рамках действующего законодательства актуален вопрос отнесения коммерческого найма к нормам жилищного или гражданского законодательства в доктрине носит дискуссионный характер, так И. Седугин пишет: «Договор найма жилого помещения — один из видов гражданско-правовых договоров; одновременно это основной договор жилищного права, а договоры социального и коммерческого найма являются его особыми разновидностями [Седугин, 2018]».

В рамках действующего законодательства право на перезаключение договора, основываясь на положениях статьи 250 ГК РФ, 684 ГК РФ, 621 ГК РФ [Гражданский кодекс Российской Федерации, 1994] и проч. предполагает, что договор будет заключен на одинаковых с лицом обладающим преимущественным правом.

Т. е. законодательно закреплено, что лицо, обладающее преимущественным правом, будет находиться в позиции того, что именно с ним будет заключен договор относительно других лиц, находящимися в равных с ним условиях.

Само преимущественное право на повторное заключение договора теми же сторонами правоотношения, что уже в нем участвовали, направлено на стабилизацию гражданского оборота, создание длительных взаимовыгодных отношений между сторонами соглашения.

Рассмотрим детальнее сами арендные отношения, под арендой понимается платное и срочное гражданско-правовое отношение, заключаемое между арендатором и арендодателем с целью временного владения и пользования. Особенно следует обратить внимание на срочность данных правоотношений, т. к. именно это их свойство существенно в вопросе понимания преимущественных прав. Ввиду того, что истечение срока договорного отношения является основанием для перезаключения договора аренды, ввиду положений ст. 684 ГК РФ.

Ряд правоведов называют преимущественные права в рамках аренды «постдоговорными», [Богданов, Богданова, 2023] т. е. теми, что возникают уже после завершения гражданского отношения.

Касаемо важности срока при перезаключении договора аренды жилого помещения обратимся к судебной практике, так Апелляционным определением Суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 12.05.2026 по делу № N 33-1343/2026 (УИД 89RS0001-01-2026-000201-94), разъяснено, что: «…положения статьи 684 Гражданского кодекса Российской Федерации предусматривают, что по истечении срока договора найма жилого помещения наниматель имеет преимущественное право на заключение договора найма жилого помещения на новый срок. Не позднее чем за три месяца до истечения срока договора найма жилого помещения наймодатель должен предложить нанимателю заключить договор на тех же или иных условиях либо

предупредить нанимателя об отказе от продления договора в связи с решением не сдавать в течение не менее года жилое помещение внаем. Если наймодатель не выполнил этой обязанности, а наниматель не отказался от продления договора, договор считается продленным на тех же условиях и на тот же срок (Апелляционное определение Суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 12.05.2026 по делу N 33-1343/2026 (УИД 89RS0001-01-2026-000201-94)/ Вестник ВАС РФ// 2012. №1).

Отдельно следует обратить внимание на то, что для возникновения преимущественного права в рамках арендного договора возможно лишь при обязательной регистрации данного договора, так Постановление Пленума ВАС РФ от 17.11.2011 №73 (ред. от 25.12.2013) «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды»: «В то же время в силу статьи 308 ГК РФ права, предоставленные лицу, пользующемуся имуществом по договору аренды, не прошедшему государственную регистрацию, не могут быть противопоставлены им третьим лицам. В частности, такое лицо не имеет преимущественного права на заключение договора на новый срок (пункт 1 статьи 621 ГК РФ), а к отношениям пользователя и третьего лица, приобретшего на основании договора переданную в пользование недвижимую вещь, не применяется пункт 1 статьи 617 ГК РФ.»

Для перезаключения договора также важна категория добросовестности сторон. Добросовестность арендатора и должное исполнение своих обязательств в судебной практике является предметом изучения суда, так, при определении наличия у лица преимущественного права на земельный участок для сельскохозяйственного производства, суд оценивал не только полноту выплаты денежных средств арендодателю, но и использование земельного участка в соответствии со своим целевым назначением.

Как отмечает Богданова Е. Е: «Арендатор, который нарушал в течение срока действия договора права арендодателя, не может претендовать на преимущественное право заключения договора на новый срок. В свою очередь, указанное правило по своему характеру является диспозитивным и действует постольку, поскольку иное не предусмотрено законом или договором аренды»[Ярошевская, 2024].

Таким образом, логичен вывод о том, что преимущественное право на заключение договора аренды позволяет добросовестному арендатору продлить, существующие между ним и арендодателем, отношения.

Однако, нелогично, что вышеуказанное положение действительно только в рамках договора аренды на основании ст. 621 ГК РФ, касаемо положений ст. 684 ценз добросовестности нанимателя не является обязательным.

Данное противоречие до сих пор носит весьма дискуссионный характер в доктрине, т. к. многие учёные-правоведы утверждают о гуманности жилищного законодательства. А коммерческий найм, по нашему мнению, следует относить в первую очередь именно к жилищному праву, и только потом к гражданскому.

Но касаемо гуманизма законодателя, существует определенная позиция среди учёных правоведов о том, что перекос интересов нанимателя над интересами наймодателя является «нереалистичным и оторванным от реальности, т. к. не учитывает жизненных обстоятельств наймодателя»[Ярошевская, 2024].

Вопрос о гуманности актуален в особенной степени, т. к., по нашему мнению, отнесение договора коммерческого найма к категории гражданской не совсем верно. Данный договор является одной из вариаций договора найма жилого помещения, который выступает одним из ключевых видов соглашений для жилищного права. Ввиду этого и основываясь на положения

Конституции РФ, можно сделать вывод, что данный вид договоров носит социально-значимый характер и соотносится с одной из ведущих социальных политик Российской Федерации: защита права на жилье.

О чем уже высказывался Конституционный Суд в своем Постановлении [Постановление Конституционного Суда, 2025], в котором речь идет о позитивной мотивации для наймодателя заключать свои договора официально, при этом не запрещая возможность включения в договор оснований для расторжения данного соглашения, однако, те должны носить индивидуально-определенный характер, «не должны быть беспочвенны».

В рамках доктрины гражданского права по данному вопросу существует плюрализм мнений, так рядом учёных предлагается и вовсе исключить отдельные положения о расторжении договора коммерческого найма, так Базылев Д. А. и Новосельцева А. Ю. пишут: «Так называемый гуманизм законодателя в правовом регулировании расторжения договора коммерческого найма жилого помещения приводит прямо к противоположному эффекту. Вместо доступности съемного жилья для нанимателей он приводит к росту цен на рынке аренды квартир и отказу собственников сдавать квартиры [Базылев, Новосельцева, 2024]»

Заключение

Таким образом, применение норм ст. 684 ГК РФ возможно при истечении срока действия указанного договора в течение одного года, если договор не был расторгнут в судебном порядке, несмотря на недобросовестное исполнение своих обязанностей нанимателем.

Библиография

1. Базылев Д.А., Новосельцева А.Ю. Гуманизм законодателя в правовом регулировании расторжения договора коммерческого найма жилого помещения // [выходные данные уточнить]. 2024.
2. Богданов Е.В., Богданова Е.Е. Постдоговорные обязательства в российском гражданском праве // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 9 (154). С. 69–78.
3. Богданова Е.Е. Преимущественное право на заключение гражданско-правового договора // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 2. С. 208–211.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.06.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.06.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации [реквизиты уточнить]. 2025.
6. Седугин П.И. Избранное / П.И. Седугин, П.В. Крашенинников. Москва: Статут, 2018. 176 с.
7. Ярошевская А.М. К вопросу защиты прав наймодателя по договору коммерческого найма жилого помещения // Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2024. Т. 10 (76). № 2. С. 417–422.

Preemptive Rights to Conclude Certain Lease Agreements

Dmitrii O. Umrikhin

Postgraduate Student,
Department of Civil Law,
V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
295007, 4, Akademika Vernadskogo ave., Simferopol', Russian Federation;
e-mail: krovokras666@yandex.ru

Abstract

The article analyzes the current housing and civil legislation in the sphere of preemptive rights. Preemptive rights, being a specific institution, grant the person possessing them the right to priority application of their rights on equal terms with other persons who do not possess preemptive rights, under equal conditions. The status of the institution within Russian civil legislation is assessed, as well as the specificity of preemptive rights in a commercial lease agreement.

For citation

Umrikhin D.O. (2026) Preimushchestvennye prava na zaklyuchenie otdel'nykh dogovorov arendy [Preemptive Rights to Conclude Certain Lease Agreements]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (9A), pp. 259-263. DOI: 10.34670/AR.2026.65.84.030

Keywords

Preference, preemptive right, preemptive right in corporate law, commercial lease, lease, lease agreement, housing law, good faith, state policy.

References

1. Bazy'lev, D. A., & Novosel'tseva, A. Yu. (2024). Gumanizm zakonodatelya v pravovom regulirovanii rastorzheniya dogovora kommercheskogo naima zhilogo pomeshcheniya [The humanism of the legislator in the legal regulation of termination of a commercial lease of residential premises]. [Publisher details to be specified].
2. Bogdanov, E. V., & Bogdanova, E. E. (2023). Postdogovornye obyazatel'stva v rossiiskom grazhdanskom prave [Post-contractual obligations in Russian civil law]. Aktual'nye problemy rossiiskogo prava, 18(9(154)), 69–78.
3. Bogdanova, E. E. (2006). Preimushchestvennoe pravo na zaklyuchenie grazhdansko-pravovogo dogovora [Pre-emptive right to conclude a civil law contract]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii, (2), 208–211.
4. Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 No. 51-FZ (red. ot 24.06.2025) (s izm. i dop., vstup. v silu s 09.06.2026) [Civil Code of the Russian Federation (Part One) No. 51-FZ of November 30, 1994 (as amended on June 24, 2025)]. (1996). Sobranie zakonodatel'stva RF, (5), Art. 410.
5. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation]. (2025). [Details to be specified].
6. Sedugin, P. I. (2018). Izbrannoe [Selected works] (P. V. Krasheninnikov, Ed.). Statut.
7. Yaroshevskaya, A. M. (2024). K voprosu zashchity prav naimodatelya po dogovoru kommercheskogo naima zhilogo pomeshcheniya [On the protection of the rights of the landlord under a commercial lease of residential premises]. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki, 10(76)(2), 417–422.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 347.77 **DOI: 10.34670/AR.2026.78.53.031**

Правовые источники и принципы регулирования обработки аэроснимков

Романова Елена Владимировна

Кандидат педагогических наук, доцент,
заместитель директора по научной
работе и дополнительному образованию,
Кубанский казачий государственный
институт пищевой индустрии и бизнеса (филиал)
Московского государственного университета технологий
и управления им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет),
353500, Российская Федерация, Темрюк, ул. Советская, 4Е;
e-mail: lenina_ev@mail.ru

Беляков Анатолий Анатольевич

Кандидат биологических наук, доцент,
Кубанский казачий государственный
институт пищевой индустрии и бизнеса (филиал)
Московского государственного университета технологий
и управления им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет),
353500, Российская Федерация, Темрюк, ул. Советская, 4Е;
e-mail: beliakovtorz@rambler.ru

Меленчук Владислав Александрович

Преподаватель,
Кубанский казачий государственный
институт пищевой индустрии и бизнеса (филиал)
Московского государственного университета технологий
и управления им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет),
353500, Российская Федерация, Темрюк, ул. Советская, 4Е;
e-mail: v.melenchuk@rambler.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу правовых источников и принципов, регулирующих обработку аэроснимков, получаемых с помощью беспилотных воздушных систем (БВС) при мониторинге строительства малоэтажных объектов. Отмечается, что традиционные способы контроля хода работ уступают по оперативности и объективности данным дистанционного зондирования, однако их использование сопряжено с рядом правовых и организационных вопросов. Систематизированы нормативные требования к выполнению аэрофотосъёмочных работ: Федеральные авиационные правила (ФАП-494), сертификация

эксплуатанта, страхование гражданской ответственности, свидетельство внешнего пилота и регламенты эксплуатации БАС. Рассмотрены смежные правовые режимы, определяющие законность и юридическую значимость результатов обработки: законодательство о персональных данных (при фиксации на снимках лиц и транспортных средств), охрана результатов интеллектуальной деятельности и распределение прав на исходные материалы, программные средства обработки и производные продукты, режимы конфиденциальности и защиты информации при хранении и передаче данных.

Для цитирования в научных исследованиях

Романова Е.В., Беляков А.А., Меленчук В.А. Правовые источники и принципы регулирования обработки аэроснимков // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 9А. С. 264-270. DOI: 10.34670/AR.2026.78.53.031

Ключевые слова

Правовое регулирование, аэроснимки, беспилотные воздушные системы (БВС), Федеральные авиационные правила, фотограмметрическая обработка, мониторинг строительства, ортофотоплан, трёхмерная модель, персональные данные, интеллектуальная собственность, защита информации, управление рисками, методология исследования, государственная политика.

Введение

В условиях роста темпов жилищного строительства и усиления требований к прозрачности инвестиционно-строительных процессов особую значимость приобретает мониторинг хода работ. Традиционные способы контроля (выездные обследования, визуальные отчеты, выборочные замеры) нередко уступают по оперативности и объективности, а также создают риски несвоевременного выявления отклонений от графика.

В этой связи применение беспилотных воздушных систем (БВС) и фотограмметрической обработки аэроснимков становится востребованным инструментом управления проектами: данные дистанционного зондирования позволяют получать трехмерные модели, ортофотопланы и измеримые показатели, необходимые для оценки прогресса строительства малоэтажных объектов.

Однако внедрение таких технологий неизбежно сталкивается с правовыми и организационными вопросами: кто и на каких основаниях вправе собирать и обрабатывать аэроснимки, как обеспечить законность использования данных, как организовать хранение и доступ к результатам, а также какие последствия наступают при нарушении сроков, требований к качеству данных и корректности отчетности.

Основная часть

Аэросъемочные работы подпадают под действие Федеральных авиационных правил (ФАП-494) [О федеральных правилах использования воздушного пространства, 1998].

Таким образом для соблюдении требований воздушного законодательства при выполнении аэрофотосъемочных работ необходимо наличие одобрительного документа, выдаваемого Федеральным агентством воздушного транспорта (Росавиацией) – Сертификата эксплуатанта (СЭ).

Основные требования ФАП-494 – это страхование гражданской ответственности, наличие сертификата летной годности и свидетельства внешнего пилота, а также разработанные и утвержденные регламенты по летной и технической эксплуатации БАС [Митрофанов, 2023, с. 38].

Правовое регулирование обработки аэроснимков, полученных с применением беспилотных воздушных систем, в российской практике формируется на стыке норм о связи и использовании воздушного пространства, требований к безопасности полетов, режима персональных данных и охраны результатов интеллектуальной деятельности, а также общих правил оборота информации и документирования.

Для целей мониторинга строительства малоэтажных объектов правовой режим данных дрон-съемки приобретает прикладной характер: от корректности оформления исходных данных, правомерности их получения и хранения, соблюдения требований к качеству и прослеживаемости обработки зависит возможность использовать результаты в управленческих решениях, в отчетности перед заказчиком и, при необходимости, в качестве доказательств при урегулировании споров о сроках и объемах работ.

Базовым источником выступают нормы, регулирующие использование воздушного пространства и эксплуатацию беспилотных воздушных судов [Малько, 2026, с. 268].

Получение аэроснимков возможно только при соблюдении установленных процедур допуска к полетам, правил регистрации/учета БВС (в зависимости от категории и характеристик), а также требований к обеспечению безопасности полетов [Водный кодекс РФ, 2006].

В контексте мониторинга строительства это означает, что организация, выполняющая съемку, должна иметь законные основания для выполнения полетов над соответствующей территорией, а также обеспечить соблюдение ограничений по высоте, маршрутам, зонам запрета и иным условиям, установленным уполномоченными органами. Нарушение этих требований может повлечь признание съемки проведенной неправомерно, что в дальнейшем снижает юридическую ценность результатов фотограмметрической обработки.

Следующий блок правового регулирования связан с оборотом информации и возможным наличием персональных данных. Аэроснимки сами по себе могут не содержать персональных данных, однако на практике на снимках нередко фиксируются лица, транспортные средства с читаемыми номерами, элементы инфраструктуры, позволяющие идентифицировать конкретных лиц или объекты, связанные с физическими лицами. В таком случае обработка должна соответствовать требованиям законодательства о персональных данных: наличие правового основания, определение целей обработки, соблюдение принципов минимизации, ограничение сроков хранения, обеспечение конфиденциальности и надлежащих мер защиты. Для строительного мониторинга целесообразно заранее проектировать процесс так, чтобы в исходных данных и в итоговых продуктах минимизировать риск идентификации: например, применять маскирование лиц и номерных знаков на этапе постобработки, ограничивать доступ к исходникам, использовать обезличенные производные продукты (ортомозаики, модели рельефа, облака точек) без привязки к персональным характеристикам.

Отдельное значение имеет режим охраны результатов интеллектуальной деятельности. Исходные аэроснимки, программные средства фотограмметрической обработки и получаемые производные продукты могут подпадать под разные режимы правовой охраны. Как правило, права на исходные материалы принадлежат лицу, осуществившему съемку и/или организовавшему создание материалов, если иное не предусмотрено договором. Права на программное обеспечение определяются лицензионными условиями конкретного вендора

[Гражданский кодекс РФ (часть четвертая), 2006].

Что касается результатов обработки (например, 3D-моделей, ортомозаик, отчетных карт), их правовой статус зависит от наличия творческого вклада и от того, как именно формируется результат: в одних случаях это может рассматриваться как объект авторского права, в других — как технический результат, охраняемый иным образом. Практически это означает необходимость закреплять в договорах между заказчиком, подрядчиком по съемке и подрядчиком по обработке: кто является правообладателем исходных данных, кто владеет правами на производные продукты, кто вправе использовать их для отчетности, в каком объеме предоставляется лицензия и на каких территориях/сроках.

Важным принципом является документирование процесса обработки и обеспечение воспроизводимости результатов. Хотя законодательство прямо не устанавливает «единый стандарт» фотограмметрической обработки для строительства, общие требования к доказательности и достоверности информации вытекают из норм о юридически значимом документообороте и из принципов гражданского оборота: сведения должны быть подтверждаемыми, а процедуры — понятными и проверяемыми. Поэтому в методике мониторинга целесообразно фиксировать: дату и время съемки, координатную привязку, параметры полета, используемое оборудование и программное обеспечение, методику геопривязки, контрольные точки (если применялись), критерии качества (погрешности, плотность облака точек, степень совпадения), а также порядок формирования итоговых продуктов. Такой подход повышает шанс того, что результаты будут признаны достоверными при согласовании объемов работ и при разрешении разногласий.

Существенную роль играют нормы о защите информации и требования к хранению данных. Аэроснимки и производные модели могут содержать сведения о планировке территории, стадиях строительства, характеристиках объектов и иной коммерчески значимой информации. Следовательно, при организации хранения и передачи данных необходимо учитывать требования к режиму конфиденциальности, ограничению доступа, применению технических и организационных мер защиты. Если в проекте используются информационные системы (в том числе облачные сервисы), следует оценивать условия обработки данных провайдерами, порядок трансграничной передачи (если применимо), а также наличие договорных обязательств по обеспечению безопасности.

Наконец, правовые принципы регулирования обработки аэроснимков в строительном мониторинге проявляются через договорную конструкцию. На практике ключевые требования закрепляются в договорах подряда/оказания услуг, технических заданиях, регламентах выполнения работ и актах приемки [Гражданский кодекс РФ (часть вторая), 1996]. В них должны быть определены: состав исходных данных и итоговых продуктов, порядок передачи, сроки выполнения, требования к качеству, ответственность сторон за ошибки и несоответствия, условия использования результатов и распределение прав на материалы. Также целесообразно предусматривать механизм приемки: проверку полноты данных, соответствия методике, корректности геопривязки и качества модели, а при необходимости – повторную обработку за счет исполнителя. Это снижает риски признания результатов ненадлежащими и уменьшает вероятность споров о сроках и объемах.

Заключение

Таким образом, правовые источники и принципы регулирования обработки аэроснимков для мониторинга строительства складываются из совокупности норм о правомерности

получения данных (включая эксплуатацию БВС), соблюдении режима персональных данных и конфиденциальности, корректном распределении прав на результаты и обеспечении доказательности через документирование процедур. Встроенная в методику правовая логика позволяет не только выполнять съемку и фотограмметрическую обработку технически корректно, но и формировать юридически значимые материалы, пригодные для управленческих решений и для подтверждения факта выполнения работ в согласованные периоды.

Библиография

1. Водный кодекс Российской Федерации от 03.06.2006 № 74-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Российская газета. 2006. № 121.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 09.06.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.01.2026) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru.
4. Малько А.В., Липинский Д.А. Обзор отечественных и зарубежных исследований проблем правового регулирования использования беспилотных авиационных систем // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2026. № 2. С. 268–290.
5. Митрофанов Е.М., Шайтура Н.С., Залецкий А.В., Липин И.Н., Серебряков С.А. Основы применения беспилотных аэрофотосъемочныхсистем: учебно-методическое пособие. Бургас: Издательство ИХНИИТ, 2023. 125 с.
6. О федеральных правилах использования воздушного пространства и федеральных авиационных правилах: Постановление Правительства РФ от 27.03.1998 № 360 (ред. от 28.02.2019) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru.

Legal Sources and Principles of Regulation of Aerial Image Processing

Elena V. Romanova

PhD in Pedagogy, Associate Professor,
Deputy Director for Research
and Additional Education,
Kuban Cossack State Institute of Food Industry and Business (Branch)
of the Razumovsky Moscow State University of Technologies
and Management (First Cossack University),
353500, 4E, Sovetskaya str., Temryuk, Russian Federation;
e-mail: lenina_ev@mail.ru

Anatolii A. Belyakov

PhD in Biology, Associate Professor,
Kuban Cossack State Institute of Food Industry and Business (Branch)
of the Razumovsky Moscow State University of Technologies
and Management (First Cossack University),
353500, 4E, Sovetskaya str., Temryuk, Russian Federation;
e-mail: beliakovtorz@rambler.ru

Vladislav A. Melenchuk

Lecturer,
Kuban Cossack State Institute of Food Industry and Business (Branch)
of the Razumovsky Moscow State University of Technologies
and Management (First Cossack University),
353500, 4E, Sovetskaya str., Temryuk, Russian Federation;
e-mail: v.melenchuk@rambler.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of legal sources and principles regulating the processing of aerial images obtained with the help of unmanned aerial systems (UAS) in monitoring the construction of low-rise objects. It is noted that traditional methods of monitoring the progress of work are inferior in efficiency and objectivity to remote sensing data; however, their use is associated with a number of legal and organizational issues. Normative requirements for performing aerial photography work are systematized: Federal Aviation Rules (FAR-494), operator certification, civil liability insurance, an external pilot certificate, and UAS operation regulations. Adjacent legal regimes determining the legality and legal significance of processing results are considered: personal data legislation (when individuals and vehicles are captured in images), protection of intellectual activity results and the distribution of rights to source materials, processing software, and derivative products, and confidentiality and information protection regimes during storage and transmission of data.

For citation

Romanova E.V., Belyakov A.A., Melenchuk V.A. (2026) Pravovye istochniki i printsipy regulirovaniya obrabotki aerosnimkov [Legal Sources and Principles of Regulation of Aerial Image Processing]. Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava [Issues of Russian and International Law], 16 (9A), pp. 264-270. DOI: 10.34670/AR.2026.78.53.031

Keywords

Legal regulation, aerial images, unmanned aerial systems (UAS), Federal Aviation Rules, photogrammetric processing, construction monitoring, orthophotomap, three-dimensional model, personal data, intellectual property, information protection, risk management, research methodology, state policy.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part Two) of 26.01.1996 No. 14-FZ (as amended on 24.06.2025, as amended on 09.06.2026). (1996). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 5, Art. 410. [Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast vtoraya)].
2. Civil Code of the Russian Federation (Part Four) of 18.12.2006 No. 230-FZ (as amended on 23.07.2025) (with amendments and additions, effective from 04.01.2026). (2006). *Official Internet Portal of Legal Information*. http://pravo.gov.ru
3. Malko, A.V., & Lipinsky, D.A. (2026) Obzor otechestvennykh i zarubezhnykh issledovaniy problem pravovogo regulirovaniya ispolzovaniya bespilotnykh aviatsionnykh sistem [Review of Domestic and Foreign Studies of the Problems of Legal Regulation of the Use of Unmanned Aircraft Systems]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* [Bulletin of Perm University. Legal Sciences], 2, 268–290.
4. Mitrofanov, E.M., Shaitura, N.S., Zaletsky, A.V., Lipin, I.N., & Serebryakov, S.A. (2023). *Osnovy primeneniya bespilotnykh aerofotosemochnykh sistem* [Fundamentals of the Use of Unmanned Aerial Photography Systems]. IHNIIT

Publishing House.
5. On the Federal Rules for the Use of Airspace and Federal Aviation Regulations: Decree of the Government of the Russian Federation of 27.03.1998 No. 360 (as amended on 28.02.2019). (1998). *Official Internet Portal of Legal Information*. http://www.pravo.gov.ru
6. Water Code of the Russian Federation of 03.06.2006 No. 74-FZ (as amended on 04.08.2026). (2006). *Rossiyskaya gazeta*, 121. [Vodnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii].

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34:004 **DOI: 10.34670/AR.2026.41.25.032**

Правовые границы сбора и обработки общедоступных персональных данных технологиями интернет-разведки

Афамготов Эдуард Магаметович

Старший преподаватель,
кафедра теории и истории государства и права,
конституционного строительства и политологии,
Институт права Адыгейского государственного университета,
385000, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 208;
e-mail: urfak.agu@yandex.ru

Беликов Александр Викторович

Кандидат исторических наук, доцент,
кафедра теории и истории государства и права,
конституционного строительства и политологии,
Институт права Адыгейского государственного университета,
385000, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 208;
e-mail: urfak.agu@yandex.ru

Ешев Марат Альбекович

Кандидат социологических наук, доцент,
кафедра теории и истории государства и права,
конституционного строительства и политологии,
Институт права Адыгейского государственного университета,
385000, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 208;
e-mail: agu-urfak@yandex.ru

Марков Петр Николаевич

Кандидат юридических наук, доцент,
кафедра теории и истории государства и права,
конституционного строительства и политологии,
Институт права Адыгейского государственного университета,
385000, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 208;
e-mail: markov.petr.1977@mail.ru

Аннотация

Экспоненциальный рост массива цифровых данных и появление комплекса автоматизированного наблюдения (OSINT) привели к возможности множественного сбора несвязанных данных в интегрированное досье. Это породило правовую неопределённость статуса общедоступных массивов данных в эпоху цифровизации. В статье исследуются

законодательные рамки сбора и последующей систематизации персональных данных, открытых данных, полученных с помощью OSINT, исследуется обоснованность реализации данных алгоритмов. Авторы сопоставляют баланс между правом на свободный поиск информации и правом личности на неприкосновенность частной жизни в условиях цифрового преобразования. Рассматривается пересмотр правовых норм в законодательстве РФ, связанных с внедрением института данных, разрешённых субъектом для распространения. Значительное внимание уделяется ст. 10.1 ФЗ № 152 «О персональных данных» и деструктуризации концепции безусловной «общедоступности» сетевой информации. В работе анализируются риски использования веб-скрейпинга и парсинга социальных сетей при применении технологий автоматизированного сбора данных из платформ социального взаимодействия коммерческими организациями, а также закрепляются чёткие границы между правомерным поиском информации и правонарушениями в сфере оборота данных. На основе анализа судебной практики и разъяснений Роскомнадзора сформированы рекомендации минимизации юридических рисков, предложены направления модернизации регуляторного подхода для достижения баланса между неприкосновенностью частной жизни и легитимной аналитической деятельностью.

Для цитирования в научных исследованиях

Афамготов Э.М., Беликов А.В., Ешев М.А., Марков П.Н. Правовые границы сбора и обработки общедоступных персональных данных технологиями интернет-разведки // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 9А. С. 271-278. DOI: 10.34670/AR.2026.41.25.032

Ключевые слова

Персональные данные, общедоступная информация, интернет-разведка, OSINT, общедоступные источники, веб-скрейпинг, парсинг данных, защита информации, конфиденциальность, цифровой след, управление рисками, правовое регулирование.

Введение

Интенсивное развитие цифровых технологий и методов интернет-разведки (OSINT) кардинально трансформировали ландшафт работы с информацией. В настоящее время личные данные объектов, находящиеся в общедоступных источниках в соцсетях, блогах и форумах системно собираются как коммерческими структурами, так и независимыми исследователями. Однако состояние «общедоступности» такой информации часто порождает иллюзию юридической безопасности её использования. Развитие технологий автоматизированного сбора (скрейпинга) и насыщение данных опережает темпы приведения в соответствие законодательства, что делает положение определения чётких юридических границ интернет-разведки критически важным.

Основная часть

Существенное противоречие кроется в правовом статусе информации, самостоятельно размещённой пользователями в сети. С одной стороны, эти данные открыты для просмотра. С

другой – их автоматизированный сбор, классификация, профилирование и дальнейшее применение в целях, отличных от первоначальных, периодически нарушают фундаментальные права граждан на неприкосновенность частной жизни.

В российском законодательстве, в частности после введения статьи 10.1 ФЗ №152 «О персональных данных» [О персональных данных, 2006], был закреплён институт данных, разрешённых для тиражирования. Тем не менее, правовые механизмы разграничения законного OSINT-анализа и неправомерной обработки общедоступных сведений содержат совокупность серых зон и противоречий.

В настоящей статье предпринята попытка осуществления оценки пределов и условий допустимости сбора данных, а также последующей обработки публичных пользовательских данных методами интернет-разведки. В задачу исследования входит анализ становления и развития регулирования нормативно-правовой базы общедоступных персональных данных в РФ. Идентификация правовых рисков, возникающих при автоматизированном сборе открытых данных. Проанализирована актуальная судебная практика и позиция регулятора (Роскомнадзор) по делам о незаконном сборе публичных данных. Представлены рекомендации по совершенствованию законодательства для баланса интересов интернет-исследователей и защиты прав субъектов данных.

Развитие технологий интернет-разведки (OSINT) требует чёткого разграничения понятий «данные размещённые из открытых источников» и «направленные на обработку». В российской сфере правового регулирования ключевой вехой стало введение статьи 10.1 ФЗ № 152 «О персональных данных». Данное положение (норма) упразднило обязательный статус «общедоступности» сведений, которые субъект самостоятельно разместил в сети Интернет.

С точки зрения правовой науки, обнаружение информации OSINT-методами из публичных источников (соцсети, госреестры и пр.) не означает автоматического права на её последующее применение. Законодатель установил презумпцию запрета на обработку и распространение таких данных без очевидного, предметного и определённого согласия субъекта. При этом согласие должно оформляться отдельно от других подобных волеизъявлений. Главное противоречие здесь заключается в том, что технологии интернет-разведки ориентированы на сбор информации, где получение прямого согласия от пользователей данных технически нереализуемо.

Современный инструментарий OSINT включает в себя автоматический процесс сбора данных (скрейпинг), исследование массива данных и их трансформация в структурированный формат, удобный для дальнейшего использования (парсинг), сквозной поиск по идентификаторам (Email, телефонии) и последующего легитимного дополнения профиля. Применение этих технологий обуславливает наличие следующих рисков:

– *нарушение целеполагания обработки*. На основании ст.5 Федерального закона № 152 «обработка персональных данных должна ограничиваться достижением конкретных, заранее определённых и законных целей». Если посетитель, например, выложил свой телефон на площадке объявлений для реализации собственности, сбор номера OSINT-системой для составления целевой аудитории является прямым нарушением закона.

– *трансграничный сбор и хранение*. Значительное число инструментов интернет-разведки используют зарубежные виртуальные сервера, что приводит к зависимости от иностранного оператора, риску блокировки по политическим причинам. К тому же нарушает требования о локализации баз данных граждан РФ на территории РФ, влечёт правовую ответственность включая блокировку сервиса. (ч. 5 ст. 18 ФЗ № 152).

– *смена правового статуса информации*. Выборка фрагментарных свободных данных и их последующая консолидация в единый профиль (сегментация) трансформирует информацию из категории «разрозненных» в структурированное досье, что существенно повышает риски для конфидициальности субъекта.

Судебная практика по поводу сбора и автоматизированной обработки публичных данных (веб-скрейпинга, парсинга) интернет-разведкой продвигается по двум ключевым направлениям: отстаивание исключительных прав владельцев платформы (смежные права на базы данных) и нарушение законодательства о персональных данных. Фундаментом практики является дело ООО «ВКонтакте» против ООО «Дабл» – дело №А40-18827/2017, разрешённое мировым соглашением в 2023 г. Предмет спора выражался в автоматизированном сборе открытых анкетных данных потребителей для оценки их кредитоспособности (скоринга) в интересах банков [Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда, 2023].

Суды неоднократно отмечали, что систематическое коммерческое извлечение данных с веб-ресурса без разрешения его владельца нарушает интеллектуальную собственность изготовителя баз данных (ст. 1331, 1335 ГК РФ). Тот факт, что пользователи автономно сделали свои аккаунты открытыми, не даёт сторонним сервисам право осуществлять их массовое дублирование и индексацию.

Таким образом, можно отметить, что всякое масштабное автоматизированное извлечение данных (скрейпинг) с массивных инфраструктур находится в зоне повышенной опасности, т.к. суды привержены статьям закона, гарантирующим материальные вложения собственных ресурсов в формировании собственных баз данных.

Как отмечают современные исследователи, «с увеличением возможностей OSINT появляются вопросы относительно обеспечения защиты интересов граждан и надлежащего уровня защиты персональных данных. Многие сайты, в том числе социальные сети, принимают за согласие факт регистрации пользователя или само использование ресурса, что приводит к выбору – либо передавать свои персональные данные, либо не пользоваться ресурсом» [Романова, Грызунов, 2024].

Введение в действие статьи 10.1 ФЗ №152 «О персональных данных» кардинально модифицировало судебную концепцию принятия решений. Доминирующий правовой вывод Верховного Суда РФ (Высшей Судебной инстанции) и Роскомнадзора состоит в том, что фактическая прозрачность контента в сети Интернет не выступает поводом для повторного его сбора и анализа иными лицами.

В данном контексте представляется необходимым привести мнение А. В. Константинова, который отмечал, что «любые действия, связанные со сбором, хранением, распространением и использованием данных о частной жизни, могут осуществляться только с согласия самого гражданина. Оно формирует ответственность за нарушение прав граждан, создавая механизмы для их защиты и судебного разбирательства в случае правонарушений» [Константинов, 2025].

Позиция Роскомнадзора и сложившаяся судебная практика демонстрируют систематическое ужесточение процесса к автоматизированному сбору сведений. Санкции государственной структуры включают в себя внушительные оборотные штрафы. За неправомерный повторный сбор и обработку персональных данных (ст.13.11 КоАП РФ) предпринимательским структурам предусмотрены многомиллионные взыскания. Роскомнадзор вправе через суд внести корпоративный сайт, сервис или аналитическую платформу компании в Реестр нарушителей прав субъектов личных данных с дальнейшим ограничением доступа на территории РФ [Разъяснения по вопросам обработки персональных данных, 2021].

Судебная практика опирается на то, что если информация находится в свободном доступе и для её просмотра не требуется вводить пароль и логин, то сам по себе автоматизированный сбор и копирование данной информации не может быть характеризован как уголовно наказуемый противозаконный доступ. Однако сама по себе технологическая открытость информации в интернет-сети не исключает её статуса с ограниченным доступом. Однако он несёт в себе значительные гражданско-правовые угрозы (нарушение смежных прав владельцев сайтов на базы данных по ст.1334 ГК РФ и административные риски – оборотные штрафы Роскомнадзора). Привлечение к административной ответственности по ст. 13.11 КоАП РФ происходит даже в тех ситуациях, когда собранные данные не были опубликованы, а лишь сохранялись в локальной базе исследователя или хозяйствующего субъекта.

Риски несоблюдения законодательства о персональных данных в высшей степени критическая зона риска для коммерческих структур, использующих OSINT-технологии.

– Несоблюдение ст. 10.1 ФЗ №152 «О персональных данных». Данное нормативное положение требует наличия отдельного специального соглашения на распространение базы данных. Парсинг соцсетей нарушает нормативные предписания, т.к. у коммерческой организации нет прямого разрешения от каждого пользователя.

– Нарушение целевых установок. Закон исключает возможность обработки данных для целей противоречащих целям их первоначального сбора. Обладатель информации распространяет данные в сетевых ресурсах в целях поддержания социальных связей, межличностного общения, накладывая запрет на поведенческое профилирование либо иного анализа.

– Субсидиарная ответственность при консолидации данных. При заказе компанией у др. организации извлечения персональных данных без согласия пользователей либо приобретение готовых массивов информации, извлечённых с помощью автоматизированного сбора признаётся нелегитимной и наступает ответственность за незаконное их использование.

Произведённое исследование правовых границ накопления и анализа общедоступных персональных данных методами открытой разведки позволяет прийти к выводу о выявлении системных противоречий между возможностями современных технологий и пределами, установленными законодательством. Введение ст.10.1 ФЗ «О персональных данных» кардинально изменило основы политически открытых данных в РФ, де-юре запретив бесконтрольное обращение с данными, размещёнными пользователями в сети. К тому же правоприменительная и судебная практика ставит жёсткие пределы на технологические процессы автоматизируя их как ненадлежащее использование открытых цифровых следов без получения прямого согласия собственника.

Фактическое нахождение данных, относящихся к физическому лицу без барьерного доступа в сети интернет не является правовым основанием для его сбора и систематизации. Допускают действия исключительно при наличии законных оснований для использования в различных установленных целях.

Технологии интернет-разведки нарушают базовый принцип целеполагания закона «О персональных данных»: «Обработка персональных данных должна ограничиваться достижением конкретных, заранее определённых и законных целей. Не допускается обработка персональных данных, несовместимых с целями сбора персональных данных». (п. 2 ст. 25 ФЗ № 152 «О персональных данных»). Например, сбор контактов с сайтов объявлений для формирования маркетингового досье, их использование не согласующееся с целями их размещения судами аннулируются как незаконные.

Разработчикам OSINT-систем и коммерческим компаниям соблюдение правил целевых платформ – предусмотренное требование легитимности извлечения и анализа данных. Автоматизированный разбор полученных данных (парсинг) влечёт за собой риски двойной ответственности – как за нарушение законодательства о персональных данных (ст. 13.11 КоАП РФ), так и за нарушение интеллектуальных прав владельцев сайтов на их базы данных. Следует взаимодействовать с данными строго через санкционированные каналы (API, поскольку они проектировались с учётом лицензионных ограничений). Это непросто, есть серьёзный соблазн обойти закон для получения необходимого быстрого результата, экономии времени и средств с целью, например, обхода конкурентов.

Хозяйствующим субъектам необходимо проводить аудит правомерности происхождения любых данных, используемых в аналитических целях, приобретаемых у третьих лиц, проверяя легитимную цепочку подтверждения согласия от конечного субъекта. Занимает определённое время и тормозит процесс работы, но снижает риски привлечения к ответственности. На наш взгляд, возникла необходимость модернизации регуляторного подхода. Требуется внедрение гибких механизмов, а не сплошные запреты (Телеграм) разграничивающее добросовестный сбор информации (например, научные исследования, кибербезопасность и пр.) и агрессивный сбор открытых данных с целью использования в коммерческих интересах. И в целях деанонимизации и навязывания услуг.

Заключение

Законодатель идёт по пути ужесточения наказания за незаконный сбор данных. Федеральный закон от 26.07.2026 №251-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» установил наказание за данный вид преступления до 4 лет лишение свободы [О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации, 2026].

Надеемся – это приведет к более значительной защите личной жизни граждан и будет способствовать увеличению числа добросовестных пользователей информации.

Библиография

1. Константинов А.В. Правовые и этические основы поиска и анализа информации с помощью методов OSINT // Вестник Московского университета МВД России. – 2025. – № 3. – С. 51–55.
2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31, 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон № 251-ФЗ от 26 июля 2026 года // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2026. – № 30. – Ст. 4097.
3. О персональных данных: Федеральный закон № 152-ФЗ: (с изм. и доп., вступ. в силу в 2025–2026 гг.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (ч. 1). – Ст. 3451.
4. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 26 декабря 2023 года по делу № А40-12345/2023 [Кейс автоматизированного парсинга данных без согласия пользователей] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
5. Романова Н.Н., Грызунов В.В. Исследование методом расширенного систематического обзора литературы E-SLR проблемы обеспечения персональных данных при использовании OSINT // Вестник Дагестанского государственного технического университета. Технические науки. – 2024. – Т. 51 (3). – С. 130–144.
6. Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Разъяснения по вопросам обработки персональных данных, разрешённых субъектом для распространения. – Москва: Роскомнадзор, 2021. – URL: https://rkn.gov.ru

Legal Boundaries of the Collection and Processing of Publicly Available Personal Data by Internet Intelligence Technologies

Eduard M. Afamgotov

Senior Lecturer,
Department of Theory and History of State and Law, Constitutional Construction and Political Science,
Law Institute of Adygea State University,
385000, 208, Pervomayskaya str., Maykop, Russian Federation;
e-mail: urfak.agu@yandex.ru

Aleksandr V. Belikov

PhD in History, Associate Professor,
Department of Theory and History of State and Law, Constitutional Construction and Political Science,
Law Institute of Adygea State University,
385000, 208, Pervomayskaya str., Maykop, Russian Federation;
e-mail: urfak.agu@yandex.ru

Marat A. Eshev

PhD in Sociology, Associate Professor,
Department of Theory and History of State and Law, Constitutional Construction and Political Science,
Law Institute of Adygea State University,
385000, 208, Pervomayskaya str., Maykop, Russian Federation;
e-mail: agu-urfak@yandex.ru

Petr N. Markov

PhD in Law, Associate Professor,
Department of Theory and History of State and Law, Constitutional Construction and Political Science,
Law Institute of Adygea State University,
385000, 208, Pervomayskaya str., Maykop, Russian Federation;
e-mail: markov.petr.1977@mail.ru

Abstract

The exponential growth of the array of digital data and the emergence of a complex of automated surveillance (OSINT) have led to the possibility of multiple collection of unrelated data into an integrated dossier. This has given rise to legal uncertainty regarding the status of publicly available data arrays in the era of digitalization. The article examines the legislative framework for the collection and subsequent systematization of personal data, open data obtained through OSINT, and investigates the validity of the implementation of these algorithms. The authors compare the balance between the right to freely search for information and the individual's right to privacy in the conditions of digital transformation. The revision of legal norms in the legislation of the Russian Federation related to the introduction of the institution of data authorized by the subject for

dissemination is considered. Considerable attention is paid to Art. 10.1 of Federal Law No. 152 "On Personal Data" and to the destructuring of the concept of the unconditional "public availability" of network information. The paper analyzes the risks of using web scraping and parsing of social networks in the application of technologies for automated collection of data from social interaction platforms by commercial organizations, and also establishes clear boundaries between lawful information search and offenses in the sphere of data circulation. Based on the analysis of judicial practice and clarifications of Roskomnadzor, recommendations for minimizing legal risks are formulated, and directions for modernizing the regulatory approach are proposed in order to achieve a balance between privacy and legitimate analytical activity.

For citation

Afamgotov E.M., Belikov A.V., Eshev M.A., Markov P.N. (2026) Pravovye granitsy sbora i obrabotki obshchedostupnykh personal'nykh dannykh tekhnologiyami internet-razvedki [Legal Boundaries of the Collection and Processing of Publicly Available Personal Data by Internet Intelligence Technologies]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (9A), pp. 271-278. DOI: 10.34670/AR.2026.41.25.032

Keywords

Personal data, publicly available information, internet intelligence, OSINT, publicly available sources, web scraping, data parsing, information protection, confidentiality, digital footprint, risk management, legal regulation.

References

1. Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor). (2021). *Raz"yasneniya po voprosam obrabotki personalnykh dannykh, razreshennykh sub"ektom dlya rasprostraneniya* [Clarifications on the processing of personal data authorized by the subject for distribution]. Roskomnadzor. https://rkn.gov.ru
2. Konstantinov, A. V. (2025). Pravovye i eticheskie osnovy poiska i analiza informatsii s pomoshch'yu metodov OSINT [Legal and ethical foundations for the search and analysis of information using OSINT methods]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], (3), 51–55.
3. O personalnykh dannykh: Federalny zakon No. 152-FZ [On personal data: Federal Law No. 152-FZ]. (2006). *Sobranie zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], (31, part 1), Art. 3451.
4. O vnesenii izmeneniy v Ugolovny kodeks Rossiyskoy Federatsii i stati 31, 151 Ugolovno-protsessualnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii: Federalny zakon No. 251-FZ ot 26 iyulya 2026 goda [On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Articles 31, 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law No. 251-FZ of July 26, 2026]. (2026) *Sobranie zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], (30), Art. 4097.
5. Postanovlenie Devyatogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 26 dekabrya 2023 goda po delu No. A40-12345/2023 [Decision of the Ninth Arbitration Court of Appeal of December 26, 2023 in case No. A40-12345/2023]. (2023). KonsultantPlyus.
6. Romanova, N. N., & Gryzunov, V. V. (2024). Issledovanie metodom rasshirennogo sistematicheskogo obzora literatury E-SLR problemy obespecheniya personalnykh dannykh pri ispolzovanii OSINT [Research by the method of an extended systematic literature review (E-SLR) of the problem of personal data protection when using OSINT]. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Tekhnicheskie nauki* [Bulletin of the Dagestan State Technical University. Technical Sciences], *51*(3), 130–144.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 347.77/.78 **DOI: 10.34670/AR.2026.97.23.033**

Компенсация за нарушение исключительного права: подзаконное регулирование

Чечевичкин Алексей Викторович

Кандидат технических наук,
Университет «Синергия»,
129090, Российская Федерация, Москва, ул. Мещанская, 9/14;
e-mail: chechevichkin_av@spbstu.ru

Аннотация

В статье исследуется законодательная техника компенсации за нарушение исключительного права. Показано, что существующая в России двухуровневая правовая конструкция компенсации (закон и суд) не позволяет обеспечить предсказуемость и объективность правоприменения. Обоснована возможность перехода правового института к трехуровневой правовой конструкции (закон задает идею компенсации; подзаконный акт устанавливает алгоритм исчисления и числовые параметры для него; суд применяет алгоритм к обстоятельствам нарушения). Кратко показан предлагаемый алгоритм исчисления компенсации, подробно описанный автором в предыдущих работах. Показано, что трехуровневая конструкция соответствует фундаментальным принципам российского права, а именно: иерархии источников, требованиям юридической техники и системному функциональному анализу. Раскрывается изоморфизм предлагаемого механизма компенсации трем давно существующим российским правовым механизмам (возмещению вреда водным объектам, возмещению вреда окружающей среде и ОСАГО), обладающим трехуровневой правовой конструкцией. Результаты настоящего исследования полезны для совершенствования российского законодательства, повышения предсказуемости судопроизводства и создания для сторон спора условий для досудебного урегулирования.

Для цитирования в научных исследованиях

Чечевичкин А.В. Компенсация за нарушение исключительного права: подзаконное регулирование // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 9А. С. 279-287. DOI: 10.34670/AR.2026.97.23.033

Ключевые слова

Исключительное право, компенсация, правовая конструкция, трехуровневая модель, подзаконный акт, базовое значение, система коэффициентов, методика исчисления, законодательная техника, судебное усмотрение.

Введение

Компенсация за нарушение исключительного права является наиболее востребованным механизмом защиты прав на объекты интеллектуальной собственности в России [Новоселова, 2017]. Реформа 2025–2026 гг. (ФЗ № 214-ФЗ от 07.07.2025) обозначила переход от «определения» компенсации к ее «исчислению» судом. Однако сам по себе этот переход не решает главных проблем института, а именно, отсутствия объективных критериев исчисления компенсации и высокой субъективностью судейского усмотрения [Новоселова, 2024]. Суды по прежнему часто ссылаются на критерии из постановлений Пленума ВС РФ без их подробного раскрытия [Радецкая, Туркина, 2020]. В этих условиях актуален вопрос о дальнейшем реформировании института компенсации, причем как с доктринальной, так и с законотехнической точек зрения.

Объект исследования – общественные отношения при исчислении компенсации. Предмет – трехуровневая конструкция для модели исчисления компенсации. Цель работы – обосновать необходимость трехуровневой конструкции для института компенсации за нарушение исключительного права. Показать ее соответствие фундаментальным принципам российского права и существующим в настоящее время механизмам.

Методологическую основу исследования составляет совокупность общенаучных и специальных методов познания (формально-догматический, сравнительно-правовой, системно-функциональный). Теоретическую основу исследования составили фундаментальные труды по теории права и законодательной технике Ю.А. Тихомирова, Т.В. Кашаниной, Д.А. Керимова, В.М. Баранова, В.А. Толстика.

Механизм исчисления компенсации

Механизм [Чечевичкин, 2026b] исчисления компенсации, предложенный автором в предшествующих работах, основан на формуле, согласно которой размер компенсации определяется как произведение базового значения и системы коэффициентов.

Базовое значение определяется как процент от выручки наименьшей из сторон спора за год, в котором произошло нарушение. Выбор выручки обусловлен ее доступностью и универсальностью. Выручка отражает масштаб деятельности любой организации или индивидуального предпринимателя. Данные о выручке организаций находятся в открытом доступе, они размещаются в государственном информационном ресурсе бухгалтерской отчетности, оператором которого является ФНС.

Система коэффициентов отражает обстоятельства конкретного нарушения. Коэффициенты по умолчанию имеют значение 1,0 (неизвестность обстоятельств или их незначимость). Отклонение коэффициентов от 1,0 как в большую (усиление ответственности), так и в меньшую (смягчение ответственности) должно быть обосновано сторонами. Коэффициенты подразделяются на три группы: «Обязательные» коэффициенты должны быть обязательно оценены судом. «Обязательные при условии» применяются только при выявлении судом определенных обстоятельств в споре. «Необязательные» учитываются только по заявлению сторон спора и усмотрению суда.

Трехуровневая конструкция предлагаемого механизма

Предлагаемый механизм исходит из следующего принципа: закон должен задавать что считать, подзаконный акт задавать как считать и числовые значения общих переменных в

расчете, суд применять формулу к конкретному делу. Такая конструкция позволяет распределить нормативный материал в соответствии с его природой.

Этот принцип не является новым для российского права. Он давно используется в тех сферах, где требуется сочетать стабильность закона с гибкостью подзаконного регулирования. Однако применительно к компенсации за нарушение исключительного права он до сих пор не применялся.

Уровень закона (первый). ГК РФ закрепляет идею компенсации как «меры ответственности» (данный термин подробно раскрыт автором в одной из статей), исчисляемой по принципам подзаконного акта. В целом, эта идея уже закреплена в ст. 1252.1 ГК РФ, поскольку компенсация, во-первых исчисляется, а во-вторых, подлежит взысканию при доказанности факта правонарушения, при этом правообладатель освобождается от доказывания размера причиненных ему убытков. Формула расчета и конкретные числовые значения на первом уровне не устанавливаются. Это обусловлено тем, что числовые значения требуют экономического обоснования и признания экспертной группой. Они должны учитывать отраслевую специфику, к тому же они должны периодически пересматриваться. Все это невозможно обеспечить на уровне закона.

Уровень подзаконного акта (второй). Постановление Правительства РФ закрепляет механизм компенсации и принцип ее исчисления, выражающийся в том, что размер компенсации определяется по формуле [Чечевичкин, 2026b]. Формула включает базовое значение и систему коэффициентов. Базовое значение отражает восстановительную функцию. Система коэффициентов отражает штрафную функцию. Их единство в рамках единой формулы создает функциональную зависимость [Чечевичкин, 2026a]. Важно, что подзаконный акт по своей природе всегда отличается более простой процедурой принятия и более высокой способностью к изменению [Котелевская, 2000], чем закон. Таким образом, закрепление принципа расчета в постановлении Правительства РФ (а не в законе) позволит оперативно корректировать значения переменных с учетом экономических реалий в России.

Уровень применения или суда (третий). Суд, исследуя дело, устанавливает фактические обстоятельства нарушения, а затем применяя механизм исчисления, получая итоговый размер компенсации.

Принцип разделения властей. Трехуровневое распределение нормативного материала хорошо соответствует данному фундаментальному принципу, поскольку: законодательная власть (первый уровень) устанавливает общие правила, исполнительная власть (второй уровень) устанавливает конкретные параметры, а судебная власть (третий уровень) применяет их к конкретным делам.

Предлагаемая трехуровневая правовая конструкция имеет значительные преимущества по сравнению с существующей двухуровневой конструкцией (уровень закона и уровень суда). Можно выделить следующие аспекты:

1) Предсказуемость. Стороны спора могут заранее рассчитать вероятный размер компенсации, тем самым они могут оценить свои риски.

2) Объективность. Размер компенсации определяется на основе экономических показателей, он не зависит исключительно от субъективного усмотрения суда. В тоже время, предлагаемая система на не ограничивает суд жесткими рамками, а лишь структурирует его усмотрение.

3) Проверяемость. Каждый коэффициент оценивается отдельно и мотивировано, таким образом решение суда может быть проверено вышестоящей инстанцией.

4) Гибкость. Система коэффициентов позволяет учитывать все значимые обстоятельства

дела по усмотрению суда.

5) Соответствие принципу состязательности. Стороны спора могут представлять свои расчеты, могут оспаривать расчеты противной стороны.

Теоретическое обоснование трехуровневой конструкции

Иерархия источников и делегированное нормотворчество. Трехуровневая структура правового института регулирования вытекает из фундаментальных свойств правовой системы. Эти свойства исследованы в многочисленных фундаментальных работах по теории права.

В.А. Толстик определяет иерархию источников права как расположение источников на различных уровнях вертикальной структуры законодательства. Это расположение обусловлено совокупностью факторов и проявляется во взаимных связях [Толстик, 2002, с.78]. Иерархия применима не в любой системе, а лишь в той, которая является многоуровневой. Одноуровневые системы не иерархичны [Толстик, 2002, с.22]. К похожим выводам приходит и А.А. Петров в своей работе [Петров, 2019]. Отсюда следует, что для упорядочения института компенсации (при условии необходимости ее исчисления, не произвольного усмотрения) необходимо создать многоуровневую систему.

И.В. Котелевская обосновывает соотношение закона и подзаконного акта. Закон выступает как базовый первичный регулятор. Подзаконный акт является производным специализированным актом. Он принимается на основе и во исполнение закона [Котелевская, 2000]. Подзаконный акт отличается более простой процедурой принятия и быстротой изменений. Это объяснимо потребностями текущего управления [Котелевская, 2000].

В.А. Толстик выделяет фактор степени общности норм права. Он формулирует прямолинейную зависимость между абстрактностью норм и их иерархией. Законодатель должен стремиться к тому, чтобы не закреплять в нижестоящих актах более общих норм, чем в вышестоящих [Толстик, 2002, с. 78].

В.А. Толстик также анализирует фактор делегирования нормотворческих полномочий. Он приходит к выводу, что нормативный правовой акт, принятый в рамках делегированных полномочий, по общему правилу должен наделяться юридической силой, равной силе актов делегирующего органа [Толстик, 2002, 115].

В труде «Законодательная техника: научно-практическое пособие» подчеркивается важность правильного соотношения закона и подзаконного акта. Он отмечает, что в законах содержатся нормы, инициирующие подзаконное правотворчество. Имеются в виду положения законов как основание принятия отдельных актов [Тихомирова, 2000, с.39].

Законодательная техника и конструирование нормативного материала. Т.В. Кашанина определяет юридическую технику как совокупность инструментов ведения юридической работы и составления юридических документов [Кашанина, 2011, с.88]. Формула расчета компенсации и коэффициенты, это инструменты. С их помощью законодатель и правоприменитель достигают цели, справедливой компенсации.

Д.А. Керимов определяет законодательную технику как систему требований при создании нормативно-правовых правил, законов и подзаконных актов, их систематизации [Керимов, 2025, с.3]. Он подчеркивает, что законодательная техника включает не только формулирование текста, но и работу с уже существующим нормативным материалом.

Особое значение для предлагаемой модели имеет понятие правовой конструкции. Д.А. Керимов определяет правовую конструкцию как наиболее высокую правовую абстракцию,

охватывающую ряд однопорядковых правовых понятий низшего уровня [Керимов, 2025, с.51]. Он подчеркивает, что специфическая функция правовой конструкции состоит в логической связи правовых норм и статей закона в единую систему [Керимов, 2025, с.52]. К похожим выводам приходит А.Ю. Гарашко в своей работе [Гарашко, 2025].

В.М. Баранов также анализирует правовые (юридические) конструкции. Он определяет их как разработанную доктриной и принятую юридическим научным сообществом идеальную модель. Эта модель позволяет теоретически осмыслить, нормативно закрепить и обнаружить в правовом тексте закономерную взаимосвязь структурных элементов правовых явлений [Баранов, 2021, с.290].

Т.В. Кашанина формулирует требования к содержанию нормативных актов. Среди них требование законности, обоснованности, эффективности, стабильности, экономичности [Кашанина, 2011, с.169–177]. Трехуровневая конструкция для компенсации отвечает этим требованиям. Она законна, поскольку соответствует основной иерархии источников права. Она обоснована, поскольку опирается на экономические показатели. Она эффективна, поскольку позволяет достичь цели (справедливой компенсации). Она стабильна, поскольку обеспечивает единообразие судебной практики. Она экономична, поскольку снижает издержки правоприменения за счет отказа от дорогостоящих экспертиз и сокращения времени на мотивировку судебных решений.

Изоморфизм другим российским системам

Предлагаемая трехуровневая конструкция не чужеродна российской правовой системе, а, наоборот, соответствует другим уже давно апробированным законодательным системам.

Водный кодекс РФ. Механизм возмещения вреда водным объектам представляет собой наиболее близкую аналогию предлагаемой модели. Его структура прямо воспроизводит трехуровневую конструкцию.

Рамочные нормы. Ст. 56 Водного кодекса РФ устанавливает запрет сброса в водные объекты и захоронения в них отходов производства и потребления. Не допускается сброс сточных вод, содержание в которых опасных для здоровья человека веществ превышает нормативы допустимого воздействия. Ст. 69 Водного кодекса РФ устанавливает компенсационную обязанность. Лица, причинившие вред водным объектам, возмещают его добровольно или в судебном порядке. Сам кодекс не устанавливает конкретных сумм возмещения. Он делегирует разработку методики расчета Правительству РФ.

Подзаконная методика. Приказ Минприроды России № 87 от 13.04.2009 характеризует Методику исчисления размера вреда, причиненного водным объектам. Методика содержит формулу с коэффициентами. Формула включает таксовую ставку (базовое значение) и коэффициенты (природно-климатических условий, длительности воздействия, экологических факторов, индексации, интенсивности негативного воздействия).

Судебное применение. Суды применяют методику к конкретным обстоятельствам. Суд не определяет размер вреда по своему усмотрению. Он применяет формулу, проверяет данные и контролирует расчет.

Таким образом, общая правовая обязанность преобразуется в вычислительную формулу. Через структуру «базовое значение и коэффициенты» абстрактные правовые принципы получают операционализируемую, верифицируемую и единообразно применимую техническую форму. Эта техника сохраняет ценностный контроль закона на рамочном уровне.

Она передает установление конкретных числовых значений исполнительной власти. Она обеспечивает единообразие судебной практики через применение формул.

Возмещение вреда окружающей среде. Механизм возмещения вреда окружающей среде демонстрирует ту же трехуровневую структуру.

Рамочные нормы. Ст. 42 Конституции РФ гарантирует право на благоприятную окружающую среду. Ст. 58 Конституции РФ устанавливает обязанность сохранять природу и окружающую среду. Эти конституционные положения конкретизированы в Федеральном законе № 7-ФЗ от 10.01.2002 г. Ст. 77 этого закона устанавливает обязанность полного возмещения вреда. Статья 78 определяет способы возмещения и делегирует установление такс и методик органам исполнительной власти.

Подзаконные методики. Для каждого компонента окружающей среды разрабатываются отдельные методики, они утверждаются Минприроды России. Постановление КС РФ № 12-П от 02.06.2015 г. прямо подтвердило эту структуру, таксы (базовые значения), коэффициенты и методика исчисления размера вреда утверждены отдельным актом органа исполнительной власти. Важно, что Конституционный Суд подчеркнул компенсационную природу этих методик, он признал, что таксы и методики представляют собой только форму исчисления размера экологического вреда. Этот вред может определяться в силу его условности лишь приблизительно.

Судебное применение. Суды применяют формулу с учетом критериев, установленных на прошлом уровне, но они не свободны в выборе метода расчета. Суды обязаны применять утвержденные таксы и методики, при этом они проверяют контррасчеты сторон.

Эта конструкция «таксовая ставка как базовое значение и система коэффициентов» изоморфна предлагаемой модели. Обе методики достигают объективизации и верифицируемости расчета через разложение вреда на исчисляемые параметры.

Важно отметить, что Конституционный Суд РФ по сути указал, что законодатель идет на формализацию расчета через подзаконные формулы, ввиду того, что точное определение вреда в денежном выражении объективно невозможно. Ситуация с компенсацией аналогична.

ОСАГО. Механизм определения размера вреда от дорожно-транспортных происшествий в рамках ОСАГО также построен по трехуровневой схеме.

Рамочный закон. Федеральный закон № 40-ФЗ от 25.04.2002 устанавливает обязанность страхового возмещения. Ст. 3 данного закона закрепляет принцип гарантированности возмещения вреда.

Единая методика. Реализация делегации, заложенной в Законе об ОСАГО, осуществляется через Единую методику определения размера расходов на восстановительный ремонт. Методика утверждена Положением Банка России № 755-П от 04.03.2021. П. 41 постановления Пленума ВС РФ № 31 от 08.11.2022 подтверждает обязательность применения единой методики. Размер страхового возмещения по страховым случаям, наступившим после 21.09.2021, определяется в соответствии с единой методикой. Методика содержит формулу предельными (базовыми) значениями с коэффициентами износа.

Судебное применение. Суды применяют единую методику, но они и проверяют контррасчеты сторон. Суд не определяет размер возмещения сугубо по своему усмотрению, он применяет единую методику, проверяет данные и контролирует расчет.

Эта конструкция «базовая стоимость и коэффициент износа» также изоморфна предлагаемой модели. Обе методики достигают объективизации и верифицируемости расчета через разложение возмещения на квантифицируемые параметры.

Все три рассмотренных механизма построены по одной трехуровневой схеме. Рамочный закон задает общую обязанность и делегирует установление методики. Подзаконный акт содержит формулу с коэффициентами. Суд применяет формулу к конкретным обстоятельствам. В результате общая правовая обязанность преобразуется в вычислительную формулу. Через структуру «базовое значение и коэффициенты» абстрактные правовые принципы получают операционализируемую, верифицируемую и единообразную форму.

Ведомство

Возникает вопрос: какое ведомство могло бы разработать подзаконный акт, устанавливающий числовые параметры для предлагаемой методики? Согласно Положению о Федеральной службе по интеллектуальной собственности (Постановление Правительства РФ № 218 от 21.03.2012) Роспатент для этой роли не подходит, поскольку он осуществляет лишь функции по контролю и надзору в сфере правовой охраны объектов интеллектуальной собственности, оказанию государственных услуг, государственной регистрации и рассмотрению административных споров. Он не наделен полномочиями по нормативно-правовому регулированию в сфере гражданско-правовой ответственности. Его компетенция сосредоточена лишь на администрировании правовой охраны. Для разработки подзаконного акта, устанавливающего правила исчисления базового значения и коэффициентов в методике, требуется орган, обладающий полномочиями в сфере нормативно-правового регулирования экономических отношений. Таким органом является Министерство экономического развития Российской Федерации, в ведении которого находится Роспатент. Именно Минэкономразвития разрабатывает проекты федеральных законов и нормативных правовых актов по вопросам, относящимся к сфере ведения подведомственных служб. Разработка методики исчисления компенсации как экономико-правового инструмента, по мнению автора, соответствует профилю этого ведомства.

Заключение

По мнению автора, предлагаемая трехуровневая правовая конструкция компенсации пригодна к внедрению в России, поскольку соответствует фундаментальным принципам права и изоморфна другим давно применяемым правовым институтам.

В результате внедрения такой конструкции, у законодателя появится теоретическая и методологическая основа для внесения изменения в ГК РФ и создания новых подзаконных актов. Суды получат инструмент для качественного обоснования размера компенсации. Стороны спора получат возможность заранее оценить риски, в том числе на досудебной стадии.

Дальнейшее развитие предложений автора требует эмпирической верификации числовых значений переменных в методике. Перспективно внедрение автоматизированных систем расчета. Целесообразна разработка методических рекомендаций для судов по применению предлагаемого механизма.

Библиография

1. Баранов В.М. (ред.) Юридическая техника: учебник. Москва: Проспект, 2021. 648 с.
2. Гарашко А.Ю. К вопросу о понятии юридической конструкции // История государства и права. 2025. № 8. С. 56–60.

3. Кашанина Т.В. Юридическая техника: учебник. 2-е изд., пересмотр. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2011. 496 с.
4. Керимов Д.А. Законодательная техника: научно-методическое и учебное пособие. Репр. изд. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2025. 128 с.
5. Котелевская И.В. Закон и подзаконный акт // Журнал российского права. 2000. № 2. С. 34–40.
6. Новоселова Л.А. О механизме компенсации за нарушение исключительных прав // Хозяйство и право. 2017. № 3 (482). С. 3–17.
7. Новоселова Л.А. Компенсация за нарушение исключительных прав: основные тенденции развития // Вестник ФИПС. 2024. Т. 3. № 3 (9). С. 220–231.
8. Петров А.А. Факторы, влияющие на иерархию источников права, с позиций теории иерархических многоуровневых систем // Аграрное и земельное право. 2019. № 2 (170). С. 4–6.
9. Радецкая М.В., Туркина А.Е. Обзор судебной практики по вопросу взыскания компенсации за нарушение исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2020. № 1 (27). С. 5–40.
10. Тихомиров Ю.А. (ред.) Законодательная техника: научно-практическое пособие. Москва: Городец, 2000. 272 с.
11. Толстик В.А. Иерархия источников российского права: дис. … д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2002. 479 с.
12. Чечевичкин А.В. Компенсация за нарушение исключительного права в твердом размере: правовая природа и методологическое затруднение // Ленинградский юридический журнал. 2026a. № 3 (85). С. 235–261.
13. Чечевичкин А.В. Методика исчисления компенсации за нарушение исключительного права // Вопросы российского и международного права. 2026b. Т. 16. № 2-1. С. 240–256.

Compensation for Infringement of an Exclusive Right: Subordinate Regulation

Aleksei V. Chechevichkin

PhD in Technology,
Synergy University,
129090, 9/14, Meshchanskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: chechevichkin_av@spbstu.ru

Abstract

The article examines the legislative technique of compensation for infringement of an exclusive right. It is shown that the two-level legal construction of compensation existing in Russia (law and court) does not allow for ensuring the predictability and objectivity of law enforcement. The possibility of the legal institution's transition to a three-level legal construction is substantiated (the law sets the idea of compensation; a subordinate act establishes the algorithm of calculation and numerical parameters for it; the court applies the algorithm to the circumstances of the infringement). The proposed algorithm for calculating compensation, described in detail by the author in previous works, is briefly presented. It is shown that the three-level construction corresponds to the fundamental principles of Russian law, namely: the hierarchy of sources, the requirements of legal technique, and systemic functional analysis. The isomorphism of the proposed compensation mechanism with three long-existing Russian legal mechanisms (compensation for harm to water bodies, compensation for harm to the environment, and OSAGO), which possess a three-level legal construction, is revealed. The results of this study are useful for improving Russian legislation, increasing the predictability of judicial proceedings, and creating conditions for pre-trial settlement for the parties to a dispute.

For citation

Chechevichkin A.V. (2026) Kompensatsiya za narushenie isklyuchitel'nogo prava: podzakonnoe regulirovanie [Compensation for Infringement of an Exclusive Right: Subordinate Regulation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (9A), pp. 279-287. DOI: 10.34670/AR.2026.97.23.033

Keywords

Exclusive right, compensation, legal construction, three-level model, subordinate act, base value, system of coefficients, calculation methodology, legislative technique, judicial discretion.

References

1. Baranov, V.M. (Ed.). (2021). Yuridicheskaya tekhnika [Legal Technique]. Prospekt.
2. Chechevichkin, A.V. (2026a). Kompensatsiya za narushenie isklyuchitel'nogo prava v tverdom razmere: pravovaya priroda i metodologicheskoe zatrudnenie [Compensation for Infringement of an Exclusive Right in a Fixed Amount: Legal Nature and Methodological Difficulty]. Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal, (3(85)), 235–261.
3. Chechevichkin, A.V. (2026b). Metodika ischisleniya kompensatsii za narushenie isklyuchitel'nogo prava [Method for Calculating Compensation for Violation of an Exclusive Right]. Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava, 16(2-1), 240–256.
4. Garashko, A.Yu. (2025). K voprosu o ponyatii yuridicheskoy konstruktsii [On the Question of the Concept of Legal Construction]. Istoriya gosudarstva i prava, (8), 56–60.
5. Kashanina, T.V. (2011). Yuridicheskaya tekhnika [Legal Technique] (2nd ed., revised). Norma: INFRA-M.
6. Kerimov, D.A. (2025). Zakonodatel'naya tekhnika [Legislative Technique] (Reprint ed.). Norma: INFRA-M.
7. Kotelevskaya, I.V. (2000). Zakon i podzakonnyy akt [Law and Subordinate Act]. Zhurnal rossiyskogo prava, (2), 34–40.
8. Novoselova, L.A. (2017). O mekhanizme kompensatsii za narushenie isklyuchitel'nykh prav [On the Mechanism of Compensation for Infringement of Exclusive Rights]. Khozyaystvo i pravo, (3(482)), 3–17.
9. Novoselova, L.A. (2024). Kompensatsiya za narushenie isklyuchitel'nykh prav: osnovnye tendentsii razvitiya [Compensation for Infringement of Exclusive Rights: Main Development Trends]. Vestnik FIPS, 3(3(9)), 220–231.
10. Petrov, A.A. (2019). Faktory, vliyayushchie na ierarkhiyu istochnikov prava, s pozitsiy teorii ierarkhicheskikh mnogourovnevykh sistem [Factors Influencing the Hierarchy of Sources of Law from the Perspective of the Theory of Hierarchical Multilevel Systems]. Agrarnoe i zemel'noe pravo, (2(170)), 4–6.
11. Radetskaya, M.V., & Turkina, A.E. (2020). Obzor sudebnoy praktiki po voprosu vzyskaniya kompensatsii za narushenie isklyuchitel'nogo prava na rezul'tat intellektual'noy deyatel'nosti ili sredstvo individualizatsii [Review of Judicial Practice on the Recovery of Compensation for Infringement of Exclusive Right to a Result of Intellectual Activity or Means of Individualization]. Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam, (1(27)), 5–40.
12. Tikhomirov, Yu.A. (Ed.). (2000). Zakonodatel'naya tekhnika [Legislative Technique]. Gorodets.
13. Tolstik, V.A. (2002). Ierarkhiya istochnikov rossiyskogo prava [Hierarchy of Sources of Russian Law] (Dr. of Law dissertation). Nizhny Novgorod.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 343.535 **DOI: 10.34670/AR.2026.79.33.034**

Зарубежный опыт и перспективы развития отечественного регулирования института субординации в банкротстве

Урсакий Даниил Викторович

Аспирант,
Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта,
236041, Российская Федерация,
Калининград, ул. Александра Невского, 14;
e-mail: danya.ursaky@yandex.ru

Аннотация

В статье проводится комплексный анализ зарубежного опыта правового регулирования института субординации требований кредиторов в делах о несостоятельности (банкротстве). Рассматриваются подходы, сложившиеся в правовых системах США, Германии, Великобритании и Франции. Особое внимание уделяется механизмам снижения очередности требований аффилированных лиц и кредиторов, осуществляющих контроль над должником (субординация по основанию контроля), а также специфике удовлетворения требований, возникших из компенсационного финансирования. На основе сравнительно-правового анализа выявляются общие тенденции и национальные особенности зарубежного регулирования. Автором обосновываются перспективы и направления имплементации наиболее эффективных зарубежных моделей в отечественную правовую систему. В статье формулируются конкретные предложения по совершенствованию российского законодательства о банкротстве в части субординации требований, направленные на защиту прав независимых кредиторов и пресечение злоупотреблений со стороны контролирующих лиц.

Для цитирования в научных исследованиях

Урсакий Д.В. Зарубежный опыт и перспективы развития отечественного регулирования института субординации в банкротстве // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 9А. С. 288-295. DOI: 10.34670/AR.2026.79.33.034

Ключевые слова

Банкротство, субординация требований, аффилированные лица, контролирующие должника лица, компенсационное финансирование, очередность удовлетворения требований, зарубежный опыт, сравнительно-правовой анализ, реформа законодательства о банкротстве, США, Германия, Великобритания, Франция, управление рисками, государственная политика.

Введение

Следует отметить, что сам правовой механизм субординации далеко не является новинкой отечественного права - доктрина и институт субординации формировались в зарубежных правовых системах, где сложились два главных подхода к конструкции субординации. Один из них — «договорное подчинение» (Contractual subordination), предполагающий изменение порядка удовлетворения требований кредиторов при банкротстве через соглашение между кредиторами. Существует также практика, называемая справедливой субординацией (Equitable subordination), которая позволяет по решению суда изменить очередность требований заемщиков и кредиторов. Это происходит на основе принципов справедливости исходя из принципов справедливости права и в соответствии с законодательством конкретного государства [Ключевская, www....].

Основное содержание

Развитие рассматриваемого института в континентальной правовой системе можно проследить на примере германского законодательства. Как и во многих других случаях, в Германии механизм субординации подразделяется на вышерассмотренные категории добровольной (договорной) и обязательной (законной субординации). Говоря о первой категории, следует отметить, что в германской доктрине господствует позиция о том, что соглашение между кредиторами о субординации приравнивается к прощению долга под отменительным условием [Габдрахманов, www....]. Идея данной концепции состоит в “прощении” задолженности кредитором по отношению к должнику под тем условием, что права требования такого кредитора будут восстанавливаться после удовлетворения требований старших кредиторов. Положительная сторона данной конструкции заключается в том, что право требования добровольно субординированного кредита не учитывается при определении критерия неплатежеспособности должника для возбуждения производства о банкротстве, что в свою очередь дает преимущество должнику и другим кредиторам.

Несмотря на это, невключение подобного требования в реестр кредиторов неминуемо влечет за собой риск невозможности погашения задолженности, что в свою очередь является отрицательным аспектом данного правового механизма. Во-вторых, в данном подходе прямо не определена возможность осуществления прощения долга с использованием соглашения в пользу третьего лица, что в свою очередь означает отсутствие согласия со стороны должника. Судебной практикой вышеуказанная возможность отвергается, что объясняется параграфом 328 Германского Гражданского Уложения (далее - ГГУ) [Гражданское уложение Германии (ГГУ), 1900], который говорит об обязывающих догово-рах в пользу третьего лица, а параграф 397 ГГУ, напротив классифицирует прощение долга в качестве распорядительной сделки. Помимо этого, негативный эффект для конкурсного производства может иметь ретроспективное действие отменительного условия, которое позволяет возобновлять права требования младшего кредитора после погашения долгов перед старшими кредиторами и, соответственно, возобновленный в своих требованиях кредитор получит право оспаривать платежи, произведенные без его учета, что в свою очередь может значительно усложнять процедуру банкротства.

В законодательстве Франции предусмотрено одно из самых комплексных и всесторонних регулирований института субординации. Например, французская правовая система позволяет

устанавливать субординацию по договору, заключая соглашение о продаже приоритета и прощении долга при определённых условиях. Согласно статье 2134 Французского гражданского кодекса [Французский Гражданский Кодекс (ФГК), 1804], договор о продаже приоритета при исполнении требований кредиторов позволяет подчинить кредитору, обладающему обеспечением, свой залог над активами должника за-логу другого кредитора. Кредиторы одной категории могут договориться о субординации своих требований к должнику.

И все же, на практике наиболее действенным способом установления договорного подчинения выступает подписание соглашения (трехстороннего) между должником, приоритетным и субординированным кредиторами. Данная договорная конструкция включает в себя элементы продажи приоритета со сделкой в пользу третьего лица или договор в пользу третьего лица с последующим прощением долга под условием Габдрахманов, www....].

Таким образом, в части договорной субординации российское законодательство обладает широким выбором наиболее подходящей модели правового регулирования благодаря наличию обширного опыта в законодательстве других стран.

В немецком законодательстве институт обязательной субординации требований кредиторов также сформировался на основе судебной практики. Началом этого процесса можно считать судебное дело 1937 года, в котором был применён механизм субординации. В этом деле участник общества предоставил несколько займов самому обществу, которое на тот момент находилось в затруднительном финансовом положении. Когда было возбуждено дело о банкротстве, один из участников процесса заявил требования наравне с другими независимыми кредиторами. Однако, Верховный суд Германии решил, что это является злоупотреблением правами и ущемляет интересы других кредиторов, а также противоречит основам принципов гражданского законодательства. Суд указал, что участник общества не должен иметь возможности уменьшать в свою пользу имущество компании, предназначенное для удовлетворения требований независимых кредиторов, в ущерб последним, что в целом и отражает действующую концепцию субординации в различных странах [Уварова, 2020].

В 1980 году в законодательстве Германии появилась норма, регулирующая субординацию требований. В закон об обществах с ограниченной ответственностью внесли статью, согласно которой, если участник общества в период кризиса предоставляет своему обществу заём вместо увеличения собственного капитала, как это сделал бы разумный предприниматель, то он может рассчитывать на определенные правовые последствия таких действий, а именно требовать возврата займа в деле о банкротстве за счет общества только в качестве кредитора с субординированными требованиями [Шайдулин, 2018].

Далее, итогом последовательных реформ банкротного права стало то, что в данный момент субординации подвергаются все требования участников юридического лица вне зависимости от обстоятельств и порядка их предоставления. Удовлетворение займов участников в настоящий момент отнесено законодательством в пятую, то есть последнюю субординационную очередь. Таким образом, в германском законодательстве закреплена более “твердая” модель законодательства по сравнению с российской судебной практикой, которая в свою очередь не позволяет субординировать требования кредиторов лишь на основании факта наличия статуса контролирующего должника лица или же аффилированности с ним. “Строгий” подход к субординации требований участников должника, вытекающих из займа, также присутствует в правопорядке Австрии, который переквалифицирует их в корпоративные. Поводом к субординации требований лиц, связанных с должником, например, в Португалии и Испании является их преимущественное положение, позволяющее извлекать выгоды, недоступные

внешним кредиторам [Широкова, 2018].

Институт субординации требований кредиторов в англосаксонской правовой системе направлен на обеспечение справедливого распределения активов должника в процедуре банкротства и по аналогии с континентальной правовой системой содержит основные виды субординации: "законную" (субординация права справедливости - Equitable Subordination) и договорную субординацию - Contractual Subordination. Широкое применение практика договорной субординации получила в правовой системе Великобритании. К примеру, в Великобритании должник вправе заключить с одним или несколькими кредиторами сделку, согласно которой требования указанных кредиторов будут понижены (субординированы) по отношению к требованиям высшего (старшего) кредитора даже без участия последнего, поскольку волеизъявления обладающих рассматриваемыми требованиями кредиторов достаточно для заключения такого соглашения. Разновидностью договорной субординации является оборотная субординация (turnover subordination), означающая обязанность младшего кредитора перевести старшему кредитору полученные от должника активы до полного погашения задолженности со стороны должника перед старшими кредиторами, при этом нельзя не отметить, что указанный вид субординации имплементирован в отечественном праве в виде статьи 309.1 ГК РФ. Одним из видов оборотной субординации в праве Великобритании является трастовая субординация, в рамках которой при наличии межкредиторского соглашения имущество, полученное младшим кредитором со стороны должника, до полного исполнения обязательств автоматически поступает в так называемый траст, принадлежащий старшему кредитору, что означает преимущество в случае банкротства младшего кредитора, поскольку имущество данного траста не включается в состав активов младшего должника.

Условия договорной субординации в англосаксонской правовой системе крайне вариативны и могут предусматривать сложные конструкции, при которых требования младшего кредитора могут быть подчинены всем требованиям старшего кредитора или только части требований иного кредитора [Субординация требований кредиторов в практике Великобритании и США, www....]. В соответствии с принципом свободы договорной субординации используется конструкция незавершенной субординации (springing или inchoate), при которой условия об изменении очередности удовлетворения требований кредиторов вступают в силу после наступления определенного события, то есть своеобразного отлагательного условия. К примеру, получение уведомления младшим кредитором о дефолте должника по старшему обязательству зачастую является отлагательным условием, до момента которого младший кредитор вправе пополнять свою имущественную массу путем получения текущих выплат от должника. В случае с условной субординацией (contingent subordination) пониженное в очередности обязательство удовлетворяется должником только после погашения всей или определенной части задолженности перед старшими кредиторами.

Примером широкого подхода к свободе договорной субординации в англосаксонской системе также является использование данного механизма как между необеспеченными кредиторами, так и в случае с предоставлением залога в обеспечение исполнения обязательств со стороны должника, которому предоставляется компенсационное финансирование. Так, договорная субординация применяется при финансировании под последующий залог имущества должника (second lien financing), и, хотя конструкция последующего залога сама по себе предполагает удовлетворение интересов последующего залогодержателя по остаточному принципу, олицетворяя субординацию в силу закона, межкредиторское соглашение и здесь находит свое применение, которое выражается в регулировании взаимообусловленных прав и

обязанностей кредиторов, связанных с исполнением своих обязательств в части возврата задолженности со стороны должника, а также ответственности кредиторов за нарушение такой синаллагматической сделки. В рассматриваемом межкредиторском соглашения регламентируются права и обязанности на случай возникновения банкротства должника, порядок контроля над предметом залога и процедура (порядок) обращения взыскания на соответствующий залог, очередность удовлетворения требований кредиторов в ситуации наличия неплатежеспособности должника, нехватки средств после реализации залога, и иные проблемы, затрагивающие изменение и распределение очередности удовлетворения требований. Российская законодательная система допускает договорную субординацию в соответствии со ст. 309.1 ГК, однако ее допустимые рамки ограничены в сравнении с англосаксонской системой: так, субординировать могут лишь однородные обязательства (закрепляющие переход определенных родовыми признаками вещей или прав, в частности, денежных обязательств или обязательств передачи бездокументарных ценных бумаг определенной категории - в соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54), при этом межкредиторское соглашение не может предусматривать обязанности для должника без его участия, что вытекает из общих принципов гражданского права. Предполагается, что проработка и детализация регулирования договорной субординации в отечественном праве является важной задачей, поскольку договорная субординация - гибкий инструмент для управления рисками, но ее применение требует тщательного юридического оформления и учета императивных норм (основных принципов банкротного и гражданского права), поскольку она дополняет, но ни в коем случае не заменяет законодательную очередность, действуя в рамках дозволенного законом, при этом законодательство Великобритании демонстрирует, что гибкость договорной субординации совместима с защитой интересов всех участников процедуры банкротства.

Для отечественного законодательства ключевыми направлениями заимствования могли бы стать: прямое законодательное закрепление института субординации в Федеральном законе о банкротстве, поскольку даже при наличии соглашения о субординации арбитражные суды зачастую игнорируют его условия, руководствуясь обязательными правилами очередности выплат, указанными в статье 134 Федерального закона о банкротстве.; приоритет договорных положений над общей очередностью удовлетворения (в пределах основных принципов банкротного права); механизм “отсроченной субординации”, поскольку российское право не предусматривает сложных форм субординации, таких как обязательство субординированного кредитора передавать полученные выплаты старшему кредитору; гибкие инструменты для реструктуризации (Scheme of Arrangement), поскольку в процедурах финансового оздоровления кредиторы не могут гибко перераспределять требования по договоренности; признание субординационных оговорок в меж кредиторских соглашениях, а также публичность и прозрачность субординации в целях устранения ситуации, когда соглашения о субординации остаются “в тени”, что создает дополнительные риски для других кредиторов: подобный вопрос могла бы решить обязанность должника раскрывать информацию о субординированных требованиях в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве, а нераскрытие соглашения о субординации могли бы быть оспорены в качестве сделок, совершенных с предпочтением на основании статьи 61.3 Закона о банкротстве. Кроме того, в английском праве действует принцип transparency, который был бы полезен в отечественном регулировании банкротства, поскольку он предусматривает, что ключевые условия меж кредиторских соглашений о субординации должны быть раскрыты в отчетности компании или при подаче заявления о банкротстве.

В правовой системе Соединенных Штатов Америки чаще всего используется принцип субординации требований кредиторов, основанный на концепции справедливости. Этот принцип позволяет пересматривать и изменять очередность удовлетворения требований кредиторов, особенно в случаях, когда речь идет об инсайдерах должника. Если действия лиц, не являющихся инсайдерами, могут быть истолкованы как мошенничество, обман, хищение или иные незаконные поступки, демонстрирующие их недобросовестность, то такие действия также могут быть квалифицированы как акционерная задолженность. В Соединённых Штатах суд вправе проводить такую переквалификацию в соответствии со статьей 510 Кодекса о банкротстве 1978 года [Субординация требований кредиторов в практике Великобритании и США, www....].

Если суд установит, что кредитор, против которого был подан иск о субординации на основании права справедливости, действовал недобросовестно и наносил ущерб другим кредиторам, то его требования будут приравнены к требованиям акционеров и удовлетворены после требований независимых кредиторов. Кроме того, в законодательстве о банкротстве США используется договорная субординация (Contractual Subordination).

Американская система банкротства сочетает жесткие правила приоритета с гибкостью судебных решений, что балансирует интересы всех сторон в деле о банкротстве. Представляется, что в части заимствований для российской судебной практике оптимальным вариантом является принятие Верховным судом обзора с разъяснениями, позволяющими судам корректировать очередность удовлетворения требований в исключительных случаях (например, для сохранения целостности значимого для экономики бизнеса, поддержки сферы малого предпринимательства или защиты интересов кредиторов из уязвимых социальных групп), что в целом должно соответствовать концепции субординации на основании права справедливости, имеющего свой аналог в статье 10 Гражданского Кодекса.

С одной стороны, мягкий подход российской судебной практики к субординации требований позволяет применять более комплексный подход к анализу всех фактов и обстоятельств процесса, тем самым проводя разграничение гражданско-правовых и корпоративных отношений применительно к каждому рассматриваемому делу, выводя при этом более обоснованные и справедливые основания изменения очередности исполнения требований. Однако, по мнению У. Хубера, в “жестком” подходе к критериям субординации преимущество заключается в том, что участники общества изначально будут понимать и отталкиваться от презумпции невозможности удовлетворения их требований наравне с другими кредиторами [Huber, 2010]. Вместе с тем, расширение практики использования договорной субординации с созданием открытых реестров соответствующих меж кредиторских соглашений может значительно повысить прозрачность и предсказуемость исхода банкротных процессов в части определения судом очередности удовлетворения требований, поскольку договорные условия минимизируют судебные споры о приоритете требований, так как порядок погашения закреплен соглашением, что ускоряет процедуру банкротства и минимизирует административные издержки.

Заключение

Исходя из вышеприведенного опыта законодательного регулирования института банкротства в других странах можно сделать вывод о том, что в России рассматриваемый правовой механизм находится на начальной стадии становления, выражающийся в форме

закрепления устойчивой судебной практики. При этом, положительным аспектом данной ситуации является факт того, что на данном этапе российский законодатель имеет широкую возможность для выбора определенной модели регулирования субординации, подходящей для законодательного закрепления с учетом уже сложившейся судебной практики и тех недостатков и положительных сторон, которые были выявлены в процессе правового применения в других странах. Вместе с тем, основной проблемой отечественного регулирования по-прежнему является наличие законодательных пробелов и высокой степени правовой неопределенности, вызванной отсутствием нормативно-правовой базы.

Библиография

1. Габдрахманов Д.Ф. Субординация требований кредиторов в континентальной правовой семье. URL: https://www.eurasialegal.info.
2. Гражданское уложение Германии (ГГУ) Bürgerliches Gesetzbuch Deutschlands mit Einführungsgesetz (1900). URL: http://oceanlaw.ru.
3. Ключевская Н. Субординация в банкротстве: правовые реалии и новые ориентиры для судов. URL: https://www.garant.ru.
4. Субординация требований кредиторов в практике Великобритании и США. URL: https://zakon.ru.
5. Уварова Ю.А. Становление и развитие института субординации требований кредиторов в Германии // Молодой ученый. 2020. № 18 (308). С. 339–341.
6. Французский Гражданский Кодекс (ФГК). URL: http://oceanlaw.ru.
7. Шайдулин А.И. Понижение в очередности (субординация) займов участников юридических лиц в Германии и Австрии. Москва, 2018. С. 116–158.
8. Широкова Е.В. Субординация требований кредиторов в деле о банкротстве: зарубежный опыт и перспективы отечественного регулирования // Журнал РШЧП. 2018. № 3.
9. Huber U. Gesellschafterdarlehen im GmbH- und Insolvenzrecht nach der MoMiG-Reform // ZIP. 2010. S. 7–14.

Foreign Experience and Prospects for the Development of Domestic Regulation of the Institution of Subordination in Bankruptcy

Daniil V. Ursakii

Postgraduate Student,
Immanuel Kant Baltic Federal University,
236041, 14, Aleksandra Nevskogo str., Kaliningrad, Russian Federation;
e-mail: danya.ursaky@yandex.ru

Abstract

The article provides a comprehensive analysis of foreign experience in the legal regulation of the institution of subordination of creditors' claims in insolvency (bankruptcy) cases. Approaches that have developed in the legal systems of the USA, Germany, Great Britain, and France are examined. Particular attention is paid to the mechanisms for lowering the priority of claims of affiliated persons and creditors exercising control over the debtor (subordination on the ground of control), as well as to the specifics of satisfying claims arising from compensatory financing. On the basis of comparative-legal analysis, general trends and national peculiarities of foreign regulation are identified. The author substantiates the prospects and directions for implementing the most effective foreign models into the domestic legal system. The article formulates concrete proposals

for improving Russian bankruptcy legislation with regard to the subordination of claims, aimed at protecting the rights of independent creditors and curbing abuses on the part of controlling persons.

For citation

Ursakii D.V. (2026) Zarubezhnyy opyt i perspektivy razvitiya otechestvennogo regulirovaniya instituta subordinatsii v bankrotstve [Foreign Experience and Prospects for the Development of Domestic Regulation of the Institution of Subordination in Bankruptcy]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (9A), pp. 288-295. DOI: 10.34670/AR.2026.79.33.034

Keywords

Bankruptcy, subordination of claims, affiliated persons, persons controlling the debtor, compensatory financing, priority of satisfaction of claims, foreign experience, comparative-legal analysis, reform of bankruptcy legislation, USA, Germany, Great Britain, France, risk management, state policy.

References

1. Gabdrakhmanov, D.F. Subordinatsiya trebovaniy kreditorov v kontinental'noy pravovoy sem'e [Subordination of Creditors' Claims in the Continental Legal Family]. Retrieved from https://www.eurasialegal.info
2. Grazhdanskoe ulozhenie Germanii (GGU) Bürgerliches Gesetzbuch Deutschlands mit Einführungsgesetz [German Civil Code (BGB)]. (1900). Retrieved from http://oceanlaw.ru
3. Huber, U. (2010). Gesellschafterdarlehen im GmbH- und Insolvenzrecht nach der MoMiG-Reform [Shareholder Loans in GmbH and Insolvency Law after the MoMiG Reform]. ZIP, 7–14.
4. Klyuchevskaya, N. Subordinatsiya v bankrotstve: pravovye realii i novye orientiry dlya sudov [Subordination in Bankruptcy: Legal Realities and New Guidelines for Courts]. Retrieved from https://www.garant.ru
5. Shaydulin, A.I. (2018). Ponizhenie v ocherednosti (subordinatsiya) zaymov uchastnikov yuridicheskikh lits v Germanii i Avstrii [Lowering in Priority (Subordination) of Loans of Participants of Legal Entities in Germany and Austria]. Moscow, 116–158.
6. Shirokova, E.V. (2018). Subordinatsiya trebovaniy kreditorov v dele o bankrotstve: zarubezhnyy opyt i perspektivy otechestvennogo regulirovaniya [Subordination of Creditors' Claims in Bankruptcy Proceedings: Foreign Experience and Prospects for Domestic Regulation]. Zhurnal RSHCHP, (3).
7. Subordinatsiya trebovaniy kreditorov v praktike Velikobritanii i SShA [Subordination of Creditors' Claims in the Practice of Great Britain and the USA]. Retrieved from https://zakon.ru
8. Frantsuzskiy Grazhdanskiy Kodeks (FGK) [French Civil Code]. Retrieved from http://oceanlaw.ru
9. Uvarova, Yu.A. (2020). Stanovlenie i razvitie instituta subordinatsii trebovaniy kreditorov v Germanii [Formation and Development of the Institution of Subordination of Creditors' Claims in Germany]. Molodoy uchenyy, (18(308)), 339–341.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 347.963 **DOI: 10.34670/AR.2026.24.87.035**

Участие прокурора в гражданском процессе в защиту прав граждан на своевременную и полную выплату заработной платы

Белышева Арина Викторовна

Студент,
Московский государственный
юридический университет им. О.Е. Кутафина,
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9;
e-mail: belyshevaarina@yandex.ru

Аннотация

В современном правовом поле Российской Федерации неизбежно происходят правонарушения, нарушающие основополагающие права граждан, где трудовые права не составляют исключения. В данной статье рассматриваются теоретические и практические аспекты участия прокурора в гражданском судопроизводстве по категории дел, связанных с защитой прав граждан на своевременную и полную выплату заработной платы. Проведён анализ конституционных гарантий прав на вознаграждение за труд, правовой статус прокурора как процессуального истца в соответствии со статьёй 45 ГПК РФ, а также основания и условия для обращения прокурора в суд с иском о взыскании задолженности по заработной плате. На основе исследований действующего законодательства и актуальной судебной практики выявлены проблемные аспекты реализации прокурором полномочий в данной сфере и сформулированы предложения по совершенствованию правового регулирования.

Для цитирования в научных исследованиях

Белышева А.В. Участие прокурора в гражданском процессе в защиту прав граждан на своевременную и полную выплату заработной платы // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 9А. С. 296-302. DOI: 10.34670/AR.2026.24.87.035

Ключевые слова

Прокурор, гражданский процесс, заработная плата, защита трудовых прав, процессуальный истец, статья 45 ГПК РФ, прокурорский надзор, взыскание задолженности, судебная защита, трудовые споры.

Введение

Конституция Российской Федерации в части 3 статьи 37 закрепляет право каждого на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда [Конституция Российской Федерации, 1993]. Данное конституционное положение конкретизируется в статье 21 Трудового кодекса Российской Федерации, согласно которой работник имеет право на своевременную и в полном объёме выплату справедливой заработной платы в соответствии со своей квалификацией, количеством и качеством выполненной работы [Трудовой кодекс Российской Федерации, 2001].

Основная часть

Одной из важнейших функций прокуратуры согласно Федеральному закону от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» является осуществление надзора за соблюдением прав и свобод граждан. При этом защита трудовых прав граждан является приоритетным направлением деятельности органов прокуратуры. В случае нарушения трудовых прав, в том числе связанных с невыплатой либо с несвоевременной выплатой работнику заработной платы, граждане вправе обратиться в органы прокуратуры с соответствующим заявлением, после подтверждения доводов прокуратурой в интересах работника направляется исковое заявление о взыскании задолженности по заработной плате, а также компенсации за несвоевременную выплату заработной платы.

Актуальность темы данной статьи обусловлена сохраняющейся проблемой нарушений в сфере оплаты труда и необходимостью обеспечения эффективной судебной защиты трудовых прав граждан. Обращение в суд с исковыми заявлениями является одной из наиболее эффективных мер прокурорского реагирования.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ теоретических и практических аспектов участия прокурора в гражданском процессе при защите прав граждан на своевременную и полную выплату заработной платы, а также разработка предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

В соответствии с конституционным правом, вознаграждение за труд и место прокурорского надзора в системе его гарантий представляет собой сложное по своему содержанию направление, включающее в себя право на получение определённого вознаграждения, так и право на его своевременное и полное получение. Своевременность и полнота выплаты заработной платы рассматриваются как неотъемлемые элементы данного права на вознаграждение за труд. Нарушение сроков выплаты или выплата заработной платы не в полном объёме квалифицируется как принудительный труд, который запрещается статьёй 4 Трудового кодекса Российской Федерации.

Система гарантий реализации права на своевременную и полную выплату заработной платы включает несколько уровней. Первый уровень образуют конституционные гарантии, обеспечивающие базовые начала правового регулирования. Второй уровень составляют гарантии, закреплённые в трудовом законодательстве: установление конкретных сроков выплаты заработной платы, ответственность работодателя за их нарушение, государственный надзор и контроль за соблюдением трудового законодательства. Третий уровень образуют процессуальные гарантии, обеспечивающие возможность судебной защиты нарушенного права,

именно его мы подробно рассмотрим в данной статье.

Как указывалось выше, особое место в системе гарантий занимает прокурорский надзор. В соответствии со статьёй 353 Трудового кодекса Российской Федерации, федеральный государственный контроль (надзор) за соблюдением трудового законодательства осуществляется, в том числе, органами прокуратуры. Приоритетным направлением деятельности прокурора является обращение в суд с заявлением в защиту трудовых прав граждан, прежде всего связанных с взысканием задолженности по заработной плате.

В научной литературе обоснованно указывается на то, что деятельность прокурора по защите трудовых прав граждан в гражданском судопроизводстве представляет собой самостоятельное и обязательное продолжение надзорной деятельности в области трудовых отношений, а также значительную составную часть защиты конституционных прав и свобод граждан. Это положение имеет важное методологическое значение, поскольку позволяет рассматривать участие прокурора в гражданском процессе не изолированно, а в системной связи с его надзорной функцией.

Правовой статус прокурора в гражданском процессе определяется статьёй 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, которая закрепляет две основные формы участия прокурора в гражданском судопроизводстве: обращение в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов других лиц и вступление в процесс для дачи заключения по делу [Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, 2002].

В соответствии с частью 1 статьи 45 ГПК РФ прокурор вправе обратиться в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределённого круга лиц или интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований. При этом заявление в защиту прав, свобод и законных интересов гражданина может быть подано прокурором только в случае, если гражданин по состоянию здоровья, возрасту, недееспособности и другим уважительным причинам не может сам обратиться в суд.

Однако из этого общего правила установлено важное исключение. Указанное ограничение не распространяется на заявление прокурора, основанием для которого является обращение к нему граждан о защите нарушенных или оспариваемых социальных прав, свобод и законных интересов в сфере трудовых (служебных) отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений. Это означает, что для обращения прокурора в суд с иском о защите трудовых прав гражданина, включая право на своевременную и полную выплату заработной платы, достаточно письменного обращения гражданина к прокурору. Прокурор не обязан доказывать невозможность самостоятельного обращения гражданина в суд.

В научной литературе справедливо отмечается, что прокурор, обращающийся в суд в порядке статьи 45 ГПК РФ, занимает положение процессуального истца. Он не является стороной материального правоотношения, не имеет личного материально-правового интереса в исходе дела, не вправе распоряжаться предметом спора (в частности, заключать мировое соглашение), однако пользуется всеми процессуальными правами истца, за исключением права на заключение мирового соглашения [О прокуратуре Российской Федерации, 1992].

Вторая форма участия прокурора в гражданском процессе — вступление в процесс и дача заключения — реализуется по делам, прямо предусмотренным федеральным законом. В соответствии с частью 3 статьи 45 ГПК РФ прокурор вступает в процесс и даёт заключение по делам о выселении, о восстановлении на работе, о возмещении вреда, причинённого жизни или здоровью. По делам о взыскании заработной платы вступление прокурора в процесс для дачи заключения действующим законодательством прямо не предусмотрено, однако прокурор может

участвовать в таких делах в форме обращения с иском в защиту прав конкретного работника.

В контексте защиты права на своевременную и полную выплату заработной платы процессуальный статус прокурора имеет ряд особенностей. Во-первых, прокурор действует в интересах конкретного работника, права которого нарушены. Во-вторых, предметом прокурорского иска могут быть как требования о взыскании основного долга по заработной плате, так и производные требования — о взыскании процентов за задержку выплаты (статья 236 ТК РФ), о компенсации морального вреда (статья 237 ТК РФ). В-третьих, прокурор обязан доказать как факт нарушения права (наличие задолженности), так и обстоятельства, обосновывающие его право на обращение в суд (наличие обращения гражданина в прокуратуру).

Основания и условия для обращения прокурора в суд с иском о взыскании заработной платы определяются частью 1 статьи 45 ГПК РФ, а также нормами Трудового кодекса Российской Федерации и Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации».

Для обращения прокурора в суд с иском о защите трудовых прав гражданина необходимо наличие письменного обращения гражданина к прокурору. Обращение гражданина выполняет двоякую функцию: с одной стороны, оно является основанием для проведения прокурорской проверки, с другой — необходимым условием для обращения прокурора в суд Вьюгин, 2024].

Предметом прокурорского иска о защите права на своевременную и полную выплату заработной платы могут быть следующие требования: взыскание основного долга по заработной плате за определённый период; взыскание процентов (денежной компенсации) за задержку выплаты заработной платы в соответствии со статьёй 236 Трудового кодекса Российской Федерации; взыскание компенсации морального вреда в соответствии со статьёй 237 Трудового кодекса Российской Федерации; возложение на работодателя обязанности произвести индексацию заработной платы; установление факта трудовых отношений [Турова, 2023].

Существенное значение для обращения прокурора в суд имеют сроки исковой давности по трудовым спорам. В соответствии со статьёй 392 Трудового кодекса Российской Федерации работник имеет право обратиться в суд за разрешением индивидуального трудового спора о невыплате или неполной выплате заработной платы в течение одного года со дня установленного срока выплаты указанных сумм. Обращение гражданина в прокуратуру не прерывает и не приостанавливает течение срока исковой давности. В случае обращения к прокурору за пределами срока давности и отсутствие уважительных причин для его восстановления в удовлетворении заявления может быть отказано.

Важным условием эффективности прокурорской защиты является взаимодействие прокуратуры с иными государственными органами, осуществляющими контроль и надзор в сфере трудовых отношений. В соответствии со статьёй 365 Трудового кодекса Российской Федерации федеральная инспекция труда осуществляет свою деятельность во взаимодействии, в том числе с органами прокуратуры. Такое взаимодействие позволяет обеспечить комплексный подход к защите трудовых прав граждан, выявлению и устранению нарушений [Защита трудовых и социальных прав и свобод граждан Российской Федерации в деятельности органов прокуратуры, 2025].

Необходимо отметить, что прокурор не является органом по рассмотрению индивидуальных трудовых споров. Органы прокуратуры Российской Федерации, не являясь органом по рассмотрению индивидуальных трудовых споров, наделены законом полномочиями по рассмотрению заявлений, связанных с защитой трудовых прав граждан [Прокурор разъясняет: Мне выплатили не всю заработную плату, www....]. Это означает, что прокурор не разрешает спор по существу, а лишь обеспечивает его передачу на рассмотрение компетентного

органа — суда.

Таким образом, основаниями для обращения прокурора в суд с иском о взыскании заработной платы являются: наличие письменного обращения гражданина к прокурору о защите нарушенных трудовых прав; установление в ходе прокурорской проверки факта нарушения права гражданина на своевременную и полную выплату заработной платы; соблюдение срока исковой давности по трудовому спору либо наличие уважительных причин для его восстановления; наличие у прокурора достаточных доказательств, подтверждающих обоснованность исковых требований [Головко, 2007].

Условиями эффективной реализации прокурором полномочий по защите права на своевременную и полную выплату заработной платы являются: своевременность прокурорского реагирования на обращения граждан, полнота и всесторонность прокурорской проверки, правильное определение предмета и основания иска, взаимодействие с органами государственного контроля (надзора) за соблюдением трудового законодательства [Фискова, 2017].

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Конституционное право на вознаграждение за труд является важнейшей гарантией трудовых прав граждан, обеспечиваемой системой государственных механизмов, среди которых значимое место занимает прокурорский надзор и судебная защита. Правовой статус прокурора в гражданском процессе по делам о защите права на своевременную и полную выплату заработной платы характеризуется двойственностью, отражающей сочетание публично-правовых и частноправовых начал в его деятельности: с одной стороны, прокурор выступает как представитель государства, осуществляющий защиту публичного интереса в сфере законности трудовых отношений, с другой — как процессуальный истец, действующий в интересах конкретного работника.

Основания и условия обращения прокурора в суд с иском о взыскании заработной платы определяются статьёй 45 ГПК РФ и предполагают наличие обращения гражданина, установление факта нарушения его трудовых прав и соблюдение сроков исковой давности. Существующая правовая регламентация обеспечивает достаточные возможности для эффективной защиты прокурором прав граждан на своевременную и полную выплату заработной платы. Вместе с тем дальнейшее совершенствование законодательства и правоприменительной практики в этой сфере требует учёта выявленных проблемных аспектов и развития межведомственного взаимодействия.

Библиография

1. Вьюгин А.Ю. Роль прокурора в трудовых правоотношениях // Молодой учёный. 2024. № 21 (520). С. 463–465.
2. Головко И.И. Защита прокурором трудовых прав граждан в гражданском судопроизводстве: учебное пособие. Санкт-Петербург, 2007.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
4. Защита трудовых и социальных прав и свобод граждан Российской Федерации в деятельности органов прокуратуры // Официальный сайт органов местного самоуправления. 2025.
5. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru.
6. О прокуратуре Российской Федерации: федер. закон от 17.01.1992 № 2202-1 // Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

7. Прокурор разъясняет: Мне выплатили не всю заработную плату // Прокуратура Новгородской области.
8. Трудовой кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.
9. Турова Д.А. К вопросу о процессуальной роли прокурора в рассмотрении отдельных категорий гражданских дел (на примере трудовых споров) // Молодой учёный. 2023. № 36 (483). С. 236–238.
10. Фискова И.В. Защита прокурором прав граждан на оплату труда // Законность. 2017. № 9.

Participation of the Prosecutor in Civil Proceedings in Defense of Citizens' Rights to Timely and Full Payment of Wages

Arina V. Belysheva

Student,
Kutafin Moscow State Law University,
125993, 9, Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: belyshevaarina@yandex.ru

Abstract

In the modern legal field of the Russian Federation, offenses that violate the fundamental rights of citizens inevitably occur, and labor rights are no exception. This article examines the theoretical and practical aspects of the prosecutor's participation in civil proceedings in the category of cases related to the defense of citizens' rights to timely and full payment of wages. An analysis is carried out of the constitutional guarantees of the right to remuneration for labor, the legal status of the prosecutor as a procedural plaintiff in accordance with Article 45 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, as well as the grounds and conditions for the prosecutor's application to court with a claim for the recovery of wage arrears. On the basis of studies of current legislation and current judicial practice, problematic aspects of the prosecutor's exercise of powers in this sphere are identified, and proposals for improving legal regulation are formulated.

For citation

Belysheva A.V. (2026) Uchastie prokurora v grazhdanskom protsesse v zashchitu prav grazhdan na svoevremennuyu i polnuyu vyplatu zarabotnoy platy [Participation of the Prosecutor in Civil Proceedings in Defense of Citizens' Rights to Timely and Full Payment of Wages]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (9A), pp. 296-302. DOI: 10.34670/AR.2026.24.87.035

Keywords

Prosecutor, civil procedure, wages, protection of labor rights, procedural plaintiff, Article 45 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, prosecutorial supervision, recovery of arrears, judicial protection, labor disputes.

References

1. *Grazhdanskiy protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii* [Civil Procedure Code of the Russian Federation]. (2002). Federal Law No. 138-FZ of 14.11.2002. *Sobranie zakonodatel'stva RF*, (46), Art. 4532.
2. Golovko, I.I. (2007). *Zashchita prokurorom trudovykh prav grazhdan v grazhdanskom sudoproizvodstve* [Protection by the Prosecutor of Citizens' Labor Rights in Civil Proceedings]. Saint Petersburg.

3. *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii* [Constitution of the Russian Federation]. (1993). Adopted by popular vote on 12.12.1993. *Official Internet Portal of Legal Information*. Retrieved from http://pravo.gov.ru
4. *O prokurature Rossiyskoy Federatsii* [On the Prosecutor's Office of the Russian Federation]. (1992). Federal Law No. 2202-1 of 17.01.1992. *Sobranie zakonodatel'stva RF*, (47), Art. 4472.
5. *Prokuror raz"yasnyaet: Mne vyplatili ne vsyu zarabotnuyu platu* [The Prosecutor Explains: I Was Not Paid My Full Salary]. Prokuratura Novgorodskoy oblasti.
6. *Trudovoy kodeks Rossiyskoy Federatsii* [Labor Code of the Russian Federation]. (2001). Federal Law No. 197-FZ of 30.12.2001. *Sobranie zakonodatel'stva RF*, (1(Pt. 1)), Art. 3.
7. Turova, D.A. (2023). K voprosu o protsessual'noy roli prokurora v rassmotrenii otdel'nykh kategoriy grazhdanskikh del (na primere trudovykh sporov) [On the Procedural Role of the Prosecutor in the Consideration of Certain Categories of Civil Cases (on the Example of Labor Disputes)]. *Molodoy uchenyy*, (36(483)), 236–238.
8. Fis'kova, I.V. (2017). Zashchita prokurorom prav grazhdan na oplatu truda [Protection by the Prosecutor of Citizens' Rights to Remuneration]. *Zakonnost'*, (9).
9. *Zashchita trudovykh i sotsial'nykh prav i svobod grazhdan Rossiyskoy Federatsii v deyatel'nosti organov prokuratury* [Protection of Labor and Social Rights and Freedoms of Citizens of the Russian Federation in the Activities of Prosecutorial Bodies]. (2025). Ofitsial'nyy sayt organov mestnogo samoupravleniya.
10. V'yugin, A.Yu. (2024). Rol' prokurora v trudovykh pravootnosheniyakh [The Role of the Prosecutor in Labor Relations]. *Molodoy uchenyy*, (21(520)), 463–465.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 330.3 **DOI: 10.34670/AR.2026.74.56.059**

Правовое регулирование идентификации рисков деятельности контрагента в условиях цифровой трансформации

Усков Владислав Владимирович

Кандидат экономических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет,
190005, Российская Федерация, Санкт-Петербург, 2-я Красноармейская ул., 4;
e-mail: vladuskov@yandex.ru

Паник Даниил Эдуардович

Исследователь,
Северо-Западный университет,
191015, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Кавалергардская, 7-а;
e-mail: dpanikxxi@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена проблемам правового регулирования идентификации рисков деятельности контрагента в условиях цифровой трансформации. В работе рассматривается трансформация традиционных подходов к проверке надежности партнеров под влиянием внедрения технологий искусственного интеллекта. Особое внимание уделено правовым аспектам использования генеративных моделей и больших языковых моделей для обработки неструктурированных данных, построения прогнозов и выявления скрытых угроз в цепочках поставок и среде комплаенса. Автором сопоставлены традиционные и современные (основанные на искусственном интеллекте) подходы к проверке контрагентов, а также проанализированы основные направления применения цифровых технологий: анализ больших данных, машинное обучение, глубокое обучение и интеллектуальные агенты на основе сочетания роботизированной автоматизации процессов и больших языковых моделей. На примере практических ситуаций показано, как альтернативные данные, мониторинг открытых источников и автоматизированный анализ судебной практики позволяют выявлять признаки неблагополучия контрагента. Отдельно обсуждаются правовые и регуляторные ограничения технологий: риск «отравления данных», требования к прозрачности алгоритмов, защита персональных данных и ответственность за решения, принятые искусственным интеллектом. Сделан вывод о необходимости формирования правового поля, обеспечивающего баланс между эффективностью цифровых инструментов и сохранением человеческого контроля над наиболее сложными и этически значимыми решениями при идентификации рисков.

Для цитирования в научных исследованиях

Усков В.В., Паник Д.Э. Правовое регулирование идентификации рисков деятельности контрагента в условиях цифровой трансформации // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 9А. С. 303-312. DOI: 10.34670/AR.2026.74.56.059

Ключевые слова

Правовое регулирование, идентификация рисков, цифровая трансформация, проверка контрагентов, искусственный интеллект, комплаенс-риски, большие языковые модели, защита персональных данных.

Введение

Цифровая трансформация экономики существенно усложняет задачу идентификации рисков деятельности контрагента. С одной стороны, цифровые технологии предоставляют новые инструменты анализа, с другой — порождают ранее неизвестные риски. В условиях, когда хозяйствующий субъект взаимодействует с десятками сторонних организаций, устойчивость собственного бизнеса оказывается производной от надёжности партнёров. Однако идентификация рисков контрагента это правовая задача: её содержание определяется требованиями законодательства о противодействии легализации доходов, полученных преступным путём, о защите персональных данных, о коммерческой тайне, о банкротстве и о корпоративном контроле. Именно правовые нормы устанавливают, какие сведения о контрагенте подлежат проверке, в каком объёме они могут обрабатываться и какие правовые последствия влечёт выявление тех или иных рисков.

Действующее правовое регулирование проверки контрагентов сформировалось в условиях, когда основным источником сведений были официальные реестры, бухгалтерская отчётность и документы, представленные самим партнёром. Традиционные методики — анализ баланса, проверка уставных документов, запросы в реестры — ориентированы на формальные признаки добросовестности и общие сведения о финансовой устойчивости. В условиях цифровых экосистем и платформенной экономики такой подход не позволяет выявить риски, связанные с участием контрагента в сложных корпоративных структурах, длинных цепочках субподряда или теневых схемах, которые маскируются цифровыми инструментами. Практика показывает недостаточность этих мер перед лицом меняющейся рыночной конъюнктуры и усложнения связей между участниками деловых процессов [Гончаренко, 2011]. При этом применение новых цифровых инструментов порождает ряд правовых вопросов, не решённых действующим законодательством: допустимость и пределы автоматизированной обработки данных контрагента, правовой статус решений, принятых на основе алгоритмов, распределение ответственности за ошибки и неправомерное использование полученной информации, соотношение требований о защите персональных данных и коммерческой тайны с потребностями риск-анализа.

В статье рассматриваются современные подходы к оценке рисков при проверке деловой активности контрагентов. Основной фокус — на новейших цифровых инструментах, в первую очередь на возможностях искусственного интеллекта, рассматриваемых через призму их правового регулирования. В отличие от классических методов машинного обучения, современные генеративные модели (например, GPT-4, GigaChat, YandexGPT) способны не только анализировать большие массивы текстов, но и генерировать связные отчёты о рисках,

выдвигать гипотезы о скрытых взаимосвязях и в диалоговом режиме предлагать меры по снижению рисков. Применение искусственного интеллекта повышает точность прогнозов и позволяет минимизировать неожиданные проблемы за счёт глубокого анализа больших данных и постоянного мониторинга ситуации вокруг конкретного партнёра. Вместе с тем расширение сферы применения таких технологий требует осмысления границ правового регулирования: определения требований к прозрачности алгоритмов, установления ответственности за решения, принятые с использованием искусственного интеллекта, и обеспечения баланса между эффективностью цифровых инструментов и защитой прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности.

Отдельного внимания требует вопрос о том, как правовое регулирование должно реагировать на цифровизацию идентификации рисков: достаточно ли существующих норм о проверке контрагентов и защите информации или требуется формирование специального правового института, охватывающего порядок применения алгоритмических инструментов, требования к качеству и верифицируемости используемых данных, а также механизмы контроля со стороны регулятора. Кроме того, даны практические рекомендации по внедрению новых методов в повседневную работу подразделений, отвечающих за управление бизнес-рисками. Особое внимание уделено вопросам интеграции инструментов искусственного интеллекта в существующие системы планирования ресурсов предприятия и процедуры комплаенса, а также обучению персонала работе с «чёрными ящиками» алгоритмов. Эти меры позволяют компаниям своевременно реагировать на потенциальные угрозы и повышают устойчивость бизнеса в нестабильной экономической среде [Моденов, Путырский, 2023]. При этом правовое регулирование идентификации рисков деятельности контрагента должно обеспечивать не только защиту интересов отдельного хозяйствующего субъекта, но и соблюдение публично-правовых требований, включая противодействие легализации доходов, полученных преступным путём, и обеспечение информационной безопасности.

Материалы и методы исследования

Традиционные подходы остаются важными в системе проверки надежности партнеров, но в контексте цифровой трансформации они нуждаются в дополнении новыми инструментами.

Таблица 1 – Традиционные и современные подходы к проверке надежности партнеров

Традиционные подходы	Современные технологии
Финансовый анализ отчётности	Генеративный ИИ для синтеза отчётов и сценариев «что если»
Проверка юридической чистоты	Анализ больших данных (Big Data)
Репутационный анализ	Машинное обучение (классификация, регрессия, кластеризация)
Ручная обработка документов	Большие языковые модели (LLM) для анализа неструктурированных текстов (судебные акты, посты, новости)
Проверка физических копий	Автоматизированный непрерывный мониторинг с API-подключением к источникам (ФНС, ЕГРЮЛ, СПАРК, Контур.Фокус)
Оценка по формальным признакам (срок регистрации, уставной капитал)	Анализ графов связей (network analysis) для выявления бенефициаров и групп риска

Роль искусственного интеллекта в идентификации рисков трудно переоценить. ИИ обрабатывает большие объёмы данных, находит скрытые зависимости – это существенно расширяет возможности компаний по прогнозированию угроз и принятию своевременных решений. Ниже рассмотрены основные направления применения ИИ с учётом последних достижений.

1. Анализ больших данных (Big Data) и графовые базы данных

Одно из самых распространённых применений ИИ – обработка разнородных больших данных. Современные алгоритмы позволяют одновременно анализировать огромные массивы информации, выделяя ключевые закономерности, которые при ручной работе остаются незамеченными. Помимо классических методов, всё чаще используются графовые базы данных (Neo4j, Amazon Neptune) и алгоритмы поиска путей. Они дают возможность визуализировать сложные цепочки связей между контрагентами, их аффилированными лицами, бенефициарами и офшорными структурами.

Пример: при изучении компании-контрагента система может автоматически сопоставлять её финансовую отчётность с косвенной информацией из открытых источников. Анализ корпоративной отчётности вместе с публикациями в прессе или судебными делами нередко выявляет связи с организациями, имеющими негативную репутацию, – фирмами-однодневками или должниками перед государством. Графовые алгоритмы также эффективно обнаруживают «спящие» риски, когда два формально независимых контрагента управляются одной группой лиц или используют общие корпоративные номера телефонов и IP-адреса. Если заметить такие тенденции достаточно рано, можно принять меры, не дожидаясь кризиса.

2. Машинное обучение и ансамблевые подходы

Алгоритмы машинного обучения работают с историческими данными и строят прогнозы: например, какова вероятность просрочки платежа или банкротства партнёра. Сейчас многие компании используют ансамблевые методы – градиентный бустинг (XGBoost, LightGBM, CatBoost). На неоднородных финансовых данных они дают высокую точность. В модели загружают не только финансовые коэффициенты (выручка, прибыль, долги), но и макроэкономические показатели, а также сигналы из соцсетей – отзывы, посты. Ещё один тренд – альтернативные данные: сведения с онлайн-касс, частота регистрационных изменений, динамика штата по базам ФНС. Регрессия, классификация, кластеризация – всё это вместе позволяет получать точные оценки рисков. На их основе уже можно выстраивать стратегию работы с контрагентами.

3. Глубокое обучение и трансформеры

Нейронные сети типа Transformer – основа больших языковых моделей (LLM). Они хорошо подходят для анализа текстов: отзывов, новостей, судебных решений. Такие сети быстро находят сигналы, указывающие на проблемы с контрагентом. В отличие от старых рекуррентных сетей, трансформеры «видят» контекст всей фразы, поэтому улавливают сарказм, эвфемизмы и сложные юридические формулировки. Генеративные модели могут сами составлять краткие сводки по истории контрагента, выделять основные риски и даже предлагать, какие пункты добавить в договор (например, про форс-мажор). Для бизнеса это инструмент раннего оповещения: если финансовое положение партнёра ухудшается или вокруг него растёт негатив, компания получает сигнал и успевает среагировать, сократив потери.

4. Интеллектуальные агенты (чат-боты, RPA + LLM)

Сейчас чат-боты и виртуальные ассистенты активно используются для автоматизации. Если

их объединить с LLM, они не просто собирают данные по опросникам, а ведут диалог, уточняют информацию, проверяют её на противоречия и сами направляют запросы в госреестры через API. Внедрение автоматизированных и интеллектуальных систем в процесс проверки контрагентов даёт измеримый эффект. Так, использование автоматизированных систем позволяет сократить время на первичную проверку контрагента на 78%. Точность обработки данных интеллектуальными ассистентами по сравнению с ручным вводом достигает 92%. Непрерывный мониторинг состояния контрагентов обеспечивается в режиме реального времени (24/7), а затраты на проведение комплексной проверки деловых партнёров снижаются на 65%.

Бот задаёт вопросы, получает ответы, а потом передаёт данные в систему анализа рисков. RPA в связке с LLM позволяет обрабатывать даже сканы документов (OCR+LLM) – извлекать реквизиты и сверять их с реестрами. Нагрузка на сотрудников снижается, точность диагностики растёт, потому что роботы мониторят статус партнёров круглосуточно и сразу сообщают об отклонениях. В итоге качество управленческих решений повышается, а компания получает конкурентное преимущество.

Результаты и обсуждение

Применение методов ИИ заметно повышает эффективность выявления рисков при проверке потенциальных деловых партнёров. Ниже описаны несколько реальных ситуаций, где ИИ помогает лучше оценить кредитоспособность и снизить коммерческие риски (рис. 1).

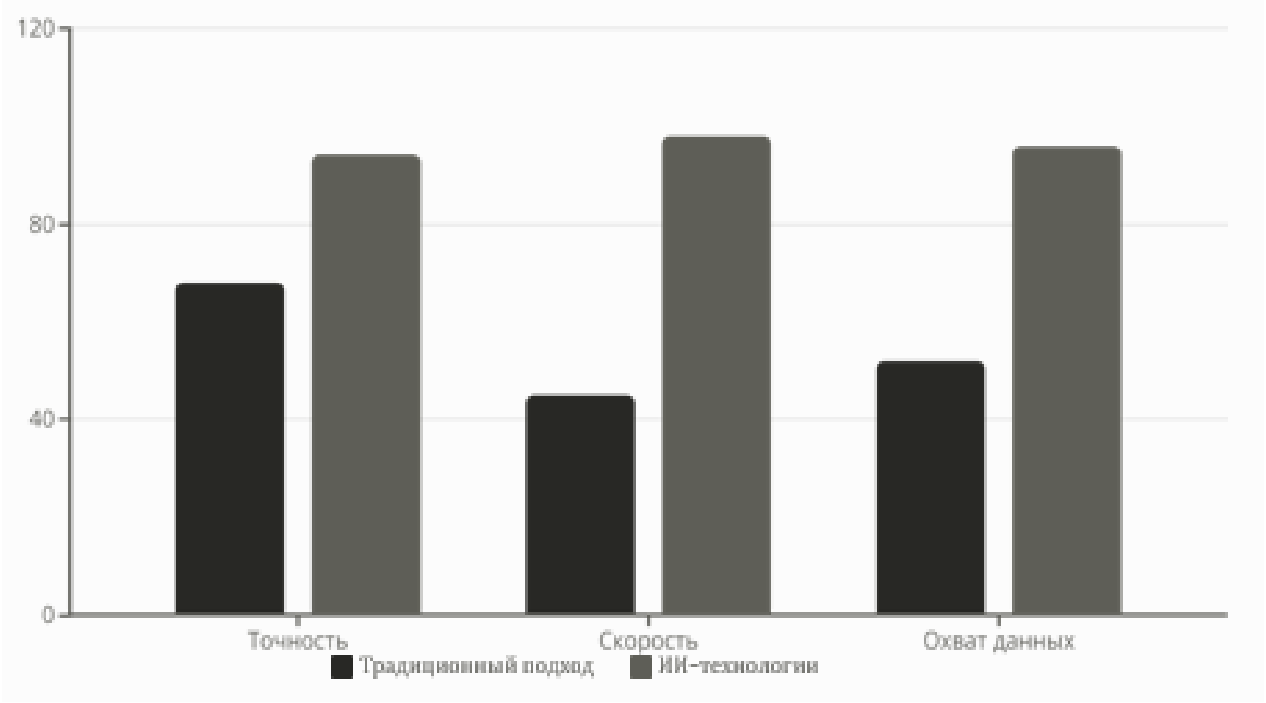

Рисунок 1 – Роль ИИ в оптимизации процедур оценки кредитоспособности и снижении коммерческих рисков

Случай 1: детализация финансового анализа с использованием альтернативных данных.

Многие компании уже используют алгоритмы машинного обучения для глубокого анализа бухгалтерской отчётности и ключевых экономических индикаторов контрагентов. Такой

подход позволяет объективно оценить кредитные риски, потому что система сама находит признаки неблагополучия [Белов, 2019]:

– резкое падение коэффициента текущей ликвидности;

– рост просроченной дебиторской задолженности;

– низкая обеспеченность долга операционной прибылью.

Кроме того, современные системы смотрят на налоговую нагрузку, сравнивают зарплату сотрудников со среднеотраслевой, отслеживают историю смены КПП и юридического адреса. Если адрес часто меняется на «массовый» – это тревожный сигнал. Чем раньше компания распознает организацию с высоким риском дефолта, тем больше шансов избежать потерь и выстроить разумную стратегию отношений.

Случай 2: контроль сведений из открытых источников и тёмного интернета.

Интеллектуальные технологии постоянно мониторят соцсети, профильную прессу и другие открытые каналы. Продвинутые системы заглядывают и на форумы, в Telegram-каналы, на даркнет-площадки – там могут быть утечки данных или обсуждения контрагента как недобросовестного партнёра. Задача – зафиксировать негативную публичную активность: жалобы клиентов, судебные разбирательства, порочащие слухи. Автоматика мгновенно отмечает факты нарушения договорённостей или признаки мошенничества [Рягин, 2019]. В ответ компания корректирует стратегию сотрудничества и защищает свои финансы и репутацию.

Случай 3: юридико-аналитическое исследование с использованием LLM.

Одно из самых сильных направлений внедрения ИИ – автоматизированный анализ судебной практики и арбитражных споров. Большие языковые модели за секунды обрабатывают сотни судебных актов, выделяя не только сам факт участия контрагента в процессах, но и его роль (истец или ответчик), суммы исков, предмет спора и итоговое решение. Так можно выявить «профессиональных истцов» или, наоборот, компании, которые постоянно проигрывают дела по поставкам. Быстрый анализ больших объёмов правовых актов позволяет оценить, как часто контрагент фигурирует в судах. Если вовлечённость высокая – это верный признак склонности нарушать обязательства, что снижает платёжеспособность и доверие [Бланк, 2015]. Информатизация этого процесса ускоряет принятие решений: становится проще понять, стоит ли заключать контракт и насколько партнёр надёжен.

Случай 4: выявление рисков цепочки поставок (N-уровень).

Графовые алгоритмы и ИИ позволяют анализировать не только прямого контрагента, но и его поставщиков (второй, третий уровни). Допустим, субподрядчик третьего уровня попадает под санкции или зарегистрирован в офшорной зоне с высокой долей теневого оборота. Для конечного заказчика это косвенный риск. ИИ автоматически строит карту связей и подсвечивает опасные звенья.

Современные ИИ-решения дают бизнесу реальный инструмент для повышения качества стратегических решений при контроле рисков взаимодействия с новыми партнёрами.

Из полученных данных видно: применение ИИ серьёзно улучшает выявление рисков при проверке контрагентов [Моденов, Власов, Орловская и др., 2022]. ИИ быстрее находит подозрительные транзакции, помогает оценить, насколько можно доверять компании-партнёру, и сокращает финансовые потери. Всё это – благодаря способности анализировать большие объёмы данных и вытаскивать скрытые закономерности. Генеративный ИИ особенно ценен тем, что может объяснить, почему модель приняла то или иное решение (Explainable AI – XAI). Для аудитов и судов это критически важно.

Вместе с тем искусственный интеллект не является универсальным средством решения задачи идентификации рисков. Технология требует постоянного обучения и регулярного обновления моделей, иначе она перестаёт соответствовать новым рыночным условиям и видам угроз. Существует и риск «отравления данных» (data poisoning), при котором злоумышленники намеренно искажают открытые данные, чтобы повлиять на выводы алгоритма. Это обусловливает необходимость механизмов верификации источников и устойчивых алгоритмов. Без своевременного обновления модели теряют точность и перестают распознавать новые схемы мошенничества.

Отдельного внимания требуют этические и правовые аспекты применения таких технологий. Необходимо обеспечить надёжную защиту конфиденциальных данных клиентов и исключить неправомерное использование информации. В соответствии с Федеральным законом № 152-ФЗ «О персональных данных» [Федеральный закон № 152-ФЗ, 2006] и рекомендациями Банка России по применению искусственного интеллекта в финансовой сфере [Банк России, 2024] алгоритмы должны быть прозрачными, а их решения — обжалуемыми. Недопустима дискриминация по полу, возрасту, этническому происхождению или социальному статусу; для её предотвращения применяются методы выравнивания (fairness constraints) и регулярная проверка моделей на смещения (bias). Таким образом, надлежащее управление искусственным интеллектом представляет собой комплекс мер, включающий технологическое развитие, контроль качества данных и строгую защиту конфиденциальности пользователей [Усков, Ильина, 2025].

Самостоятельным вопросом является интеграция решений на основе искусственного интеллекта в корпоративные системы. Многие компании сталкиваются с сопротивлением персонала, обусловленным опасениями сокращений, и с нехваткой компетенций. В связи с этим рекомендуется начинать с пилотных проектов на некритичных процессах и сочетать применение искусственного интеллекта с экспертными проверками (human-in-the-loop).

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что цифровая трансформация радикально меняет не только инструментарий идентификации рисков деятельности контрагента, но и само правовое регулирование этой сферы. Традиционные методики проверки, ориентированные на формальные признаки добросовестности и данные официальных реестров, утрачивают достаточную эффективность в условиях роста объёмов информации, усложнения корпоративных связей и появления новых видов угроз — от утечек данных до использования контрагентами технологий подделки отчётности и репутации. При этом цифровые технологии предоставляют хозяйствующим субъектам новые средства анализа, которые, однако, требуют адекватного правового опосредования.

Стратегия цифровой трансформации в сфере проверки контрагентов выстраивается как последовательность взаимосвязанных этапов. Исходным элементом выступает накопление и систематизация данных о партнёрах из официальных реестров, открытых источников и внутренних информационных систем предприятия. На следующем этапе эти данные обрабатываются с применением аналитических инструментов — машинного обучения, графового анализа связей и генеративных моделей, — что позволяет выявлять скрытые зависимости и формировать прогнозные оценки риска. Полученные результаты встраиваются в процедуры комплаенса и корпоративного управления, обеспечивая непрерывный мониторинг

контрагентов и своевременное реагирование на изменения их статуса. Завершающим элементом стратегии является организационно-правовое обеспечение: закрепление внутренних регламентов проверки, распределение ответственности за принимаемые решения и контроль соблюдения требований законодательства о защите информации и персональных данных.

Правовое регулирование в этой сфере должно решать двуединую задачу. С одной стороны, необходимо создать условия для применения современных цифровых инструментов, повышающих точность и оперативность выявления рисков. С другой — установить пределы такого применения, обеспечив защиту прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности. Речь идёт о требованиях к прозрачности алгоритмов и обжалуемости их решений, о распределении ответственности за ошибки автоматизированных систем, о соблюдении режима персональных данных и коммерческой тайны, а также о недопустимости дискриминации при оценке контрагентов.

Особого внимания требует вопрос о качестве используемых данных и устойчивости алгоритмов. Риск «отравления данных», при котором злоумышленники намеренно искажают открытые сведения, обусловливает необходимость механизмов верификации источников, а устаревание моделей — потребность в их регулярном обновлении и контроле. Соответственно, правовое регулирование должно охватывать не только порядок обработки информации, но и требования к качеству и верифицируемости данных, лежащих в основе принимаемых решений.

Наконец, внедрение цифровых инструментов в корпоративные системы сопряжено с организационными и этическими сложностями: сопротивлением персонала, нехваткой компетенций, риском утраты человеческого контроля над значимыми решениями. В связи с этим представляется обоснованным сочетание автоматизированного анализа с экспертными проверками и поэтапное внедрение технологий, начиная с пилотных проектов на некритичных процессах.

Таким образом, правовое регулирование идентификации рисков деятельности контрагента в условиях цифровой трансформации должно обеспечивать баланс между эффективностью цифровых инструментов и сохранением человеческого контроля над наиболее сложными и этически значимыми решениями, а также соблюдение как частных интересов хозяйствующих субъектов, так и публично-правовых требований, включая противодействие легализации доходов, полученных преступным путём, и обеспечение информационной безопасности.

Библиография

1. Гончаренко Л.П. Процесс обеспечения экономической безопасности предприятия // Справочник экономиста. 2011. № 12.
2. Моденов А.К., Путырский К.А. Финансовая безопасность организации // Актуальные исследования. 2023. № 1 (131). С. 60-61. URL: https://apni.ru/article/5304-finansovaya-bezopasnost-organizatsii (дата обращения: 19.02.2024).
3. Белов П.Г. Управление рисками, системный анализ и моделирование: в 3 ч. Часть 2: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. М.: Издательство Юрайт, 2019. 250 с.
4. Рягин Ю.И. Рискология: в 2 ч. Часть 1: учебник для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2019. 255 с.
5. Бланк И.А. Управление финансовыми рисками. К.: Ника-Центр, 2015. 287 с.
6. Моденов А.К., Власов М.П., Орловская Т.Н. [и др.] Оценка риска в экономической безопасности предприятия: учебное пособие в 2 частях. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2022. 268 с. ISBN 978-5-7422-7796-5. EDN: JRIKHI
7. Усков В.В., Ильина Д.А. Цифровой реинжиниринг как инструмент повышения конкурентоспособности малых предприятий на глобальных рынках // Московский экономический журнал. 2025. Т. 10, № 1. С. 162-171. DOI: 10.55186/2413046X_2025_10_1_11. EDN: WZNJIT

8. Банк России. Рекомендации по использованию технологий искусственного интеллекта в системе управления комплаенс-рисками. Информационное письмо № ИН-016-45/2024. 2024.
9. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025).

Legal Regulation of Counterparty Risk Identification in the Context of Digital Transformation

Vladislav V. Uskov

PhD in Economics, Associate Professor,
Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering,
190005, 4, 2-ya Krasnoarmeyskaya str., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: vladuskov@yandex.ru

Daniil E. Panik

Researcher,
North-Western University,
191015, 7-a, Kavaleragardskaya str., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: dpanikxxi@gmail.com

Abstract

The article is devoted to the problems of legal regulation of counterparty risk identification in the context of digital transformation. The paper examines the transformation of traditional approaches to verifying the reliability of partners under the influence of the introduction of artificial intelligence technologies. Particular attention is paid to the legal aspects of using generative models and large language models for processing unstructured data, building forecasts, and identifying hidden threats in supply chains and the compliance environment. The author compares traditional and modern (artificial intelligence-based) approaches to counterparty verification and analyzes the main directions of the application of digital technologies: big data analysis, machine learning, deep learning, and intelligent agents based on a combination of robotic process automation and large language models. Using practical situations as examples, it is shown how alternative data, open-source monitoring, and automated analysis of judicial practice allow for identifying signs of a counterparty's distress. The legal and regulatory limitations of technologies are discussed separately: the risk of "data poisoning," requirements for the transparency of algorithms, personal data protection, and liability for decisions made by artificial intelligence. A conclusion is drawn about the need to form a legal field that ensures a balance between the effectiveness of digital tools and the preservation of human control over the most complex and ethically significant decisions in risk identification.

For citation

Uskov V.V., Panik D.E. (2026) Pravovoe regulirovanie identifikatsii riskov deyatel'nosti kontragenta v usloviyakh tsifrovoy transformatsii [Legal Regulation of Counterparty Risk Identification in the Context of Digital Transformation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (9A), pp. 303-312. DOI: 10.34670/AR.2026.74.56.059

Keywords

Legal regulation, risk identification, digital transformation, counterparty verification, artificial intelligence, compliance risks, large language models, personal data protection.

References

1. Goncharenko L.P. The process of ensuring the economic security of an enterprise // Spravochnik Ekonomista. 2011. No. 12.
2. Modenov A.K., Putyrsky K.A. Financial security of an organization // Aktualnye Issledovaniya. 2023. No. 1 (131). Pp. 60-61. URL: https://apni.ru/article/5304-finansovaya-bezopasnost-organizatsii (accessed: 19.02.2024).
3. Belov P.G. Risk management, system analysis and modeling: in 3 parts. Part 2: textbook and workshop for bachelor's and master's programs. Moscow: Yurait Publishing House, 2019. 250 p.
4. Ryagin Yu.I. Riskology: in 2 parts. Part 1: textbook for universities. Moscow: Yurait Publishing House, 2019. 255 p.
5. Blank I.A. Financial risk management. Kyiv: Nika-Center, 2015. 287 p.
6. Modenov A.K., Vlasov M.P., Orlovskaya T.N. [et al.] Risk assessment in the economic security of an enterprise: textbook in 2 parts. Saint Petersburg: Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 2022. 268 p. ISBN 978-5-7422-7796-5. EDN: JRIKHI
7. Uskov V.V., Ilyina D.A. Digital reengineering as a tool for increasing the competitiveness of small enterprises in global markets // Moscow Economic Journal. 2025. Vol. 10, No. 1. Pp. 162-171. DOI: 10.55186/2413046X_2025_10_1_11. EDN: WZNJIT
8. Bank of Russia. Recommendations on the use of artificial intelligence technologies in the compliance risk management system. Information Letter No. IN-016-45/2024. 2024.
9. Federal Law of 27.07.2006 No. 152-FZ "On personal data" (as amended and supplemented, effective from 01.03.2025).

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 347.44 **DOI: 10.34670/AR.2026.25.89.060**

Комплексный договор: дискуссия в доктрине

Сиротинина Вероника Александровна

Магистрант Юридического института,
Национальный исследовательский Томский государственный университет,
634050, Российская Федерация, Томск, пр. Ленина, 36;
e-mail: veronika.sirotinina@gmail.com

Аннотация

В статье исследуется правовая природа и место комплексного договора в системе гражданско-правовых конструкций Российской Федерации, что позволяет выявить существующие в доктрине подходы к его пониманию и определить его соотношение со смешанным и непоименованным договором. Обращено внимание на работы О.Н. Садикова, А.А. Собчака, М.И. Брагинского, Е.А. Суханова, Д.В. Огородова и М.Ю. Челышева, в которых представлены различные трактовки комплексного договора. Автор приводит несколько точек зрения из доктрины: комплексный договор либо полностью отождествляется со смешанным договором, либо представляет собой его разновидность, либо ставится наряду с ним как самостоятельная конструкция, что отражает неопределённость в понимании его правовой природы. Также приводится анализ судебной практики высших судебных инстанций, в результате чего автор приходит к выводу о том, что правоприменительная практика придерживается позиции А.А. Собчака, рассматривающего комплексный договор как самостоятельную конструкцию, не сводимую к смешанному договору.

Для цитирования в научных исследованиях

Сиротинина В.А. Комплексный договор: дискуссия в доктрине // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 9А. С. 313-321. DOI: 10.34670/AR.2026.25.89.060

Ключевые слова

комплексный договор, свобода договора, смешанный договор, непоименованный договор, гражданско-правовой договор.

Введение

Конституция Российской Федерации закрепляет одну из главнейших составляющих экономических основ конституционного строя государства – свободу экономической деятельности (ч. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 34). Как указывал Конституционный Суд Российской Федерации, данные нормы непосредственно предопределяют принцип свободы договора [Постановление Конституционного Суда РФ № 28-П, 2015].

Итак, свобода договора является одним из основных начал гражданского законодательства (п. 1 ст. 1 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ). Детально содержание данного начала разъяснено законодателем в статье 421 ГК РФ. Так, определяется сфера действия данного принципа, а также возможность его ограничения. Применительно к теме данной работы, стоит обратить внимание на легальное закрепление таких гражданско-правовых конструкций, как «поименованный договор», «непоименованный договор», а также «смешанный договор». Вместе с тем следует заметить, что в доктрине гражданского права и правоприменительной практике фигурирует также такое понятие, как «комплексный договор», в связи с чем необходимо исследовать и определить место комплексного договора в системе гражданско-правовых договоров, отличие от смежных правовых конструкций, установить его правовую природу, а также проанализировать, каким образом правоприменители квалифицируют данные договоры.

Основная часть

Вопрос о квалификации комплексных договоров является дискуссионным в доктрине. Данной теме посвятили свои работы такие авторы, в частности, как О.Н. Садиков, А.А. Собчак, М.И. Брагинский, Е.А. Суханов, Д.В. Огородов и М.Ю. Челышев.

Для того, чтобы определить правовую природу и место комплексного договора, необходимо для начала выяснить, какие существуют наиболее общие, а также смежные правовые конструкции. Так, как уже было упомянуто ранее, в п. 2 ст. 421 ГК РФ законодатель выделяет в зависимости от того, предусмотрен ли такой договор законом или иными правовыми актами или не предусмотрен соответственно поименованные и непоименованные договоры. Для составления наиболее полной картины следует обратиться к историческому анализу регулирования непоименованных договоров. Так, М.И. Брагинский и В.В. Витрянский, обращаясь к советскому законодательству, указывают, что «В Гражданском кодексе 1922 г. не был закреплен принцип защиты непоименованных договоров. В результате сложилось разное отношение к этому принципу в литературе. Отсутствовала единая точка зрения на этот счет и в судебной практике. В отдельных случаях в своем отрицательном отношении к непоименованным договорам суды шли так далеко, что расценивали их как обычные противозаконные сделки» [Брагинский, Витрянский, 2001]. Так, авторы указывают, что сторонниками предоставления защиты непоименованным договорам были: М.М. Агарков, Б.С. Антимонов и К.А. Граве, О.С. Иоффе, О.А. Красавчиков, Н.В. Рабинович, Р.О. Халфина, в то время как в числе противников идеи свободного конструирования договоров оказался В.А. Рясенцев. Впервые непоименованные договоры получили легальное закрепление в Гражданском кодексе 1964 г. М.И. Брагинский и В.В. Витрянский разъясняют, что имеют в виду содержащееся в ст. 4 Кодекса указание на то, что гражданские права и обязанности возникают из сделок, предусмотренных законом, а также из сделок хотя и не предусмотренных законом,

но не противоречащих ему. Именно в период действия Гражданского кодекса 1964 г. положительно решился вопрос о правовой защите многих не известных Гражданскому кодексу и другим правовым актам видов договоров, обеспечивающих создание свободных рыночных отношений. Часть из сформировавшихся в то время договоров была включена (в отдельных случаях, как это произошло, например, с трастом, - в сильно измененном виде) в действующий Кодекс. В качестве примеров авторы приводят агентский договор, договор финансирования под уступку денежного требования, доверительного управления имуществом, коммерческая концессия и др [Там же].

Не вдаваясь в особенности правового регулирования непоименованных договоров, правил применения к ним норм гражданского законодательства, стоит остановиться на классификации непоименованных договоров.

Так, томская школа гражданского права выделяет абсолютно непоименованные и относительно непоименованные договоры. Абсолютно непоименованные договоры представляют собой договоры, не предусмотренные законом или иными правовыми актами и не содержащие элементов поименованных договоров. Ранее к таким договорам можно было отнести, к примеру, соглашение об обеспечительном платеже (ст. 381.1 ГК РФ). Относительно непоименованные договоры содержат в себе элементы различных поименованных договорных конструкций и также именуются смешанными [Болтанова и др., 2026].

Также следует обратить внимание на классификацию договоров, приведенную Д.В. Огородовым и М.Ю. Челышевым. Так, они выделают:

1) непоименованный, полностью оригинальный договор. Это наиболее гибкая конструкция, но и с наибольшей пробельностью права. Здесь регулирование опирается на общие нормы гражданского права о договорах (обязательствах), обычаи делового оборота, аналогию закона и аналогию права;

2) смешанный договор, состоящий из условий поименованных договоров, соединенных с условиями непоименованных договоров (частично непоименованный договор). Такой договор отличает значительная гибкость конструкции. Регулирование основано на сочетании относительно беспробельного регулирования поименованных договоров с общими нормами о договорах (обязательствах), а также с обычаями делового оборота, аналогией закона и аналогией права;

3) смешанный договор, состоящий только из условий поименованных унитарных договоров. Здесь имеет место довольно гибкая конструкция. Регулирование таких договоров относительно беспробельное. Однако общая оригинальность договорной конструкции в целом вкладывает некоторую специфику по сравнению с обычными унитарными договорами. Кроме того, применительно к данным договорам в определенном объеме существует и судебно-арбитражная практика;

4) унитарный (поименованный в законе) договор. Это наиболее жесткая из всех перечисленных выше юридическая конструкция. Однако применительно к унитарным договорам присутствует как наименее пробельное правовое регулирование, так и наиболее устоявшаяся судебно-арбитражная практика [Огородов, Челышев, 2008].

Исходя из приведенных классификаций, напрашивается вопрос о необходимости определения соотношения смешанного и непоименованного договора. Безусловно, данная тема также является дискуссионной в доктрине, поэтому необходимо рассмотреть различные точки зрения.

Большинство авторов все же относят смешанные договоры к непоименованным. Вместе с

тем в литературе встречаются и иные позиции. Так, согласно точке зрения В. А. Белова и С. А. Бушаенковой: «Понятие о договоре смешанном может быть корректно применено не ко всем договорам, а лишь к тем, которые не предусмотрены законодательными актами (т. е. непоименованным договорам)» [Белов, Бушаенкова, 2007].

Справедливой видится позиция А.А. Батуриной, заключающаяся в том, что ст. 421 ГК РФ определяет разные квалифицирующие признаки непоименованных и смешанных договоров, что делает их предметом различных классификаций. Парными понятиями, по ее мнению, являются поименованные и непоименованные договоры. Смешанные же договоры составляют самостоятельную категорию, имеющую свои специфические признаки. Автор приходит к выводу, что свобода усмотрения сторон смешанного договора в определении его договорных условий более ограничена, нежели в случае с непоименованным договором [Батурина, 2019].

Следует согласиться и с тем, что смешанный договор сам по себе занимает среднее место между поименованным и непоименованным договором, а также тем, что нельзя соотносить их как род и вид.

Таким образом, исходя из буквального толкования п. 2 и п. 3 ст. 421 ГК РФ, а также точек зрения вышеупомянутых авторов, справедливым и обоснованным видится, что смешанные договоры не являются разновидностью непоименованных договоров. Действительно, смешанные договоры в силу прямого указания законодателя сочетают в себе элементы поименованных договоров. Дискуссионным остается вопрос о том, может ли сочетать в себе смешанный договор элементы поименованного и непоименованного, несмотря на положения п. 3 ст. 421 ГК РФ.

Применительно к правовой природе комплексного договора, стоит начать с того, что в доктрине отсутствует четкое понимание правовой природы комплексных договоров. Более того, отмечается и размытость в употребляемых в литературе терминов, что приводит к смешению понятий комплексного и смешанного договоров. В частности, М. И. Брагинский и Г. С. Шапкина договор на организацию материально-технического снабжения называли комплексным [Брагинский, Шапкина, 1976]. Однако по мнению В. А. Ойгензихта это смешанный договор [Ойгензихт, 1984]. Некоторые авторы употребляют смешанные и комплексные договоры в качестве синонимов.

Если говорить не о понятийном различении, а о сущностном, то стоит начать с того, что попытки разграничить данные смежные категории были еще в советский период. Так, О. Н. Садиков считал, что комплексные правовые явления (в том числе договоры) это сочетание разноотраслевых элементов, а смешанные договоры содержат элементы разных договоров одноотраслевой принадлежности [Садиков, 1972]. А. А. Собчак указывал, что в отличие от смешанных, комплексные договоры служат основанием возникновения двух и более различных обязательств, имеющих единую хозяйственную цель и группирующихся вокруг одного из них, которое является основным. Также ученый разграничивал смешанные и комплексные договоры по субъектному составу: комплексные договоры применялись в отношениях между социалистическими организациями, а смешанные – в отношениях между любыми субъектами [Собчак, 1989].

На данный момент вопрос о комплексных договорах остается открытым. Так, например, правовед М. И. Брагинский считает, что комплексный договор является разновидностью смешанного договора [Брагинский, 2007]. В продолжение дискуссии о правовой природе комплексного договора, можно упомянуть довольно интересную мысль о том, что под комплексным договором следует понимать сложный, многокомпонентный договор, прямо

предусмотренный в нормах гражданского права и урегулированный ими (поименованный договор). В качестве примера авторы приводят договор банковского счета (ст. 845 ГК РФ), который содержит в себе элементы договоров хранения, займа, возмездного оказания услуг. Авторы утверждают, что в отличие от комплексных договоров «смешанный договор имеет место только тогда, когда участники гражданских правоотношений сами, своей согласованной волей смешивают (конструируют) условия договора, используя при этом элементы нормативно-установленных договоров, включая комплексные» [Огородов, Челышев, 2005]. Д. И. Степанов указывал, что смешанный договор следует отличать от комплексного договора: первый, сочетая в себе элементы разных договоров, служит основанием возникновения единого обязательства, а второй порождает два и более обязательств, объединенных единой хозяйственной целью, что в целом отражает точку зрения А. А. Собчака [Степанов, 2005]. Ученый Е. А. Суханов считает, что под комплексным договором следует понимать совокупность нескольких самостоятельных обязательств, зафиксированных сторонами в одном документе. Примером комплексного договора является договор финансовой аренды (лизинга) [Суханов (ред.), 2008].

Также в литературе зачастую встречается определение комплексного договора как договора, содержащего в себе разноотраслевые элементы, которая, по сути, развивает ранее приведенную позицию О. Н. Садикова. Так, к примеру, Алиев Т. Т. в качестве примеров подобных договоров приводит трансферный договор спортсмена и договор суррогатного материнства [Алиев, 2016]. Е. Б. Козлова же к комплексным гражданско-правовым договорам относит договоры, урегулированные нормами комплексных правовых актов, то есть актов, которые не могут быть отнесены ни к одной отрасли законодательства [Козлова, 2014]. Также стоит привести позицию В. С. Белых, который, в частности, выделяя наряду со смешанными также комплексные и комбинированные договоры, к комплексным относил договоры, которые содержат элементы, урегулированные нормами различных отраслей права. В качестве примеров он приводит соглашение о разделе продукции, в отношении которого применяются элементы частноправового и публично-правового регулирования [Белых, 2010].

А. А. Батуриной также близка эта позиция, в частности, она также указывает, что комплексные договоры являются основанием возникновения не только гражданских, но и иных правоотношений (трудовых, административных, процессуальных, семейных и т. д.), в отличие от смешанных договоров, порождающих исключительно гражданско-правовые отношения [Батурина, 2019].

Таким образом, следует сделать вывод о том, что среди ученых нет единого мнения относительно правовой природы комплексного договора. Некоторые ученые считают, что комплексные договоры являются разновидностью смешанных, другие считают, что смешанные и комплексные договоры являются синонимами. Вместе с тем в доктрине преобладают иные точки зрения. Смешанные и комплексные договоры являются смежными понятиями, отличающиеся по различным основаниям. К примеру, в зависимости от отраслевой природы порождаемых правоотношений, количества возникающих обязательств или субъектного состава.

Для того чтобы сформировать наиболее полное представление о комплексных договорах, необходимо также и проанализировать судебную практику. В частности, судами вышестоящих инстанций неоднократно делались выводы о том, что рассматриваемые ими договоры по своей природе являются комплексными.

Так, например, Высший Арбитражный Суд РФ рассматривал дело о страховом возмещении, в котором между сторонами был заключен договор страхования ответственности экспедитора,

объектом страхования были имущественные интересы страхователя в связи с его обязанностью возместить ущерб третьим лицам, вызванный его экспедиторской деятельностью, включая утрату грузов. Согласно договору застрахованы были и собственные имущественные риски общества, и связанные с деятельностью общества имущественные риски третьих лиц. Высший Арбитражный Суд РФ указал, что «Таким образом, договор содержит признаки различных видов имущественного страхования, предусмотренных статьей 929 Гражданского кодекса Российской Федерации, является комплексным и не противоречит закону, поэтому оснований для признания его частично недействительным у суда апелляционной инстанции не имелось» [Постановление Президиума ВАС РФ № 16996/09, 2010].

Далее, стоит обратиться к решению Верховного Суда РФ, в котором был рассмотрен договор о техническом обслуживании и ремонте внутридомового и (или) внутриквартирного газового оборудования, содержал элементы договора подряда и возмездного оказания услуг. Суд пришел к выводу о том, что «Техническое обслуживание и текущий ремонт объединены единой целью, направленной на обеспечение надлежащей эксплуатации зданий и сооружений, в том числе поддержание исправности систем инженерно-технического обеспечения, сетей инженерно-технического обеспечения, их элементов в соответствии с требованиями технических регламентов, проектной документации, что предполагает комплексное урегулирование проблем, относящихся к техническому обслуживанию этих систем и их элементов, и тем самым позволяет решать различные по характеру вопросы в необходимом единстве и взаимосвязи. Такое правовое регулирование допускает заключение одного комплексного договора, являющегося основанием возникновения двух и более обязательств с единой хозяйственной целью» [Решение Верховного Суда РФ № АКПИ13-1053, 2014].

Важно отметить, что Верховный Суд РФ прямо различает смешанный и комплексный договор. Это можно проследить, в частности в одном из его определений: «В силу пункта 3 статьи 421 Гражданского кодекса Российской Федерации стороны могут заключить договор, в котором содержатся элементы различных договоров, предусмотренных законом (смешанный договор). К отношениям сторон по смешанному договору применяются в соответствующих частях правила о договорах, элементы которых содержатся в смешанном договоре, если иное не вытекает из соглашения сторон или существа смешанного договора. Гражданское законодательство допускает возможность заключения также комплексных договоров» [Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ № 78-КГ13-27, 2013].

Заключение

Итак, исходя из анализа изложенной информации, можно сделать следующие выводы.

В доктрине гражданского права отсутствует единое понимание правовой природы комплексного договора и его места в системе гражданско-правовых договоров, а также соотношения со смежными правовыми конструкциями. Так, комплексный договор либо полностью отождествляется со смешанным договором, либо представляет собой его разновидность, либо ставится наряду с ним как самостоятельная конструкция. Одни авторы считают, что комплексный договор является прежде всего гражданско-правовым договором, который содержит в себе элементы различных гражданско-правовых договоров, на основании которых возникают несколько различных обязательств, имеющих единую хозяйственную цель. Другие же авторы считают, что комплексные договоры сочетают в себе элементы договоров различных отраслей права, в том числе как публично-правовых, так и частноправовых.

Несмотря на отсутствие легального определения и правового регулирования комплексных договоров, судебная практика также признает возможность заключения комплексных договоров. Важно при этом отметить, что суды не отождествляют комплексные и смешанные договоры.

Справедливым видится, что доктринальные положения помогают правоприменителю принимать законные и обоснованные решения, особенно в тех случаях, когда имеются пробелы в законодательстве.

Приведенные ранее судебные акты позволяют сделать вывод о том, что правоприменительная практика придерживается позиции А. А. Собчака, которая также является наиболее справедливой и правильной.

Таким образом, под комплексным договором следует считать такой гражданско-правовой договор, который служит основанием возникновения двух и более различных обязательств, имеющих единую хозяйственную цель.

Библиография

1. Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) от 06.10.2022 г., ст. 0001202210060013.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 1994 г., №32, ст. 3301.
3. Алиев Т. Т. Отграничение непоименованных договоров от смешанных договоров // Юрист. 2016. № 9. С. 20-22.
4. Батурина А. А. Система и системность смешанных договоров в гражданском праве России : диссертация кандидата юридических наук / А.А. Батурина. Красноярск, 2019. 199 с.
5. Белов В. А. Договор управления многоквартирным домом, заключаемый с управляющей организацией или единоличным управляющим / В. А. Белов, С. А. Бушаенкова // Законодательство. 2007. № 1. С. 8-17.
6. Белых В. С. Предпринимательское право России: учебник. – М., 2010. – 656 с.
7. Болтанова Е. С. Гражданское право. Общая часть : учебник / Е.С. Болтанова, Н.В. Багрова, Т.Ю. Баришпольская [и др.]. Москва : ИНФРА-М, 2026. — 515 с.
8. Брагинский М. И. Договорное право. Общие положения. 3-е изд., стереотипное. / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский // М.: Статут, 2001. Кн. 1. 848 с.
9. Брагинский М. И. Основы учения о непоименованных (безымянных) и смешанных договорах. М.: Статут, 2007. 79 с.
10. Брагинский М. И. Хозяйственные договоры в материально-технического снабжении и сбыте. / М. И. Брагинский, Г. С. Шапкина // М.: Экономика, 1976. 192 с.
11. Козлова Е. Б. Развитие системы договорных моделей, опосредующих создание объектов недвижимого имущества в Российской Федерации: Диссертация кандидата юридических наук. М. 2014. 42 с.
12. Огородов Д. В. Конструкция смешанного договора в гражданском (частном) праве / Д. В. Огородов, М. Ю. Челышев // Сделки: проблемы теории и практики : сб. ст. М., 2008. С. 310–355.
13. Огородов Д. В. Смешанные договоры в частном праве: отдельные вопросы теории и практики / Д. В. Огородов, М. Ю. Челышев // Законодательство и экономика. 2005. № 10. С. 50-53
14. Ойгензихт В. А. Нетипичные договорные отношения в гражданском праве. Учеб. пособие. – Душанбе. 1984. 128 с.
15. Садиков О. Н. Нетипичные институты в советском гражданском праве // Сов. государство и право. 1972. № 2. С. 33–37.
16. Собчак А. А. Смешанные и комплексные договоры в гражданском праве // Советское государство и право. - М.: Наука, 1989, № 11. - С. 61-66
17. Степанов Д. И. Услуги как объект гражданских прав. : Диссертация кандидата юридических наук // М.: Статут, 2005. 348 с.
18. Суханов Е. А. Гражданское право в 4-х томах. Т. 3: Обязательственное право: учебник // отв. ред. Е.А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2008. 800 с.
19. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.10.2015 N 28-П "По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 836 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И.С. Билера, П.А. Гурьянова, Н.А. Гурьяновой, С.И. Каминской, А.М. Савенкова, Л.И. Савенковой и И.П. Степанюгиной" //

Собрание законодательства Российской Федерации от 09.11.2015 г., №45, ст. 6311.
20. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 13 апреля 2010 г. N 16996/09 [Электронный ресурс]. URL: https://internet.garant.ru/#/document/1795379/paragraph/1/doclist/101
21. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 8 октября 2013 г. N 78-КГ13-27 [Электронный ресурс]. URL: https://internet.garant.ru/#/document/70517410/paragraph/1/doclist/127
22. Решение Верховного Суда РФ от 21 мая 2014 г. N АКПИ13-1053 [Электронный ресурс]. URL: https://internet.garant.ru/#/document/70682314/ paragraph/1/doclist/126

Complex Contract: A Discussion in Doctrine

Veronika A. Sirotinina

Master's Student of the Law Institute,
National Research Tomsk State University,
634050, 36, Lenina ave., Tomsk, Russian Federation;
e-mail: veronika.sirotinina@gmail.com

Abstract

The article examines the legal nature and place of the complex contract in the system of civil-law constructions of the Russian Federation, which allows for identifying the approaches to its understanding existing in doctrine and for determining its correlation with the mixed and unnamed contract. Attention is drawn to the works of O.N. Sadikov, A.A. Sobchak, M.I. Braginskiy, E.A. Sukhanov, D.V. Ogorodov, and M.Yu. Chelyshev, in which various interpretations of the complex contract are presented. The author cites several points of view from doctrine: the complex contract is either fully identified with the mixed contract, or represents a variety of it, or is placed alongside it as an independent construction, which reflects the uncertainty in understanding its legal nature. An analysis of the judicial practice of the higher judicial instances is also provided, as a result of which the author concludes that law enforcement practice adheres to the position of A.A. Sobchak, who regards the complex contract as an independent construction not reducible to the mixed contract.

For citation

Sirotinina V.A. (2026) Kompleksnyy dogovor: diskussiya v doktrine [Complex Contract: A Discussion in Doctrine]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (9A), pp. 313-321. DOI: 10.34670/AR.2026.25.89.060

Keywords

Complex contract, freedom of contract, mixed contract, unnamed contract, civil-law contract.

References

1. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniyem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v khode obshcherossiyskogo golosovaniya 01.07.2020) [Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020)]. *Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii (www.pravo.gov.ru)*, 06.10.2022, Art. 0001202210060013.
2. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 No. 51-FZ [Civil Code of the Russian Federation (Part One) of 30.11.1994 No. 51-FZ]. *Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 1994, No. 32, Art. 3301.

3. Aliev T.T. (2016). Otgranicheniye nepoimenovannykh dogovorov ot smeshannykh dogovorov [Distinguishing Unnamed Contracts from Mixed Contracts]. *Yurist*, 9, 20-22.
4. Baturina A.A. (2019). *Sistema i sistemnost' smeshannykh dogovorov v grazhdanskom prave Rossii* [The System and Systematicity of Mixed Contracts in Russian Civil Law] (Candidate of Legal Sciences dissertation). Krasnoyarsk.
5. Belov V.A., Bushaenkova S.A. (2007). Dogovor upravleniya mnogokvartirnym domom, zaklyuchayemyy s upravlyayushchey organizatsiyey ili yedinolineynym upravlyayushchim [Apartment Building Management Contract Concluded with a Management Organisation or an Individual Manager]. *Zakonodatel'stvo*, 1, 8-17.
6. Belykh V.S. (2010). *Predprinimatel'skoye pravo Rossii* [Business Law of Russia]. Moscow.
7. Boltanova E.S., Bagrova N.V., Barishpol'skaya T.Yu. et al. (2026) *Grazhdanskoye pravo. Obshchaya chast'* [Civil Law. General Part]. INFRA-M.
8. Braginsky M.I., Vitryansky V.V. (2001). *Dogovornoye pravo. Obshchiye polozheniya* [Contract Law. General Provisions] (3rd ed., stereotyped, Book 1). Statut.
9. Braginsky M.I. (2007). *Osnovy ucheniya o nepoimenovannykh (bezymyannykh) i smeshannykh dogovorakh* [Foundations of the Doctrine of Unnamed (Nameless) and Mixed Contracts]. Statut.
10. Braginsky M.I., Shapkina G.S. (1976). *Khozyaystvennyye dogovory v material'no-tekhnicheskom snabzhenii i sbyte* [Economic Contracts in Material and Technical Supply and Sales]. Ekonomika.
11. Kozlova E.B. (2014). *Razvitiye sistemy dogovornykh modeley, oposreduyushchikh sozdaniye ob"yektov nedvizhimogo imushchestva v Rossiyskoy Federatsii* [Development of the System of Contractual Models Mediating the Creation of Real Estate Objects in the Russian Federation] (Candidate of Legal Sciences dissertation). Moscow.
12. Ogorodov D.V., Chelyshev M.Yu. (2008). Konstruktsiya smeshannogo dogovora v grazhdanskom (chastnom) prave [The Construction of a Mixed Contract in Civil (Private) Law]. In *Sdelki: problemy teorii i praktiki: sb. st.* [Transactions: Problems of Theory and Practice: Collection of Articles] (pp. 310-355). Moscow.
13. Ogorodov D.V., Chelyshev M.Yu. (2005). Smeshannyye dogovory v chastnom prave: otdel'nyye voprosy teorii i praktiki [Mixed Contracts in Private Law: Selected Issues of Theory and Practice]. *Zakonodatel'stvo i ekonomika*, 10, 50-53.
14. Oygenzikht V.A. (1984). *Netipichnyye dogovornyye otnosheniya v grazhdanskom prave* [Atypical Contractual Relations in Civil Law]. Dushanbe.
15. Sadikov O.N. (1972). Netipichnyye instituty v sovetskom grazhdanskom prave [Atypical Institutions in Soviet Civil Law]. *Sovetskoye gosudarstvo i pravo*, 2, 33-37.
16. Sobchak A.A. (1989). Smeshannyye i kompleksnyye dogovory v grazhdanskom prave [Mixed and Complex Contracts in Civil Law]. *Sovetskoye gosudarstvo i pravo*, 11, 61-66.
17. Stepanov D.I. (2005). *Uslugi kak ob"yekt grazhdanskikh prav* [Services as an Object of Civil Rights] (Candidate of Legal Sciences dissertation). Statut.
18. Sukhanov E.A. (ed.) (2008). *Grazhdanskoye pravo v 4-kh tomakh. Tom 3: Obyazatel'stvennoye pravo* [Civil Law in 4 Volumes. Volume 3: Law of Obligations] (3rd ed., rev. and suppl.). Volters Kluver.
19. Postanovleniye Konstitutsionnogo Suda RF ot 27.10.2015 No. 28-P "Po delu o proverke konstitutsionnosti punkta 1 stat'i 836 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zhalobami grazhdan I.S. Bilera, P.A. Gur'yanova, N.A. Gur'yanovoy, S.I. Kaminskoy, A.M. Savenkova, L.I. Savenkovoy i I.P. Stepanyuginoy" [Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of 27.10.2015 No. 28-P "On the Case of Verifying the Constitutionality of Paragraph 1 of Article 836 of the Civil Code of the Russian Federation in Connection with the Complaints of Citizens I.S. Biler, P.A. Guryanov, N.A. Guryanova, S.I. Kaminskaya, A.M. Savenkov, L.I. Savenkova and I.P. Stepanyugina"]. *Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 09.11.2015, No. 45, Art. 6311.
20. Postanovleniye Prezidiuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF ot 13 aprelya 2010 g. No. 16996/09 [Ruling of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 13 April 2010 No. 16996/09]. Available at: https://internet.garant.ru/#/document/1795379/paragraph/1/doclist/101
21. Opredeleniye SK po grazhdanskim delam Verkhovnogo Suda RF ot 8 oktyabrya 2013 g. No. 78-KG13-27 [Determination of the Civil Cases Panel of the Supreme Court of the Russian Federation of 8 October 2013 No. 78-KG13-27]. Available at: https://internet.garant.ru/#/document/70517410/paragraph/1/doclist/127
22. Resheniye Verkhovnogo Suda RF ot 21 maya 2014 g. No. AKPI13-1053 [Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of 21 May 2014 No. AKPI13-1053]. Available at: https://internet.garant.ru/#/document/70682314/paragraph/1/doclist/126

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 343.233 **DOI: 10.34670/AR.2026.38.88.036**

Факторы, обуславливающие эффективность норм уголовно-правового компромисса

Галатов Александр Андреевич

Аспирант,
кафедра уголовно-правовых дисциплин,
Южно-Российский институт управления РАНХиГС,
344002, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70;
e-mail: galatov.2000@gmail.com

Аннотация

В настоящей статье автор ставит вопрос об определении факторов, обуславливающих эффективность норм уголовно-правового компромисса. На основе анализа норм действующего законодательства, их природы и практики применения высказывается позиция о том, что эффективность норм уголовно-правового компромисса тождественна распространенности её применения, поскольку в отличие от нормы-запрета она обладает минимальным превентивным эффектом (не направлена на предупреждение совершения преступления). На основе анализа ст. 78.1 УК РФ, примечания 3 к ст. 198 УК РФ и иных компромиссных норм автор приходит к выводу, что в качестве одного из факторов, повышающих эффективность (распространенность применения) норм уголовно-правового компромисса необходимо считать социально-, экономически- и политически обусловленную потребность государства в стимулировании определенного социально значимого поведения. Вторым аналогичным фактором является заинтересованность лица, совершившего преступления, в применении нормы-компромисса при разрешении уголовно-правового конфликта, что подтверждено на основе анализа применения ст. 82.1 УК РФ.

Для цитирования в научных исследованиях

Галатов А.А. Факторы, обуславливающие эффективность норм уголовно-правового компромисса // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 9А. С. 322-328. DOI: 10.34670/AR.2026.38.88.036

Ключевые слова

Компромисс в уголовном праве, освобождение от уголовной ответственности, эффективность нормы, социально значимое поведение, уголовно-правовой конфликт, нормы-компромиссы, превентивный эффект, конкуренция норм.

Введение

Уголовно-правовой компромисс является одним из предусмотренных уголовным законодательством способов разрешения уголовно-правового конфликта. И такой способ в современной уголовно-правовой политике и практике применения уголовного законодательства является приоритетным, нежели разрешение уголовно-правового спора в результате обвинительного приговора с назначением наказания и реальным его отбыванием. Такой аспект хотя и оценивается положительно не исключает ряда вопросов применения уголовного законодательства в случаях реализации норм института уголовно-правового компромисса (в частности, вопросов определения конкретного содержания действий лица, совершившего преступление, и учета интересов потерпевшего [Семейных, 2019, с. 15]). Представляется, что эффективность норм уголовно-правового компромисса прямо связана с распространенностью их применения. В отличие от нормы-запрета компромиссная норма обладает минимальным превентивным эффектом (по своей природе она не направлена на предупреждение совершения преступления), а потому распространенность её применения является индикатором и результатом её эффективности.

На эффективность той или иной уголовно-правовой нормы-компромисса влияет политическая, экономическая, социальная обстановка в государстве. Исходя из указанных факторов Верховный Суд Российской Федерации ориентирует нижестоящие суды на необходимость создания условий для применения соответствующей нормы-копромисса. В частности, в последнее время развивается практика применения судом норм об освобождении от уголовной ответственности в связи с призывом на военную службу в период мобилизации (военное время) или заключением контракта в данное время (ст. 78.1 УК РФ). В одном из своих судебных актов при рассмотрении дела в качестве суда кассационной инстанции Верховный Суд РФ обратил внимание нижестоящих судов на то, что суды фактически должны прогнозировать возможность применения указанной нормы, а не сразу выносить обвинительный приговор. В приведенном деле обвиняемый заключил контракт о прохождении военной службы ввиду чего производство по уголовному делу было приостановлено (п. 5 ст. 238 УПК РФ). Однако, в период, когда обвиняемый прибыл в отпуск суд возобновил производство по делу и вынес обвинительный приговор. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ увидела в этом нарушение норм материального и процессуального права, так как, во-первых, суд неправильно расценил отпуск как основание для возобновления производства по делу (контракт продолжал действовать), а, во-вторых, суд не учел при вынесении обвинительного приговора, что «в период действия контракта или по истечении срока его действия и увольнения с военной службы могут возникнуть основания для освобождения лица от уголовной ответственности на основании ст. 78.1 УК РФ [Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 26.03.2026, 2026]. Следовательно, Верховный Суд РФ явно нацелил суды на создание в действительности всех условий надлежащего применения указанной нормы и разрешения уголовно-правового конфликта без вынесения обвинительного приговора суда. Такая потребность обусловлена рядом социально-экономических и политических факторов (в частности, проведением специальной военной операции Вооруженными силами Российской Федерации). Создание возможностей и заинтересованности лиц, нарушивших уголовный закон, в прохождении военной службы и последующем освобождении от уголовной ответственности отвечает указанной сложившейся обстановке в Российской Федерации. При этом, важно отметить, что уголовно-правовой компромисс лишает государство в лице суда возможностей реализации

судебной власти в полном объеме (проверке предъявленного обвинения и квалификации, официального признания лица виновным и назначении наказания и т.д.) [Джатиев, 2019, с. 62]. В этом проявляется уступка со стороны государства лицу, совершившему преступление, а взамен государством получает все вытекающие последствия процессуальной экономии и в определенных случаях социально значимое поведение лица. В целом, такое поведение частично свидетельствует о достижении цели, которое преследует назначение наказания при вынесении обвинительного приговора, - исправление осужденного.

Основная часть

В научных кругах, в целом, нет определенной позиции о месте компромисса в уголовном праве [Курилов, 2015, с. 96]. Однако, безусловно относимую к данном явлению статью 78.1 УК РФ в научной литературе характеризуют как норму двойственной правовой природы: она сочетает в себе элементы уголовно-правового компромисса и государственного стимулирования социально значимого поведения [Кадочников, Замалеева, 2026, с. 96]. Представляется, что такая двойственная природа достаточно эффективно сочетается, поскольку необходимость государственного стимулирования социально значимого поведения приводит к распространению разрешения уголовно-правового конфликта посредством компромисса. Так, в любом случае применение нормы ст. 78.1 УК РФ не может быть реализовано без прямо предусмотренного в ней последствия – освобождения от уголовной ответственности. То есть так или иначе указанная судебная практика нацеливает на расширение возможностей использования норм уголовно-правового компромисса. В связи с этим в качестве одного из факторов, повышающих эффективность (распространенность применения) норм уголовно-правового компромисса необходимо считать социально-, экономически- и политически обусловленную потребность государства в стимулировании определенного социально значимого поведения.

В подтверждение указанного тезиса можно привести примеры и иные нормы-компромиссы, но уже из Особенной части УК РФ. В примечании 3 к ст. 198 УК РФ предусмотрена специальное основание освобождения лица от уголовной ответственности при условии погашения им сумм недоимки, пени и штрафов, предусмотренных НК РФ. Также обязательным условием применения нормы является совершение впервые преступления, предусмотренного ст. 198 УК РФ. Как справедливо отмечают исследователи, подобного рода примеры (в частности, примечания к ст. 110.2, 126, 127.1, 145.1, 178 и т.д.) имеют под особой основание в виде позитивного посткриминального поведения лица, совершившего преступление [Уголовное право Российской Федерации…, 2024, с. 352]. Рационально отметить, что в ряде составов преступлений в таком позитивном посткриминальном поведении заинтересовано само государство, что и повышает эффективность (распространеность применения) норм уголовно-правового компромисса. В частности, заинтересованность государства в применении примечания 1 к ст. 198 УК РФ проявляется в необходимости скорейшего пополнения бюджета без применения спектра принудительных средств. Усиливает указанную заинтересованность государства и то, что приведенная норма-компромисс стимулирует лицо отказаться от необоснованного (при отсутствии адекватной фактической и правовой позиции) оспаривания решений налогового органа о привлечении к ответственности и взыскании недоимки, пени и штрафов в порядке административного судопроизводства.

Стоит отметить, что по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2025 год число лиц, уголовные дела которых прекращены по указанному основанию, составляют

единицы (1 лицо) [Сводные статистические сведения…, 2025]. Такие показатели не связаны с неприменением указанной нормы. Особенность возбуждения и расследования уголовных дел по налоговым преступлениям – это наличие определенных последовательных этапов, связанных с наличием специальных поводов (источников сообщений о преступлении). В связи с этим более длительная процедура расследования уголовных дел указанной категории и, в принципе, сама по себе особенность специального вида освобождения от уголовной ответственности подразумевают его применение на стадии предварительного расследования [Рыбина, Ахмедов, 2021, с. 115]. Следовательно, приведенные суждения подтверждают, что эффективность (распространенность) применения норм уголовно-правового компромисса зависит от наличия у государства заинтересованности стимуляции определенного социально значимого поведения.

В то же время нельзя отрицать, что на эффективность уголовно-правовой нормы-компромисса влияет и её привлекательность (выгодность) для лица, совершившего преступления. Если введенная законодателем уголовно-правовая норма, направленная на прекращение уголовно-правового спора без применения наказания, не несет в себе достаточных привилегий для лица, то он отказывается от её использования или выбирает альтернативные нормы. В таких случаях даже заинтересованность законодателя не будет являться достаточным фактором стимуляции эффективности такой нормы. Особую сложность в реализации компромиссных уголовно-правовых норм исследователи отмечают в части привлечения к ответственности по наркотическим преступлениям. Так, С.М. Мальков полагает, что ст. 82.1 УК РФ сегодня не реализована в полной мере. Более того, данную норму автор на основе изучения статистических данных считает мало применимой на практике. Причинами такой ситуации являются наличие более привлекательных иных компромиссных уголовно-правовых норм, небольшой перечень составов преступлений, на которые распространяется действие нормы, необходимость официального признания себя лицом больным наркоманией и т.д. [Мальков, 2022, с. 79] То есть норма об отсрочке отбывания наказания больным наркоманией хотя и является своего рода компромиссной не имеет широкого применения. Представляется, что С.М. Мальков достаточно точно определил причины такой ситуации. Помимо указанных причин стоит также отметить, что компромисс данной нормы заключается не в сокращении наказания за определенное поведение лица, а неприменение наказания до тех пор, пока лицо не пройдет лечение и не улучшит состояние своего здоровья. В этой связи данная норма не может конкурировать с нормой о деятельном раскаянии, а перечень, обозначенных в ст. 82.1 УК РФ деяний, при которых она применяется, не отвечает объективной потребности. В частности, суды зачастую отказывают лицам в применении ст. 82.1 УК РФ со ссылкой на то обстоятельство, что лицо совершило иное преступление, прямо не указанное в ст. 82.1 УК РФ [Кассационное определение Второго кассационного суда…, 2026]. Следовательно, компромиссная уголовно-правовая норма может быть не эффективна ввиду отсутствия у лица, совершившего преступления, достаточных предлагаемых привилегий или наличии иного более перспективного аналога. Применительно к последнему аспекту следует говорить об явлении конкуренции норм уголовно-правового компромисса.

Заключение

Таким образом, в настоящее время эффективность (распространенность применения) нормы уголовно-правового компромисса обусловлена двумя основными факторами: во-первых, стремлением государства стимулировать социально значимое поведение, во-вторых, выгодностью для лица, совершившего преступление, применения соответствующей нормы. В

связи с этим, имея тенденцию на расширение возможностей достижения компромисса при разрешении уголовно-правового конфликта, законодатель должен учитывать данные факторы при конструкции соответствующий изменений уголовного законодательства. В ином случае нововведенная норма рискует оказаться «мертвой», а потому не эффективной для целей правоприменения.

Библиография

1. Джатиев В.С. О публичном характере уголовной ответственности и теориях поощрения, компромисса и договорного регулирования // Ученые труды Российской Академии адвокатуры и нотариата. 2019. Вып. 4 (55). С. 57–62.
2. Кадочников А.С., Замалеева С.В. Освобождение от уголовной ответственности в связи с призывом на военную службу (ст. 78.1 УК РФ) // Вестник науки. 2026. № 5 (98). Т. 4. С. 645–653.
3. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 20.01.2026 № 77-128/2026, 77-3758/2025 (УИД 33RS0002-01-2024-005363-85) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
4. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 26.03.2026 по делу № 3-УД26-2-К3 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
5. Курилов С.И. Научные подходы к исследованию уголовно-правовой природы компромисса // Закон и право. 2015. № 9. С. 94–96.
6. Мальков С.М. Уголовно-правовой компромисс в противодействии наркопреступлениям // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2022. № 1 (46). С. 74–80.
7. Рыбина В.Д., Ахмедов М.Н. К вопросу уголовной ответственности за налоговые преступления и освобождения от нее // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 11-4 (62). С. 113–116.
8. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2025 год. № 10.2 «Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел» // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=9892.
9. Семейных Н.Е. Кодифицированное закрепление норм, допускающих компромисс в действующем Уголовном кодексе РФ: юридико-технические аспекты // Законность и правопорядок. 2019. № 1 (21). С. 13–17.
10. Уголовное право Российской Федерации: проблемный курс для магистрантов и аспирантов: в 3 т. Т. 2. Книга 2. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. Меры уголовно-правового характера. Наказание. Применение уголовного закона. Освобождение от уголовной ответственности и наказания. Особенности уголовной ответственности несовершеннолетних / под общ. ред. А.Н. Савенкова; науч. ред. и рук. авт. кол. А.И. Чучаев. Москва, 2024. 576 с.

Factors Determining the Effectiveness of Criminal Law Compromise Norms

Aleksandr A. Galatov

Postgraduate Student,
Department of Criminal Law Disciplines,
South-Russian Institute of Management of RANEPA,
344002, 70, Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, Russian Federation;
e-mail: galatov.2000@gmail.com

Abstract

In this article, the author raises the question of determining the factors that determine the effectiveness of criminal law compromise norms. Based on the analysis of the norms of current legislation, their nature, and application practice, a position is expressed that the effectiveness of criminal law compromise norms is identical to the prevalence of their application, since, unlike a

prohibitive norm, it has a minimal preventive effect (it is not aimed at preventing the commission of a crime). Based on the analysis of Art. 78.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, Note 3 to Art. 198 of the Criminal Code of the Russian Federation, and other compromise norms, the author concludes that one of the factors increasing the effectiveness (prevalence of application) of criminal law compromise norms must be considered the socially, economically, and politically conditioned need of the state to stimulate a certain socially significant behavior. The second analogous factor is the interest of the person who committed the crime in applying the compromise norm in resolving the criminal law conflict, which is confirmed on the basis of the analysis of the application of Art. 82.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.

For citation

Galatov A.A. (2026) Faktory, obuslavlivayushchie effektivnost' norm ugolovno-pravovogo kompromissa [Factors Determining the Effectiveness of Criminal Law Compromise Norms]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (9A), pp. 322-328. DOI: 10.34670/AR.2026.38.88.036

Keywords

Compromise in criminal law, exemption from criminal liability, effectiveness of a norm, socially significant behavior, criminal law conflict, compromise norms, preventive effect, competition of norms.

References

1. Cassation ruling of the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated January 20, 2026, No. 77-128/2026, 77-3758/2025 (UID 33RS0002-01-2024-005363-85). (2026) *ConsultantPlus Legal Reference System*.
2. Cassation ruling of the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 26, 2026, in case No. 3-UD26-2-K3. (2026) *ConsultantPlus Legal Reference System*.
3. Dzhatiev, V. S. (2019). O publichnom kharaktere ugolovnoy otvetstvennosti i teoriyakh pooshchreniya, kompromissa i dogovornogo regulirovaniya [On the public nature of criminal liability and theories of encouragement, compromise, and contractual regulation]. *Uchenye trudy Rossiyskoy Akademii advokatury i notariata* [Scientific Works of the Russian Academy of Advocacy and Notary], (4(55)), 57–62.
4. Kadochnikov, A. S., & Zamaleeva, S. V. (2026) Osvobozhdenie ot ugolovnoy otvetstvennosti v svyazi s prizyvom na voennuyu sluzhbu (st. 78.1 UK RF) [Exemption from criminal liability in connection with conscription for military service (Article 78.1 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. *Vestnik nauki* [Bulletin of Science], (5(98)), Vol. 4, 645–653.
5. Kurilov, S. I. (2015). Nauchnye podkhody k issledovaniyu ugolovno-pravovoy prirody kompromissa [Scientific approaches to studying the criminal-legal nature of compromise]. *Zakon i pravo* [Law and Justice], (9), 94–96.
6. Malkov, S. M. (2022). Ugolovno-pravovoy kompromiss v protivodeystvii narkoprestupleniyam [Criminal-legal compromise in countering drug-related crimes]. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Vestnik of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], (1(46)), 74–80.
7. Rybina, V. D., & Akhmedov, M. N. (2021). K voprosu ugolovnoy otvetstvennosti za nalogovye prestupleniya i osvobozhdeniya ot nee [On the issue of criminal liability for tax crimes and exemptions from it]. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences], (11-4(62)), 113–116.
8. Semenykh, N. E. (2019). Kodifitsirovannoe zakreplenie norm, dopuskayushchikh kompromiss v deystvuyushchem Ugolovnom kodekse RF: yuridiko-tekhnicheskie aspekty [Codified consolidation of norms permitting compromise in the current Criminal Code of the Russian Federation: Legal and technical aspects]. *Zakonnost i pravoporyadok* [Legality and Law and Order], (1(21)), 13–17.
9. Summary statistical data on the state of criminal records in Russia for 2025. No. 10.2 "Report on the specifics of considering criminal cases, the application of real types of punishment, and the grounds for terminating criminal cases." (2025). Official website of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. https://cdep.ru/index.php?id=79&item=9892
10. *Ugolovnoe pravo Rossiyskoy Federatsii: problemnyy kurs dlya magistrantov i aspirantov: v 3 t. T. 2. Kniga 2.*

Obstoyatelstva, isklyuchayushchie prestupnost deyaniya. Mery ugolovno-pravovogo kharaktera. Nakazanie. Primenenie ugolovnogo zakona. Osvobozhdenie ot ugolovnoy otvetstvennosti i nakazaniya. Osobennosti ugolovnoy otvetstvennosti nesovershennoletnikh [Criminal law of the Russian Federation: A problem-based course for master's and postgraduate students: In 3 vols. Vol. 2. Book 2. Circumstances excluding the criminality of an act. Measures of a criminal-legal nature. Punishment. The application of criminal law. Exemption from criminal liability and punishment. Features of criminal liability of minors] (A. N. Savenkov, Ed.; A. I. Chuchaev, Sci. Ed.). (2024).

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 343.13 **DOI: 10.34670/AR.2026.67.84.037**

Возрастные и психологические особенности несовершеннолетних при выборе тактики их допроса в уголовном судопроизводстве

Зеленкова Анна Анатольевна

Магистрант,
Государственный университет просвещения,
141014, Российская Федерация, Мытищи, ул. Веры Волошиной, 24;
e-mail: zelenkova.ann@bk.ru

Аннотация

Настоящая работа посвящена анализу того, каким образом возрастные и психологические особенности несовершеннолетних влияют на выбор тактики их допроса в уголовном судопроизводстве. Актуальность темы обусловлена необходимостью обеспечения прав и законных интересов подростков, а также повышения качества и результативности следственных действий. На основе анализа научной литературы и материалов судебной практики систематизированы познавательные и поведенческие особенности детей дошкольного, младшего школьного и подросткового возраста. Рассмотрены гендерные аспекты дачи показаний. Особое внимание уделено этапам подготовки и проведения допроса, созданию комфортной обстановки и установлению психологического контакта, а также тактическим приёмам преодоления конфликтных ситуаций (допущение легенды, выжидание). Выявлены проблемы формального подхода к участию педагога и психолога. Обоснованы предложения по совершенствованию тактики допроса, направленные на минимизацию повторной травматизации несовершеннолетних и повышение достоверности их показаний. Практическая значимость работы заключается в том, что сформулированные рекомендации могут быть внедрены в деятельность органов предварительного расследования.

Для цитирования в научных исследованиях

Зеленкова А.А. Возрастные и психологические особенности несовершеннолетних при выборе тактики их допроса в уголовном судопроизводстве // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 9А. С. 329-335. DOI: 10.34670/AR.2026.67.84.037

Ключевые слова

Возрастная периодизация, допрос несовершеннолетнего, конфликтная ситуация, психологический контакт, педагог, психолог, тактика допроса, уголовное судопроизводство, несовершеннолетние, государственная политика.

Введение

Конституция Российской Федерации (ч. 1 ст. 38) закрепляет особый статус детства, гарантируя ему государственную защиту. Данное положение корреспондирует международным обязательствам России, включая Конвенцию ООН о правах ребенка 1989 года и Пекинские правила 1985 года. Вовлечение подростка в уголовно-процессуальные отношения неизбежно влечет за собой риск психологической травматизации.

Согласно статистическим данным, приводимым в научной литературе, несмотря на общую тенденцию к снижению уровня подростковой преступности (например, снижение на 7,4% в период с января по сентябрь 2020 года), ежегодно несовершеннолетними в России совершается свыше 40 тысяч преступлений [Долженко, Купряшина, 2022]. В связи с этим допрос, выступая наиболее востребованным следственным действием, требует особого подхода при его реализации в отношении лиц, не достигших совершеннолетия.

По мнению исследователей Н.И. Долженко и Е.А. Купряшиной, для несовершеннолетних в сравнении со взрослыми характерны узость кругозора, отсутствие достаточного жизненного опыта, повышенная внушаемость и эмоциональная лабильность. У них еще не сформировано критическое отношение к происходящему и умение правильно оценивать свои поступки [Долженко, Купряшина, 2022]. По этой причине результативность следственного действия напрямую коррелирует с умением следователя подобрать правильную тактику, учитывающую индивидуальные особенности ребенка.

Целью данной работы является комплексный анализ возрастных и психологических характеристик несовершеннолетних и выработка на их основе практических рекомендаций по оптимизации тактики допроса.

Возрастная периодизация и проблема готовности к допросу

В юридической и психологической науке дискуссионным остается вопрос о возрастном пороге, с которого проведение допроса считается обоснованным. Как отмечают Н.И. Долженко и Е.А. Купряшина, приводя мнения различных ученых, позиции здесь полярны: от абсолютного недоверия к показаниям детей (например, точка зрения В. Лобзина) до признания их наиболее правдивыми свидетелями в возрасте 7–9 лет. Отдельного внимания заслуживает подход Н.И. Порубова, допускающего допрос ребенка любого возраста при условии доступности и понятности предмета разговора [Долженко, Купряшина, 2022].

Мы придерживаемся схожей позиции: развитие когнитивных функций, обеспечивающих восприятие, запоминание и вербализацию событий, происходит сугубо индивидуально. Следовательно, следователю необходимо ориентироваться не столько на паспортный возраст, сколько на уровень интеллектуального развития и актуальное эмоциональное состояние.

В психологии традиционно выделяют несколько возрастных групп: младенчество (до 1 года), раннее детство (1-3 года), дошкольный возраст (3-7 лет), младший школьный возраст (7-11 лет), подростковый этап (11-14/15 лет) и старший школьный возраст (14/15-17/18 лет) [Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 1, 2011; Долженко, Купряшина, 2022]. Для криминалистики наибольший интерес представляют четыре последние категории.

– Дошкольники и младшие школьники. Для них характерен высокий уровень внушаемости и склонность к фантазированию, сочетающиеся с природной любознательностью и наблюдательностью. Как отмечается в методических рекомендациях для специалистов

Следственного комитета, дети этой группы способны зафиксировать внимание на ярких деталях (например, на характерных чертах лица, номерах автомобилей), но испытывают серьезные трудности с хронологией, определением точного времени и оперированием абстрактными понятиями. Концентрация их внимания непродолжительна, они ориентированы на «здесь и сейчас» [Кассационное определение Верховного Суда РФ № 45-УД26-16-А2, 2026; Долженко, Купряшина, 2022]. Из желания понравиться взрослому они могут пытаться угадать ответ, поэтому следователю следует избегать вопросов, требующих односложного ответа «да/нет».

– Подростки (11–15 лет). Это наиболее сложный период для коммуникации, характеризующийся протестными реакциями, импульсивностью и резкой сменой настроения. Подросткам свойственен юношеский максимализм, скептическое отношение к морально-нравственным нормам и демонстрация собственной независимости [Абрамова, Юрченкова, 2020; Долженко, Купряшина, 2022]. В то же время объем их словарного запаса позволяет давать достаточно подробные описания событий.

– Старшие подростки (15–17 лет). Их психика приближена к взрослой, однако сохраняется риск искаженных нравственных оценок. Именно в этом возрасте появляется «чувство взрослости», стремление казаться старше. Следствием этого может стать склонность к самооговору ради бравады или желания выгородить взрослых соучастников [Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 1, 2011].

Дополнительно следует учитывать гендерные аспекты, которые взаимосвязаны с другими психологическими особенностями. Как отмечают Н.И. Долженко и Е.А. Купряшина, ссылаясь на исследования И.Е. Реуцкой и О.И. Бродченко, юноши ориентированы на передачу точной, объективной информации «по существу», опираясь на реальные факты. Девушки же более субъективны, эмоциональны и склонны к косвенным формулировкам и красочному изложению [Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 1, 2011]. С учетом гендерных различий следователю стоит по-разному строить вопросную тактику: если мальчикам привычнее отвечать коротко и по существу, то девочкам нужно дать возможность высказаться подробнее, не ограничивая их жесткими формулировками.

Подготовка и тактические приемы проведения допроса

Результативность следственного действия во многом зависит от того, насколько тщательно следователь изучил личность подростка, его окружение и условия, в которых будет проходить встреча. Помещение, по рекомендациям специалистов, должно быть чистым, без предметов, способных отвлечь или испугать ребенка (манекенов, вещественных доказательств по другим делам). В кабинете стоит заранее предусмотреть питьевую воду и бумажные салфетки — ребенок может расплакаться [Кассационное определение Верховного Суда РФ № 45-УД26-16-А2, 2026].

Выбор времени также не случаен. Допрос лучше проводить как можно раньше после события, пока воспоминания свежи. Но если происшествие серьезно отразилось на психоэмоциональном состоянии несовершеннолетнего, спешить не стоит: иногда требуется пауза, чтобы психика восстановилась [Долженко, Купряшина, 2022].

Главная задача следователя — установить психологический контакт. Как показывают методические материалы, положение «глаза в глаза» или посадка спиной к двери нередко вызывают у ребенка напряжение. Поэтому лучше предложить ему сесть чуть боком и самому выбрать место [Кассационное определение Верховного Суда РФ № 45-УД26-16-А2, 2026].

Н.И. Долженко и Е.А. Купряшина называют несколько приемов, помогающих наладить контакт: начать с нейтральной беседы на тему, интересную обоим (учеба, хобби), чтобы возникло ощущение общности («группа МЫ»); «смягчить возрастное разделение», расположившись на уровне глаз ребенка; обратиться к положительным качествам личности, стимулируя тем самым желание говорить правду [Долженко, Купряшина, 2022].

Когда ребенок переходит к свободному рассказу, следователю важно не перебивать его и не подсказывать. Если он замолкает, можно задать уточняющий вопрос или повторить его последнюю фразу, показывая заинтересованность. При этом недопустимо вводить сведения из других источников и давать оценочные суждения [Долженко, Купряшина, 2022].

Конфликтная ситуация, связанная с ложными показаниями, требует изменения тактики. А.А. Авхадеева обращает внимание на то, что подросток может лгать из-за стыда, страха, чувства товарищества или враждебности к правоохранительным органам. В таких случаях работают предъявление доказательств (особенно при групповых преступлениях), детализация показаний и прием «выжидания», дающий подростку время переоценить ситуацию и снизить уровень агрессии [Авхадеева, 2023]. Н.И. Долженко и Е.А. Купряшина добавляют к этому «допущение легенды»: следователь соглашается с версией подростка, чтобы затем опровергнуть ее фактами. При этом авторы подчеркивают, что убеждение должно преобладать над эмоциональным давлением, иначе возрастает риск самооговора [Долженко, Купряшина, 2022].

Процессуальные гарантии и роль специалистов

УПК РФ (ст. 191, 425) устанавливает жесткие временные рамки и обязательное участие специалистов. А.А. Газарян отмечает, что при допросе лиц младше 16 лет (а также старше этого возраста при наличии психических расстройств) участие педагога или психолога строго обязательно. Продолжительность допроса ограничена: до 7 лет — 30 минут без перерыва (до 1 часа в день); 7–14 лет — 1 час (до 2 часов); старше 14 лет — 2 часа (до 4 часов) [7]. Соблюдение данных лимитов, по мнению Н.И. Долженко и Е.А. Купряшиной, выступает не только формальным требованием закона, но и необходимой мерой профилактики истощения психики [Долженко, Купряшина, 2022].

В научной среде нет единства по вопросу о присутствии педагога.

М.А. Шувалова указывает, что присутствие знакомых лиц может мешать открытости из-за стыда. Напротив, Т.В. Черемисина отмечает целесообразность их участия, подтвержденную многолетней практикой [Авхадеева, 2023]. На наш взгляд, психолог помогает следователю пояснять события и следит за состоянием ребенка, а педагог полезен для быстрого установления контакта. Однако на практике актуальной проблемой является проведение допросов «по горячим следам», когда обеспечить немедленное присутствие специалиста невозможно [Авхадеева, 2023].

Особую роль играет видеофиксация процесса (ч. 5 ст. 191 УПК РФ). Видеозапись дисциплинирует участников, позволяет суду оценить обстановку без повторного вызова несовершеннолетнего (что снижает риск вторичной травматизации) и служит эффективным инструментом проверки отсутствия психологического давления. Судебная практика подтверждает, что наличие видеозаписи позволяет суду проверить, не было ли давления и наводящих вопросов [Ваксэ, Сафуанов, 2011].

К сожалению, анализ судебной практики выявляет случаи признания протоколов

недопустимыми доказательствами. А.А. Авхадеева приводит пример, когда допрос несовершеннолетнего обвиняемого проводился без законного представителя и педагога, несмотря на наличие у него диагноза «пагубное употребление алкоголя». Суд признал нарушения существенными и вернул уголовное дело прокурору [Авхадеева, 2023]. Кроме того, в практике встречаются случаи, когда законные представители занимают обвинительную позицию, вредящую интересам ребенка. В таких ситуациях следователь обязан отстранить их (ч. 3 ст. 191 УПК РФ) и привлечь представителей органов опеки [Долженко, Купряшина, 2022].

Заключение

Таким образом, тактика допроса несовершеннолетних требует от следователя глубоких знаний возрастной психологии. Дифференциация приемов в зависимости от возраста и пола (игровые методы и наглядность для дошкольников, равноправный диалог для подростков, учет гендерных различий), создание комфортной среды, грамотное использование помощи психолога и обязательная видеофиксация позволяют получить полные и достоверные показания.

В качестве практических рекомендаций предлагается:

– разработать и внедрить в следственных органах специализированные помещения («детские комнаты») с возможностью видеонаблюдения;

– закрепить в ведомственных инструкциях обязательность предварительной консультации следователя с психологом перед допросом несовершеннолетних, находящихся в состоянии стресса;

– исключить формальный подход к участию педагогов, разъяснив им их право инициировать перерыв при признаках утомления ребенка.

Библиография

1. Абрамова Е.В., Юрченкова А.С. Психологические аспекты при проведении следователем допроса несовершеннолетнего // Меридиан. 2020. № 11 (41). С. 1–4.
2. Авхадеева А.А. Особенности тактики допроса несовершеннолетнего // Global & Regional Research. 2023. Т. 5, № 4. С. 110–113.
3. Ваксэ Е.В., Сафуанов Ф.С. Психологическое взаимодействие работников следственных органов с несовершеннолетними допрашиваемыми: структурный анализ // Прикладная юридическая психология. 2011. № 4. С. 23–29.
4. Газарян А.А. Учёт возрастных и психологических особенностей несовершеннолетних при выборе тактики допроса // Молодой учёный. 2026. № 41 (644). С. 314–316.
5. Долженко Н.И., Купряшина Е.А. Особенности допроса несовершеннолетних лиц в уголовном судопроизводстве // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 1 (48). С. 257–266.
6. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 10 июня 2026 г. № 45-УД26-16-А2 // Доступ из СПС «Гарант».
7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru
8. Лыткина Г.В. Процессуальные и психологические особенности допроса несовершеннолетних // Актуальные исследования. 2024. № 5 (187). С. 1–7.
9. Мареева К.П. Тактика допроса несовершеннолетнего подозреваемого // Дневник науки. 2025. № 1. С. 1–6.
10. Памятка для специалистов следственных управлений Следственных комитетов: Психологические аспекты проведения допроса несовершеннолетнего, являющегося жертвой или свидетелем преступления / А.А. Малинкина, Т.А. Михайлова, А.А. Москвина. Рязань: ОГБУДО «Центр семьи и детства», 2024. 12 с.
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания

несовершеннолетних» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 4.
12. Пудовикова Т.Ф. Тактика допроса несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства с учётом их возрастных особенностей // Российский судья. 2026. № 8. С. 38–41.
13. Реуцкая И.Е., Бродченко О.И. Психологические особенности допроса несовершеннолетних // Прикладная юридическая психология. 2008. № 3. С. 55–68.
14. Стручкова Л.В. Тактические особенности допроса несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) // Молодой учёный. 2019. № 37 (275). С. 61–63.
15. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 2026) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

Age and Psychological Characteristics of Minors in Choosing the Tactics of Their Interrogation in Criminal Proceedings

Anna A. Zelenkova

Master's Student,
State University of Education,
141014, 24, Very Voloshinoy str., Mytishchi, Russian Federation;
e-mail: zelenkova.ann@bk.ru

Abstract

The present work is devoted to the analysis of how the age and psychological characteristics of minors influence the choice of tactics for their interrogation in criminal proceedings. The relevance of the topic is due to the need to ensure the rights and legitimate interests of adolescents, as well as to improve the quality and effectiveness of investigative actions. On the basis of the analysis of scientific literature and materials of judicial practice, the cognitive and behavioral characteristics of children of preschool, primary school, and adolescent age are systematized. Gender aspects of giving testimony are considered. Particular attention is paid to the stages of preparing and conducting an interrogation, creating a comfortable environment and establishing psychological contact, as well as to tactical techniques for overcoming conflict situations (allowing a legend, waiting out). Problems of a formal approach to the participation of a teacher and a psychologist are identified. Proposals for improving interrogation tactics are substantiated, aimed at minimizing the repeated traumatization of minors and increasing the reliability of their testimony. The practical significance of the work lies in the fact that the formulated recommendations can be introduced into the activity of preliminary investigation bodies.

For citation

Zelenkova A.A. (2026) Vozrastnye i psikhologicheskie osobennosti nesovershennoletnikh pri vybore taktiki ikh doprosa v ugolovnom sudoproizvodstve [Age and Psychological Characteristics of Minors in Choosing the Tactics of Their Interrogation in Criminal Proceedings]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (9A), pp. 329-335. DOI: 10.34670/AR.2026.67.84.037

Keywords

Age periodization, interrogation of a minor, conflict situation, psychological contact, teacher, psychologist, interrogation tactics, criminal proceedings, minors, state policy.

References

1. Abramova, E. V., & Yurchenkova, A. S. (2020). Psikhologicheskie aspekty pri provedenii sledovatelem doprosa nesovershennoletnego [Psychological aspects in the conduct of an investigator's interrogation of a minor]. *Meridian*, (11(41)), 1–4.
2. Avkhadeeva, A. A. (2023). Osobennosti taktiki doprosa nesovershennoletnego [Peculiarities of tactics of interrogation of a minor]. *Global & Regional Research*, 5(4), 110–113.
3. Dolzhenko, N. I., & Kupryashina, E. A. (2022). Osobennosti doprosa nesovershennoletnikh lits v ugolovnom sudoproizvodstve [Peculiarities of interrogation of minors in criminal proceedings]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*, (1(48)), 257–266.
4. Gazaryan, A. A. (2026) Uchet vozrastnykh i psikhologicheskikh osobennostei nesovershennoletnikh pri vybore taktiki doprosa [Consideration of the age and psychological characteristics of minors when choosing interrogation tactics]. *Molodoi uchenyi*, (41(644)), 314–316.
5. Kassatsionnoe opredelenie Sudebnoi kollegii po ugolovnym delam Verkhovnogo Suda RF ot 10 iyunya 2026 g. No. 45-UD26-16-A2 [Cassation ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of June 10, 2026, No. 45-UD26-16-A2]. (2026) *SPS "Garant"*.
6. Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v khode obshcherossiiskogo golosovaniya 01.07.2020) [Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the nationwide vote on July 1, 2020)]. (2020). http://pravo.gov.ru
7. Lytkina, G. V. (2024). Protsessual'nye i psikhologicheskie osobennosti doprosa nesovershennoletnikh [Procedural and psychological features of interrogating minors]. *Aktual'nye issledovaniya*, (5(187)), 1–7.
8. Mareeva, K. P. (2025). Taktika doprosa nesovershennoletnego podozrevaemogo [Tactics of interrogating a juvenile suspect]. *Dnevnik nauki*, (1), 1–6.
9. Malinkina, A. A., Mikhailova, T. A., & Moskvina, A. A. (2024). *Pamyatka dlya spetsialistov sledstvennykh upravlenii Sledstvennykh komitetov: Psikhologicheskie aspekty provedeniya doprosa nesovershennoletnego, yavlyayushchegosya zhertvoi ili svidetelem prestupleniya* [A guide for specialists in investigative departments of investigative committees: Psychological aspects of conducting an interrogation of a minor who is a victim or witness of a crime]. OGBUDO "Tsentr sem'i i detstva".
10. Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 01.02.2011 No. 1 "O sudebnoi praktike primeneniya zakonodatel'stva, reglamentiruyushchego osobennosti ugolovnoi otvetstvennosti i nakazaniya nesovershennoletnikh" [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 of February 1, 2011, "On judicial practice in the application of legislation regulating the specifics of criminal liability and punishment of minors"]. (2011). *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*, (4).
11. Pudovikova, T. F. (2026) Taktika doprosa nesovershennoletnikh uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva s uchetom ikh vozrastnykh osobennostei [Tactics of interrogating minors involved in criminal proceedings, taking into account their age-related characteristics]. *Rossiiskii sud'ya*, (8), 38–41.
12. Reutskaya, I. E., & Brodchenko, O. I. (2008). Psikhologicheskie osobennosti doprosa nesovershennoletnikh [Psychological features of interrogating minors]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya*, (3), 55–68.
13. Struchkova, L. V. (2019). Takticheskie osobennosti doprosa nesovershennoletnikh podozrevaemykh (obvinyaemykh) [Tactical features of interrogating juvenile suspects (accused)]. *Molodoi uchenyi*, (37(275)), 61–63.
14. Ugolovno-protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 18.12.2001 No. 174-FZ (red. ot 2026) [Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ of December 18, 2001 (as amended in 2026)]. (2001). *Sobranie zakonodatel'stva RF*, (52, pt. I), Art. 4921.
15. Vakse, E. V., & Safuanov, F. S. (2011). Psikhologicheskoe vzaimodeistvie rabotnikov sledstvennykh organov s nesovershennoletnimi doprashivaemymi: strukturnyi analiz [Psychological interaction of employees of investigative bodies with underage interrogated persons: a structural analysis]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya*, (4), 23–29.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 343.7 **DOI: 10.34670/AR.2026.48.66.038**

Изменение пределов уголовно-правовой охраны отношений по обеспечению законных интересов кредиторов: анализ составов криминальных банкротств

Росляков Владислав Дмитриевич

Аспирант,
кафедра уголовного права,
Московский государственный юридический
университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА),
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9;
e-mail: roslyakov.vladislaus@yandex.ru

Аннотация

В настоящей статье представлен анализ преступлений, предусмотренных ст. 195–197 УК РФ, в аспекте необходимости коррекции пределов уголовно-правовой охраны отношений по обеспечению законных интересов кредиторов ввиду значительного изменения социально-экономической обстановки с момента принятия УК РФ 1996 г. В результате анализа автор пришёл к выводу, что сегодня существуют основания для исключения из пределов уголовно-правовой охраны отношений по обеспечению интересов кредиторов такого аспекта как представление заведомо ложного объявления должником о своей несостоятельности (банкротстве) (ст. 197 УК РФ). При этом, в иных аспектах отношения по обеспечению интересов кредиторов лишь законодательно находятся под уголовно-правовой охраной. Реальной уголовно-правовой охране указанных отношений препятствует несовершенство признаков составов преступлений, предусмотренных ст. 195 УК РФ. Именно законодательное изменение некоторых признаков данной группы составов преступлений (в частности, обстановки совершения) позволит конкретизировать пределы уголовно-правовой охраны отношений по обеспечению законных интересов кредиторов.

Для цитирования в научных исследованиях

Росляков В.Д. Изменение пределов уголовно-правовой охраны отношений по обеспечению законных интересов кредиторов: анализ составов криминальных банкротств // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 9А. С. 336-343. DOI: 10.34670/AR.2026.48.66.038

Ключевые слова

Пределы уголовно-правовой охраны, обеспечение интересов кредиторов, криминальные банкротства, фиктивное банкротство, обстановка совершения преступления, кредиторы, социально-экономическая обстановка.

Введение

Криминальные банкротства (ст. 195-197 УК РФ) являются достаточно популярным предметом обсуждения в последние годы. Однако, на практике указанные составы преступлений не находят широкого применения. Так, в 2023 году по ч. 1 ст. 195 УК РФ было осуждено 4 лица (иные части не применялись), по ч. 1 ст. 196 УК РФ осуждено 19 лиц и 2 лица по части 2 указанной статьи. Статья 197 УК РФ в 2023 году судами не применялась [Сводные статистические сведения…, 2023]. Несколько иные показатели в 2024 году. В частности, по различным частям ст. 195 УК РФ было осуждено 9 лиц (по части 1 – 7 лиц, по части 2 – 1 лицо и по части 3 – 1 лицо), по ч. 1 ст. 196 УК РФ – 28 лиц (иные части данной статьи не применялись), а по ст. 197 УК РФ – 1 лицо [Сводные статистические сведения…, 2024].

В свою очередь, в рамках процедуры несостоятельности (банкротства) в отношении 160 индивидуальных предпринимателей и 2903 физических лиц были использованы основания неприменения правил об освобождении данных лиц от исполнения обязательств [Сводные статистические сведения о деятельности федеральных арбитражных судов…, 2024]. К таким основаниям, прежде всего, относятся факты привлечения к административной и уголовной ответственности за злоупотребления при банкротстве (в том числе, к ответственности по ст. 195-197 УК РФ), непредставление сведений или предоставление недостоверных сведений финансовому управляющему и т.д. Также в 2023 году удовлетворено 3 457 заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности в рамках дел о несостоятельности (банкротстве) [Сводные статистические сведения о деятельности федеральных арбитражных судов…, 2024]. Значимость данных показателей применительно к вопросам привлечения к уголовной ответственности по ст. 195-197 УК РФ заключается в следующем:

– во-первых, большое количество зафиксированных нарушений и злоупотреблений в рамках дел о несостоятельности (банкротстве), которые по содержанию практически аналогичны способам недобросовестного дефолта, охватываемым ст. 195-197 УК РФ, свидетельствуют о высокой латентности криминальных банкротств;
– во-вторых, приведенные показатели могут свидетельствовать и об отсутствии необходимости применения уголовно-правового инструментария при обеспечении интересов кредиторов, поскольку с данной задачей справляются механизмы законодательства других отраслей права.

В связи с изложенным закономерно поставить вопрос о пределах уголовно-правовой охраны отношений по обеспечению интересов кредиторов. Действующее уголовное законодательство явно не соответствует социальным реалиям ввиду изменения степени общественной опасности анализируемых преступных посягательств, эффективности иных способов защиты прав кредиторов.

Основная часть

В доктрине уголовного права уже достаточно давно поднимается вопрос о том, что ряд банкротных преступлений нуждаются в декриминализации. В частности, И.А. Клепицкий считает, что «норма о фиктивном банкротстве мертвая и вредная, поскольку вносит правовую неопределенность в части толкования уголовного закона. Единичные случаи её применения – примеры неправильного применения уголовного закона…» [Клепицкий, 2021, с. 600].

Действительно, преступление, предусмотренное ст. 197 УК РФ, в рамках действующего законодательства совершить невозможно. Субъектом данного преступления могут выступать либо руководитель юридического лица, либо гражданин, а равно индивидуальный предприниматель. Но эти лица не могут публично объявить о своей несостоятельности (банкротстве), поскольку действующее законодательство о банкротстве в принципе не содержит какой-либо легальной формы публичного объявления должника о своей несостоятельности. Такое объявление в силу ст. 6 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» может сделать только суд. Такой логики трактовки закона придерживаются и в научной литературе [Уголовно-правовые риски экономической деятельности, 2025, с. 329]. В свою очередь, в судебной практике фиктивным банкротством охватывается сам факт обращения в арбитражный суд с заявлением о несостоятельности (банкротстве) с основаниями, не соответствующими действительности, по результатам рассмотрения которого финансовым управляющим опубликованы соответствующие сведения в публичных источниках [Кассационное определение Третьего кассационного суда…, 2023]. Однако, такая квалификация вызывает определенные вопросы. На примере указанного дела стоит отметить, что в данном случае имеются признаки состава преднамеренного банкротства, а не фиктивного. Так, как верно отметил А.Н. Ляскало, разграничение между указанными составами преступлений осуществляется по следующей логике: «В случае с преднамеренным банкротством виновными действиями создается реальная недостаточность имущества должника. Фиктивное банкротство предполагает создание видимости недостаточности имущества должника для удовлетворения требований кредиторов» [Ляскало, 2025]. Из приведенного судебного акта не следуют выводы о создании должником видимости недостаточности имущества, поскольку:

– арбитражный суд при рассмотрении заявления должника признал его обоснованным, то есть установил реальность имеющейся задолженности;
– последствием заявления лица стало признание должника-юридического лица банкротом;
– дело о несостоятельности (банкротстве) на момент рассмотрения уголовного дела в суде кассационной инстанции не прекращено, а должник-юридическое лицо находится в процедуре конкурсного производства.

Представляется, что если действия должника привели к реальным банкротным последствиям, то имеет место состав преднамеренного банкротства, а не состав фиктивного банкротства.

В связи с этим стоит отметить, что в настоящее время существуют основания для исключения из пределов уголовно-правовой охраны отношений по обеспечению интересов кредиторов такого аспекта, как: представление заведомо ложного объявления должником о своей несостоятельности (банкротстве). Указанные основания для исключения приведенного аспекта общественных отношений из пределов уголовно-правовой охраны подтверждаются и теоретическими положениями анализа развития российского уголовного законодательства в экономической сфере. Так, Г.А. Русанов полагает, что в числе произведенных за последние годы изменений уголовного законодательства стоит выделить группу изменений, которые продиктованы развитием экономической модели российского общества. Это именно те уголовно-правовые запреты, которые являются актуальными лишь на определенном этапе развития экономики, но впоследствии необходимость в них отпадает [Русанов, 2025, с. 53]. Уголовно-правовой запрет фиктивного банкротства относится к подобным изменениям,

поскольку в настоящее время развитие отечественной экономической системы и правовых механизмов находится на ином уровне, нежели при принятии УК РФ в 1996 году. Так, защита прав в рамках гражданского, арбитражного (в частности, банкротного) процессов вполне способна восстановить права лиц, потерпевших от актов ложного объявления о несостоятельности лица. Злоупотребление механизмом банкротства в подобном случае будет иметь серьезные имущественные и репутационные последствия, что способно оказать и соответствующий превентивный эффект. В связи с этим применение мер уголовно-правового характера для охраны указанного аспекта отношений по обеспечению интересов кредиторов в настоящее время не требуется, что и подтверждается ранее приведенной судебной статистикой. Декриминализация статьи 197 УК РФ также позволит исключить единичные ошибки при квалификации криминальных банкротств.

Применительно к составам преступлений, предусмотренным ст. 195 УК РФ и ст. 196 УК РФ, стоит отметить, что выводы об исключении тех или иных аспектов отношений по обеспечению интересов кредиторов из пределов уголовно-правовой охраны этих отношений сегодня, как минимум, преждевременны. На это указывает и зарубежный опыт уголовно-правового противодействия данным деяниям, в частности: опыт ФРГ. Так, в указанной юрисдикции показатель применения составов криминальных банкротств коррелируется с показателем количества дел о несостоятельности (банкротстве): практически в 10% случаев выявляются признаки составов преступлений, охраняющих отношения по обеспечению интересов кредиторов, ввиду чего соответствующие положения уголовного закона активно применяются [Росляков, 2024, с. 285–286]. Поэтому представляется, что в настоящий момент следует обратить внимание на необходимость конкретизации и определение уголовно-правовых признаков криминальных банкротств.

Размытость пределов уголовно-правовой охраны банкротных отношений во многом связана с неопределенностью признаков объективной и субъективной стороны составов преступлений, предусмотренных ст. 195 и ст. 196 УК РФ. В частности, П.С. Яни указал, что проблемы применения положений уголовного закона о криминальных банкротствах заключаются в установлении таких их признаков, как: обстановка совершения преступления (признаки банкротства), исчисление крупного ущерба и момент окончания преступных деяний, установление круга субъектов преступления и содержание вины [Яни, 2025, с. 212]. Определяя и конкретизируя указанные признаки, можно определить и пределы уголовно-правовой охраны отношений по обеспечению интересов кредиторов, поскольку именно такой подход позволит минимизировать трудности межотраслевой квалификации деяний (т.е. разграничения преступлений от правонарушений иной отраслевой природы).

В этом аспекте особое внимание стоит уделить анализу обстановки совершения преступления и последствий преступных деяний, предусмотренных в составах ст. 195 УК РФ в качестве обязательных признаков. Проблемы правоприменения во многом порождает обстановка совершения преступления. Безусловно, в настоящее время, как справедливо отмечает И.А. Клепицкий, закон сформулирован таким образом, что «злостному банкроту в России не нужно спешить с собиранием чемоданов и бегством от правосудия, он может удалиться чинно и неспешно, чему правоохранительные органы не могут воспрепятствовать», поскольку категория признаков банкротства определяется посредством указания на истечение трех месяцев с момента наступления срока исполнения обязательств. Соответственно, в период до истечения указанного времени действия банкрота по выводу активов не являются

преступными, так как признаки банкротства в подобном случае отсутствуют [Клепицкий, 2021, с. 589].

Современная доктрина уголовного права указывает, что главной и основной функцией данной отрасли является предупреждение преступлений, осуществляемое установлением реальной уголовной ответственности [Савенков, 2022, с. 68]. Норма ст. 195 УК РФ ввиду проблем в квалификации и определения обстановки совершения преступления данную функцию не выполняет. Действия по сокрытию имущества (и иные действия из диспозиции ст. 195 УК РФ) до формального истечения трех месяцев с момента наступления срока исполнения обязательств кредиторов не являются преступными. Однако, последствия наступают аналогичные, что и при совершении подобных действий по истечении указанного срока. Использование в статье термина признаки банкротства порождает проблемы не только эффективности применения уголовного законодательства и выполнения им своих функций, но и проблемы квалификации: суды не находят единого подхода к определению признаков банкротства. И обе указанные проблемы необходимо решить.

Проблема обстановки неправомерных действий при банкротстве должна быть решена достаточно радикально. Необходимо определить другой критерий, при котором обстановка совершения преступления будет охватывать реальные (не искусственные) ситуации совершения неправомерных действий при банкротстве.

В действующем правовом регулировании неплатежеспособность определяется в качестве прекращения исполнения должником части денежных обязательств или обязанностей по уплате обязательных платежей, вызванное недостаточностью денежных средств (ст. 2 Закона о несостоятельности). Соответственно, данное легальное определение неплатежеспособности не совсем обозначает ту ситуацию, которая приведена в качестве перспективной обстановки совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 195 УК РФ. Законодатель акцентировал внимание на двух моментах:

во-первых, на факте прекращения исполнения обязательств должником;

во-вторых, на недостаточности денежных средств для совершения данных действий.

На значимости именно двух указанных аспектов акцентировал внимание и Верховный Суд Российской Федерации. Так, в своем определении от 10.12.2020 по делу № 305-ЭС20-11412 Верховный Суд Российской Федерации указал, что неплатежеспособность не должна отождествляться с неоплатой конкретного долга кредитору. В данном случае Верховный Суд Российской Федерации фактически отождествляет понимание неплатежеспособности по смыслу Закона о несостоятельности с объективным банкротством, которое определяет в качестве критического момента, в который должник из-за снижения стоимости чистых активов стал неспособен в полном объеме удовлетворить требования кредиторов, в том числе по уплате обязательных платежей [Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ…, 2020]. Указанная трактовка хотя и не совсем совпадает с определением объективного банкротства, которое даётся в пункте 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» (указывает трехлетний период, предшествующий банкротству), но приводит практически аналогичный содержательный признак – превышение совокупного размера обязательств на реальной стоимостью активов должника. Именно данный признак должен стать значимым для целей совершенствования нормы ч. 1 ст. 195 УК РФ.

Следовательно, обстановку совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 195 УК РФ

необходимо определить в качестве объективного банкротства, под которым необходимо понимать состояние должника, при котором совокупный размер его обязательств превышает реальную стоимость его активов. То есть понимание объективного банкротства необходимо дать для целей применения уголовного законодательства. При этом, состав активов и обязательств необходимо определять, руководствуясь положениями приказа Минфина России от 02.07.2010 № 66н «О формах бухгалтерской отчетности организаций» [Приказ Минфина России…, 2010]. Так, необходимо учитывать стоимость всего актива организаций, а также краткосрочных и долгосрочных обязательств.

Заключение

Таким образом, пределы уголовно-правового регулирования и охраны отношений по обеспечению интересов кредиторов должны быть скорректированы законодателем. Сегодня составы криминальных банкротств не только не соответствуют необходимому с социально-экономической точки зрения уровню уголовно-правового воздействия, но и создают неразрешимые правоприменителем проблемы квалификации. Предложенные в настоящей статье способы изменения пределов позволят частично разрешить указанную проблематику.

Библиография

1. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 28.02.2023 № 77-479/2023 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
2. Клепицкий И.А. Новое экономическое уголовное право: монография. Москва: Проспект, 2021. 984 с.
3. Ляскало А.Н. Разграничение преступлений в банкротстве // Уголовное право. 2025. № 9. URL: https://newtech.legal/cabinet/catalog/ugolovnoe-pravo/7831/9620/.
4. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 10.12.2020 по делу № 305-ЭС20-11412, № А40-170315/2015 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
5. Приказ Минфина России от 02.07.2010 № 66н (ред. от 19.04.2019) «О формах бухгалтерской отчетности организаций» (Зарегистрировано в Минюсте России 02.08.2010 № 18023) (с изм. и доп., вступ. в силу с отчетности за 2020 год) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
6. Росляков В.Д. Особенности регламентации уголовной ответственности за криминальные банкротства в ФРГ // Юридическая наука. 2024. № 8. С. 284–288.
7. Русанов Г.А. Экономическое уголовное право: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2025. 352 с.
8. Савенков А.Н. Уголовное право Российской Федерации. Том 1. Введение в уголовное право. Проблемный курс для магистрантов и аспирантов: учебное пособие / под ред. А.И. Чучаева. Москва: Проспект, 2022. 724 с.
9. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных арбитражных судов за 2024 год: «Отчет о работе арбитражных судов субъектов Российской Федерации по рассмотрению дел о банкротстве» // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8945.
10. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2023 год: № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам» // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8823.
11. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2024 год: № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам» // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8946.
12. Уголовно-правовые риски экономической деятельности: учебник / под ред. А.А. Бимбинова, В.Н. Воронина. Москва: Проспект, 2025. 448 с.
13. Яни П.С. Курс избранных лекций: в 3 т. Т. III: Проблемы квалификации экономических преступлений. Проблемы применения норм Общей части уголовного закона. Москва: Проспект, 2025. 560 с.

Changing the Limits of Criminal-Legal Protection of Relations for Ensuring the Legitimate Interests of Creditors: An Analysis of the Elements of Criminal Bankruptcies

Vladislav D. Roslyakov

Postgraduate Student,
Department of Criminal Law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
125993, 9, Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: roslyakov.vladislaus@yandex.ru

Abstract

This article presents an analysis of the crimes provided for by Articles 195–197 of the Criminal Code of the Russian Federation, in terms of the need to correct the limits of criminal-legal protection of relations for ensuring the legitimate interests of creditors, in view of the significant change in the socio-economic situation since the adoption of the Criminal Code of the Russian Federation in 1996. As a result of the analysis, the author has come to the conclusion that today there are grounds for excluding from the limits of criminal-legal protection of relations for ensuring the interests of creditors such an aspect as the submission by a debtor of a knowingly false announcement of his insolvency (bankruptcy) (Article 197 of the Criminal Code of the Russian Federation). At the same time, in other aspects, relations for ensuring the interests of creditors are only legislatively under criminal-legal protection. Real criminal-legal protection of these relations is hindered by the imperfection of the elements of the crimes provided for by Article 195 of the Criminal Code of the Russian Federation. It is precisely the legislative change of certain features of this group of elements of crimes (in particular, the setting of the commission) that will make it possible to concretize the limits of criminal-legal protection of relations for ensuring the legitimate interests of creditors.

For citation

Roslyakov V.D. (2026) Izmenenie predelov ugolovno-pravovoy okhrany otnosheniy po obespecheniyu zakonnykh interesov kreditorov: analiz sostavov kriminal'nykh bankrotstv [Changing the Limits of Criminal-Legal Protection of Relations for Ensuring the Legitimate Interests of Creditors: An Analysis of the Elements of Criminal Bankruptcies]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (9A), pp. 336-343. DOI: 10.34670/AR.2026.48.66.038

Keywords

Limits of criminal-legal protection, ensuring the interests of creditors, criminal bankruptcies, fictitious bankruptcy, setting of the commission of a crime, creditors, socio-economic situation.

References

1. Cassation ruling of the Third Cassation Court of General Jurisdiction dated February 28, 2023, No. 77-479/2023. (2023). *ConsultantPlus Legal Reference System.*
2. Klepitsky, I. A. (2021). *Novoe ekonomicheskoe ugolovnoe pravo* [New economic criminal law]. Prospekt.
3. Lyaskalo, A. N. (2025). Razgranichenie prestupleniy v bankrotstve [Delineation of crimes in bankruptcy]. *Ugolovnoe*

pravo [Criminal Law], (9). https://newtech.legal/cabinet/catalog/ugolovnoe-pravo/7831/9620/
4. Order of the Ministry of Finance of Russia dated July 2, 2010, No. 66n (as amended on April 19, 2019) "On the Forms of Accounting Reporting by Organizations" (Registered with the Ministry of Justice of Russia on August 2, 2010, No. 18023). (2010). *ConsultantPlus Legal Reference System*.
5. Roslyakov, V. D. (2024). Osobennosti reglamentatsii ugolovnoy otvetstvennosti za kriminalnye bankrotstva v FRG [Features of the regulation of criminal liability for criminal bankruptcies in the Federal Republic of Germany]. *Yuridicheskaya nauka* [Legal Science], (8), 284–288.
6. Rusanov, G. A. (2025). *Ekonomicheskoe ugolovnoe pravo* [Economic criminal law] (2nd ed.). Yurayt.
7. Ruling of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 10, 2020, in case No. 305-ES20-11412, No. A40-170315/2015. (2020). *ConsultantPlus Legal Reference System*.
8. Savenkov, A. N. (2022). *Ugolovnoe pravo Rossiyskoy Federatsii. Tom 1. Vvedenie v ugolovnoe pravo. Problemnyy kurs dlya magistrantov i aspirantov* [Criminal law of the Russian Federation. Volume 1. Introduction to criminal law. Problem course for master's and postgraduate students] (A. I. Chuchaev, Ed.). Prospekt.
9. Summary statistical data on the activities of federal arbitration courts for 2024: "Report on the work of arbitration courts of the constituent entities of the Russian Federation in considering bankruptcy cases." (2024). Official website of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8945
10. Summary statistical data on the state of criminal records in Russia for 2023: No. 10-a "Report on the number of persons convicted under all categories of crimes under the Criminal Code of the Russian Federation and other persons against whom court decisions in criminal cases have been issued." (2023). Official website of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8823
11. Summary statistical data on the state of criminal records in Russia for 2024: No. 10-a "Report on the number of persons convicted under all articles of the Criminal Code of the Russian Federation and other persons against whom judicial acts in criminal cases have been issued." (2024). Official website of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8946
12. *Ugolovno-pravovye riski ekonomicheskoy deyatelnosti* [Criminal and legal risks of economic activity] (A. A. Bimbinov & V. N. Voronin, Eds.). (2025). Prospekt.
13. Yani, P. S. (2025). *Kurs izbrannykh lektsiy: v 3 t. T. III: Problemy kvalifikatsii ekonomicheskikh prestupleniy. Problemy primeneniya norm Obshchey chasti ugolovnogo zakona* [Course of selected lectures: In 3 vols. Vol. III: Problems of qualification of economic crimes. Problems of applying the norms of the General part of the criminal law]. Prospekt.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 343.2 **DOI: 10.34670/AR.2026.61.71.039**

Проблемы реализации принципа законности при установлении оснований уголовной ответственности в российском уголовном праве

Качан Антон Валентинович

Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя,
117437, Российская Федерация, Москва, ул. Академика Волгина, 12;
e-mail: Vaci-11@mail.ru

Аннотация

Часть 1 ст. 3 УК РФ требует, чтобы преступность деяния определялась только Кодексом, однако признаки многих составов преступлений наполняются содержанием за пределами его текста. В работе измерено, насколько распространены такие способы описания основания уголовной ответственности в действующей Особенной части УК РФ, и проверено, чаще ли они встречаются в статьях, включённых после 1996 г. Материалом послужили 406 статей УК РФ, образующих действующую Особенную часть в редакции от 04.08.2026. В каждой статье по записанным словарям кодировались бланкетная отсылка, административная преюдиция и оценочный признак последствий, не раскрытый в примечаниях; кодирование сверено вручную на 30 случайно отобранных статьях УК РФ. Группы статей сравнивались по отношению рисков, точному критерию Фишера и стратификации по главам; нормы проанализированы формально-юридическим методом. Хотя бы один из трёх признаков содержат 195 статей (48,0 %). По статье в целом новые и исходные статьи не различаются (49,7 % и 46,9 %, отношение рисков 1,06), но административная преюдиция в новых статьях встречается в 7,1 раза чаще, а нераскрытые оценочные признаки – в 2,5 раза реже. Для основного состава доля у новых статей выше (42,2 % против 31,8 %). Законодатель заменяет оценочные понятия формальными маркерами, но содержание признака по-прежнему определяется вне Кодекса: срок административной наказанности установлен ст. 4.6 КоАП РФ, и её изменения расширяют или сужают круг уголовно наказуемых деяний без поправок к УК РФ. Предложено закрепить определение этого признака в Кодексе.

Для цитирования в научных исследованиях

Качан А.В. Проблемы реализации принципа законности при установлении оснований уголовной ответственности в российском уголовном праве // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 9А. С. 344-353. DOI: 10.34670/AR.2026.61.71.039

Ключевые слова

Принцип законности, основание уголовной ответственности, состав преступления, бланкетная диспозиция, административная преюдиция, оценочные признаки, правовая определённость, Особенная часть УК РФ, методология исследования.

Введение

Принцип законности закреплён в ч. 1 ст. 3 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (далее – УК РФ): преступность деяния, его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только этим Кодексом, а ч. 2 той же статьи запрещает применение уголовного закона по аналогии. С принципом законности непосредственно связана ст. 8 УК РФ, по которой основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного Кодексом. Часть 1 ст. 1 УК РФ дополняет это требование правилом о включении в Кодекс новых законов, предусматривающих уголовную ответственность. Конституционной опорой этих положений служат ч. 2 ст. 54 и ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, а их содержательной стороной – требование ясной и предсказуемой формулировки уголовно-правового запрета [Рублев, 2026; Клейменов, Клейменов, 2026].

Формальное требование «только настоящим Кодексом» выполнено, если признак состава назван в статье Особенной части. Содержание признака при этом может определяться иначе: отсылкой к правилам и требованиям, установленным актами других отраслей (бланкетная диспозиция), указанием на лицо, подвергнутое административному наказанию (административная преюдиция), либо оценочным понятием последствий, которое закон не раскрывает и которое конкретизирует суд. Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 27.05.2008 № 8-П связал законность уголовной ответственности с тем, что уголовный закон ясно и чётко определяет признаки преступления и отграничивает его от иных противоправных и законных деяний. В постановлении от 31.03.2011 № 3-П тот же суд указал, что термин «незаконные» в ч. 3 ст. 138 УК РФ означает наполнение нормы содержанием других федеральных законов и иных нормативных правовых актов, в системном единстве с которыми она применяется, и с учётом бланкетного характера нормы не признал её неопределённой.

Каждый из трёх приёмов обсуждается в доктрине отдельно. Корректировка судебной практики при сохранении неопределённой нормы оценивается как недостаточный способ устранения неопределённости [Магомадова, 2020]. Для бланкетных диспозиций отмечаются межотраслевая несогласованность принципов уголовного права [Сыч, 2025] и зависимость уголовной ответственности в сфере экономики от подзаконных актов и ведомственных инструкций [Савченко, 2025]. Нормы с административной преюдицией одни авторы связывают с избыточной криминализацией [Комягин, 2025] и считают доктринально несостоятельными [Дворянсков, 2023], другие поддерживают увеличение числа таких составов [Безручко, Миллеров, Подопригора, 2023]. Оценочные понятия признаются неизбежными при условии единого стандарта их закрепления и толкования [Халезова, 2024], а законодательно не раскрытые оценочные признаки состава выделяются в особую группу конститутивных понятий [Касимов, 2021]. Проблемы реализации отдельных принципов уголовного права исследуются и за пределами установления оснований ответственности, в частности применительно к принципу гуманизма в деятельности учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания [Шахбанова, 2026]. Предметом названных работ служат отдельные составы, главы или отдельные принципы; сколько статей всей Особенной части определяют признаки состава каждым из трёх приёмов и различаются ли по этому показателю статьи разных поколений, в них не измерено.

Вопрос настоящей работы поставлен количественно: какая доля действующих статей Особенной части УК РФ определяет хотя бы один признак основания уголовной

ответственности через бланкетную отсылку, административную преюдицию или нераскрытый оценочный признак последствий и отличается ли эта доля у статей, включённых в Кодекс после его принятия, от статей исходной нумерации. Проверяемая гипотеза состояла в том, что у включённых позднее статей такая доля выше. Задача исследования – измерить распространённость трёх приёмов по всему корпусу действующих норм, проверить гипотезу и на основе полученного распределения проанализировать конкретные нормы, в которых содержание основания уголовной ответственности устанавливается за пределами текста Кодекса.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования служит текст всех статей Особенной части УК РФ в редакции от 04.08.2026, полученный из открытой версии справочной правовой системы «КонсультантПлюс» 30.10.2026 по одной странице на статью; адрес каждой страницы сохранён в реестре. Из 419 статей с номерами от 105 до 361 исключены 12 статей, утративших силу, и ст. 331, которая определяет понятие преступлений против военной службы и самостоятельного состава не содержит. Анализу подвергнуты 406 статей 19 глав (главы 16–34). Единица анализа – статья Особенной части; дополнительно отдельно кодировался основной состав, то есть текст статьи до её части 2. Текст каждой статьи разделён на диспозиции, санкции, примечания и редакционные пометки об изменяющих федеральных законах; служебные вставки справочной системы удалены. Признаки кодировались по диспозициям, а примечания использовались для установления легальных определений.

Для каждой статьи фиксировались три признака. Бланкетная отсылка – указание в диспозиции на нарушение правил, требований или установленного порядка, на законодательство Российской Федерации, на соответствие или противоречие закону, на нормативный правовой акт, на отсутствие лицензии или разрешения, на внешний перечень (Красная книга Российской Федерации, международный договор). Нарушение общественного порядка и неисполнение индивидуального судебного акта отсылкой не считались. Административная преюдиция – указание на лицо, подвергнутое административному наказанию или привлечённое к административной ответственности, а также неоднократность, которую примечание к статье раскрывает через административное наказание. Нераскрытый оценочный признак последствий – употребление в диспозиции понятий «существенный вред» (включая существенное нарушение прав), «тяжкие последствия», «крупный ущерб», «особо крупный ущерб» или «значительный ущерб», если определения нет ни в примечании к той же статье, ни в примечании, распространённом на статьи главы (с учётом перечисленных в нём исключений), ни в примечании к другой статье, прямо называющем данную статью. Статья относилась к группе с внекодексным определением признаков, если в ней обнаружен хотя бы один из трёх признаков. Включённой после принятия Кодекса считалась статья, номер которой содержит индекс (например, 158.1), либо статья с пометкой о её введении федеральным законом; в эту группу вошла 161 статья, включая ст. 361. Исходную нумерацию имеют 245 статей, многие из которых изменены. Из редакционных пометок извлекались реквизиты изменяющих федеральных законов и год введения статьи.

Кодирование выполнено программой на языке Python по записанным словарям; для каждой статьи реестр содержит найденные фрагменты, номер главы, адрес источника и локатор файла. Автоматическое кодирование сверено с ручным на 30 статьях УК РФ, отобранных генератором

случайных чисел с фиксированным начальным значением. Первоначально ручное и автоматическое кодирование совпали по административной преюдиции и оценочным признакам во всех 30 статьях УК РФ, по бланкетной отсылке – в 28; оба расхождения вызваны тем, что словарь не распознал отсылку в ч. 2 ст. 150 УК РФ (лицо, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего) и в ст. 260.1 УК РФ (виды, занесённые в Красную книгу Российской Федерации). После этого словарь бланкетности дополнен названными и сходными формулировками, а повторная проверка всех 34 случаев административной преюдиции и выборок по двум другим признакам устранила ложные срабатывания. Доли признаков в двух группах статей сравнивались по разности долей с 95 % доверительным интервалом, отношению рисков с 95 % доверительным интервалом и точному критерию Фишера. Чтобы отделить различие групп от различий в составе глав, рассчитано отношение рисков Мантеля–Хензеля со стратификацией по главам и доверительным интервалом Гринленда–Робинса. Устойчивость вывода проверена расширенным словарём бланкетности, который дополнительно учитывает слова «незаконный», «неправомерный», «запрещённый» и «нелегальный», исключением главы 22, где сосредоточены 33 из 161 включённой позднее статьи, и кодированием только основного состава.

Нормативный анализ выполнен как формально-юридический анализ с систематическим толкованием норм: ст. 1, 3, 8 и 10 УК РФ сопоставлены с нормами Особенной части, в которых обнаружены изучаемые признаки, со ст. 4.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (далее – КоАП РФ) в редакции от 04.08.2026, с п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.12.2008 № 25 по тексту, опубликованному на официальном сайте суда, и с правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации, выраженными в постановлениях от 27.05.2008 № 8-П и от 31.03.2011 № 3-П.

Результаты и обсуждение

Хотя бы один из трёх признаков внекодексного определения обнаружен в 195 из 406 действующих статей Особенной части УК РФ, что составляет 48,0 %. Бланкетная отсылка содержится в 118 статьях (29,1 %), нераскрытый оценочный признак последствий – в 91 (22,4 %), административная преюдиция – в 34 (8,4 %). Признаки пересекаются: бланкетная отсылка сочетается с административной преюдицией в 18 статьях и с нераскрытым оценочным признаком – в 29 статьях, поэтому сумма трёх долей превышает общую долю. При расширенном словаре, учитывающем указания на незаконность, неправомерность и запрещённость деяния, бланкетными оказываются 196 статей (48,3 %), а доля статей хотя бы с одним признаком возрастает до 62,1 % (252 статьи). В основном составе, без квалифицированных частей, хотя бы один признак содержат 146 статей (36,0 %). Требование ч. 1 ст. 3 УК РФ в этих статьях выполняется в части называния признака: признак присутствует в тексте Кодекса, а его содержание определяется правилами другой отрасли, вступившим в силу решением по делу об административном правонарушении или судом при оценке обстоятельств дела. Постановление № 3-П допускает такой способ при применении нормы в системном единстве с регулятивным законодательством, а постановление № 8-П требует, чтобы каждый мог предвидеть уголовно-правовые последствия своего поведения исходя из текста нормы, при необходимости с помощью судебного толкования. Полученная доля показывает, что условие системного единства относится не к отдельным исключительным составам, а почти к половине норм, на

которых основывается уголовная ответственность [Магомадова, 2020; Сыч, 2025].

Гипотеза о более высокой доле внекодексного определения в статьях, включённых после принятия Кодекса, по статье в целом не подтвердилась. Хотя бы один признак найден в 80 из 161 новой статьи (49,7 %) и в 115 из 245 статей УК РФ исходной нумерации (46,9 %); разность составляет 2,8 п. п. при 95 % доверительном интервале от –7,2 до 12,7 п. п., отношение рисков равно 1,06 (0,86–1,30), точный критерий Фишера даёт p = 0,61. Отношение рисков Мантеля–Хензеля по 18 главам, в которых представлены обе группы, равно 1,00 (0,81–1,24). Без главы 22 доли составляют 49,2 % и 47,9 % (p = 0,82), при расширенном словаре – 65,2 % и 60,0 % (отношение рисков 1,09; p = 0,30). Иной результат получен для основного состава: признаки внекодексного определения содержат 68 из 161 новой статьи (42,2 %) и 78 из 245 исходных (31,8 %), отношение рисков 1,33 (1,03–1,72), p = 0,035. После стратификации по главам отношение рисков Мантеля–Хензеля для основного состава равно 1,29 (0,98–1,69), то есть часть различия связана с тем, в каких главах сосредоточены новые статьи. Различие между вариантами объясняется квалифицированными частями: в статьях исходной нумерации их больше, и нераскрытые оценочные признаки («тяжкие последствия») сосредоточены именно в них.

Состав приёмов у двух групп статей различается. Административная преюдиция содержится в 28 новых статьях (17,4 %) и в шести статьях исходной нумерации (2,4 %): разность составляет 14,9 п. п. (8,8–21,1), отношение рисков – 7,10 (3,01–16,77), p < 0,001, отношение рисков Мантеля–Хензеля – 6,52 (2,54–16,75). Нераскрытый оценочный признак последствий распределён противоположно: 19 статей УК РФ из числа новых (11,8 %) против 72 статей УК РФ исходной нумерации (29,4 %), разность –17,6 п. п. (от –25,2 до –10,0), отношение рисков 0,40 (0,25–0,64), p < 0,001, отношение рисков Мантеля–Хензеля 0,38 (0,23–0,61). Для бланкетной отсылки различие не достигает принятого уровня: 34,2 % и 25,7 %, отношение рисков 1,33 (0,98–1,80), p = 0,074. Среди статей с каким-либо оценочным признаком последствий все такие признаки раскрыты в примечаниях у 16 из 35 новых статей (45,7 %) и у 20 из 92 статей исходной нумерации (21,7 %). Распределение описывает различие законодательной техники в действующем тексте: в новых статьях нераскрытое понятие последствий встречается реже, а формальные маркеры – стоимостной порог в примечании и факт административного наказания – чаще. Все 22 новые статьи с административной преюдицией, для которых сохранилась пометка о введении, включены в Кодекс в 2011 г. и позднее; в шесть статей исходной нумерации (ст. 157, 191, 193, 255, 282 и 315 УК РФ) этот признак внесён изменяющими законами.

Замена оценочного понятия административной преюдицией не возвращает содержание признака в Кодекс. В диспозициях ст. 151.1, 157 и 215.4 УК РФ и в примечании к ст. 171.4 УК РФ признак сформулирован как совершение деяния лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию. Продолжительность этого периода УК РФ не устанавливает: по ч. 1 ст. 4.6 КоАП РФ он длится со дня вступления в законную силу постановления о назначении наказания до истечения одного года со дня окончания его исполнения. Федеральный закон от 08.08.2024 № 285-ФЗ дополнил ст. 4.6 КоАП РФ частью 3, согласно которой лицо, указанное в ч. 4 ст. 32.6.1 КоАП РФ, считается не подвергнутым административному наказанию. Изменение административного закона сузило круг лиц, способных совершить преступление с административной преюдицией, без изменения текста УК РФ, и это частный случай той зависимости уголовно-правового запрета от поправок к административному закону, которая отмечена в доктрине [Павлова, Бикмуллина, 2026]. Признак основания уголовной ответственности формально предусмотрен Кодексом, но его временные и субъектные границы

установлены другим кодексом и изменяются вместе с ним. Статья 10 УК РФ регулирует обратную силу уголовного закона, поэтому действие во времени такого изменения административной нормы выводится только толкованием. Кроме того, признак существует лишь при наличии вступившего в силу постановления, вынесенного в административном производстве, так что в 34 статьях основание уголовной ответственности включает результат другого вида юрисдикционного процесса [Дворянсков, 2023].

Бланкетная отсылка распределена по главам неравномерно. В главе 22 о преступлениях в сфере экономической деятельности она содержится в 25 из 61 статьи, в главе 26 об экологических преступлениях – в 13 из 19 статей. В этих главах регулятивные отношения установлены нормами иных отраслей, и уголовный закон их не воспроизводит; в диспозициях экономических составов бланкетные элементы сочетаются с описательными и оценочными [Савченко, 2025; Трунцевский, 2021]. Основание ответственности, конкретизируемое подзаконным актом, содержит ст. 264 УК РФ: деяние описано как нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, а сами правила утверждены постановлением Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 23.10.1993 № 1090. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 3 постановления от 09.12.2008 № 25 обязал суды указывать в приговоре, нарушение каких конкретно пунктов этих правил повлекло последствия, указанные в ст. 264 УК РФ, и в чём выразилось нарушение. Тем самым требование определённости переносится с текста статьи на мотивировку приговора: признак состава в каждом деле устанавливается по пункту подзаконного акта, изменяемого Правительством Российской Федерации без участия законодателя [Рублев, 2026]. Сходным образом правовые позиции высших судов служат ориентиром квалификации по бланкетным нормам главы 22 [Голоскоков, 2025].

Нераскрытые оценочные признаки чаще всего выражены понятиями «тяжкие последствия» (в 66 из 91 статьи признак держится только на этом понятии) и «существенный вред», для которых ни примечания к статьям, ни Общая часть УК РФ определений не содержат. В ст. 202 УК РФ основание ответственности частного нотариуса или аудитора включает причинение существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства; в ч. 3 ст. 287 УК РФ квалифицирующим признаком служат тяжкие последствия. Содержание таких признаков устанавливается судом по обстоятельствам дела. В отличие от бланкетной отсылки и административной преюдиции, здесь признак не отсылает к иному акту, а остаётся нераскрытым в тексте УК РФ, и граница между преступлением и непреступным деянием определяется судебным толкованием, которое постановление № 8-П допускает как средство уточнения нормы [Халезова, 2024; Касимов, 2021]. В новых статьях законодатель чаще использует стоимостные пороги в примечаниях, тогда как в статьях исходной нумерации нераскрытые оценочные понятия сохраняются почти в каждой третьей статье.

Нестабильность корпуса выражена в редакционных пометках: из 245 статей УК РФ исходной нумерации 239 (97,6 %) имеют хотя бы одну пометку об изменяющем федеральном законе, а в пометках статей Особенной части названы 269 различных изменяющих законов. Медиана числа изменяющих законов на статью равна 3 у статей исходной нумерации и 2 у новых статей и совпадает (2) у статей с признаками внекодексного определения и без них. Частота изменений в изученном корпусе не различается по выбору приёма определения признаков и характеризует весь массив норм. По этой же причине номер статьи указывает на время появления статьи, а не нормы: все шесть случаев административной преюдиции среди

статей исходной нумерации внесены поправками.

Из анализа следует конкретный дефект регулирования. Признак «лицо, подвергнутое административному наказанию» используется в 34 статьях Особенной части, а период, в течение которого лицо считается подвергнутым наказанию, определяется только ст. 4.6 КоАП РФ, изменения которой непосредственно меняют объём уголовно-правового запрета. De lege ferenda целесообразно дополнить УК РФ общим определением этого признака для целей Кодекса с указанием срока, исчисляемого от вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания, и с указанием на то, что последующие изменения административного закона, сокращающие этот срок или исключающие лицо из числа подвергнутых наказанию, применяются по правилам ст. 10 УК РФ. Такое дополнение согласуется с предложением о самостоятельной главе общих определений в УК РФ [Землюков, 2024]. Оно сохранит отсылку к административному производству как способу установления факта наказания, но вернёт временную границу основания уголовной ответственности в текст Кодекса, как того требует ч. 1 ст. 3 УК РФ.

Заключение

В действующей редакции Особенной части УК РФ 195 из 406 статей (48,0 %) определяют хотя бы один признак основания уголовной ответственности через бланкетную отсылку, административную преюдицию или нераскрытый оценочный признак последствий. Статьи, включённые в Кодекс после 1996 г., не отличаются от статей исходной нумерации по общей доле таких признаков в статье в целом, но в основном составе содержат их чаще; кроме того, административная преюдиция в них встречается в семь раз чаще, а нераскрытые оценочные понятия последствий – в 2,5 раза реже. Принцип законности при установлении оснований уголовной ответственности реализуется через называние признака в Кодексе при определении его содержания правилами других отраслей, административными постановлениями и судебным толкованием. Для административной преюдиции этот разрыв выражен в том, что период административной наказанности, от которого зависит наличие состава преступления, устанавливается и изменяется ст. 4.6 КоАП РФ; включение общего определения этого признака в УК РФ устранит зависимость объёма уголовно-правового запрета от изменений административного закона.

Библиография

1. Безручко Е.В., Миллеров Е.В., Подопригора А.А. Проблемы и перспективы административной преюдиции в российском уголовном законе // Правовой порядок и правовые ценности. 2023. Т. 1. № 4. С. 58–64. DOI: 10.23947/2949-1843-2023-1-4-58-64
2. Голоскоков Л.В. Правовые позиции высших судов по проблемам бланкетных уголовно-правовых норм главы 22 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2025. № 3 (45). С. 36–45. DOI: 10.54217/2588-0136.2025.45.3.004
3. Дворянсков И.В. Административная преюдиция в уголовном праве // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17. № 2 (62). С. 153–162. DOI: 10.46741/26869764.2023.62.2.005
4. Землюков С. Проект главы «Общие определения. Толкование терминов» в Уголовном кодексе Российской Федерации // Юрислингвистика. 2024. № 32 (43). С. 21–24. DOI: 10.14258/leglin(2024)3204
5. Касимов Д.Р. Конститутивные оценочные понятия в уголовном праве: понятие, виды, функции, сущностные особенности // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2021. Т. 31. № 3. С. 450–458. DOI: 10.35634/2412-9593-2021-31-3-450-458
6. Клейменов М.П., Клейменов И.М. Определенность уголовного закона и правоприменение // Правоприменение. 2026. Т. 10. № 2. С. 106–116. DOI: 10.52468/2542-1514.2026.10(2).106-116

7. Комягин Р.А. Преступления с административной преюдицией в аспекте реализации методов современной уголовной политики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15. № 6. С. 148–159. DOI: 10.21869/2223-1501-2025-15-6-148-159
8. Магомадова З.А. Роль Конституционного Суда Российской Федерации в достижении определенности уголовно-правового запрета // Российское правосудие. 2020. № 6. С. 93–100. DOI: 10.37399/issn2072-909x.2020.6.93-100
9. Павлова А.А., Бикмуллина М.В. Административная преюдиция в уголовном праве России: механизмы криминализации и декриминализации // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Серия «Общественные науки». 2026. № 1. С. 11–16. DOI: 10.25587/2587-5612-2026-1-11-16
10. Рублев А.Г. Принцип правовой определенности при формулировании и толковании уголовно-правового запрета при нарушении правил дорожного движения // Lex russica. 2026. Т. 79. № 4. С. 70–80. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.233.4.070-080
11. Савченко М.М. Бланкетные уголовно-правовые нормы и межотраслевые коллизии в сфере экономики // Безопасность бизнеса. 2025. № 4. С. 56–61. DOI: 10.18572/2072-3644-2025-4-56-61
12. Сыч К.А. Принцип законности в уголовном праве в связи с проблемой его межотраслевой согласованности // Человек: преступление и наказание. 2025. Т. 33. № 3. С. 358–366. DOI: 10.33463/2687-1238.2025.33(1-4).3.358-366
13. Трунцевский Ю.В. Формальные и оценочные признаки составов преступлений, совершаемых в сфере экономической деятельности // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 41. С. 86–97. DOI: 10.17223/22253513/41/8
14. Халезова Я.М. Теоретическая характеристика оценочных понятий в уголовном праве // Ius Publicum et Privatum. 2024. № 1 (25). С. 144–151. DOI: 10.46741/2713-2811.2024.25.1.018
15. Шахбанова Х.М. Проблемы реализации принципа гуманизма в деятельности учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, в современных социально-правовых условиях // Вопросы природопользования. 2026. Т. 5. № 1. С. 125–133.

Problems of Implementing the Principle of Legality in Establishing the Grounds for Criminal Liability in Russian Criminal Law

Anton V. Kachan

Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
117437, 12, Akademika Volgina str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Vaci-11@mail.ru

Abstract

Part 1 of Art. 3 of the Criminal Code of the Russian Federation requires that the criminality of an act be determined only by the Code; however, the elements of many offenses are filled with content beyond its text. The paper measures how widespread such methods of describing the grounds for criminal liability are in the current Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, and verifies whether they occur more often in articles included after 1996. The material was 406 articles of the Criminal Code of the Russian Federation forming the current Special Part as amended on 04.08.2026. In each article, a blanket reference, administrative prejudice, and an evaluative attribute of consequences not disclosed in the notes were coded according to recorded dictionaries; the coding was manually verified on 30 randomly selected articles of the Criminal Code of the Russian Federation. Groups of articles were compared by risk ratio, Fisher's exact test, and stratification by chapters; the norms were analyzed by the formal-legal method. At least one of the three attributes is contained in 195 articles (48.0%). As a whole, new and original articles do not differ (49.7% and 46.9%, risk ratio 1.06), but administrative prejudice occurs 7.1 times more often in new articles, and undisclosed evaluative attributes 2.5 times less often. For the main corpus delicti,

the share is higher for new articles (42.2% versus 31.8%). The legislator replaces evaluative concepts with formal markers, but the content of the attribute is still determined outside the Code: the period of administrative punishment is established by Art. 4.6 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, and its changes expand or narrow the range of criminally punishable acts without amendments to the Criminal Code of the Russian Federation. It is proposed to consolidate the definition of this attribute in the Code.

For citation

Kachan A.V. (2026) Problemy realizatsii printsipa zakonnosti pri ustanovlenii osnovaniy ugolovnoy otvetstvennosti v rossiyskom ugolovnom prave [Problems of Implementing the Principle of Legality in Establishing the Grounds for Criminal Liability in Russian Criminal Law]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (9A), pp. 344-353. DOI: 10.34670/AR.2026.61.71.039

Keywords

Principle of legality, grounds for criminal liability, corpus delicti, blanket disposition, administrative prejudice, evaluative attributes, legal certainty, Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, research methodology.

References

1. Bezruchko, E. V., Millerov, E. V., & Podoprigora, A. A. (2023). Problemy i perspektivy administrativnoy preyuditsii v rossiyskom ugolovnom zakone [Problems and prospects of administrative prejudice in the Russian criminal law]. *Pravovoy poryadok i pravovye tsennosti* [Legal Order and Legal Values], 1(4), 58–64. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-4-58-64
2. Dvoryanskov, I. V. (2023). Administrativnaya preyuditsiya v ugolovnom prave [Administrative prejudice in criminal law]. *Penitentsiarnaya nauka* [Penitentiary Science], 17(2(62)), 153–162. https://doi.org/10.46741/26869764.2023.62.2.005
3. Goloskokov, L. V. (2025). Pravovye pozitsii vysshikh sudov po problemam blanketnykh ugolovno-pravovykh norm glavy 22 Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii [Legal positions of the highest courts on the problems of blanket criminal law norms of Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Vestnik Moskovskoy akademii Sledstvennogo komiteta Rossiyskoy Federatsii* [Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation], (3(45)), 36–45. https://doi.org/10.54217/2588-0136.2025.45.3.004
4. Kasimov, D. R. (2021). Konstitutivnye otsenochnye ponyatiya v ugolovnom prave: ponyatie, vidy, funktsii, sushchnostnye osobennosti [Constitutive evaluative concepts in criminal law: concept, types, functions, essential features]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya "Ekonomika i pravo"* [Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law], 31(3), 450–458. https://doi.org/10.35634/2412-9593-2021-31-3-450-458
5. Khalezova, Ya. M. (2024). Teoreticheskaya kharakteristika otsenochnykh ponyatiy v ugolovnom prave [Theoretical characteristics of evaluative concepts in criminal law]. *Ius Publicum et Privatum*, (1(25)), 144–151. https://doi.org/10.46741/2713-2811.2024.25.1.018
6. Kleymenov, M. P., & Kleymenov, I. M. (2026) Opredelennost ugolovnogo zakona i pravoprimenenie [Certainty of the criminal law and law enforcement]. *Pravoprimenenie* [Law Enforcement Review], 10(2), 106–116. https://doi.org/10.52468/2542-1514.2026.10(2).106-116
7. Komyagin, R. A. (2025). Prestupleniya s administrativnoy preyuditsiey v aspekte realizatsii metodov sovremennoy ugolovnoy politiki [Crimes with administrative prejudice in the aspect of implementing the methods of modern criminal policy]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* [Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law], 15(6), 148–159. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-148-159
8. Magomadova, Z. A. (2020). Rol Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii v dostizhenii opredelennosti ugolovno-pravovogo zapreta [The role of the Constitutional Court of the Russian Federation in achieving certainty of the criminal law prohibition]. *Rossiyskoe pravosudie* [Russian Justice], (6), 93–100. https://doi.org/10.37399/issn2072-909x.2020.6.93-100
9. Pavlova, A. A., & Bikmullina, M. V. (2026) Administrativnaya preyuditsiya v ugolovnom prave Rossii: mekhanizmy

kriminalizatsii i dekriminalizatsii [Administrative prejudice in Russian criminal law: mechanisms of criminalization and decriminalization]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federalnogo universiteta imeni M.K. Ammosova. Seriya "Obshchestvennye nauki"* [Vestnik of North-Eastern Federal University. Series: Social Sciences], (1), 11–16. https://doi.org/10.25587/2587-5612-2026-1-11-16

10. Rublev, A. G. (2026) Printsip pravovoy opredelennosti pri formulirovanii i tolkovanii ugolovno-pravovogo zapreta pri narushenii pravil dorozhnogo dvizheniya [The principle of legal certainty in the formulation and interpretation of the criminal law prohibition in case of violation of traffic rules]. *Lex russica*, 79(4), 70–80. https://doi.org/10.17803/1729-5920.2026.233.4.070-080
11. Savchenko, M. M. (2025). Blanketnye ugolovno-pravovye normy i mezhotraslevye kollizii v sfere ekonomiki [Blanket criminal law norms and inter-branch conflicts in the economic sphere]. *Bezopasnost biznesa* [Business Security], (4), 56–61. https://doi.org/10.18572/2072-3644-2025-4-56-61
12. Shakhbanova, Kh. M. (2026) Problemy realizatsii printsipa gumanizma v deyatelnosti uchrezhdeniy i organov, ispolnyayushchikh ugolovnye nakazaniya, v sovremennykh sotsialno-pravovykh usloviyakh [Problems of implementing the principle of humanism in the activities of institutions and bodies executing criminal punishments in modern socio-legal conditions]. *Voprosy prirodopolzovaniya* [Issues of Nature Management], 5(1), 125–133.
13. Sych, K. A. (2025). Printsip zakonnosti v ugolovnom prave v svyazi s problemoy ego mezhotraslevoy soglasovannosti [The principle of legality in criminal law in connection with the problem of its inter-branch consistency]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie* [Man: Crime and Punishment], 33(3), 358–366. https://doi.org/10.33463/2687-1238.2025.33(1-4).3.358-366
14. Truntsevsky, Yu. V. (2021). Formalnye i otsenochnye priznaki sostavov prestupleniy, sovershaemykh v sfere ekonomicheskoy deyatelnosti [Formal and evaluative characteristics of crimes committed in the sphere of economic activity]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo* [Tomsk State University Journal of Law], (41), 86–97. https://doi.org/10.17223/22253513/41/8
15. Zemlyukov, S. (2024). Proekt glavy "Obshchie opredeleniya. Tolkovanie terminov" v Ugolovnom kodekse Rossiyskoy Federatsii [Draft chapter "General definitions. Interpretation of terms" in the Criminal Code of the Russian Federation]. *Yurislingvistika* [Legal Linguistics], (32(43)), 21–24. https://doi.org/10.14258/leglin(2024)3204

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 343.6 **DOI: 10.34670/AR.2026.12.74.040**

Уголовно-правовые проблемы квалификации домашнего насилия и дифференциации ответственности за преступления против личности в Российской Федерации

Сатторова Нигорахон Мураджановна

Аспирант,
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
105318, Российская Федерация, Москва, ул. Измайловский Вал, 2;
e-mail: Sattorovanigora08@gmail.com

Аннотация

Самостоятельного состава домашнего насилия в УК РФ нет; после реформы 2016–2017 гг. побои квалифицируются по ст. 6.1.1 КоАП РФ, ч. 1 или ч. 2 ст. 116.1 либо ст. 116 УК РФ в зависимости от административной наказанности, судимости и мотива виновного. Исследуется, как после реформы изменились объём и структура уголовно-правового реагирования на насилие малой тяжести и перераспределилась ли квалификация между смежными составами. Материалом служат отчёты Судебного департамента при Верховном Суде РФ по форме № 10-а за 2011–2025 гг.; единица анализа — состав за год (248 единиц). Положения исследованы формально-юридическим методом; сопоставлены среднегодовые показатели осуждения за 2011–2015 и 2018–2024 гг. с контрольной группой (ст. 111), с лог-линейными трендами и тестами Чоу. Среднегодовое число осуждённых за побои сократилось с 22 927 до 3 471 человека (в 6,6 раза); в 2024 г. 80,5 % осуждённых по ст. 116.1 УК РФ составили лица, имевшие судимость за насильственное преступление. Относительно контрольной группы уровень по ч. 1 ст. 117 УК РФ составил 0,645 исходного, по ч. 1 ст. 119 УК РФ — 0,951, тогда как по ч. 2 ст. 115 УК РФ — 2,113. По ч. 1 ст. 116.1 УК РФ дела прекращались по нереабилитирующим основаниям в отношении 44,9 % лиц, по ч. 2 — 1,3 %. Квалификация истязаний и угроз не компенсировала сокращение, и ответственность за повторное семейное насилие теперь определяется судимостью виновного, а не его отношениями с потерпевшим.

Для цитирования в научных исследованиях

Сатторова Н.М. Уголовно-правовые проблемы квалификации домашнего насилия и дифференциации ответственности за преступления против личности в Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 9А. С. 354-362. DOI: 10.34670/AR.2026.12.74.040

Ключевые слова

Домашнее насилие, побои, административная преюдиция, дифференциация уголовной ответственности, истязание, частное обвинение, судебная статистика, квалификация преступлений, насилие в семье, уголовная ответственность.

Введение

Уголовный кодекс Российской Федерации не содержит самостоятельного состава домашнего насилия, поэтому уголовно-правовая оценка насилия в семье и в отношении близких лиц производится по общим нормам главы 16 УК РФ: о причинении лёгкого вреда здоровью (ст. 115), побоях (ст. 116 и 116.1), истязании (ст. 117) и угрозе (ст. 119). Ведомственная статистика МВД России учитывает преступления, связанные с домашним насилием, с 2015 г., однако криминологическая оценка самого явления остаётся затруднённой из-за недостатка сведений о его структуре [Шепельков, Савин, Тимошина, 2024]. Нормативная неопределённость дополняется тем, что категория семьи, используемая в уголовно-правовых дискуссиях, в официальных источниках уголовного права содержательно не раскрыта [Гудкова, 2026].

В 2016–2017 гг. законодатель изменил дифференциацию ответственности за побои. Федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ ввёл ст. 116.1 УК РФ и сохранил в ст. 116 УК РФ признак совершения побоев в отношении близких лиц, а Федеральный закон от 07.02.2017 № 8-ФЗ этот признак исключил, и первичные побои в семье стали административным правонарушением по ст. 6.1.1 КоАП РФ. Уголовная ответственность за повторные побои была построена на административной преюдиции, которую в доктрине рассматривают как способ межотраслевой дифференциации ответственности по вертикали [Караваева, 2022]; допустимость такой конструкции остаётся предметом спора [Хилюта, 2021]. Реформа 2016–2017 гг. перенесла основание дифференциации на признак предшествующей наказанности лица, тогда как семейное окружение рассматривается в литературе и как среда формирования делинквентного поведения несовершеннолетних [Лопунова, 2025], что придаёт выбору этого основания значение для профилактики насилия в семье.

Оценки последствий реформы расходятся. Ш.М. Шурпаев и Е.В. Латышева, сопоставив статистику 2016–2022 гг., связывают с исключением уголовной ответственности за первые побои близких увеличение скрытой части насилия в семье [Шурпаев, Латышева, 2024]; указывалось также, что до 2022 г. ст. 116.1 УК РФ не позволяла учитывать судимость виновного за насильственное преступление [Дрозд, Равнюшкин, 2021]. Эти выводы опираются на короткие периоды или выборочный материал и не отвечают на вопрос, был ли спад уголовного преследования за побои компенсирован квалификацией содеянного по смежным составам. Задача статьи состоит в том, чтобы на материале судебной статистики за 15 лет установить, как изменились объём и структура уголовно-правового реагирования на насилие малой тяжести после реформы, произошло ли перераспределение квалификации между ст. 115, 117, 119 УК РФ и как процессуальная форма обвинения связана с исходами дел.

Материалы и методы исследования

Нормативная часть исследования выполнена формально-юридическим методом: проанализированы ст. 115, 116, 116.1, 117, 119 УК РФ, ст. 6.1.1 и 4.6 КоАП РФ, ст. 20 УПК РФ в редакции, действующей на 23.10.2026, а также редакции, установленные федеральными законами от 21.07.2014 № 227-ФЗ, от 03.07.2016 № 323-ФЗ, от 07.02.2017 № 8-ФЗ и от 28.06.2022 № 203-ФЗ. Толкование норм соотнесено с правовой позицией Конституционного Суда РФ, на основании которой была введена ч. 2 ст. 116.1 УК РФ.

Эмпирическим материалом служат годовые отчёты Судебного департамента при

Верховном Суде РФ по форме № 10-а «Отчёт о числе осуждённых по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации» за 2011–2025 гг. в сводном виде по всем судам, загруженные с официального сайта ведомства 23.10.2026. Из каждого отчёта извлечены строки главы 16 УК РФ и итоговые строки по всем составам; использованы графа 1 (осуждено по основной статье), графа 4 (оправдано), графа 7 (прекращено по реабилитирующим основаниям) и графа 10 (прекращено по иным основаниям). В отчётах за 2011–2014 гг. графы 4–10 отсутствуют, поэтому сравнение исходов начинается с 2015 г. Единицей анализа служит состав (статья или часть статьи) за календарный год; реестр включает 248 единиц с указанием листа и строки исходного файла. Строки детализации по пунктам частей исключены как дублирующие итог части.

Правила агрегирования определены нормативным анализом. Федеральный закон от 21.07.2014 № 227-ФЗ дополнил ч. 2 ст. 111 и ч. 2 ст. 115 УК РФ признаком применения оружия или предметов, используемых в качестве оружия, что перераспределило деяния между частями этих статей; поэтому ст. 111 учитывается суммой всех частей, а ст. 115 сравнивается с 2015 г. – единственным полным годом после этого закона и до реформы побоев. Побои учитываются суммой всех строк ст. 116 и ст. 116.1. Период 2011–2015 гг. принят за базовый, 2016–2017 гг. – за переходные, 2018–2024 гг. – за период действующей конструкции; свод за 2025 г., сформированный по пометке на титульном листе в ином территориальном охвате, использован для описания последнего уровня и для проверки устойчивости.

Для каждого состава вычислено отношение среднегодового числа осуждённых в 2018–2024 гг. к среднему за базовый период. Чтобы отделить последствия реформы от общего снижения числа осуждённых, это отношение сопоставлено с тем же отношением для ст. 111 УК РФ, которую реформа не затрагивала; относительное изменение равно экспоненте разности логарифмов двух отношений. Дополнительно рассчитаны отношение наблюдаемого числа осуждённых к ожидаемому по лог-линейному тренду 2011–2015 гг. и F-статистика Чоу для разрыва тренда с 2018 г. при исключении переходных лет. Доли исходов вычислены от суммы граф 1, 4, 7 и 10. Устойчивость проверена исключением 2020 г., заменой базового периода на 2011–2013 гг., включением 2025 г. и заменой контрольной группы на ч. 1 ст. 105 УК РФ и на все составы. Расчёт выполнен воспроизводимым сценарием на Python по исходным файлам.

Результаты и обсуждение

Формально-юридический анализ показывает, что после 2017 г. одно и то же деяние – нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль без последствий, указанных в ст. 115 УК РФ, – квалифицируется по одной из четырёх норм. Статья 6.1.1 КоАП РФ устанавливает административную ответственность при отсутствии иных признаков; ч. 1 ст. 116.1 УК РФ применяется, если лицо подвергнуто административному наказанию за аналогичное деяние в течение срока, который определяет ст. 4.6 КоАП РФ; ч. 2 ст. 116.1 УК РФ, введённая Федеральным законом от 28.06.2022 № 203-ФЗ, предусматривает ответственность лица, имеющего судимость за преступление, совершённое с применением насилия; ст. 116 УК РФ охватывает побои из хулиганских побуждений или по мотивам ненависти. Ни одна из ступеней не учитывает отношения виновного и потерпевшего, а признак близкого лица действовал лишь в промежутке между вступлением в силу законов № 323-ФЗ и № 8-ФЗ. Тем самым дифференциация ответственности за насилие малой тяжести построена на

признаках субъекта (наказанность, судимость) и мотива, а не на признаках потерпевшего, что соответствует характеристике административной преюдиции как вертикального дробления ответственности [Караваева, 2022].

Ступенчатая конструкция определяет и процессуальную форму. Часть 2 ст. 20 УПК РФ в редакции Федерального закона от 28.06.2022 № 203-ФЗ относит к делам частного обвинения ч. 1 ст. 115 и ч. 1 ст. 116.1 УК РФ, тогда как дела по ч. 2 ст. 116.1 УК РФ возбуждаются и рассматриваются в публичном порядке. Изменение было вызвано Постановлением Конституционного Суда РФ от 08.04.2021 № 11-П, которым ст. 116.1 УК РФ признана не соответствующей Конституции РФ в той мере, в какой она не обеспечивала соразмерной уголовно-правовой защиты при нанесении побоев лицом, имеющим судимость. Для повторного насилия в семье порядок уголовного преследования поэтому зависит от того, была ли предшествующая реакция государства административной или уголовной, а не от тяжести насилия.

Судебная статистика фиксирует последствия этой перестройки. Среднегодовое число осуждённых за побои составляло 22 927 человек в 2011–2015 гг. и 3 471 человек в 2018–2024 гг.; отношение равно 0,151, то есть снижение произошло в 6,6 раза. В 2016 г. по всем строкам ст. 116 и 116.1 УК РФ было осуждено 19 828 человек, в 2017 г. – 4 240, в 2018 г. – 1 957. Снижение не сводится к общему сокращению числа осуждённых. Для всех составов УК РФ отношение средних равно 0,770, для ст. 111 УК РФ – 0,565, и относительно этих групп уровень осуждения за побои составил соответственно 0,197 и 0,268 исходного. Тест Чоу подтверждает разрыв тренда с 2018 г. ($F(2; 8) = 59,8$; $p < 0,001$); для всех составов разрыва нет ($F(2; 8) = 0,7$; $p = 0,526$).

Динамика внутри периода действующей конструкции неоднородна. В 2018–2021 гг. уровень осуждения за побои составлял 0,094 базового, в 2022–2024 гг. – 0,228. Рост обеспечен ч. 2 ст. 116.1 УК РФ, по которой в 2023 г. осуждено 4 168 человек (72,1 % осуждённых по ст. 116.1), в 2024 г. – 5 120 (80,5 %), в 2025 г. – 4 061 (80,4 %); всего по ст. 116.1 УК РФ осуждено 922 человека в 2018 г. и 6 360 человек в 2024 г. Следовательно, после 2022 г. уголовная ответственность за побои реализуется главным образом в отношении лиц с судимостью за насильственное преступление, а наличие судимости суды, как показал анализ приговоров Н.Ю. Скрипченко, констатируют без содержательного исследования этого признака [Скрипченко, 2026]. Число осуждённых по ст. 116 УК РФ (мотивы хулиганства и ненависти) за тот же период снизилось с 1 035 до 394 человек.

Для проверки гипотезы о замещении квалификации рассмотрены составы, которые могут охватывать насилие в семье при более тяжёлых признаках. Число осуждённых по ч. 1 ст. 117 УК РФ уменьшилось в 2016–2017 гг. с 2 131 до 1 226 человек и к 2024 г. до 403; отношение средних равно 0,364, а относительно контрольной группы ст. 111 УК РФ – 0,645. По тренду 2011–2015 гг. в 2018–2024 гг. ожидалось бы в 3,3 раза больше осуждённых (отношение наблюдаемого к ожидаемому 0,303), разрыв тренда с 2018 г. выражен сильнее, чем для побоев ($F(2; 8) = 86,6$; $p < 0,001$). Квалификация по ч. 1 ст. 117 УК РФ требует систематического нанесения побоев или иных насильственных действий, причинивших физические или психические страдания. После 2017 г. эпизоды побоев, предшествующие возбуждению дела, как правило, получают административную оценку по ст. 6.1.1 КоАП РФ, и их последующий учёт как элементов систематичности сталкивается с вопросом о повторной оценке одного деяния. Синхронность спада в 2017 г. согласуется с выводом об искусственной латентности истязаний

[Шурпаев, Латышева, 2024] и с местом истязания в структуре семейного насилия, где оно сочетается с побоями и угрозами [Синёв, 2026].

По ч. 1 ст. 119 УК РФ отношение средних равно 0,538, а относительно контрольной группы – 0,951. Число осуждённых за угрозу убийством снижалось вместе с числом осуждённых по ст. 111 УК РФ, и роста, который компенсировал бы спад по побоям, нет. Квалификация угрозы в семье определяется признаками её реальности и формой выражения [Шутова, 2023] и не зависит от того, сопровождалась ли угроза побоями.

Статья 115 УК РФ даёт иную картину. Сумма осуждённых по обеим частям возросла с 7 224 человек в 2014 г. до 10 045 в 2015 г., что отражает изменения, внесённые законом № 227-ФЗ, а затем до 13 393 в 2016 г. и 13 734 в 2017 г., то есть в годы реформы побоев. Относительно 2015 г. и с поправкой на контрольную группу уровень осуждения по ст. 115 УК РФ в 2018–2024 гг. составил 1,692 исходного, причём по ч. 1 – 0,838, по ч. 2 – 2,113. На п. «а» ч. 2 ст. 115 УК РФ (хулиганские побуждения) пришлось 7,5 % осуждённых по ч. 2, следовательно, рост приходится на пп. «б» и «в», из которых п. «в» охватывает применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия. Это единственное направление, в котором уголовная оценка насилия малой тяжести расширилась, и граница между ним и побоями проходит по последствиям в виде вреда здоровью и по орудию, а не по числу ударов, оценка которого после 2016 г. утратила единообразие [Скрипченко, 2025]. Разграничение понятий побоев и иных насильственных действий со ст. 115 УК РФ при этом остаётся предметом расходящихся толкований [Оздоева, 2025].

Абсолютный баланс подтверждает отсутствие компенсирующего замещения. Среднегодовое число осуждённых за побои сократилось на 19 455 человек, по ч. 1 ст. 117 и ч. 1 ст. 119 УК РФ вместе – на 15 172 человека, а по ст. 115 УК РФ среднегодовой уровень 2018–2024 гг. превысил уровень 2015 г. на 599 человек. Уголовно-правовое реагирование на насилие малой тяжести в целом сократилось, а частичное перераспределение произошло только в пределах ст. 115 УК РФ.

Процессуальная форма связана с исходами дел. По ч. 1 ст. 116 УК РФ в редакции, действовавшей в 2015 г., из 57 190 лиц осуждено 28,3 %, оправдано 3,0 %, дела прекращены по реабилитирующим основаниям в отношении 17,0 % и по иным основаниям – 51,6 %. По ст. 116.1 УК РФ (с 2022 г. – ч. 1) в 2018–2024 гг. из 21 319 лиц осуждено 49,3 %, прекращено по иным основаниям 44,9 %; по ч. 2 ст. 116.1 УК РФ в 2023–2024 гг. из 9 423 лиц осуждено 98,6 % и прекращено по иным основаниям 1,3 %. По ч. 1 ст. 115 УК РФ доля прекращений по иным основаниям составила 54,7 % в 2015 г. и 46,9 % в 2018–2024 гг. Высокая доля прекращений сохраняется в делах частного обвинения, где диспозитивность потерпевшего выражается в возбуждении дела и примирении [Титов, 2021]. Данные показывают, что перевод ч. 2 ст. 116.1 УК РФ в публичный порядок практически исключил прекращение дел; для впервые преследуемых в уголовном порядке лиц исход по-прежнему определяется поведением потерпевшего. Это различие относится к обсуждаемой роли частного обвинения в защите пострадавших [Соловьева, 2024] и к спору о том, допустимо ли примирение сторон, если стороны связаны близкими отношениями [Берёза, 2026].

Проверки устойчивости не меняют направления выводов. Отношение средних для побоев равно 0,160 без 2020 г., 0,147 при базовом периоде 2011–2013 гг. и 0,162 при включении 2025 г.; относительно ч. 1 ст. 105 УК РФ оно составляет 0,253. Для ч. 1 ст. 117 УК РФ относительное изменение к ст. 111 УК РФ лежит в пределах от 0,621 до 0,686, для ч. 1 ст. 119 УК РФ – от 0,938

до 0,994; для ст. 115 УК РФ с включением 2025 г. оно равно 1,701. Разрыв тренда для ст. 111 УК РФ менее выражен ($F(2; 8) = 5,7$; $p = 0,029$), чем для побоев и истязания.

Заключение

Реформа 2016–2017 гг. построила ответственность за насилие малой тяжести по ступенчатой схеме ст. 6.1.1 КоАП РФ – ч. 1 ст. 116.1 – ч. 2 ст. 116.1 УК РФ, в которой основанием перехода между ступенями служат административная наказанность и судимость виновного, а отношения с потерпевшим юридического значения не имеют. Судебная статистика за 2011–2025 гг. показывает уменьшение среднего годового уровня осуждения за побои в 6,6 раза, причём в 2024–2025 гг. около 80 % лиц, осуждённых по ст. 116.1 УК РФ, имели судимость за насильственное преступление.

Смежные составы спад не восполнили. С поправкой на динамику осуждения по ст. 111 УК РФ уровень по ч. 1 ст. 117 УК РФ составил 0,645 исходного, по ч. 1 ст. 119 УК РФ – 0,951, и лишь по ч. 2 ст. 115 УК РФ он вырос. Проблемы квалификации домашнего насилия сосредоточены в соотношении административной оценки эпизодов побоев с признаком систематичности истязания и в зависимости процессуальной формы от судимости, при которой по ч. 1 ст. 116.1 УК РФ дела прекращаются в отношении 44,9 % лиц, а по ч. 2 – 1,3 %.

Библиография

1. Берёза З.М. Перспективы применения примирительных процедур в уголовных делах о домашнем насилии // Актуальные проблемы российского права. 2026. Т. 21, № 3. С. 152–168. DOI: 10.17803/1994-1471.2026.184.3.152-168.
2. Гудкова Д.М. Определение понятия «семья» для целей уголовного закона // Юридический вестник Самарского университета. 2026. Т. 12, № 2. С. 97–102. DOI: 10.18287/2542-047X-2026-12-2-97-102.
3. Дрозд А.О., Равнюшкин А.В. О нарушении логики правового механизма привлечения к ответственности за побои и дополнительных мерах их профилактики // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 3. С. 178–185. DOI: 10.35750/2071-8284-2021-3-178-185.
4. Караваева Ю.С. Межотраслевая дифференциация ответственности в уголовно-правовых нормах с признаками административной преюдиции: законодательный и правоприменительный подходы // Lex russica. 2022. Т. 75, № 8. С. 81–98. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.189.8.081-098.
5. Лопунова А.В. Формирование делинквентного поведения у несовершеннолетних в семье // Вопросы природопользования. 2025. Т. 4, № 2. С. 165–169.
6. Оздоева Т.Б. Содержание понятий «побои» и «иные насильственные действия» в контексте статей 116 и 116.1 Уголовного кодекса РФ // Полицейская деятельность. 2025. № 5. С. 51–62. DOI: 10.7256/2454-0692.2025.5.76563.
7. Синёв И.И. Семейные истязания в системе других насильственных преступлений против личности // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1 (74). С. 264–269. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1578.
8. Скрипченко Н.Ю. Проблемы реализации уголовной ответственности за побои, нанесенные лицом, имеющим судимость // Lex russica. 2026. Т. 79, № 3. С. 102–112. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.232.3.102-112.
9. Скрипченко Н.Ю. Уголовная ответственность за побои: проблемы регулирования и реализации // Вестник Томского государственного университета. Право. 2025. № 57. С. 59–78. DOI: 10.17223/22253513/57/5.
10. Соловьева Н.А. Значение института частного обвинения для защиты жертв домашнего насилия // Legal Concept = Правовая парадигма. 2024. Т. 23, № 2. С. 63–73. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2024.2.8.
11. Титов П.М. Критерии отнесения преступлений к делам частного обвинения // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 42. С. 90–98. DOI: 10.17223/22253513/42/7.
12. Хилюта В.В. Феномен административной преюдиции в контексте понимания сущности преступления // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5, № 17. С. 117–136. DOI: 10.20310/2587-9340-2021-5-17-117-136.
13. Шепельков В.Ф., Савин С.Д., Тимошина Е.М. Домашнее насилие в Российской Федерации (состояние, проблемы криминологической оценки) // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18, № 3. С. 232–244. DOI: 10.17150/2500-4255.2024.18(3).232-244.
14. Шурпаев Ш.М., Латышева Е.В. Направления совершенствования законодательного регулирования побоев в

свете противодействия семейно-бытовому насилию // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 2 (41). С. 134–140. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-134-140.
15. Шутова Ю.А. Классификация форм совершения угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, применительно к ст. 119 УК РФ // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 3 (106). С. 285–296. DOI: 10.55001/2312-3184.2023.50.56.025.

Criminal-Law Problems of Qualifying Domestic Violence and Differentiating Liability for Crimes against the Person in the Russian Federation

Nigorakhon M. Sattorova

Postgraduate Student,
Moscow University for Industry and Finance "Synergy",
105318, 2, Izmaylovskiy Val str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Sattorovanigora08@gmail.com

Abstract

There is no independent offense of domestic violence in the Criminal Code of the Russian Federation; after the 2016–2017 reform, battery is qualified under Art. 6.1.1 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, Part 1 or Part 2 of Art. 116.1, or Art. 116 of the Criminal Code of the Russian Federation, depending on administrative punishment, criminal record, and the motive of the guilty person. The study examines how, after the reform, the volume and structure of criminal-law response to violence of minor gravity changed and whether qualification was redistributed among related offenses. The material consists of reports of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation in form No. 10-a for 2011–2025; the unit of analysis is an offense per year (248 units). The provisions are studied by the formal-legal method; average annual conviction indicators for 2011–2015 and 2018–2024 are compared with a control group (Art. 111), with log-linear trends and Chow tests. The average annual number of persons convicted of battery decreased from 22,927 to 3,471 (by a factor of 6.6); in 2024, 80.5% of those convicted under Art. 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation were persons with a criminal record for a violent crime. Relative to the control group, the level under Part 1 of Art. 117 of the Criminal Code of the Russian Federation was 0.645 of the initial, under Part 1 of Art. 119 — 0.951, whereas under Part 2 of Art. 115 — 2.113. Under Part 1 of Art. 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, cases were terminated on non-rehabilitating grounds in respect of 44.9% of persons, under Part 2 — 1.3%. The qualification of torture and threats did not compensate for the reduction, and liability for repeated domestic violence is now determined by the guilty person's criminal record rather than by his or her relationship with the victim.

For citation

Sattorova N.M. (2026) Ugolovno-pravovye problemy kvalifikatsii domashnego nasiliya i differentsiatsii otvetstvennosti za prestupleniya protiv lichnosti v Rossiyskoy Federatsii [Criminal-Law Problems of Qualifying Domestic Violence and Differentiating Liability for Crimes against the Person in the Russian Federation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (9A), pp. 354-362. DOI: 10.34670/AR.2026.12.74.040

Keywords

Domestic violence, battery, administrative prejudice, differentiation of criminal liability, torture, private prosecution, judicial statistics, qualification of crimes, family violence, criminal liability.

References

1. Bereza, Z. M. (2026) Perspektivy primeneniya primiritelnykh protsedur v ugolovnykh delakh o domashnem nasilii [Prospects for the application of conciliation procedures in criminal cases of domestic violence]. Aktualnye problemy rossiyskogo prava [Actual Problems of Russian Law], 21(3), 152–168. https://doi.org/10.17803/1994-1471.2026.184.3.152-168
2. Drozd, A. O., & Ravnyushkin, A. V. (2021). O narushenii logiki pravovogo mekhanizma privlecheniya k otvetstvennosti za poboi i dopolnitelnykh merakh ikh profilaktiki [On violation of the logic of the legal mechanism of bringing to justice for beatings and additional measures for their prevention]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], (3), 178–185. https://doi.org/10.35750/2071-8284-2021-3-178-185
3. Gudkova, D. M. (2026) Opredelenie ponyatiya "semya" dlya tseley ugolovnogo zakona [Defining the concept of "family" for the purposes of criminal law]. Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta [Juridical Journal of Samara University], 12(2), 97–102. https://doi.org/10.18287/2542-047X-2026-12-2-97-102
4. Karavaeva, Yu. S. (2022). Mezhotraslevaya differentsiatsiya otvetstvennosti v ugolovno-pravovykh normakh s priznakami administrativnoy preyuditsii: zakonodatelnyy i pravoprimenitelnyy podkhody [Intersectoral differentiation of responsibility in criminal law rules involving administrative prejudice elements: Legislative and law enforcement approaches]. Lex russica, 75(8), 81–98. https://doi.org/10.17803/1729-5920.2022.189.8.081-098
5. Khilyuta, V. V. (2021). Fenomen administrativnoy preyuditsii v kontekste ponimaniya sushchnosti prestupleniya [Phenomenon of administrative prejudice in the context of understanding the essence of crime]. Aktualnye problemy gosudarstva i prava [Current Issues of the State and Law], 5(17), 117–136. https://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-17-117-136
6. Lopunova, A. V. (2025). Formirovanie delinkventnogo povedeniya u nesovershennoletnikh v semye [Formation of delinquent behavior of minors in the family]. Voprosy prirodopolzovaniya [Environmental Management Issues], 4(2), 165–169.
7. Ozdoeva, T. B. (2025). Soderzhanie ponyatiy "poboi" i "inye nasilstvennye deystviya" v kontekste statey 116 i 116.1 Ugolovnogo kodeksa RF [The content of the concepts of "battery" and "other violent actions" in the context of Articles 116 and 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation]. Politseyskaya deyatelnost [Police Activity], (5), 51–62. https://doi.org/10.7256/2454-0692.2025.5.76563
8. Shepelkov, V. F., Savin, S. D., & Timoshina, E. M. (2024). Domashnee nasilie v Rossiyskoy Federatsii (sostoyanie, problemy kriminologicheskoy otsenki) [Domestic violence in the Russian Federation (state, problems of criminological assessment)]. Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal [Russian Journal of Criminology], 18(3), 232–244. https://doi.org/10.17150/2500-4255.2024.18(3).232-244
9. Shurpaev, Sh. M., & Latysheva, E. V. (2024). Napravleniya sovershenstvovaniya zakonodatelnogo regulirovaniya poboev v svete protivodeystviya semeyno-bytovomu nasiliyu [Directions for improving the legislative regulation of beatings in the light of countering domestic violence]. Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika [Legal Order: History, Theory, Practice], (2(41)), 134–140. https://doi.org/10.47475/2311-696X-2024-41-2-134-140
10. Shutova, Yu. A. (2023). Klassifikatsiya form soversheniya ugrozy ubiystvom ili prichineniem tyazhkogo vreda zdorovyu, primenitelno k st. 119 UK RF [Classification of forms of committing a threat of murder or causing serious harm to health in relation to Article 119 of the Criminal Code of the Russian Federation]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii [Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation], (3(106)), 285–296. https://doi.org/10.55001/2312-3184.2023.50.56.025
11. Sinev, I. I. (2026) Semeynye istyazaniya v sisteme drugikh nasilstvennykh prestupleniy protiv lichnosti [Family torture in the system of other violent crimes against the person]. Biznes. Obrazovanie. Pravo [Business. Education. Law], (1(74)), 264–269. https://doi.org/10.25683/VOLBI.2026.74.1578
12. Skripchenko, N. Yu. (2025). Ugolovnaya otvetstvennost za poboi: problemy regulirovaniya i realizatsii [Criminal liability for battery: Problems of regulation and implementation]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo [Tomsk State University Journal of Law], (57), 59–78. https://doi.org/10.17223/22253513/57/5
13. Skripchenko, N. Yu. (2026) Problemy realizatsii ugolovnoy otvetstvennosti za poboi, nanesennye litsom, imeyushchim sudimost [Problems of implementing criminal liability for battery committed by a person with a criminal record]. Lex russica, 79(3), 102–112. https://doi.org/10.17803/1729-5920.2026.232.3.102-112
14. Solovyeva, N. A. (2024). Znachenie instituta chastnogo obvineniya dlya zashchity zhertv domashnego nasiliya [The

importance of the institution of private prosecution for the protection of victims of domestic violence]. Legal Concept = Pravovaya paradigma [Legal Concept = Legal Paradigm], 23(2), 63–73. https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.8

15. Titov, P. M. (2021). Kriterii otneseniya prestupleniy k delam chastnogo obvineniya [Criteria for classifying crimes as private prosecution cases]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo [Tomsk State University Journal of Law], (42), 90–98. https://doi.org/10.17223/22253513/42/7

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 342.9 **DOI: 10.34670/AR.2026.57.31.041**

Участие Госавтоинспекции в противодействии незаконному обороту наркотиков

Шапошников Виталий Леонидович

Кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры управления
и административно-правовой деятельности органов внутренних дел,
Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина,
308024, Российская Федерация, Белгород, ул. Горького, 71;
e-mail: v.shaposhnikov@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению вопросов, касающихся участия Госавтоинспекции в противодействии незаконному обороту наркотиков. Определены основные формы этой деятельности: пресечение попыток перевозки наркотиков в транспортных средствах; оказание содействия другим подразделениям и службам органов внутренних дел, другим правоохранительным органам в реализации полномочий по противодействию незаконному обороту наркотиков; выявление и пресечение фактов управления транспортными средствами в состоянии наркотического опьянения. На основе их изучения даны рекомендации, направленные на повышение результативности функционирования Госавтоинспекции посредством совершенствования нормативной базы в области безопасности дорожного движения, развития системы специальной подготовки сотрудников ДПС, укрепления взаимодействия между субъектами правоохранительной деятельности, вовлечёнными в работу по противодействию незаконному обороту наркотиков.

Для цитирования в научных исследованиях

Шапошников В.Л. Участие Госавтоинспекции в противодействии незаконному обороту наркотиков // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 9А. С. 363-373. DOI: 10.34670/AR.2026.57.31.041

Ключевые слова

Полиция, безопасность дорожного движения, наркотическое опьянение, административные правонарушения, Госавтоинспекция, ДПС, незаконный оборот наркотиков, профилактика правонарушений, государственная политика.

Введение

Обеспечение безопасности дорожного движения направлено на охрану жизни, здоровья и имущества граждан, защиту их прав и законных интересов, а также же защиту интересов общества и государства. Современные тенденции в области безопасности дорожного движения заставляют государство разрабатывать и реализовывать дополнительные меры по профилактике преступлений и правонарушений в области безопасности дорожного движения.

Основная часть

В соответствии со Стратегией повышения безопасности дорожного движения в Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 14 ноября 2025 г. № 841 число погибших в дорожно-транспортных происшествиях с участием водителей транспортных средств, находившихся в состоянии наркотического опьянения, в 2024 году увеличилось на 34,5 процента по сравнению с предшествующим годом и составило 339 человек.

Несмотря на существующие правила проверки здоровья для допуска водителей транспортных средств (кандидатов в водители транспортных средств) к управлению транспортными средствами, предусмотренные приказом Минздрава России от 24 ноября 2021 г. № 1092н «Об утверждении порядка проведения обязательного медицинского освидетельствования водителей транспортных средств (кандидатов в водители транспортных средств), порядка выдачи и формы медицинского заключения о наличии (об отсутствии) у водителей транспортных средств (кандидатов в водители транспортных средств) медицинских противопоказаний, медицинских показаний или медицинских ограничений к управлению транспортными средствами, а также о признании утратившими силу отдельных приказов Министерства здравоохранения Российской Федерации», это не является гарантией исключения фактов управления транспортными средствами в состоянии наркотического опьянения. Кроме того, нельзя не брать во внимание имеющиеся тенденции снижения эффективности выявления медицинских (наркологических) противопоказаний к управлению транспортными средствами [Бурцев, 2021, с. 31], а также проблемные аспекты прекращения права на управление транспортным средством при потреблении наркотических средств [Баканов, 2018].

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 23 ноября 2020 г. № 733 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года» целями государственной антинаркотической политики являются сокращение незаконного оборота и доступности наркотиков для их незаконного потребления. Социологические исследования показывают, что в Российской Федерации число респондентов, потребляющих наркотики как регулярно, так и эпизодически, составляло около 1,9 млн. человек, или 1,3 процента населения. Угрозами национальной безопасности в сфере оборота наркотиков, в среднесрочной и долгосрочной перспективе определены увеличение количества случаев немедицинского (без назначения врача) потребления лекарственных препаратов, содержащих наркотические средства, психотропные и сильнодействующие вещества и (или) обладающих психоактивным действием, попытки транснациональных преступных организаций увеличить транзит наркотиков через территорию Российской Федерации, а также объемы незаконного ввоза наркотиков на ее территорию. В рамках реализации одного из направлений стратегии – сокращения количества преступлений и правонарушений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, особое место отводится МВД России, а именно Госавтоинспекции –

ключевого субъекта профилактики правонарушений и преступлений в области безопасности дорожного движения.

Пресечение перевозки наркотиков с использованием транспортных средств образует самостоятельное направление деятельности дорожно-патрульной службы Госавтоинспекции (далее – ДПС). В соответствии с приказом МВД России от 28 августа 2018 г. № 559 «О некоторых организационных вопросах деятельности строевых подразделений дорожно-патрульной службы Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации» деятельность ДПС направлена на защиту личности, общества, государства от противоправных посягательств, обеспечение безопасности дорожного движения.

Сотрудникам ДПС приходится постоянно адаптироваться к новым условиям несения службы, совершенствовать приемы и методы работы, поскольку формы преступной деятельности совершенствуются, появляются новые виды наркотиков, а также новые способы сокрытия следов противоправной деятельности, связанной с незаконным оборотом наркотиков.

Инспектора ДПС регулярно выявляют и пресекают факты незаконной перевозки наркотиков (На Дягилевском посту ДПС в Рязани остановили иномарку, в которой находилась крупная партия наркотиков // https://rv-ryazan.ru/na-dyagilevskom-postu-dps-v-ryazani-ostanovili-inomarku-v-kotoroj-naxodilas-krupnaya-partiya-narkotikov/. На востоке столицы сотрудники Госавтоинспекции изъяли у пассажира такси 67 свертков с наркотиком // https://novokosino.mos.ru/law-enforcement-and-security/information-of-the-ministry-of-interior/ministry-of-internal-affairs-news/detail/13860760.html. Водителя, перевозившего пакет марихуаны, поймали в Хакасии // https://abakan-news.ru/voditelja-perevozivshego-paket-marihuany-pojmali-v-hakasii). Зачастую это является следствием их действий по пресечению управления транспортными средствами в состоянии наркотического опьянения (В Нижегородской области пресечена попытка перевозки наркотиков в особо крупном размере // https://мвд.рф/mvd/structure1/Centri/JEkspertno_kriminalisticheskij_centr/Publikacii_i_vistuplenija/item/58556686/).

Проверка инспекторами ДПС транспортных средств, водителей и пассажиров, перевозимого груза на предмет соблюдения антинаркотического законодательства Российской Федерации, с одной стороны, является активной работой в рамках реализации своего процессуального статуса, а с другой стороны, способом реализации информации, поступившей от инициаторов поисковой деятельности. Источниками данных о совершении незаконных действий в области оборота наркотиков выступают дежурные части подразделений Госавтоинспекции, дежурные части, оперативные и иные подразделения территориальных органов МВД России, иные правоохранительные органы (Росгвардия, ФСБ России). Обмен информацией образует наиболее распространенную и активно используемую форму внутреннего и внешнего взаимодействия и сотрудничества.

При выявлении инспекторами ДПС лиц или грузов, обладающих признаки осуществления противоправной деятельности с наркотиками, сотрудники полиции оперативно передают сведения заинтересованным субъектам правоохранительной деятельности, а также используют организационный и технический потенциал дежурных следственно-оперативных групп территориальных органов МВД России, направляемых на места происшествий для документирования обстоятельств преступлений, совершаемых в области незаконного оборота наркотиков [Летаева, 2015, с. 3264].

Выявление сотрудниками ДПС фактов управления транспортными средствами в состоянии наркотического опьянения является основанием направления информации в подразделения

охраны общественного порядка территориальных органов МВД России для привлечения виновного лица к административной ответственности по статье 6.9. КоАП Российской Федерации за потребление наркотических средств без назначения врача, либо по ст. 20.20 КоАП Российской Федерации, предусматривающей ответственность за потребление наркотических средств в общественных местах [Батыщева, 2021, с. 219].

В дальнейшем эта информация может быть использована для осуществления индивидуальной профилактической работы с лицом, употребляющим наркотические средства без назначения врача, участковым уполномоченным полиции на закрепленном за ним административном участке, в рамках форм несения службы, предусмотренных приказом МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности».

Предоставление доступа сотрудникам оперативных подразделений МВД России к интегрированным подсистемам сервиса ФИС ГИБДД-М позволяет существенно оптимизировать оперативно-разыскную деятельность путем обеспечения их необходимой информацией [Черняков, Горбатенко, 2023, с. 60].

В состав ФИС ГИБДД-М входят пять подсистем:

– транспортные средства;
– водительские удостоверения;
– административные правонарушения;
– специальная продукция;
– получение и предоставление сведений.

Эта система позволяет автоматизировать деятельность регистрационно-экзаменационных и строевых подразделений Госавтоинспекции, а также процессы поиска информации об участниках дорожного движения и их транспортных средствах, что может быть использовано в оперативно-розыскной, уголовно-процессуальной и иной деятельности органов внутренних дел [Квитчук, Лаврентьева, Фомичев, 2022, с. 20].

Функционирование системы направлено на обеспечения решения повседневных задач, возложенных на Госавтоинспекцию, а также на удовлетворение потребностей межведомственного взаимодействия, включая противодействие незаконному обороту наркотиков.

К числу иных форм совместной деятельности ДПС с перечисленными субъектами взаимодействия относится совместное участие в оперативно-профилактических мероприятиях «Мак», «Анаконда», «Курьер» и т.п. Направленность таких операций – пресечение незаконного оборота оружия, боеприпасов, взрывных устройств, а также наркотических и психотропных средств, обнаружение и задержание лиц, находящихся в розыске. Повышает результативность этой работы использование аппаратно-программного комплекса «Поток» для автоматического распознавания государственных регистрационных знаков транспортных средств и выявление разыскиваемых транспортных средств, в том числе, за совершение преступлений в области незаконного оборота наркотиков [Михайлов, Тузов, Чварков, 2021, с. 199].

Выявление и пресечение фактов управления транспортными средствами в состоянии наркотического опьянения образует еще одно направление деятельности ДПС. Точные данные о количестве лиц, управляющих транспортными средствами в состоянии наркотического опьянения, назвать сложно поскольку отказ от прохождения освидетельствования на состояния опьянения образует состав административного правонарушения, предусмотренного статьей 12.26 КоАП Российской Федерации. Таким образом, вопрос о том, находилось ли лицо в состоянии наркотического опьянения при управлении транспортным средством останется

открытым.

Практика выявления и документирования фактов управления транспортными средствами в состоянии наркотического опьянения устоявшаяся. Однако одной из возникающих при этом проблем является проблема определения достаточности оснований, позволяющих сделать предварительный вывод о нахождении лица, управляющего транспортным средством, в состоянии наркотического опьянения. Наблюдение инспектором ДПС за дорожным движением, характером передвижения транспортных средств по проезжей части дает первое представление о лице, управляющем транспортным средством. Признаками, свидетельствующими о нахождении водителя в состоянии опьянения, являются необоснованное изменение скорости движения транспорта, задержки в реагировании на дорожную обстановку и сигналы светофора, игнорирование разметки, дорожных знаков и т.п. Остановка транспортного средства инспектором ДПС и взаимодействие с водителем в рамках процедур, предусмотренных приказом МВД России от 2 мая 2023 г. № 264 «Об утверждении Порядка осуществления надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации о безопасности дорожного движения», позволяет выявить следующие признаки наркотического опьянения: поведение, не соответствующее обстановке, заторможенность или наоборот быстрота, сбивчивость речи, бледность кожи или резкое покраснение лица, повышенная потливость и т.д.

Наличие совокупности этих признаков дает инспектору ДПС достаточные основания полагать о нахождении лица в состоянии наркотического опьянения.

Медицинское освидетельствование позволяет достоверно установить состояние опьянения, однако значительная часть проводимых медицинских освидетельствований водителей показывает отрицательный результат, что может свидетельствовать о необъективном установлении признаков опьянения сотрудниками Госавтоинспекции на начальном этапе [Ляхов, 2023, с. 21]].

Как утверждают А.А. Бурцев, К.С. Баканов, определение указанных оснований является важным механизмом обеспечения принципа законности, когда рассматриваемые основания призваны оградить водителей от необоснованных претензий инспекторов ГИБДД и являться эффективным средством объективизации признаков опьянения водителя [Бурцев, Баканов, 2021, с. 78].

В соответствии со статьей 27.12 КоАП Российской Федерации наличие рассмотренных выше оснований позволяет инспектору ДПС принять решение о проведении освидетельствования на состояние опьянения в порядке, предусмотренном Постановлением Правительства Российской Федерации от 21 октября 2022 г. № 1882 «О порядке освидетельствования на состояние алкогольного опьянения и оформления его результатов, направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения».

Исключение вывода о наличии алкогольного опьянения и наличие признаков наркотического опьянения требует направления лица на медицинское освидетельствование в медицинскую организацию в порядке, предусмотренном статьей 27.12.1. КоАП Российской Федерации для проведения соответствующей процедуры в рамках порядка, предусмотренного приказом Минздрава России от 29 апреля 2025 г. № 262н «Об утверждении порядка проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического), включающего определение клинических признаков опьянения и правила химико-токсикологических исследований, а также критерии, при наличии которых имеются достаточные основания полагать, что лицо находится в состоянии опьянения и подлежит направлению на медицинское освидетельствование, учетной формы Акта медицинского

освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического), а также формы и порядка ведения журнала регистрации медицинских освидетельствований на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического)».

Удостоверение факта нахождения водителя в состояние наркотического опьянения определяется клиническими признаками. В отличии от процедуры медицинского освидетельствования на состояние алкогольного опьянения удостоверение факта наркотического опьянения не требует установление количества наркотического средства в исследуемых материалах Удостоверение факта нахождения водителя в состоянии наркотического опьянения определяется клиническими признаками. В отличие от процедуры медицинского освидетельствования на состояние алкогольного опьянения удостоверение факта наркотического опьянения не требует установления количества наркотического средства в исследуемых материалах (Постановление Верховного Суда Российской Федерации № 81-АД25-38-К8 от 26 ноября 2025 г. по делу в отношении Богера Н.С. об административном правонарушении, предусмотренном статьей 12.8 КоАП Российской Федерации, 2025).

В основе одной из законодательных инициатив, выдвинутой в 2026 году МВД России, необходимость разрешения применения сотрудниками полиции (Госавтоинспекции) во время специальных рейдов экспресс-тестов для определения в образцах биологического материала (слюне) признаков употребления наркотиков. Обязательные условия проведения — согласие гражданина и применение видеозаписи (МВД хочет тестировать «неочевидно» нетрезвых водителей с помощью новых приборов, https://www.interfax.ru/russia/1073061). По замыслу разработчиков результаты этого исследования будут считаться дополнительным обстоятельством, лежащим в основе принятия решения о направлении водителя транспортного средства на медицинское освидетельствование. По мнению представителей МВД России, это нововведение позволит минимизировать сомнения в объективности сотрудников полиции при оценке состояния водителей, если характерные признаки опьянения неочевидны, а также сократить число конфликтных ситуаций между сотрудниками полиции и водителями.

Вопрос прошел активное обсуждение в Общественной палате Российской Федерации, где утверждалось, что открытое обсуждение таких инициатив жизненно необходимо для повышения безопасности на дорогах и защиты прав граждан. По мнению начальника отдела обеспечения правоприменительной деятельности ГУОБДД МВД России А. Клименко, цель этого нововведения — в какой-то мере исключить субъективную оценку инспектором состояния водителя (Новые правила освидетельствования водителей на состояние опьянения — 2026: изменения и правоприменение, http://rosacademtrans.ru/oprf130326/]).

Практическая целесообразность этой инициативы не вызывает сомнений, но потребует соответствующего материального обеспечения подразделений ДПС. Ее реализация направлена на расширение инструментария, применяемого для установления оснований освидетельствования на состояние наркотического опьянения. Такое нововведение будет способствовать более рациональному использованию служебного времени сотрудниками ДПС, с одной стороны, а с другой стороны, эффективной профилактике дорожно-транспортных происшествий, совершаемых лицами в состоянии наркотического опьянения [Ляхов, 2023, с. 21].

Зарубежная практика противодействия управлению транспортными средствами в состоянии опьянения идет по пути увеличения числа лиц, проверяемых на состояние опьянения [Подгайный, 2019, с. 232]. В итоге результативность такой работы выше, поскольку охватывает более широкий круг водительского состава, а профилактическая составляющая в области

безопасности дорожного движения становится эффективнее.

Таким образом, вклад Госавтоинспекции в противодействие незаконному обороту наркотиков существенен и обеспечивается реализацией нескольких форм как индивидуальной, так и совместной деятельности:

– пресечение попыток перевозки наркотиков в транспортных средствах;
– оказание содействия другим подразделениям и службам органов внутренних дел, другим правоохранительным органам в реализации полномочий по противодействию незаконному обороту наркотиков;
– выявление и пресечение фактов управления транспортными средствами в состоянии наркотического опьянения.

Их реализация нуждается в постоянном контроле за содержанием и эффективностью осуществления с учетом тенденций и процессов, происходящих в сфере безопасности дорожного движения и в области противодействия незаконному обороту наркотиков.

С учетом положений Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года совершенствование деятельности ДПС видится в организации противодействия незаконному обороту наркотиков с учетом изменения маршрутов наркотрафика, обеспечении функционирования системы выявления новых видов наркотиков и мер пресечения их незаконного оборота.

Повышение результативности функционирования Госавтоинспекции видится в совершенствовании нормативной базы в области безопасности дорожного движения и оптимизации служебной деятельности ДПС; развитии системы специальной подготовки сотрудников ДПС в сфере профилактики незаконного оборота наркотиков; совершенствование методов выявления, предупреждения и пресечения правонарушений и преступлений рассматриваемой категории, включая внедрение и использование экспресс-тестов; укрепление взаимодействия между службами органов внутренних дел, правоохранительными органами при реализации тактических приемов противодействия наркопреступности; оптимальное управление нарядами ДПС; активное применения автоматизированных информационных систем и комплексов при выполнении служебных задач.

Следует согласиться с А.А. Бурцевым и К.С. Бакановым другими авторами о необходимости прохождения сотрудниками Госавтоинспекции соответствующей программы подготовки (повышения квалификации), направленной на раскрытие вопросов об идентификации визуальных признаков употребления водителями транспортных средств наркотиков и лекарственных препаратов. Делать это необходимо с учетом того, что появляются новые виды психоактивных веществ, совершенствуются способы выявления их употребления [Бурцев, Баканов, 2021, с. 86]. Учитывая, что незаконный оборот наркотиков носит транснациональный характер, изучение зарубежного опыта противодействия, включая способы маскировки наркотиков в транспортных средствах, должно стать одной из частей таких программ подготовки сотрудников Госавтоинспекции [Вольнкин, Кузьмин, 2024, с. 13].

Инструменты профилактики управления транспортными средствами в состоянии наркотического нуждаются в расширении. Специалистами предлагаются различные способы превентивного воздействия на этих нарушителей законодательства в области безопасности дорожного движения, включая социальное порицание водителей, выдача им специальных регистрационных знаков для транспортных средств, публикацию фамилий водителей в публичном пространстве [Павлик, Гункин, 2026, с. 98].

Безусловно, вероятность упрощенной идентификации со стороны общественности

нарушителей правил дорожного движения с психологической точки зрения способна положительно повлиять на поведение недобросовестного водителя, однако правовая основа этого предложения нуждается в дополнительной проработке.

Учитывая общественную опасность лиц, допускающими управление транспортными средствами в состоянии наркотического опьянения, следует рассмотреть вопрос об их постановке в органах внутренних дел на профилактический учет и проведении с ними индивидуальной профилактической работы. Ее осуществление следует возложить на подразделения Госавтоинспекции, а также службу участковых уполномоченных полиции по месту проживания профилактируемых лиц. Пункт 25 Инструкции по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке следует дополнить соответствующей категорией лиц, а пункт 33.2, определяющий категории лиц, в отношении которых проводится индивидуальная профилактическая работа, дополнить п. «а» ч. 2 и п. «а» ч. 4 ст. 264 УК Российской Федерации, предусматривающей совершение преступления в состоянии опьянения.

Следует помнить, что индивидуальную профилактическую работу с гражданами участковый уполномоченный полиции может проводить в сочетании с самостоятельной формы несения службы – профилактическим обходом административного участка. Приказом МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» на него возложено исполнение государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора в области безопасности дорожного движения.

Учитывая специфику правового положения подразделений Госавтоинспекции, отличия в организационном отношении от подразделений участковых уполномоченных полиции профилактическое воздействие на рассматриваемую категорию лиц в рамках реализации п. 17.6 (Проведение просветительских мероприятий (занятий, бесед и инструктажей) с различными категориями участников дорожного движения) Наставления по организации деятельности Государственной инспекции безопасности дорожного движения МВД России по пропаганде безопасности дорожного движения, утвержденного приказом МВД России от 29 декабря 2018 г. № 903 «Об утверждении Наставления по организации деятельности государственной инспекции безопасности дорожного движения МВД России по пропаганде безопасности дорожного движения», может быть возложена на отделения, группы, направления пропаганды безопасности дорожного движения Госавтоинспекции либо реализовываться на базе образовательных организаций системы МВД России и их филиалов. Направленность таких мероприятий – разъяснение действующего антинаркотического и антиалкогольного законодательства, влияние алкоголя и наркотиков на здоровье человека.

Заключение

Межведомственное взаимодействие имеет решающее значение в противодействии незаконному обороту наркотиков. И прежде всего оно заключается в эффективной реализации совместных мероприятий, в развитии и внедрении более четких алгоритмов обмена информацией между Госавтоинспекцией и другими службами. В современном информационном пространстве быстрота реализации данных, направленных на пресечение незаконного оборота наркотиков, имеет ключевое значение. Разобщенность в работе взаимодействующих подразделений снижает результативность и оперативность работы.

Библиография

1. Баканов К.С. Некоторые аспекты прекращения права на управление транспортным средством при потреблении наркотических средств и алкоголя // Закон и право. 2018. № 7. С. 176–181.
2. Батыщева И.В. Актуальные вопросы участия органов внутренних дел в расследовании административных правонарушений, предусмотренных ст. 12.8 КоАП РФ // Концепции, теория и методика фундаментальных и прикладных научных исследований: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, Пермь, 14 августа 2021 года. Стерлитамак: Общество с ограниченной ответственностью «Агентство международных исследований», 2021. С. 217–220.
3. Бурцев А.А. Дорожно-транспортные происшествия в результате опьянения водителей, находившихся под диспансерным наблюдением // Наркология. 2021. Т. 20. № 4. С. 30–37.
4. Бурцев А.А., Баканов К.С. Анализ эффективности выявления потребителей наркотиков среди водителей транспортных средств // Вопросы наркологии. 2021. № 5 (200). С. 76–92.
5. Вольнкин Е.Н., Кузьмин Н.Т. Специальные средства расследования, используемые полицией Никарагуа в противодействии незаконному обороту наркотиков: обзор. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2024. 50 с.
6. Квитчук А.С., Лаврентьева И.С., Фомичев С.М. Использование специальных учётов и автоматизированных информационных систем в деятельности подразделений по обеспечению безопасности дорожного движения: учебное пособие. Санкт-Петербург: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2022. 68 с.
7. Летаева Е.А. Основные формы участия сотрудников ГИБДД в выявлении, раскрытии и пресечении преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. Т. 13. С. 3261–3265.
8. Ляхов П.В. Некоторые вопросы совершенствования правоприменительной деятельности, связанной с противодействием управлению транспортными средствами в состоянии опьянения // Современная наука. 2023. № 2. С. 17–22.
9. Михайлов Б.П., Тузов Л.Л., Чварков М.А. К вопросу о проведении специальных оперативно-разыскных операций по противодействию незаконному обороту наркотиков // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 1. С. 197–202.
10. Павлик М.Ю., Гункин А.Г. Административно-правовой механизм профилактики правонарушений, связанных с управлением транспортным средством в состоянии опьянения // Социология и право. 2026. № 1. С. 91–103.
11. Подгайный А.М. Зарубежный опыт выявления водителей, управляющих транспортными средствами в состоянии опьянения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 11. С. 230–232.
12. Черняков С.А., Горбатенко С.Л. Возможности использования сервисов Единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел // Проблемы правоохранительной деятельности. 2023. № 4 (54). С. 53–62.

Participation of the State Traffic Inspectorate in Countering the Illegal Drug Trafficking

Vitalii L. Shaposhnikov

PhD in Law, Associate Professor,
Deputy Head of the Department of Management
and Administrative-Legal Activity of Internal Affairs Bodies,
Belgorod Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin,
308024, 71, Gor'kogo str., Belgorod, Russian Federation;
e-mail: v.shaposhnikov@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the consideration of issues relating to the participation of the State

Traffic Inspectorate in countering the illegal drug trafficking. The main forms of this activity are identified: the suppression of attempts to transport drugs in vehicles; the provision of assistance to other units and services of internal affairs bodies and other law enforcement agencies in exercising powers to counter illegal drug trafficking; and the identification and suppression of cases of driving vehicles while in a state of drug intoxication. On the basis of their study, recommendations are given aimed at increasing the effectiveness of the functioning of the State Traffic Inspectorate through the improvement of the regulatory framework in the field of road safety, the development of a system of special training for traffic police officers, and the strengthening of interaction between the subjects of law enforcement activity involved in the work of countering illegal drug trafficking.

For citation

Shaposhnikov V.L. (2026) Uchastie Gosavtoinspektsii v protivodeystvii nezakonnomu oborotu narkotikov [Participation of the State Traffic Inspectorate in Countering the Illegal Drug Trafficking]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (9A), pp. 363-373. DOI: 10.34670/AR.2026.57.31.041

Keywords

Police, road safety, drug intoxication, administrative offenses, State Traffic Inspectorate, traffic police, illegal drug trafficking, prevention of offenses, state policy.

References

1. Bakanov, K. S. (2018). Nekotorye aspekty prekrashcheniya prava na upravlenie transportnym sredstvompri potreblenii narkoticheskikh sredstv i alkogolya [Some aspects of terminating the right to drive a vehicle when consuming narcotic drugs and alcohol]. Zakon i pravo, (7), 176–181.
2. Batyshcheva, I. V. (2021). Aktual'nye voprosy uchastiya organov vnutrennikh del v rassledovanii administrativnykh pravonarushenii, predusmotrennykh st. 12.8 KoAP RF [Current issues of the participation of internal affairs bodies in the investigation of administrative offenses under Article 12.8 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation]. In Kontseptsii, teoriya i metodika fundamental'nykh i prikladnykh nauchnykh issledovanii (pp. 217–220). Agentstvo mezhdunarodnykh issledovanii.
3. Burtsev, A. A. (2021). Dorozhno-transportnye proisshestviya v rezul'tate op'yaneniya voditelei, nakhodivshikhsya pod dispansernym nablyudeniem [Road traffic accidents resulting from intoxication of drivers under dispensary observation]. Narkologiya, 20(4), 30–37.
4. Burtsev, A. A., & Bakanov, K. S. (2021). Analiz effektivnosti vyyavleniya potrebitelei narkotikov sredi voditelei transportnykh sredstv [Analysis of the effectiveness of identifying drug users among drivers of vehicles]. Voprosy narkologii, (5(200)), 76–92.
5. Chernjakov, S. A., & Gorbatenko, S. L. (2023). Vozmozhnosti ispol'zovaniya servisov Edinoi sistemy informatsionno-analiticheskogo obespecheniya deyatel'nosti MVD Rossii v operativno-rozysknoi deyatel'nosti organov vnutrennikh del [Possibilities of using the services of the Unified System of Information and Analytical Support for the Activities of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the operational-search activities of internal affairs bodies]. Problemy pravookhranitel'noi deyatel'nosti, (4(54)), 53–62.
6. Kvitchuk, A. S., Lavrent'eva, I. S., & Fomichev, S. M. (2022). Ispol'zovanie spetsial'nykh uchetov i avtomatizirovannykh informatsionnykh sistem v deyatel'nosti podrazdelenii po obespecheniyu bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya [Use of special records and automated information systems in the activities of road safety units]. Izd-vo SPb un-ta MVD Rossii.
7. Letaeva, E. A. (2015). Osnovnye formy uchastiya sotrudnikov GIBDD v vyyavlenii, raskrytii i presechenii prestuplenii v sfere nezakonnogo oborota narkoticheskikh sredstv i psikhotropnykh veshchestv [Main forms of participation of traffic police officers in detecting, solving and suppressing crimes in the field of illicit trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances]. Kontsept, 13, 3261–3265.
8. Lyakhov, P. V. (2023). Nekotorye voprosy sovershenstvovaniya pravoprimenitel'noi deyatel'nosti, svyazannoi s protivodeistviem upravleniyu transportnymi sredstvami v sostoyanii op'yaneniya [Some issues of improving law enforcement activities related to countering driving under the influence]. Sovremennaya nauka, (2), 17–22.
9. Mikhailov, B. P., Tuzov, L. L., & Chvarkov, M. A. (2021). K voprosu o provedenii spetsial'nykh operativno-razysknykh operatsii po protivodeistviyu nezakonnomu oborotu narkotikov [On conducting special operational-search operations to

counter the illicit drug trade]. Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii, (1), 197–202.
10. Pavlik, M. Yu., & Gunkin, A. G. (2026) Administrativno-pravovoi mekhanizm profilaktiki pravonarushenii, svyazannykh s upravleniem transportnym sredstvom v sostoyanii op'yaneniya [Administrative-legal mechanism for preventing offenses related to driving under the influence]. Sotsiologiya i pravo, (1), 91–103.
11. Podgainyi, A. M. (2019). Zarubezhnyi opyt vyyavleniya voditelei, upravlyayushchikh transportnymi sredstvami v sostoyanii op'yaneniya [Foreign experience in identifying drivers operating vehicles under the influence]. Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki, (11), 230–232.
12. Volnkin, E. N., & Kuz'min, N. T. (2024). Spetsial'nye sredstva rassledovaniya, ispol'zuemye politsiei Nikaragua v protivodeistvii nezakonnomu oborotu narkotikov: obzor [Special investigation tools used by the Nicaraguan police in countering the illicit drug trade: a review]. Sibirskii yuridicheskii institut MVD Rossii.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 343.1 **DOI: 10.34670/AR.2026.38.11.042**

Обжалование постановления об отводе защитника в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации как спорный вопрос

Размыслов Владислав Валерьевич

Аспирант,
кафедра уголовного права и процесса,
Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина,
167001, Российская Федерация, Сыктывкар, Октябрьский просп., 55;
e-mail: Razmyslov@mail.ru

Аннотация

Введение: в адвокатском сообществе неоднократно поднимался вопрос о необоснованном отказе в принятии к производству жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, касающихся обжалования постановления дознавателя, следователя и руководителя следственного органа об отводе защитника (адвоката), субъектом которых выступает сам отведённый защитник (адвокат). Материалы и методы: изучение судебной практики, в том числе судебных решений Конституционного Суда РФ и положений Пленума Верховного Суда РФ, научной литературы показало, что действительно в настоящее время не сформировано единого подхода к рассмотрению указанного вида жалоб, если субъектом выступает сам адвокат. В частности, анализируется указанная ситуация через призму соблюдения конституционного права участников уголовного судопроизводства на получение квалифицированной юридической помощи. Результаты исследования: сделан вывод о необходимости внесения изменения в Постановление Пленума от 10.02.2009 № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», а именно указать о том, что защитник (адвокат) вправе обжаловать от своего имени в интересах доверителя (участника уголовного судопроизводства) решение должностных лиц об его отводе от участия в уголовном судопроизводстве. Обсуждение и заключение: предложенные законодательные изменения направлены на укрепление института судебного порядка рассмотрения жалоб.

Для цитирования в научных исследованиях

Размыслов В.В. Обжалование постановления об отводе защитника в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации как спорный вопрос // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 9А. С. 374-384. DOI: 10.34670/AR.2026.38.11.042

Ключевые слова

Защитник, адвокат, жалоба в порядке ст. 125 УПК РФ, конституционные права, отвод защитника, должностное лицо, право на защиту, квалифицированная юридическая помощь, судебный контроль, государственная политика.

Введение

Одним из механизмов, посредством которых обеспечивается защита прав лиц, вовлеченных в уголовное преследование, выступает судебное обжалование процессуальных решений органов расследования. Статья 125 УПК РФ позволяет передать на судебное рассмотрение действия, бездействие и постановления должностных лиц, если они способны повлечь нарушение конституционных прав и свобод либо затруднить реализацию права на доступ к правосудию. При этом круг обжалуемых решений не ограничивается вопросами, непосредственно связанными с привлечением лица к уголовной ответственности. Верховный Суд РФ относит к ним, в частности, постановления дознавателя, следователя и руководителя следственного органа об отводе защитника [О практике рассмотрения судами жалоб, 2009]. Тем самым законодательство предусматривает возможность судебной проверки решений, затрагивающих реализацию права на квалифицированную юридическую помощь.

Практическое значение такой проверки обусловлено особым положением защитника в уголовном процессе. Возможность получать юридическую помощь не сводится к формальному участию адвоката в деле: она предполагает наличие условий для полноценного осуществления защиты, включая конфиденциальное общение с подзащитным без посторонних лиц. Подозреваемый и обвиняемый вправе пользоваться помощью защитника в предусмотренный законом период, а соответствующие гарантии распространяются и на порядок их взаимодействия с ним. В системе уголовно-процессуальных отношений эти лица и представляющий их защитник образуют сторону защиты, правовой статус участников которой регламентирован главой 7 УПК РФ [Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, 2001].

Указанные процессуальные гарантии имеют конституционную основу. Российская Федерация провозглашена демократическим правовым государством, обязанным признавать, соблюдать и обеспечивать защиту прав и свобод человека; они определены в качестве высшей ценности [Конституция Российской Федерации, 1993]. Поэтому предоставленные подозреваемому и обвиняемому возможности по реализации права на защиту должны обеспечиваться не только посредством закрепления соответствующих полномочий в законе, но и наличием действенных способов оспаривания решений, способных ограничить их осуществление. Такой способ процессуального контроля предусмотрен главой 16 УПК РФ, устанавливающей порядок обжалования решений и действий должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство.

Обзор литературы

Отдельные вопросы, связанные с процессуальным положением защитника и возможностью обжалования его отвода в порядке статьи 125 УПК РФ, рассматривались в работах С. Б. Байрамуковой и Н. М. Кипниса.

Материалы и методы

Методологическую основу проведенного исследования составили такие методы познания, как системно-структурный, методы анализа, сравнения и обобщения.

Результаты исследования

Отстранение адвоката от участия в уголовном деле порождает процессуальную ситуацию, в которой возможность судебной проверки принятого решения оказывается связана с вопросом о статусе лица, намеренного его оспорить. Несмотря на то что Верховный Суд РФ относит постановление об отводе защитника к числу решений, обжалуемых по правилам статьи 125 УПК РФ, круг лиц, уполномоченных инициировать такую проверку, остается предметом разногласий. В частности, отсутствует единый подход к вопросу, сохраняет ли адвокат право самостоятельно обратиться в суд после вынесения постановления о собственном отводе. Одни суды рассматривают подобные обращения по существу, другие исходят из того, что прекращение участия в деле одновременно исключает возможность подачи жалобы в качестве участника уголовного судопроизводства.

Последний подход фактически ставит допустимость судебного обжалования в зависимость от процессуального положения заявителя, которое и стало непосредственным результатом оспариваемого решения. Между тем утрата полномочий по дальнейшему ведению защиты не дает сама по себе ответа на вопрос о возможности проверить законность их прекращения. После отвода адвокат действительно не может продолжать осуществлять защиту в прежнем процессуальном качестве, заявлять ходатайства и приносить жалобы от имени доверителя. Однако из этого не следует автоматически, что он лишается возможности поставить перед судом вопрос о правомерности самого отстранения.

Для оценки данной коллизии необходимо учитывать природу адвокатской деятельности. Ее назначение состоит в предоставлении доверителю профессиональной юридической помощи, направленной на защиту его прав и законных интересов и обеспечение доступа к правосудию. Именно так содержание адвокатской деятельности раскрывается в Федеральном законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [Об адвокатской деятельности и адвокатуре, 2002]. Следовательно, участие защитника в уголовном процессе представляет собой не самостоятельную реализацию частного интереса адвоката, а исполнение профессиональной функции, ориентированной на обеспечение прав другого лица.

Основанием взаимодействия адвоката с доверителем служит соглашение об оказании юридической помощи; участие в конкретном деле оформляется в установленном законом порядке, в том числе посредством представления ордера [Об адвокатской деятельности и адвокатуре, 2002]. Возникающие при этом профессиональные полномочия адвоката имеют целевую направленность: они используются для обеспечения правовой защиты доверителя, а не для достижения личных целей защитника. В научной литературе также подчеркивается, что деятельность адвоката предполагает обеспечение действительной защиты прав и свобод представляемого лица и создание условий для его доступа к правосудию [Байрамукова, 2025, с. 2]. Аналогичное понимание отражено в правовых позициях Конституционного Суда РФ, согласно которым адвокат, участвующий в уголовном судопроизводстве в качестве защитника или представителя, действует в рамках возложенной на него функции оказания юридической помощи, а не ради удовлетворения собственных интересов [Определение Конституционного Суда РФ № 357-О, 2021].

Таким образом, при разрешении вопроса о возможности обжалования отвода недостаточно констатировать, что после его вынесения адвокат перестает обладать полномочиями защитника по конкретному делу. Необходимо установить, может ли прекращение его участия быть предметом судебной проверки по обращению лица, чья профессиональная деятельность

непосредственно затронута этим решением и которое намерено добиваться защиты интересов своего доверителя. Здесь принципиально важно разграничивать личную заинтересованность адвоката и его право выступить инициатором судебного контроля в интересах представляемого лица. Именно это разграничение должно лежать в основе оценки процессуальной допустимости такой жалобы.

Различия в судебных решениях проявляются прежде всего на стадии определения допустимости обращения адвоката. В одних случаях суды признают возможность рассмотрения подобной жалобы независимо от того, что ее податель уже отстранен от ведения дела. В других — ставят доступ к судебной проверке в зависимость от наличия у заявителя собственных прав и законных интересов, непосредственно затронутых оспариваемым постановлением. В результате одна и та же категория процессуальных решений получает различную оценку еще до того, как суд приступает к проверке законности отвода.

При этом способ привлечения адвоката к участию в деле не должен определять объем предоставляемых ему профессиональных гарантий. Независимо от того, вступил ли он в процесс по соглашению с доверителем или по назначению, содержание его деятельности остается неизменным: оказание квалифицированной юридической помощи и обеспечение защиты лица, интересы которого ему поручено представлять. Следовательно, различие между этими основаниями имеет организационно-процессуальный характер и само по себе не может служить аргументом при решении вопроса о допустимости жалобы на отстранение защитника.

Показательны судебные акты, в которых вопрос о принятии жалобы разрешался положительно, хотя итоговая оценка обоснованности отвода оказалась различной. Так, Хорошевский районный суд г. Москвы постановлением от 30.09.2022 [Постановление Хорошевского районного суда г. Москвы, 2022] не ограничился проверкой процессуального положения адвокатов, а рассмотрел заявленные ими доводы и удовлетворил жалобу. В обоснование решения суд указал на то, что отстранение защитников способно затронуть конституционные гарантии участников уголовного судопроизводства и создать препятствия для доступа к правосудию.

Иной результат рассмотрения при аналогичном подходе к вопросу о допустимости обращения продемонстрировал Сыктывкарский городской суд Республики Коми. Жалоба адвоката на постановление дознавателя об отводе защитника от 09.08.2024 была принята к производству и исследована в судебном заседании, однако оснований для ее удовлетворения суд не обнаружил, признав действия должностного лица законными [Постановление Сыктывкарского городского суда Республики Коми, 2024]. Значение данного примера заключается в том, что суд разграничил две самостоятельные стадии: возможность инициировать судебную проверку и оценку обоснованности самого отвода. Отрицательное решение по существу жалобы не стало основанием для отказа в доступе к судебному разбирательству.

Противоположный вариант разрешения вопроса представлен постановлением Сыктывкарского городского суда Республики Коми от 15.05.2024 [Постановление Сыктывкарского городского суда Республики Коми, 2024]. В данном случае препятствием для рассмотрения обращения стало понимание роли адвоката в уголовном процессе. Суд исходил из того, что защитник или представитель действует в интересах доверителя и не отстаивает собственные права и свободы. Из этого был сделан вывод об отсутствии у адвоката оснований для самостоятельной подачи жалобы в порядке статьи 125 УПК РФ в целях защиты личных интересов.

Сопоставление приведенных актов позволяет выявить принципиальное расхождение в подходах. Первая группа решений допускает судебное разбирательство с последующей проверкой фактических и правовых оснований отстранения защитника. Вторая фактически переносит вопрос о материальной заинтересованности заявителя на стадию принятия жалобы и тем самым исключает рассмотрение ее доводов по существу. При этом даже в рамках первой позиции исход разбирательства может быть разным: удовлетворение обращения или отказ в его удовлетворении после проверки законности действий должностного лица. Следовательно, предметом дискуссии является не столько правомерность конкретного отвода, сколько возможность адвоката выступить инициатором судебного контроля.

Единого нормативного решения этой проблемы действующее регулирование не содержит. Статья 125 УПК РФ устанавливает критерии обжалования решений, способных причинить ущерб конституционным правам и свободам либо затруднить доступ к правосудию, а Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 относит постановления об отводе защитника к числу решений, подлежащих судебной проверке. Однако эти положения не устраняют неопределенность относительно того, вправе ли сам отведенный адвокат обращаться в суд, когда основанием его жалобы выступает необходимость защиты интересов доверителя.

Отказ в принятии обращения только по мотиву отсутствия у адвоката личной заинтересованности представляется недостаточно обоснованным. Такая аргументация не учитывает, что отстранение защитника может иметь последствия, выходящие за пределы изменения его собственного процессуального положения. Прежде всего оно способно ограничить возможность подозреваемого или обвиняемого пользоваться помощью выбранного им адвоката и тем самым затронуть гарантии эффективной защиты. Иными словами, отсутствие у защитника личной цели не означает отсутствия конституционно значимого интереса, ради которого он обращается в суд: таким интересом выступает сохранение прав и законных интересов доверителя.

Поэтому при решении вопроса о принятии жалобы определяющим обстоятельством следует считать не наличие у адвоката самостоятельного личного интереса, а направленность его обращения и характер возможных последствий оспариваемого постановления. Когда из содержания жалобы следует, что адвокат добивается проверки решения, способного нарушить право доверителя на квалифицированную юридическую помощь или воспрепятствовать доступу к правосудию, формальное отсутствие у заявителя статуса действующего защитника не должно исключать судебное разбирательство. Именно такое понимание соответствует назначению статьи 125 УПК РФ: обеспечивать судебный контроль за решениями должностных лиц не только тогда, когда они непосредственно ограничивают права заявителя, но и в случаях, когда последствия этих решений затрагивают конституционные гарантии других лиц.

Само по себе прекращение участия адвоката в уголовном деле не разрешает вопрос о том, насколько обоснованным было его отстранение. Между тем именно смешение двух разных правовых аспектов — утраты статуса защитника и возможности судебной проверки решения об отводе — нередко становится основанием для отказа в рассмотрении жалоб. В результате законность постановления, повлекшего прекращение профессиональной деятельности адвоката по конкретному делу, может остаться за пределами судебной оценки.

Правовые позиции Конституционного Суда РФ позволяют разграничить эти вопросы. Конституционный Суд неоднократно указывал, что допущенный к участию в уголовном деле защитник сохраняет предусмотренные законом процессуальные права и обязанности до тех пор,

пока подзащитный не откажется от его помощи либо не будет принято решение об отводе. Одновременно Суд обращал внимание на недопустимость произвольного вмешательства должностных лиц в осуществление адвокатом возложенной на него функции: прекращение участия защитника должно опираться на установленные уголовно-процессуальным законом основания, а не на субъективное усмотрение следователя или дознавателя [Постановление Сыктывкарского городского суда Республики Коми, 2024].

Однако данное положение в судебной практике получает неоднозначное применение. Некоторые суды рассматривают наступившую вследствие отвода утрату процессуального статуса как достаточную причину для исключения права адвоката на самостоятельное обращение. При этом обстоятельство, требующее отдельной проверки, — наличие законных оснований для самого отстранения — фактически используется в качестве аргумента против возможности такой проверки. Получается, что должностное лицо своим решением прекращает участие защитника, а возникшее вследствие этого процессуальное положение впоследствии препятствует адвокату оспорить правомерность принятого акта.

Иной критерий предлагает Н. М. Кипнис: вопрос о допустимости жалобы следует разрешать с учетом ее действительного содержания, а не исключительно по формальным признакам оформления. Отсутствие в документе прямого указания на то, что адвокат обращается от имени обвиняемого, само по себе не должно препятствовать судебному разбирательству. Если из аргументации заявителя следует, что предметом оспаривания выступает решение следователя, способное ограничить право доверителя на квалифицированную юридическую помощь, обращение должно оцениваться именно с этой позиции [Кипнис, 2023, с. 66]. Такой подход позволяет установить реальную цель жалобы и избежать ситуации, когда доступ к судебной защите зависит от формулировок, использованных адвокатом при составлении документа.

Значение данного подхода раскрывается через назначение статьи 125 УПК РФ. Эта норма предназначена для судебной проверки не любых процессуальных разногласий, а тех решений и действий органов расследования, которые способны повлечь нарушение конституционных прав либо затруднить доступ к правосудию. Право на защиту реализуется подозреваемым и обвиняемым в том числе посредством профессиональной помощи избранного ими или назначенного адвоката. Поэтому отстранение защитника может затронуть не только порядок его участия в деле, но и гарантированную законом возможность самого доверителя получать юридическую помощь. При оценке жалобы это обстоятельство должно иметь определяющее значение.

Следовательно, необоснованное прекращение его участия может повлечь нарушение не только профессиональных прав защитника, но и процессуальных гарантий самого доверителя. В подобной ситуации отказ в доступе к судебному обжалованию способен существенно ограничить возможности восстановления нарушенного права на квалифицированную юридическую помощь.

Необходимо учитывать и то, что право самого подозреваемого или обвиняемого обратиться с жалобой на отвод защитника не всегда способно полностью компенсировать отсутствие аналогичной возможности у адвоката. Действительно, лицо, в интересах которого осуществлялась защита, сохраняет право самостоятельно оспаривать решение должностного лица. Однако наличие такого формального механизма еще не означает, что он во всех случаях является практически доступным и достаточным.

Особенно остро проблема проявляется в отношении лиц, находящихся под стражей. Их

возможности по подготовке процессуальных документов, сбору необходимых материалов и взаимодействию с другими участниками юридического сообщества объективно ограничены. После отвода адвокат утрачивает возможность посещать доверителя в следственном изоляторе на прежнем процессуальном основании. В соответствии с правилами внутреннего распорядка следственных изоляторов для предоставления свидания с подозреваемым или обвиняемым защитник должен предъявить удостоверение адвоката и ордер [Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов, 2022]. Если адвокат отстранен от участия в конкретном деле, наличие у него адвокатского статуса само по себе не позволяет продолжать посещения доверителя в качестве его защитника.

В результате лицо, содержащееся под стражей, вынуждено решать сразу несколько задач: искать нового адвоката, оформлять соглашение об оказании юридической помощи либо ожидать назначения другого защитника соответствующим должностным лицом. На это требуется дополнительное время, в течение которого подозреваемый или обвиняемый может оставаться без выбранного им защитника. Если постановление об отводе было необоснованным, подобная ситуация способна усугубить последствия нарушения права на защиту.

При таких обстоятельствах возможность самостоятельного обращения адвоката в суд приобретает не только профессиональное, но и непосредственное правозащитное значение. Защитник, обжалуя решение о собственном отводе, фактически инициирует проверку законности прекращения своей деятельности в интересах доверителя. Поэтому отсутствие у него личной заинтересованности в исходе уголовного дела не должно автоматически рассматриваться как препятствие для обращения в судебную инстанцию.

Представляется, что при решении вопроса о принятии подобной жалобы необходимо исходить прежде всего из ее содержания и характера оспариваемого решения. Если адвокат указывает на обстоятельства, свидетельствующие о нарушении права доверителя на квалифицированную юридическую помощь, а постановление об отводе способно повлечь ограничение конституционных гарантий защиты, суду следует оценивать наличие оснований для судебного контроля, а не отказывать в рассмотрении только по мотиву отсутствия у заявителя личного интереса. Такой подход позволил бы обеспечить более полную реализацию права на судебную защиту и исключить ситуации, когда процессуальное решение о прекращении участия адвоката фактически препятствует проверке собственной законности.

Обсуждение и заключение

Критерий личной заинтересованности заявителя не должен становиться препятствием для судебной проверки отвода, если последствия принятого решения распространяются на права лица, которому адвокат оказывал юридическую помощь. В связи с этим предлагается закрепить на уровне разъяснений Верховного Суда РФ особый порядок оценки обращений отстраненных защитников. Соответствующее положение целесообразно включить в пункт 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1.

Смысл предлагаемого дополнения состоит в признании за адвокатом возможности выступать самостоятельным заявителем по жалобе на собственное отстранение, не заявляя при этом требований о защите личных прав. Его обращение должно рассматриваться как процессуальный способ защиты интересов доверителя, если отвод способен повлечь ограничение конституционных прав и свобод подозреваемого, обвиняемого или иного

представляемого лица либо затруднить осуществление права на доступ к правосудию. Иными словами, адвокат подает жалобу от своего имени, однако юридическая цель такого обращения заключается в восстановлении гарантий лица, в интересах которого осуществлялась защита.

Такое разъяснение позволит отделить вопрос о процессуальном положении адвоката от вопроса о наличии оснований для судебного вмешательства. Отсутствие у защитника личного интереса в исходе уголовного дела не должно исключать его возможности инициировать проверку постановления, последствия которого могут отразиться на правах доверителя. Предлагаемое решение согласуется с конституционной обязанностью государства обеспечивать защиту прав человека, закрепленной статьей 2 Конституции РФ, и гарантированным статьей 46 правом на судебную защиту.

Закрепление указанного подхода позволит исключить отказ в судебной защите исключительно по мотиву отсутствия у адвоката личной заинтересованности или формального статуса участника процесса после вынесения постановления об отводе. При рассмотрении поступивших обращений суду надлежит исследовать не только соблюдение процессуального порядка принятия оспариваемого решения, но и фактическое наличие предусмотренных законом оснований для отстранения защитника. Иными словами, предметом судебной проверки должна становиться обоснованность самого отвода, а не только формальная правомерность оформления соответствующего постановления.

Реализация данного предложения позволит устранить существующие расхождения в практике рассмотрения жалоб, обеспечить единообразное применение статьи 125 УПК РФ и укрепить гарантии получения квалифицированной юридической помощи. При этом возможность самостоятельного обращения адвоката будет служить дополнительным механизмом защиты прав доверителя в ситуациях, когда он не способен эффективно реализовать право на судебное обжалование без участия профессионального защитника.

Библиография

1. Байрамукова С.Б. Публичные функции адвокатуры // Адвокатская практика. 2025. № 1. С. 42–45.
2. Кипнис Н.М. К вопросу о праве адвоката-защитника обжаловать в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ, процессуальное решение о прекращении его участия в уголовном деле // Уголовное право. 2023. № 2. С. 66–74.
3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. 4 июля.
4. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36945/
5. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Зимина А.В. на нарушение его конституционных прав частями первой и второй статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26.02.2021 № 357-О // Контур.Норматив. URL: https://normativ.kontur.ru/document/7/387483-opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-26-02-2021-n-357-o
6. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Монина И.В. на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28.11.2019 № 3193-О // Контур.Экстерн. URL: https://www.kontur-extern.ru/info/normativ/document/7/352422-opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-28-11-2019-n-3193-o
7. Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы: приказ Минюста России от 04.07.2022 № 110 (ред. от 27.01.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421232/
8. О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.02.2009 № 1 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84964/

9. По делу о проверке конституционности статей 50 и 52 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Ю.Ю. Кавалерова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17.07.2019 № 28-П // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_329281/
10. Постановление Верховного Суда Удмуртской Республики от 23.07.2020 // ГАС «Правосудие». URL: https://sudrf.ru/
11. Постановление Сыктывкарского городского суда Республики Коми от 09.08.2024 // ГАС «Правосудие». URL: https://sudrf.ru/
12. Постановление Сыктывкарского городского суда Республики Коми от 15.05.2025 // ГАС «Правосудие». URL: https://sudrf.ru/
13. Постановление Хорошевского районного суда г. Москвы от 30.09.2022 // ГАС «Правосудие». URL: https://sudrf.ru/
14. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52, ч. I. Ст. 4921.

Appealing a Decision on the Challenge of a Defense Counsel under Article 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation as a Contested Issue

Vladislav V. Razmyslov

Postgraduate Student,
Department of Criminal Law and Procedure,
Pitirim Sorokin Syktyvkar State University,
167001, 55, Oktyabr'skiy prosp., Syktyvkar, Russian Federation;
e-mail: Razmyslov@mail.ru

Abstract

Introduction: the legal community has repeatedly raised the issue of unjustified refusal to accept for proceedings complaints under Article 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation concerning the appeal of a decision of an inquirer, investigator, and head of an investigative body on the challenge of a defense counsel (attorney), where the subject of such appeal is the challenged defense counsel (attorney) himself. Materials and methods: the study of judicial practice, including judicial decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the provisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, and of scientific literature has shown that indeed at present no unified approach has been formed to the consideration of this type of complaint where the subject is the attorney himself. In particular, this situation is analyzed through the prism of observance of the constitutional right of participants in criminal proceedings to receive qualified legal assistance. Results of the study: a conclusion is drawn on the need to introduce amendments to the Ruling of the Plenum of 10.02.2009 No. 1 "On the Practice of Consideration by Courts of Complaints under Article 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation," namely to state that a defense counsel (attorney) has the right to appeal in his own name in the interests of the client (participant in criminal proceedings) the decision of officials on his challenge from participation in criminal proceedings. Discussion and conclusion: the proposed legislative changes are aimed at strengthening the institution of the judicial procedure for the consideration of complaints.

For citation

Razmyslov V.V. (2026) Obzhalovanie postanovleniya ob otvode zashchitnika v poryadke stat'i 125 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii kak spornyy vopros [Appealing a Decision on the Challenge of a Defense Counsel under Article 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation as a Contested Issue]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (9A), pp. 374-384. DOI: 10.34670/AR.2026.38.11.042

Keywords

Defense counsel, attorney, complaint under Art. 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, constitutional rights, challenge of a defense counsel, official, right to defense, qualified legal assistance, judicial control, state policy.

References

1. Bayramukova, S. B. (2025). Publichnye funktsii advokatury [Public functions of the bar]. *Advokatskaya praktika*, (1), 42–45.
2. Kipnis, N. M. (2023). K voprosu o prave advokata-zashchitnika obzhalovat' v poryadke, predusmotrennom st. 125 UPK RF, protsessual'noe reshenie o prekrashchenii ego uchastiya v ugolovnom dele [On the issue of a defense counsel's right to appeal, under Article 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, a procedural decision to terminate their participation in a criminal case]. *Ugolovnoe pravo*, (2), 66–74.
3. Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii: prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 (s izmeneniyami, odobrennymi v khode obshcherossiiskogo golosovaniya 01.07.2020) [Constitution of the Russian Federation: adopted by nationwide vote on December 12, 1993 (with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020)]. (2020, July 4). *Rossiiskaya gazeta*.
4. Ob advokatskoi deyatel'nosti i advokature v Rossiiskoi Federatsii [On advocacy and the bar in the Russian Federation]: Federal Law No. 63-FZ of May 31, 2002. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36945/
5. Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Zimina A. V. na narushenie ego konstitutsionnykh prav chastyami pervoi i vtoroi stat'i 125 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii [On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen A. V. Zimin regarding the violation of his constitutional rights by parts one and two of Article 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 357-O of February 26, 2021. https://normativ.kontur.ru/document/7/387483-opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-26-02-2021-n-357-o
6. Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Monina I. V. na narushenie ego konstitutsionnykh prav chast'yu vtoroi stat'i 49 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii [On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen I. V. Monin regarding the violation of his constitutional rights by part two of Article 49 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 3193-O of November 28, 2019. https://www.kontur-extern.ru/info/normativ/document/7/352422-opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-28-11-2019-n-3193-o
7. Ob utverzhdenii Pravil vnutrennego rasporyadka sledstvennykh izolyatorov ugolovno-ispolnitel'noi sistemy, Pravil vnutrennego rasporyadka ispravitel'nykh uchrezhdenii i Pravil vnutrennego rasporyadka ispravitel'nykh tsentrov ugolovno-ispolnitel'noi sistemy [On approval of internal regulations for investigative detention centers, correctional facilities and correctional centers of the penal system]: Order of the Ministry of Justice of Russia No. 110 of July 4, 2022 (as amended on January 27, 2025). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421232/
8. O praktike rassmotreniya sudami zhalob v poryadke stat'i 125 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii [On practice in courts' consideration of complaints under Article 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 of February 10, 2009. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84964/
9. Po delu o proverke konstitutsionnosti statei 50 i 52 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii v svyazi s zhaloboi grazhdanina Yu. Yu. Kavalerova [On the review of the constitutionality of Articles 50 and 52 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen Yu. Yu. Kavalerov]: Judgment of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 28-P of July 17, 2019. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_329281/
10. Postanovlenie Verkhovnogo Suda Udmurtskoi Respubliki ot 23.07.2020 [Ruling of the Supreme Court of the Udmurt Republic of July 23, 2020]. https://sudrf.ru/

11. Postanovlenie Syktyvkarskogo gorodskogo suda Respubliki Komi ot 09.08.2024 [Ruling of the Syktyvkar City Court of the Komi Republic of August 9, 2024]. https://sudrf.ru/
12. Postanovlenie Syktyvkarskogo gorodskogo suda Respubliki Komi ot 15.05.2025 [Ruling of the Syktyvkar City Court of the Komi Republic of May 15, 2025]. https://sudrf.ru/
13. Postanovlenie Khoroshevskogo raionnogo suda g. Moskvy ot 30.09.2022 [Ruling of the Khoroshevsky District Court of Moscow of September 30, 2022]. https://sudrf.ru/
14. Ugolovno-protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii [Criminal Procedure Code of the Russian Federation]: Federal Law No. 174-FZ of December 18, 2001 (as amended on August 2, 2019). (2001). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*, (52, pt. I), Art. 4921.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 343.9 **DOI: 10.34670/AR.2026.10.96.043**

Теоретические аспекты современной габитоскопии: история, теория, практика

Радионова Ольга Александровна

Старший преподаватель,
кафедра уголовного права и криминалистики,
Тихоокеанский государственный университет;
680035, Российская Федерация, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136;
e-mail: zema12.07.1977@gmail.com

Аннотация

Внешний облик человека остаётся одним из наиболее информативных источников сведений о личности. Способность запоминать, описывать и распознавать человека по внешним признакам имеет важное практическое значение. По мере развития криминалистики наблюдение за внешностью человека постепенно трансформировалось из преимущественно эмпирического способа его описания в систему научно обоснованных методов и средств идентификации. Совокупность соответствующих знаний и практических приёмов получила развитие в рамках габитоскопии. В статье рассматриваются теоретические аспекты современной габитоскопии, включая исторические предпосылки использования внешности для опознания, развитие методик словесного портрета и композиционных портретов, а также современный этап, характеризующийся компьютеризацией криминалистических учётов и внедрением автоматизированных информационно-поисковых систем. Особое внимание уделяется проблемам, ограничивающим эффективность габитоскопической идентификации: ведомственной разобщённости информационных систем, недостаточной адаптации традиционных методик к изменчивости внешнего облика человека, дефициту специальной подготовки сотрудников, а также высокой стоимости программного обеспечения. Предлагаются направления решения указанных проблем, включая формирование единого стандарта информационного взаимодействия, совершенствование кадровой подготовки и использование технологий искусственного интеллекта в качестве инструмента предварительного отбора и ранжирования результатов.

Для цитирования в научных исследованиях

Радионова О.А. Теоретические аспекты современной габитоскопии: история, теория, практика // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 9А. С. 385-395. DOI: 10.34670/AR.2026.10.96.043

Ключевые слова

Габитоскопия, криминалистика, преступник, портрет, внешность, личность, идентификация, автоматизированные информационно-поисковые системы, искусственный интеллект, государственная политика.

Введение

Актуальность исследования обусловлена активным внедрением цифровых технологий в деятельность правоохранительных органов и расширением практики использования фото- и видеоматериалов для установления личности и розыска лиц, причастных к совершению преступлений. Современные автоматизированные информационно-поисковые системы необходимы для обработки значительных массивов изображений, однако эффективность их применения зависит от качества исходных данных, совместимости информационных ресурсов, корректности оценки признаков внешности и уровня профессиональной подготовки сотрудников. Возникает необходимость рассмотрения теоретических основ габитоскопии с учетом современных возможностей и ограничений цифровой идентификации. Актуальность исследования определяется также необходимостью совершенствования организационных и методических подходов к использованию габитоскопических данных в практической деятельности правоохранительных органов.

Цель исследования заключается в рассмотрении теоретических и практических аспектов развития современной габитоскопии, выявлении основных проблем ее применения в условиях цифровизации криминалистической деятельности и обосновании перспективных направлений повышения эффективности габитоскопической идентификации.

Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих задач исследования:

– Рассмотреть исторические предпосылки возникновения и основные этапы развития габитоскопии.
– Раскрыть теоретические основы габитоскопии, включая классификацию признаков внешности человека и их идентификационную значимость.
– Охарактеризовать современные методы фиксации, описания и сопоставления признаков внешности, в том числе с использованием автоматизированных информационно-поисковых систем.
– Выявить основные организационные, технические и методические проблемы применения современных габитоскопических технологий.
– Обосновать перспективные направления совершенствования габитоскопической идентификации, связанные с обеспечением совместимости информационных систем, подготовкой специалистов и использованием технологий искусственного интеллекта.

Научная новизна исследования состоит в систематизации исторических, теоретических и практических аспектов развития габитоскопии с акцентом на проблемы ее современного цифрового этапа. В отличие от преимущественно исторического или технического рассмотрения отдельных методов идентификации, в статье взаимосвязанные проблемы применения габитоскопических технологий анализируются в организационном, методическом и кадровом аспектах. На этой основе обосновываются предложения по совершенствованию информационного взаимодействия между габитоскопическими учетами, учету изменчивости внешнего облика человека при формировании информационных массивов, развитию практико-ориентированной подготовки специалистов и использованию искусственного интеллекта для предварительного отбора и ранжирования результатов поиска при сохранении ведущей роли специалиста в оценке полученных данных.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы познания, применяемые при изучении теоретических и практических проблем криминалистики. В работе использованы анализ и синтез, позволившие рассмотреть основные положения габитоскопии и обобщить сведения о проблемах ее современного применения; историко-правовой метод, примененный для изучения этапов становления и развития способов фиксации и идентификации внешности человека; системный подход, обеспечивший рассмотрение габитоскопии как совокупности теоретических положений, криминалистических методик, информационных ресурсов и технических средств. Кроме того, применены анализ научной литературы и обобщение опубликованных материалов, посвященных использованию автоматизированных информационно-поисковых систем и проблемам криминалистической идентификации по признакам внешности.

Материалами исследования послужили научные публикации и учебная литература по криминалистике, работы, посвященные развитию габитоскопии и портретной экспертизы, а также опубликованные сведения о применении цифровых технологий в деятельности правоохранительных органов. Исследование носит теоретико-аналитический характер и направлено на систематизацию научных представлений о современной габитоскопии, выявление проблем ее практического применения и обоснование возможных направлений дальнейшего развития.

Результаты и обсуждения

Габитоскопия – это один из разделов криминалистики, который использует внешние признаки человека для борьбы с преступностью. Термин произошел от двух латинских слов «habitus», означающий внешность и «skopeo», что, в свою очередь переводится как изучать [Криминалистика, 2023]. Таким образом, габитоскопия – это учение о внешнем облике человека. В криминалистике габитоскопия представляет собой направление, связанное с изучением закономерностей формирования, отображения и использования признаков внешности человека в целях его идентификации, розыска и установления личности. Практическое значение габитоскопии выражено в том, что внешний облик человека обладает совокупностью индивидуализирующих признаков, которые могут сохраняться в памяти очевидцев, фиксироваться в документах, фото- и видеоматериалах, а также использоваться при создании криминалистических учетов.

В теоретическом отношении габитоскопия основывается на положении о том, что внешний облик человека представляет собой сложную совокупность признаков, имеющих различную степень устойчивости, индивидуальности и информативности. В криминалистике признаки внешности принято рассматривать в определенной системе, которая способна осуществлять их описание, фиксацию, сравнение и оценку. К числу основных элементов такой системы относятся анатомические признаки, функциональные признаки, сопутствующие признаки, а также особые приметы. Совокупность указанных элементов формирует индивидуальный внешний образ человека, который может использоваться в целях розыска и идентификации.

Признаки делятся на анатомические и функциональные, анатомические характеризуют строение тела и отдельных его частей: рост, телосложение, форму головы и лица, особенности лба, бровей, глаз, носа, рта, подбородка, ушных раковин и другие элементы. В свою очередь,

функциональные связаны с особенностями поведения и движений человека – походкой, жестикуляцией, мимикой, манерой держать тело и иными проявлениями двигательной активности. Сопутствующие признаки связаны преимущественно с одеждой, обувью, аксессуарами и другими предметами, сопровождающими внешний образ человека. Особые приметы включают относительно редкие и индивидуализирующие особенности: шрамы, татуировки, родимые пятна, последствия травм и хирургических вмешательств.

Важное значение для теории габитоскопии имеет классификация признаков по степени их устойчивости. Одни признаки изменяются сравнительно медленно и могут сохраняться в течение длительного периода времени, другие способны существенно изменяться под воздействием возраста, состояния здоровья, образа жизни, изменения массы тела, косметических процедур или иных обстоятельств. Идентификационная ценность внешнего признака определяется его устойчивостью во времени, относительной редкостью и возможностью достоверной фиксации.

Следует отметить, что габитоскопия тесно связана с иными направлениями криминалистики, прежде всего с криминалистической регистрацией, криминалистической идентификацией и судебной портретной экспертизой. При этом данные направления не являются тождественными. Габитоскопия формирует теоретические положения и практические рекомендации относительно признаков внешности человека, способов их обнаружения, описания и использования. Криминалистическая регистрация обеспечивает накопление и систематизацию соответствующей информации, а портретная экспертиза решает специальные экспертные задачи, связанные с установлением тождества человека по его отображениям.

Историческое развитие габитоскопии представляет собой постепенный переход от непосредственного визуального восприятия внешности к ее стандартизированному описанию, измерению, фотографической фиксации и, на современном этапе, цифровой обработке. Каждый последующий этап развития криминалистической техники расширял возможности использования информации о внешнем облике человека. Если первоначально основным источником являлась память очевидца, то впоследствии к ней добавились стандартизированные описания, антропометрические данные, фотографии, композиционные портреты, а в настоящее время — цифровые изображения и автоматизированные биометрические системы.

Исторические предпосылки использования внешности человека для его опознания восходят к Древнему Египту. Уже в древних обществах применялись описательные способы фиксации, в частности сведения о внешности могли включать возраст, рост, телосложение, форму лица, цвет волос и глаз, а также различные особые приметы – шрамы, родинки и иные индивидуальные особенности. Первоначально такие описания носили преимущественно произвольный характер и зависели от наблюдательности и способности человека воспроизвести запомнившийся внешний образ [Ищенко, Топорков, 2010].

Существенные изменения в подходах к установлению личности произошли в XIX веке, когда развитие естественных наук и статистических методов стало постепенно влиять на криминалистическую практику. Возникла необходимость находить объективные параметры, которые способные были бы отличать одного человека от другого. В этот период получили развитие антропометрические подходы к регистрации личности, применение которых основывалось на предположении, что совокупность определенных размеров и пропорций человеческого тела может использоваться в качестве относительно устойчивого идентификационного комплекса.

Особое место в истории криминалистической регистрации занимает антропометрическая

система французского криминалиста Альфонса Бертийона. Разработанная им система регистрации преступников основывалась на измерении различных частей тела и головы, а также на фиксации внешних признаков и фотографировании лица. Значение данного подхода состояло в стремлении стандартизировать процедуру регистрации.

Однако антропометрическая регистрация имела определенные ограничения, например измерения требовали специального оборудования, соблюдения установленной методики и участия подготовленного сотрудника. Кроме того, отдельные антропометрические показатели могли совпадать у разных лиц, а результаты измерений зависели от точности выполнения процедуры. В дальнейшем эти обстоятельства, а также развитие дактилоскопии обусловили постепенное изменение приоритетов в криминалистической регистрации.

Параллельно с антропометрией совершенствовалась фотографическая фиксация внешности. Развитие криминалистической фотографии позволило перейти от словесного описания внешнего облика к его непосредственному визуальному отображению. Фотография стала использоваться как самостоятельное средство криминалистической регистрации. Стандартизация условий фотографирования, в том числе получение изображений лица в определенных ракурсах, значительно повысила возможности последующего сравнения и установления личности.

Важным этапом стало формирование системы словесного портрета. Необходимость создания единого языка описания внешности лежала в основе наличия бытовое описание («высокий мужчина», «крупный нос», «темные волосы»), что не всегда позволяло точно передать индивидуальные особенности человека. Криминалистическая методика потребовала использования специальных терминов и определенной последовательности описания признаков. Стандартизация терминологии позволила переводить визуальные характеристики человека в структурированную форму, пригодную для хранения, систематизации и поиска. Иными словами, еще до появления компьютерных технологий была сформирована своеобразная информационная модель внешности человека. В дальнейшем именно этот принцип получил развитие в электронных базах данных и автоматизированных информационно-поисковых системах.

Таким образом, развитие габитоскопии нельзя рассматривать исключительно как историю технических средств фиксации внешности. Одновременно происходило формирование теоретических представлений о структуре внешнего облика человека, его признаках, их устойчивости и идентификационной значимости. Последовательная смена описательных, антропометрических, фотографических и композиционных методов отражает общий процесс развития криминалистики — переход от субъективного наблюдения к стандартизированным способам получения и обработки информации.

На протяжении длительного исторического периода для облегчения установления личности преступника применялись и более радикальные способы фиксации его принадлежности к определенной категории преступников. До XX века для опознания преступника намеренно применялись телесные повреждения (отрубали пальцы, кисти рук, отрезали носы, уши, производили процедуру клеймения на самом видном месте тела). Знаки наносили в виде букв и символов [Аверьянова, Белкин, Корухов, Россинская, 2026]. По таким знакам можно было определить статус преступника. Все описания внешности преступников заносили в реестровые книги. Безусловно, подобные способы не являлись научными методами идентификации и носили характер принудительной социальной маркировки.

Переход к научно обоснованным способам установления личности стал возможен с

развитием криминалистики и совершенствованием методов регистрации. Так, формировались определенные методики и системы, например методика идентификации преступников, которая заключалась в измерении нескольких параметров скелета (рост стоя и сидя, размах рук, размеры головы и правого уха, длина стопы, среднего пальца руки, мизинца, предплечья и расстояния между скулами, а также другие характеристики), метод словесного портрета, который в 30-е гг. XX в. стал одним из обязательных методов уголовно-регистрационной работы. Описание внешности преступника теперь должно было производиться с использованием специальных терминов, облегчающих систематизацию данных [Криминалистика, 2005].

Далее получила развитие методика композиционных портретов, заключавшаяся в составлении изображения лица из отдельных наиболее похожих между собой фотоизображений, впоследствии названная «фоторобот». Методика композиционных портретов была попыткой повышения эффективности розыска. Для составления такой композиции использовали признаки внешности, которые добывались путем опроса свидетелей и потерпевших. Были разработаны такие приборы, как ИКР (идентификационный комплект рисунков), а также более ранний ПКП (демонстрационно-монтажное устройство ленточного типа), которые были предназначены для составления таких портретов, однако они послойно рисовали портрет на прозрачных пленках, а затем сотрудник вручную производил ретуширование портрета. С течением времени и с развитием компьютерной техники процедура была значительно упрощена. Так, переход от создания композиционных портретов к компьютерному моделированию внешности позволил ускорить обработку информации, увеличить количество используемых признаков и повысить удобство поиска по информационным массивам.

Современный этап развития габитоскопической идентификации характеризуется компьютеризацией криминалистических учетов, внедрением автоматизированных информационно-поисковых систем (далее по тексту – АИПС), использованием цифровых фото- и видеоматериалов, а также развитием технологий автоматизированного сравнения изображений. В настоящее время габитоскопия используется для решения широкого круга практических задач. К таким задачам относятся розыск лиц, присутствовавших на месте совершения преступления, установление личности лиц, скрывающихся от органов предварительного расследования или совершивших побег из мест лишения свободы, розыск без вести пропавших граждан, а также идентификация живых лиц и неопознанных трупов.

Использование системы АИПС позволяет осуществлять поиск и сопоставление фотоизображений, формировать и вести соответствующие базы данных и существенно сокращать время обработки значительных объемов информации. Вместе с тем эффективность применения АИПС определяется не только техническими характеристиками программного обеспечения, но и квалификацией сотрудников, качеством исходных изображений, полнотой информационных массивов и возможностью интеграции различных баз данных.

Благодаря расширенному применению АИПС «СОВА» увеличивается число раскрытых преступлений и правонарушений. Общее число правонарушений и преступлений в РФ, раскрытых с помощью данной системы, составляет порядка двух тысяч в год, по сравнению с началом 2000-х годов это характеризуется увеличением роста числа раскрытых преступлений [Тюркин,www…].

В настоящее время в МВД существуют программы, которые используют методы габитоскопии. Результат, который выдает программа, может доходить до 90 % схожести, что помогает в более короткие сроки раскрыть преступление [Кузьмина, Холевчук, 2019].

По мнению руководства МВД, есть целый ряд проблем, которые требуют решения [Клепикова, 2025]. Так, техническое развитие габитоскопии сопровождается рядом проблем, непосредственно влияющих на результативность идентификации. Наиболее существенными являются три взаимосвязанные проблемы: ведомственная разобщённость используемых систем, недостаточная адаптация традиционных методик к изменчивости современного внешнего облика человека и дефицит специальной подготовки сотрудников, работающих с автоматизированными габитоскопическими системами. К числу дополнительных проблем относятся высокая стоимость специализированного программного обеспечения и необходимого компьютерного оборудования, сложность отдельных процедур обработки и поиска информации, а также значительные временные затраты при работе с большими массивами фото- и видеоматериалов.

Первая проблема заключается в отсутствии полноценной технологической совместимости различных информационных ресурсов. Наличие нескольких систем, предназначенных для решения сходных задач, само по себе не обеспечивает эффективного информационного обмена между ними. Исследователями отмечено, что при наличии в оперативных подразделениях АИПС биометрической идентификации личности по изображениям «СОВА» передача материалов, ранее накопленных в АИПС «Портрет», столкнулась с проблемой несовместимости систем, вследствие чего значительная часть сформированного массива оказалась невостребованной. Дальнейшее увеличение количества специализированных информационных систем без решения вопроса об их совместимости не повысит эффективность габитоскопического учета. Информация о внешности человека имеет ценность только в том случае, если она может быть оперативно обнаружена, сопоставлена и использована независимо от подразделения и системы, в которой первоначально была сформирована.

В связи с этим предлагаемым направлением решения данной проблемы является формирование единого стандарта информационного взаимодействия габитоскопических учетов. Более реалистичным представляется создание федерального стандарта совместимости данных, предусматривающего единые требования к формату изображений, описанию признаков внешности, структуре учетной информации и протоколам обмена данными. Тем самым, позволяя сохранить уже используемые региональные и ведомственные информационные ресурсы и одновременно обеспечить возможность их взаимного поиска и сопоставления.

Вторая проблема связана с изменением самого объекта габитоскопической идентификации. Классические положения габитоскопии исходят из относительной устойчивости значительной части признаков внешности. Однако современная практика демонстрирует необходимость более осторожного отношения к данному положению. Возрастные изменения, изменение массы тела, косметологические процедуры, пластические операции, изменение прически, наличие или отсутствие растительности на лице, использование средств маскировки способны существенно изменять визуальное восприятие человека. По мнению Е.И. Фойгель, современное развитие габитоскопии должно учитывать не только традиционную классификацию признаков внешности, но и новые направления их фиксации и исследования [Протасевич, Фойгель, 2020].

Современные исследования С.А. Пичугина дополнительно обращают внимание на необходимость учитывать антропологическое разнообразие населения и ограниченность подходов, ориентированных на усредненные антропологические характеристики [Пичугин, 2013]. Автор обосновывает перспективность популяционного подхода, позволяющего учитывать вариативность признаков внешности и сложное сочетание наследуемых

характеристик. Требуется переход от представления о внешности как о статичной совокупности признаков к ее рассмотрению как о динамической системе. Для этого целесообразно совершенствовать информационные базы таким образом, чтобы в них могли учитываться не одно изображение человека, а совокупность его изображений, полученных в различные периоды времени, для сопоставления устойчивых признаков с изменениями внешности.

Проблема оценки признаков внешности имеет и более глубокий методический аспект. Г.Ю. Головастиков и Р.В. Бондаренко обращают внимание на вопросы достоверности отображения признаков внешности и оценки их индивидуальной значимости при проведении портретной экспертизы [Головастиков, Бондаренко, 2018]. Следовательно, специалист должен уметь работать с интерфейсом конкретной программы и понимать криминалистическое значение признаков внешности, ограничения автоматизированного поиска и причины возможных ошибок системы.

В качестве решения кадровой проблемы предлагается сформировать двухуровневую систему подготовки специалистов. Первый уровень целесообразно реализовывать в образовательных организациях, осуществляющих подготовку специалистов в области юриспруденции, криминалистики и правоохранительной деятельности. Второй уровень должен быть ориентирован непосредственно на сотрудников органов внутренних дел и включать практическую работу с конкретными АИПС, анализ типичных ошибок и моделирование реальных ситуаций поиска и идентификации.

При этом перспективным представляется использование технологий искусственного интеллекта не как самостоятельного субъекта идентификации, а как инструмента предварительного отбора и ранжирования результатов. Система может автоматически оценивать качество изображения, определять пригодность отдельных участков лица для сравнения, формировать перечень наиболее вероятных совпадений и указывать специалисту на признаки, требующие дополнительной проверки. Окончательная оценка результатов при этом должна оставаться за специалистом, обладающим соответствующими криминалистическими знаниями.

Как отмечают О.Ю. Цурлуй и В.А. Мещеряков, дальнейшее развитие габитоскопии и портретной экспертизы непосредственно связано с информационными технологиями, в том числе с использованием методов биометрического распознавания лица и программного обеспечения для установления личности [Головастиков, Бондаренко, 2018]. При этом речь идет о расширении возможностей за счет технологий обработки и сопоставления изображений.

Заключение

Проведенное исследование позволило рассмотреть основные этапы становления и развития габитоскопии, раскрыть ее теоретические основы и определить особенности современного этапа, связанного с цифровизацией криминалистической деятельности. Установлено, что развитие габитоскопии представляет собой последовательный переход от преимущественно субъективного описания внешности человека к стандартизированным методам ее фиксации, систематизации и автоматизированного сопоставления. При этом традиционные положения о классификации признаков внешности, их устойчивости и идентификационной значимости сохраняют практическую ценность и продолжают использоваться при совершенствовании современных средств идентификации.

Анализ современных подходов к использованию габитоскопических методов показал, что

внедрение автоматизированных информационно-поисковых систем и технологий обработки цифровых изображений расширяет возможности розыска и установления личности. Вместе с тем результативность таких технологий определяется не только техническими характеристиками программного обеспечения, но и качеством исходных изображений, полнотой информационных массивов, совместимостью используемых систем и уровнем профессиональной подготовки специалистов. Следовательно, технологическое развитие само по себе не гарантирует повышения эффективности криминалистической идентификации без соответствующего организационного и методического обеспечения.

В ходе исследования выявлены три основные взаимосвязанные проблемы современной габитоскопии. Первая заключается в недостаточной совместимости ведомственных и региональных информационных ресурсов, затрудняющей обмен и повторное использование накопленных данных. Вторая связана с изменчивостью внешнего облика человека под воздействием возрастных, физиологических и иных факторов, что требует учета временных изменений признаков при сопоставлении изображений. Третья обусловлена необходимостью повышения уровня подготовки специалистов, которые должны обладать не только навыками работы с программными средствами, но и знаниями в области криминалистической идентификации, оценки признаков внешности и интерпретации результатов автоматизированного поиска.

Для решения указанных проблем предложены направления совершенствования габитоскопической деятельности. В организационно-техническом аспекте перспективным является формирование единых требований к структуре и форматам учетных данных, описанию признаков внешности и информационному взаимодействию между используемыми системами. В методическом аспекте целесообразно совершенствовать способы учета изменчивости внешности посредством формирования массивов изображений одного лица, полученных в разные периоды времени, с разграничением относительно устойчивых и изменяющихся признаков. В кадровом аспекте обоснована необходимость развития многоуровневой подготовки специалистов, сочетающей теоретическое изучение криминалистических основ габитоскопии с практической работой в автоматизированных информационно-поисковых системах.

Отдельное значение имеет применение технологий искусственного интеллекта при обработке значительных массивов фото- и видеоматериалов. Их использование может способствовать предварительному отбору изображений, оценке их качества и ранжированию предполагаемых совпадений. Вместе с тем результаты автоматизированного анализа не следует рассматривать как безусловное подтверждение тождества личности. Они требуют проверки с учетом качества исходных материалов, особенностей внешности человека и ограничений применяемых алгоритмов. Окончательная оценка результатов должна осуществляться компетентным специалистом с учетом всей совокупности имеющихся данных.

Таким образом, научная значимость проведенного исследования заключается в систематизации исторических, теоретических и практических аспектов габитоскопии и комплексном рассмотрении организационных, методических и кадровых проблем ее современного развития. Практическая значимость состоит в обосновании предложений, направленных на совершенствование информационного взаимодействия, учета изменчивости внешнего облика человека и профессиональной подготовки специалистов. Реализация указанных предложений может способствовать повышению эффективности использования габитоскопических данных в деятельности правоохранительных органов.

Перспективы дальнейших исследований связаны с изучением возможностей применения технологий искусственного интеллекта в криминалистической идентификации, разработкой подходов к оценке надежности результатов автоматизированного сопоставления изображений, а также определением организационных и методических условий интеграции информационных ресурсов. Комплексное решение этих вопросов позволит обеспечить более обоснованное использование цифровых технологий при сохранении научных принципов криминалистической идентификации и ведущей роли специалиста в оценке ее результатов.

Библиография

1. Головастиков Г.Ю., Бондаренко Р.В. Проблемы, связанные с оценкой признаков внешности человека при проведении портретной экспертизы // Энциклопедия судебной экспертизы : сетевое науч.-практ. издание. 2018. № 4. URL: http://www.proexpertizu.ru/theory_and_practice/portret/799/
2. Ищенко Е.П., Топорков А.А. Криминалистика : учебник. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Контракт : ИНФРА-М, 2010. 136 с.
3. Клепикова Ю.Е. Проблемы использования габитоскопии в современной криминалистике // Вестник экономики и права. 2025. № 103. С. 64–72.
4. Криминалистика : учебник / под ред. д-ра юрид. наук, проф. И.М. Комарова. Москва : Юрлитинформ, 2023. 712с.
5. Криминалистика : учебник / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская. 4-е изд., перераб. и доп. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2026. 928 с.
6. Криминалистика : учебник / отв. ред. Н.П. Яблоков. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Юристъ, 2005. 781 с.
7. Кузьмина Т.И., Холевчук А.Г. Цифровые технологии в габитоскопии // Право и практика. 2019. № 3. С. 112–118.
8. Пичугин С.А. Криминалистическая антропология и физиогномика: миф или реальность // Вестник криминалистики. 2013. № 1. С. 8–11.
9. Протасевич А.А., Фойгель Е.И. О возможностях криминалистической габитоскопии при реализации мер противодействия современной киберпреступности // Всероссийский криминологический журнал. 2020. № 3. С. 417–480.
10. Тюркин М.В. Развитие и внедрение современных информационных технологий в системе МВД России // Гарант.ру : информационно-правовой портал. URL: https://www.garant.ru/interview/348616/
11. Цурлуй О.Ю., Мещеряков В.А. Направления развития габитоскопии и портретной экспертизы с учётом информационных технологий и методов искусственного интеллекта // Эксперт-криминалист. 2021. № 2. С. 25.

Theoretical Aspects of Modern Habitoscopy: History, Theory, Practice

Ol'ga A. Radionova

Senior Lecturer,
Department of Criminal Law and Criminalistics,
Pacific National University;
680035, 136, Tikhookeanskaya str., Khabarovsk, Russian Federation;
e-mail: zema12.07.1977@gmail.com

Abstract

A person's appearance remains one of the most informative sources of information about an individual. The ability to remember, describe, and recognize a person by external features is of great practical importance. With the development of criminalistics, the observation of a person's appearance has gradually transformed from a predominantly empirical method of describing it into a system of scientifically substantiated methods and means of identification. The body of relevant knowledge and practical techniques has been developed within the framework of habitoscopy. The

article examines the theoretical aspects of modern habitoscopy, including the historical prerequisites for the use of appearance for identification, the development of methods of the verbal portrait and composite portraits, as well as the modern stage, characterized by the computerization of forensic records and the introduction of automated information retrieval systems. Particular attention is paid to the problems limiting the effectiveness of habitoscopic identification: the departmental fragmentation of information systems, the insufficient adaptation of traditional methods to the variability of a person's external appearance, the deficit of special training of employees, as well as the high cost of software. Directions for solving these problems are proposed, including the formation of a unified standard of information interaction, the improvement of personnel training, and the use of artificial intelligence technologies as a tool for preliminary selection and ranking of results.

For citation

Radionova O.A. (2026) Teoreticheskie aspekty sovremennoy gabitoskopii: istoriya, teoriya, praktika [Theoretical Aspects of Modern Habitoscopy: History, Theory, Practice]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (9A), pp. 385-395. DOI: 10.34670/AR.2026.10.96.043

Keywords

Habitoscopy, criminalistics, offender, portrait, appearance, personality, identification, automated information retrieval systems, artificial intelligence, state policy.

References

1. Averyanova, T. V., Belkin, R. S., Korukhov, Yu. G., & Rossinskaya, E. R. (2026) *Kriminalistika: Uchebnik* [Criminalistics: Textbook] (4th ed., rev. and suppl.). Norma: INFRA-M.
2. Golovastikov, G. Yu., & Bondarenko, R. V. (2018). Problemy, svyazannye s otsenkoi priznakov vneshnosti cheloveka pri provedenii portretnoi ekspertizy [Problems related to the assessment of human appearance features in portrait examination]. *Entsiklopediya sudebnoi ekspertizy*, (4). http://www.proexpertizu.ru/theory_and_practice/portret/799/
3. Ishchenko, E. P., & Toporkov, A. A. (2010). *Kriminalistika: Uchebnik* [Criminalistics: Textbook] (2nd ed., rev. and suppl.). Kontrakt: INFRA-M.
4. Klepikova, Yu. E. (2025). Problemy ispol'zovaniya gabitoskopii v sovremennoi kriminalistike [Problems of using habitoscopy in modern criminalistics]. *Vestnik ekonomiki i prava*, (103), 64–72.
5. Komarov, I. M. (Ed.). (2023). *Kriminalistika: Uchebnik* [Criminalistics: Textbook]. Yurlitinform.
6. Kuz'mina, T. I., & Kholevchuk, A. G. (2019). Tsifrovye tekhnologii v gabitoskopii [Digital technologies in habitoscopy]. *Pravo i praktika*, (3), 112–118.
7. Pichugin, S. A. (2013). Kriminalisticheskaya antropologiya i fiziognomika: mif ili real'nost' [Forensic anthropology and physiognomy: myth or reality]. *Vestnik kriminalistiki*, (1), 8–11.
8. Protasevich, A. A., & Foigel', E. I. (2020). O vozmozhnostyakh kriminalisticheskoi gabitoskopii pri realizatsii mer protivodeistviya sovremennoi kiberprestupnosti [On the capabilities of forensic habitoscopy in implementing measures to counter modern cybercrime]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal*, (3), 417–480.
9. Tsurlui, O. Yu., & Meshcheryakov, V. A. (2021). Napravleniya razvitiya gabitoskopii i portretnoi ekspertizy s uchetom informatsionnykh tekhnologii i metodov iskusstvennogo intellekta [Directions of development of habitoscopy and portrait examination taking into account information technologies and artificial intelligence methods]. *Ekspert-kriminalist*, (2), 25.
10. Tyurkin, M. V. Razvitie i vnedrenie sovremennykh informatsionnykh tekhnologii v sisteme MVD Rossii [Development and implementation of modern information technologies in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. *Garant.ru*. https://www.garant.ru/interview/348616/
11. Yablokov, N. P. (Ed.). (2005). *Kriminalistika: Uchebnik* [Criminalistics: Textbook] (3rd ed., rev. and suppl.). Yurist".

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 343.985.7 **DOI: 10.34670/AR.2026.55.23.044**

Способы совершения преступления, связанного с неправомерным оборотом средств платежей, в структуре частной криминалистической методики расследования преступлений

Юрина Юлия Ивановна

Старший преподаватель,
кафедра криминалистики,
Барнаульский юридический институт МВД России;
656038, Российская Федерация, Барнаул, ул. Чкалова, 49;
e-mail: iulia.iurina4@yandex.ru

Зиненко Юлия Васильевна

Кандидат медицинских наук, доцент,
кафедра криминалистики,
Сибирский юридический институт МВД России;
660131, Российская Федерация, Красноярск, ул. Рокоссовского, 20;
e-mail: afrodita0601@mail.ru

Кузьмина Ольга Леонидовна

Кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры уголовного процесса,
Калининградский филиал
Санкт-Петербургского университета МВД России,
236006, Российская Федерация, Калининград, ул. Генерала Галицкого, 30;
e-mail: jlloolli@rambler.ru

Аннотация

Рассматриваются способы совершения преступления, связанного с неправомерным оборотом средств платежей, как элемент частной криминалистической методики расследования. Анализируется полноструктурная модель способа совершения преступления, прослеживается трансформация диспозиции ст. 187 УК РФ и её влияние на способы преступления. Предлагается классификация способов: связанные с созданием и оборотом поддельных средств платежей и связанные с оборотом легально полученных электронных средств и средств доступа. На основе материалов судебно-следственной практики даётся криминалистическая характеристика изготовления и сбыта поддельных платёжных карт и распоряжений о переводе денежных средств, приобретения, хранения, транспортировки и сбыта электронных средств и электронных носителей информации, а также способов, совершаемых с использованием компьютерных программ и технических устройств. Показано значение сведений о способе совершения преступления для формирования следственных ситуаций, выдвижения версий, выбора тактики следственных

действий и квалификации деяния. Обосновывается вывод, что способ совершения преступления выступает системообразующим элементом частной методики расследования неправомерного оборота средств платежей.

Для цитирования в научных исследованиях

Юрина Ю.И., Зиненко Ю.В., Кузьмина О.Л. Способы совершения преступления, связанного с неправомерным оборотом средств платежей, в структуре частной криминалистической методики расследования преступлений // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 9А. С. 396-410. DOI: 10.34670/AR.2026.55.23.044

Ключевые слова

Неправомерный оборот средств платежей, способ совершения преступления, частная криминалистическая методика, криминалистическая характеристика, электронные средства платежа, электронный носитель информации, дропперство, ст. 187 УК РФ, квалификация преступлений, расследование преступлений, управление рисками, методология исследования.

Введение

Широкое распространение безналичных расчётов изменило структуру преступности в финансовой сфере. Средства платежей, дающие доступ к дистанционному управлению денежными средствами, всё чаще становятся объектом преступных посягательств. Преступления, связанные с неправомерным оборотом средств платежей, демонстрируют устойчивый рост: если в 2015 г. было зарегистрировано 181 такое преступление, то в 2023 г. — уже 6 401, а в 2024 г., по отдельным данным, их число достигло 20 963 [Лихолетов, Лихолетов, 2024].

Противодействие рассматриваемым преступлениям требует опоры на криминалистические рекомендации. По значительной части уголовных дел предметом деяния становятся легально полученные электронные средства платежа, а судебная практика по их квалификации остаётся противоречивой и порождает оправдательные приговоры [Гайдин, Дутов, Дутов, Касьянова, 2025]. Поэтому появилась необходимость в исследовании частной криминалистической методики расследования, ядром которой является способ совершения преступления.

В работе анализируются способы совершения преступления, связанного с неправомерным оборотом средств платежей, и определяется их место в структуре частной методики расследования. С этой целью раскрываются понятие и полноструктурная модель способа совершения преступления, прослеживается трансформация диспозиции ст. 187 УК РФ и её влияние на способы преступления, обосновывается классификация способов, даётся их криминалистическая характеристика по материалам судебно-следственной практики, определяется значение сведений о способе для построения версий, тактики следственных действий и квалификации деяния.

При подготовке статьи использованы диалектический метод познания, общенаучные методы анализа, синтеза, индукции, дедукции и сравнения, а также системно-структурный, формально-логический и сравнительно-правовой методы. Эмпирическую базу составили материалы опубликованной судебной практики и научные публикации по исследуемой теме.

Основная часть

Способ совершения преступления традиционно считается одним из центральных элементов криминалистической характеристики и частной методики расследования. Учение о способе преступления складывалось на протяжении длительного времени: его основы были заложены А.И. Винбергом и Б.М. Шавером, которые одними из первых определили способ как составную часть предмета криминалистики и понимали под ним действия, направленные на достижение преступного результата [Сучкова, 2025]. В дальнейшем это направление развивалось в трудах Р.С. Белкина, А.Н. Васильева, Г.Г. Зуйкова, А.Н. Колесниченко и других учёных, что позволило сформировать устойчивую теоретическую базу для разработки частных методик расследования отдельных видов преступлений.

Для целей методики расследования наиболее продуктивен полноструктурный подход, при котором способ совершения преступления понимается не как единичный акт, а как система взаимосвязанных действий, охватывающих подготовку к преступлению, его совершение и сокрытие следов. Как отмечается в научной литературе, подготовительные действия преступников имеют криминалистически значимый характер, поскольку позволяют судить о направленности умысла преступников, степени их осведомлённости и характере планируемой преступной деятельности [Сучкова, 2025]. Поэтому при изучении способа совершения неправомерного оборота средств платежей важно анализировать весь комплекс действий — от приготовления до сокрытия, а не ограничиваться перечнем действий из диспозиции уголовно-правовой нормы.

Полноструктурная модель способа имеет особое значение для преступлений рассматриваемой категории. Анализ судебно-следственной практики показывает, что большинство фактов неправомерного оборота средств платежей сопровождается развёрнутой подготовкой: поиском и вовлечением подставных лиц, регистрацию юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, открытие расчётных счетов и получение средств дистанционного банковского обслуживания [[Калюжный, 2026]. Совершение преступления в таких схемах носит преимущественно формально-законный характер: преступник приобретает банковскую карту и доступы к системе дистанционного банковского обслуживания правомерно, однако цели их дальнейшего использования заведомо противоправны. Сокрытие же выражается в передаче предмета преступления третьим лицам и в последующем выводе денежных средств из-под контроля кредитных организаций и контролирующих органов.

Для неправомерного оборота средств платежей характерны устойчивость и воспроизводимость способов, что отличает его от быстро меняющегося кибермошенничества. Сценарии вовлечения лиц, оформление банковских карт, передача логинов и паролей, обналичивание и транзит средств почти не меняются и поддаются классификации, что позволяет строить достаточно универсальную криминалистическую модель поведения преступника [[Калюжный, 2026]. Эта устойчивость позволяет рассматривать способ совершения как ключевой элемент, на основе которого выдвигаются версии и определяется тактика расследования.

Способ совершения преступления, связанного с неправомерным оборотом средств платежей, понимается как система взаимосвязанных действий преступника по приготовлению к преступлению, его совершению и сокрытию, направленных на введение в неправомерный оборот платёжных инструментов и доступов к денежным средствам. Такой подход выводит исследование за пределы перечня действий, включённых в диспозицию нормы, и позволяет

увидеть за ними целостную преступную деятельность.

Частная криминалистическая методика расследования представляет собой научно обоснованный и апробированный на практике комплекс методических рекомендаций, преследующих цель оптимизации деятельности следователей и оперативных работников. В современной доктрине её принято рассматривать как систему, включающую две взаимосвязанные части — теоретическую (познавательную) и деятельностную (прикладную). Теоретическая часть базируется на криминалистической характеристике преступления и типичной модели его механизма, а деятельностная — на типичных следственных ситуациях, версиях и программах их разрешения, а также на комплексе тактических приёмов производства следственных действий [Иванов, Пироженков, 2021].

Способ совершения преступления занимает в этой системе связующее положение. С одной стороны, он является ключевым элементом криминалистической характеристики, а с другой — определяет содержание прикладной части методики, поскольку от способа зависят складывающиеся следственные ситуации, круг выдвигаемых версий и набор необходимых следственных и оперативно-розыскных мероприятий. Как справедливо отмечается в литературе, значение способа совершения преступления для частной методики состоит в том, что он позволяет выдвинуть обоснованные версии о профессиональных навыках преступника, используемых орудиях и средствах, а также о круге лиц, вовлечённых в преступную деятельность [Андроник, Сретенцев, 2023].

В структуре механизма совершения преступления, связанного с неправомерным оборотом средств платежей, исследователи выделяют такие элементы, как предмет преступного посягательства, обстановка совершения преступления, способ совершения и личность преступника. При этом способ совершения позволяет установить взаимосвязь между остальными элементами: он определяет, какие именно средства платежей вовлекаются в незаконный оборот, в какой обстановке совершается деяние и какие характеристики присущи личности преступника [Решняк, 20249].

Способ совершения связан с личностью преступника и обстановкой преступления. Анализ судебно-следственной практики показывает, что характеристики преступника зависят от избранного способа: изготовление поддельных платёжных карт характерно для лиц, обладающих специальными познаниями и доступом к соответствующему оборудованию, тогда как сбыт электронных средств платежей совершается, напротив, рядовыми гражданами без специальных познаний, что является специфической чертой преступлений экономической направленности [Сучкова, 2024]. В свою очередь, обстановка совершения преступления, включающая условия хранения имущества и особенности функционирования электронной платёжной системы, непосредственно предопределяет способ действий преступника и оставляемые при этом следы [Кардашевская, Гаврилин, 2020].

Наконец, данные о способе совершения лежат в основе криминалистического анализа преступлений, совершаемых с использованием электронных платёжных систем, и служат исходным материалом для формирования типовых алгоритмов расследования. Установление способа позволяет правильно определить направление поиска доказательств, в первую очередь — цифровых следов, регистрируемых в автоматизированных системах кредитных организаций [Пидусов, 2020]. Способ совершения преступления выступает системообразующим элементом частной методики расследования неправомерного оборота средств платежей и объединяет теоретические положения о механизме преступления с прикладными рекомендациями по его раскрытию и расследованию.

Уголовно-правовая норма, предусматривающая ответственность за неправомерный оборот средств платежей, претерпела за последнее десятилетие два принципиальных изменения, каждое из которых непосредственно отразилось на понимании способов совершения преступления. Первоначальная редакция ст. 187 УК РФ была ориентирована на изготовление и сбыт поддельных кредитных либо расчётных карт и иных платёжных документов, то есть на традиционную модель преступного оборота материальных поддельных предметов. Принятие Федерального закона от 8 июня 2015 г. № 153-ФЗ коренным образом модернизировало норму: её название было изложено в новой редакции — «Неправомерный оборот средств платежей», а перечень предметов преступления и форм общественно опасного деяния существенно расширен [Лихолетов, Лихолетов, 2024].

Именно после реформы 2015 г. в диспозицию нормы были включены наряду с поддельными платёжными картами и распоряжениями о переводе денежных средств такие предметы, как электронные средства, электронные носители информации, технические устройства и компьютерные программы, предназначенные для неправомерного осуществления приёма, выдачи, перевода денежных средств. Это привело к принципиальному расширению спектра способов совершения преступления: к изготовлению и сбыту поддельных предметов добавились приобретение, хранение, транспортировка в целях сбыта и сбыт электронных средств и носителей информации [Решняк, 2024]. Как следствие, у значительной части следователей возникли затруднения с определением предмета преступного посягательства и средств совершения преступления, а также сложности с доказыванием действий преступника, поскольку содержание понятия «неправомерный оборот» оставалось не вполне определённым [Решняк, 2024].

Следующий этап — принятие Федерального закона от 24 июня 2025 г. № 176-ФЗ, который дополнил ст. 187 УК РФ частями 3–6 и криминализировал неправомерное использование действующих электронных средств платежей. Системное толкование обновлённой нормы показывает, что в её пределах фактически сосуществуют две самостоятельные группы составов преступлений: части 1, 2 отражают классическую модель оборота поддельных средств платежей, тогда как части 3–6 сконцентрированы на неправомерном обороте действующих платёжных инструментов в цифровой среде [Волосевич, 2025]. Ключевое отличие этой группы составов заключается в отсутствии признаков подделки и наличии неправомерного доступа к реальным платёжным инструментам, как правило через схемы обналичивания, отмывания доходов и финансирования преступной деятельности [Волосевич, 2025].

Динамика зарегистрированных преступлений подтверждает устойчивый рост общественной опасности рассматриваемых деяний. По данным официальной статистики, если в 2015 г. было зарегистрировано 181 преступление рассматриваемого вида, то в 2019 г. — уже 842, в 2020 г. — 1 346, а в 2023 г. — 6 401 преступление [Лихолетов, Лихолетов, 2024]. По сведениям, приводимым в более поздних публикациях, в 2024 г. число таких преступлений достигло 20 963, что свидетельствует о негативной динамике [Калюжный, 2026]. При этом анализ статистических показателей позволяет резюмировать, что с момента модернизации нормы в суд направляется лишь около двух третей уголовных дел от числа зарегистрированных преступлений, что косвенно указывает на сохраняющиеся сложности в доказывании [Лихолетов, Лихолетов, 2024].

В 2024 г. обострилась проблема: изменение судебной практики, потребовавшее доказывать признаки поддельности электронных средств, фактически декриминализовало значительную часть противоправных действий по вовлечению в оборот легально полученных электронных

средств платежей [Гайдин, Дутов, Дутов, Касьянова, 2025]. Поэтому криминалистический анализ способов совершения преступления становится особенно востребованным: установление способа позволяет разграничить деяния, образующие состав ст. 187 УК РФ, и смежные составы.

Классификация способов совершения неправомерного оборота средств платежей может быть построена на различных основаниях, однако для целей частной методики расследования наиболее продуктивным является выделение способов в зависимости от предмета преступления и характера действий преступника. Результаты анализа эмпирического материала, приведённые в научной литературе, позволяют выделить следующие способы: изготовление и хранение в целях сбыта поддельных платёжных карт (15,4 %); изготовление в целях сбыта и сбыт поддельных платёжных документов, не являющихся ценными бумагами, а именно платёжных поручений (26,7 %); изготовление в целях сбыта и сбыт иных поддельных платёжных документов (11 %); приобретение, хранение, транспортировка в целях сбыта и сбыт электронных средств, электронных носителей информации или электронных средств платежей, предназначенных для неправомерного осуществления приёма, выдачи, перевода денежных средств (57,6 %) [Сучкова, 2025].

Приведённые данные показывают, что наиболее распространён способ, связанный с оборотом электронных средств и электронных носителей информации, тогда как «классические» способы, предполагающие изготовление поддельных предметов, уступают ему по частоте. Это объясняется относительной простотой получения электронных средств доступа и одновременно сложностью и высокой стоимостью изготовления поддельных платёжных карт: для создания «белого пластика» требуется дорогостоящее оборудование, а для разработки вредоносных компьютерных программ — специальные познания и навыки, которыми обладает ограниченный круг лиц [Решняк, 2024].

С учётом диспозиции ст. 187 УК РФ способы совершения преступления могут быть подразделены на две большие группы. Первую образуют способы, связанные с созданием и оборотом поддельных средств платежей: изготовление поддельных платёжных карт, изготовление поддельных распоряжений о переводе денежных средств (платёжных поручений, аккредитивов, инкассовых поручений, расчётных чеков), изготовление поддельных документов и средств оплаты. Вторую группу составляют способы, предполагающие оборот легально полученных, но используемых вопреки установленному порядку электронных средств, электронных носителей информации, технических устройств и компьютерных программ [Лихолетов, Лихолетов, 2024].

Предложенная классификация имеет существенное криминалистическое значение, поскольку способы первой и второй групп различаются по механизму следообразования, характеру используемых доказательств и, соответственно, по тактике их выявления и расследования. Если для первой группы ключевыми доказательствами выступают сами поддельные предметы и следы их изготовления, то для второй — цифровые следы, данные о движении денежных средств по счетам, сведения о дистанционном управлении расчётными счетами и поведенческие характеристики участников преступной схемы.

В рамках второй группы, наиболее многочисленной и динамично развивающейся, целесообразно выделять способы, связанные с использованием уязвимостей электронных платёжных систем (без противоправного использования учётных данных законного пользователя) и с неправомерным использованием учётных данных легального пользователя, а также со сбытом средств доступа, полученных формально законным путём [Пидусов, 2020].

Такая детализация позволяет учитывать особенности обстановки совершения преступления и характер оставляемых следов, что необходимо для построения частных версий и определения оптимальной тактики следственных действий.

Изготовление поддельных платёжных карт — один из наиболее сложных способов совершения этого преступления: он требует от преступника специальной подготовки, технических средств и определённых познаний. Для изготовления поддельной карты преступнику необходимо сначала получить информацию о держателе и его карте: для этого приобретаются считывающие устройства, накладки на клавиатуру, накладные камеры видеонаблюдения, RFID-считыватели, которые впоследствии устанавливаются на банкоматы. При помещении пластиковой карты в карт-ридер считывается информация о номере счёта, номере карты, её реквизитах и персональных данных держателя [Решняк, 2024].

Для непосредственного изготовления карты приобретается специальное оборудование: эмбоссеры, предназначенные для выдавливания идентификационной информации на пластике, энкодеры, кодирующие данные на магнитную полосу или RFID-метку, а также токен-генераторы для создания одноразовых паролей [Решняк, 2024]. Особая роль принадлежит RFID-считывателям, позволяющим дистанционно, на расстоянии не более 8,5 см, активировать RFID-метку законной карты и получить зашифрованные данные держателя. Установка считывающего оборудования на банкоматы и его последующее снятие, как правило, осуществляются в ночное время, тогда как считывание информации в местах массового скопления людей производится в часы пик.

Изготовление распоряжений о переводе денежных средств, напротив, не требует сложного оборудования и может осуществляться в дневное рабочее время, причём в этом процессе нередко участвуют работники банковской сферы, а местом изготовления выступают банки [Решняк, 2024]. Изготовление вредоносных компьютерных программ для внедрения в платёжные системы «Банк-клиент» производится в местах работы или по месту жительства лиц, обладающих специальными познаниями в области программирования.

Сбыт и приобретение изготовленных платёжных карт или электронных носителей информации с вирусными программами либо похищенной конфиденциальной информацией осуществляются, как правило, в вечернее или ночное время в малолюдных местах. Нередко они происходят путём оставления «закладок» в тайниках, местоположение которых впоследствии сообщается покупателю посредством мессенджеров, а денежные средства перечисляются на электронные кошельки, оформленные на подставных лиц. В таком случае личный контакт сбытчика и приобретателя отсутствует, а переписка ведётся, как правило, в защищённых мессенджерах без идентификационных данных о её участниках [Решняк, 2024]. Хранение изготовленных или приобретённых поддельных карт и носителей информации осуществляется по месту жительства лица, совершившего преступление.

Отдельно следует остановиться на изготовлении и использовании поддельных платёжных поручений. Согласно материалам судебной практики, нередки случаи, когда руководитель организации, используя служебное положение и действуя из корыстных побуждений, изготавливает и использует поддельные платёжные поручения, на основании которых осуществляет неправомерный перевод денежных средств с расчётных счетов организации на счета фиктивных юридических лиц с целью последующего обналичивания [Гайдин, Дутов, Дутов, Касьянова, 2025]. Например, генеральный директор общества изготовил поддельное платёжное поручение о переводе денежных средств на счёт контрагента, содержащее заведомо ложные сведения о размере и факте платежа, в результате чего контрагент, полагая, что получил

предоплату, отгрузил товар, а преступник распорядился им по своему усмотрению [Гайдин, Дутов, Дутов, Касьянова, 2025]. Документы признаются поддельными, если установлено наличие признаков как незаконного изменения отдельных частей подлинного документа, искажающего его действительное содержание, так и изготовления нового документа, содержащего заведомо ложные сведения.

Криминалистически значимо и то, что преступление считается оконченным с момента изготовления хотя бы одной карты или платёжного документа независимо от того, удалось ли осуществить их сбыт, — наступление общественно опасных последствий не обязательно [Гайдин, Дутов, Дутов, Касьянова, 2025]. Вместе с тем в последние годы число случаев подделки банковских карт сократилось кратно: системы защиты банкоматов и платёжных карт стали совершеннее, небезопасные карты с магнитной полосой без чипа выходят из оборота, а преступники всё чаще используют методы социальной инженерии [Гайдин, Дутов, Дутов, Касьянова, 2025]. Это смещает акцент в структуре способов совершения преступления в сторону оборота легально полученных электронных средств платежа, что необходимо учитывать при разработке частной методики расследования.

Самый распространённый и динамично развивающийся способ — приобретение, хранение, транспортировка в целях сбыта и сбыт электронных средств, электронных носителей информации или электронных средств платежей, предназначенных для неправомерного осуществления приёма, выдачи, перевода денежных средств. В криминалистической литературе его нередко обозначают термином «дропперство» и понимают под ним деятельность подставных лиц, передающих третьим лицам банковские счета, карты, логины, пароли и иные средства доступа к денежным средствам [Калюжный, 2026].

Для данного способа характерна полноструктурная преступная деятельность. Подготовка к преступлению включает поиск исполнителя и вступление с ним в преступный сговор, получение данных официальных документов исполнителя и его регистрацию в качестве руководителя юридического лица, реже — индивидуального предпринимателя [Калюжный, 2026]. Поиск подставных лиц ведётся в социальных сетях, через рассылку объявлений в мессенджерах, посредством объявлений-флайеров, разбросанных по почтовым ящикам, а также через личные контакты организаторов. Организаторы делают акцент на низком социальном и материальном положении подыскиваемых лиц и их корыстной заинтересованности, поэтому исполнителями нередко выступают студенты, неработающие граждане, материально необеспеченные лица и пенсионеры [Калюжный, 2026].

Стадия совершения преступления выражается в комплексе последовательных действий: организатор консультирует исполнителя, вместе с ним оформляются документы для получения электронных носителей информации и электронных средств, затем они приобретаются и сбываются организатору [Калюжный, 2026]. Исполнитель лично обращается в отделение банка, открывает расчётный счёт на зарегистрированное юридическое лицо, получает банковскую карту с подключённой системой дистанционного банковского обслуживания и сразу же передаёт её организатору. Примечательно, что передача полученных средств доступа нередко происходит непосредственно у входа в офис банка или в салоне автомобиля, а временной промежуток, в течение которого исполнитель хранит средства доступа, минимален [Калюжный, 2026].

Сокрытие следов преступления в рассматриваемом способе осуществляется преимущественно организаторами: они разрывают контакты с исполнителем, блокируют используемые абонентские номера, удаляют переписку в социальных сетях, а в дальнейшем

маскируют незаконные операции посредством оформления фиктивных документов [Калюжный, 2026]. Исполнитель при этом может впоследствии сложить полномочия руководителя и переоформить юридическое лицо на другое подставное лицо, что дополнительно затрудняет установление цепочки участников преступной схемы.

Для рассматриваемого способа показательно, что в нём участвуют лица, не обладающие специальными познаниями в экономической деятельности. Как показывают исследования, открыть расчётный счёт и получить средства доступа по силам обычному гражданину, а умысел направлен лишь на получение вознаграждения за передачу этих средств третьим лицам [Сучкова, 2024]. Этим данный способ отличается от изготовления поддельных платёжных карт и требует иного подхода к выдвижению версий и организации расследования.

Способы совершения преступления, связанные с использованием компьютерных программ и технических устройств, образуют самостоятельную группу в структуре частной методики расследования. К техническим устройствам, вовлекаемым в неправомерный оборот средств платежей, относятся банкоматы, эквайринговые терминалы (POS-терминалы), платёжные терминалы и устройства с модулем NFC, алгоритм работы которых предполагает проведение неправомерных платёжных операций [Решняк, 2024]. Примерами таких действий являются сбыт электронного терминала, запрограммированного на перечисление поступающих от покупателей средств на сторонний счёт, разработка банкомата, позволяющего проводить операции по заблокированным картам, а также приобретение самодельного считывающего устройства для дистанционного считывания банковских карт [Гайдин, Дутов, Дутов, Касьянова, 2025].

Компьютерные программы как предмет преступления представляют собой программное обеспечение, позволяющее совершать операции с денежными средствами в обход установленных законом требований. Примером является разработка вирусной программы для внедрения в платёжную систему «Банк-клиент», позволяющей без ведома владельца счёта списывать денежные средства в пользу преступника. К таким программам относятся, в частности, Trojan.PWS.SpySweep (SpyEye), Trojan.PWS.OSMP, Android.SpyEye [Решняк, 2024]. Функционал такого программного обеспечения должен изначально включать возможность выполнения незаконных операций с денежными средствами, только тогда оно образует предмет преступления, предусмотренного ст. 187 УК РФ.

Отдельную группу образуют способы, связанные с использованием уязвимостей электронных платёжных систем. Уязвимость представляет собой свойство, характеризующее вероятность нанесения платёжной системе ущерба различными внешними факторами, а возможность её эксплуатации возникает вследствие сложности программно-аппаратной архитектуры платёжных систем, ошибок разработчиков и эффектов некорректного взаимодействия подсистем [Пидусов, 2020]. Способ совершения преступления в таких случаях становится крайне сложным и состоит из подготовительного, рабочего и заключительного этапов: на подготовительном этапе злоумышленники проводят поиск и тестирование уязвимостей, на рабочем — используют их для перемещения средств на временные счета, а на заключительном — осуществляют вывод денежных средств из системы [Пидусов, 2020].

Другой разновидностью является неправомерное использование учётных данных легального пользователя электронной платёжной системы. На этапе подготовки преступники заражают вредоносными программами компьютер пользователя, после чего начинается скрытый сбор конфиденциальной информации, включая логины и пароли доступа к платёжной системе. Полученные данные формируются в массивы, которые реализуются другим участникам преступной группы, осуществляющим вывод денег [Пидусов, 2020]. Преступникам

при этом не нужны глубокие знания технологии работы платёжной системы: атаке подвергается компьютер пользователя, а не сама система.

Для рассматриваемой группы способов характерен пространственный разрыв между местом совершения преступных действий и местом нахождения элементов платёжной системы. В качестве места совершения преступления выступает как местоположение самого преступника и используемых им средств, так и местоположение программных и технических элементов платёжной системы, причём эти точки нередко не совпадают, что обусловлено технологией удалённого доступа и применением вредоносных программ [Пидусов, 2020]. Кроме того, преступления рассматриваемой категории часто отличаются трансграничным характером, который может быть как реальным, так и имитируемым посредством подмены IP-адреса.

Способ совершения преступления определяет характер следственных ситуаций на предварительном этапе расследования. По источнику исходной информации о преступлении выделяются три типичные следственные ситуации: состав преступления устанавливается из материалов уголовного дела в результате расследования преступлений со смежными составами (ст. 173.1, 173.2 УК РФ); о совершении преступления стало известно из материалов оперативно-розыскных мероприятий, инициированных налоговыми органами; с заявлением о преступлении обратились сотрудники банка [Сучкова, 2025].

Первая ситуация возникает, когда преступление выявляется в ходе расследования незаконного образования юридического лица или незаконного использования документов для его образования. В этом случае установление способа совершения преступления направлено на определение лица, которое осуществило государственную регистрацию юридического лица с последующим открытием расчётного счёта, а также на установление факта передачи средств доступа третьим лицам [Сучкова, 2025]. Вторая ситуация складывается, когда информация о преступлении получена в результате налоговых проверок и оперативно-розыскных мероприятий: источником сведений выступают сотрудники налоговой инспекции, выявившие факты осуществления деятельности, не соответствующей данным, указанным в документации. Третья ситуация характерна для случаев, когда лицо приобретает банковскую карту как физическое лицо и передаёт её третьим лицам, а незаконные операции сразу обнаруживаются системой безопасности банка ввиду поступления большого количества денежных средств от неустановленного источника [Сучкова, 2025].

Способ совершения определяет и построение следственных версий на последующих этапах расследования. При разработке частной криминалистической методики, как отмечается в литературе, важное место занимают закономерности отражения криминалистически значимой информации при подготовке, совершении и сокрытии преступлений, а также закономерности механизма следообразования, связанные с использованием современных информационных и банковских технологий [Иванов, Пироженков, 2021].

По рассматриваемым преступлениям целесообразно выдвигать типовые версии, производные от способа совершения. Если преступление совершено путём сбыта электронных средств платежа, версии строятся относительно круга организаторов преступной схемы, способа вовлечения исполнителя и маршрутов движения денежных средств после их перевода. Если же деяние связано с изготовлением поддельных платёжных карт, версии должны касаться источника получения конфиденциальной информации о держателях карт, мест изготовления поддельных предметов и каналов их сбыта. Для преступлений, совершённых с использованием компьютерных программ, версии ориентированы на установление лиц, обладающих специальными познаниями, и источников распространения вредоносного программного обеспечения.

Способ совершения влияет не только на выдвижение версий, но и на выбор тактики производства отдельных следственных действий. Так, при расследовании преступлений, совершённых путём приобретения и сбыта электронных средств платежа, ключевыми доказательствами выступают документы о регистрации юридического лица, подписанные исполнителем заявления и анкеты в налоговом органе и банке, регистрационное дело, а также сведения о движении денежных средств по расчётным счетам [Сучкова, 2025]. В этой связи особое значение приобретают выемка и осмотр регистрационных и банковских документов, которые позволяют установить механизм совершения преступления, начиная от момента регистрации и заканчивая получением и передачей средств доступа.

Специфика таких преступлений в том, что значительная часть криминалистически значимой информации документируется программными средствами и хранится в виде электронно-цифровых следов. Как отмечается в литературе, функционирование электронных платёжных систем и практически все действия, совершаемые с их использованием, тщательно документируются в электронной форме, а необходимая для расследования техническая информация хранится в компьютерных файлах [Пидусов, 2020]. Поэтому при производстве следственных действий по делам о неправомерном обороте средств платежей центральное место должно отводиться работе с цифровыми доказательствами: анализом переписки, IP-логов, истории транзакций, данных об устройствах и учётных записях.

Важны и сведения, аккумулируемые субъектами платёжной системы. В соответствии с требованиями к обеспечению защиты информации операторы по переводу денежных средств в течение не менее пяти лет обязаны хранить данные о дате и времени осуществления финансовой операции с точностью до секунды, сведения, позволяющие идентифицировать клиента, а также данные об устройстве, с которого был осуществлён доступ к автоматизированной системе, включая IP-адрес и номер телефона [Кардашевская, Гаврилин, 2020]. Эти сведения образуют объективную основу для установления способа совершения преступления и изобличения преступников, поэтому в частной методике расследования следует предусмотреть типовые запросы и алгоритмы их получения от кредитных организаций и операторов связи.

Способ совершения связан и с квалификацией деяния. Его установление позволяет правильно разграничить неправомерный оборот средств платежей и смежные составы преступлений. Составы, предусмотренные ст. 158, 159, 159.3, 159.6, 172, 173.1, 173.2, 273 УК РФ, являются смежными со ст. 187 УК РФ, и их разграничение необходимо проводить в том числе по предмету и характеру действий преступника [Лихолетов, Лихолетов, 2024]. Так, использование поддельного средства платежа при совершении хищения чужого имущества образует совокупность оконченного хищения и ст. 187 УК РФ; в случае же оборота компьютерных программ, предназначенных для неправомерного осуществления приёма, выдачи, перевода денежных средств, возникает конкуренция со ст. 273 УК РФ, которая решается в пользу специальной нормы.

Сведения о способе совершения служат основой для типовых алгаритмов расследования и определения комплекса оперативно-розыскных мероприятий. На основе установленного способа формируется обобщённый алгоритм действий следователя, включающий получение исходной информации, выемку документации в налоговых органах и банках с последующим осмотром, направление необходимых поручений сотрудникам подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции, получение объяснений и назначение необходимых экспертиз [Сучкова, 2025]. В частной методике расследования сведения о способе совершения выполняют связующую функцию: они объединяют криминалистическую характеристику преступления, типичные следственные ситуации, версии и тактические рекомендации в

целостную систему, пригодную для практического применения.

Проведённый анализ способов совершения преступления, связанного с неправомерным оборотом средств платежей, позволяет сделать следующие выводы.

Способ совершения такого преступления представляет собой систему взаимосвязанных действий преступника по приготовлению к преступлению, его совершению и сокрытию. Полноструктурный подход выводит исследование за пределы перечня действий, включённых в диспозицию ст. 187 УК РФ, и позволяет увидеть за ними целостную преступную деятельность. В частной методике расследования способ совершения выполняет связующую функцию, объединяя элементы криминалистической характеристики, следственные ситуации, версии и тактические рекомендации.

Трансформация уголовно-правовой нормы — реформа 2015 г., расширившая перечень предметов преступления и форм общественно опасного деяния, и криминализация Федеральным законом от 24 июня 2025 г. № 176-ФЗ неправомерного оборота действующих электронных средств платежей — отразилась на способах совершения преступления. В структуре ст. 187 УК РФ сосуществуют две группы составов, различающихся по предмету, способу и характеру действий преступника, что требует дифференцированного подхода к их криминалистическому обеспечению.

Способы совершения неправомерного оборота средств платежей подразделяются на две группы: связанные с созданием и оборотом поддельных средств платежей и связанные с оборотом легально полученных, но используемых вопреки установленному порядку электронных средств. Во второй, наиболее распространённой группе выделяются способы, основанные на использовании уязвимостей платёжных систем, на неправомерном использовании учётных данных легального пользователя и на сбыте средств доступа, полученных формально законным путём. Способы разных групп различаются по механизму следообразования и характеру ключевых доказательств.

Криминалистическая характеристика отдельных способов свидетельствует об устойчивости и воспроизводимости преступных схем, что отличает неправомерный оборот средств платежей от быстро меняющегося кибермошенничества. Наиболее распространён способ, связанный с приобретением, хранением и сбытом электронных средств и электронных носителей информации; для него характерны развёрнутая подготовка, участие подставных лиц и минимальный временной разрыв между получением и сбытом средств доступа. Устойчивость подобных схем позволяет разработать достаточно универсальную криминалистическую модель поведения преступника.

Заключение

Способ совершения определяет построение следственных версий, выбор тактики следственных действий и правильную квалификацию деяния. Он обусловливает состав типичных следственных ситуаций, круг подлежащих установлению обстоятельств и характер ключевых доказательств, которыми по делам рассматриваемой категории выступают регистрационные и банковские документы, а также электронно-цифровые следы. Установление способа позволяет разграничить неправомерный оборот средств платежей и смежные составы преступлений.

Полученные выводы могут быть использованы при разработке частной криминалистической методики расследования неправомерного оборота средств платежей, в профессиональной подготовке следователей и дознавателей, а также в методических

рекомендациях по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений рассматриваемой категории. Дальнейшая работа связана с разработкой типовых алгоритмов расследования и алгоритмов работы с цифровыми доказательствами применительно к отдельным способам совершения преступления.

Библиография

1. Андроник Н.А., Сретенцев Д.Н. Криминалистическая характеристика хищений, совершенных с использованием IT-технологий // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 4 (97). С. 171–181.
2. Волосевич И.Н. Неправомерный оборот действующих электронных средств платежа (дропперство) как объект криминалистического анализа: постановка проблемы // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 4 (75). С. 147–156.
3. Гайдин А.И., Дутов Ю.И., Дутов Н.Ю., Касьянова Е.В. Проблемы расследования уголовных дел о преступлениях, связанных с оборотом средств платежей, предназначенных для неправомерного осуществления приема, выдачи, перевода денежных средств // Вестник Воронежского института МВД России. 2025.
4. Иванов П.И., Пироженков С.А. К вопросу о частной криминалистической методике расследования преступлений (структура и содержание) // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 4 (60). С. 109–119.
5. Калюжный А.Н. Способы преступной деятельности дропперов: криминалистический и уголовно-правовой подходы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2026. Т. 17. Вып. 1. С. 156–173.
6. Кардашевская М.В., Гаврилин Ю.В. Электронная платежная система как элемент обстановки преступления // Вестник Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. 2020. № 3. С. 22–26.
7. Лихолетов А.А., Лихолетов Е.А. Проблемы квалификации неправомерного оборота средств платежей // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 3 (70). С. 15–20.
8. Пидусов Е.А. Криминалистический анализ преступлений, совершаемых с использованием электронных платежных систем // Вестник Воронежского института МВД России. 2020. № 1. С. 15–24.
9. Решняк О.А. Механизм совершения преступления, связанного с неправомерным оборотом средств платежей, в структуре частной методики расследования // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 3 (19). С. 67–76.
10. Сучкова Е.А. Исследование личности преступника в ходе расследования неправомерного оборота средств платежей // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 3 (100). С. 258–265.
11. Сучкова Е.А. Исследование способа совершения неправомерного оборота средств платежей // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2025. № 1 (102). С. 298–305.
12. Сучкова Е.А. Типичные следственные ситуации, складывающиеся на предварительном этапе расследования неправомерного оборота средств платежей, совершенного путем приобретения, транспортировки, хранения в целях сбыта и сбыта электронных средств, электронных носителей информации или электронных средств платежей // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 1 (107). С. 146–153.

Methods of Committing a Crime Related to the Illegal Circulation of Means of Payment in the Structure of a Private Forensic Methodology for Investigating Crimes

Yuliya I. Yurina

Senior Lecturer,
Department of Forensics,
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
656038, 49, Chkalova str., Barnaul, Russian Federation;
e-mail: iulia.iurina4@yandex.ru

Yuliya V. Zinenko

PhD in Medicine, Associate Professor,
Department of Forensics,
Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
660131, 20, Rokossovskogo str., Krasnoyarsk, Russian Federation;
e-mail: afrodita0601@mail.ru

Ol'ga L. Kuz'mina

PhD in Law, Associate Professor,
Head of the Department of Criminal Procedure,
Kaliningrad Branch
of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
236006, 30, Generala Galitskogo str., Kaliningrad, Russian Federation;
e-mail: jlloolli@rambler.ru

Abstract

The article examines the methods of committing a crime related to the illegal circulation of means of payment as an element of a private forensic investigation methodology. The full-structural model of the method of committing a crime is analyzed, and the transformation of the disposition of Art. 187 of the Criminal Code of the Russian Federation and its influence on the methods of the crime are traced. A classification of methods is proposed: those connected with the creation and circulation of counterfeit means of payment and those connected with the circulation of legally obtained electronic means and access means. On the basis of materials from judicial and investigative practice, a forensic characterization is given of the manufacture and sale of counterfeit payment cards and orders for the transfer of funds, the acquisition, storage, transportation, and sale of electronic means and electronic data carriers, as well as of the methods committed using computer programs and technical devices. The significance of information about the method of committing a crime for the formation of investigative situations, the advancement of versions, the choice of tactics for investigative actions, and the qualification of the act is shown. The conclusion is substantiated that the method of committing a crime acts as a system-forming element of the private methodology for investigating the illegal circulation of means of payment.

For citation

Yurina Yu.I., Zinenko Yu.V., Kuz'mina O.L. (2026) Sposoby sovershеniya prestupleniya, svyazannogo s nepravomernym oborotom sredstv platezhey, v strukture chastnoy kriminalisticheskoy metodiki rassledovaniya prestupleniy [Methods of Committing a Crime Related to the Illegal Circulation of Means of Payment in the Structure of a Private Forensic Methodology for Investigating Crimes]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (9A), pp. 396-410. DOI: 10.34670/AR.2026.55.23.044

Keywords

Illegal circulation of means of payment, method of committing a crime, private forensic methodology, forensic characterization, electronic means of payment, electronic data carrier, dropper activity, Art. 187 of the Criminal Code of the Russian Federation, qualification of crimes, investigation of crimes, risk management, research methodology.

References

1. Andronik, N. A., & Sretentsev, D. N. (2023). Kriminalisticheskaya kharakteristika khishchenii, sovershennykh s ispol'zovaniem IT-tekhnologii [Forensic characteristics of theft committed using IT technologies]. Nauchnyi vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk'yanova, (4(97)), 171–181.
2. Gaidin, A. I., Dutov, Yu. I., Dutov, N. Yu., & Kas'yanova, E. V. (2025). Problemy rassledovaniya ugolovnykh del o prestupleniyakh, svyazannykh s oborotom sredstv platezhei, prednaznachennykh dlya nepravomernogo osushchestvleniya priema, vydachi, perevoda denezhnykh sredstv [Problems of investigating criminal cases on crimes related to the turnover of means of payment intended for the unlawful acceptance, issuance, and transfer of funds]. Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii.
3. Ivanov, P. I., & Pirozhenkov, S. A. (2021). K voprosu o chastnoi kriminalisticheskoi metodike rassledovaniya prestuplenii (struktura i soderzhanie) [On the issue of a private forensic methodology for investigating crimes (structure and content)]. Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii, (4(60)), 109–119.
4. Kalyuzhnyi, A. N. (2026) Sposoby prestupnoi deyatel'nosti dropperov: kriminalisticheskii i ugolovno-pravovoi podkhody [Methods of criminal activity of droppers: forensic and criminal law approaches]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo, 17(1), 156–173.
5. Kardashevskaya, M. V., & Gavrilin, Yu. V. (2020). Elektronnaya platezhnaya sistema kak element obstanovki prestupleniya [Electronic payment system as an element of the crime situation]. Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii imeni V. Ya. Kikotya, (3), 22–26.
6. Likholetov, A. A., & Likholetov, E. A. (2024). Problemy kvalifikatsii nepravomernogo oborota sredstv platezhei [Problems of qualifying the illegal turnover of means of payment]. Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii, (3(70)), 15–20.
7. Pidusov, E. A. (2020). Kriminalisticheskii analiz prestuplenii, sovershaemykh s ispol'zovaniem elektronnykh platezhnykh sistem [Forensic analysis of crimes committed using electronic payment systems]. Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii, (1), 15–24.
8. Reshnyak, O. A. (2024). Mekhanizm sovershеniya prestupleniya, svyazannogo s nepravomernym oborotom sredstv platezhei, v strukture chastnoi metodiki rassledovaniya [The mechanism of committing a crime related to the illegal turnover of means of payment in the structure of a private investigation methodology]. Obshchestvo, pravo, gosudarstvennost': retrospektiva i perspektiva, (3(19)), 67–76.
9. Suchkova, E. A. (2024). Issledovanie lichnosti prestupnika v khode rassledovaniya nepravomernogo oborota sredstv platezhei [Study of the criminal's personality during the investigation of the illegal turnover of means of payment]. Nauchnyi vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk'yanova, (3(100)), 258–265.
10. Suchkova, E. A. (2025a). Issledovanie sposoba sovershеniya nepravomernogo oborota sredstv platezhei [Study of the method of committing the illegal turnover of means of payment]. Nauchnyi vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk'yanova, (1(102)), 298–305.
11. Suchkova, E. A. (2025b). Tipichnye sledstvennye situatsii, skladyvayushchiesya na predvaritel'nom etape rassledovaniya nepravomernogo oborota sredstv platezhei, sovershennogo putem priobreteniya, transportirovki, khraneniya v tselyakh sbyta i sbyta elektronnykh sredstv, elektronnykh nositelei informatsii ili elektronnykh sredstv platezhei [Typical investigative situations at the preliminary stage of investigating the illegal turnover of means of payment committed by acquiring, transporting, storing for sale and selling electronic means, electronic data carriers or electronic means of payment]. Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii, (1(107)), 146–153.
12. Volosevich, I. N. (2025). Nepravomernyi oborot deistvuyushchikh elektronnykh sredstv platezha (dropperstvo) kak ob"ekt kriminalisticheskogo analiza: postanovka problemy [Illegal turnover of active electronic means of payment (dropping) as an object of forensic analysis: problem statement]. Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii, (4(75)), 147–156.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2026.39.87.045**

Компенсирующее тактическое решение защитника в условиях процессуальной асимметрии

Анисич Владислав Андреевич

Аспирант,
кафедра уголовного процесса и криминалистики,
Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина,
350044, Российская Федерация, Краснодар, ул. Калинина, 13;
e-mail: vlad_anisich@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена вопросам принятия защитником тактических решений в условиях фактического неравенства процессуальных возможностей сторон. Обосновывается необходимость различать закрепленное законом полномочие и реальную возможность его своевременной реализации. Предлагается понятие процессуальной асимметрии как конкретного ограничения возможностей стороны защиты, влияющего на выбор дальнейших действий. Формулируется понятие компенсирующего тактического решения защитника, раскрываются его основные элементы: установление ограничения, определение ближайшей цели, выбор допустимого способа действия, оценка риска и возможных последствий, а также фиксация принятого решения. Делается вывод о необходимости разграничивать допустимость и эффективность тактического решения и оценивать его с учетом результата конкретного процессуального действия.

Для цитирования в научных исследованиях

Анисич В.А. Компенсирующее тактическое решение защитника в условиях процессуальной асимметрии // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 9А. С. 411-416. DOI: 10.34670/AR.2026.39.87.045

Ключевые слова

Уголовный процесс, защитник, тактика защиты, процессуальная асимметрия, защитная ситуация, тактическое решение, право на защиту, управление рисками, методология исследования.

Введение

Состязательность уголовного судопроизводства предполагает равноправие сторон, однако не означает тождества их процессуальных полномочий. Следователь и дознаватель обладают властными средствами, которыми защитник не располагает. Поэтому для тактики защиты имеет значение не само различие процессуальных статусов, а то, каким образом оно влияет на возможность решения конкретной защитительной задачи. В.А. Лазарева отмечала, что неравенство сторон в уголовном процессе преодолевается соответствующими процессуальными гарантиями [Лазарева, 2017]. Применительно к деятельности защитника указанное положение требует оценки конкретных ограничений и выбора средств, позволяющих уменьшить их последствия.

Основная часть

В теории криминалистики тактическое решение традиционно связывается с оценкой сложившейся ситуации. Данный подход получил развитие в работах Р.С. Белкина, Л.Я. Драпкина, Т.С. Волчецкой, М.О. Баева, В.В. Конина и других авторов [Белкин, 1997; Драпкин, 1987; Волчецкая, 1997; Баев, 2005; Конин, 2003]. Вместе с тем применительно к деятельности защитника необходимо учитывать его особое процессуальное положение. Защитник не обладает властными полномочиями и реализует свою позицию посредством ходатайств, жалоб, участия в процессуальных действиях, получения и представления сведений, а также иных предусмотренных законом средств.

Для оценки положения стороны защиты целесообразно различать процессуальное полномочие и фактическую возможность его реализации. Так, ч. 3 ст. 86 УПК РФ предоставляет защитнику право получать предметы, документы и иные сведения, опрашивать лиц с их согласия, истребовать документы у органов и организаций. Однако полученные сведения требуют проверки, надлежащего представления и процессуальной оценки. Следовательно, наличие права не всегда означает возможность своевременно получить необходимый результат.

В этой связи процессуальная асимметрия может быть определена как фактически проявившееся в конкретной ситуации различие возможностей обвинения и защиты в получении, проверке, закреплении, представлении и сохранении информации, а также в использовании времени, организационных и технических ресурсов, способное повлиять на реализацию позиции защиты. Такое понимание позволяет отделить обычное различие процессуальных функций от ограничения, которое непосредственно затрудняет решение конкретной задачи.

На практике процессуальная асимметрия может иметь информационный, доказательственно-процессуальный, принудительный, временно-ресурсный, институциональный и технологический характер. Значение имеет не формальное отнесение ситуации к определенному виду, а установление того ограничения, которое в данный момент наиболее существенно для защиты. Например, недостаток сведений может препятствовать принятию решения о даче показаний, а ограниченный срок хранения цифровой информации — требовать немедленных действий по ее сохранению.

Исходной категорией при принятии решения является защитная ситуация. Под ней следует понимать совокупность обстоятельств, сложившихся к определенному моменту производства по уголовному делу и влияющих на выбор дальнейших действий защитника. К таким обстоятельствам относятся содержание подозрения или обвинения, объем и достоверность

имеющейся информации, позиция доверителя, ранее принятые процессуальные решения, временные ограничения и доступные стороне защиты средства.

Особое значение имеет возможность наступления последствий, которые в дальнейшем трудно устранить. К их числу относятся утрата записи, недоступность свидетеля, пропуск срока, проведение процессуального действия без участия защитника, преждевременное раскрытие позиции либо источника сведений. Чем выше вероятность таких последствий, тем более тщательно должен быть обоснован выбор защитника.

В рамках предлагаемого подхода компенсирующее тактическое решение защитника следует понимать как основанный на законе, требованиях профессиональной этики и оценке конкретной защитной ситуации выбор действия либо воздержания от него, направленный на уменьшение последствий установленного ограничения процессуальных возможностей стороны защиты. Такое решение не устраняет различие статусов сторон, а позволяет использовать предусмотренные законом средства наиболее своевременно и последовательно.

Принятие компенсирующего тактического решения включает несколько взаимосвязанных элементов. Прежде всего необходимо установить конкретное ограничение и его фактическую основу. Далее определяется ближайшая цель защиты: получение сведений, сохранение источника, обеспечение участия в процессуальном действии, получение мотивированного решения либо создание оснований для последующего обжалования. После этого выбирается допустимый способ действия с учетом возможных неблагоприятных последствий.

При выборе способа поведения необходимо учитывать обратимость последствий. Одни действия могут быть повторены или скорректированы, другие имеют устойчивый процессуальный эффект. Например, ходатайство при наличии новых оснований может быть заявлено повторно, тогда как данные обвиняемым подробные показания сохраняются в материалах дела. Аналогично раскрытие стороне обвинения определенного источника информации может изменить дальнейшие условия защиты. Поэтому оценка последствий должна предшествовать действиям, способным существенно повлиять на положение доверителя.

Отдельного внимания требует распределение решений между адвокатом и доверителем. Вопросы, непосредственно связанные с реализацией личных процессуальных прав обвиняемого или подозреваемого, должны решаться с учетом его воли после разъяснения возможных последствий. К ним относятся, в частности, дача показаний, признание вины, согласие на особый порядок и иные решения, затрагивающие содержание позиции по делу. Выбор формы и аргументации ходатайства, последовательности вопросов и иных профессиональных средств относится к компетенции защитника. На практике значительная часть решений требует их предварительного согласования.

Существенное значение имеет письменная фиксация действий защиты. Следует различать внутреннюю запись в адвокатском производстве и процессуальный документ. Внутренняя запись отражает основания выбора и результаты профессиональной оценки. Ходатайство, жалоба, замечания на протокол и иные документы предназначены для официальной фиксации позиции стороны защиты и последующей проверки принятого процессуального решения. Письменная форма особенно важна в случаях, когда отказ или бездействие уполномоченного лица могут быть предметом обжалования.

При оценке тактического решения необходимо разграничивать его допустимость и эффективность. Допустимость означает соответствие избранной цели и способа действия требованиям уголовно-процессуального закона и профессиональной этики. Эффективность

показывает, позволило ли принятое решение уменьшить конкретное ограничение и сохранить возможность дальнейшей защиты. Неблагоприятный результат отдельного действия сам по себе не свидетельствует о неправильности решения, если оно было принято на основе достаточной информации и с учетом возможных рисков.

Эффективность тактики не может определяться только итоговым решением по уголовному делу. Оправдание, прекращение уголовного преследования, изменение квалификации или назначение более мягкого наказания зависят от совокупности обстоятельств. Для оценки отдельного тактического решения более обоснованно учитывать его непосредственный результат: получены ли необходимые сведения, сохранен ли источник, обеспечена ли проверка версии защиты, зафиксирована ли процессуальная инициатива, сохранена ли возможность обжалования.

Научная новизна предлагаемого подхода состоит в рассмотрении компенсирующего тактического решения в качестве самостоятельного элемента профессиональной деятельности защитника. Его назначение заключается не в формальном устранении различий между сторонами, что невозможно в силу различия их процессуальных функций, а в выборе такого способа поведения, который позволяет снизить неблагоприятное влияние конкретного ограничения на реализацию права на защиту. В этом смысле предметом оценки является не только наличие у адвоката соответствующего полномочия, но и возможность его использования в конкретный момент производства по уголовному делу. Дополнительно предлагается учитывать степень влияния выявленного ограничения на ближайшую задачу защиты: если оно устраняется обычным процессуальным действием, изменение тактики не требуется; при реальном риске утраты процессуальной возможности необходимы меры по ее сохранению; если устранение ограничения зависит от решения следователя, прокурора или суда, защита должна одновременно использовать предусмотренные законом средства контроля.

Обоснованность тактического решения должна оцениваться с учетом обстоятельств, известных защитнику на момент его принятия. Последующий результат не может служить единственным критерием правильности ранее избранного способа действий. Для оценки имеют значение достаточность исходной информации, соответствие решения согласованной позиции защиты, наличие законной цели, учет возможных последствий и соблюдение требований профессиональной этики. Такой подход исключает оценку действий адвоката исключительно с позиции последующего развития уголовного дела и позволяет учитывать условия, в которых осуществлялся профессиональный выбор.

Практическое значение указанной конструкции проявляется при подготовке ходатайств, жалоб, определении момента представления сведений, участии в следственных действиях и решении вопроса о необходимости привлечения специалиста. Во всех названных случаях защитник должен установить, какое именно ограничение препятствует реализации поставленной задачи, какие законные средства имеются в его распоряжении и какие последствия может повлечь их использование либо отказ от использования. Последовательная фиксация указанных обстоятельств в адвокатском производстве позволяет обеспечить внутреннюю обоснованность принятого решения и при необходимости подтвердить содержание предпринятых защитой действий.

Таким образом, процессуальная асимметрия имеет значение для тактики защиты тогда, когда конкретное различие возможностей сторон препятствует решению определенной защитительной задачи. Компенсирующее тактическое решение позволяет связать установленное ограничение с ближайшей целью, допустимым способом действия и оценкой

возможных последствий. Такой подход ориентирует защитника не на формальное количество процессуальных действий, а на своевременное использование предусмотренных законом средств защиты.

Заключение

Предлагаемый подход имеет значение и для научной оценки деятельности защитника. Анализ отдельного процессуального эпизода позволяет установить, какое ограничение имело место, какими сведениями располагал адвокат, какое решение было принято и к какому непосредственному результату оно привело. Это создает более определенные критерии исследования тактики профессиональной защиты и позволяет учитывать фактические условия принятия решения, не сводя оценку качества защиты к количеству заявленных ходатайств, жалоб и иных процессуальных действий.

Библиография

1. Баев М.О. Тактические основы деятельности адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве России (теория и практика): дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2005. 401 с.
2. Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. Москва: Юристъ, 1997. 480 с.
3. Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия: монография / под ред. Н.П. Яблокова. Калининград: Калинингр. ун-т, 1997. 248 с.
4. Драпкин Л.Я. Основы теории следственных ситуаций. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. 168 с.
5. Кодекс профессиональной этики адвоката: принят I Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г. (в действующей редакции).
6. Конин В.В. Тактика профессиональной защиты подсудимого в суде первой инстанции: дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2003. 195 с.
7. Лазарева В.А. Трансформация понятия «доказательство» в состязательном уголовном процессе // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2017. № 2 (29). С. 39–44.
8. Россинский С.Б. Собирание доказательств как познавательная деятельность субъектов уголовного судопроизводства // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 1. С. 88–95.
9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в действующей редакции).
10. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. Москва: Норма, 2009. 240 с.

Compensatory Tactical Decision of the Defense Counsel in Conditions of Procedural Asymmetry

Vladislav A. Anisich

Postgraduate Student,
Department of Criminal Procedure and Criminalistics,
Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin,
350044, 13, Kalinina str., Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: vlad_anisich@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the issues of the defense counsel's adoption of tactical decisions in conditions of the actual inequality of the procedural capabilities of the parties. The necessity of

distinguishing between a power enshrined in law and the real possibility of its timely implementation is substantiated. The concept of procedural asymmetry is proposed as a specific limitation of the capabilities of the defense party that influences the choice of further actions. The concept of a compensatory tactical decision of the defense counsel is formulated, and its main elements are revealed: the establishment of the limitation, the determination of the immediate goal, the choice of a permissible method of action, the assessment of risk and possible consequences, as well as the recording of the decision taken. A conclusion is drawn about the necessity of distinguishing between the admissibility and the effectiveness of a tactical decision and of evaluating it taking into account the result of a specific procedural action.

For citation

Anisich V.A. (2026) Kompensiruyushchee takticheskoe reshenie zashchitnika v usloviyakh protsessual'noy asimmetrii [Compensatory Tactical Decision of the Defense Counsel in Conditions of Procedural Asymmetry]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (9A), pp. 411-416. DOI: 10.34670/AR.2026.39.87.045

Keywords

Criminal procedure, defense counsel, defense tactics, procedural asymmetry, defense situation, tactical decision, right to defense, risk management, research methodology.

References

1. Baev, M. O. (2005). Takticheskie osnovy deyatel'nosti advokata-zashchitnika v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii (teoriya i praktika) [Tactical foundations of the activity of a defense lawyer in criminal proceedings in Russia (theory and practice)] (Doctoral dissertation). Voronezh.
2. Belkin, R. S. (1997). Kurs kriminalistiki: V 3 t. T. 3: Kriminalisticheskie sredstva, priemy i rekomendatsii [The course of criminalistics: In 3 vols. Vol. 3: Criminalistic tools, techniques and recommendations]. Yurist".
3. Code of Criminal Procedure of the Russian Federation No. 174-FZ of December 18, 2001 (as amended).
4. Drapkin, L. Ya. (1987). Osnovy teorii sledstvennykh situatsii [Fundamentals of the theory of investigative situations]. Ural University Publishing House.
5. Konin, V. V. (2003). Taktika professional'noi zashchity podsudimogo v sude pervoi instantsii [Tactics of professional defense of the defendant in the court of first instance] (Candidate dissertation). Kaliningrad.
6. Lazareva, V. A. (2017). Transformatsiya ponyatiya "dokazatel'stvo" v sostyazatel'nom ugolovnom protsesse [Transformation of the concept of "proof" in adversarial criminal proceedings]. Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki, (2(29)), 39–44.
7. Rossinsky, S. B. (2020). Sobiranie dokazatel'stv kak poznavatel'naya deyatel'nost' sub"ektov ugolovnogo sudoproizvodstva [Collecting evidence as cognitive activity of subjects of criminal proceedings]. Yuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta, 6(1), 88–95.
8. Shafer, S. A. (2009). Dokazatel'stva i dokazyvanie po ugolovnym delam: problemy teorii i pravovogo regulirovaniya [Evidence and evidence in criminal cases: problems of theory and legal regulation]. Norma.
9. The Lawyer's Code of Professional Ethics: adopted by the First All-Russian Congress of Lawyers on January 31, 2003 (in its current version).
10. Volchetskaya, T. S. (1997). Kriminalisticheskaya situalogiya [Criminalistic situalogy] (N. P. Yablokov, Ed.). Kaliningrad University.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2026.62.81.047**

Дифференциация уголовного наказания беременным женщинам и лицам, имеющим детей в возрасте до 14 лет: институциональный механизм контроля отсрочки отбывания наказания

Федорова Наталья Викторовна

Научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: nv_fedorova@bk.ru

Слабкая Диана Николаевна

Старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Аннотация

В представленном материале рассматриваются теоретические и практические вопросы применения института отсрочки отбывания наказания беременным женщинам и лицам, имеющим детей в возрасте до четырнадцати лет, а также порядок осуществления контроля за данной категорией лиц. Прослеживается развитие института отсрочки в российском законодательстве, раскрываются основания, при которых данная привилегия не применяется, и критерии, которыми руководствуется суд при принятии соответствующего решения. Актуальность темы обусловлена тем, что указанный институт занимает особое место в системе уголовно-исполнительного права, поскольку сочетает в себе принципы гуманизма, справедливости и дифференциации уголовной ответственности. Обосновывается вывод о том, что эффективность рассматриваемого института обеспечивается единством двух начал – обоснованности его предоставления судом и последующего контроля за исполнением родительских обязанностей, что позволяет сочетать принцип гуманизма с защитой интересов ребенка и семьи.

Для цитирования в научных исследованиях

Федорова Н.В., Слабкая Д.Н. Дифференциация уголовного наказания беременным женщинам и лицам, имеющим детей в возрасте до 14 лет: институциональный механизм контроля отсрочки отбывания наказания // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 9А. С. 417-424. DOI: 10.34670/AR.2026.62.81.047

Ключевые слова

Отсрочка отбывания наказания; беременные женщины; лица, имеющие детей в возрасте до 14 лет; контроль; уголовно-исполнительная инспекция; уголовно-исполнительная система.

Введение

Институт отсрочки отбывания наказания беременным женщинам и лицам, имеющим детей в возрасте до четырнадцати лет занимает особое место в системе уголовно-исполнительного права Российской Федерации. Его социальное назначение состоит в том, чтобы обеспечить приоритет интересов ребенка и материнства над карательным воздействием, не отказываясь при этом от принципа неотвратимости ответственности. В отличие от освобождения от наказания, отсрочка не прекращает уголовно-правовых отношений: осужденная(ый) остается в поле государственного контроля, а исполнение наказания может быть возобновлено при нарушении установленных условий. Именно это обстоятельство определяет сложность правового регулирования, которое сочетает нормы уголовного, уголовно-исполнительного и семейного законодательства, а также административный и судебный механизмы контроля.

Основная часть

Воспитание детей в семье обеспечивает преемственность ценностей, эмоциональную привязанность и индивидуальный подход. Семья выступает первичным институтом социализации, в рамках которого формируются базовые нравственные ориентиры, навыки общения и модели поведения, усваиваемые ребенком на протяжении всей последующей жизни. Эмоциональная связь с родителем создает у ребенка чувство защищенности и стабильности, необходимые для гармоничного развития личности, тогда как разлучение с ним способно повлечь психологическую травматизацию, трудности социальной адаптации и отклонения в поведении [Москвитина, Кряжева, 2023]. Индивидуальный подход, возможный именно в семейной среде, позволяет учитывать особенности характера, интересы и потребности конкретного ребенка. Сохранение семейной среды отвечает не только частным интересам ребенка и родителя, но и публичному интересу государства в формировании социально адаптированного гражданина [Москвитина, Кряжева, Слабкая, 2024]. Благополучная семья рассматривается как основа устойчивого развития общества, поскольку именно в ней закладываются предпосылки правомерного поведения, трудовой мотивации и ответственного участия в социальной жизни. Именно поэтому государство, признавая ценность семейного воспитания, стремится обеспечить его сохранение и средствами уголовно-правового регулирования.

Особое положение в российской системе уголовного и уголовно-исполнительного права принадлежит институту отсрочки отбывания наказания для беременных женщин и лиц с малолетними детьми. Данный институт выступает одним из самых наглядных воплощений принципа гуманизма. Его социальная значимость определяется необходимостью обеспечения права ребенка на воспитание в семье.

На протяжении долгих лет законодатель уделял особое внимание реализации материнской функции, что нашло свое нормативное закрепление еще в начале 1990-х годов. Важным шагом в направлении гуманизации уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, а

именно закрепление положений об отсрочке отбывания наказания, применяемой в отношении рассматриваемой категории осужденных стало принятие Закона РФ от 12 июня 1992 г. № 2988-I, которым Уголовный кодекс РСФСР был дополнен статьей 46, согласно которой в отношении осужденных беременных женщин и женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет, в суд может быть внесено представление о предоставлении им отсрочки отбывания наказания на предусмотренный действующим законодательством период беременности, родов и до достижения ребенком трехлетнего возраста. Инициатором обращения выступал орган, исполняющий наказание, а само представление подлежало согласованию с прокурором. При этом законодатель установил и ограничения – отсрочка не применялась к лицам, совершившим тяжкое преступление против личности, срок лишения свободы за которое превышал пять лет.

Дальнейшее развитие рассматриваемого института связано с принятием Федерального закона от 9 марта 2001 года № 25-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и другие законодательные акты Российской Федерации», который установил новый срок отсрочки – до достижения ребенком возраста четырнадцати лет. Знаковым изменением 2010 года стало распространение данной привилегии не только на женщин, но и на мужчин, являющихся единственным родителем [Баранова, 2025, с. 52]. Подобные изменения законодательства отражают последовательное стремление государства обеспечить право ребенка на воспитание в семье, не допустить его разлучения с матерью (или отцом) и создать условия для полноценного развития несовершеннолетнего. Для достижения вышеназванных целей суд может отсрочить реальное отбывание наказания до достижения ребенком четырнадцатилетнего возраста [Лепина, 2021, с. 30].

Однако данная привилегия не распространяется на некоторые категории осужденных, что вызвано в свою очередь характером и степенью общественной опасности совершенных ими деяний. Так, отсрочка не предоставляется:

– осужденным, которым назначено наказание в виде ограничения свободы;

– осужденным, которым назначено наказание в виде лишения свободы за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста;

– осужденным, которым назначено наказание в виде лишения свободы на срок свыше пяти лет за тяжкие и особо тяжкие преступления против личности;

– осужденным, которым назначено наказание в виде лишения свободы за совершение преступлений террористического характера, перечисленных в ч.1 ст. 82 УК РФ.

Перечисленные исключения подчинены единой логике: отсрочка не применяется там, где она либо несовместима с видом назначенного наказания (ограничение свободы), либо противоречит приоритетной защите несовершеннолетних потерпевших (преступления против половой неприкосновенности), либо не позволяет достичь целей наказания ввиду повышенной опасности деяния (тяжкие и особо тяжкие преступления против личности, террористические преступления). Таким образом, каждое ограничение имеет самостоятельное правовое основание, а в своей совокупности они очерчивают границы, за пределами которых применение гуманитарной по своей природе меры признается нецелесообразным. Однако формального соответствия этим границам недостаточно. От суда требуется всесторонняя оценка обстоятельств конкретного дела.

Реализация принципа индивидуализации при предоставлении отсрочки предполагает, что суд при принятии соответствующего решения обязан учитывать характер и степень

общественной опасности преступления, условия жизни осужденного и возможность содержания и воспитания ребенка, личностные особенности виновного, возможность его исправления при освобождении от наказания, а также наличие отягчающих и смягчающих обстоятельств [Чиженькова, 2020, с. 177]. При этом характер и степень общественной опасности деяния позволяют установить, насколько содеянное несовместимо с дальнейшим нахождением несовершеннолетнего в семье. Условия жизни осужденного и возможность содержания ребенка, в свою очередь, выявляют реальность исполнения родительских обязанностей. Данные о личности виновного и перспективы его исправления без изоляции от общества равным образом определяют достижимость целей наказания. Наконец, отягчающие и смягчающие обстоятельства корректируют итоговую оценку. Лишь при совокупной оценке перечисленных обстоятельств может быть сделан вывод о том, что отсрочка в конкретном случае будет способствовать достижению целей наказания и обеспечению интересов ребенка.

Особую актуальность рассматриваемой проблематике придает принятие 19 декабря 2023 г. Пленумом Верховного Суда Российской Федерации Постановления № 47 «О практике применения судами законодательства об отсрочке отбывания наказания» (далее – ПП ВС РФ), в котором нашли закрепление значимые для назначения, исполнения и отмены отсрочки правила (п. 8–12):

– применение отсрочки предваряет решение суда о назначении осужденному наказания и определении вида исправительного учреждения с учетом требований ст. 58 УК РФ;

– решение об освобождении осужденного от отбывания наказания или оставшейся части наказания со снятием судимости либо о замене, оставшейся неотбытой части наказания более мягким принимается судом по представлению уголовно-исполнительной инспекции, поданному в связи с достижением ребенком четырнадцати лет, смертью ребенка;

– решение о сокращении срока отсрочки с освобождением осужденного от отбывания наказания или оставшейся части наказания со снятием судимости принимается судом по представлению контролирующего органа, поданному в связи с истечением срока назначенного наказания до достижения ребенком четырнадцати лет;

– решение об отмене отсрочки и исполнении назначенного наказания принимается судом по представлению уголовно-исполнительной инспекции, поданному в связи с отказом осужденного от ребенка, уклонения от его воспитания, продолжаемого после предупреждения [6, с. 148].

В настоящее время законодательством не установлены какие-либо обязанности в отношении лиц, которым по решению суда применена отсрочка наказания. Основной и главной задачей на протяжении периода отсрочки, является надлежащее воспитание и обеспечение необходимыми благоприятными условиями для развития и роста ребенка. Данное требование подлежит регулярной проверке контролирующим органом, в данном случае уголовно-исполнительной инспекцией (далее – УИИ).

Основной порядок контроля УИИ за данной категорией лиц, включает в себя:

– простановка на учет осужденного по месту жительства, после вступления решения суда в законную силу;

– ежемесячная проверка условий проживания несовершеннолетнего, наличие продуктов питания, одежды и предметов первой необходимости;

– проверка поведения осужденного по вопросам воспитания и надлежащего ухода за ним;

– проведение профилактической беседы с осужденным, совместно проживающими лицами и близкими родственниками;

– взаимодействие с органами опеки и комиссиями по делам несовершеннолетних для проверки условий жизни ребенка.

Помимо перечисленных мероприятий, контроль за поведением осужденного в период отсрочки предполагает ведение дела, в котором фиксируются результаты каждой проверки, а также принятие мер реагирования при выявлении нарушений. Система мер реагирования включает предупреждение о недопустимости нарушения условий отсрочки, а в случае продолжающегося уклонения от воспитания ребенка – направление в суд представления об отмене отсрочки. При этом УИИ оценивает, является ли нарушение разовым или свидетельствует об устойчивом неисполнении родительских обязанностей. При отказе осужденного от ребенка либо уклонении от его воспитания, продолжающемся после объявленного в установленном порядке предупреждения, УИИ направляет в суд представление об отмене отсрочки и исполнении наказания.

Контроль за лицами, которым предоставлена отсрочка, осуществляется УИИ комплексно и охватывает различные аспекты, в частности, фактическое исполнение родительских обязанностей, создание ребенку надлежащих условий проживания, питания и ухода и т.д. По истечении срока отсрочки либо при наступлении иных предусмотренных законом обстоятельств (достижение ребенком четырнадцати лет, его смерть, истечение срока назначенного наказания) УИИ инициирует перед судом вопрос об освобождении осужденного от отбывания наказания или оставшейся части наказания со снятием судимости либо о замене оставшейся неотбытой части наказания более мягким видом наказания. Следует отметить, что что эффективность контроля во многом зависит от полноты сведений, которыми располагает УИИ. В связи с этим особое значение приобретает обмен информацией с органами опеки и попечительства, а также медицинскими организациями, располагающими данными о состоянии здоровья и условиях воспитания ребенка.

Проанализировав особенности применения уголовного наказания в виде лишения свободы в отношении беременных женщин и лиц имеющих несовершеннолетних детей, можно сделать вывод о том, что действующее законодательство находится на этапе поиска баланса между применением справедливого наказания и проявлением гуманизма. В целях реализации принципа индивидуализации и дифференциации уголовного наказания учитывается особый статус рассматриваемой категории осужденных, а именно реализуются принципы гуманизма, а также учитываются и защищаются права и интересы детей и родителей. Воспитание в семье обеспечивает преемственность ценностей, эмоциональную привязанность и индивидуальный подход. Вместе с тем необходимо признать, что далеко не каждая семья в состоянии обеспечить ребенку перечисленные условия воспитания и развития. Наличие родительских прав само по себе не свидетельствует о способности и готовности лица их надлежащим образом исполнять, а потому государственная поддержка семейного воспитания не может носить безусловного характера. Именно этим объясняется, что отсрочка отбывания наказания предоставляется не автоматически, а по усмотрению суда, оценивающего реальную возможность осужденного создать ребенку надлежащие условия содержания и воспитания.

Заключение

Отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и лицам, имеющим детей до четырнадцати лет, представляет собой гуманную и социально оправданную меру, в основе которой лежит баланс между интересами ребенка и задачами уголовной ответственности. Ее

применение требует от суда тщательной оценки обстоятельств, а от уголовно-исполнительных инспекций – последовательного и дифференцированного контроля. В настоящее время порядок применения отсрочки отбывания наказания и механизм контроля за ее исполнением образуют единую систему, в которой назначение данной меры и последующая деятельность УИИ подчинены общей цели – обеспечению надлежащего воспитания и развития ребенка, что в конечном счете служит укреплению института семьи, материнства, отцовства и детства.

Проведенное исследование подтверждает, что эффективность рассматриваемого института определяется не только обоснованностью судебного решения о предоставлении отсрочки, но и качеством последующего контроля, обеспечивающего реальное исполнение родительских обязанностей. В связи с этим дальнейшее совершенствование данного правового института видится в развитии межведомственного взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций с органами опеки и попечительства, комиссиями по делам несовершеннолетних и медицинскими организациями, а также в повышении эффективности профилактической работы с осужденными.

Библиография

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 47 г. от 19.12.2023 "О практике применения судами законодательства об отсрочке отбывания наказания" // СПС "КонсультантПлюс". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_465014/
2. Баранова Е.П. Особенности назначения уголовного наказания в виде лишения свободы в отношении женщин, имеющих несовершеннолетних детей актуальные проблемы сравнительного правоведения и юридической лингвистики. Материалы VIII Международной научно-практической конференции. Москва, 2025. С. 52-56.
3. Буякевич, Т. С. Уголовно-правовые, криминологические и пенитенциарные проблемы отсрочки отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей : специальность 12.00.08 "Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право" : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Буякевич Таиса Степановна. – Москва, 1995. – 148 с.
4. Воробьев, С. М. Правовое регулирование применения отсрочки отбывания наказания беременным женщинам и осужденным женщинам, имеющих малолетних детей / С. М. Воробьев, П. В. Ивлиев // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. – 2024. – № 4(22). – С. 32-40.
5. Дикопольцев, Д. Е. О некоторых аспектах индивидуальной работы с осужденными, как составляющей процесса исправления / Д. Е. Дикопольцев, А. В. Новиков // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России : Научно-практическое ежеквартальное издание. Том Выпуск 3. – Москва : Научно-исследовательский институт ФСИН России, 2021. – С. 143-147. –
6. Копылова, О. П. Отсрочка отбывания наказания (статья 82 УК РФ): особенности правоприменения / О. П. Копылова, С. В. Медведева // Право: история и современность. – 2019. – № 4. – С. 50-57.
7. Лепина Т.Г. Отсрочка отбывания наказания беременным женщина и женщинам, имеющим детей в возрасте до 14 лет // В сборнике: Современные экономические и управленческие науки: вопросы теории и практики. Сборник материалов V Международной заочной научно-практической конференции. Курск, 2021. С. 30-33.
8. Москвитина М.М., Кряжева С.Г. К вопросу о родительской ответственности за воспитание детей // К 80-летию со дня рождения доктора педагогических наук, профессора Литвишкова В.М. : сборник материалов круглого стола, Рязань, 17 февраля 2023 года. Рязань: ФКУ НИИИТ, 2023. С. 188-193.
9. Москвитина М.М., Кряжева С.Г., Слабкая Д.Н. К вопросу о готовности к семейной жизни у осужденных женщин, имеющих детей в домах ребенка при исправительном учреждении // Вопросы российского и международного права. 2024. Т. 14, № 8-1. С. 200-207.
10. Новиков, А. В. Социальные измерения адаптации женщин к условиям пенитенциарных учреждений / А. В. Новиков // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2026. – Т. 15, № 1-1. – С. 130-137. – DOI 10.34670/AR.2026.75.84.016.
11. Скрипченко Н.Ю., Санташов А.Л., Соколов Н.А. Применение отсрочки отбывания наказания в свете новых разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Ius Publicum et Privatum. 2025. № 3 (31). С. 148-153.
12. Чиженькова О.О. Отсрочка отбывания наказания беременным женщинам или женщинам, имеющим малолетних детей, как одна из форм реализации уголовной ответственности // Актуальные проблемы правового, социального и политического развития России: сборник материалов XIII Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов, соискателей. Саратов, 2020. С. 175-178.

13. Язвицкая, Е. В. Правоприменительные проблемы отсрочки отбывания наказания (статья 82 УК РФ) / Е. В. Язвицкая // Актуальные вопросы юриспруденции: сборник статей X Международной научно-практической конференции, Пенза, 05 февраля 2022 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2022. – С. 108-110.

Differentiation of Criminal Punishment for Pregnant Women and Persons with Children Under 14 Years of Age: Institutional Mechanism of Control over the Deferral of Serving Sentence

Natal'ya V. Fedorova

Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: nv_fedorova@bk.ru

Diana N. Slabkaya

Senior Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Abstract

The presented material examines theoretical and practical issues of the application of the institution of deferral of serving sentence for pregnant women and persons with children under the age of fourteen, as well as the procedure for exercising control over this category of persons. The development of the institution of deferral in Russian legislation is traced, the grounds under which this privilege is not applied are revealed, and the criteria by which the court is guided when making the corresponding decision are disclosed. The relevance of the topic is due to the fact that this institution occupies a special place in the system of penal law, since it combines the principles of humanism, justice, and differentiation of criminal liability. The conclusion is substantiated that the effectiveness of the institution under consideration is ensured by the unity of two principles — the validity of its granting by the court and subsequent control over the fulfillment of parental duties — which allows combining the principle of humanism with the protection of the interests of the child and the family.

For citation

Fedorova N.V., Slabkaya D.N. (2026) Differentsiatsiya ugolovnogo nakazaniya beremennym zhenshchinam i litsam, imeyushchim detey v vozraste do 14 let: institutsional'nyy mekhanizm kontrolya otsrochki otbyvaniya nakazaniya [Differentiation of Criminal Punishment for Pregnant Women and Persons with Children Under 14 Years of Age: Institutional Mechanism of Control over the Deferral of Serving Sentence]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (9A), pp. 417-424. DOI: 10.34670/AR.2026.62.81.047

Keywords

Deferral of serving sentence; pregnant women; persons with children under 14 years of age; control; penal inspection; penal system.

References

1. Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda RF № 47 g. ot 19.12.2023 "O praktike primeneniya sudami zakonodatel'stva ob otsrochke otbyvaniya nakazaniya" // SPS "Konsul'tantPlyus". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_465014/
2. Baranova Ye.P. Osobennosti naznacheniya ugolovnogo nakazaniya v vide lisheniya svobody v otnoshenii zhenshchin, imeyushchikh nesovershennoletnikh detey aktual'nyye problemy sravnitel'nogo pravovedeniya i yuridicheskoy lingvistiki. Materialy VIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Moskva, 2025. S. 52-56.
3. Buyakevich, T. S. Ugolovno-pravovyye, kriminologicheskiye i penitentsiarnyye problemy otsrochki otbyvaniya nakazaniya beremennym zhenshchinam i zhenshchinam, imeyushchim maloletnikh detey : spetsial'nost' 12.00.08 "Ugolovnoye pravo i kriminologiya; ugolovno-ispolnitel'noye pravo" : dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata yuridicheskikh nauk / Buyakevich Taisa Stepanovna. – Moskva, 1995. – 148 s.
4. Vorob'yev, S. M. Pravovoye regulirovaniye primeneniya otsrochki otbyvaniya nakazaniya beremennym zhenshchinam i osuzhdennym zhenshchinam, imeyushchikh maloletnikh detey / S. M. Vorob'yev, P. V. Ivliyev // Vestnik Tomskogo instituta povysheniya kvalifikatsii rabotnikov FSIN Rossii. – 2024. – № 4(22). – S. 32-40.
5. Dikopol'tsev, D. Ye. O nekotorykh aspektakh individual'noy raboty s osuzhdennymi, kak sostavlyayushchey protsessa ispravleniya / D. Ye. Dikopol'tsev, A. V. Novikov // Nauchnyye trudy FKU NII FSIN Rossii : Nauchno-prakticheskoye yezhekvartal'noye izdaniye. Tom Vypusk 3. Moskva: Nauchno-issledovatel'skiy institut FSIN Rossii, 2021. S. 143-147.
6. Kopylova, O. P. Otsrochka otbyvaniya nakazaniya (stat'ya 82 UK RF): osobennosti pravoprimeneniya / O. P. Kopylova, S. V. Medvedeva // Pravo: istoriya i sovremennost'. – 2019. – № 4. – S. 50-57.
7. Lepina T.G. Otsrochka otbyvaniya nakazaniya beremennym zhenshchina i zhenshchinam, imeyushchim detey v vozraste do 14 let // V sbornike: Sovremennyye ekonomicheskiye i upravlencheskiye nauki: voprosy teorii i praktiki. Sbornik materialov V Mezhdunarodnoy zaochnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kursk, 2021. S. 30-33.
8. Moskvitina M.M., Kryazheva S.G. K voprosu o roditel'skoy otvetstvennosti za vospitaniye detey // K 80-letiyu so dnya rozhdeniya doktora pedagogicheskikh nauk, professora Litvishkova V.M. : sbornik materialov kruglogo stola, Ryazan', 17 fevralya 2023 goda. Ryazan': FKU NIIIT, 2023. S. 188-193.
9. Moskvitina M.M., Kryazheva S.G., Slabkaya D.N. K voprosu o gotovnosti k semeynoy zhizni u osuzhdennykh zhenshchin, imeyushchikh detey v domakh rebenka pri ispravitel'nom uchrezhdenii // Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava. 2024. T. 14, № 8-1. S. 200-207.
10. Novikov, A. V. Sotsial'nyye izmereniya adaptatsii zhenshchin k usloviyam penitentsiarnykh uchrezhdeniy / A. V. Novikov // Psikhologiya. Istoriko-kriticheskiye obzory i sovremennyye issledovaniya. – 2026. – T. 15, № 1-1. – S. 130-137. – DOI 10.34670/AR.2026.75.84.016.
11. Skripchenko N.YU., Santashov A.L., Sokolov N.A. Primeneniye otsrochki otbyvaniya nakazaniya v svete novykh raz"yasneniy Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii // Ius Publicum et Privatum. 2025. № 3 (31). S. 148-153.
12. Chizhen'kova O.O. Otsrochka otbyvaniya nakazaniya beremennym zhenshchinam ili zhenshchinam, imeyushchim maloletnikh detey, kak odna iz form realizatsii ugolovnoy otvetstvennosti // Aktual'nyye problemy pravovogo, sotsial'nogo i politicheskogo razvitiya Rossii: sbornik materialov XIII Mezhdunarodnoy nauchnoprakticheskoy konferentsii studentov, magistrantov, aspirantov, soiskateley. Saratov, 2020. S. 175-178.
13. YAzvitskaya, Ye. V. Pravoprimenitel'nyye problemy otsrochki otbyvaniya nakazaniya (stat'ya 82 UK RF) / Ye. V. YAzvitskaya // Aktual'nyye voprosy yurisprudentsii : sbornik statey X Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Penza, 05 fevralya 2022 goda. – Penza: Nauka i Prosveshcheniye (IP Gulyayev G.YU.), 2022. – S. 108-110.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2026.12.80.046**

Реформирование института условно-досрочного освобождения по гуманитарным основаниям: опыт зарубежных пенитенциарных служб

Слабкая Диана Николаевна

Старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты реформирования института условно-досрочного освобождения по гуманитарным основаниям, прежде всего по мотивам сострадания. Актуальность работы объясняется гуманизацией политики в сфере исполнения наказаний, увеличением количества заключенных с серьезными болезнями и в преклонном возрасте, а также переполненностью мест лишения свободы в ряде государств. Зарубежное действующее уголовно-исполнительное законодательство, не в полной мере учитывает состояние здоровья, возраст и иные обстоятельства при решении вопроса о досрочном освобождении. На основе обобщения зарубежного опыта в части так называемого освобождения по гуманитарным соображениям определяются пути институциональных преобразований: унификация клинических критериев, создание независимых медицинских советов, укрепление процессуальных гарантий, принятие во внимание поддержки со стороны общества. Автор приходит к заключению, что гуманитарное УДО должно быть выделено в самостоятельный вид освобождения с собственными основаниями, процедурой и гарантиями. Делается вывод о том, что результативность сострадательного освобождения должна подкрепляться сдвигом в общественном восприятии: милосердие в условиях лишения свободы не равнозначно отсутствию наказания, оно предполагает гуманное отношение к людям, которые больше не способны представлять социальную опасность.

Для цитирования в научных исследованиях

Слабкая Д.Н. Реформирование института условно-досрочного освобождения по гуманитарным основаниям: опыт зарубежных пенитенциарных служб // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 9А. С. 425-432. DOI: 10.34670/AR.2026.12.80.046

Ключевые слова

Реформа уголовно-исполнительной политики, гуманизация наказания, досрочное освобождение на принципах сострадания, УДО по гуманитарным основаниям, пенитенциарная система, институциональные барьеры, национальная безопасность, общественное мнение.

Введение

Правовой механизм, позволяющий прекратить отбывание наказания известен как институт досрочного освобождения, при исключительных обстоятельствах он может быть применен по гуманитарным основаниям, по мотивам сострадания. Основаниями для его применения выступают тяжелые заболевания, включая терминальные (от лат. terminalis – пограничный, конечный), устойчивая утрата дееспособности или глубокая старость, когда дальнейшее содержание под стражей становится несоразмерным тяжести совершенного деяния и вступает в противоречие с принципами гуманности. Данный институт закреплен в законодательстве многих зарубежных государств, однако его практическая реализация сопряжена с системными препятствиями, среди которых доминирующее положение занимают политические факторы, институциональные ограничения и процедурные барьеры [Berry III, 2008; Kaushik, Currin-McCulloch, 2023; Wylie, Knutson, Greene, 2018]. Анализ международного опыта свидетельствует о наличии устойчивого разрыва между нормативным правовым признанием сострадательного освобождения и его практическим применением.

Одним из самых деликатных инструментов современной пенитенциарной практики является система досрочного освобождения по мотивам сострадания (compassionate release). За последние два десятилетия ее преобразование в зарубежных пенитенциарных службах прошло сложный путь. От сугубо медицинского средства она превратилась в многомерный правовой институт, в котором учитываются и гуманитарные соображения, и вопросы общественной безопасности.

Основная часть

Изучим, как устроены модели сострадательного освобождения в разных государствах, а также какие обстоятельства влияют на принятие соответствующих решений.

В Канаде механизм сострадательного освобождения закреплен разделом 121 Закона об исправительных учреждениях и условно-досрочном освобождении, и действует свыше трех десятилетий [Кунащ, 2013]. Согласно букве этого нормативного документа, Комиссия по условно-досрочному освобождению Канады наделена полномочием выпускать заключенных «в любое время», если наличествуют исключительные обстоятельства: неизлечимые болезни, серьезное ухудшение психического либо физического состояния, чрезмерные страдания, которые нельзя было предвидеть при вынесении приговора [Berry III, 2008; Kaushik, Currin-McCulloch, 2023]. Вместе с тем, как подчеркивают исследователи, на практике эта норма по сути не работает. Доступ к соответствующей процедуре по-прежнему узок, и многие заключенные в Канаде заканчивают жизнь в неволе из-за тяжелых заболеваний. Канада относится к числу наиболее рестриктивных юрисдикций, где применение института сострадательного освобождения осложняется значительным бюрократическим количеством процедурных требований, что делает формально широкие полномочия практически нереализуемыми.

В США досрочное освобождение предусмотрено в трех ключевых вариантах: уменьшение срока за примерное поведение, условно-досрочное освобождение и освобождение по сострадательным причинам. При этом американское государство отличается выраженным федеративным устройством, поэтому особенности реализации перечисленных видов освобождения определяются законодательством каждого отдельного штата [Закиров, 2019]. Самой заметной реформой последних лет в США стал Закон «О первом шаге» (First Step Act),

принятый в 2018 году: он дал лицам, отбывающим наказание в федеральных исправительных учреждениях, право напрямую обращаться в суд с ходатайством о досрочном освобождении по сострадательным мотивам после истечения установленного срока ожидания. Данная мера явилась реакцией на исторически сложившиеся задержки и низкий уровень одобрения заявлений при прежней системе, где функции приема заявлений выполняло Бюро тюрем [Голованова, Кубанцев, 2021; Berry, 2023; Rogers, 2025; Zunkel, Lessnick, 2023].

Охватывающее восемь юго-западных штатов Америки исслеование, показало, что Калифорния, Колорадо и Техас располагают прогрессивным законодательством с критериями, тогда как Аризона и Нью-Мексико вообще не имеют формальных регламентов о сострадательном освобождении, полагаясь на механизмы помилования или временного отпуска [Zunkel, Lessnick, 2023]. Когнитивные нарушения и деменция редко квалифицируются в качестве оснований для освобождения, при этом ни в одном из штатов не предусмотрен обязательный когнитивный скрининг осужденного. Данное указывает на то, что даже при наличии формальных механизмов освобождения по мотивам сострадания, их клиническая обоснованность остается дискуссионной, а доступ к институту досрочного освобождения определяется не столько медицинскими показателями, сколько географическим положением и особенностями регионального законодательства. Например, в Пенсильвании за 15 лет по мотивам сострадания освободилось всего 54 человека, и в настоящее время предлагается расширить критерии с «менее года жизни» до тяжелых неизлечимых болезней и серьезного когнитивного снижения. По расчетам, это может затронуть до 700 осужденных и сэкономить штату до 18,9 млн долларов в год. Однако даже такие экономические аргументы не всегда преодолевают политические и бюрократические барьеры [Rogers, 2025].

Кроме того, как показывают исследования решения о досрочном освобождении часто определяются не объективными медицинскими показателями, а политической принадлежностью судей. Анализ более четырех тысяч федеральных дел выявил статистически значимые различия: судьи, назначенные президентами-демократами, одобряли освобождение более чем в два раза чаще, чем судьи, назначенные республиканцами. Судьи, назначенные Б. Обамой и Б. Клинтон, удовлетворяли соответственно 21% и 25%, тогда как судьи, назначенные Д. Трампом и Дж. Бушем-младшим, – лишь около 9% [Rogers, 2025; Wylie, Knutson, Greene, 2018]. Такая особенность подрывает принцип объективности правосудия и верховенства права, превращая механизм, призванный быть проявлением гуманности, в инструмент, чувствительный к политической конъюнктуре в уголовно-исполнительной политике. Одним из факторов, объясняющих недостаточное использование механизмов сострадательного освобождения, являются опасения, связанные с общественным мнением. Власти остерегаются обвинений в «мягкости» по отношению к лицам, совершившим преступления, что особенно актуализируется в периоды избирательных кампаний, когда любое решение может быть использовано оппонентами. Однако эмпирические данные показывают, что эти опасения не всегда обоснованы. Опрос 1360 взрослых американцев показал, что более 60% респондентов способны дать определение сострадательному освобождению и поддерживают его применение. Поддержка положительно коррелирует с инструментальной моделью наказания – ориентацией на реабилитацию и социальную пользу. [Kaushik, Currin-McCulloch, 2023; Wylie, Knutson, Greene, 2018]. То есть, вопреки распространенному мнению, общественность в целом поддерживает досрочное освобождение пожилых и тяжелобольных осужденных по мотивам сострадания.

В Англии и Уэльсе механизм освобождения по гуманитарным соображениям устроен более гибко: вердикт выносят, опираясь на заключения комиссии по досрочному освобождению и

(или) медэкспертизы. Досрочное освобождение может быть предоставлено, если дальнейшее содержание под стражей причиняет страдания, превышающие те, которые подразумевались при вынесении приговора, – включая случаи терминальных заболеваний или недееспособности. Ключевыми критериями являются наличие смертельного заболевания с прогнозом жизни менее 6 месяцев. Также в Англии, как и в Канаде признается, что сострадание может быть обусловлено не только здоровьем, но и ущербом для семьи, уязвимым состоянием (одинокий родитель с детьми-инвалидами), возрастом (старше 70 лет) или несоразмерностью наказания (например, при длительных сроках за неопасные преступления, совершенные в молодости). Существенной особенностью британской системы является институт временного освобождения, позволяющий осужденным решать неотложные медицинские или семейные вопросы без полного прекращения отбывания наказания [Новиков, 2025]. В Шотландии может быть санкционировано освобождение в любое время с учетом рекомендации комиссии по условно-досрочному освобождению. Однако присутствует противоречие: с одной стороны, сострадание требует индивидуального подхода, с другой – порождает неравенство приговоров. Отметим, что по сравнению с канадской моделью, британская система в большей степени ориентирована на реальные условия отбывания наказания и предоставляет различные варианты освобождения... Тем не менее, даже в этой гибкой системе действуют существенные ограничения: в делах, связанных с национальной безопасностью, терроризмом или шпионажем, досрочное освобождение применяется крайне редко, что свидетельствует о приоритете политических соображений над медицинскими показателями в определенных категориях дел.

По степени ограничительности австралийский подход сопоставим с канадским: освобождение по соображениям сострадания разрешают лишь при «исключительных обстоятельствах». Обычно речь идет о тяжелых медицинских состояниях, которые невозможно лечить в условиях изоляции. Каждое дело генеральный прокурор рассматривает по отдельности, а возможности для повторного обращения ограничены. Поскольку властные полномочия сосредоточены у исполнительной ветви власти, а правовые барьеры высоки, такая система оказывается «не рабочей» и применяется редко.

Новая Зеландия, напротив, придерживается более четкого, хотя и ограниченного подхода в рамках Закона об условно-досрочном освобождении 2002 года. Освобождение по принципам сострадания обычно допускается в случае серьезной болезни или рождения ребенка, решения принимаются комиссией по условно-досрочному освобождению. Несмотря на более узкую сферу применения по сравнению с Канадой, новозеландские критерии отличаются большей определенностью, а процесс – прозрачностью, что обеспечивает более высокую предсказуемость. Новозеландская модель демонстрирует, что ограниченный, но специфицированный перечень оснований может быть более эффективным с точки зрения доступности юридического механизма, чем формально широкие, но неопределенные критерии, которые на практике оказываются недоступными [Kaushik, Currin-McCulloch, 2023].

Международная практика показывает, что политические соображения приобретают решающее значение в делах, связанных с национальной безопасностью. Даже в юрисдикциях с развитыми механизмами сострадательного освобождения преступления против безопасности государства, терроризм, шпионаж практически никогда не становятся основаниями для досрочного освобождения. В Соединенных Штатах, где формальный механизм существует, суды при рассмотрении таких дел обязаны учитывать не только физическое состояние осужденного, но и его символическое влияние, организационные связи и потенциал для продолжения политической мобилизации – даже при преклонном возрасте или тяжелом состоянии здоровья.

Британское Министерство юстиции требует, чтобы освобождение не создавало неприемлемого риска для общественной безопасности. Канада, Австралия и Германия следуют схожей логике: возраст или хроническое заболевание сами по себе не являются достаточным основанием; необходимо выполнение нескольких совокупных условий. В делах о национальной безопасности западные судебные системы применяют стандарты, значительно более строгие, чем для обычных уголовных преступлений. Причина состоит в том, что символическое значение или политический капитал личности не сокращается с возрастом или физической немощью.

Данный подход не является уникальным для западных стран. В делах, затрагивающих суверенитет и государственную безопасность, правительства редко идут на уступки под внешним давлением – принцип, разделяемый практически всеми суверенными государствами. Это обстоятельство указывает на фундаментальное ограничение института сострадательного освобождения: даже в наиболее либеральных правовых системах существуют категории дел, где принципы гуманности уступают соображениям национальной безопасности и государственного суверенитета.

Различные страны демонстрируют альтернативные модели. Вьетнам показывает, что амнистия может быть эффективным государственным инструментом: в 2025 году досрочно освобождены 22 086 осужденных, при этом уровень рецидива составил всего 0,03 процента [Zumbar, 2026]. Это подается как проявление «гуманизма и культурной традиции», укрепляющее доверие к власти. В отличие от этого, Нигерия, где помилование убийц и наркоторговцев вызвало общенациональный скандал и обвинения в политическом торге накануне выборов, демонстрирует, как непродуманное применение механизмов досрочного освобождения может подорвать доверие к правовой системе. Семьи жертв не были уведомлены и чувствуют себя преданными, что создает социальную напряженность и ставит под сомнение легитимность политических решений.

Сравнение международных подходов выявляет устойчивый тренд: хотя многие юрисдикции формально признают важность сострадательного освобождения, внутренняя структура этих систем часто ограничивает доступ к механизму, создавая разрыв между декларативными нормами и практической реализацией.

Заключение

Зарубежный опыт убедительно доказывает, что досрочное освобождение по принципам сострадания – это не альтернатива наказанию, а инструмент уголовно-исполнительной справедливости. Вопреки опасениям политиков, в целом общественность поддерживает освобождение тяжелобольных и пожилых осужденных, а также женщин на поздних сроках беременности.

Проведенный сравнительно-правовой анализ позволяет сделать вывод о том, что институт досрочного освобождения по мотивам сострадания в зарубежных пенитенциарных системах находится в стадии активной трансформации. Основной вектор изменений направлен на расширение доступа к данному механизму, упрощение процедур и смещение акцента с формальных критериев на оценку гуманитарных аспектов содержания под стражей.

Международный опыт демонстрирует, что успешные системы сострадательного освобождения характеризуются не столько широтой формальных полномочий, сколько определенностью критериев, простотой процедур, независимостью экспертизы и прозрачностью принятия решений.

Однако, реформа политики досрочного освобождения по мотивам сострадания должна учитывать не только медико-этические аспекты, но и политическую реальность, в рамках которой функционирует данный институт. По общему правилу, дела, затрагивающие государственные интересы, практически никогда не ведут к сострадательному освобождению независимо от состояния здоровья осужденного.

Досрочное освобождение по мотивам сострадания представляет собой не просто политико-правовой механизм, но индикатор зрелости гражданского общества, способности сочетать принципы правосудия с принципами гуманности.

Таким образом, трансформация системы досрочного освобождения по мотивам сострадания на примере зарубежных пенитенциарных служб демонстрирует устойчивую тенденцию к гуманизации при сохранении строгих механизмов контроля. Ключевыми элементами успешных реформ становятся: независимая медицинская экспертиза, исключение административного произвола, разграничение сроков рассмотрения в зависимости от тяжести заболевания, а также обязательное сопровождение освобожденных.

Библиография

1. Артемов В. Ю. Особенности регулирования условно-досрочного освобождения в Австралии (на примере штата Виктория) // Черные дыры в российском законодательстве. 2019. № 1.
2. Голованова Н. А., Кубанцев С. П. Становление института условно-досрочного освобождения от наказания (сравнительно-правовое исследование) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17. № 2. С. 41-55. DOI: 10.12737/jflcl.2021.016
3. Закиров Т. М. Сравнительно-правовой анализ досрочного освобождения в Соединенных Штатах Америки и Российской Федерации / Т. М. Закиров // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2024. – № 2. – С. 114-118. – DOI 10.52452/19931778_2024_2_114.
4. Кунаш, К. А. Пенитенциарная система Канады (по материалам федерального сайта исправительной службы Канады) / К. А. Кунаш, О. В. Обернихина // Вестник Кузбасского института. – 2013. – № 2(15). – С. 49-57.
5. Новиков, А. В. Реинтеграции пожилых осужденных в пенитенциарной системе США: системный анализ и направления реформ / А. В. Новиков // Вопросы российского и международного права. – 2025. – Т. 15, № 10-1. С. 460-468. – DOI 10.34670/AR.2025.17.46.053.
6. Новиков, А. В. Развитие института предоставления медицинской помощи пожилым осужденным: систематизация международного опыта / А. В. Новиков, Д. Н. Слабкая // Вопросы российского и международного права. – 2025. – Т. 15, № 8-1. – С. 195-202. – DOI 10.34670/AR.2025.88.52.026.
7. Новиков, А. В. Феномен старения осужденных как политическая проблема стран ЕС / А. В. Новиков, О. А. Смирнов // Теории и проблемы политических исследований. – 2025. – Т. 14, № 12-1. – С. 53-60. – DOI 10.34670/AR.2026.18.92.006.
8. Слабкая Д.Н. Систематизация международного опыта в области досрочного освобождения по состоянию здоровья и мотивам сострадания // Теории и проблемы политических исследований. 2026. Том 15. № 4А. С. 74-82. DOI: 10.34670/AR.2026.99.78.008
9. Berry III W. W. Extraordinary and compelling: A re-examination of the justifications for compassionate release //Md. L. Rev. – 2008. – Т. 68. – С. 850.
10. Berry N. Droughts of Compassion: The Enduring Problem with Compassionate Release and How the Sentencing Commission Can Address It //U. Chi. L. Rev. – 2023. – Т. 90. – С. 1719.
11. Kanbergs A. et al. A stepwise guide for healthcare professionals requesting compassionate release for patients who are incarcerated //International journal of prisoner health. – 2023. – Т. 19. – №. 1. – С. 77-87.
12. Kaushik S., Currin-McCulloch J. Dying for a change: a systematic review of compassionate release policies // International Journal of Prisoner Health. – 2023. – Т. 19. – №. 1. – С. 47-62.
13. Rogers A. K. Importance of Counsel in Compassionate Release Cases //Ohio St. LJ. – 2025. – Т. 86. – С. 443.
14. Wylie L. E., Knutson A. K., Greene E. Extraordinary and compelling: The use of compassionate release laws in the United States //Psychology, Public Policy, and Law. – 2018. – Т. 24. – №. 2. – С. 216.
15. Zamamiri S., Khan M. A., Wang W. S. Finding Compassion within Compassionate Release //Journal of Pain and Symptom Management. – 2024. – Т. 67. – №. 5. – С. e573-e574.
16. Zumbar A. Extraordinary or Excessive? Rethinking Nonretroactive Changes in Decisional Law as Grounds for Compassionate Release //Akron Law Review. – 2026. – Т. 59. – №. 1. – С. 6.

17. Zunkel E., Lessnick J. M. Putting the “Compassion” in Compassionate Release: The Need for a Policy Statement Codifying Judicial Discretion //Federal Sentencing Reporter. – 2023. – Т. 35. – №. 3. – С. 164-174.

Reforming the Institution of Parole on Humanitarian Grounds: The Experience of Foreign Penitentiary Services

Diana N. Slabkaya

Senior Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Abstract

The article examines the theoretical and practical aspects of reforming the institution of parole on humanitarian grounds, primarily on compassionate grounds. The relevance of the work is explained by the humanization of policy in the sphere of the execution of sentences, the increase in the number of prisoners with serious illnesses and of advanced age, as well as the overcrowding of places of deprivation of liberty in a number of states. Foreign current penal enforcement legislation does not fully take into account the state of health, age, and other circumstances when deciding on early release. On the basis of generalizing foreign experience with regard to so-called release on humanitarian grounds, ways of institutional transformation are identified: the unification of clinical criteria, the creation of independent medical councils, the strengthening of procedural guarantees, and the taking into account of support from society. The author concludes that humanitarian parole should be distinguished as an independent type of release with its own grounds, procedure, and guarantees. It is concluded that the effectiveness of compassionate release must be reinforced by a shift in public perception: mercy in conditions of deprivation of liberty is not equivalent to the absence of punishment; it presupposes a humane attitude toward people who are no longer capable of posing a social danger.

For citation

Slabkaya D.N. (2026) Reformirovanie instituta uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya po gumanitarnym osnovaniyam: opyt zarubezhnykh penitentsiarnykh sluzhb [Reforming the Institution of Parole on Humanitarian Grounds: The Experience of Foreign Penitentiary Services]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (9A), pp. 425-432. DOI: 10.34670/AR.2026.12.80.046

Keywords

Reform of penal enforcement policy, humanization of punishment, early release on compassionate grounds, parole on humanitarian grounds, penitentiary system, institutional barriers, national security, public opinion.

References

1. Artemov V. Yu. Osobennosti regulirovaniya uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya v Avstralii (na primere shtata Viktoriya) // Chernye dyry v rossijskom zakonodatel'stve. 2019. № 1.

2. Golovanova N. A., Kubancev S. P. Stanovlenie instituta uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya ot nakazaniya (sravnitel'no-pravovoe issledovanie) // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2021. T. 17. № 2. S. 41-55. DOI: 10.12737/jflcl.2021.016
3. Zakirov T. M. Sravnitel'no-pravovoj analiz dosrochnogo osvobozhdeniya v Soedinennyh Shtatah Ameriki i Rossijskoj Federacii / T. M. Zakirov // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. – 2024. – № 2. – S. 114-118. – DOI 10.52452/19931778_2024_2_114.
4. Kunash, K. A. Penitenciarnaya sistema Kanady (po materialam federal'nogo sajta ispravitel'noj sluzhby Kanady) / K. A. Kunash, O. V. Obernihina // Vestnik Kuzbasskogo instituta. – 2013. – № 2(15). – S. 49-57.
5. Novikov, A. V. Reintegracii pozhilyh osuzhdennyh v penitenciarnoj sisteme SShA: sistemnyj analiz i napravleniya reform / A. V. Novikov // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. – 2025. – T. 15, № 10-1. – S. 460-468. – DOI 10.34670/AR.2025.17.46.053.
6. Novikov, A. V. Razvitie instituta predostavleniya medicinskoj pomoshchi pozhilym osuzhdennym: sistematizaciya mezhdunarodnogo opyta / A. V. Novikov, D. N. Slabkaya // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. – 2025. – T. 15, № 8-1. – S. 195-202. – DOI 10.34670/AR.2025.88.52.026.
7. Novikov, A. V. Fenomen stareniya osuzhdennyh kak politicheskaya problema stran ES / A. V. Novikov, O. A. Smirnov // Teorii i problemy politicheskih issledovanij. – 2025. – T. 14, № 12-1. – S. 53-60. – DOI 10.34670/AR.2026.18.92.006.
8. Slabkaya D.N. Sistematizaciya mezhdunarodnogo opyta v oblasti dosrochnogo osvobozhdeniya po sostoyaniyu zdorov'ya i motivam sostradaniya // Teorii i problemy politicheskih issledovanij. 2026. Tom 15. № 4A. S. 74-82. DOI: 10.34670/AR.2026.99.78.008
9. Berry III W. W. Extraordinary and compelling: A re-examination of the justifications for compassionate release //Md. L. Rev. – 2008. – T. 68. – S. 850.
10. Berry N. Droughts of Compassion: The Enduring Problem with Compassionate Release and How the Sentencing Commission Can Address It //U. Chi. L. Rev. – 2023. – T. 90. – S. 1719.
11. Kanbergs A. et al. A stepwise guide for healthcare professionals requesting compassionate release for patients who are incarcerated //International journal of prisoner health. – 2023. – T. 19. – №. 1. – S. 77-87.
12. Kaushik S., Currin-McCulloch J. Dying for a change: a systematic review of compassionate release policies // International Journal of Prisoner Health. – 2023. – T. 19. – №. 1. – S. 47-62.
13. Rogers A. K. Importance of Counsel in Compassionate Release Cases // Ohio St. LJ. – 2025. – T. 86. – S. 443.
14. Wylie L. E., Knutson A. K., Greene E. Extraordinary and compelling: The use of compassionate release laws in the United States //Psychology, Public Policy, and Law. – 2018. – T. 24. – №. 2. – S. 216.
15. Zamamiri S., Khan M. A., Wang W. S. Finding Compassion within Compassionate Release //Journal of Pain and Symptom Management. – 2024. – T. 67. – №. 5. – S. e573-e574.
16. Zumbar A. Extraordinary or Excessive? Rethinking Nonretroactive Changes in Decisional Law as Grounds for Compassionate Release //Akron Law Review. – 2026. – T. 59. – №. 1. – S. 6.
17. Zunkel E., Lessnick J. M. Putting the “Compassion” in Compassionate Release: The Need for a Policy Statement Codifying Judicial Discretion //Federal Sentencing Reporter. – 2023. – T. 35. – №. 3. – S. 164-174.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2026.75.72.048**

Процессуальная самостоятельность: исторические этапы формирования

Матвеева Юлия Игоревна

Адвокат,
партнёр адвокатского бюро «Сословие»,
Соискатель,
кафедра уголовно-процессуального права им. П.А. Лупинской,
Московский государственный юридический
университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА),
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9;
e-mail: 89038427789@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается историческая эволюция процессуального статуса следователя в России в рамках трех этапов: до Судебной реформы 1864 года, дореволюционного (1864–1917 гг.) и советского периодов. Установлено, что следователь в России никогда не обладал полной процессуальной самостоятельностью, его полномочия всегда были ограничены — судом, прокурором или губернатором. Следствие было выделено в отдельное направление деятельности в 1860 году, а Судебная реформа 1864 года оформила «судебную» модель: следователь получил широкие полномочия, но при этом оказался под надзором прокуратуры. Советский период установил свои ограничения — процессуальная самостоятельность следователя неоднократно урезалась, а его положение менялось вместе с политической конъюнктурой и ведомственной подчиненностью.

Для цитирования в научных исследованиях

Матвеева Ю.И. Процессуальная самостоятельность: исторические этапы формирования // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 9А. С. 433-439. DOI: 10.34670/AR.2026.75.72.048

Ключевые слова

Процессуальная самостоятельность следователя, судебный следователь, Судебная реформа 1864 года, прокурорский надзор, предварительное следствие, история уголовного процесса, советское уголовно-процессуальное право, судебная модель следствия, ведомственная подчиненность, уголовно-процессуальный статус.

Введение

Историческую эволюцию правового (процессуального) положения должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование по уголовному делу, через призму истории зарождения института следователей в целом принято разделять на три этапа: до Судебной реформы 1864 года, дореволюционный (1864–1917 гг.) и постреволюционный [Клейн, 1992, с. 251; Хорьяков, 2006; Огородов, 2018].

Первым шагом к выделению органов следствия в отдельное (обособленное) направление служебной деятельности стало вынесение Александром II специального Указа от 8 июня 1860 года «Учреждение судебных следователей» [Учреждение судебных следователей от 8 июня 1860 г., 1860]. Ключевым нововведением стало установление «судебной» модели следствия.

Необходимо отметить, что до принятия вышеуказанных актов расследование практически всех видов преступлений производилось подразделениями городской и земской полиции, где должность следователя не значилась. В 1860 году было реализовано важнейшее начало, которое, с одной стороны, закрепляло право следователей самостоятельно принимать процессуальные решения, с другой, устанавливало исключительный порядок их подчинения, исключая из него, в первую очередь, представителей исполнительной власти губернского уровня.

Основная часть

Важнейшим этапом образования института так называемого «судебного следствия» является этап проведения судебной реформы 1864 года. К числу ключевых изменений следует отнести выделение органов следствия в отдельное направление судебного контроля, а также формирование принципиальных основ его процессуальной независимости (самостоятельности) [Коротких, 1994, с. 240]. Путем принятия Судебных уставов от 20 ноября 1864 года: Учреждением судебных установлений и Уставом уголовного судопроизводства, была сформирована принципиально иная система судопроизводства в России [История органов следствия России, 2017, с. 223]. Следователи наделялись исключительными преференциями в части сбора доказательств (ст.ст. 250–260 и 269–271 Устава), им были делегированы полномочия, способные оказывать серьезное влияние на принятие важнейших процессуальных решений (возбуждение уголовного дела, прекращение уголовного преследования), а также определение меры пресечения, направление поручений органам дознания [Шарихин, 2015, с. 399–409]. Была также установлена несменяемость судебных следователей.

Безусловно, важнейшим этапом образования института так называемого «судебного следствия» является этап проведения судебной реформы 1864 года. Роль данной реформы, как отмечал М.Г. Коротких, переоценить невозможно. Среди прочих фрагментарных преобразований, которыми затрагивались вопросы правосудия в нашей стране ранее, именно эти изменения принесли наиболее существенные положительные результаты. К числу несомненно важных следует отнести выделение органов следствия в отдельное направление судебного контроля, а также формирование принципиальных основ его процессуальной независимости (самостоятельности) [Коротких, 1994, с. 240].

Тем не менее было бы странным, если бы создаваемый формат процессуальной самостоятельности судебных следователей не был подвергнут контролю со стороны иных должностных лиц, к которым, в первую очередь, были отнесены прокуроры. Современники

проводимой реформы предварительного следствия весьма скептически высказывались о том, как данная реформа была реализована. По емкому выражению непосредственного участника событий, Д. Базилевича, положение следователя было «удрученным и бесправным» [Базилевич, 1871, с. 696].

Декретом СНК РСФСР от 24 ноября 1917 года «О Суде» институт судебных следователей, равно как и прокурорского надзора, присяжных заседателей, а также адвокатуры были упразднены [О Суде, 1917]. С этого момента производство по уголовным делам было передано в распоряжение местных судов. К концу 1917 года при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов были созданы и функционировали так называемые следственные комиссии [Лавроненко, 2001, с. 56]. В 1920 году на основании «Положения о народном суде РСФСР» они были упразднены [Положение о народном суде РСФСР, 1920]. В результате чего производство предварительного следствия было передано следователям с достаточно широкими полномочиями. Существенность этих полномочий была подтверждена и другим актом — «Инструкцией народным следователям по производству предварительных следствий», где аспект процессуальной самостоятельности раскрывается через призму неограниченных полномочий [Инструкция народным следователям по производству предварительного следствия, 1920]. Принятый в том же году первый Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР устанавливал, что в полномочия прокуроров входят вопросы контроля за деятельностью предварительного следствия, а потому указания надзорного органа для представителей следственных органов являются обязательными к исполнению (ст. 121) [Об Уголовно-Процессуальном Кодексе, 1922]. В феврале 1923 года редакция УПК РСФСР была обновлена, в соответствии с чем полномочия прокурора были расширены. В результате этого обновления следователь обязан был принимать меры к исполнению указаний прокурора незамедлительно [Ижнина, Олисов, 2012, с. 216–220].

Наиболее значимым по части причинения ущерба интересам процессуальной самостоятельности следствия считается период с 1929 по 1935 гг., когда аспект необходимого взаимодействия между прокуратурой и следствием развивался по пути упрощения ряда важнейших процедур и распространения правового нигилизма в рядах, прежде всего, надзорного ведомства. Более того, созданный формат процессуальной принадлежности органов следствия не позволял следователям реализовать имеющиеся полномочия так, чтобы их действия действительно можно было признать в качестве независимых. Так, в соответствии со ст. 96 УПК РСФСР следователь обладал правом вынесения решения (постановления) о возбуждении уголовного дела, однако по директиве Прокуратуры СССР [Директивное письмо Прокурора СССР от 13 августа 1934 г., 1934, с. 150–151] указанное решение обретало законную силу только после того, как было проверено прокурором. Более того, прокурор имел право курировать не только любую связь следствия с иными ведомствами и представительствами (милиция, суды), но и утверждать планы хода проведения мероприятий по конкретному делу, попутно внося в них изменения или дополнения. Как указывают М.Ю. Рагинский и П.И. Тарасов-Родионов, «сложившееся положение дел превратило следователей в мелких порученцев, выполняющих по сути любые указания сотрудников прокуратуры» [Рагинский, Тарасов-Родионов, 1955, с. 39]. Отдельным фактором оценки процессуальной самостоятельности следствия являлось то, что прокуратура, входя в состав наркомата юстиции, обладала полномочиями на принятие решения о назначении и увольнении народных следователей [Намёткин, 2007, с. 175].

Важнейшим признаком отхода от сложившейся практики стало издание 25 сентября 1936 г.

специального Приказа Прокурора СССР № 58/6 «О работе прокуратур по руководству следствием, производимым следователями» [Сборник приказов Прокуратуры СССР, 1939, с. 154], которым было установлено, что указания, поступающие от представителя прокуратуры следователю, должны отдаваться только в письменной форме. При этом за прокурором сохранялось право отменить решения следователя по формальным основаниям. В свою очередь, следователь, не соглашаясь с позицией прокуратуры, вправе был обжаловать отмену его указания, не приостанавливая при этом действия решения.

Несмотря на императивность выраженной позиции, на практике вопрос принятия и утверждения процессуальных действий следователя разрешался по-старому: «На практике дело дошло до того, — писал прокурор Пролетарского района г. Москвы А. Загородненко, — что, кроме протокола допроса и осмотра..., все остальные акты узакониваются подписью прокурора. Даже простые письма в учреждения... идут только от лица и за подписью прокурора» [Социалистическая законность, 1954, с. 52–65]. Как отмечается исследователями затронутого периода, система правосудия была полностью охвачена деятельностью прокурорского взгляда, при этом следствие не просто лишилось возможности самостоятельного определения хода расследования, но и не могло автономно выстроить взаимодействие с иными службами [Кодинцев, Рыбин, Несмиянов, 2020, с. 21–26].

Принятые в 1958 году Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик предопределили изменения, касающиеся процессуальной зависимости следователей в будущем. Приказом от 11 мая 1960 г. № 38 «О повышении процессуальной самостоятельности следователя и его ответственности за производство предварительного следствия» функции прокуратуры были сужены до осуществления общего надзора (руководства), исключающего «мелочное присматривание за следствием, администрирование его действий, а также ущемление правомочий следователя» [Рахунов, 1961, с. 138]. Следователь располагал возможностью самостоятельно принимать решения о возбуждении уголовного дела или прекращать его. Принятым со стороны Президиума Верховного Совета СССР Указом от 6 апреля 1963 года были образованы следственные подразделения, подчинение которых было делегировано конкретным ведомственным органам [О предоставлении права производства предварительного следствия органам охраны общественного порядка, 1963]. В Концепции судебной реформы в РСФСР по поводу самостоятельности следователя был сделан следующий вывод: «Должным образом не обеспечена и процессуальная самостоятельность следователя, не говоря уже о других лицах, выполняющих процессуальные функции. Провозглашенная же законом процессуальная самостоятельность следователя является скорее декларацией, лишенной реальных гарантий» [О Концепции судебной реформы в РСФСР, 1991].

Заключение

Таким образом, нам удалось частично отразить последовательность образования и развития исторически сложившихся моделей организации следственных органов в России и роли их представителей, учитывая при этом, что систематическое рассмотрение эволюции данных моделей неразрывно связано с тремя важнейшими элементами: законодательное отражение, процессуальное расслоение на отдельные институты и органы, образование процессуальных полномочий, обеспечивающих их функциональность и продуктивность. При этом именно последний аспект был рассмотрен нами более предметно, поскольку именно его содержание и сущность наиболее полно выражают усилия законодателей по части создания того алгоритма,

который необходим для решения поставленных перед уголовным судопроизводством задач.

Между тем, несмотря на попытки придать следователю самостоятельность путем переподчинения различным административным органам, которое в большей степени сформировало путь превращения следователя из полицейского сыщика в следователя судебного и потом в прокурорского, государству так и не удалось создать фактор «процессуальной самостоятельности» указанной категории государственных служащих. Последовательно оценивая этапы исторического развития института следствия, можно смело утверждать, что следователь на протяжении всей истории своего существования так и не смог стать субъектом полноценной процессуальной независимости, вне зависимости от того, в чье подчинение он переходил.

Библиография

1. Базилевич Д. Очерки судебного следователя. Санкт-Петербург, 1871. 696 с.
2. Директивное письмо Прокурора СССР от 13 августа 1934 г. «О качестве расследования» и Циркуляр № 101 от 26 февраля 1937 г. // Сборник приказов Прокуратуры СССР. Изд. 2. Москва: Юриздат НКЮ СССР, 1934. С. 150–151.
3. Декрет СНК РСФСР от 24 ноября 1917 г. «О Суде» // Собрание узаконений РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.
4. Ижнина Л.П., Олисов Р.Ю. Процессуальная свобода следователя: история и современность // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. 2012. № 1. С. 216–220.
5. Инструкция народным следователям по производству предварительного следствия. Москва: РКЮ РСФСР, 1920.
6. История органов следствия России: Хрестоматия для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / А.К. Аверченко, А.А. Монахов, Н.В. Османова [и др.]. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 223 с.
7. Клейн А.А. Правовые и организационные аспекты процессуальной самостоятельности и независимости следователя органов внутренних дел: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Москва, 1992. 26 с.
8. Кодинцев А.Я., Рыбин Д.В., Несмиянов А.Н. Историография органов предварительного следствия в системе советской юстиции // Военно-юридический журнал. 2020. № 12. С. 21–26.
9. Коротких М.Г. Судебная реформа 1864 года в России: (сущность и социально-правовой механизм формирования). Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1994. 240 с.
10. Лавроненко Л.И. Функция следователя в российском уголовном процессе (проблемы реализации, перспективы развития): дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09. Владивосток, 2001. С. 56.
11. Намёткин Д.В. Процессуальная самостоятельность органов и лиц, ведущих предварительное расследование: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09. Нижний Новгород, 2007. 175 с.
12. О Концепции судебной реформы в РСФСР: постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 8101-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.
13. О предоставлении права производства предварительного следствия органам охраны общественного порядка: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 6 апреля 1963 г. № 1237-VI // Ведомости Верховного Совета СССР. 1963. № 16. Ст. 181.
14. Огородов А.Н. Процессуальная самостоятельность следователя в уголовном судопроизводстве: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09. Москва, 2018. 251 с.
15. Положение о народном суде РСФСР // Собрание узаконений РСФСР. 1920. № 83. Ст. 407.
16. Постановление ВЦИК от 25.05.1922 «Об Уголовно-Процессуальном Кодексе» (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1922. № 20–21. Ст. 230.
17. Рагинский М., Тарасов-Родионов П. Предварительное следствие за 20 лет // Советское государство и право. 1955. № 4. С. 39.
18. Рахунов Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности. Москва, 1961. С. 138.
19. Сборник приказов Прокуратуры СССР. Изд. 2. Москва: Юриздат НКЮ СССР, 1939. С. 154.
20. Социалистическая законность. 1954. № 4. С. 52–65.
21. Учреждение судебных следователей от 8 июня 1860 г. // ПСЗ. Собрание второе. № 35890.
22. Хорьяков С.Н. Процессуальная самостоятельность следователя: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09. Москва, 2006. 218 с.
23. Шарихин А.Е. Судебные реформы в России и их влияние на процессуальную самостоятельность следователя и надзор прокурора: конфликт интересов или кризис доверия? // Организация предварительного расследования: проблемы и перспективы: Материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 20 ноября 2015 года / под ред. А.И. Бастрыкина. Москва: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2015. С. 399–409.

Procedural Independence: Historical Stages of Formation

Yuliya I. Matveeva

Attorney,
Partner of the "Soslovie" Law Bureau,
Candidate for a Degree,
Department of Criminal Procedure Law named after P.A. Lupinskaya,
Kutafin Moscow State Law University (MSLA),
125993, 9, Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: 89038427789@mail.ru

Abstract

The article examines the historical evolution of the procedural status of the investigator in Russia within the framework of three stages: before the Judicial Reform of 1864, the pre-revolutionary period (1864–1917), and the Soviet periods. It is established that the investigator in Russia never possessed full procedural independence; his powers were always limited — by the court, the prosecutor, or the governor. The investigation was separated into a distinct area of activity in 1860, and the Judicial Reform of 1864 formalized the "judicial" model: the investigator received broad powers but at the same time found himself under the supervision of the prosecutor's office. The Soviet period established its own limitations — the procedural independence of the investigator was repeatedly curtailed, and his position changed along with the political situation and departmental subordination.

For citation

Matveeva Yu.I. (2026) Protsessual'naya samostoyatel'nost': istoricheskie etapy formirovaniya [Procedural Independence: Historical Stages of Formation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (9A), pp. 433-439. DOI: 10.34670/AR.2026.75.72.048

Keywords

Procedural independence of the investigator, judicial investigator, Judicial Reform of 1864, prosecutor's supervision, preliminary investigation, history of criminal procedure, Soviet criminal procedure law, judicial model of investigation, departmental subordination, criminal procedure status.

References

1. Bazilevich, D. (1871). Ocherki sudebnogo sledovatelya [Essays of a Judicial Investigator]. Saint Petersburg.
2. Dekret SNK RSFSR ot 24 noyabrya 1917 g. "O Sude" [Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of November 24, 1917 "On the Court"]. (1917). Sobranie uzakoneniy RSFSR, (4), Art. 50.
3. Direktivnoe pis'mo Prokurora SSSR ot 13 avgusta 1934 g. "O kachestve rassledovaniya" i Tsirkulyar No. 101 ot 26 fevralya 1937 g. [Directive Letter of the Prosecutor of the USSR of August 13, 1934 "On the Quality of Investigation" and Circular No. 101 of February 26, 1937]. (1934). Sbornik prikazov Prokuratury SSSR (2nd ed., pp. 150–151). Yurizdat NKYu SSSR.
4. Instruktsiya narodnym sledovatelyam po proizvodstvu predvaritel'nogo sledstviya [Instruction to People's Investigators on the Conduct of Preliminary Investigation]. (1920). RKYu RSFSR.

5. Istoriya organov sledstviya Rossii: Khrestomatiya dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po spetsial'nosti "Yurisprudentsiya" [History of Investigative Bodies of Russia: A Reader for University Students Studying in the Specialty "Jurisprudence"]. (2017). YuNITI-DANA.
6. Ishnina, L.P., & Olisov, R.Yu. (2012). Protsessual'naya svoboda sledovatelya: istoriya i sovremennost' [Procedural Freedom of the Investigator: History and Modernity]. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Pravo, (1), 216–220.
7. Khoryakov, S.N. (2006). Protsessual'naya samostoyatel'nost' sledovatelya [Procedural Independence of the Investigator] (Cand. Sci. (Law) dissertation: 12.00.09). Moscow, 218 p.
8. Kleyn, A.A. (1992). Pravovye i organizatsionnye aspekty protsessual'noy samostoyatel'nosti i nezavisimosti sledovatelya organov vnutrennikh del [Legal and Organizational Aspects of Procedural Independence and Independence of the Investigator of Internal Affairs Bodies] (Abstract of Cand. Sci. (Law) dissertation). Moscow, 26 p.
9. Kodintsev, A.Ya., Rybin, D.V., & Nesmiyanov, A.N. (2020). Istoriografiya organov predvaritel'nogo sledstviya v sisteme sovetskoy yustitsii [Historiography of Preliminary Investigation Bodies in the Soviet Justice System]. Voenno-yuridicheskiy zhurnal, (12), 21–26.
10. Korotkikh, M.G. (1994). Sudebnaya reforma 1864 goda v Rossii: (sushchnost' i sotsial'no-pravovoy mekhanizm formirovaniya) [The Judicial Reform of 1864 in Russia: (Essence and Socio-Legal Mechanism of Formation)]. Izd-vo Voronezh. un-ta.
11. Lavronenko, L.I. (2001). Funktsiya sledovatelya v rossiyskom ugolovnom protsesse (problemy realizatsii, perspektivy razvitiya) [The Function of the Investigator in Russian Criminal Procedure (Problems of Implementation, Development Prospects)] (Cand. Sci. (Law) dissertation: 12.00.09). Vladivostok, 56 p.
12. Nametkin, D.V. (2007). Protsessual'naya samostoyatel'nost' organov i lits, vedushchikh predvaritel'noe rassledovanie [Procedural Independence of Bodies and Persons Conducting Preliminary Investigation] (Cand. Sci. (Law) dissertation: 12.00.09). Nizhny Novgorod, 175 p.
13. O Kontseptsii sudebnoy reformy v RSFSR [On the Concept of Judicial Reform in the RSFSR]. (1991). Resolution of the Supreme Soviet of the RSFSR No. 8101-1 of 24.10.1991. Vedomosti S"ezda narodnykh deputatov RSFSR i Verkhovnogo Soveta RSFSR, (44), Art. 1435.
14. O predostavlenii prava proizvodstva predvaritel'nogo sledstviya organam okhrany obshchestvennogo poryadka [On Granting the Right to Conduct Preliminary Investigation to Public Order Protection Bodies]. (1963). Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR No. 1237-VI of 06.04.1963. Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR, (16), Art. 181.
15. Ogorodov, A.N. (2018). Protsessual'naya samostoyatel'nost' sledovatelya v ugolovnom sudoproizvodstve [Procedural Independence of the Investigator in Criminal Proceedings] (Cand. Sci. (Law) dissertation: 12.00.09). Moscow, 251 p.
16. Polozhenie o narodnom sude RSFSR [Regulation on the People's Court of the RSFSR]. (1920). Sobranie uzakoneniy RSFSR, (83), Art. 407.
17. Postanovlenie VTsIK ot 25.05.1922 "Ob Ugolovno-Protsessual'nom Kodekse" [Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of 25.05.1922 "On the Criminal Procedure Code"]. (1922). SU RSFSR, (20–21), Art. 230.
18. Raginovskiy, M., & Tarasov-Rodionov, P. (1955). Predvaritel'noe sledstvie za 20 let [Preliminary Investigation over 20 Years]. Sovetskoe gosudarstvo i pravo, (4), 39.
19. Rakhunov, R.D. (1961). Uchastniki ugolovno-protsessual'noy deyatel'nosti [Participants in Criminal Procedural Activity]. Moscow.
20. Sbornik prikazov Prokuratury SSSR [Collection of Orders of the Prosecutor's Office of the USSR] (2nd ed.). (1939). Yurizdat NKYu SSSR.
21. Sharikhin, A.E. (2015). Sudebnye reformy v Rossii i ikh vliyanie na protsessual'nuyu samostoyatel'nost' sledovatelya i nadzor prokurora: konflikt interesov ili krizis doveriya? [Judicial Reforms in Russia and Their Impact on the Procedural Independence of the Investigator and Prosecutor's Supervision: Conflict of Interests or Crisis of Trust?]. In A.I. Bastrykin (Ed.), Organizatsiya predvaritel'nogo rassledovaniya: problemy i perspektivy (pp. 399–409). Moskovskaya akademiya Sledstvennogo komiteta Rossiyskoy Federatsii.
22. Sotsialisticheskaya zakonnost' [Socialist Legality]. (1954). (4), 52–65.
23. Uchrezhdenie sudebnykh sledovateley ot 8 iyunya 1860 g. [Establishment of Judicial Investigators of June 8, 1860]. (1860). PSZ. Sobranie vtoroe, No. 35890.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 343.13 **DOI: 10.34670/AR.2026.13.32.049**

Системный кризис технико-юридического качества актов высшего судебного толкования как барьер для реализации норм УПК РФ

Дьяконова Виктория Викторовна

Кандидат юридических наук, доцент,
кафедра судебной деятельности
и уголовного процесса им. П.М. Давыдова,
Уральский государственный
юридический университет им. В.Ф. Яковлева,
620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21;
e-mail: vmoskaleva1307@gmail.ru

Аннотация

Статья посвящена критическому анализу влияния качества правотворческого и интерпретационного языка высшей судебной инстанции на единообразие судебно-следственной практики. На основе системного анализа норм УПК РФ автором выявлен комплекс скрытых дефектов юридической техники, тавтологий и хронологических пробелов в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2009 № 28 и от 01.06.2017 № 19. Доказывается, что технические ошибки, небрежность в своевременном обновлении актов судебного толкования, а также игнорирование Верховным Судом РФ острых межстадийных коллизий (в частности, при реформировании институтов выемки и изъятия электронных носителей) создают искусственные барьеры для правопонимания, деформируют судейское правосознание и ограничивают реализацию сквозных процессуальных гарантий прав личности.

Для цитирования в научных исследованиях

Дьяконова В.В. Системный кризис технико-юридического качества актов высшего судебного толкования как барьер для реализации норм УПК РФ // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 9А. С. 440-449. DOI: 10.34670/AR.2026.13.32.049

Ключевые слова

Уголовный процесс, постановление, Пленум Верховного Суда РФ, судебное решение, юридическая техника, процессуальная форма, интерпретация, коллизия, дефекты толкования, нереабилитирующие основания, понятые, выемка, предварительное слушание, прекращение уголовного дела.

Введение

Уголовно-процессуальная форма обладает свойством непоколебимости и обязательности, что предопределяет высокие требования к качеству языка не только законодателя, но и высшего органа судебного толкования.

В отечественной доктрине уголовно-процессуального права (в работах ученых уральской процессуальной школы и других ученых) подчеркивается, что акты Пленума Верховного Суда РФ выступают главным ориентиром для правоприменителя, обеспечивая единство судебной практики и выступая надежной защитой законности. В этой связи единство процессуальной формы и интерпретационного языка высшей судебной инстанции является фундаментальным условием для исключения двусмысленного правопонимания и произвольного толкования при реализации норм УПК РФ. Как справедливо отмечает в своем исследовании А.О. Машовец, судебная интерпретация уголовно-процессуального закона должна быть направлена не на механическое применение буквы закона, а на раскрытие его истинного смысла, обеспечивающего баланс справедливости и законности в состязательном судопроизводстве [Машовец, 2016, с. 112–115].

Разделяя доктрину И.С. Дикарева, следует подчеркнуть фундаментальное значение правовой определенности как базового свойства любого судебного акта, который трактуется автором как состояние (режим), обеспечение которого является одной из важнейших задач правовой системы, и в случае возникновения правового спора это состояние нарушается, сменяется неопределенностью, к преодолению которой стремятся стороны этого спора, использующие для этого предусмотренные законом процедуры, в том числе уголовное судопроизводство. Переход от неопределенности к определенности связывается ими с вынесением судом решения, которое призвано поставить в споре точку, определить их правовой статус и по-новому урегулировать правовые отношения. Но чтобы эти ожидания оправдались, решение суда должно обладать совокупностью свойств, позволяющих охарактеризовать его как окончательное, — в противном случае споры будут продолжаться, а вместе с ними сохраняться состояние неопределенности [Дикарев, 2015].

Основная часть

Однако в тех случаях, когда в тексте постановлений Пленума Верховного Суда РФ допускаются технические опечатки, текстовые дублирования, тавтология или нормативные пропуски, возникает деформация правоприменения. Институциональная небрежность интерпретатора влечет за собой глубокий кризис понимания правовой нормы. Судьи, прокуроры, следователи и дознаватели сталкиваются с непреодолимыми затруднениями толкования такого текста с императивным смыслом уголовно-процессуального закона. В настоящем исследовании обращается внимание на системные технико-юридические дефекты в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, регулирующих досудебное производство и стадию назначения и подготовки дела к судебному заседанию в контексте ограничения конституционных прав граждан. Направление данного критического анализа во многом предопределено доктринами судебной интерпретации, заложенными, например, в фундаментальных трудах А.О. Машовец. Актуальность анализа данных дефектов обусловлена тем, что на практике интерпретация оснований прекращения уголовного дела/уголовного преследования, не относящихся к реабилитирующим, наталкивается на скрытые противоречия

в актах высшего судебного толкования, которые влекут пробелы в правовом регулировании и, соответственно, вызывают существенные затруднения в правоприменительной деятельности.

Первым и наиболее наглядным свидетельством подобной технико-юридической небрежности высшего органа судебного толкования выступает регламентация порядка прекращения уголовного дела в факультативной форме стадии назначения и подготовки дела к судебному заседанию — на предварительном слушании, где и возникает исследуемая коллизия, закрепленная в п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2009 года № 28 «О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству»: «… при наличии оснований, предусмотренных статьями 25, 25.1, 28 и 28 УПК РФ, не допускается, если обвиняемый против этого возражает». При этом в этом же пункте содержится ссылка на ч. 2 ст. 27 УПК РФ.

Изначально процессуальная коллизия заложена в специальной норме ч. 1 ст. 239 УПК РФ, где закреплено императивное предписание, обязывающее судью прекратить уголовное дело при наличии указанных оснований, формально не требуя выяснения позиции обвиняемого. Данное противоречие преодолевается исключительно через призму общей нормы-гарантии, закрепленной в ч. 2 ст. 27 УПК РФ: прекращение уголовного преследования по указанным в ней основаниям не допускается, если обвиняемый против этого возражает. Обеспечивая право лица на судебную защиту и гарантированную реабилитацию, Пленум Верховного Суда РФ в пункте 20 постановления от 22.12.2009 № 28 «О применении судами норм УПК РФ, регулирующих подготовку судебного заседания» обязал суды выяснять согласие уголовно преследуемого лица и при наличии возражений назначать судебное разбирательство в общем порядке.

Однако детальный анализ действующей редакции указанного пункта 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 28 позволил выявить дефект юридической техники, до сегодняшнего дня остававшийся незамеченным в процессуальной науке. Перечисляя нереабилитирующие основания прекращения уголовного дела и (или) уголовного преследования, при наличии которых судья обязан получить согласие обвиняемого на прекращение уголовного преследования в предварительном слушании, Пленум Верховного Суда РФ буквально указывает на такие основания следующим образом: «предусмотренных статьями 25, 25.1, 28 и 28 УПК РФ».

Данная текстовая тавтология (двойное упоминание статьи 28 УПК РФ) представляет собой очевидную техническую опечатку, допущенную, скорее всего, при интеграции в текст Пленума института судебного штрафа (ст. 25.1 УПК РФ) в 2018 году. Опираясь на метод системного и телеологического толкования, можно утверждать, что второе упоминание статьи 28 УПК РФ содержательно должно читаться и трактоваться исключительно как ссылка на статью 28.1 УПК РФ (прекращение уголовного преследования по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности), которая также носит нереабилитирующий характер. Иное буквальное прочтение порождает бессмысленную тавтологию, ущемляет права обвиняемых в экономических преступлениях и выводит их из-под действия судебных гарантий на первой судебной стадии, существенно затрудняя правильное правопонимание.

Также ситуация усугубляется глубоким нормативным пробелом, порожденным хронологическим отставанием судебного толкования от динамики внесения изменений в УПК РФ. Пункт 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 28 содержательно не обновлялся с 2018 года. В результате этого в поле зрения Пленума вообще не попала статья 28.2 УПК РФ (прекращение уголовного преследования в связи с призывом на военную службу в период мобилизации или в военное время либо заключением в период мобилизации, в период военного

положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а равно в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время), введенная Федеральным законом от 23.03.2024 № 64-ФЗ.

Статья 28.2 УПК РФ материально ограничена рамками ч. 2 ст. 27 УПК РФ. Однако из-за отсутствия своевременных изменений в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 28 в практике судов первой инстанции сформировалось отсутствие правовой определенности, обусловленное ориентацией правоприменителя на буквальный, не учитывающий законодательные новеллы перечень статей в рассматриваемом акте толкования, в результате чего суды могут либо неправомерно прекратить дело в отношении военнослужащих без их согласия непосредственно на предварительном слушании, либо вообще оставить разрешение данного вопроса на следующую стадию производства по уголовному делу.

Таким образом, технико-юридическая небрежность актов высшего судебного толкования вступает в прямое противоречие с телеологическим смыслом уголовно-процессуальной формы. Телеологический (целевой) вектор конструирования норм направлен на создание абсолютных правовых гарантий для личности, в то время как подобного рода дефекты интерпретации, тех же «28-х статей», полностью нивелируют эту цель, подменяя её формальным ведомственным усмотрением.

Аналогичные дефекты толкования, порожденные институциональной небрежностью, обнаруживаются при анализе постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)».

За последние годы законодатель неоднократно модернизировал процессуальный регламент производства следственных действий, не терпящих отлагательства, проведение которых допускается без предварительного судебного решения с последующим уведомлением судьи (ч. 5 ст. 165 УПК РФ). В частности, нормативной трансформации подвергся правовой режим производства осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц. С введением жестких требований части 5 статьи 177 УПК РФ (в редакции Федерального закона от 02.12.2008 № 226-ФЗ) принудительный характер данного действия получил однозначное законодательное закрепление, требующий детального судебного контроля.

Однако, исходя из анализа содержания текста постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 № 19 и судебной практики, напрашивается вывод о том, что в тексте указанного постановления содержатся подробные алгоритмы и критерии оценки безотлагательности исключительно для обыска и выемки. Осмотр жилища без согласия граждан оказался на практике явлением, выпавшим из системного поля судебного толкования.

Так, институциональная небрежность высшего органа судебного толкования отчетливо прослеживается в предписаниях пункта 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 № 19. Формально упоминая осмотр жилища в общем перечне безотлагательных действий, Пленум Верховного Суда РФ де-факто ограничивает детальную регламентацию алгоритмов и критериев оценки «безотлагательности» исключительно институтами обыска и выемки (угроза уничтожения следов, сокрытие предметов преступления). В результате принудительный осмотр жилища, осуществляемый вопреки воле и согласию граждан, выпадает из предметного поля системного правозащитного толкования. Отсутствие в п. 8 вышеуказанного постановления дифференцированных, жестких критериев безотлагательности для принудительного осмотра жилища деформирует телеологическую сущность судебного контроля. Указанные дефекты толкования выступают детерминантным фактором для

формирования искаженной правоприменительной практики, девальвирующей конституционный статус неприкосновенности жилища. В данных условиях происходит неправомерное замещение нормативно обусловленного порядка производства обыска упрощенной процедурой принудительного следственного осмотра, что нивелирует правозащитный потенциал судебного контроля. Это порождает серьезный кризис правопонимания на местах: районные судьи, лишенные четких ориентиров со стороны Верховного Суда РФ, начинают механически переносить жесткие тактические критерии неотложности обыска (наличие данных об уничтожении доказательств) на специфическую процедуру осмотра жилища (где целью является фиксация обстановки и следов преступления). Отсюда результат — искусственные ограничения в реализации норм УПК РФ, рост судейских ошибок и признание протоколов осмотра допустимыми доказательствами. Приходится констатировать, что из-за отсутствия качественных и дифференцированных разъяснений порядка применения взаимосвязанных положений статей 12, 165 и 177 УПК РФ в судебно-следственной практике возникают системные правоприменительные споры между должностными лицами, осуществляющими правоохранительную деятельность, и остальными участниками уголовного судопроизводства. Указанный деструктивный тренд неизбежно приводит к множественному разночтению закона и невосполнению латентных пробелов, имеющихся в уголовно-процессуальном законодательстве. Дефекты разъяснений высшей судебной инстанции деформируют систему уголовно-процессуальных гарантий, нарушая баланс прав участников судопроизводства. Нечеткость критериев судебной оценки влечет за собой риски необоснованного признания недопустимыми тех доказательств, которые собраны в строгом соответствии с законом, и наоборот, могут создаваться возможные условия для процессуального закрепления в материалах дела результатов незаконных действий следователей и дознавателей.

На данный факт указывает в своей статье адвокат А. Баландин, участвовавший в качестве защитника в одном из уголовных дел. Так, в материалах дела имелся протокол осмотра места происшествия — жилища обвиняемого. Согласно ст. 176 УПК РФ осмотр места происшествия, местности, жилища, иного помещения, предметов и документов производится в целях обнаружения следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Исходя из системного толкования положений ст. ст. 165, 176, ч. 5 ст. 177, ч. 1 ст. 12 УПК РФ, ст. 25 и ст. 55 Конституции РФ, а также при отсутствии согласия проживающих на осмотр жилища уголовно-процессуальное законодательство устанавливает обязательный судебный контроль производства данного следственного действия, в процессе которого оценивают изложенные в ходатайстве сведения на предмет законности и обоснованности. Осмотр жилища как места происшествия исключением для применения указанных норм закона не является. Следователем в нарушение требований ст. ст. 165, 176 и 177 УПК РФ был проведен осмотр места происшествия — жилища в отсутствие как согласия проживающих там лиц, так и последующего судебного контроля законности следственного действия. В ходе судебного следствия неоднократно заявлялось ходатайство о признании недопустимыми и исключении из числа доказательств протокола осмотра места происшествия и всех производных от него доказательств по данному делу — заключения экспертов по судебно-биологической, молекулярно-генетической, дактилоскопической экспертизам и т.д. Суд указал, что оценка указанным ходатайствам будет дана в совещательной комнате при вынесении итогового решения по делу. В итоговом постановлении, ввиду существенности допущенных сотрудником следственного органа нарушений в силу требований ст. 75 УПК РФ, суд признал протокол

осмотра места происшествия — жилища, а также всех доказательств, производных от данного протокола, в части произведенных действий с изъятыми в ходе осмотра предметами недопустимыми доказательствами и исключил из материалов дела. В адрес руководителя следственного органа было вынесено частное постановление [Баландин, 2023].

В данных условиях очевидна диаметрально противоположная дифференцированная интерпретация процессуальных норм должностными лицами органов расследования и, особенно, адвокатами-защитниками, что неизбежно создаёт объективный вывод об ограничении или грубом нарушении прав участников процесса. Подобный герменевтический раскол не просто дезорганизует досудебное производство, но и ставит под сомнение в гражданском обществе сам режим законности, подрывая веру в справедливость правосудия.

Также высшая судебная инстанция не дает судам ответа на ключевой вопрос: является ли изъятие жесткого диска или телефона без понятых (но с применением видеозаписи) в ходе следственного действия существенным нарушением, влекущим недопустимость протокола. Отсутствие внятного толкования этой коллизии парализует работу следственных органов и порождает деструктивный судебный разнобой.

На разного рода дефекты содержания постановлений Пленума Верховного Суда РФ обращали внимание и другие ученые-правоведы. Так, И.Г. Смирнова констатировала, что Верховный Суд РФ недостаточно определенно высказался в отношении практики применения общепризнанных принципов и норм международного права. Указывая, что избирательный характер даваемых разъяснений может быть проиллюстрирован Постановлением Пленума от 10 октября 2003 года № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации», в котором при оценке значимости общепризнанных принципов и норм международного права упомянуты принципы всеобщего уважения прав человека и добросовестного выполнения международных обязательств и оставлены без внимания иные международно-правовые принципы [Смирнова, 2023].

Анализируя постановления Пленума Верховного Суда РФ, в основном касающиеся применения норм материального права, И.А. Клепицкий указывает на то, что из общего правила об обязательности разъяснений Верховного Суда РФ есть три исключения. В первом исключении бывают ошибочные разъяснения Пленума Верховного Суда РФ. К сожалению, качество разъяснений постепенно падает, они становятся все более длинными, тяжелый канцелярский стиль делает текст постановлений Пленума сложным для понимания, не всегда к разработке проектов постановлений привлекаются действительно компетентные специалисты, иногда специалисты пытаются внедрить в текст постановления свои инновационные идеи, не всегда основанные на законе, считает И.А. Клепицкий. Не исключены и чисто технические описки. Со временем ошибки исправляются, но и до их исправления они на практику могут не влиять, поскольку компетентные судья, прокурор и следователь толкуют закон правильно. Пример: пункт 38 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних». Второе исключение И.А. Клепицкий связывает с устаревшими разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, причем устаревать они могут быстро. Так, Федеральным законом от 29.11.2012 № 207-ФЗ норма о мошенничестве (ст. 159 УК РФ) была дополнена пятью специальными нормами (ст. 159.1–159.5) о мошенничествах в разных сферах и одной самостоятельной… Речь идет о применении ст. 159.3, что вменение краж (ст. 158) безналичных денег возможно только при отсутствии признаков преступления,

предусмотренного ст. 159.3 (представляется, что таких случаев быть не может), но постановление Пленума, принятое в 2017 г., формально сохраняет свою силу. И.А. Клепицкий указывает на тот факт, что в практике наметилась тенденция к правильной квалификации мошенничества с использованием электронных средств платежа, но единообразие не достигнуто. При таких обстоятельствах приведение постановления 2017 г. в соответствие с действующим законом весьма актуально. В случае явного противоречия разъяснений Верховного Суда РФ закону, в особенности закону новому, принятому после утверждения разъяснений, правильно руководствоваться законом. Исключение третье — это казуистичные разъяснения Пленума Верховного Суда РФ. То есть Верховный Суд РФ не просто толкует закон, он разъясняет сложившуюся судебную практику. В основе разъяснений лежит обобщение судебной практики. Разъяснение Пленума Верховного Суда РФ, также как и закон, имеет форму текста, толкование которого не всегда может быть буквальным. К примеру, Пленум Верховного Суда РФ в п. 16 постановления от 7.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» разъяснил, что от совокупности преступлений следует отличать продолжаемое хищение, совершаемое путем изъятия чужого имущества из одного и того же источника, объединенное единым умыслом. Во всех ли случаях разъяснение о «едином источнике» актуально? Есть ситуации, когда единого источника не было, но лицо осуждено за единое мошенничество в особо крупном размере. У судьи, в свою очередь, не было серьезных оснований для возвращения дела прокурору. Учел ли судья разъяснение Пленума о «едином источнике» при рассмотрении дела? Автор данной концепции считает, что учел, но решил, что применительно к данной конкретной ситуации это разъяснение неактуально, правило о «едином источнике» является руководством к действию не во всех ситуациях… И подводя итог своему исследованию, И.А. Клепицкий делает вывод о том, что разъяснения Пленума Верховного Суда РФ обязательны в той мере, в которой они отражают реально существующую судебную доктрину, сложившуюся судебную практику. Если же они устаревают, противоречат закону или столь казуистичны, что не подлежат буквальному толкованию в конкретном случае — их также нужно учитывать (обращать внимание), но не всегда обязательно следовать буквальному их смыслу. В конечном счете судья должен толковать закон правильно, осознавая при этом необходимость единообразного его применения. В идеале разъяснения Пленума Верховного Суда РФ должны быть консервативными и должны отражать именно сложившуюся судебную практику [Клепицкий, 2021, с. 95–107].

Заключение

Результаты системного анализа дают основания утверждать, что выявленные технико-юридические огрехи в актах высшего органа судебного толкования носят устранимый характер и могут быть полностью искоренены. Вместе с тем сохраняющиеся субъективные деформации и институциональные риски, обусловленные так называемым человеческим фактором на этапе интерпретационной деятельности и редактирования текстов, требуют внедрения принципиально новых, технологических механизмов верификации.

В данной связи, в целях устранения вышеописанных деформаций правоприменения, предлагаются следующие технико-юридические решения:

Законодательно и на уровне доктрины закрепить приоритет системно-телеологического (целевого) толкования актов Пленума Верховного Суда РФ над их буквальным текстом при обнаружении явных тавтологий, опечаток, ошибок.

Рекомендовать Пленуму Верховного Суда РФ внести изменения в пункт 20 Постановления от 22.12.2009 № 28, ликвидировав тавтологию и хронологический пробел путем изложения перечня нереабилитирующих оснований прекращения уголовного дела и уголовного преследования в строгом соответствии с действующим УПК РФ: «...предусмотренных статьями 25, 25.1, 28, 28.1 и 28.2 УПК РФ».

В данных условиях видится высокоэффективным задействование потенциала систем искусственного интеллекта и нейросетевых алгоритмов для проведения комплексной автоматизированной экспертизы проектов постановлений Пленума Верховного Суда РФ. Интеграция специализированных цифровых платформ в процессе судебного кодирования позволит выявлять логические тавтологии, хронологические пробелы и нормативные рассинхронизации с действующим УПК РФ, полностью нивелируя риски технических опечаток и обеспечивая абсолютную чистоту интерпретационного языка высшего судебного органа.

Библиография

1. Баландин А. Когда осмотр жилища проведен незаконно // Адвокатская газета: сетевое издание. 2023. 31 марта. URL: advgazeta.ru.
2. Дикарев И.С. Принцип правовой определенности и законная сила судебного решения в уголовном процессе: монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2015. 175 с.
3. Клепицкий И.А. Обязательность разъяснений Верховного Суда Российской Федерации в уголовном праве // Lex russica. 2021. Т. 74. № 6. С. 95–107. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.175.6.095-107.
4. Машовец А.О. Судебное следствие в состязательном уголовном процессе: монография. Москва: Юрлитинформ, 2016. 256 с.
5. О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ): Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 № 19 // Российская газета. 2017. 07 июня.
6. О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2009 № 28 (в ред. от 15.05.2018, с изм. от 15.12.2022) // Российская газета. 2010. 13 янв.; 2018. 18 мая.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». П. 17 и 21 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2. С. 7–13.
8. Смирнова И.Г. Значение Постановлений Пленума Верховного Суда РФ в обеспечении стабильности уголовного судопроизводства // КиберЛенинка: научная электронная библиотека. URL: https://cyberleninka.ru.

Systemic Crisis of Technical-Legal Quality of Acts of Higher Judicial Interpretation as a Barrier to the Implementation of the Norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation

Viktoriya V. D'yakonova

PhD in Law, Associate Professor,
Department of Judicial Activity
and Criminal Procedure named after P.M. Davydov,
Ural State
Law University named after V.F. Yakovlev,
620137, 21, Komsomol'skaya str., Yekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: vmoskaleva1307@gmail.ru

Abstract

The article is devoted to a critical analysis of the influence of the quality of the law-making and interpretive language of the highest judicial instance on the uniformity of judicial and investigative practice. On the basis of a systemic analysis of the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the author identifies a complex of hidden defects of legal technique, tautologies, and chronological gaps in the rulings of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 22.12.2009 No. 28 and of 01.06.2017 No. 19. It is argued that technical errors, negligence in the timely updating of acts of judicial interpretation, as well as the Supreme Court's ignoring of acute inter-stage collisions (in particular, during the reform of the institutions of seizure and removal of electronic media) create artificial barriers to legal understanding, deform judicial legal consciousness, and limit the implementation of cross-cutting procedural guarantees of individual rights.

For citation

D'yakonova V.V. (2026) Sistemnyy krizis tekhniko-yuridicheskogo kachestva aktov vysshego sudebnogo tolkovaniya kak bar'er dlya realizatsii norm UPK RF [Systemic Crisis of Technical-Legal Quality of Acts of Higher Judicial Interpretation as a Barrier to the Implementation of the Norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (9A), pp. 440-449. DOI: 10.34670/AR.2026.13.32.049

Keywords

Criminal procedure, ruling, Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, judicial decision, legal technique, procedural form, interpretation, collision, defects of interpretation, non-rehabilitating grounds, attesting witnesses, seizure, preliminary hearing, termination of a criminal case.

References

1. Balandin, A. (2023, March 31). Kogda osmotr zhilishcha proveden nezakonno [When the Inspection of a Home Was Carried Out Illegally]. *Advokatskaya gazeta*. Retrieved from advgazeta.ru
2. Dikarev, I.S. (2015). *Printsip pravovoy opredelennosti i zakonnaya sila sudebnogo resheniya v ugolovnom protsesse* [The Principle of Legal Certainty and the Legal Force of a Judicial Decision in Criminal Procedure]. Izd-vo VolGU.
3. Klepitskiy, I.A. (2021). Obyazatel'nost' raz"yasneniy Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii v ugolovnom prave [Binding Nature of Explanations of the Supreme Court of the Russian Federation in Criminal Law]. *Lex russica*, 74(6), 95–107. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.175.6.095-107
4. Mashovets, A.O. (2016). *Sudebnoe sledstvie v sostyazatel'nom ugolovnom protsesse* [Judicial Investigation in Adversarial Criminal Proceedings]. Yurlitinform.
5. *O praktike rassmotreniya sudami khodataystv o proizvodstve sledstvennykh deystviy, svyazannykh s ogranicheniem konstitutsionnykh prav grazhdan (stat'ya 165 UPK RF)* [On the Practice of Courts Considering Petitions for the Production of Investigative Actions Related to the Restriction of Constitutional Rights of Citizens (Article 165 of the Criminal Procedure Code of the RF)]. (2017). Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the RF No. 19 of 01.06.2017. *Rossiyskaya gazeta*, 07 June.
6. *O primenenii sudami norm ugolovno-protsessual'nogo zakonodatel'stva, reguliruyushchikh podgotovku ugolovnogo dela k sudebnomu razbiratel'stvu* [On the Application by Courts of the Norms of Criminal Procedure Legislation Regulating the Preparation of a Criminal Case for Trial]. (2009). Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the RF No. 28 of 22.12.2009 (as amended on 15.05.2018, with amendments of 15.12.2022). *Rossiyskaya gazeta*, 13 January 2010; 18 May 2018.
7. *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 30.11.2017 No. 48 "O sudebnoy praktike po delam o moshennichestve, prisvoenii i rastrate"* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the RF No. 48 of 30.11.2017 "On Judicial Practice in Cases of Fraud, Embezzlement and Misappropriation"]. (2018). *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*, (2), 7–13.

8. Smirnova, I.G. *Znachenie Postanovleniy Plenuma Verkhovnogo Suda RF v obespechenii stabil'nosti ugolovnogo sudoproizvodstva* [The Importance of Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the RF in Ensuring the Stability of Criminal Proceedings]. KiberLeninka. Retrieved from https://cyberleninka.ru

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 343.2/.7 **DOI: 10.34670/AR.2026.80.93.050**

Особенности применения уголовно-правовых норм со сложной структурой диспозиций и санкций

Ембулаева Наталья Юрьевна

Кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой теории и истории государства и права,
Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина,
350044, Российская Федерация, Краснодар, ул. Калинина, 13;
e-mail: embulaeva.n@kubsau.ru

Окороков Виктор Иванович

Студент,
Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина,
350044, Российская Федерация, Краснодар, ул. Калинина, 13;
e-mail: vitya.okorokov.06@mail.ru

Аннотация

В данной статье рассматриваются особенности применения уголовно-правовых норм со сложной структурой диспозиций и санкций. В исследовании анализируется актуальная судебная практика за 2022–2024 годы, включая правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и решения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, что позволяет выявить пробелы в понимании структуры уголовно-правовой нормы и предложить пути их преодоления. Работа основана на принципах системности и формально-юридического анализа, обеспечивая глубокое проникновение в сущность законодательной техники. Анализ практики применения норм со сложной структурой диспозиций и санкций свидетельствует о необходимости системного подхода к толкованию уголовного закона, обращения к разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации, использования специальных познаний для установления содержания бланкетных норм и тщательного обоснования избранного наказания при альтернативных санкциях. Анализ судебной практики позволил выявить типичные проблемы и разработать рекомендации по совершенствованию правоприменительной деятельности.

Для цитирования в научных исследованиях

Ембулаева Н.Ю., Окороков В.И. Особенности применения уголовно-правовых норм со сложной структурой диспозиций и санкций // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 9А. С. 450-456. DOI: 10.34670/AR.2026.80.93.050

Ключевые слова

Уголовный закон, уголовно-правовые нормы, диспозиция, санкция, регулирование, оценочный признак, структура нормы права, бланкетная норма, законодательная техника, судебная практика.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена фундаментальным значением уголовного закона в системе механизма правового регулирования общественных отношений, связанных с противодействием преступности. Уголовный закон представляет собой единственный нормативный правовой акт, которым могут устанавливаться составы преступлений в Российской Федерации, что определяет его исключительную роль в обеспечении законности и правопорядка. В условиях динамичного развития общественных отношений, появления новых форм противоправного поведения и трансформации социально-экономических реалий особую значимость приобретает понимание природы уголовного закона, его структурных особенностей и механизмов реализации.

Современная правоприменительная практика демонстрирует многочисленные случаи затруднений при толковании и применении уголовно-правовых норм, что во многом связано с недостаточным осмыслением структурных элементов уголовного закона. Проблемы квалификации преступлений, определения пределов действия уголовного закона, разграничения смежных составов преступлений требуют глубокого теоретического анализа как самого понятия уголовного закона, так и его внутренней архитектоники.

Цель данной работы состоит в комплексном исследовании понятия уголовного закона и его структуры на основе анализа действующего законодательства, доктринальных положений и правоприменительной практики.

Методологическую основу работы составляет совокупность общенаучных и частно-научных методов познания. Применяются диалектический, системно-структурный, формально-юридический, сравнительно-правовой методы, методы толкования права и анализа судебной практики.

Основная часть

Уголовный закон занимает особое место в системе российского законодательства, выступая ключевым источником уголовного права и обладая рядом специфических признаков, отличающих его от иных нормативных правовых актов. Понимание юридической природы уголовного закона имеет принципиальное значение для правильного применения уголовно-правовых норм и обеспечения законности в сфере уголовно-правового регулирования [Сердюк, 2024].

Применение уголовно-правовых норм со сложной структурой диспозиций и санкций представляет значительные трудности для правоприменительных органов, что обусловлено необходимостью системного толкования закона, обращения к нормам других отраслей права, учета множественных квалифицирующих признаков и правильного определения пределов наказания. Анализ судебной практики позволяет выявить типичные проблемы и выработать рекомендации по совершенствованию правоприменительной деятельности [Маслов, 2024].

Особую сложность вызывает применение норм с бланкетными диспозициями, которые содержат отсылку к иным нормативным правовым актам. Такая законодательная техника используется в случаях, когда детальная регламентация признаков состава преступления потребовала бы громоздких формулировок либо когда признаки деяния определяются специальными правилами, инструкциями, стандартами, подверженными частым изменениям [Ембулаева, Гряда, 2023]. К числу норм с бланкетными диспозициями относятся составы

экологических преступлений, преступлений в сфере экономической деятельности, нарушений специальных правил безопасности, правил дорожного движения [Хомич, 2020].

Показательным примером является приговор Ленинского районного суда города Тюмени от 14 марта 2023 г. № 1-78/2023 по обвинению Ж. в совершении преступления, предусмотренного частью 1 статьи 264 УК РФ. Подсудимый, управляя автомобилем в состоянии алкогольного опьянения, нарушил пункт 9.10 Правил дорожного движения (превысил скорость движения), в результате чего совершил наезд на пешехода, которому были причинены тяжкие телесные повреждения. Для установления объективной стороны преступления суд обратился к Правилам дорожного движения РФ, утвержденным Постановлением Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090, определил содержание нарушенных правил, установил причинно-следственную связь между нарушением ПДД и наступившими последствиями. Суд также исследовал заключение автотехнической экспертизы, подтвердившей наличие технической возможности у водителя избежать столкновения при соблюдении установленного скоростного режима. Назначая наказание по санкции части 1 статьи 264 УК РФ, суд избрал лишение свободы на срок два года условно с лишением права управления транспортными средствами на срок три года [Приговор Ленинского районного суда г. Тюмени от 14.03.2023 № 1-78/2023, 2023].

Данный пример демонстрирует типичную проблему применения бланкетных норм — необходимость точного определения содержания нормативного акта, к которому отсылает диспозиция, установления факта его действия на момент совершения преступления, правильного толкования специальных правил и их применения к конкретным обстоятельствам дела.

Сложная структура диспозиций характерна для составов с альтернативными признаками. Статья 228 УК РФ предусматривает ответственность за незаконные приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработку наркотических средств. Каждое из этих действий образует оконченный состав преступления [Уголовный кодекс Российской Федерации, 1996]. Приговор Советского районного суда г. Красноярска от 05 мая 2022 г. № 1-189/2022 иллюстрирует применение данной нормы. Подсудимый М. приобрел наркотическое средство — гашиш массой 3,5 грамма, хранил его по месту жительства с целью личного потребления. Суд квалифицировал действия М. по части 1 статьи 228 УК РФ, указав в приговоре, что подсудимый совершил два альтернативных действия (приобретение и хранение), что не образует совокупности преступлений, а охватывается одной нормой. При назначении наказания суд учел положения статьи 64 УК РФ и назначил наказание ниже низшего предела, предусмотренного санкцией, ввиду наличия исключительных обстоятельств. Такой подход соответствует разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ и демонстрирует правильное понимание структуры диспозиции с альтернативными действиями [Приговор Советского районного суда г. Красноярска от 05.05.2022 № 1-189/2022, 2022].

Проблемы возникают при применении норм со сложными санкциями, содержащими несколько альтернативных видов наказания и дополнительные наказания. Часть 3 статьи 159 УК РФ предусматривает наказание в виде штрафа в размере от ста тысяч до пятисот тысяч рублей либо в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет, либо принудительных работ на срок до пяти лет с ограничением свободы на срок до двух лет или без такового, либо лишения свободы на срок до шести лет со штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей либо без такового и с ограничением свободы на срок до полутора лет либо без такового. Такая конструкция санкции предоставляет суду широкие пределы усмотрения, но требует тщательного обоснования избранного вида наказания.

Приговор Кировского районного суда г. Самары от 30 октября 2023 г. № 1-345/2023 по делу о мошенничестве содержит детальное обоснование избранного наказания. Подсудимая Н., используя служебное положение, путем обмана похитила денежные средства организации на сумму 420 000 рублей. Суд, применяя санкцию части 3 статьи 159 УК РФ, учел характер и степень общественной опасности преступления, личность виновной, смягчающие обстоятельства (наличие малолетнего ребенка, частичное возмещение ущерба, положительные характеристики), отсутствие отягчающих обстоятельств. На основании статей 60, 73 УК РФ суд назначил наказание в виде лишения свободы на срок три года условно с испытательным сроком два года. Такое решение иллюстрирует реализацию принципа индивидуализации наказания при применении сложных санкций [Приговор Кировского районного суда г. Самары от 30.10.2023 № 1-345/2023, 2023].

Значительные трудности вызывает применение норм с оценочными признаками в диспозиции. Статья 285 УК РФ предусматривает ответственность за злоупотребление должностными полномочиями, совершенное из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекшее существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций. Признак «существенное нарушение» является оценочным и требует от суда установления конкретных обстоятельств, свидетельствующих о характере и степени нарушения.

Приговор Железнодорожного районного суда г. Екатеринбурга от 17 января 2024 г. № 1-12/2024 демонстрирует подход суда к оценке данного признака. Подсудимый Р., являясь главным врачом муниципального медицинского учреждения, заключил договоры на поставку медицинского оборудования с коммерческими организациями по завышенным ценам, действуя из корыстной заинтересованности (получил вознаграждение от поставщиков). В результате бюджетные средства в размере 1 800 000 рублей были израсходованы неэффективно, медицинское учреждение не получило необходимое оборудование в запланированном объеме, что повлекло ухудшение качества медицинской помощи населению. Суд признал, что такие последствия образуют существенное нарушение прав и законных интересов граждан и организаций, квалифицировал действия Р. по части 1 статьи 285 УК РФ и назначил наказание в виде штрафа в размере 250 000 рублей с лишением права занимать должности на государственной службе и в органах местного самоуправления сроком на три года. Данное решение иллюстрирует необходимость конкретизации оценочных признаков через установление фактических обстоятельств дела [Приговор Железнодорожного районного суда г. Екатеринбурга от 17.01.2024 № 1-12/2024, 2024].

Проблемы применения норм со сложной структурой проявляются также при квалификации преступлений с административной преюдицией. Часть 1 статьи 264.1 УК РФ устанавливает ответственность за управление автомобилем лицом, находящимся в состоянии опьянения, подвергнутым административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения или за невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения. Диспозиция данной нормы включает признак административной преюдиции, что требует установления факта привлечения лица к административной ответственности в установленном законом порядке.

Приговор Октябрьского районного суда г. Уфы от 28 августа 2023 г. № 1-267/2023 содержит анализ соблюдения условий административной преюдиции. Подсудимый В. 15 марта 2023 г. был привлечен к административной ответственности по части 1 статьи 12.8 КоАП РФ

(управление транспортным средством в состоянии опьянения), постановление вступило в законную силу 25 марта 2023 г. 10 июля 2023 г. В. повторно управлял автомобилем в состоянии алкогольного опьянения, был задержан сотрудниками ГИБДД. Суд установил наличие всех признаков состава преступления, предусмотренного частью 1 статьи 264.1 УК РФ, назначил наказание в виде штрафа в размере 200 000 рублей с лишением права управления транспортными средствами на срок три года. Этот пример показывает важность точного установления всех элементов сложной диспозиции, включая административную преюдицию [Приговор Октябрьского районного суда г. Уфы от 28.08.2023 № 1-267/2023, 2023].

Особые сложности связаны с применением норм, содержащих множественные квалифицирующие признаки. Часть 4 статьи 111 УК РФ предусматривает ответственность за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего. Данный состав имеет сложную конструкцию субъективной стороны (двойная форма вины) и требует четкого разграничения с убийством и причинением смерти по неосторожности.

Заключение

Анализ практики применения норм со сложной структурой диспозиций и санкций свидетельствует о необходимости системного подхода при толковании уголовного закона, обращения к разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, использования специальных познаний для установления содержания бланкетных норм, тщательного обоснования избранного наказания при альтернативных санкциях. Совершенствование правоприменительной практики требует повышения квалификации судей, разработки методических рекомендаций по применению сложных норм, единообразного толкования оценочных признаков.

На основании проведенного исследования можно сформулировать следующие предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики. Во-первых, целесообразно сократить использование оценочных понятий в диспозициях статей Особенной части УК РФ, заменяя их конкретными количественными или качественными критериями. Во-вторых, необходимо обеспечить обозримость нормативных актов, к которым отсылают бланкетные диспозиции, и их стабильность. В-третьих, требуется систематическое обобщение судебной практики применения сложных норм и издание соответствующих разъяснений Пленума Верховного Суда РФ.

Таким образом, специфика структуры норм уголовного закона, а именно, отсутствие в статьях особенной части гипотез, необходимость выводить их путем логических преобразований из статей общей части УК РФ; сложность многих диспозиций правовых норм, наличие альтернативных и кумулятивных санкций обусловливают тщательную оценку правоприменителем всех аспектов юридической нормы, подлежащей применению в конкретном деле. Правильное понимание и толкование всех структурных элементов уголовно-правовой нормы является необходимым условием эффективного правоприменения и обеспечения законности в сфере уголовно-правового регулирования.

Библиография

1. Ембулаева Н.Ю., Гряда Э.А. Юридическая техника: учебное пособие для обучающихся по направлению 40.04.01 Юриспруденция. Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, 2023. 80с.

2. Маслов В.А. Криминологическая обоснованность внесения изменений в уголовный закон: использование статистики и роль средств массовой информации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 1(101). С. 120–126.
3. Приговор Кировского районного суда г. Самары от 30.10.2023 № 1-345/2023 // Электронный ресурс. URL: https://sudact.ru.
4. Приговор Ленинского районного суда г. Тюмени от 14.03.2023 № 1-78/2023 // Электронный ресурс. URL: https://sudact.ru.
5. Приговор Октябрьского районного суда г. Уфы от 28.08.2023 № 1-267/2023 // Электронный ресурс. URL: https://sudact.ru.
6. Приговор Советского районного суда г. Красноярска от 05.05.2022 № 1-189/2022 // Электронный ресурс. URL: https://sudact.ru.
7. Приговор Железнодорожного районного суда г. Екатеринбурга от 17.01.2024 № 1-12/2024 // Электронный ресурс. URL: https://sudact.ru.
8. Сердюк П.Л. Глава II. Уголовный закон // Уголовное право России. Общая часть: учебник. Санкт-Петербург: Центр научно-производственных технологий «Астерион», 2024. С. 36–66.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
10. Хомич В.М. Уголовный закон и обеспечение верховенства права в противодействии преступности // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). 2020. № 9. С. 70–81.

Specific Features of the Application of Criminal Law Norms with a Complex Structure of Dispositions and Sanctions

Natal'ya Yu. Embulaeva

PhD in Law, Associate Professor,
Head of the Department of Theory and History of State and Law,
Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin,
350044, 13, Kalinina str., Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: embulaeva.n@kubsau.ru

Viktor I. Okorokov

Student,
Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin,
350044, 13, Kalinina str., Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: vitya.okorokov.06@mail.ru

Abstract

This article examines the specific features of the application of criminal law norms with a complex structure of dispositions and sanctions. The study analyzes current judicial practice for 2022–2024, including the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, which makes it possible to identify gaps in the understanding of the structure of a criminal law norm and to propose ways of overcoming them. The work is based on the principles of systematicity and formal-legal analysis, ensuring a deep penetration into the essence of legislative technique. The analysis of the practice of applying norms with a complex structure of dispositions and sanctions testifies to the need for a systemic approach to the interpretation of criminal law, recourse to the clarifications of the Plenum

of the Supreme Court of the Russian Federation, the use of special knowledge to establish the content of blanket norms, and a thorough substantiation of the chosen punishment in the case of alternative sanctions. The analysis of judicial practice made it possible to identify typical problems and to develop recommendations for improving law enforcement activity.

For citation

Embulaeva N.Yu., Okorokov V.I. (2026) Osobennosti primeneniya ugolovno-pravovykh norm so slozhnoy strukturoy dispozitsiy i sanktsiy [Specific Features of the Application of Criminal Law Norms with a Complex Structure of Dispositions and Sanctions]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (9A), pp. 450-456. DOI: 10.34670/AR.2026.80.93.050

Keywords

Criminal law, criminal law norms, disposition, sanction, regulation, evaluative attribute, structure of a legal norm, blanket norm, legislative technique, judicial practice.

References

1. Embulaeva, N.Yu., & Gryada, E.A. (2023). *Yuridicheskaya tekhnika* [Legal Technique]. Kubanskiy gosudarstvennyy agrarnyy universitet im. I.T. Trubilina.
2. Khomich, V.M. (2020). Ugolovnyy zakon i obespechenie verkhovenstva prava v protivodeystvii prestupnosti [Criminal Law and Ensuring the Rule of Law in Countering Crime]. *Aktual'nye problemy ugolovnogo prava na sovremennom etape (voprosy differentsiatsii otvetstvennosti i zakonodatel'noy tekhniki)*, (9), 70–81.
3. Maslov, V.A. (2024). Kriminologicheskaya obosnovannost' vneseniya izmeneniy v ugolovnyy zakon: ispol'zovanie statistiki i rol' sredstv massovoy informatsii [Criminological Validity of Amendments to the Criminal Law: The Use of Statistics and the Role of Mass Media]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, (1(101)), 120–126.
4. *Prigovor Kirovskogo rayonnogo suda g. Samary ot 30.10.2023 No. 1-345/2023* [Verdict of the Kirovsky District Court of Samara of 30.10.2023 No. 1-345/2023]. (2023). Retrieved from https://sudact.ru
5. *Prigovor Leninskogo rayonnogo suda g. Tyumeni ot 14.03.2023 No. 1-78/2023* [Verdict of the Leninsky District Court of Tyumen of 14.03.2023 No. 1-78/2023]. (2023). Retrieved from https://sudact.ru
6. *Prigovor Oktyabr'skogo rayonnogo suda g. Ufy ot 28.08.2023 No. 1-267/2023* [Verdict of the Oktyabrsky District Court of Ufa of 28.08.2023 No. 1-267/2023]. (2023). Retrieved from https://sudact.ru
7. *Prigovor Sovetskogo rayonnogo suda g. Krasnoyarska ot 05.05.2022 No. 1-189/2022* [Verdict of the Sovetsky District Court of Krasnoyarsk of 05.05.2022 No. 1-189/2022]. (2022). Retrieved from https://sudact.ru
8. *Prigovor Zheleznodorozhnogo rayonnogo suda g. Ekaterinburga ot 17.01.2024 No. 1-12/2024* [Verdict of the Zheleznodorozhny District Court of Yekaterinburg of 17.01.2024 No. 1-12/2024]. (2024). Retrieved from https://sudact.ru
9. Serdyuk, P.L. (2024). Glava II. Ugolovnyy zakon [Chapter II. Criminal Law]. In *Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya chast'* (pp. 36–66). Tsentr nauchno-proizvodstvennykh tekhnologiy "Asterion".
10. *Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii* [Criminal Code of the Russian Federation]. (1996). Federal Law No. 63-FZ of 13.06.1996 (as amended on 20.02.2026). *Sobranie zakonodatel'stva RF*, (25), Art. 2954.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2026.84.80.051**

К вопросу отдельных психологических характеристик личности осужденных-рецидивистов, повторно отбывающих наказание в местах лишения свободы

Лебешев Иван Сергеевич

Начальник отдела исследования проблем социологического обеспечения и прогнозирования деятельности УИС,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: L.ivan.s@mail.ru

Новиков Алексей Валерьевич

Доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор;
Член Союза журналистов России (Московское региональное отделение);
главный научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
профессор кафедры уголовного права и правоохранительной деятельности,
Астраханский государственный университет,
414056, Российская Федерация, Астрахань, ул. Татищева, 20-а;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Шульц Евгений Вячеславович

Старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: shults.e.v@fsin.gov.ru

Аннотация

Рецидивная преступность остается одним из наиболее сложных дестабилизирующих факторов, влияющих как на безопасность внутри пенитенциарных учреждений, так и на эффективность исправительного воздействия на осужденных. Настоящая статья посвящена исследованию отдельных психологических характеристик личности осужденных-рецидивистов, повторно отбывающих наказание в виде лишения свободы. Целеполаганием является выявление и систематизация специфических характеристик личности осужденных-рецидивистов, отличающих их от лиц, впервые отбывающих наказание, а также определение корреляционных связей между данными характеристиками и склонностью к повторному совершению преступлений. Анализ субъективных мотивов совершения преступлений позволяет выявить ряд устойчивых закономерностей, имеющих принципиальное значение для криминологической характеристики осужденных-рецидивистов. Совершен вывод о необходимости

дальнейших исследований, связанных с изучением динамики психологических характеристик на различных этапах отбывания наказания, а также с разработкой лонгитюдных методик оценки эффективности коррекционной работы с осужденными-рецидивистами.

Для цитирования в научных исследованиях

Новиков А.В., Лебешев И.С., Шульц Е.В. К вопросу отдельных психологических характеристик личности осужденных-рецидивистов, повторно отбывающих наказание в местах лишения свободы // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 9А. С. 457-467. DOI: 10.34670/AR.2026.84.80.051

Ключевые слова

Осужденные-рецидивисты, пенитенциарные учреждения, преступное поведение, криминогенный детерминант, мотивационные структуры, ситуативно-провокационный фактор, отбывание наказания.

Введение

Проблема рецидивной преступности является одной из наиболее сложных и значимых в современной криминологической науке и пенитенциарной практике. Возвращение осужденных в исправительные учреждения после отбытия наказания отчасти могут свидетельствовать о том, что применяемые меры исправительного воздействия оказываются недостаточно эффективными в отношении определенной категории лиц. При этом важно понимать, что рецидив преступлений представляет собой не просто повторное совершение противоправного деяния, а устойчивую модель криминального поведения, в основе которой лежат глубинные психологические механизмы, формирующиеся и закрепляющиеся на протяжении длительного времени.

Изучение личности осужденного-рецидивиста традиционно занимало центральное место в криминологических исследованиях [Антонян, 2019; Малков, 2007; Филлиова, 2021]. Однако если социально-демографические характеристики данной категории лиц изучены достаточно полно и систематизированы в многочисленных статистических отчетах, то психологический аспект личности рецидивиста остается менее исследованным. Между тем именно психологические особенности личности во многом определяют механизм преступного поведения, устойчивость криминальной мотивации и эффективность исправительного воздействия. Личность осужденного-рецидивиста формируется под влиянием совокупности факторов: длительной изоляции от общества, пребывания в криминальной субкультуре, утраты социально полезных связей и деформации системы ценностей.

В рамках проведенного исследования анализ мотивов совершения преступлений осуществляется с учетом их субъективной природы. Под мотивами в данном случае понимаются не юридически квалифицированные признаки, закрепленные в приговоре суда, а внутренние побудительные основания, как они воспринимаются и интерпретируются непосредственно самими правонарушителями.

Такой подход позволяет выйти за пределы формально-правовой оценки деяния и обратиться к глубинным детерминантам преступного поведения, отражающим личностные установки, жизненный опыт и социум индивида.

В связи с этим рассматриваемые ниже мотивы включаются в структуру психологической, а не уголовно-правовой характеристики личности.

Важно понимать, что субъективно декларируемые причины противоправного поведения не всегда совпадают с юридически установленными мотивами, однако обладают высокой значимостью для криминологического анализа, а их изучение позволяет выявить типичные модели мотивации, социальные и психологические факторы, способствующие криминализации личности, а также повысить эффективность профилактических мер [Москалев, 2012].

Основное содержание

Большинство опрошенных полагают, что главными факторами совершения ими ***первого преступления*** стали (в порядке убывания):

– влияние алкоголя или психотропных веществ – 36,6%;
– материальные трудности – 22,3%;
– влияние друзей, компании – 20,6%;
– противоправное поведение потерпевшего – 10,3%;
– воздействие правоохранительных органов – 4,3%;
– невозможность трудоустройства – 3,7%;
– только силой можно что-то доказать – 2,2%.

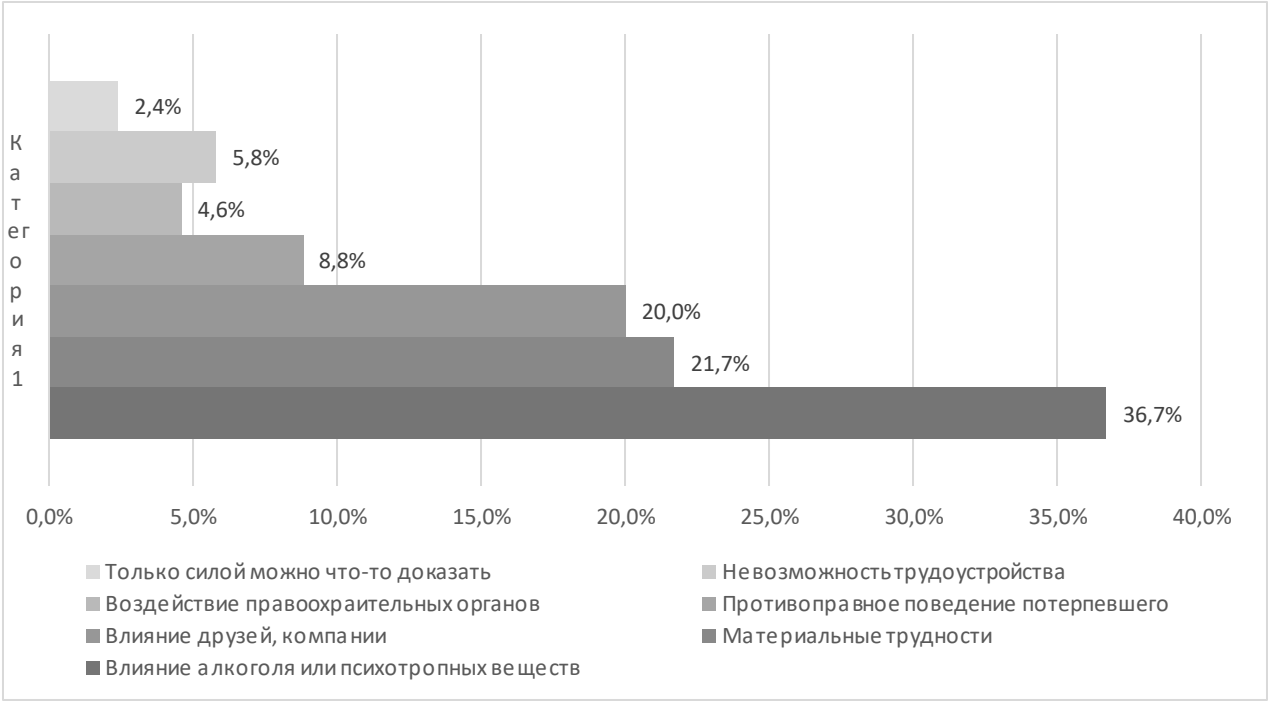

Рисунок 1 – Факторы, которые повлияли на совершение первого преступления, по субъективному мнению осужденных-рецидивистов

При этом причинами совершения опрошенными осужденными ***повторных преступлений*** стали (в порядке убывания):

– влияние алкоголя или психотропных веществ – 36,7%;
– материальные трудности – 21,7%;

– влияние друзей, компании – 20%;
– противоправное поведение потерпевшего – 8,8%;
– воздействие правоохранительных органов – 4,6%;
– невозможность трудоустройства – 5,8%;
– только силой можно что-то доказать – 2,4%.

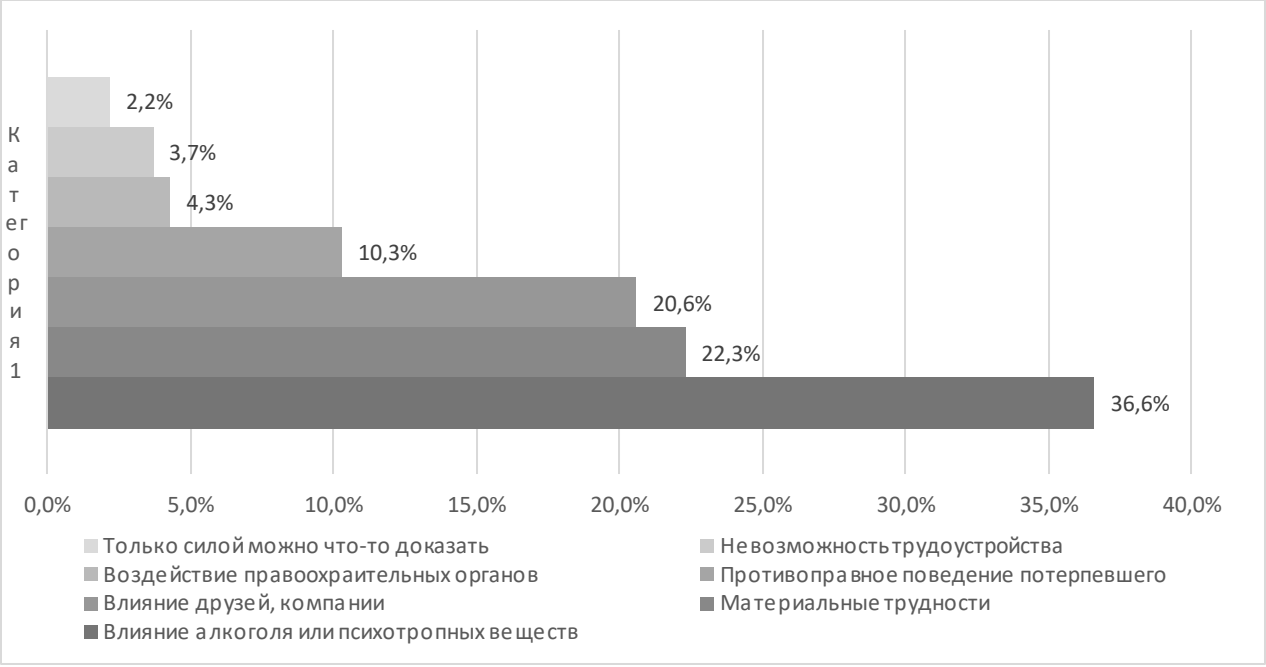

Рисунок 2 – Факторы, которые повлияли на совершение последующих преступлений, по мнению осужденных

Анализ субъективных мотивов совершения преступлений позволяет выявить ряд устойчивых закономерностей, имеющих принципиальное значение для криминологической характеристики осужденных-рецидивистов.

Доминирующим мотивом как первого (36,6%), так и повторных (36,7%) преступлений является влияние алкоголя или психотропных веществ. Практически полное совпадение этого показателя в обоих случаях наглядно свидетельствует о том, что аддиктивный фактор носит системообразующий, а не ситуативный характер: он не устраняется в результате отбытия наказания, а сохраняется как хронический криминогенный детерминант на протяжении всей траектории преступной карьеры индивида.

Сопоставление мотивационных структур первого и повторных преступлений выявляет ряд содержательных сдвигов, заслуживающих отдельного внимания.

В частности, при переходе от первого к повторным преступлениям наблюдается заметный рост мотива «невозможность трудоустройства» – с 3,7% до 5,8%. Это закономерно отражает реальные трудности постпенитенциарной адаптации индивида после выхода на свободу из мест лишения свободы.

Одновременно несколько снижаются показатели «материальных трудностей» (с 22,3% до 21,7%) и «влияния компании» (с 20,6% до 20%), что может объясняться частичным изменением референтного окружения – триггером после первого заключения, однако данные мотивы по-прежнему сохраняют высокий удельный вес.

Примечателен и сдвиг в показателе «противоправное поведение потерпевшего»: при первом преступлении на него указали 10,3% опрошенных, при повторных – лишь 8,7%. Это снижение косвенно свидетельствует о том, что ситуативно-провокационный фактор постепенно утрачивает значение по мере формирования устойчивой преступной установки.

В целом представленная мотивационная картина убедительно демонстрирует полидетерминированность рецидивной преступности: ни один из факторов не является единственным и исчерпывающим объяснением противоправного поведения.

Данные об отношении осужденных-рецидивистов к алкоголю в значительной мере конкретизируют и верифицируют ранее выявленную мотивационную картину.

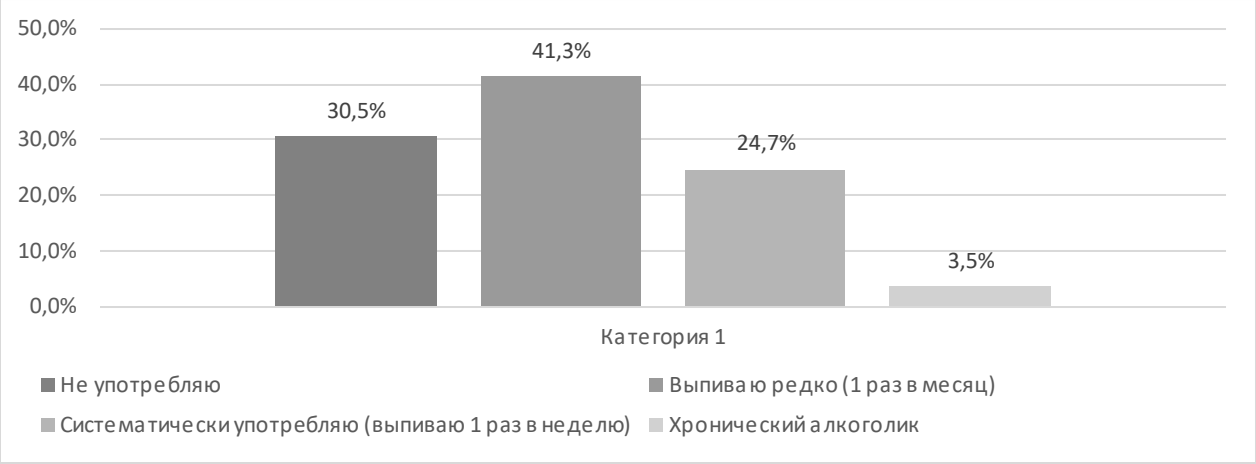

Рисунок 3 – Распределение осужденных в зависимости от отношения к алкоголю

Напомним, что влияние алкоголя или психотропных веществ было названо ведущим субъективным мотивом как первого (36,6%), так и повторных (36,7%) преступлений. Вместе с тем распределение по категориям потребления обнаруживает, что лишь 3,5% опрошенных идентифицируют себя как хронические алкоголики, тогда как систематически употребляют алкоголь 24,7%, а выпивают редко – 41,3%. Таким образом, совокупная доля лиц, в той или иной мере употребляющих алкоголь, составляет около 69,5%, что при сопоставлении с долей лиц, декларирующих алкоголь в качестве мотива преступления, свидетельствует о том, что криминогенное значение имеет не столько хроническая зависимость, сколько само по себе употребление алкоголя в момент совершения противоправного деяния.

Показательно и то обстоятельство, что 30,5% осужденных заявляют о полном отказе от алкоголя. Применительно к данной категории лиц субъективная связь между алкоголем и преступным поведением, очевидно, отсутствует либо была переосмыслена в ходе отбывания наказания.

Данные о психическом состоянии осужденных дополняют и углубляют представленную картину.

Формально большинство осужденных – рецидивистов (72,2%) считают себя психически здоровыми. Однако даже совокупность клинически значимых состояний – алкоголизм (6,7%), наркомания (7,4%), слабо выраженная психопатия (6,3%) и иные состояния (7,3%) охватывает без малого 28% выборки.

Эта цифра заслуживает особого внимания: почти каждый третий осужденный-рецидивист имеет то или иное психическое расстройство или зависимость, что существенно снижает

эффективность стандартных мер исправительного воздействия, ориентированных на психически здорового субъекта.

Принципиально важно сопоставить долю лиц с диагностированным алкоголизмом (6,7%) и наркоманией (7,4%) с долей тех, кто называет вещества мотивом преступления (36,6–36,7%). Этот разрыв не является противоречием, поскольку отражает хорошо известный в криминологии феномен: преступления под влиянием алкоголя или наркотиков совершаются в том числе лицами, не имеющими клинически подтвержденной зависимости.

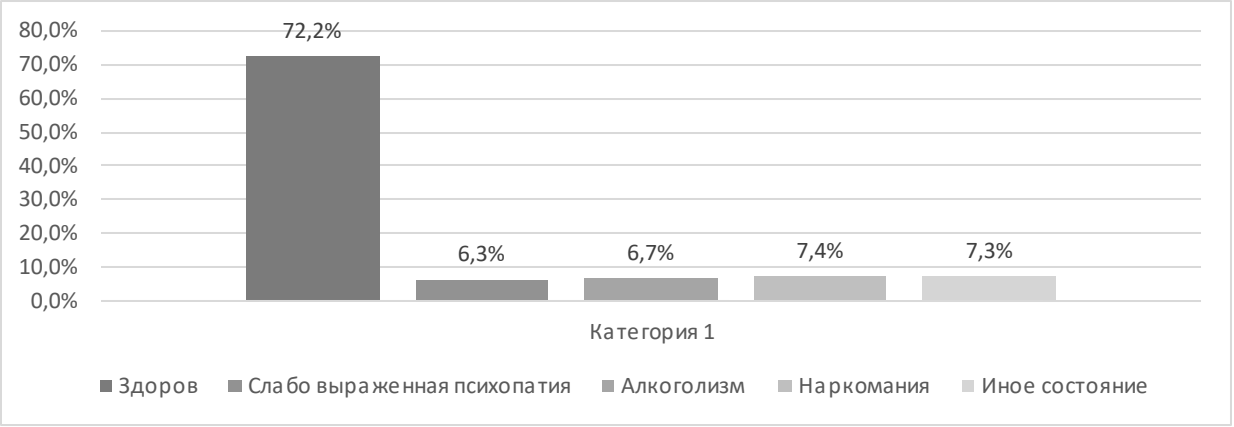

Рисунок 4 – Распределение осужденных в зависимости от психического состояния

Итак, подведем итог анализа психологических характеристик личности осужденных-рецидивистов.

Устойчивой характеристикой неоднократно судимых является раннее проявление асоциального поведения: 90,8% осужденных совершили свое первое преступление в возрасте до 30 лет, а 52,4% имели приводы в органы внутренних дел еще до совершения первого преступления. Данные обстоятельства указывают на формирование устойчивой криминальной установки, как правило, в период первичной социализации.

При переходе от первого к последующим преступлениям прослеживается закономерное смещение возраста рецидива: основная доля повторных преступлений совершается в возрасте после 30 лет (35,4%) и от 25 до 30 лет (30,1%), что отражает как естественную возрастную динамику, так и длительность предшествующих сроков лишения свободы. Наиболее распространенный интервал между совершенными преступлениями составляет от 1 года до 3 лет (30,4%).

Доминирующим мотивом как первого (36,6%), так и повторных (36,7%) преступлений является влияние алкоголя или психотропных веществ. Практически полное совпадение данного показателя в обоих случаях свидетельствует о системообразующем, а не ситуативном характере аддиктивного фактора: он не устраняется в результате отбывания наказания и сохраняется как хронический криминогенный детерминант. Совокупная доля лиц, в той или иной мере употребляющих алкоголь, составляет около 69,5% выборки.

На уровне мотивации повторных преступлений по сравнению с первичными фиксируется заметный рост удельного веса мотива «невозможность трудоустройства» (с 3,7% до 5,8%), что закономерно отражает реальные затруднения постпенитенциарной адаптации осужденных и указывает на недостаточную эффективность механизмов социальной реинтеграции лиц, освобожденных из исправительных учреждений.

Психическое состояние осужденных-рецидивистов характеризуется тем, что почти каждый третий опрошенный (27,7%) имеет клинически значимые расстройства или зависимости: наркомания – 7,4%, иные состояния – 7,3%, алкоголизм – 6,7%, слабо выраженная психопатия – 6,3%. Данное обстоятельство существенно снижает эффективность стандартных мер исправительного воздействия и требует дифференцированного подхода к ресоциализации указанной категории осужденных

Проведенный теоретический анализ и обобщение эмпирических данных по проблеме отдельных психологических характеристик личности осужденных-рецидивистов, повторно отбывающих наказание в местах лишения свободы, позволяют сформулировать ряд обоснованных выводов и рекомендаций, имеющих как научно-теоретическое, так и прикладное значение.

Первое: Рецидивная преступность представляет собой не просто механическую совокупность повторных преступлений, а качественно своеобразное социально-психологическое явление, в основе которого лежит устойчивая деформация личности, сформировавшаяся под воздействием комплекса криминогенных факторов [Филоненко, 2023]. Личность осужденного-рецидивиста характеризуется не отдельными изолированными негативными чертами, а их системным единством, образующим специфический психологический профиль. Именно системность деформации объясняет устойчивость противоправного поведения и низкую эффективность традиционных мер исправительного воздействия.

Второе: В эмоционально-волевой сфере рецидивистов устойчиво фиксируются такие характеристики, как эмоциональная неустойчивость, склонность к аффективным реакциям, недостаточность волевого самоконтроля при внешне демонстрируемой сдержанности, а также пониженная способность к отсроченному удовлетворению потребностей [Севастьянов, 2021]. Совокупность этих особенностей снижает эффективность самоконтроля в ситуациях конфликта и фрустрации.

Третье: Коммуникативная сфера характеризуется двойственностью: с одной стороны, сохраняется ориентация на криминальную субкультуру и ее нормы, с другой – наблюдается сужение круга доверительных контактов и настороженное отношение к представителям администрации исправительного учреждения. Такая структура общения закрепляет изоляцию личности и препятствует включению в просоциальные связи.

Четвертое: Когнитивные особенности осужденных-рецидивистов проявляются в наличии устойчивых механизмов психологической защиты и нейтрализации, рационализации собственного противоправного поведения, склонности к внешнеобвиняющим атрибуциям и недостаточной рефлексии последствий своих поступков. Эти механизмы выполняют функцию снижения внутреннего напряжения, но одновременно блокируют осознание ответственности и готовность к изменению.

Заключение

По нашему частно-научному мнению рекомендации практического характера целесообразно представить по нескольким направлениям.

В организационно-методической сфере необходимо обеспечить обязательное углубленное психологическое обследование всех лиц, поступающих в исправительные учреждения для повторного отбывания наказания, с фиксацией результатов в единой базе данных. Такое обследование должно включать изучение ценностно-смысловой, эмоционально-волевой,

коммуникативной и когнитивной сфер, а его результаты – служить основой для разработки индивидуальных программ исправления.

В психокоррекционной работе следует внедрять дифференцированные программы, адресованные именно рецидивистам с учетом выявленных характеристик. Приоритетными направлениями являются: работа с ценностно-смысловыми ориентациями и формирование просоциальных смысложизненных установок; развитие навыков эмоциональной саморегуляции и волевого самоконтроля; коррекция механизмов психологической защиты и нейтрализации; формирование адекватной рефлексии последствий противоправного поведения и навыков ответственной атрибуции. Программы должны носить пролонгированный характер, поскольку устойчивые личностные деформации не поддаются краткосрочному воздействию.

В сфере ресоциализации рекомендуется развивать практику подготовки к освобождению, включающую восстановление и укрепление просоциальных связей, трудовую адаптацию, а также сопровождение в постпенитенциарный период. Особое внимание следует уделять снижению зависимости от криминальной субкультуры и формированию альтернативной социальной идентичности.

В научно-исследовательской сфере целесообразно проведение лонгитюдных исследований, позволяющих проследить динамику психологических характеристик на разных этапах отбывания наказания и после освобождения, а также разработку и валидизацию прогностических критериев рецидива. Полученные данные могут использоваться для совершенствования нормативной базы и практики психологического сопровождения осужденных-рецидивистов.

Библиография

1. Антонян Ю.М. Личность преступника и исправление осужденных // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2019. № 2. С. 117–127. DOI: 10.28995/2073-6304-2019-2-117-127
2. Ганишина, И. С. Личностные особенности осужденных рецидивистов, отбывающих наказание в местах лишения свободы / И. С. Ганишина, Д. А. Ковальчук // Прикладная юридическая психология. – 2024. – № 3(68). – С. 45-56. – DOI 10.33463/2072-8336.2024.3(68).045-056.
3. Ганишина, И. С. К вопросу о психологической коррекции негативных психических состояний наркозависимых осужденных, отбывающих наказания в местах лишения свободы / И. С. Ганишина // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2020. – № 20-2. – С. 80-81.
4. Лебешев И.С., Шульц Е.В., Слабкая Д.Н. О социально-демографической характеристике осуждённых, повторно отбывающих наказание в местах лишения свободы: сравнительный анализ // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7-1. С. 612-624. DOI: 10.34670/AR.2026.71.16.063
5. Малков, В. Д. Преступность как социально-правовое явление, ее криминологические характеристики и основные тенденции в современной России / В. Д. Малков // Общество и право. – 2007. – № 3(17). – С. 61-70.
6. Магомедов, Д. Д. Исследование биологических и социальных факторов, влияющих на формирование личности преступника / Д. Д. Магомедов, М. М. Гитинова // Системные технологии. – 2014. – № 1(10). – С. 79-85.
7. Москалев, А. Ю. Особенности личности рецидивистов / А. Ю. Москалев // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2012. – № 2(49). – С. 84-89.
8. Новиков А.В., Лебешев И.С., Шульц Е.В. Уголовно-правовая характеристика осужденных-рецидивистов: сравнительный анализ // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 8А. С. 383-393. DOI: 10.34670/AR.2026.13.62.035
9. Севостьянов Р.А. Криминологическое значение эмоциональной неустойчивости личности // Вопросы российского и международного права. 2021. Том 11. № 8А. С. 148-155. DOI: 10.34670/AR.2021.96.48.017
10. Семенова, В. В., Авдевнина, Д. С. Влияние уровня образования и формы трудоустройства на количество совершаемых преступлений / В. В. Семенова, Д. С. Авдевнина // Журнал социологических исследований. – 2023. – №. 2. – С. 67-73.
11. Слабкая Д.Н., Новиков А.В. Педагогические меры профилактики влияния деструктивных молодежных субкультур на несовершеннолетних лиц // Педагогический журнал. 2022. Т. 12. № 6А. Ч. II. С. 1007-1014. DOI: 10.34670/AR.2022.27.77.131

12. Тимошина, Е. М. Криминологическое изучение семьи как антикриминогенного фактора в предупреждении отклоняющегося поведения детей : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е. М. Тимошина // Московский университет МВД России. – Москва, 2008. – 26 с.
13. Филиппова, О. В. Криминологическая характеристика личности рецидивиста в России: основные тенденции изменения параметров в современный период / О. В. Филиппова // Всероссийский криминологический журнал. – 2022. – Т. 16, № 2. – С. 207-216. – DOI 10.17150/2500-4255.2022.16(2).207-216.
14. Финаева, А. Г. Ресоциализационный потенциал семьи осужденного : автореф. дис. … канд. соц. наук : 22.00.04 / А. Г. Финаева // Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А. – Саратов, 2012. – 19 с.
15. Филоненко Т.В. Детерминация постпенитенциарной рецидивной преступности: современный взгляд // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 11А. С. 335-344. DOI: 10.34670/AR.2024.97.36.039
16. Цветкова, Е. В. Некоторые особенности преступности несовершеннолетних и факторы, влияющие на формирование личности несовершеннолетнего преступника / Е. В. Цветкова // Вестник Владимирского юридического института. – 2012. – № 4(25). – С. 137–142.
17. Характеристика осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы : по материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, декабрь 2022 года / В. И. Селиверстов, А. Н. Баламут, П. Н. Посмаков ; под научной редакцией В. И. Селиверстова. – Москва : Проспект, 2024. – 101 с.

On the Question of Certain Psychological Characteristics of the Personality of Recidivist Convicts Serving Sentences in Places of Deprivation of Liberty Repeatedly

Ivan S. Lebeshev

Head of the Department for Research of Problems
of Sociological Support and Forecasting of the Activity of the Penal System,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: L.ivan.s@mail.ru

Aleksei V. Novikov

Doctor of Pedagogy, PhD in Law, Professor;
Member of the Russian Union of Journalists (Moscow regional branch);
Chief Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
Professor of the Department of Criminal Law and Law Enforcement, Astrakhan State University,
414056, 20-a, Tatishcheva str., Astrakhan, Russian Federation;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Evgenii V. Shul'ts

Senior Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: shults.e.v@fsin.gov.ru

Abstract

Recidivist crime remains one of the most complex destabilizing factors affecting both security within penitentiary institutions and the effectiveness of corrective influence on convicts. This article is devoted to the study of certain psychological characteristics of the personality of recidivist convicts serving a sentence of deprivation of liberty repeatedly. The goal is to identify and systematize the specific personality characteristics of recidivist convicts that distinguish them from persons serving a sentence for the first time, as well as to determine correlations between these characteristics and the propensity for repeated commission of crimes. The analysis of the subjective motives for committing crimes allows for the identification of a number of stable patterns that are of fundamental importance for the criminological characterization of recidivist convicts. A conclusion is drawn about the need for further research related to the study of the dynamics of psychological characteristics at various stages of serving a sentence, as well as to the development of longitudinal methods for assessing the effectiveness of correctional work with recidivist convicts.

For citation

Novikov A.V., Lebeshev I.S., Shul'ts E.V. (2026) K voprosu otdel'nykh psikhologicheskikh kharakteristik lichnosti osuzhdennykh-retsidivistov, povtorno otbyvayushchikh nakazanie v mestakh lisheniya svobody [On the Question of Certain Psychological Characteristics of the Personality of Recidivist Convicts Serving Sentences in Places of Deprivation of Liberty Repeatedly]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (9A), pp. 457-467. DOI: 10.34670/AR.2026.84.80.051

Keywords

Recidivist convicts, penitentiary institutions, criminal behavior, criminogenic determinant, motivational structures, situational-provocative factor, serving a sentence.

References

1. Antonyan Yu.M. (2019). Lichnost' prestupnika i ispravleniye osuzhdennykh [The Personality of the Criminal and the Correction of Convicts]. *Vestnik RGGU. Seriya "Ekonomika. Upravleniye. Pravo"*, 2, 117-127. DOI: 10.28995/2073-6304-2019-2-117-127.
2. Ganishina I.S., Kovalchuk D.A. (2024). Lichnostnyye osobennosti osuzhdennykh retsidivistov, otbyvayushchikh nakazaniye v mestakh lisheniya svobody [Personal Characteristics of Convicted Recidivists Serving Sentences in Places of Deprivation of Liberty]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya*, 3(68), 45-56. DOI: 10.33463/2072-8336.2024.3(68).045-056.
3. Ganishina I.S. (2020). K voprosu o psikhologicheskoy korrektsii negativnykh psikhicheskikh sostoyaniy narkozavisimykh osuzhdennykh, otbyvayushchikh nakazaniya v mestakh lisheniya svobody [On the Issue of Psychological Correction of Negative Mental States of Drug-Dependent Convicts Serving Sentences in Places of Deprivation of Liberty]. *Aktual'nyye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami*, 20-2, 80-81.
4. Lebeshev I.S., Shults E.V., Slabkaya D.N. (2026) O sotsial'no-demograficheskoy kharakteristike osuzhdyonnykh, povtorno otbyvayushchikh nakazaniye v mestakh lisheniya svobody: sravnitel'nyy analiz [On the Socio-Demographic Characteristics of Convicts Repeatedly Serving Sentences in Places of Deprivation of Liberty: A Comparative Analysis]. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava*, 16(7-1), 612-624. DOI: 10.34670/AR.2026.71.16.063.
5. Malkov V.D. (2007). Prestupnost' kak sotsial'no-pravovoye yavleniye, yeye kriminologicheskiye kharakteristiki i osnovnyye tendentsii v sovremennoy Rossii [Crime as a Socio-Legal Phenomenon, Its Criminological Characteristics and Main Trends in Modern Russia]. *Obshchestvo i pravo*, 3(17), 61-70.
6. Magomedov D.D., Gitinova M.M. (2014). Issledovaniye biologicheskikh i sotsial'nykh faktorov, vliyayushchikh na formirovaniye lichnosti prestupnika [Study of Biological and Social Factors Influencing the Formation of the Criminal's Personality]. *Sistemnyye tekhnologii*, 1(10), 79-85.
7. Moskalev A.Yu. (2012). Osobennosti lichnosti retsidivistov [Personality Characteristics of Recidivists]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh*, 2(49), 84-89.

8. Novikov A.V., Lebeshev I.S., Shults E.V. (2026) Ugolovno-pravovaya kharakteristika osuzhdennykh-retsidivistov: sravnitel'nyy analiz [Criminal-Legal Characteristics of Convicted Recidivists: A Comparative Analysis]. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava*, 16(8A), 383-393. DOI: 10.34670/AR.2026.13.62.035.
9. Sevostyanov R.A. (2021). Kriminologicheskoye znacheniye emotsional'noy neustoychivosti lichnosti [Criminological Significance of Emotional Instability of the Personality]. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava*, 11(8A), 148-155. DOI: 10.34670/AR.2021.96.48.017.
10. Semenova V.V., Avdevnina D.S. (2023). Vliyaniye urovnya obrazovaniya i formy trudoustroystva na kolichestvo sovershayemykh prestupleniy [The Influence of the Level of Education and the Form of Employment on the Number of Crimes Committed]. *Zhurnal sotsiologicheskikh issledovaniy*, 2, 67-73.
11. Slabkaya D.N., Novikov A.V. (2022). Pedagogicheskiye mery profilaktiki vliyaniya destruktivnykh molodezhnykh subkul'tur na nesovershennoletnikh lits [Pedagogical Measures for Preventing the Influence of Destructive Youth Subcultures on Minors]. *Pedagogicheskiy zhurnal*, 12(6A), Part II, 1007-1014. DOI: 10.34670/AR.2022.27.77.131.
12. Timoshina E.M. (2008). *Kriminologicheskoye izucheniye sem'i kak antikriminogennogo faktora v preduprezhdenii otklonyayushchegosya povedeniya detey* [Criminological Study of the Family as an Anti-Criminogenic Factor in the Prevention of Deviant Behaviour of Children] (Abstract of PhD thesis in Law, speciality 12.00.08; Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia).
13. Filippova O.V. (2022). Kriminologicheskaya kharakteristika lichnosti retsidivista v Rossii: osnovnyye tendentsii izmeneniya parametrov v sovremennyy period [Criminological Characteristics of the Recidivist's Personality in Russia: Main Trends in the Change of Parameters in the Modern Period]. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal*, 16(2), 207-216. DOI: 10.17150/2500-4255.2022.16(2).207-216.
14. Finaeva A.G. (2012). *Resotsializatsionnyy potentsial sem'i osuzhdennogo* [The Resocialisation Potential of the Convict's Family] (Abstract of PhD thesis in Sociology, speciality 22.00.04; Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A.).
15. Filonenko T.V. (2023). Determinatsiya postpenitentsiarnoy retsidivnoy prestupnosti: sovremennyy vzglyad [Determination of Post-Penitentiary Recidivist Crime: A Modern View]. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava*, 13(11A), 335-344. DOI: 10.34670/AR.2024.97.36.039.
16. Tsvetkova E.V. (2012). Nekotoryye osobennosti prestupnosti nesovershennoletnikh i faktory, vliyayushchiye na formirovaniye lichnosti nesovershennoletnego prestupnika [Some Features of Juvenile Delinquency and Factors Influencing the Formation of the Personality of a Juvenile Offender]. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta*, 4(25), 137-142.
17. Seliverstov V.I., Balamut A.N., Posmakov P.N. (2024). *Kharakteristika osuzhdennykh, otbyvayushchikh pozhiznennoye lisheniye svobody: po materialam spetsial'noy perepisi osuzhdennykh i lits, soderzhashchikhsya pod strazhey, dekabr' 2022 goda* [Characteristics of Convicts Serving Life Imprisonment: Based on the Materials of the Special Census of Convicts and Persons in Custody, December 2022] (ed. by V.I. Seliverstov). Prospekt.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 343.1 **DOI: 10.34670/AR.2026.91.13.053**

Использование данных оперативно-розыскной деятельности, полученных с помощью цифровых технологий, в уголовном судопроизводстве

Закомалдин Александр Сергеевич

Преподаватель,
Уфимский юридический институт МВД России,
450103, Российская Федерация, Уфа, ул. Муксинова, 2;
e-mail: zakomaldin@mail.ru

Марченко Константин Сергеевич

Старший преподаватель,
Воронежский институт МВД России,
394065, Российская Федерация, Воронеж, просп. Патриотов, 53;
e-mail: zakomaldin1@mail.ru

Шувалов Павел Евгеньевич

Старший преподаватель,
Институт физической культуры, спорта и туризма,
195 251, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 27;
e-mail: zakomaldin2@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются особенности использования данных оперативно-розыскной деятельности, полученных с применением цифровых технологий, в уголовном судопроизводстве. Анализируются основные нормативно-правовые акты, регулирующие использование результатов ОРД и электронных данных в уголовном процессе, выявляются существующие пробелы в законодательстве и правоприменительной практике. Автор раскрывает ключевые проблемы, связанные с правовой неопределённостью статуса цифровых данных ОРД, недостаточной проработанностью процедур их фиксации и документального оформления, а также конфликтами между режимом оперативной тайны и требованиями к открытости и состязательности уголовного судопроизводства. На основе проведённого анализа предлагаются конкретные направления совершенствования законодательства и процессуальных механизмов, включая уточнение понятия цифрового доказательства ОРД, закрепление требований к фиксации метаданных и исходных файлов, разработку специального режима работы с данными, затрагивающими оперативную тайну, укрепление экспертной поддержки на этапе получения цифровых следов, а также формирование разумной презумпции достоверности при соблюдении строгих технических и процессуальных условий.

Для цитирования в научных исследованиях

Закомалдин А.С., Марченко К.С., Шувалов П.Е. Использование данных оперативно-розыскной деятельности, полученных с помощью цифровых технологий, в уголовном судопроизводстве // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 9А. С. 468-475. DOI: 10.34670/AR.2026.91.13.053

Ключевые слова

Оперативно-розыскная деятельность, цифровые данные, электронные доказательства, уголовное судопроизводство, допустимость доказательств, достоверность доказательств, метаданные, оперативная тайна, прозрачность процесса, правовые пробелы, нормативно-правовое регулирование, цифровая криминалистика, оценка цифровых доказательств, управление рисками.

Введение

Применение в уголовном судопроизводстве результатов оперативно-розыскных мероприятий, полученных с использованием цифровых технологий, в настоящее время является одной из наиболее дискуссионных проблем как отечественной юридической науки, так и правоприменительной практики. С одной стороны, цифровые средства существенно расширяют возможности оперативных подразделений по выявлению и раскрытию преступлений, получению сведений о лицах, причастных к противоправной деятельности, а также по восстановлению фактических обстоятельств события, которые при использовании традиционных аналоговых методов нередко оставались бы недоступными для фиксации. С другой стороны, ускоренное внедрение таких технологий выявило недостаточную определенность нормативного регулирования, несоответствие отдельных процедур требованиям уголовно-процессуальных гарантий, а также неурегулированность вопросов, связанных с правовым режимом электронных данных, полученных в ходе ОРМ. Вследствие этого в деятельности органов предварительного расследования и судов возникают существенные затруднения, касающиеся определения допустимости соответствующих сведений, проверки законности их получения и выработки критериев их процессуальной оценки.

В российской правовой системе порядок использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве определяется совокупностью норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», а также подзаконных ведомственных актов, регулирующих передачу материалов оперативно-розыскных мероприятий органам дознания, предварительного следствия и в суд. УПК РФ закрепляет общие требования к доказательствам, в том числе их относимость, допустимость, достоверность и достаточность, при этом исключая возможность использования сведений, не отвечающих указанным критериям. Федеральный закон об ОРД, в свою очередь, устанавливает, что результаты оперативно-розыскных мероприятий могут служить источником сведений, имеющих значение для уголовного дела, однако их процессуальное использование допускается лишь в порядке и при соблюдении условий, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством [Шахбанова, Бегова, 2025].

Принципиально важно учитывать, что результаты оперативно-розыскной деятельности по своей юридической природе не тождественны готовым доказательствам в уголовном судопроизводстве.

Именно на пересечении цифровых технологий и традиционных процессуальных механизмов формируются основные проблемные зоны правового регулирования. В действующих нормативных актах, регулирующих как оперативно-розыскную деятельность, так и уголовное судопроизводство, в настоящее время отсутствует самостоятельный, концептуально оформленный институт цифровых либо электронных доказательств, полученных в ходе ОРД, который учитывал бы специфику их возникновения, фиксации, сохранения и последующего процессуального использования [Полянская, Трофимов, Коротова, 2026].

Для зарубежной правовой доктрины, в частности для стран Европейского союза, характерна более выраженная проработка указанной проблематики: там сформулированы руководящие подходы к обращению с электронными доказательствами, основанные на расширительном понимании электронных данных и признании особого значения метаданных, позволяющих установить время создания информации, ее автора, а также историю последующего изменения и передачи. В российском правопорядке аналогичная концептуальная основа для регулирования цифровых данных ОРД пока отсутствует, что обусловливает сохраняющуюся правовую неопределенность и затрудняет единообразное применение соответствующих положений.

Материалы и методы

Существенным пробелом действующего правового регулирования является отсутствие нормативно закрепленного определения цифровых доказательств, получаемых в рамках оперативно-розыскной деятельности. Ни Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, ни Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» не содержат достаточной конкретизации применительно к таким источникам цифровой информации, как лог-файлы, сведения операторов связи, данные сотовых сетей, IP-адреса, сетевые журналы обмена данными и иные электронные следы. Неурегулированным остается и вопрос о процессуальном значении метаданных, включая сведения о времени совершения действия, его источнике, маршруте передачи и последующем изменении информации [Полянская, Трофимов, Коротова, 2026].

В этих условиях правоприменитель фактически вынужден обеспечивать процессуальное оформление цифровых сведений посредством традиционных средств доказывания — показаний, протоколов следственных действий, результатов осмотра и иных процессуальных документов, — что не всегда позволяет в полной мере отразить специфику формирования и существования электронного следа. В результате возникает противоречие между технологической природой соответствующих данных и их последующей правовой «переводимостью» в привычные для уголовного процесса формы, рассчитанные преимущественно на работу с материальными объектами и вербальными источниками доказательственной информации.

Сторона защиты наделена правом знакомиться с доказательствами, проверять их происхождение, полноту и качество, а также заявлять возражения относительно их допустимости и достоверности. В условиях цифровизации данное право приобретает особую

значимость, поскольку предметом процессуальной оценки все чаще становятся не только традиционные следственные документы и показания, но и цифровые следы, полноценное оспаривание которых без доступа к техническим параметрам их формирования, сохранения и извлечения существенно затруднено [Бондарь, 2023].

В этой связи защита все настойчивее требует не формального, а содержательного доступа к цифровым массивам, послужившим основой обвинения, включая журналы событий, электронные файлы, метаданные и исходные протоколы извлечения информации. Только при наличии такого доступа обеспечивается реальная возможность проверки подлинности, целостности и процессуальной надежности соответствующих сведений, а также соблюдение баланса между обвинением и защитой в уголовном процессе.

На практике, однако, суды нередко располагают лишь фрагментарными и частично обезличенными версиями оперативных материалов. Полные источники происхождения сведений, рапорты сотрудников, служебные документы, а также технические описания примененных способов доступа к данным и используемых программно-технических средств, как правило, недоступны для сторон процесса [Погонышев, Хвостенко, Ковалев, 2021].

Результаты и обсуждения

На практике указанные нормативные пробелы выражаются в устойчивых проблемах, регулярно возникающих в уголовных делах. Одной из наиболее значимых является проблема фактической «невидимости» источника цифровых данных, полученных в ходе ОРД, для сторон процесса. Нередко суду представляются распечатки переписки, журналы перемещений, таблицы телефонных соединений и иные сведения, оформленные как документы, однако при этом не раскрываются обстоятельства получения исходного файла, порядок его копирования, проверка хеш-суммы, а также использование специализированного программного обеспечения для извлечения информации.

В результате защита лишается реальной возможности установить, подвергались ли данные изменению, сокращению либо искусственному дополнению. Суд, руководствуясь общими правилами оценки доказательств, нередко признает такие сведения допустимыми, ссылаясь на их внешне надлежащее процессуальное оформление, хотя по существу вопрос их достоверности и полноты остается недостаточно исследованным.

Другая проблема состоит в том, что при оценке цифровых данных суды не всегда в полной мере учитывают их специфику. В научной литературе справедливо обращается внимание на то, что в современной правоприменительной практике анализ электронных доказательств нередко осуществляется по общим правилам, без достаточного учета особенностей их цифровой природы.

Необходимо разработать специальный регламент документирования и представления цифровых данных, полученных в ходе ОРД. Такой регламент должен предусматривать обязательное описание способа извлечения файла, включая указание на конкретный носитель или среду хранения, из которой осуществлялось получение информации, будь то устройство, сервер либо облачный ресурс. Кроме того, в нем следует закрепить требования к методике копирования и обеспечению целостности данных, в том числе посредством использования контрольных хеш-сумм, сертифицированного программного обеспечения или иных технически верифицируемых средств.

Не менее важно фиксировать время совершения каждого действия, а также должностных лиц, ответственных за его выполнение и подтверждение. Особое место в таком регламенте должны занимать метаданные, включая сведения о времени, IP-адресах, геолокации, идентификаторах пользователей и иных характеристиках цифрового следа, при обязательном указании источника их получения и способа извлечения.

Подобная детализация позволит обеспечить процессуальную прозрачность обращения с электронными данными и создаст для суда и сторон реальную возможность оценивать не только содержание представленных сведений, но и условия их получения, а также степень соблюдения требований надежности, полноты и достоверности.

Еще одно предлагаемое изменение связано с необходимостью нормативного урегулирования режима оперативной тайны при обращении с цифровыми данными. Представляется целесообразным закрепить модель раздельного представления информации, при которой для целей уголовного судопроизводства формируются два взаимосвязанных массива сведений: открытый, предназначенный для стороны защиты и суда, и закрытый, содержащий технические детали примененных методов оперативно-розыскной деятельности.

Открытый массив должен быть достаточно полным для проверки происхождения, целостности и достоверности цифровых данных, но при этом может включать обезличенные фрагменты в той части, в какой это необходимо для защиты охраняемой законом тайны. Закрытый массив, напротив, должен храниться и исследоваться в особом порядке, например в закрытом судебном заседании либо с участием уполномоченных представителей органов, осуществляющих ОРД. При этом процессуальные решения, связанные с допуском, ограничением или расширением доступа к соответствующим сведениям, подлежат обязательной и детальной фиксации [Майдыков, Огурцов, Конашенков, 2025].

Такой подход позволяет обеспечить возможность получения дополнительных разъяснений и назначения независимой экспертизы, не раскрывая при этом сами оперативные методики и технические инструменты, использованные при добывании информации. Тем самым достигается более устойчивый баланс между интересами оперативной безопасности и правом стороны защиты на эффективное оспаривание доказательств.

Следует подчеркнуть перспективу законодательного утверждения презумпции достоверности цифровых материалов, извлеченных в рамках оперативно-розыскных мероприятий, при условии строгого соблюдения установленного перечня требований. К таким критериям относятся применение сертифицированных программных продуктов, фиксация контрольных хеш-сумм, корректное процессуальное оформление протоколов, привлечение квалифицированного специалиста и гарантия сохранности оригинальных файлов. Нарушение любого из этих условий делает невозможным применение презумпции и требует проведения более детальной судебной проверки представленных данных. Реализация данного подхода позволит избежать как излишнего недоверия к электронным доказательствам, так и их безоговорочного принятия, тем самым создав сбалансированную систему оценки доказательственной базы [Ткачук, Курысев, 2023].

Особое внимание следует уделить полноте материалов, предоставляемых судебной инстанции. В правоприменительной практике обосновано утверждение нормы, обязывающей суд в случае возникновения разногласий относительно допустимости или достоверности цифровых данных оперативно запросить исходный массив информации, а не довольствоваться частичными выписками или распечатками. При значительном объеме данных, делающем их

ручной анализ затруднительным или невозможным, необходимо предусмотреть механизм привлечения независимых экспертов или профильных организаций для исследования материалов в рамках установленного порядка.

Заключение

В целом эти меры нужны для того, чтобы правила работы с цифровыми данными, полученными в ходе ОРД, не отставали от реальных технологий и одновременно соответствовали требованиям справедливого уголовного процесса. Если подойти к этому системно — на уровне закона, процедур и практики, — электронные сведения смогут использоваться не как источник споров и процессуальных рисков, а как надежный инструмент борьбы с преступностью при сохранении прав и законных интересов всех участников процесса.

Библиография

1. Бондарь М.А. Перспективы использования цифровых технологий в оперативно-розыскной деятельности на основных направлениях борьбы с преступностью в исправительных учреждениях // Теория и практика социогуманитарных наук. 2023. № 4(24). С. 97–106.
2. Майдыков А.А., Огурцов А.Е., Конашенков С.О. Защита государственной тайны в оперативно-розыскной деятельности: современные проблемы в условиях цифровизации (организационные и историко-правовые аспекты) // Пробелы в российском законодательстве. 2025. Т. 18, № 2. С. 122–131.
3. Погонышев В.А., Хвостенко Т.М., Ковалев П.С. Вопросы цифровизации оперативно-розыскной деятельности сотрудников МВД России // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Информационные технологии. 2021. № 2(18). С. 58–63.
4. Полянская Е.В., Трофимов Д.В., Коротова И.М. Вопросы развития правового направления использования искусственного интеллекта в оперативно-розыскной деятельности // Философия права. 2026. № 1(116). С. 144–150.
5. Ткачук Т.А., Курысев К.Н. Вопросы о децифровизации в аспекте осуществления оперативно-розыскной деятельности // Вестник Владимирского юридического института. 2023. № 1(66). С. 107–111.
6. Шахбанова Д.А., Бегова Д.Я. Оперативно-розыскная деятельность и ее роль в расследовании преступлений // Human Progress. 2025. Т. 11, № 1.

Use of Operational-Search Activity Data Obtained with the Help of Digital Technologies in Criminal Judicial Proceedings

Aleksandr S. Zakomaldin

Lecturer,
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
450103, 2, Muksinova str., Ufa, Russian Federation;
e-mail: zakomaldin@mail.ru

Konstantin S. Marchenko

Senior Lecturer,
Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
394065, 53, Patriotov ave., Voronezh, Russian Federation;
e-mail: zakomaldin1@mail.ru

Pavel E. Shuvalov

Senior Lecturer,
Institute of Physical Culture, Sports and Tourism,
195251, 27, Politekhnicheskaya str., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: zakomaldin2@mail.ru

Abstract

The article examines the specifics of the use of operational-search activity data obtained with the use of digital technologies in criminal judicial proceedings. The main normative legal acts regulating the use of the results of operational-search activity and electronic data in criminal proceedings are analyzed, and existing gaps in legislation and law enforcement practice are identified. The author reveals the key problems associated with the legal uncertainty of the status of digital operational-search activity data, the insufficient elaboration of procedures for their recording and documentary formalization, as well as conflicts between the regime of operational secrecy and the requirements for openness and adversariality of criminal judicial proceedings. On the basis of the analysis carried out, specific directions for improving legislation and procedural mechanisms are proposed, including the clarification of the concept of digital evidence of operational-search activity, the consolidation of requirements for recording metadata and source files, the development of a special regime for working with data affecting operational secrecy, the strengthening of expert support at the stage of obtaining digital traces, as well as the formation of a reasonable presumption of reliability subject to strict technical and procedural conditions.

For citation

Zakomaldin A.S., Marchenko K.S., Shuvalov P.E. (2026) Ispol'zovanie dannykh operativno-rozysknoy deyatel'nosti, poluchennykh s pomoshch'yu tsifrovykh tekhnologiy, v ugolovnom sudoproizvodstve [Use of Operational-Search Activity Data Obtained with the Help of Digital Technologies in Criminal Judicial Proceedings]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (9A), pp. 468-475. DOI: 10.34670/AR.2026.91.13.053

Keywords

Operational-search activity, digital data, electronic evidence, criminal judicial proceedings, admissibility of evidence, reliability of evidence, metadata, operational secrecy, transparency of the process, legal gaps, normative legal regulation, digital forensics, evaluation of digital evidence, risk management.

References

1. Bondar', M.A. (2023). Perspektivy ispol'zovaniya tsifrovykh tekhnologiy v operativno-rozysknoy deyatel'nosti na osnovnykh napravleniyakh bor'by s prestupnost'yu v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh [Prospects of Using Digital Technologies in Operational Investigative Activities in the Main Areas of Combating Crime in Correctional Institutions]. Teoriya i praktika sotsiogumanitarnykh nauk, (4(24)), 97–106.
2. Maydykov, A.A., Ogurtsov, A.E., & Konashenkov, S.O. (2025). Zashchita gosudarstvennoy tayny v operativno-rozysknoy deyatel'nosti: sovremennye problemy v usloviyakh tsifrovizatsii (organizatsionnye i istoriko-pravovye aspekty) [Protection of State Secrets in Operational and Investigative Activities: Modern Problems in the Context of Digitalization (Organizational and Historical-Legal Aspects)]. Probely v rossiyskom zakonodatel'stve, 18(2), 122–131.
3. Pogonyshev, V.A., Khvostenko, T.M., & Kovalev, P.S. (2021). Voprosy tsifrovizatsii operativno-rozysknoy deyatel'nosti sotrudnikov MVD Rossii [Issues of Digitalization of Operational Investigative Activities of Employees of the Ministry

of Internal Affairs of Russia]. Vestnik obrazovatel'nogo konsortsiuma Srednerusskiy universitet. Informatsionnye tekhnologii, (2(18)), 58–63.
4. Polyanskaya, E.V., Trofimov, D.V., & Korotova, I.M. (2026) Voprosy razvitiya pravovogo napravleniya ispol'zovaniya iskusstvennogo intellekta v operativno-rozysknoy deyatel'nosti [Issues Related to the Development of the Legal Framework for the Use of Artificial Intelligence in Operational and Investigative Activities]. Filosofiya prava, (1(116)), 144–150.
5. Tkachuk, T.A., & Kurysev, K.N. (2023). Voprosy o detsifrovizatsii v aspekte osushchestvleniya operativno-rozysknoy deyatel'nosti [Issues of Decentralization in the Context of Operational and Investigative Activities]. Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta, (1(66)), 107–111.
6. Shakhbanova, D.A., & Begova, D.Ya. (2025). Operativno-rozysknaya deyatel'nost' i ee rol' v rassledovanii prestupleniy [Operational and Investigative Activities and Their Role in Crime Investigation]. Human Progress, 11(1).

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2026.26.67.052**

Правовые аспекты деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы: современное состояние и перспективы совершенствования

Новиков Алексей Валерьевич

Доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор;
Член Союза журналистов России (Московское региональное отделение);
главный научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
профессор кафедры уголовного права и правоохранительной деятельности,
Астраханский государственный университет,
414056, Российская Федерация, Астрахань, ул. Татищева, 20-а;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Аннотация

В представленном материале рассматриваются ключевые правовые аспекты деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) Российской Федерации в условиях активного реформирования законодательства о службе. Актуальность исследования обусловлена принятием Федерального закона от 07.07.2025 № 208-ФЗ, существенно скорректировавшего правовой статус сотрудников УИС, а также продолжающейся дискуссией о необходимости дальнейшей систематизации специального законодательства. Целью работы является комплексный анализ нормативной правовой основы деятельности сотрудников УИС, определение правового статуса и выявление проблем правового регулирования, снижающих эффективность служебной деятельности. Методологическую основу исследования составили формально-юридический, сравнительно-правовой и системно-структурный методы, позволившие проанализировать положения Федерального закона от 19.07.2018 № 197-ФЗ (в действующей редакции), нормативных правовых актов Минюста России и ФСИН России, а также материалы научных публикаций и правоприменительной практики. В работе охарактеризованы основные элементы правового статуса сотрудника УИС: права, обязанности, ограничения и запреты, требования к служебному поведению, дисциплинарная ответственность и социальные гарантии. Отдельное внимание уделено новеллам законодательства 2025 года: закреплению права сотрудника на психологическую помощь, отнесению внеслужебных контактов с подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными к грубым нарушениям служебной дисциплины, наделению ФСИН России полномочиями по утверждению кодекса этики и положения о наставничестве, а также уточнению порядка наложения и снятия дисциплинарных взысканий. По результатам исследования сделан вывод о том, что правовое регулирование деятельности сотрудников УИС развивается в направлении усиления антикоррупционных стандартов и детализации служебных правоотношений. Вместе с тем сохраняются проблемы фрагментарности нормативного контекста, недостаточной определенности отдельных ограничений и гарантий, а также коллизий в

правоприменении. Обосновывается необходимость дальнейшей систематизации законодательства о службе в УИС и повышения уровня правовой определенности в регулировании ограничений, запретов и социальных гарантий сотрудников.

Для цитирования в научных исследованиях

Новиков А.В. Правовые аспекты деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы: современное состояние и перспективы совершенствования // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 9А. С. 476-483. DOI: 10.34670/AR.2026.26.67.052

Ключевые слова

Уголовно-исполнительная система, сотрудник УИС, правовой статус, служебная дисциплина, ограничения и запреты, дисциплинарная ответственность, социальные гарантии, Федеральный закон № 197-ФЗ.

Введение

Деятельность сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации протекает в условиях повышенной правовой регламентации, обусловленной публично-правовым характером исполнения уголовных наказаний и необходимостью обеспечения баланса между государственным принуждением и соблюдением прав человека. Правовая основа этой деятельности исторически формировалась поэтапно: от ведомственных актов к кодифицированному регулированию, кульминировавшему в принятии Федерального закона от 19.07.2018 № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации». Указанный ФЗ впервые на законодательном уровне закрепил правовой статус сотрудника УИС, его права и обязанности, ограничения и запреты, связанные со службой, требования к служебному поведению, а также отдельные гарантии социальной защиты.

Однако динамика уголовно-исполнительной политики и накопленный правоприменительный опыт выявили потребность в дальнейшем совершенствовании законодательства. Ответом на эти потребности стало принятие Федерального закона от 07.07.2025 № 208-ФЗ, которым были конкретизированы права и обязанности сотрудников, закреплено право на психологическую помощь, ужесточены требования к служебному поведению и скорректирован порядок дисциплинарной ответственности [ФЗ № 208]. Указанные изменения актуализируют научное осмысление правовых аспектов деятельности сотрудников УИС и обусловливают необходимость выявления как достигнутых результатов, так и сохраняющихся проблем.

Целеполагание исследования – комплексный анализ правовых аспектов деятельности сотрудников УИС на современном этапе, включая характеристику нормативной правовой основы, структуры правового статуса и ключевых проблем правового регулирования. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

- во-первых, систематизируется нормативная база, регулирующая деятельность сотрудников УИС;
- во-вторых, раскрываются элементы правового статуса сотрудника;
- в-третьих, анализируются новеллы законодательства 2025 года и проблематика, сохраняющиеся в правовом регулировании.

Основное содержание

Нормативную правовую основу деятельности сотрудников УИС образует многоуровневая система НПА. Первенство из первоисточников то Конституция Российской Федерации, закрепляющая исходные начала государственной службы и ограничения прав и свобод, допустимые для отдельных категорий государственных служащих. Базовым специальным законом выступает Федеральный закон от 19.07.2018 № 197-ФЗ, который определяет службу в УИС как вид федеральной государственной службы, представляет собой профессиональную служебную деятельность граждан на должностях в учреждениях и органах УИС [Марченко, 2021]. Вышепоименованный закон устанавливает категории должностей, порядок возникновения и изменения правоотношений на службе, основания и порядок ее прохождения, а также закрепляет правовой статус сотрудника УИС.

Существенную роль играет Закон Российской Федерации от 21.07.1993 № 5473-I «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», который определяет задачи и компетенцию учреждений и органов УИС, а также общие положения об обязанностях и правах их сотрудников [Закон РФ № 5473-I]. Подзаконное регулирование осуществляется указами Президента Российской Федерации, постановлениями Правительства Российской Федерации, приказами Минюста России и ФСИН России. В частности, Приказ Минюста России от 05.08.2021 № 132 (в редакции от 22.12.2025) детализирует организацию прохождения службы, порядок назначения на должности, аттестации, присвоения специальных званий, привлечения к исполнению обязанностей сверх установленной продолжительности служебного времени и предоставления дополнительных дней отдыха [Приказ Минюста № 132]. Приказом ФСИН России от 24.10.2025 № 874 утвержден Кодекс этики и служебного поведения сотрудников УИС, что стало логическим продолжением законодательного наделения ФСИН России соответствующими полномочиями.

Таким образом, нормативная правовая база деятельности сотрудников УИС характеризуется сочетанием законодательного ядра и значительного объема НПА, что обеспечивает достаточную полноту регулирования, но одновременно порождает проблему систематизации и доступности правовых предписаний.

Правовой статус сотрудника УИС представляет собой сложную юридическую конструкцию, включающую несколько взаимосвязанных блоков. Первый блок образуют права и обязанности, которые подразделяются на общие, связанные с прохождением службы, и специальные, вытекающие из полномочий по исполнению уголовных наказаний. Федеральный закон № 197-ФЗ закрепляет широкий круг прав сотрудника, включая право на ознакомление с документами, определяющими его права и обязанности, на продвижение по службе, на оплату труда и социальные гарантии. Обязанности сотрудника включают соблюдение Конституции и законов, добросовестное исполнение служебных обязанностей, соблюдение ограничений и запретов, недопущение злоупотребления служебными полномочиями.

Второй блок составляют ограничения и запреты, связанные со службой в УИС. Их систематизация была предметом специального научного исследования, в котором обоснована необходимость многоуровневой классификации указанных ограничений по правовой природе, юридической силе, времени действия и категориям сотрудников УИС [Дадаева, 2026; Лещина, 2026]. Акцент законодателя на антикоррупционной политике приводит к постоянному увеличению объема нормативных предписаний в этой сфере, что, как отмечается в литературе, при отсутствии единой концепции порождает фрагментарность и внутренние противоречия, а в конечном счете – правовую неопределенность.

Третий блок – требования к служебному поведению и дисциплинарная ответственность. Федеральный закон № 197-ФЗ устанавливает, что за нарушение служебной дисциплины на сотрудника могут налагаться дисциплинарные взыскания в виде замечания, выговора, строгого выговора, предупреждения о неполном служебном соответствии, увольнения. Дисциплинарные взыскания налагаются прямыми руководителями в пределах предоставленных им прав, при этом установлены сроки давности привлечения к ответственности.

Четвертый блок образуют социальные гарантии, которые призваны компенсировать повышенные риски и нагрузки, сопряженные со службой в УИС. Служба в уголовно-исполнительной системе связана с рисками для жизни и здоровья сотрудников, значительными эмоциональными и физическими перегрузками, что обусловливает необходимость развитой системы социальной защиты. Вместе с тем практика реализации социальных гарантий выявляет проблемы, связанные с неопределенностью отдельных процедур и ограниченностью механизмов их получения.

Новеллы уголовно-исполнительного законодательства 2025 года и проблемы правового регулирования

Федеральный закон от 07.07.2025 № 208-ФЗ внес ряд существенных изменений в правовое положение сотрудников УИС.

Во-первых, на законодательном уровне закреплено право сотрудника на психологическую помощь, оказываемую сотрудниками психологических служб органов или учреждений УИС. Это отражает признание психологических нагрузок как фактора, требующего компенсации, и согласуется с международными стандартами обращения с персоналом пенитенциарных учреждений, которые подчеркивают важность отбора и поддержки сотрудников.

Во-вторых, грубым нарушением служебной дисциплины признано вступление сотрудника во внеслужебные отношения с подозреваемыми, обвиняемыми, осужденными, а также с руководителями (лидерами) или представителями преступных сообществ при осуществлении служебной деятельности либо в связи с ее осуществлением. Данная новелла усиливает антикоррупционную составляющую правового статуса и создает более определённые основания для дисциплинарной ответственности, однако ее применение потребует уточнения критериев разграничения допустимых и недопустимых контактов.

В-третьих, ФСИН России наделена полномочиями по утверждению кодекса этики и служебного поведения сотрудников, положения о наставничестве, порядка организации индивидуального обучения сотрудника, проходящего испытание, а также форм документов кадровой работы. Приказом ФСИН России от 24.10.2025 № 874 Кодекс этики уже утвержден, что переводит соответствующие требования в плоскость практического применения. Нарушения Кодекса этики могут стать основанием для привлечения сотрудника к дисциплинарной ответственности вплоть до увольнения.

В-четвертых, уточнены сроки снятия дисциплинарных взысканий, в том числе за коррупционные правонарушения, а также скорректированы основания и порядок прекращения или расторжения контракта. Установлен запрет на увольнение сотрудника в период временной нетрудоспособности, пребывания в отпуске или командировке, что усиливает гарантии правовой защищенности сотрудника.

Вместе с тем анализ показывает, что, несмотря на позитивные изменения, в правовом регулировании деятельности сотрудников УИС сохраняются системные проблемы. Одна из них – фрагментарность и накопительный характер нормативного контента, особенно в части ограничений и запретов, что затрудняет их единообразное применение. Другая проблема связана с необходимостью дальнейшей систематизации специального законодательства: в научной литературе обосновывается целесообразность принятия отдельного закона о

прохождении службы в УИС, поскольку бланкетное распространение на сотрудников УИС норм о службе в органах внутренних дел не учитывает специфику функций, целей и задач уголовно-исполнительной системы [Сенатова, 2019; Грушин, 2024].

Кроме того, сохраняются вопросы в сфере социальных гарантий. Конституционный Суд Российской Федерации обращал внимание на неопределенность правового регулирования предоставления отгулов сотрудникам УИС за работу в режиме усиления, отмечая, что законодатель может уточнить формы и сроки их предоставления. Проблемы реализации социальных гарантий требуют не только нормативных правовых, но и организационно-финансовых решений [https://www.rapsinews.ru].

Заключение

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие итоговые положения. Правовая основа деятельности сотрудников УИС представляет собой многоуровневую систему, ядром которой выступает Федеральный закон № 197-ФЗ, НПА обеспечивают детализацию служебных правоотношений. Правовой статус сотрудника УИС имеет сложную структуру, включающую права и обязанности, ограничения и запреты, требования к служебному поведению, дисциплинарную ответственность и социальные гарантии. Законодательные новеллы 2025 года усилили гарантии психологической защиты сотрудников, ужесточили ответственность за внеслужебные контакты с криминальным элементом и повысили уровень этической регламентации службы.

Вместе с тем правовое регулирование деятельности сотрудников УИС не лишено недостатков. По нашему частно-научному мнению к числу основных из них относятся фрагментарность нормативного правового регулирования в части ограничений и запретов, потребность в дальнейшей систематизации специального законодательства о службе, а также сохраняющаяся неопределенность в регулировании отдельных социальных гарантий. Указанные проблемы носят фрагментарный характер и требуют перманентного разрешения.

В заключение следует подчеркнуть, что совершенствование правовых аспектов деятельности сотрудников УИС должно осуществляться по двум взаимосвязанным направлениям. Первое – систематизация и кодификация законодательства о службе в УИС, предполагающая устранение внутренних противоречий и повышение доступности правовых предписаний. Второе – повышение правовой определенности в регулировании ограничений, запретов и социальных гарантий, что создаст условия для единообразного правоприменения и надлежащей защиты прав сотрудников. Реализация этих направлений будет способствовать укреплению законности в уголовно-исполнительной системе и повышению эффективности выполнения ее публичных задач.

Библиография

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Федеральный закон от 19.07.2018 № 197-ФЗ (ред. от 04.08.2026) «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации „Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы“».
3. Федеральный закон от 07.07.2025 № 208-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы».
4. Закон Российской Федерации от 21.07.1993 № 5473-I «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы».

5. Приказ Минюста России от 05.08.2021 № 132 (ред. от 22.12.2025) «Об организации прохождения службы в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации».
6. Приказ ФСИН России от 24.10.2025 № 874 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации».
7. Брыков, Д. А. Совершенствование системы нормативно-правового регулирования прохождения службы в уголовно-исполнительной системе / Д. А. Брыков, Н. В. Моторова // Ius Publicum et Privatum. – 2022. – № 2(17). – С. 152-159. – DOI 10.46741/2713-2811.2022.17.2.017.
8. Грушин, Ф. В. Закон об уголовно-исполнительной системе: обоснование необходимости принятия / Ф. В. Грушин // Административная деятельность правоохранительных органов Российской Федерации и зарубежных стран : сборник материалов V Всероссийской научно-практической конференции, посвященной празднованию 145-й годовщины уголовно-исполнительной системы Российской Федерации и 90-летию со дня образования Академии ФСИН России, Рязань, 18 апреля 2024 года. – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2024. – С. 40-42.
9. Дадаева М. И. Классификация и систематизация ограничений и запретов, связанных со службой в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации: теоретические и практические аспекты // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2026. № 7. С. 38–45.
10. Кремнева Г. В., Осипов А. П. Правовой статус сотрудников уголовно-исполнительной системы // Закон и право. 2021. № 8. С. 101–103.
11. Лещина, Э. Л. Сроки в производстве по дисциплинарным делам сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: теоретические и практические аспекты / Э. Л. Лещина // Пенитенциарная наука. – 2026. – Т. 20, № 2(74). – С. 190-198. – DOI 10.46741/2713-2811.2026.74.2.009.
12. Марченко, Д. Э. Особенности прохождения службы в уголовно-исполнительной системе в соответствии с федеральным законом № 197-ФЗ / Д. Э. Марченко, О. Д. Мкртчян // Вестник Самарского юридического института. – 2020. – № 1(37). – С. 140-144. – DOI 10.37523/SUI.2020.37.1.020.
13. Новиков А.В., Суслов Ю.Е., Федоров А.Ф. К вопросу самоконтроля сотрудников уголовно-исполнительной системы ФСИН России. Экспертное исследование // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 5-1. С. 251-260.
14. Прохождение службы в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации / В. Н. Закопырин, Ю. И. Панин, О. О. Григорьева, А. В. Зверев. – Рязань : Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2023. – 202 с. – ISBN 978-5-907568-88-4.
15. Сенатова Е. В. О необходимости принятия отдельного закона о прохождении службы в уголовно-исполнительной системе // Уголовно-исполнительное право. 2019. № 4. С. 397-401. URL: https://zhurnal-vektor.editorum.ru/ru/nauka/publications/article/6a9c144332807fdbab85c756/o-neobhodimosti-prinyatiya-otdel-nogo-zakona-o-prohozhdenii-sluzhby-v-ugolovno-ispolnitel-noy-sisteme/view.
16. Слабкая Д.Н., Новиков А.В. Психолого-педагогический подход к служебной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2020. Т. 9. № 4-1. С. 91-97. DOI: 10.34670/AR.2020.89.52.010
17. Совершенствование системы социальных гарантий сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Юридические науки.
18. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2025 г. о порядке предоставления отгулов сотрудникам УИС: https://www.rapsinews.ru/judicial_analyst/20250821/311095190.html#1

Legal Aspects of the Activity of Employees of the Penal Enforcement System: Current State and Prospects for Improvement

Aleksei V. Novikov

Doctor of Pedagogy, PhD in Law, Professor;
Member of the Russian Union of Journalists (Moscow regional branch);
Chief Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
Professor of the Department of Criminal Law and Law Enforcement, Astrakhan State University,
414056, 20-a, Tatishcheva str., Astrakhan, Russian Federation;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Abstract

The presented material examines the key legal aspects of the activity of employees of the penal enforcement system (hereinafter referred to as the PES) of the Russian Federation in the context of active reform of legislation on service. The relevance of the study is conditioned by the adoption of Federal Law No. 208-FZ of 07.07.2025, which significantly adjusted the legal status of PES employees, as well as by the ongoing discussion about the need for further systematization of special legislation. The aim of the work is a comprehensive analysis of the normative legal basis for the activity of PES employees, the determination of legal status, and the identification of problems of legal regulation that reduce the effectiveness of official activity. The methodological basis of the study was formed by the formal-legal, comparative-legal, and systemic-structural methods, which made it possible to analyze the provisions of Federal Law No. 197-FZ of 19.07.2018 (in its current version), the normative legal acts of the Ministry of Justice of Russia and the Federal Penitentiary Service of Russia, as well as materials of scientific publications and law enforcement practice. The work characterizes the main elements of the legal status of a PES employee: rights, duties, restrictions and prohibitions, requirements for official conduct, disciplinary liability, and social guarantees. Separate attention is paid to the novelties of the 2025 legislation: the consolidation of the employee's right to psychological assistance, the classification of non-official contacts with suspects, accused persons, and convicted persons as gross violations of official discipline, the granting to the Federal Penitentiary Service of Russia of powers to approve the code of ethics and the regulation on mentoring, as well as the clarification of the procedure for imposing and lifting disciplinary sanctions. Based on the results of the study, a conclusion is drawn that the legal regulation of the activity of PES employees is developing in the direction of strengthening anti-corruption standards and detailing official legal relations. At the same time, problems remain of the fragmentariness of the normative context, the insufficient certainty of certain restrictions and guarantees, as well as collisions in law enforcement. The necessity of further systematization of legislation on service in the PES and of raising the level of legal certainty in the regulation of restrictions, prohibitions, and social guarantees of employees is substantiated.

For citation

Novikov A.V. (2026) Pravovye aspekty deyatel'nosti sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noy sistemy: sovremennoe sostoyanie i perspektivy sovershenstvovaniya [Legal Aspects of the Activity of Employees of the Penal Enforcement System: Current State and Prospects for Improvement]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (9A), pp. 476-483. DOI: 10.34670/AR.2026.26.67.052

Keywords

Penal enforcement system, PES employee, legal status, official discipline, restrictions and prohibitions, disciplinary liability, social guarantees, Federal Law No. 197-FZ.

References

1. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniyem 12.12.1993, s izmeneniyami, odobrennymi v khode obshcherossiyskogo golosovaniya 01.07.2020).
2. Federal'nyy zakon ot 19.07.2018 № 197-FZ (red. ot 04.08.2026) «O sluzhbe v ugolovno-ispolnitel'noy sisteme Rossiyskoy Federatsii i o vnesenii izmeneniy v Zakon Rossiyskoy Federatsii „Ob uchrezhdeniyakh i organakh, ispolnyayushchikh ugolovnyye nakazaniya v vide lisheniya svobody“».

3. Federal'nyy zakon ot 07.07.2025 № 208-FZ "O vnesenii izmeneniy v Federal'nyy zakon "O sluzhbe v ugolovno-ispolnitel'noy sisteme Rossiyskoy Federatsii i o vnesenii izmeneniy v Zakon Rossiyskoy Federatsii «Ob uchrezhdeniyakh i organakh, ispolnyayushchikh ugolovnyye nakazaniya v vide lisheniya svobody».
4. Zakon Rossiyskoy Federatsii ot 21.07.1993 № 5473-I «Ob uchrezhdeniyakh i organakh, ispolnyayushchikh ugolovnyye nakazaniya v vide lisheniya svobody».
5. Prikaz Minyusta Rossii ot 05.08.2021 № 132 (red. ot 22.12.2025) «Ob organizatsii prokhozhdeniya sluzhby v ugolovno-ispolnitel'noy sisteme Rossiyskoy Federatsii».
6. Prikaz FSIN Rossii ot 24.10.2025 № 874 «Ob utverzhdenii Kodeksa etiki i sluzhebnogo povedeniya sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noy sistemy Rossiyskoy Federatsii».
7. Brykov, D. A. Sovershenstvovaniye sistemy normativno-pravovogo regulirovaniya prokhozhdeniya sluzhby v ugolovno-ispolnitel'noy sisteme / D. A. Brykov, N. V. Motorova // Ius Publicum et Privatum. – 2022. – № 2(17). – S. 152-159. – DOI 10.46741/2713-2811.2022.17.2.017.
8. Grushin, F. V. Zakon ob ugolovno-ispolnitel'noy sisteme: obosnovaniye neobkhodimosti prinyatiya / F. V. Grushin // Administrativnaya deyatel'nost' pravookhranitel'nykh organov Rossiyskoy Federatsii i zarubezhnykh stran : sbornik materialov V Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy prazdnovaniyu 145-y godovshchiny ugolovno-ispolnitel'noy sistemy Rossiyskoy Federatsii i 90-letiyu so dnya obrazovaniya Akademii FSIN Rossii, Ryazan', 18 aprelya 2024 goda. – Ryazan': Akademiya prava i upravleniya Federal'noy sluzhby ispolneniya nakazaniy, 2024. – S. 40-42.
9. Dadayeva M. I. Klassifikatsiya i sistematizatsiya ogranicheniy i zapretov, svyazannykh so sluzhboy v ugolovno-ispolnitel'noy sisteme Rossiyskoy Federatsii: teoreticheskiye i prakticheskiye aspekty // Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noy sistemy. 2026. № 7. S. 38–45.
10. Kremneva G. V., Osipov A. P. Pravovoy status sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noy sistemy // Zakon i pravo. 2021. № 8. S. 101–103.
11. Leshchina, E. L. Sroki v proizvodstve po distsiplinarnym delam sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noy sistemy Rossiyskoy Federatsii: teoreticheskiye i prakticheskiye aspekty / E. L. Leshchina // Penitentsiarnaya nauka. – 2026. – T. 20, № 2(74). – S. 190-198. – DOI 10.46741/2713-2811.2026.74.2.009.
12. Marchenko, D. E. Osobennosti prokhozhdeniya sluzhby v ugolovno-ispolnitel'noy sisteme v sootvetstvii s federal'nym zakonom № 197-FZ / D. E. Marchenko, O. D. Mkrtchyan // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. – 2020. – № 1(37). – S. 140-144. – DOI 10.37523/SUI.2020.37.1.020.
13. Novikov A.V., Suslov YU.Ye., Fedorov A.F. K voprosu samokontrolya sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noy sistemy FSIN Rossii. Ekspertnoye issledovaniye // Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava. 2018. Tom 8. № 5-1. S. 251-260.
14. Prokhozhdeniye sluzhby v ugolovno-ispolnitel'noy sisteme Rossiyskoy Federatsii / V. N. Zakopyrin, YU. I. Panin, O. O. Grigor'yeva, A. V. Zverev. – Ryazan' : Akademiya prava i upravleniya Federal'noy sluzhby ispolneniya nakazaniy, 2023. – 202 s. – ISBN 978-5-907568-88-4.
15. Senatova Ye. V. O neobkhodimosti prinyatiya otdel'nogo zakona o prokhozhdenii sluzhby v ugolovno-ispolnitel'noy sisteme // Ugolovno-ispolnitel'noye pravo. 2019. № 4. S. 397-401. URL: https://zhurnal-vektor.editorum.ru/ru/nauka/publications/article/6a9c144332807fdbab85c756/o-neobhodimosti-prinyatiya-otdel-nogo-zakona-o-prohozhdenii-sluzhby-v-ugolovno-ispolnitel-noy-sisteme/view.
16. Slabkaya D.N., Novikov A.V. Psikhologo-pedagogicheskiy podkhod k sluzhebnoy deyatel'nosti sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noy sistemy // Psikhologiya. Istoriko-kriticheskiye obzory i sovremennyye issledovaniya. 2020. T. 9. № 4-1. S. 91-97. DOI: 10.34670/AR.2020.89.52.010
17. Sovershenstvovaniye sistemy sotsial'nykh garantiy sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noy sistemy Rossiyskoy Federatsii // Yuridicheskiye nauki.
18. Postanovleniye Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 2025 g. o poryadke predostavleniya otgulov sotrudnikam UIS: https://www.rapsinews.ru/judicial_analyst/20250821/311095190.html#1

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 341.4:343.575 **DOI: 10.34670/AR.2026.93.61.054**

Институциональные основы регионального сотрудничества государств Центральной Азии по противодействию незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ как фактор обеспечения международной безопасности

Йованович Миляна

Аспирант,
Институт права и национальной безопасности,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
119571, Российская Федерация, Москва, просп. Вернадского, 82/ 1;
e-mail: myovanovitch@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу институциональных основ регионального сотрудничества государств Центральной Азии по противодействию незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ. Цель исследования — определить, каким образом универсальные международно-правовые обязательства, закрепленные в Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г. и Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г., получают практическое выражение в деятельности региональных механизмов. Использованы формально-юридический и сравнительно-правовой методы, а также анализ документов международных организаций и данных Управления ООН по наркотикам и преступности. Рассмотрены деятельность Центральноазиатского регионального информационного и координационного центра, координационные механизмы Организации Договора о коллективной безопасности, включая операцию «Канал» и Антинаркотическую стратегию на 2026–2030 годы, а также антинаркотические форматы Шанхайской организации сотрудничества. Сделан вывод о том, что указанные механизмы образуют разные уровни регионального сотрудничества — информационно-аналитический, оперативный и стратегический, а определяющее значение для обеспечения международной безопасности имеет не количество международных структур, а качество их институционального устройства с учетом трансформации афганской наркоугрозы и роста значения синтетических наркотических средств.

Для цитирования в научных исследованиях

Йованович М. Институциональные основы регионального сотрудничества государств Центральной Азии по противодействию незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ как фактор обеспечения международной безопасности // // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 9А. С. 484-493. DOI: 10.34670/AR.2026.93.61.054

Ключевые слова

Незаконный оборот наркотических средств, психотропные вещества, Центральная Азия, международное сотрудничество, институциональные механизмы, ЦАРИКЦ, ОДКБ, ШОС, международная безопасность, региональная безопасность, транснациональная преступность.

Введение

Незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ в Центральной Азии представляет собой не только сферу уголовно-правового реагирования отдельных государств, но и устойчивую транснациональную угрозу, затрагивающую региональную и международную безопасность. Это обусловлено тем, что маршруты незаконного перемещения наркотических средств и психотропных веществ проходят через территории нескольких государств и не могут эффективно пресекаться исключительно мерами внутреннего характера. Незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ связан с деятельностью организованных преступных структур, использующих различия национальных правовых режимов, уязвимость пограничной инфраструктуры и недостаточную согласованность действий компетентных органов. Существенное влияние на ситуацию в регионе продолжает оказывать и афганский фактор, сохраняющий значение внешнего источника наркоугрозы для Центральной Азии [Матвеенко, 2018, с. 23–24; Пулатов, 2020, с. 108–109].

Вместе с тем данные Управления Организации Объединённых Наций по наркотикам и преступности (далее — УНП ООН) показывают, что афганский фактор в настоящее время требует более дифференцированной оценки. Согласно Всемирному докладу о наркотиках за 2025 год, производство опия и героина в Афганистане остается на самом низком уровне с 2001 года. При этом масштабы незаконного культивирования опийного мака и производства опия в период между 2023 и 2024 гг. практически не изменились, однако по отношению к уровню 2022 года они по-прежнему оставались резко сниженными. По оценке УНП ООН, объем производства опия в Афганистане в 2024 году составил 433 тонны, что существенно ниже докризисных показателей, тогда как цена высушенного опия достигла примерно 750 долларов США за килограмм. Эти данные не позволяют говорить об исчезновении внешней наркоугрозы для Центральной Азии, но свидетельствуют о заметной трансформации ее параметров и, следовательно, о необходимости учитывать изменившуюся структуру предложения при оценке региональных механизмов сотрудничества [Всемирный доклад о наркотиках за 2025 год, с. 19].

По этой причине в научном плане особый интерес представляет не только договорная основа сотрудничества государств, но и те институциональные механизмы, посредством которых международно-правовые обязательства приобретают практическое выражение. Речь идет о круге уполномоченных субъектов, распределении их функций, уровнях координации, каналах обмена информацией, а также о наличии постоянно действующих форм взаимодействия, позволяющих поддерживать сотрудничество не эпизодически, а на регулярной основе. Именно в этой плоскости становится возможным оценить, насколько региональное антинаркотическое сотрудничество действительно способно выполнять функцию одного из направлений обеспечения международной безопасности [Пулатов, 2020, с. 109].

В этом смысле институциональное измерение позволяет перейти от общей характеристики международно-правовых обязательств к анализу того, как они реализуются в деятельности

конкретных органов и координационных форматов. Договорная основа задает правовые рамки сотрудничества, однако ее значение раскрывается только тогда, когда она получает продолжение в организационной практике государств. Поэтому дальнейший анализ должен учитывать не только содержание международных обязательств, но и то, насколько между компетентными органами выстроены рабочие каналы взаимодействия и чётко разграничены функции. В связи с этим применительно к рассматриваемой теме важно исходить из того, что предмет исследования образуют не только специальные структуры как таковые, но и сама степень институционализации сотрудничества, позволяющая перевести межгосударственные договоренности в практику повседневной координации.

Содержательно такие механизмы следует оценивать через то, насколько они позволяют соединить правовые обязательства государств с постоянной работой компетентных органов на региональном уровне. Поэтому значение имеет не формальное наличие нескольких организаций, а их способность реально поддерживать согласованность действий государств при реагировании на транснациональную наркоугрозу. Такой подход позволяет рассматривать институциональные механизмы не как перечень организаций, а как практический способ обеспечения безопасности в условиях изменения наркоугрозы.

Основная часть

Общая международно-правовая рамка такого взаимодействия определяется целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций (далее — ООН) [Устав Организации Объединенных Наций, 1945], ориентирующими государства на поддержание международного мира и безопасности и развитие сотрудничества в решении международных проблем. Специальную универсальную основу составляют Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года [Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, 1988] и Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2000 года [Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности, 2000]. Однако универсальная договорная база задает только общий правовой уровень сотрудничества и нуждается в региональных формах практического применения.

Наиболее наглядно эта логика проявляется в деятельности Центральноазиатского регионального информационного и координационного центра по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров (далее — ЦАРИКЦ). ЦАРИКЦ занимает особое место среди региональных форматов, поскольку его деятельность связана не с общим политическим обсуждением проблемы, а с практической поддержкой антинаркотического взаимодействия государств. Через ЦАРИКЦ обеспечивается обмен сведениями по незаконному обороту наркотических средств и связанным с ним направлениям транснациональной преступности, включая отмывание денежных средств и терроризм [Даминова, 2020, с. 40–41], а также поддерживается взаимодействие с внешними партнерами, участвующими в правоохранительном и аналитическом сопровождении антинаркотической деятельности. В этом проявляется его практическое значение для региона: центр связывает национальные компетентные органы и делает обмен информацией частью устойчивого рабочего процесса. Для Центральной Азии такое значение усиливается тем, что противодействие незаконному обороту наркотических средств требует не только реакции на отдельные факты перемещения наркотических средств, но и постоянного анализа маршрутов,

способов сокрытия, изменения логистики и состава вовлеченных субъектов.

Рассмотрение деятельности ЦАРИКЦ позволяет перейти от общей характеристики центра к тем функциям, которые имеют значение для регионального сотрудничества. Через эту платформу обмен сведениями дополняется аналитической обработкой информации, сопровождением региональных операций и поддержанием рабочих контактов между уполномоченными органами. Для темы настоящей статьи это важно потому, что в данном случае речь идет о механизме, который не ограничивается рамками узкого межгосударственного канала связи, а встроен в более широкую сеть правоохранительного сотрудничества.

Кроме того, ЦАРИКЦ важен как формат, который выводит сотрудничество за пределы только двустороннего обмена между отдельными государствами. В таких условиях взаимодействие получает более устойчивую основу, чем при разрозненных межведомственных контактах, зависящих от конкретной ситуации. Специализированная структура позволяет накапливать и обрабатывать информацию, согласовывать совместные меры и сохранять рабочую связь между государствами региона не только в период отдельных операций. Следовательно, в рассматриваемой сфере международно-правовое обязательство сотрудничать получает практическую форму именно через институциональное оформление координации [Agreement on the Establishment of the Central Asian Regional Information and Coordination Centre, 2024].

Дополнительное значение для оценки устойчивости регионального сотрудничества имеет то обстоятельство, что сокращение текущего производства в Афганистане не означает автоматического прекращения внешнего давления на соседние государства. Отмечается, что запасы опия, накопленные в Афганистане до начала сезона сбора урожая 2023 года, оценивались в 13 200 тонн, и этого количества, по оценке УНП ООН, достаточно для удовлетворения спроса на афганские опиаты до конца 2026 года. Эти данные показывают, что снижение текущего производства не устраняет потребность государств региона в согласованных действиях и постоянном наблюдении за изменением наркоситуации. В этом смысле институциональные механизмы сотрудничества сохраняют значение не только в условиях роста незаконного предложения, но и в период его структурной перестройки [Всемирный доклад о наркотиках за 2025 год, с. 19].

Другим значимым направлением регионального взаимодействия выступает сотрудничество в рамках Организации Договора о коллективной безопасности (далее — ОДКБ). Хотя ОДКБ традиционно воспринимается прежде всего как структура коллективной безопасности, для Центральной Азии ее деятельность имеет значение и в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств. Одной из основных целей ОДКБ является укрепление мира, международной и региональной безопасности и стабильности. При этом к числу угроз, на противодействие которым ориентирована организация, прямо относятся незаконный оборот наркотических средств и трансграничная организованная преступность [Пулатов, 2020, с. 110].

В рамках ОДКБ сформированы не только общие нормативные установки, но и специальные координационные механизмы. В литературе отмечается, что отдельным документом Совета коллективной безопасности было принято решение о координации деятельности в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, которое стало основой для разработки плана мероприятий по борьбе с внешней наркоугрозой. Практическим выражением такого подхода стала операция «Канал», в рамках которой был создан Международный координационный штаб с участием представителей компетентных органов государств — членов организации,

национальных и региональных межведомственных штабов и оперативных групп соответствующих ведомств [Даминова, 2020, с. 42]. Для рассматриваемой темы этот пример показателен тем, что позволяет увидеть, как общая компетенция международной организации переходит в конкретный порядок совместной работы уполномоченных органов.

В рамках ОДКБ институциональный механизм заслуживает внимания еще и потому, что он сочетает несколько уровней координации, различающихся по своей юридической и практической функции. С одной стороны, ОДКБ задает общую политико-правовую рамку реагирования на транснациональные угрозы, включая незаконный оборот наркотических средств. С другой стороны, в ее пределах формируются рабочие механизмы, через которые компетентные органы переходят от общих установок к согласованным действиям. В этом отношении операция «Канал» важна не только как совокупность практических мероприятий, но и как пример закрепления постоянного порядка взаимодействия между компетентными органами.

Операция «Канал» проводится с 2003 г., с 2004 г. — ежегодно в два этапа, а решением глав государств — членов ОДКБ от 5 сентября 2008 г. ей придан статус региональной антинаркотической операции постоянного действия. Ее практический формат — субрегиональные этапы с собственными названиями. Так, в ходе операции «Канал — Западная Двина» (22–26 сентября 2025 г.) в государствах-участниках изъято около 5,7 т наркотических средств и психотропных веществ, выявлено 524 преступления в сфере их незаконного оборота, ликвидированы две нарколаборатории, задержано 310 человек, из них 99 находившихся в розыске; в сети «Интернет» выявлено 460 сайтов, распространявших запрещенный контент, а финансовые подразделения приостановили операции в отношении 65 лиц [Проведена международная субрегиональная антинаркотическая операция «Канал-Западная Двина», 2026]. Эти результаты показывают, что взаимодействие государств в рамках ОДКБ приобрело процедурно организованный характер и не зависит от разовых политических решений.

Важным является и то обстоятельство, что институциональное измерение сотрудничества в рамках ОДКБ не исчерпывается проведением операций. Существенное значение имеет деятельность Координационного совета руководителей компетентных органов по противодействию незаконному обороту наркотиков государств — членов ОДКБ, который координирует подготовку и проведение операции «Канал» [Алексеева, Алисиевич, Филатова, 2025, с. 64–65], а также работа по выработке согласованных подходов государств-членов на международных площадках. Это показывает, что механизм ОДКБ действует не только на оперативном уровне, но и на уровне согласования более общих подходов государств-членов в антинаркотической сфере. Именно такая связка между оперативным и нормативным уровнями позволяет рассматривать соответствующие институты как часть более широкой системы обеспечения безопасности.

Программную основу антинаркотического сотрудничества в рамках ОДКБ составляет Антинаркотическая стратегия государств — членов ОДКБ на 2026–2030 годы, решение об утверждении которой принято Советом коллективной безопасности на саммите в Бишкеке 27 ноября 2025 г. [Антинаркотическая стратегия государств — членов Организации Договора о коллективной безопасности на 2026–2030 годы, 2025]. Она сменила стратегию на 2021–2025 годы, определяет приоритеты совместной работы государств-членов и задает программную рамку, в которой реализуются рассмотренные операционные и координационные механизмы. В доктрине обоснованно отмечалось, что предыдущая стратегия на 2021–2025 годы не содержала индикаторов наркоситуации, что не позволяло оценить степень достижения поставленных

целей; в связи с этим предлагалось закрепить в новом документе конкретные количественные показатели, в том числе число зарегистрированных преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ и объемы их изъятий [Алексеева, Алисиевич, Филатова, 2025, с. 75].

Если рассматривать механизм ОДКБ в более широком контексте, становится очевидным, что его значение для Центральной Азии определяется не только антинаркотической составляющей в узком смысле. Незаконный оборот наркотических средств в регионе существует не изолированно, а в более широкой системе транснациональных угроз, включающей терроризм, трансграничную преступность, незаконный оборот оружия и нестабильность на прилегающих территориях. Поэтому для анализа важна не только антинаркотическая функция ОДКБ, но и то, что она рассматривает наркооборот в связи с другими угрозами региональной безопасности. В этом состоит одно из отличий рассматриваемой организации от специализированных антинаркотических структур. Если ЦАРИКЦ сосредоточен на информационно-координационном сопровождении антинаркотического взаимодействия, то ОДКБ рассматривает эту сферу как часть общей повестки региональной безопасности. Поэтому ее механизм шире по охвату, но теснее связан с общим политико-правовым контекстом деятельности организации.

Сходный подход прослеживается и в рамках Шанхайской организации сотрудничества (далее — ШОС). Значение ШОС для рассматриваемой темы состоит не только в том, что она объединяет государства, непосредственно затронутые региональной наркоугрозой, но и в том, что в ее рамках создана договорно-правовая база и организационные формы взаимодействия в сфере безопасности. Государствам — членам ШОС удалось создать обширную договорно-правовую базу и эффективные механизмы взаимодействия, а особенно успешным следует признать опыт практической работы организации в сфере противодействия терроризму, экстремизму и наркотрафику [Малышева, 2020, с. 25]. Для антинаркотического сотрудничества особое значение имеет Антинаркотическая стратегия государств — членов ШОС на 2024–2029 годы и Программа действий по ее выполнению, утвержденные Решением Совета глав государств — членов ШОС от 4 июля 2024 года № 7. Эти документы закрепляют современную программную рамку взаимодействия государств-членов и позволяют рассматривать ШОС не только как площадку политического согласования, но и как формат последовательной координации компетентных органов в антинаркотической сфере [Решение Совета глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества, 2024].

При анализе роли ШОС в региональном антинаркотическом сотрудничестве следует учитывать, что ее институциональная модель отличается от тех форматов, которые представлены ЦАРИКЦ и ОДКБ. Для ШОС более характерна опора на стратегические документы, программное регулирование и экспертно-политические форматы, через которые согласуются общие направления антинаркотической политики. Поэтому Антинаркотическая стратегия ШОС на 2024–2029 годы, как и аналогичный документ ОДКБ, должна рассматриваться не как изолированный программный акт, а как продолжение линии сотрудничества, в рамках которой государства-члены заранее определяют основные направления совместной работы. В новой стратегии это проявляется не только в общем закреплении согласованных подходов, но и в более конкретном обозначении современных направлений взаимодействия: противодействии наркоугрозе, исходящей с территории Афганистана, борьбе с использованием информационных и коммуникационных технологий, Даркнета и цифровой валюты в наркопреступлениях, а также реагировании на распространение

синтетических наркотических средств и новых психоактивных веществ. Отдельного внимания заслуживает то, что в числе задач Стратегии на 2024–2029 годы предусмотрено дальнейшее повышение эффективности механизмов взаимодействия государств-членов ШОС, в том числе путем учреждения постоянно действующего Антинаркотического центра ШОС в Душанбе. Для рассматриваемой темы это положение имеет самостоятельное значение, поскольку показывает движение ШОС от программного согласования антинаркотической политики к более оформленному институциональному механизму сотрудничества [Решение Совета глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества, 2024].

При этом институциональная ценность ШОС для Центральной Азии заключается не только в наличии специальных документов, но и в том, что сотрудничество развивается в многоуровневом формате. Оно включает встречи руководителей компетентных органов, экспертные механизмы, согласование подходов по снижению спроса на наркотики, противодействию незаконному предложению и совершенствованию правовой базы сотрудничества [Малышева, 2020, с. 28]. Таким образом, в рамках ШОС антинаркотическое взаимодействие получает не только нормативное, но и организационное выражение, поскольку включает программные документы, экспертные механизмы и регулярные контакты компетентных органов.

Новые данные УНП ООН позволяют дополнительно уточнить и предмет координации в рамках таких механизмов. Объемы изъятий героина во всем мире с момента вступления в силу запрета на наркотики в Афганистане сократились почти на 50 процентов по сравнению с уровнем 2021 года, тогда как цены на героин в Афганистане и некоторых соседних странах выросли втрое. Эти показатели не следует понимать как следствие сокращения производства именно между 2023 и 2024 годами: в этот период производство опия оставалось примерно на одном уровне, но сохранялось резко сниженным по сравнению с 2022 годом. Поэтому более корректно говорить не о полном исчезновении предложения или прямом дефиците, а об изменении рыночных условий, снижении доступности нового сырья и сохранении значения ранее накопленных запасов. Одновременно УНП ООН фиксирует усиление обеспокоенности в связи с возможным переключением отдельных сегментов рынка на синтетические опиоиды, включая нитазены. Для Центральной Азии это означает, что региональное сотрудничество должно учитывать не только традиционный опиатный трафик, но и возможное изменение структуры незаконного предложения. Следовательно, вопрос о координации в антинаркотической сфере должен рассматриваться не как статичный, а как непосредственно связанный с изменением самих параметров наркоугрозы [Всемирный доклад о наркотиках за 2025 год, с. 21].

Сопоставление ЦАРИКЦ, ОДКБ и ШОС позволяет точнее определить, в чем состоит специфика институциональных механизмов регионального антинаркотического сотрудничества в Центральной Азии. Эти механизмы нельзя сводить к единой организационной модели, поскольку каждый из них выполняет собственную функцию в общей системе взаимодействия. ЦАРИКЦ ориентирован прежде всего на информационно-аналитическую координацию и обеспечивает постоянную связанность компетентных органов. ОДКБ, напротив, придает сотрудничеству более выраженное оперативное и организационно-управленческое измерение, позволяя выстраивать согласованные действия государств в рамках общей повестки безопасности. ШОС, в свою очередь, формирует стратегическую и программную среду координации, в которой антинаркотическая проблематика включается в более широкий контекст региональной стабильности и совместного реагирования на транснациональные угрозы.

Рассматривая названные механизмы в совокупности, можно сделать вывод, что для Центральной Азии определяющее значение имеет не столько наличие большого числа международных структур, сколько качество их институционального устройства. Если между участниками сотрудничества не выстроены понятные функции, устойчивые каналы связи и рабочие процедуры согласования действий, то договорная база остается недостаточно подкрепленной организационной практикой. Напротив, наличие специализированных координационных звеньев позволяет придать сотрудничеству практическую направленность и связать его с задачами региональной безопасности.

Заключение

В этом состоит основное значение институциональных механизмов регионального антинаркотического сотрудничества для международной безопасности. Их роль заключается в том, чтобы обеспечить применение универсальных международно-правовых обязательств с учетом конкретных условий Центральной Азии. Для Центральной Азии это особенно важно, поскольку транснациональная наркоугроза имеет здесь длительный, устойчивый и внешне обусловленный характер. Поэтому поддержание безопасности в регионе связано не только с признанием опасности незаконного оборота наркотических средств, но и с наличием таких форм взаимодействия, которые позволяют государствам согласованно действовать в рамках своих компетенций.

Таким образом, институциональные механизмы регионального сотрудничества государств Центральной Азии по противодействию незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ следует рассматривать как практически значимое направление обеспечения международной безопасности. Их значение проявляется в том, что они позволяют связать универсальные и региональные международно-правовые обязательства с конкретной практикой межгосударственного взаимодействия. В этом смысле ЦАРИКЦ, координационные механизмы ОДКБ и антинаркотические форматы ШОС образуют разные уровни регионального сотрудничества, через которые договорные положения получают практическое продолжение.

Библиография

1. Алексеева М. М., Алисиевич Е. С., Филатова В. В. Основные направления совершенствования правовых и институциональных механизмов сотрудничества государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности в сфере противодействия преступности в условиях санкционных ограничений и действий недружественных государств : монография. М. : РУСАЙНС, 2025. 152 с.
2. Антинаркотическая стратегия государств — членов Организации Договора о коллективной безопасности на 2026–2030 годы [Электронный ресурс] // Координационный совет руководителей компетентных органов по противодействию незаконному обороту наркотиков ОДКБ : сайт. 15.12.2025. URL: https://ksopn.odkb-csto.org/news/antinarkoticheskaya-strategiya-gosudarstv-chlenov-organizatsii-dogovora-o-kollektivnoy-bezopasnosti-/
3. Даминова Н. Н. Проблемы в области борьбы с незаконным оборотом наркотических средств в Центральной Азии и пути их решения // Вестник Дипломатической академии Министерства иностранных дел Кыргызской Республики имени Казы Дикамбаева. 2020. № 13. С. 38–49.
4. Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ от 20 декабря 1988 г. [Электронный ресурс] // United Nations Office on Drugs and Crime : официальный сайт. URL: https://www.unodc.org/documents/middleeastandnorthafrica/conventions-drug-control/1988_Convention.pdf
5. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. [Электронный ресурс] // United Nations Office on Drugs and Crime : официальный сайт. URL: https://www.unodc.org/unodc/en/organized-crime/intro/UNTOC.html
6. Малышева Д. Шанхайская организация сотрудничества и проблемы безопасности в Азии // Проблемы евразийской интеграции. 2020. № 4. С. 25–36.

7. Матвеенко Л. С. Проблема наркотрафика в Центральной Азии на современном этапе // The Newman in Foreign Policy. 2018. № 42 (86). С. 23–26.
8. Проведена международная субрегиональная антинаркотическая операция «Канал-Западная Двина» [Электронный ресурс] // Организация Договора о коллективной безопасности : официальный сайт. URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/provedena-mezhdunarodnaya-subregionalnaya-antinarkoticheskaya-operatsiya-kanal-zapadnaya-dvina/
9. Пулатов А. С. Международно-правовые механизмы обеспечения региональной безопасности в Центральной Азии // Юридический вестник. 2020. № 4 (4). С. 108–114.
10. Решение Совета глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества от 4 июля 2024 г. № 7 «Об утверждении Антинаркотической стратегии государств — членов Шанхайской организации сотрудничества на 2024–2029 годы и Программы действий по ее выполнению» [Электронный ресурс] // Шанхайская организация сотрудничества : официальный сайт. URL: https://rus.sectsco.org/20240704/1599045.html
11. УНП ООН. Всемирный доклад о наркотиках за 2025 год. Основные выводы [Электронный ресурс]. Нью-Йорк : Организация Объединенных Наций, 2025. URL: https://www.unodc.org/unodc/en/data-and-analysis/world-drug-report-2025.html
12. Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 г. [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций : официальный сайт. URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text
13. Agreement on the Establishment of the Central Asian Regional Information and Coordination Centre for Combating Illicit Trafficking of Narcotic Drugs, Psychotropic Substances and Their Precursors [Electronic resource] // CARICC : official website. URL: https://www.caricc.org/en/legal/agreement/

Institutional Foundations of Regional Cooperation of Central Asian States in Countering the Illegal Trafficking of Narcotic Drugs and Psychotropic Substances as a Factor in Ensuring International Security

Milyana Yovanovich

Postgraduate Student,
Institute of Law and National Security,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
119571, 82/1, Vernadskogo ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: myovanovitch@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of the institutional foundations of regional cooperation of Central Asian states in countering the illegal trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances. The aim of the study is to determine how the universal international legal obligations enshrined in the 1988 UN Convention against Illicit Traffic in Narcotic Drugs and Psychotropic Substances and the 2000 UN Convention against Transnational Organized Crime find practical expression in the activity of regional mechanisms. The formal-legal and comparative-legal methods were used, as well as an analysis of documents of international organizations and data of the UN Office on Drugs and Crime. The activity of the Central Asian Regional Information and Coordination Centre, the coordination mechanisms of the Collective Security Treaty Organization, including Operation "Kanal" and the Anti-Drug Strategy for 2026–2030, as well as the anti-drug formats of the Shanghai Cooperation Organization, are considered. It is concluded that these mechanisms form different levels of regional cooperation — information-analytical, operational, and strategic — and that what is decisive for ensuring international security is not the number of international structures but the quality of their institutional arrangement, taking into account the transformation of the Afghan drug threat and the growing importance of synthetic narcotic drugs.

For citation

Yovanovich M. (2026) Institutsional'nye osnovy regional'nogo sotrudnichestva gosudarstv Tsentral'noy Azii po protivodeystviyu nezakonnomu oborotu narkoticheskikh sredstv i psikhotropnykh veshchestv kak faktor obespecheniya mezhdunarodnoy bezopasnosti [Institutional Foundations of Regional Cooperation of Central Asian States in Countering the Illegal Trafficking of Narcotic Drugs and Psychotropic Substances as a Factor in Ensuring International Security]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (9A), pp. 484-493. DOI: 10.34670/AR.2026.93.61.054

Keywords

Illegal trafficking of narcotic drugs, psychotropic substances, Central Asia, international cooperation, institutional mechanisms, CARICC, CSTO, SCO, international security, regional security, transnational crime.

References

1. Alekseeva, M. M., Alisievich, E. S., & Filatova, V. V. (2025). *Main directions for improving the legal and institutional mechanisms of cooperation of the Collective Security Treaty Organization member states in countering crime under sanctions restrictions and actions of unfriendly states: monograph*. RUSAINS. [In Russian]
2. Anti-Drug Strategy of the Member States of the Collective Security Treaty Organization for 2026–2030. (2025). Coordinating Council of Heads of Competent Authorities for Countering Illicit Drug Trafficking of the CSTO. https://ksopn.odkb-csto.org/news/antinarkoticheskaya-strategiya-gosudarstv-chlenov-organizatsii-dogovora-o-kollektivnoy-bezopasnosti- [In Russian]
3. Charter of the United Nations of 26 June 1945. (1945). United Nations. https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text [In Russian]
4. Daminova, N. N. (2020). Problems in combating illicit trafficking in narcotic drugs in Central Asia and ways to solve them. *Bulletin of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic named after Kazy Dikambaev*, (13), 38–49. [In Russian]
5. Decision of the Council of Heads of State of the Shanghai Cooperation Organisation Member States of 4 July 2024 No. 7 "On approval of the Anti-Drug Strategy of the Shanghai Cooperation Organisation Member States for 2024–2029 and the Programme of Action for its implementation". (2024). Shanghai Cooperation Organisation. https://rus.sectsco.org/20240704/1599045.html [In Russian]
6. International subregional anti-drug operation "Channel – Western Dvina" conducted. (2026) Collective Security Treaty Organization. https://odkb-csto.org/news/news_odkb/provedena-mezhdunarodnaya-subregionalnaya-antinarkoticheskaya-operatsiya-kanal-zapadnaya-dvina/ [In Russian]
7. Malysheva, D. (2020). The Shanghai Cooperation Organisation and security problems in Asia. *Problems of Eurasian Integration*, (4), 25–36. [In Russian]
8. Matveenko, L. S. (2018). The problem of drug trafficking in Central Asia at the present stage. *The Newman in Foreign Policy*, (42), 23–26. [In Russian]
9. Pulatov, A. S. (2020). International legal mechanisms for ensuring regional security in Central Asia. *Legal Bulletin*, (4), 108–114. [In Russian]
10. UNODC. (2025). *World Drug Report 2025. Key findings*. United Nations. https://www.unodc.org/unodc/en/data-and-analysis/world-drug-report-2025.html [In Russian]
11. United Nations Convention against Illicit Traffic in Narcotic Drugs and Psychotropic Substances of 20 December 1988. (1988). United Nations Office on Drugs and Crime. https://www.unodc.org/documents/middleeastandnorthafrica/conventions-drug-control/1988_Convention.pdf [In Russian]
12. United Nations Convention against Transnational Organized Crime of 15 November 2000. (2000). United Nations Office on Drugs and Crime. https://www.unodc.org/unodc/en/organized-crime/intro/UNTOC.html [In Russian]
13. Agreement on the Establishment of the Central Asian Regional Information and Coordination Centre for Combating Illicit Trafficking of Narcotic Drugs, Psychotropic Substances and Their Precursors. (2024). CARICC. https://www.caricc.org/en/legal/agreement/

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 341.67 **DOI: 10.34670/AR.2026.75.20.055**

Ограничение вооружений после ДСНВ: контуры новой договорно-правовой парадигмы

Скаридов Александр Станиславович

Доктор юридических наук, кандидат военных наук, профессор,
заведующий кафедрой международного и морского права,
Государственный университет морского
и речного флота им. адмирала С.О. Макарова,
198035, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Двинская, д. 5/7;
e-mail: Skaridovas@gumrf.ru

Аннотация

Статья посвящена договорно-правовому содержанию режима ограничения вооружений после истечения 5 февраля 2026 года срока действия ДСНВ. Показано, что двусторонняя модель, основанная на паритете, численных квотах и инспекциях, исчерпала себя: расширился круг обладателей стратегического потенциала, стратегический эффект создают неядерные средства, а объектом дестабилизации стали системы управления и предупреждения. Обосновывается переход от подсчёта носителей к управлению взаимными уязвимостями. Предложена модель рамочного многостороннего договора о стратегической стабильности с тематическими протоколами и дифференцированными обязательствами, включающая запрет воздействия на системы управления ядерными силами, сохранение человеческого контроля над применением ядерного оружия, неразмещение оружия в космосе, многоуровневую проверку и градуированную ответственность.

Для цитирования в научных исследованиях

Скаридов А.С. Ограничение вооружений после ДСНВ: контуры новой договорно-правовой парадигмы // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 9А. С. 494-503. DOI: 10.34670/AR.2026.75.20.055

Ключевые слова

Контроль над вооружениями, ДСНВ, стратегическая стабильность, международный договор, многосторонность, противоракетная оборона, космос, искусственный интеллект, автономные системы вооружений, международно-правовая ответственность, управление рисками, государственная политика.

Введение

5 февраля 2026 года истёк срок действия Договора между Российской Федерацией и Соединёнными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (ДСНВ), подписанного в Праге 8 апреля 2010 года. Впервые с 1972 года стратегические ядерные силы двух крупнейших ядерных держав не связаны никакими юридически обязательными ограничениями [Cost constraints…, 2026]. Предложение Российской Федерации, сформулированное в сентябре 2025 года, продолжать в течение года после истечения срока Договора соблюдать его центральные количественные ограничения при условии взаимности формального ответа не получило [The End of New START…, 2026]. Тем самым завершился цикл договорного контроля над вооружениями, начатый переговорами ОСВ-1 в 1969 году [Sokov, 2026].

Прекращение ДСНВ — не причина, а итог. Договор о противоракетной обороне 1972 года прекратил действие в 2002 году, Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД) — в 2019 году, Договор по открытому небу утратил участие обеих держав к 2021 году, а в августе 2025 года Российская Федерация отказалась от одностороннего моратория на размещение ракет средней и меньшей дальности, сославшись на практическую подготовку к развёртыванию соответствующих американских систем в Европе и Азиатско-Тихоокеанском регионе [Russia Cancels…, 2025]. Одиннадцатая конференция по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия (27 апреля — 22 мая 2026 года) в третий раз подряд завершилась без согласованного итогового документа [Review Conference Ends…, 2026]. Механическое восстановление прежней архитектуры в этих условиях невозможно, и вопрос о правовой форме будущих договорённостей переходит из области прогнозов в область практической юридической конструкции.

Настоящая работа исходит из того, что центр тяжести проблемы лежит не в организационных и не только в военно-технических мерах, а в содержании будущих международных обязательств. Отсюда задачи исследования: выявить причины исчерпания традиционной модели; определить элементы новой парадигмы — многосторонность, технологическую многовекторность, регулирование применения искусственного интеллекта и управление уязвимостями; предложить каркас договорно-правового режима, включающий характер договора, обязательства сторон, порядок контроля и ответственность.

Основная часть

Классическая модель контроля над вооружениями, теоретически оформленная в начале 1960-х годов [Schelling, Halperin, 1961; Bull, 1961], покоилась на трёх опорах. Первой был двусторонний паритет: договор заключался между двумя государствами, обладавшими подавляющей долей мирового ядерного потенциала, и закреплял их равенство. Второй — численные квоты: объектом ограничения выступали поддающиеся подсчёту носители, пусковые установки и боезаряды, а равенство выражалось арифметически. Третьей — проверка, сочетавшая национальные технические средства, обмен данными, уведомления и инспекции на местах. ДСНВ был наиболее совершенным воплощением этой модели: 1550 развёрнутых боезарядов, 700 развёрнутых носителей и 800 развёрнутых и неразвёрнутых пусковых установок, дополненные развитой системой уведомлений и краткосрочных инспекций.

Каждая из опор утратила несущую способность. Паритет двух держав перестал описывать реальность: Китайская Народная Республика ускоренно наращивает ядерные силы, Франция в

марте 2026 года объявила о первом с 1992 года увеличении числа боезарядов и перешла к доктринальной непрозрачности [Macron's Île-Longue Speech…, 2026], а британские и французские ядерные силы в соответствии с Нортвудской декларацией от 10 июля 2025 года координируются в интересах «европейской» безопасности [The Northwood Declaration…, 2025]. Двусторонний договор, не учитывающий эти потенциалы, для каждой из сторон становится соглашением об ограничении против одного противника при свободе рук у остальных. Численные квоты утратили смысл как мера стратегического равновесия, поскольку стратегический эффект — угроза силам ядерного сдерживания и системам управления ими — всё чаще создаётся неядерными высокоточными средствами большой дальности, гиперзвуковыми системами, противоракетной обороной, средствами противоспутниковой и кибернетической борьбы, которые ДСНВ не охватывал. Инспекционная проверка фактически прекратилась ещё в 2020 году, а с приостановлением Российской Федерацией действия Договора в 2023 году (Федеральный закон от 28 февраля 2023 года № 38-ФЗ) прекратился и обмен данными.

Существенно, что под угрозой оказалась не арифметика, а логика взаимного сдерживания. Взаимная уязвимость, лежавшая в основе Договора по ПРО 1972 года, была по существу правовым режимом: стороны юридически обязывались не защищать свою территорию, чтобы сохранить способность друг друга к ответному удару. С выходом Соединённых Штатов из этого Договора и объявлением в январе 2025 года программы «Золотой купол», предусматривающей в том числе перехватчики космического базирования, баланс нападения и обороны перестал быть предметом договорного регулирования. Показательно, что в ДСНВ взаимосвязь стратегических наступательных и оборонительных вооружений была признана лишь в преамбуле, без придания ей силы обязательства. Именно этот пробел, а не недостаток числовых лимитов, оказался решающим.

Переход к многостороннему формату признаётся необходимым почти всеми участниками дискуссии, однако содержание этого перехода понимается по-разному. Соединённые Штаты неоднократно заявляли о заинтересованности в трёхстороннем формате с участием Китая. Китайская позиция изложена в Белой книге «Контроль над вооружениями, разоружение и нераспространение в новую эпоху», опубликованной Информационным бюро Госсовета КНР 27 ноября 2025 года: государства, обладающие крупнейшими арсеналами, несут особую и первоочередную ответственность и должны осуществлять глубокие и необратимые сокращения, и лишь «когда условия созреют», все ядерные государства должны присоединиться к многостороннему процессу [China's Arms Control…, 2025]. Российская позиция, отражённая в Основах государственной политики в области ядерного сдерживания (утверждены Указом Президента Российской Федерации от 19 ноября 2024 года № 991), исходит из необходимости учёта совокупного ядерного потенциала военных союзов, прежде всего ядерных сил Великобритании и Франции.

Эти позиции несовместимы в формуле «одна система квот для всех». Китайский арсенал остаётся существенно меньше российского и американского, и требование паритетных ограничений для него неприемлемо; вместе с тем бессрочное сохранение свободы рук для третьего государства неприемлемо для двух других. Европейское измерение усложняет картину: франко-британская координация, франко-германская руководящая группа по ядерным вопросам, созданная 2 марта 2026 года, и концепция «передового сдерживания» формируют коллективный центр ядерного планирования, не охватываемый ни двусторонними договорами, ни механизмами НАТО в прежнем виде. Одновременно масштабное наращивание европейских военных бюджетов и производства ракетных вооружений средней дальности ставит вопрос о

региональных ограничениях, выходящих за пределы ядерной сферы.

Из сказанного следует юридический вывод: многосторонность нового режима не может быть симметричной. Международному праву известны модели дифференцированных обязательств в рамках единого договора — от Договора о нераспространении, разделяющего ядерные и неядерные государства, до рамочных конвенций в экологической сфере с приложениями, устанавливающими различные обязательства для разных групп участников. Для контроля над вооружениями это означает сочетание общих обязательств для всех участников (транспарентность, уведомления, запреты определённых видов деятельности) с количественными ограничениями, принимаемыми лишь теми, чьи потенциалы сопоставимы, и с обязательствами «замораживания» или непревышения для государств с меньшими арсеналами. Площадкой для выработки такого режима естественным образом является «ядерная пятёрка», чья совместная декларация от 3 января 2022 года о предотвращении ядерной войны и недопущении гонки вооружений остаётся последним согласованным документом высшего уровня в этой сфере.

Второй элемент новой парадигмы — расширение предмета регулирования за пределы ядерных боезарядов. Речь идёт о пяти группах средств, каждая из которых обладает стратегическим эффектом. Неядерное высокоточное оружие большой дальности способно поражать элементы сил сдерживания и пункты управления. Системы противоракетной обороны влияют на гарантированность ответного удара. Гиперзвуковые средства сокращают время принятия решений. Противоспутниковые средства и оружие в космосе угрожают системам предупреждения, навигации и связи. Кибернетические средства способны скрытно нарушать функционирование систем управления.

Правовая проблема состоит в том, что эти средства не поддаются единообразному подсчёту и, как правило, имеют двойное назначение. Противоракетный перехватчик, противоспутниковое средство и вертикальная пусковая установка, пригодная и для крылатых ракет, и для зенитных ракет, не могут быть ограничены по модели «носитель — боезаряд». Для космической сферы Российская Федерация и Китай ещё в 2008 году внесли на Конференцию по разоружению проект Договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов (обновлённая редакция — 2014 год); западные государства настаивают на поведенческом подходе, выраженном в инициативе об отказе от деструктивных испытаний противоспутникового оружия. Попытка закрепить в резолюции Совета Безопасности ООН в апреле 2024 года запрет только на размещение в космосе ядерного оружия не была поддержана Россией, настаивавшей на запрете любого оружия. Для киберсферы итоговым результатом многолетней работы стала согласованная в июле 2025 года Рабочей группой открытого состава ООН договорённость о постоянном механизме по безопасности в сфере ИКТ, однако обязательства государств остаются в статусе добровольных норм ответственного поведения.

Отсюда два методологических следствия. Во-первых, объектом ограничения должна стать не категория вооружений, а функция — способность поражать или выводить из строя элементы сил сдерживания и систем управления другой стороны. Во-вторых, запреты на определённую деятельность (размещение, испытание, вмешательство) приобретают большее значение, чем количественные ограничения. Такой подход не нов: Соглашение между СССР и США об уведомлениях о пусках межконтинентальных баллистических ракет и баллистических ракет подводных лодок 1988 года и Соглашение о предотвращении опасной военной деятельности 1989 года регулировали именно поведение, а не арсеналы; аналогичным образом устроено Соглашение между Россией и Китаем 2009 года о взаимном уведомлении о пусках

баллистических ракет и космических ракет-носителей, продлённое в 2021 году.

Внедрение искусственного интеллекта в военное дело порождает две различные проблемы, которые в дискуссии нередко смешиваются. Первая — автономные системы вооружений, способные без вмешательства человека обнаруживать, выбирать и поражать цели. Вторая — применение алгоритмов в системах поддержки принятия решений, раннего предупреждения и управления ядерными силами, где цена ошибки несопоставимо выше.

По первой проблеме наиболее продвинутым является процесс в рамках Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия. Группа правительственных экспертов по смертоносным автономным системам вооружений завершает в 2026 году трёхлетний мандат по консенсусной разработке элементов возможного инструмента «без предрешения его характера»; её сводный текст основан на двухуровневом подходе — запрет систем, применение которых не может соответствовать международному гуманитарному праву, и регулирование остальных — и содержит рабочую характеристику таких систем как сочетания оружия и технологических компонентов, способного идентифицировать, выбрать и поразить цель без вмешательства оператора [GGE on LAWS Rolling Text, 2026]. Итоговый доклад будет представлен Седьмой обзорной конференции Конвенции (16–20 ноября 2026 года); более 70 государств поддержали сводный текст в качестве основы переговоров [Inflection point at the CCW, 2026]. Однако этот процесс касается обычных вооружений и тактического уровня и не затрагивает стратегическую сферу.

По второй проблеме существуют лишь политические заявления. Лидеры Соединённых Штатов и Китая в ноябре 2024 года подтвердили необходимость сохранения человеческого контроля над решением о применении ядерного оружия; сходные положения содержались в рабочем документе Великобритании, Соединённых Штатов и Франции к конференции по рассмотрению действия ДНЯО 2022 года. Юридически обязывающего обязательства такого рода не существует. Между тем именно здесь правовая норма наиболее востребована: повышение скорости обработки данных и сокращение подлётного времени создают стимул к автоматизации решений об ответных действиях, а уязвимость систем управления к кибервоздействию и сближение ядерных и неядерных функций в одних и тех же системах связи и предупреждения повышают риск непреднамеренной эскалации [Acton, 2018]. Обязательство сохранения решающего человеческого контроля над применением ядерного оружия и запрет полной автоматизации ответного удара представляют собой, по нашему мнению, наиболее реалистичный кандидат на роль первой юридически обязывающей нормы нового режима: оно не требует раскрытия чувствительных сведений о численности сил, отвечает декларируемым позициям всех пяти ядерных государств и не ограничивает ни одно из них в развитии потенциала.

Центральный концептуальный сдвиг, который предлагается зафиксировать, состоит в переходе от ограничения количества к управлению взаимными уязвимостями. Классическая модель исходила из того, что стабильность обеспечивается равенством арсеналов и их проверяемостью. Опыт последних лет показывает, что дестабилизирующими являются прежде всего не количественные изменения, а асимметричные возможности: способность нанести обезоруживающий удар по силам ответного удара, ослепить систему предупреждения, прервать связь с ядерными силами, перехватить значительную часть ответного удара. Эти возможности порождают стимулы к упреждающим действиям в кризисе, и именно их ограничение составляет подлинную цель контроля над вооружениями [Арбатов, Дворкин, 2006].

Правовым выражением такого подхода служат обязательства двух типов. Обязательства предсказуемости включают уведомления о пусках, учениях и развёртываниях, обмен данными

о составе сил и доктринах, консультации в кризисных ситуациях. Обязательства невмешательства и отказа от односторонних преимуществ включают запрет воздействия на системы предупреждения о ракетном нападении и управления ядерными силами, отказ от размещения оружия в космосе и от деструктивных противоспутниковых испытаний, ограничение развёртывания систем, способных создать возможность обезоруживающего удара. Показательно, что ДСНВ уже содержал элемент второго типа — обязательство не создавать помех национальным техническим средствам контроля другой стороны; новый режим может развить эту норму, распространив её на системы управления и предупреждения в целом.

Количественные ограничения при этом не исчезают, но меняют природу. Вместо раздельных потолков для отдельных категорий целесообразно рассмотреть совокупный зачётный показатель стратегического потенциала, включающий ядерные носители межконтинентальной дальности, наземные ракеты средней дальности, неядерные высокоточные средства стратегической дальности и, с соответствующими коэффициентами, стратегические противоракетные перехватчики, при свободе каждой стороны определять структуру своих сил в пределах общего показателя. Такая конструкция, при всей сложности согласования коэффициентов, отражает функциональный подход и позволяет учесть интересы государств с различной структурой сил.

Какие же могут быть контуры новой договорно-правовой модели?

Характер и форма договора. С учётом изложенного наиболее реалистичной представляется модель рамочного многостороннего договора о стратегической стабильности, открытого для государств, обладающих ядерным оружием, и дополняемого тематическими протоколами. Рамочный договор закрепляет общие принципы — неделимость безопасности, недопустимость ядерной войны, отказ от получения односторонних стратегических преимуществ, взаимосвязь наступательных и оборонительных вооружений — и общие обязательства предсказуемости и невмешательства. Протоколы устанавливают специальные режимы: протокол о стратегических наступательных вооружениях с количественными ограничениями для Российской Федерации и Соединённых Штатов; протокол о транспарентности и непревышении для иных ядерных государств; протокол о ракетах средней и меньшей дальности с региональным измерением для Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона; протокол о космосе; протокол о системах управления и о применении искусственного интеллекта. Участие в рамочном договоре не должно обусловливать участие в каждом протоколе, что позволяет продвигаться поэтапно. Такая архитектура соответствует практике многосторонних режимов и снимает главный барьер — требование одновременного и симметричного присоединения всех держав.

Основные обязательства сторон. К общим обязательствам рамочного договора следует отнести: сохранение решающего человеческого контроля над решением о применении ядерного оружия и запрет автоматического инициирования его применения; отказ от действий, в том числе с использованием кибернетических средств, направленных на выведение из строя систем предупреждения о ракетном нападении, управления ядерными силами и связи с ними; отказ от размещения первыми оружия в космическом пространстве и от испытаний противоспутниковых средств, создающих долгоживущий космический мусор; уведомление о пусках баллистических ракет, космических ракет-носителей и гиперзвуковых средств, а также о крупных стратегических учениях; ежегодный обмен данными о ядерных силах в агрегированном виде и о доктринальных изменениях; незамедлительные консультации при возникновении инцидентов, способных быть воспринятыми как подготовка к удару. Специальные обязательства протоколов включают количественные потолки, обязательства непревышения установленного уровня и договорённости о неразмещении отдельных классов средств в

согласованных районах.

Порядок контроля. Проверка в новом режиме должна быть многоуровневой и соразмерной обязательству. Для поведенческих запретов основой остаются национальные технические средства, дополненные обязательством невмешательства в их работу и обменом данными; для уведомлений — совместный центр обмена данными, модель которого была согласована Россией и Соединёнными Штатами в меморандуме 2000 года, но так и не реализована; для количественных ограничений протоколов — инспекции на местах, объём которых определяется соглашением участников соответствующего протокола. Для обязательства о человеческом контроле прямая проверка невозможна; разумной альтернативой служат декларации о национальных процедурах и их обсуждение в консультативном органе. Постоянно действующая консультативная комиссия участников должна рассматривать вопросы исполнения, согласовывать технические уточнения и служить каналом кризисной коммуникации.

Ответственность. Нарушение договорных обязательств влечёт международно-правовую ответственность государства по общим правилам, кодифицированным в Статьях об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 года [Лукашук, 2004], а существенное нарушение даёт другой стороне основание для приостановления или прекращения договора по статье 60 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года [Талалаев, 1997]. Опыт ДРСМД и ДСНВ показывает, однако, что такие средства в сфере контроля над вооружениями действуют разрушительно: взаимные обвинения ведут к выходу из договора, а не к восстановлению его исполнения. Поэтому новый договор должен предусматривать градуированную процедуру: запрос о разъяснении с обязательным сроком ответа; рассмотрение в консультативной комиссии; право на внеочередную инспекцию или демонстрацию; лишь затем — пропорциональное приостановление исполнения соответствующего обязательства, но не договора в целом. Положение о выходе должно требовать заблаговременного уведомления с изложением исключительных обстоятельств, как это предусмотрено статьёй X ДНЯО, и сопровождаться обязательными консультациями в период до вступления выхода в силу. Уголовная ответственность физических лиц в этой сфере неприменима; речь идёт исключительно об ответственности государств.

Заключение

Истечение срока действия ДСНВ завершило эпоху двустороннего количественного контроля над вооружениями, но не сделало правовое регулирование ненужным. Напротив, отсутствие договорных ограничений и каналов обмена информацией усиливает риск планирования на основе наихудших сценариев и непреднамеренной эскалации. Новая парадигма ограничения вооружений, как показано в работе, должна строиться на четырёх основаниях: асимметричной многосторонности с дифференцированными обязательствами; функциональном охвате средств, обладающих стратегическим эффектом, независимо от их ядерного или неядерного характера; юридически обязывающем закреплении человеческого контроля над применением ядерного оружия; переходе от подсчёта носителей к управлению взаимными уязвимостями.

Предложенная модель рамочного договора о стратегической стабильности с тематическими протоколами позволяет продвигаться поэтапно: начать с обязательств, не требующих раскрытия численности сил и уже поддерживаемых в политических заявлениях всех ядерных государств, — человеческого контроля, невмешательства в системы управления и предупреждения,

уведомлений, — и постепенно переходить к количественным и региональным ограничениям. Правовая форма такого режима основывается не на арифметическом равенстве, а на взаимной предсказуемости и отказе от односторонних стратегических преимуществ. Именно в этом, по нашему мнению, заключается содержание новой парадигмы, и выработка её договорных формул должна стать предметом как межгосударственных консультаций, так и научной разработки в международном праве.

Библиография

1. Арбатов А.Г., Дворкин В.З. (ред.) Ядерное оружие после «холодной войны». Москва: РОССПЭН, 2006.
2. Лукашук И.И. Право международной ответственности. Москва: Волтерс Клувер, 2004.
3. Талалаев А.Н. Венская конвенция о праве международных договоров: комментарий. Москва: Юридическая литература, 1997.
4. Acton J.M. Escalation through Entanglement: How the Vulnerability of Command-and-Control Systems Raises the Risks of an Inadvertent Nuclear War // International Security. 2018. Vol. 43. No. 1. P. 56–99.
5. Bull H. The Control of the Arms Race: Disarmament and Arms Control in the Missile Age. London: Weidenfeld and Nicolson, 1961.
6. China's Arms Control, Disarmament, and Nonproliferation in the New Era: White Paper. Beijing: State Council Information Office, 2025. URL: http://english.scio.gov.cn/whitepapers/2025-11/27/content_118198082.html.
7. Cost constraints on the US–Russia strategic nuclear balance after New START. London: IISS, 2026. URL: https://www.iiss.org/online-analysis/online-analysis/2026/02/cost-constraints-on-the-us-russia-strategic-nuclear-balance-after-new-start/.
8. GGE on LAWS Rolling Text, status date: 5 June 2026. Geneva: UNODA, 2026. URL: https://docs-library.unoda.org/.
9. Inflection point at the CCW: Taking action on a decade of work. Stop Killer Robots, 2026. URL: https://www.stopkillerrobots.org/wp-content/uploads/2026/03/SKR_CCW-paper-March2026_FINAL.pdf.
10. Macron's Île-Longue Speech: Updating France's Nuclear Doctrine for a New Era. Washington: CSIS, 2026. URL: https://www.csis.org/analysis/macrons-ile-longue-speech-updating-frances-nuclear-doctrine-new-era.
11. Review Conference Ends without Consensus Outcome amid Rising Nuclear Risks. UN Press, DC/3912, 22.05.2026. URL: https://press.un.org/en/2026/dc3912.doc.htm.
12. Russia Cancels Intermediate-Range Missile Moratorium // Arms Control Today. 2025. September. URL: https://www.armscontrol.org/act/2025-09/russia-cancels-intermediate-range-missile-moratorium.
13. Schelling T.C., Halperin M.H. Strategy and Arms Control. New York: Twentieth Century Fund, 1961.
14. Sokov N. End of New START: Short- and Medium-Term Options. Vienna: VCDNP, 2026. URL: https://vcdnp.org/end-of-new-start/.
15. The End of New START: From limits to looming risks. Washington: NTI, 2026. URL: https://www.nti.org/analysis/articles/the-end-of-new-start-from-limits-to-looming-risks/.
16. The Northwood Declaration: UK–France nuclear cooperation and a new European strategic backstop // IISS Strategic Comments. 2025. URL: https://www.iiss.org/publications/strategic-comments/2025/09/the-northwood-declaration-uk-france-nuclear-cooperation-and-a-new-european-strategic-backstop/.

Arms Limitation after New START: The Outlines of a New Treaty-Legal Paradigm

Aleksandr S. Skaridov

Doctor of Law, PhD in Military Sciences, Professor,
Head of the Department of International and Maritime Law,
Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping,
198035, 5/7, Dvinskaya str., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: Skaridovas@gumrf.ru

Abstract

The article is devoted to the treaty-legal content of the arms limitation regime after the expiry of the New START Treaty on 5 February 2026. It is shown that the bilateral model based on parity, numerical quotas, and inspections has exhausted itself: the circle of holders of strategic potential has expanded, non-nuclear means create a strategic effect, and command and warning systems have become an object of destabilization. The transition from counting delivery vehicles to managing mutual vulnerabilities is substantiated. A model of a framework multilateral treaty on strategic stability with thematic protocols and differentiated obligations is proposed, including a prohibition on affecting nuclear command and control systems, the preservation of human control over the use of nuclear weapons, the non-placement of weapons in space, multi-level verification, and graduated responsibility.

For citation

Skaridov A.S. (2026) Ogranichenie vooruzheniy posle DSNV: kontury novoy dogovorno-pravovoy paradigmy [Arms Limitation after New START: The Outlines of a New Treaty-Legal Paradigm]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (9A), pp. 494-503. DOI: 10.34670/AR.2026.75.20.055

Keywords

Arms control, New START, strategic stability, international treaty, multilateralism, missile defense, space, artificial intelligence, autonomous weapons systems, international legal responsibility, risk management, state policy.

References

1. Acton, J.M. (2018). Escalation through Entanglement: How the Vulnerability of Command-and-Control Systems Raises the Risks of an Inadvertent Nuclear War. International Security, 43(1), 56–99.
2. Arbatov, A.G., & Dvorkin, V.Z. (Eds.). (2006). Yadernoe oruzhie posle "kholodnoy voyny" [Nuclear Weapons after the Cold War]. ROSSPEN.
3. Bull, H. (1961). The Control of the Arms Race: Disarmament and Arms Control in the Missile Age. Weidenfeld and Nicolson.
4. China's Arms Control, Disarmament, and Nonproliferation in the New Era: White Paper. (2025). State Council Information Office. Retrieved from http://english.scio.gov.cn/whitepapers/2025-11/27/content_118198082.html
5. Cost constraints on the US–Russia strategic nuclear balance after New START. (2026) IISS. Retrieved from https://www.iiss.org/online-analysis/online-analysis/2026/02/cost-constraints-on-the-us-russia-strategic-nuclear-balance-after-new-start/
6. GGE on LAWS Rolling Text, status date: 5 June 2026. (2026) UNODA. Retrieved from https://docs-library.unoda.org/
7. Inflection point at the CCW: Taking action on a decade of work. (2026) Stop Killer Robots. Retrieved from https://www.stopkillerrobots.org/wp-content/uploads/2026/03/SKR_CCW-paper-March2026_FINAL.pdf
8. Lukashuk, I.I. (2004). Pravo mezhdunarodnoy otvetstvennosti [The Law of International Responsibility]. Wolters Kluwer.
9. Macron's Île-Longue Speech: Updating France's Nuclear Doctrine for a New Era. (2026) CSIS. Retrieved from https://www.csis.org/analysis/macrons-ile-longue-speech-updating-frances-nuclear-doctrine-new-era
10. Review Conference Ends without Consensus Outcome amid Rising Nuclear Risks. (2026) UN Press, DC/3912. Retrieved from https://press.un.org/en/2026/dc3912.doc.htm
11. Russia Cancels Intermediate-Range Missile Moratorium. (2025, September). Arms Control Today. Retrieved from https://www.armscontrol.org/act/2025-09/russia-cancels-intermediate-range-missile-moratorium
12. Schelling, T.C., & Halperin, M.H. (1961). Strategy and Arms Control. Twentieth Century Fund.
13. Sokov, N. (2026) End of New START: Short- and Medium-Term Options. VCDNP. Retrieved from https://vcdnp.org/end-of-new-start/
14. Talalaev, A.N. (1997). Venskaya konventsiya o prave mezhdunarodnykh dogovorov: kommentariy [The Vienna Convention on the Law of Treaties: A Commentary]. Yuridicheskaya literatura.

15. The End of New START: From limits to looming risks. (2026) NTI. Retrieved from https://www.nti.org/analysis/articles/the-end-of-new-start-from-limits-to-looming-risks/
16. The Northwood Declaration: UK–France nuclear cooperation and a new European strategic backstop. (2025). IISS Strategic Comments. Retrieved from https://www.iiss.org/publications/strategic-comments/2025/09/the-northwood-declaration-uk-france-nuclear-cooperation-and-a-new-european-strategic-backstop/

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

UDC 34 **DOI: 10.34670/AR.2026.18.76.057**

Implementation of International Court of Justice Decisions: The Theory and Practice of Fulfilling Obligations Arising from Jurisdictional Decisions

Ma Shihao

Master's student,
Belarusian State University,
220030, 20 Leningradskaya str., Minsk, Republic of Belarus;
e-mail: 1160892932@qq.com

Abstract

The article examines the theoretical, methodological and applied aspects of the enforcement of judgments of the International Court of Justice in the context of the profound transformation of the modern polycentric world order. The author analyzes the legal nature of post-adjudication obligations arising after the announcement of a judicial act, and identifies systemic defects in the institutional mechanism provided for in Article 94 of the UN Charter. Based on the analysis of case law, including high-profile interstate disputes in recent years, a classification of strategies of state behavior in relation to Court verdicts is proposed. Special attention is paid to the phenomenon of latent non-compliance and conflicts arising at the junction of international justice and the national constitutional field. It is concluded that it is necessary to move from rigid enforcement models to network mechanisms of the transnational legal process in order to increase the enforceability of judicial acts.

For citation

Ma Shihao. (2026) Implementation of International Court of Justice Decisions: The Theory and Practice of Fulfilling Obligations Arising from Jurisdictional Decisions. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (9A), pp. 504-511. DOI: 10.34670/AR.2026.18.76.057

Keywords

International Court of Justice, enforcement of judgments, post-adjudication obligations, UN Security Council, sovereign immunity, latent non-enforcement, transformation of the rule of law, temporary measures, risk management, state policy.

Introduction

The problem of the enforcement of judgments of the International Court of Justice is one of the most controversial, but at the same time fundamental issues of modern science of international law. Having the status of the main judicial body of a universal nature, the court is authorized to make final and binding decisions for the parties, which are explicitly set out in the Charter of the United Nations and the statute of the Court. Nevertheless, the classical doctrine of res judicata faces complex systemic challenges in modern realities. The peculiarities of the international legal structure, devoid of a supranational executive apparatus, shift the focus from the process of rulemaking and law enforcement to the actual execution of judicial acts, revealing a deep contradiction between the legal force of the decision and the autonomy of the state will. In the context of the transformation of the world order, voluntary fulfillment of obligations, traditionally based on the principle of pacta sunt servanda and the international authority of the court, increasingly comes into conflict with the national interests of sovereign entities.

The urgency of a comprehensive study of this problem today is dictated not only by theoretical research, but also by the obvious crisis of traditional law enforcement institutions. In the context of growing geopolitical tensions and the deformation of multilateral institutions, cases are increasingly being recorded where States ignore not only the final decisions of the court, but also its instructions on the appointment of interim measures of preventive importance and directly affecting the security of mankind. Article 2 of the Charter of the United Nations.Article 94. The mechanism providing for an appeal to the Security Council in case of non-compliance with the decision is largely paralyzed by the veto power of the permanent members and the general politicization of the process. This requires a rethinking of the classical doctrine of State sovereignty in the context of the concept of the rule of law, as well as a detailed study of the problem of the implementation of international judicial decisions at the national level, where the lack of uniform procedural mechanisms often leads to a legal impasse.

This issue has traditionally been the focus of attention of both domestic and foreign researchers, but the changing situation in the law enforcement sphere requires a revision of established approaches. The theoretical foundations of the analysis of institutions of international responsibility and peaceful means of dispute resolution were laid in the works of such classics as G. I. Tunkin, I. I. Lukashuk, S. B. Krylov. The issues of judicial jurisdiction and the legal nature of its acts have been developed by modern research by A. Ya. Kapustin, S. Yu. Marochkin, A. S. Ispolinov, G. G. Shinkaretskaya, V. L. Tolstykh. In Western doctrine, the works of S. they are fundamental. Rosenn, H. Lauterpacht and G. Guillaume, as well as the phenomenon of the execution of court decisions were studied in detail in the monographic works of K. Schulte. Despite the abundance of literature, in most works the implementation process is perceived as isolated (within the competence of the UN Security Council) or too generalized — through the prism of the classical theory of responsibility. At the same time, there is a clear lack of comprehensive research that would make it possible to link the latest judicial practice of recent years with a theoretical analysis of the nature of obligations arising at the post-judgment stage.

The scientific novelty of the proposed article lies in an attempt to overcome this fragmentary approach and form a holistic concept of post-judicial obligations of States. Unlike traditional interpretations, where the court's decision is positioned primarily as a legal fact, this document justifies the allocation of obligations arising from a judicial act as an autonomous institution of international legal responsibility. The study suggests an original typology of the behavioral patterns of the respondent states, which distinguishes not only the direct termination of a court decision, but also the forms of "hidden non-enforcement", which are expressed in the deliberate delay or selective nature of execution.

In addition, the article critically reviews the possibilities of the UN General Assembly, specialized agencies and regional organizations as alternative actors capable of filling the lack of executive mechanisms when the Security Council is paralyzed. The introduction of scientific commercialization of the latest achievements of jurisprudence allows us to take a fresh look at the transformation of the doctrine of judicial immunity of States at the stage of executive power.

The ontology of international justice

The problem of enforcement of decisions of the International Court of Justice is traditionally located on the border between pure legal theory and the pragmatics of international relations, revealing the most important paradox of world jurisprudence. It has the status of the main judicial body of a universal nature, which is enshrined in Article 92 of the UN Charter. According to article II, he is vested with the powers of the last arbitrator, but the absence of a centralized, supranational executive apparatus capable of enforcing a court decision against the will of a sovereign state shifts the focus of scientific discourse from the plane of rulemaking to the plane of real law enforcement. In an era when classical multilateral institutions are experiencing a systemic crisis of legitimacy, the question of why and in what form States fulfill obligations arising from the decisions of the International Court of Justice is becoming not only academic, but also existential for the entire international legal order.

From a doctrinal point of view, the nature of post-judicial obligations has long been viewed simplistically as a direct consequence of the State's initial consent to the court's jurisdiction. According to this logic, exercising the sovereign right of an authority to recognize its powers (a special compromise agreement, a reservation to an international treaty, or article 36 of the statute).Thus, the State a priori undertakes to comply with the final act. As Shabtai Rosenn noted in his seminal writings, promoting justice is tantamount to contributing to its outcome. The legal basis of this construction is the fundamental principle of pacta sunt servanda, which is projected onto the legitimate duties of UN members.

Nevertheless, the modern understanding of legal reality requires distinguishing the primary obligations that have become the subject of a dispute from the secondary obligations arising from the fact of a court decision. The verdict of the court not only establishes the presence or absence of a violation, but also transforms the legal field of the parties, creating a new regulatory reality. This reality has an autonomous status in the system of international legal responsibility. When a court orders a State to amend national legislation, pay damages, or refrain from certain actions, a qualitatively new type of international legal obligation arises, non-compliance with which constitutes an independent offense distinct from the original tort. Within the framework of the concept of the transnational legal process developed in the works of Harold Coe, the execution of a judicial act is considered not as a one-time coercion, but as a long-term process of integrating international norms into the internal matrix of public administration.

Institutional paradoxes of providing solutions

The structure of the United Nations Charter has established a dualistic model in which the legal basis for establishing the truth is separated from the political provision of law and order. Article 94 of the Charter, paragraph 2, provides that if any party to a dispute fails to fulfill the obligation imposed on it by a court decision, the other party may apply to the Security Council, which has the right to make recommendations or take measures to implement the decision. At first glance, this rule builds a logical

vertical: the judiciary relies on the executive branch of the main body to maintain peace and security. However, the practical implementation of this model reveals deep institutional flaws, which in most cases turn into a legal fiction.

The main obstacle to the effective application of Article III is the extension of the veto power of the permanent members of the Security Council to the voting procedure on judicial decisions. In a situation where the defendant State, which is evading execution, is a permanent member of the Security Council or its closest geopolitical ally, the launch of the enforcement mechanism is blocked at the initial stage. The historical precedent in the dispute "Nicaragua v. the United States" (1986) clearly demonstrated this impasse: after the court ruled on the merits of the case, the United States blocked several Security Council resolutions demanding the immediate execution of the judicial act. This case has shown that political expediency within the framework of the Security Council can completely negate the legal force of a judicial act.

In addition, according to Security Council resolution 94, the legal nature of the measures taken in accordance with article IV remains the subject of intense debate in the scientific community. The question arises: is the Security Council solely obliged to comply with Article VII of the UN Charter, acting in the context of Chapter II (threat to peace, violation of peace and acts of aggression) or Section 94, does Article II grant it independent, autonomous powers of coercion? Most researchers tend to conclude that the Security Council has broad powers and cannot be considered as a "judicial executor" who mechanically enforces court decisions. He assesses the situation not from the point of view of strict legalism, but through the prism of political stability. If, in the opinion of the Board members, the enforcement of a court decision may provoke a conflict of a larger scale, the board prefers to remain inactive or limit itself to mild recommendations. Thus, the institutional mechanism for enforcing the decisions of the International Court of Justice is initially subordinated to the logic of political realism, which significantly reduces its preventive potential in relation to strong players in world politics.

Global experience

Contrary to widespread skepticism in media discourse, an empirical analysis of the activities of the International Court of Justice indicates a fairly high level of compliance with its decisions. The vast majority of disputes, especially those concerning the demarcation of maritime and land borders, the regulation of fishing or consular access, are resolved voluntarily and in full by States. The territorial dispute between the Libyan Arab Jamahiriya and Chad, as well as the case of the demarcation of the continental shelf of the Black Sea between Romania and Ukraine, are vivid examples of successful pragmatic adaptation. In these cases, the fixing of the border proposed by the Court allowed the parties to break the protracted political impasse and bring territorial differences into a stable legal channel. The costs of not implementing the decision – loss of international reputation, reduced investment attractiveness, and continued tension – clearly outweigh any hypothetical benefits of continuing the conflict.

However, the picture is radically different when issues affecting fundamental national security interests, sovereign identity, or existential geopolitical needs weigh on the scales. In such circumstances, States develop sophisticated strategies to avoid fulfilling obligations, which can be classified according to the degree of openness and legal validity.

The first strategy is direct (declarative) non–compliance. The State openly declares its refusal to recognize the Court's decision, challenging it either because of lack of jurisdiction or as issued in excess

of authority (ultra vires). This approach is typical for situations where judicial proceedings are perceived by the power elite as an instrument of external political pressure.

The second strategy is latent (implied) non–compliance. Here, the state officially recognizes the authority of the Court and declares its intention to follow the verdict, but in practice it takes measures that prevent its actual execution. This can be expressed in the endless prolongation of the implementation negotiations, references to insurmountable internal political or technical difficulties, as well as in the selective, fragmentary implementation of only those points of the decision that do not harm his interests.

The third strategy is a legal counterpoint. An attempt to neutralize the decision of the International Court of Justice by adopting acts contradicting it at the level of national judicial bodies of the highest instance. This creates a situation of normative dualism and gives the executive a formal basis to invoke the impossibility of violating its own constitutional order.

In recent years, the issue of enforcement of interim measures orders provided for in Article 41 of the Statute of the Court has become particularly acute. For a long time, there was a dispute in the doctrine about their binding force, until the Court in the famous Lagrand case (Germany v. USA, 2001) clearly established that such measures are legally binding. Nevertheless, it is the temporary measures that cause the most severe resistance from the respondent States. The high-profile trials of the first half of the 2020s have clearly shown that in conditions of acute armed conflicts, orders to cease hostilities or ensure humanitarian access are often ignored, since military expediency is placed above international legal standards. This creates a dangerous tendency to devalue the authority of the Court as an instrument of preventive diplomacy.

Domestic implementation of verdicts and conflicts of national sovereignty

The actual fulfillment of obligations arising from the decisions of the International Court of Justice almost always takes place within the framework of the national legal system of the respondent State. The Court establishes obligations under international law, but it leaves the choice of specific means and mechanisms of enforcement to the discretion of the State. It is at this stage that researchers encounter the phenomenon of "constitutional resistance" generated by the unwillingness of the national elite to subordinate internal law and order to external judicial impulses.

The main contradiction here lies in the relationship between monistic and dualistic concepts of legal understanding. In states with strict dualistic traditions (for example, in the United States or Great Britain), the decision of the International Court of Justice does not have direct effect (self-enforceability). Its implementation requires the adoption of an appropriate act of Parliament or the issuance of an administrative order. A classic example of such a conflict is the decision of the U.S. Supreme Court in the case "Medellin v. Texas" (2008). Considering the consequences of the decision of the International Court of Justice in the case of Avena and other Mexican citizens, in which the Court ordered the United States to review a number of criminal cases in connection with violations of the Vienna Convention on Consular Relations, the U.S. Supreme Court concluded that the decisions of the International Court of Justice are not binding on the national courts of the states without a separate act of Congress. Thus, the national judicial authority has effectively blocked the fulfillment of an international obligation on the territory of the country.

In the countries of the continental legal family, where international treaties are formally integrated into the legal system and take precedence over national legislation, conflicts are more hidden, but no

less profound. Here they shift to the sphere of constitutional control. Constitutional courts are increasingly assuming the role of "defenders of national sovereignty," stating that it is impossible to enforce decisions of international bodies if they contradict the principles of the constitutional order. This trend can be traced in the practice of the constitutional courts of many European states. The peculiarity of this situation is that the State finds itself in a state of legal zuggwang: according to article 27 of the Vienna Convention on the Law of Treaties, a reference to the norms of domestic law cannot serve as an excuse for non-fulfillment of an international obligation, but from the standpoint of domestic law, violation of the Constitution is unacceptable.

Conclusion

The International Court of Justice remains a unique and sought-after institution for the peaceful resolution of interstate disputes. His statistics on the execution of decisions in cases that do not affect vital security interests are truly impressive and refute extreme skepticism. However, it is precisely in those cases where geopolitical ambitions, sovereign rights, or issues of regime survival collide that the dualistic construction laid down in the Charter fails. The right of veto in the Security Council, the vagueness of coercive powers, and fierce constitutional resistance at the national level turn Court verdicts into non-binding recommendations for the powerful.

We are witnessing not so much a legal phenomenon as a political one: the effectiveness of a judicial act is determined not by its formal force, but by the balance of costs and benefits for the respondent State. For small and medium–sized countries, the cost of reputational losses is often higher than concessions on a controversial issue, hence the high level of voluntary submission. For the permanent members of the Security Council and their allies, on the contrary, the price of non-compliance is reduced to a minimum, since the sanctions mechanism is blocked or reduced to declarations.

The Court operates in a field where law is linked to political expediency, and its impact on global conflicts remains indirect and often symbolic. Attempts to strengthen its authority by expanding jurisdiction or tightening procedures are met by the unwillingness of States to transfer control over their strategic decisions to supranational authorities. Until this fundamental conflict is resolved, the International Court of Justice will maintain its high moral authority, but in critical situations it will inevitably give way to brute force and political realism – which, alas, remains a bitter constant of the modern world order.

References

1. Ispolinov, A.S. (2021). Resheniya Mezhdunarodnogo suda OON i natsional'nye sudy [Decisions of the International Court of Justice and National Courts]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, (4), 112–134.
2. Kapustin, A.Ya. (2022). Mezhdunarodnye sudy i razvitie mezhdunarodnogo prava [International Courts and the Development of International Law]. *Zhurnal rossiyskogo prava*, (2), 85–98.
3. Koh, H.H. (1996). Transnational Legal Process. *Nebraska Law Review*, 75(1), 181–207.
4. Lauterpacht, H. (1958). *The Development of International Law by the International Court*. Stevens & Sons.
5. Lukashuk, I.I. (2005). *Mezhdunarodnoe pravo: osobennaya chast'* [International Law: Special Part]. Bek.
6. Marochkin, S.Yu. (2011). *Deystvie i realizatsiya norm mezhdunarodnogo prava v pravovoy sisteme Rossiyskoy Federatsii* [Operation and Implementation of International Law Norms in the Legal System of the Russian Federation]. Norma.
7. Rosenne, S. (2006). *The Law and Practice of the International Court, 1920–2005*. Martinus Nijhoff Publishers.
8. Schulte, C. (2004). *Compliance with Decisions of the International Court of Justice*. Oxford University Press.
9. Tolstykh, V.L. (2023). *Mezhdunarodnoe sudebnoe razbiratel'stvo: teoreticheskie i prakticheskie problemy* [International Judicial Proceedings: Theoretical and Practical Problems]. Nauka.

Исполнение решений Международного суда ООН: теория и практика выполнения обязательств, вытекающих из юрисдикционных решений

Ма Шихао

Магистрант,
Белорусский государственный университет,
220030, Республика Беларусь, Минск, ул. Ленинградская, 20;
e-mail: 1160892932@qq.com

Аннотация

В статье рассматриваются теоретические, методологические и прикладные аспекты исполнения решений Международного суда ООН в условиях глубокой трансформации современного полицентричного миропорядка. Автор анализирует правовую природу постюдициальных обязательств, возникающих после объявления судебного акта, и выявляет системные дефекты институционального механизма, предусмотренного статьёй 94 Устава ООН. На основе анализа судебной практики, включая громкие межгосударственные споры последних лет, предлагается классификация стратегий поведения государств в отношении вердиктов Суда. Особое внимание уделяется феномену латентного неисполнения и конфликтам, возникающим на стыке международного правосудия и национального конституционного поля. Делается вывод о необходимости перехода от жёстких моделей принудительного исполнения к сетевым механизмам транснационального правового процесса для повышения исполнимости судебных актов.

Для цитирования в научных исследованиях

Ма Шихао. Implementation of International Court of Justice Decisions: The Theory and Practice of Fulfilling Obligations Arising from Jurisdictional Decisions // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 9А. С. 504-511. DOI: 10.34670/AR.2026.18.76.057

Ключевые слова

Международный суд ООН, исполнение решений, постюдициальные обязательства, Совет Безопасности ООН, суверенный иммунитет, латентное неисполнение, трансформация верховенства права, временные меры, управление рисками, государственная политика.

Библиография

1. Исполинов А.С. Решения Международного суда ООН и национальные суды // Сравнительное конституционное обозрение. 2021. № 4. С. 112–134.
2. Капустин А.Я. Международные суды и развитие международного права // Журнал российского права. 2022. № 2. С. 85–98.
3. Лукашук И.И. Международное право: особенная часть. Москва: Бек, 2005. 544 с.
4. Марочкин С.Ю. Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации. Москва: Норма, 2011. 288 с.
5. Толстых В.Л. Международное судебное разбирательство: теоретические и практические проблемы. Новосибирск: Наука, 2023. 412 с.
6. Koh H.H. Transnational Legal Process // Nebraska Law Review. 1996. Vol. 75, No. 1. P. 181–207.
7. Lauterpacht H. The Development of International Law by the International Court. London: Stevens & Sons, 1958. 408 p.

8. Rosenne S. The Law and Practice of the International Court, 1920–2005. Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2006. 1960 p.
9. Schulte C. Compliance with Decisions of the International Court of Justice. Oxford: Oxford University Press, 2004. 485 p.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 341.73 **DOI: 10.34670/AR.2026.11.66.058**

Кибератаки как угроза обеспечения неприкосновенности дипломатических представительств и их персонала (в контексте современного международного права)

Князев Иван Алексеевич

Аспирант,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
119571, Российская Федерация, Москва, просп. Вернадского, 82/ 1;
e-mail: knyze.ivan56@mail.ru

Филатова Виктория Викторовна

Кандидат юридических наук, доцент,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
119571, Российская Федерация, Москва, просп. Вернадского, 82/ 1;
e-mail: filatova-vv@ranepa.ru

Аннотация

В статье рассматривается проблематика обеспечения неприкосновенности дипломатических представительств и их персонала с точки зрения новых вызовов и угроз, в частности, таких как кибератаки. Автор рассматривает кибератаку как преднамеренное действие, которое направлено не только против информационной безопасности дипломатического представительства, но и на нарушение дипломатической неприкосновенности, которой наделен каждый объект дипломатической собственности. Рассматриваются возможные пути совершенствования правового регулирования вопросов кибербезопасности в отношении дипломатической собственности в рамках действующих международных договоров, регулирующих обеспечение неприкосновенности дипломатических представительств и их персонала. Предлагаются рекомендации по минимизации рисков нарушения неприкосновенности дипломатических представительств и их сотрудников, предполагающие деятельность государств по совершенствованию уже существующих международных правовых норм, регулирующих неприкосновенность дипломатических представительств и их персонала от кибератак, которые совершаются третьими лицами отдельных государств, а также сотрудничество в сфере кибербезопасности, включающие обмен информацией и совместные мероприятия по расследованию преступлений.

Для цитирования в научных исследованиях

Князев И.А. Кибератаки как угроза обеспечения неприкосновенности дипломатических представительств и их персонала (в контексте современного международного права) // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 9А. С. 512-522. DOI: 10.34670/AR.2026.11.66.058

Ключевые слова

Право внешних сношений, международное право, дипломатические представительства, дипломатические агенты, механизмы защиты, обеспечение неприкосновенности, вызовы и угрозы, кибератака, информационная безопасность, превентивные меры, управление рисками, государственная политика.

Введение

В марте 2024 года генеральный секретарь Международного союза электросвязи Дорин Богдан-Мартин сообщила, что в мире ежедневно совершается более 2,2 тысячи кибератак. При этом ежегодно их количество растёт на 80%. Данная статистика свидетельствует о стремительном и масштабном росте глобальной киберпреступности, а цифровые угрозы приобрели массовый, непрерывнный характер и вышли на уровень глобальной проблемы [В ООН сообщили, что ежедневно совершается более 2,2 тыс. кибератак, 2024].

Цифровые технологии позволяют злоумышленникам, не нарушая физических границ, перехватывать дипломатическую переписку, прослушивать переговоры и получать доступ к секретным документам, что наносит прямой удар по дипломатической деятельности государств. Кроме того, блокировка каналов связи и отключение систем безопасности делают миссию уязвимой для физических угроз, а сбор личных данных сотрудников для последующего шантажа и запугивания превращает киберпространство в инструмент прямого давления на сотрудников дипломатического представительства. Таким образом, кибератака, на сегодняшний день, является не просто техническим инцидентом, а формой нарушения суверенитета, требующей переосмысления подходов к обеспечению безопасности дипломатических представительств и их персонала в XXI веке.

Основная часть

В современной дипломатии цифровое пространство перестало быть вспомогательным инструментом и превратилось в одну из ключевых сред, где разворачивается основная деятельность дипломатического представительства. Соответственно, играет немало важную роль, пронизывая все аспекты работы от обеспечения безопасности до ведения государственной политики.

Во-первых, цифровые каналы, являются главной артерией для оперативной коммуникации. Дипломатическая почта, перевозившая документы в бумажном виде, уступила место зашифрованной электронной переписке и видеоконференциям. Данный способ связи позволяет поддерживать постоянный контакт с центральным аппаратом МИДа в режиме реального времени, оперативно передавать инструкции, отчёты и получать санкцию на принятие критически важных решений, что кардинально ускоряет внешнеполитические процессы.

Во-вторых, информационные технологии стали основой аналитической работы. Представительства собирают и обрабатывают огромные массивы открытых данных, а именно публикации в локальных СМИ, экономические показатели и общественные настроения. Специализированное программное обеспечение помогает анализировать эту информацию, формируя объективную картину ситуации в государстве пребывания и позволяя готовить точные, основанные на фактах доклады в центр.

В-третьих, цифровое пространство является новой публичной трибуной для «цифровой

дипломатии». Официальные сайты, аккаунты в социальных сетях и блоги послов служат прямым каналом связи не только с правительством государства пребывания, но и с её обществом. Через них транслируется позиция своего государства, разъясняются его действия, продвигаются культурные ценности и выстраивается долгосрочный диалог.

Наконец, технологии обеспечивают функционирование самого аппарата миссии. От систем контроля доступа и видеонаблюдения, гарантирующих физическую безопасность, до баз данных консульского отдела, хранящих информацию о гражданах своей страны за рубежом. Работа дипломатического представительства обеспечивается, благодаря, единой цифровой инфраструктуре. Сбой или выход из строя парализует работу определенной части дипломатического представительства.

Сегодня цифровое пространство дипломатического представительства, а именно официальные сайты, электронная дипломатическая почта, через которую поддерживается постоянная связь с центральным аппаратом МИДа и получаются инструкции, подвергается кибератакам со стороны третьих лиц или определенных государств. Неправомерные действия выражающиеся, в совершении кибератак нарушают и представляют угрозу по отношению к институту дипломатической неприкосновенности, поскольку парализуется определённая часть работы дипломатического представительства, которая в последствии приводит к негативным последствиям.

Для наиболее глубокого осмысления негативных последствий совершения кибератак по отношению к институту дипломатической неприкосновенности рассмотрим теоретико-правовую основу данного правого явления.

Берова Д. М. разграничивает понятие «кибератака» на узкий и широкий смыслы: если в узком смысле это техническое покушение на компьютерную безопасность, то в широком - это комплексный процесс поиска решений для получения контроля над системой с целью её дестабилизации. При этом Берова Д. М. подчёркивает, что угрозы в этой сфере носят системный характер и характеризуются постоянным ростом сложности, масштабов и скоординированности атак на критическую инфраструктуру. Ключевым аспектом её анализа является вывод о том, что киберугрозы всё чаще используются как инструмент иностранной разведки и служат средством нанесения прямого ущерба фундаментальным основам государства, включая его суверенитет, территориальную целостность и социально-политическую стабильность [Берова, 2018, с. 187].

Гу Веньшо понимает кибератаками, как злонамеренное незаконное нападение на компьютерную систему, осуществляемой криминальными лицами – хакерами. Основной целью данной деятельности является уничтожение, кража или изменение пользовательской информации, кибершпионаж для последующего получения определенной выгоды намеренные действия угрожают не только непосредственно сохранности и безопасности пользовательской информации, но и влекут за собой различные последствия экономического и политического характера [Гу Веньшо, 2021, с. 131].

Берова Д. М. считает что, ключевым отличием кибератаки от обычного распространения вирусов является её целенаправленный характер, а именно она всегда нацелена на конкретную информационную систему и определённую группу пользователей. Эта специфическая направленность, в отличие от массового вредоносного ПО, делает атаку значительно более сложной для обнаружения и отражения, поскольку её методы адаптируются под уникальные уязвимости выбранной цели, что требует гораздо более совершенных и индивидуализированных мер защиты.

Барышникова С. М. Пика С. А. Степанова М. Н. заявляют, что центральной проблемой международного публичного права в сфере кибербезопасности, является атрибуция кибератак,

то есть установление ответственного государства, группы или лица. Данный процесс крайне затруднён, поскольку анонимность сети и техническая изощрённость злоумышленников не оставляют однозначных цифровых следов, что делает доказательство вины длительной и сложной задачей. Эта техническая неопределённость усугубляется отсутствием единой международно-правовой базы, а именно нет общепринятых критериев для квалификации кибератак, как «применения силы» или «вооружённого нападения», а также стандартов доказательств. В результате правовая неопределённость парализует возможность применения дипломатических, юридических или военных мер реагирования, так как без доказанной атрибуции любое международно-правовое обвинение и ответные действия лишены законных оснований [Барышникова, Пика, Степанова, 2025, с. 334].

Рассмотрим практические случаи совершения кибератак по отношению к институту дипломатической неприкосновенности и проанализируем их с правовой точки зрения.

В 2022 официальный представитель МИД Мария Захарова заявила, что страны Запада совершают кибератаки против российских посольств, которые имеют беспрецедентный масштаб. Также, кибератаки совершаются, в том числе, и с территории Украины. Захарова назвала действия Запада незаконными, находящимися вне каких-либо рамок и правил [Захарова заявила, что сайт МИД РФ подвергается беспрецедентным кибератакам, 2022].

17 декабря 2018 года веб-ресурсы посольства Российской Федерации в Великобритании и официального представителя России при Международной морской организации подверглись масштабной кибератаке, которая привела к полному уничтожению базы данных. Как сообщила пресс-секретарь Министерства иностранных дел Мария Захарова, работа сайтов была нарушена примерно на сутки [В МИД прокомментировали кибератаку на сайт посольства России в Британии, 2018].

Венская конвенция о дипломатических сношениях 1961 года устанавливает, что помещения дипломатических представительств неприкосновенны, а именно власти государства пребывания не имеют права вмешиваться в дела дипломатических представительств. Кибератаки, приводящие к уничтожению данных или нарушению работы систем, могут рассматриваться, как нарушение этой неприкосновенности. В частности, такие действия подрывают безопасность и функциональность дипломатических представительств, что является нарушением статей 22, 24, 25 и 27.

Нужно отметить, что в Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 закреплена дипломатическая неприкосновенность помещения представительства, а именно все имущество находящееся в пределах его территории, включая все средства передвижения, которые пользуются иммунитетом от обыска, ареста и т. д. Также в данной Конвенции закреплена неприкосновенность архивов и документов [Венская конвенция о дипломатических сношениях, 1961, ст. 22]. Но в Венской конвенции отсутствует нормы, касающиеся информационного пространства и локальной сети дипломатического представительства, что даёт третьим лицам или отдельным государствам возможность посягать на дипломатическую неприкосновенность путем игнорирования и нарушения норм данного международного договора, а именно совершать кибератаки, которые имеют негативные последствия для суверенитета и репутации государства.

Опираясь на нормы Конвенции о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой 1973 года кибератаки, направленные на сбор персональных данных сотрудников посольств, могут быть расценены как угроза их безопасности и личной неприкосновенности. Такие действия могут привести к шантажу или другим формам давления на дипломатов, что является нарушением статей 1 и 2 данной

Конвенции.

Также, необходимо отметить, что в Конвенции о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, 1973 года перечисляются лица, которые могут пользоваться специальной защитой, а также перечисляются действия, которые государства-участники в соответствии со своим внутренним законодательством должны рассматривать как преступления [Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, 1973, ст. 2]. Но в данной Конвенции, а именно в статье 2 нормативно не закреплены действия, касающиеся совершения кибератак по отношению к личному информационному пространству и локальной сети сотрудников дипломатического представительства, что тоже имеет негативные последствия по отношению к их личной безопасности.

Мария Захарова в своих заявлениях подчеркивает, что действия стран Запада и Украины в отношении российских посольств, являются незаконными и нарушают международные нормы. Она указывает на то, что такие кибератаки не только подрывают безопасность дипломатических представительств и дипломатических агентов, но и создают дополнительные трудности для их работы. Это подчеркивает важность соблюдения норм международного права и необходимость защиты дипломатических представительств и их персонала от подобных угроз.

Перепелицын М. А. отмечает, что существует два способа толкования норм Конвенции 1961 года, касающиеся неприкосновенности помещений и имущества дипломатического представительства, в также его цифровых активов -расширительный и буквальный. Согласно первому, электронная переписка, цифровые документы, информационное оборудование подпадают под действие дипломатических иммунитетов и привилегий, установленных Конвенцией. Однако, такой порядок может соблюдаться не во всех странах, так как текст договора содержит только понятие «вализы», «архивов и документов», что исключает применение документа в отношении виртуальных объектов. Перепелицын И. А. полагает, что ввиду множества субъектов с разными правовыми системами второй способ должен превалировать в международном праве для равнозначного исполнения норм всеми сторонами договора.

Перепелицын М. А. призывает согласиться с тем, что на технические средства, такие как: компьютеры, серверы, маршрутизаторы, расположенные в помещениях представительства, распространяются дипломатические иммунитеты в соответствии с пунктом 3 статьи 22 Конвенции. Так же, как и используемая в тексте Конвенции формулировка, устанавливающая неприкосновенность документов и архивов представительства «в любое время и независимости от их местонахождения» позволяет расширить действие статьи 24 в отношении электронных документов, находящихся в облачных хранилищах данных. Расширительное понимание норм Конвенции может создать, некоторые, значительные проблемы на практике.

Перепелицын М. А. выделяет следующие проблемы с которыми сталкиваются государства, с случае расширительного толкования норм Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 года:

-проблема распознавания электронных документов: для защиты данных от кибератак необходимо использовать шифрование с уникальными ключами, так как создание отдельных серверов или маркировка секретной информации может лишь указать злоумышленникам на цель.

-неопределённость территориального расположения облачных хранилищ: данные могут физически храниться в странах, с которыми у государства нет дипломатических отношений, что создаёт риски для безопасности секретной информации;

-неравенство сторон в предоставлении неприкосновенности: IT-корпорации не обладают международной деликтоспособностью и не несут ответственности за нарушение иммунитета цифровых активов, поэтому решение проблемы лежит в плоскости действий принимающего государства по регулированию частных информационных организаций [Перепелицын, 2020, с. 308].

Перепелицын И. А. заявляет, что нормы Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 года могут применяться к цифровой корреспонденции при их расширительном толковании (например, через статью 27 о защите официальной переписки), но они не в полной мере гарантируют безопасность электронных активов из-за современных технологических вызовов. Данная проблема усугубляется тем, что традиционные положения были разработаны для физических объектов и не учитывают специфику облачных хранилищ и виртуальных данных. Ярким примером поиска практического решения за рамками Конвенции стало заключение соглашения между Люксембургом и Эстонией в 2017 году. Этот двусторонний договор фактически расширил сферу действия норм о неприкосновенности, распространив её на государственные данные и серверы, физически расположенные вне территории дипломатических представительств, что подчёркивает необходимость адаптации норм международного права к реалиям цифрового мира.

В связи с ростом совершения кибератак по отношению к дипломатическим представительствам и их персоналу возрастает роль сотрудничества государств по обеспечению неприкосновенности дипломатических представительств в информационном пространстве и их локальной сети, а именно разработка превентивных мер, новых механизмов защиты, а также совершенствование существующих.

Согласно резолюции 71/256 Генеральной Ассамблеи ООН, государства обязаны действовать сообща, обеспечивая, чтобы меры по предотвращению и пресечению кибертерроризма соответствовали международному праву и обязательствам, вытекающим из действующих договоров. Международное сотрудничество становится ключевым условием эффективности борьбы с современными формами терроризма, включая его киберпространственную составляющую. Государствам необходимо выстраивать взаимодействие таким образом, чтобы обеспечивать координацию мер реагирования на действия негосударственных субъектов, обладающих значительными технологическими возможностями. Однако практика показывает, что государства не всегда демонстрируют готовность к тесному взаимодействию в сфере противодействия негосударственным кибератакам. Политические соображения, стратегические интересы и опасения относительно возможных последствий часто ограничивают глубину и скорость сотрудничества. Это усложняет применение коллективных мер, направленных на пресечение деятельности негосударственных субъектов в цифровой среде.

Современные кибератаки требуют координированных международных усилий, поскольку могут быть направлены против критически важных объектов, к которым относятся дипломатическое представительство. В качестве основных форм сотрудничества выделяются:

-деятельность международных организаций (Интерпол, Европол, Международный союз электросвязи), способствующих обмену информацией, координации расследований и выработке стандартов защиты;

-заключение двусторонних и многосторонних соглашений между государствами, что позволяет оперативно реагировать на инциденты и проводить совместные киберучения [Эркаева, Дурдылыев, Деряев, Дудаев, 2025, с. 4] .

Особое значение для дипломатических представительств имеет обмен оперативной

информацией о новых угрозах, создание единых стандартов защиты цифровых инфраструктур и развитие механизмов совместного реагирования на кибератаки.

Превентивные меры играют ключевую роль в системе защиты дипломатических представительств, поскольку их основная задача не допустить совершения кибератаки или иного посягательства, а не только реагировать на уже произошедший инцидент. Перечислю следующие превентивные меры:

-разработка и внедрение единых международных стандартов и нормативов в сфере кибербезопасности;

-гармонизация национальных законодательств для упрощения взаимодействия между странами;

-усиление обмена оперативной информацией и разведывательными данными о киберугрозах;

-развитие сотрудничества между национальными центрами реагирования на инциденты (CERTs);

-проведение совместных киберучений и создание глобальных платформ для координации действий при атаках;

-взаимодействие с частным сектором для внедрения современных технологий защиты;

-инвестиции в образовательные программы и научные исследования в области кибербезопасности;

-подготовка и переквалификация квалифицированных специалистов.

Следовательно отсутствие превентивных мер приведёт к тому, что дипломатические представительства станут крайне уязвимыми для кибератак, что чревато регулярными утечками информации, которая является государственной тайной, подрывом доверия между странами и прямыми угрозами для безопасности их персонала.

Заключение

Проведенное комплексное исследование, касающиеся воздействия кибератак, как правового явления, по отношению к институту дипломатической неприкосновенности привело к следующим результатам.

Цифровое пространство, сегодня, является не просто набором серверов и каналов связи, а полноценной средой обитания современного дипломатического представительства, определяющей эффективность его коммуникаций, качество аналитики и способность защищать национальные интересы в XXI веке.

Необходимо отметить, если ранее основными рисками были физические посягательства на объекты дипломатической собственности и персонал, то сегодня цифровые технологии и глобализация киберпреступности создают угрозу не только информационной, но и дипломатической неприкосновенности.

Кибератака как правовое явление принципиально отличается от обычных вирусов своей целенаправленностью и субъектным составом. Если создание и распространение вируса часто квалифицируется как общеуголовное преступление или деяние, совершённое анонимным лицом без конкретной жертвы, то кибератака всегда имеет адресный характер, а именно она направлена против определённого объекта (государственного органа, дипломатического представительства, критической инфраструктуры) с чётко поставленной целью (шпионаж, саботаж, вымогательство). Это превращает её из технического инцидента в акт, влекущий за собой международно-правовую ответственность государства, что может служить основанием

для межгосударственных претензий, санкций или иных ответных мер.

Кибератаки оказывают негативное воздействие на информационную безопасность дипломатических представительств, затрагивая все ключевые аспекты их деятельности, проявляющиеся в следующих последствиях:

1. Утечка конфиденциальной информации. Уничтожение базы данных и взлом систем могут привести к раскрытию государственных тайн и стратегической информации.

2. Парализация работы дипломатических представительств. Нарушение работы компьютерных систем и каналов связи затрудняет выполнение дипломатических функций и своевременное информирование государства.

3. Угроза личной безопасности сотрудников. Сбор персональных данных может быть использован для угроз и давления на дипломатов

В современных условиях обеспечение неприкосновенности дипломатических представительств и их персонала невозможно без разработки превентивных мер, а именно комплекса упреждающих действий, направленных на предотвращение любых угроз и нарушений ещё до их возникновения.

Таким образом кибератаки представляют собой прямую и возрастающую угрозу по отношению к институту дипломатической неприкосновенности, поскольку направлены на нарушение информационной безопасности, а именно на компрометацию деятельности дипломатических представительств, нарушение работы локальной сети и создание рисков для личной безопасности персонала.

В связи с этим возникает необходимость совершенствования существующих международных правовых норм, касающиеся обеспечения неприкосновенности дипломатических представительств и их персонала в информационном пространстве и в их локальной сети для наиболее эффективного выполнения ими своих функций, которые закреплены в Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 года и Конвенции о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой 1973 года.

В статью 22 Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 года внести изменения, а именно закрепить, что информационные системы, локальная вычислительная сеть и цифровое пространство дипломатического представительства, являются неприкосновенными. Также указать, что власти государства пребывания не вправе осуществлять к ним физический, дистанционный или программный доступ, проводить их инспектирование, мониторинг трафика, перехват данных, блокировку либо совершать любые иные действия по вмешательству в их функционирование без явного предварительного письменного согласия главы представительства.

В статью 30 Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 года внести изменения, а именно закрепить, что личные информационные системы, средства связи и цифровое пространство дипломатического агента неприкосновенны. Власти государства пребывания не вправе осуществлять их досмотр, изъятие, копирование данных или любой иной доступ к ним. Личная цифровая среда дипломата, является функциональным продолжением его личности.

В статью 2 Конвенции о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, 1973 года внести изменения, а именно закрепить формулировку «совершения кибератак» по отношению к личному информационному пространству и локальной сети сотрудников дипломатического представительства, чтобы государства-участники в соответствии со своим внутренним законодательством рассматривали

данные действия, как преступление.

Указанные изменения будут способствовать усилению гарантий дипломатической неприкосновенности, подразумевающих обеспечение надёжной защитой помещений дипломатического представительства и находящихся внутри него предметов, в том числе транспортных средств, а также архивов и документов, независимо от их местонахождения, от всякого несанкционированного проникновения и иных посягательств, предполагающих нарушение его спокойствия и достоинства.

Библиография

1. Барышникова С.М., Пика С.А., Степанова М.Н. Кибератака как вызов международному праву и международной безопасности: проблемы квалификации и направления развития правового регулирования // Вестник науки. 2025. № 12(93). С. 334–342.
2. Берова Д.М. Кибератака как угроза информационной безопасности // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 2. С. 186–188.
3. В МИД прокомментировали кибератаку на сайт посольства России в Британии // RT на русском. 2018. 26 декабря. URL: https://russian.rt.com/world/news/587355-velikobritaniya-ataka-posolstvo.
4. В ООН сообщили, что ежедневно совершается более 2,2 тыс. кибератак // ТАСС. 2024. 7 марта. URL: https://tass.ru/obschestvo/20184947.
5. Венская конвенция о дипломатических сношениях 1961 года (принята 18 апреля 1961 года) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://docs.cntd.ru/document/1900372.
6. Гу Веньшо. Кибератака с точки зрения международного публичного права // Legal Bulletin. 2021. Т. 6. № 2. С. 130–137.
7. Захарова заявила, что сайт МИД РФ подвергается беспрецедентным кибератакам // ТАСС. 2022. 3 марта. URL: https://tass.ru/obschestvo/13953331.
8. Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://docs.cntd.ru/document/1900310.
9. Нагиева А.А. Актуальные тенденции развития иммунитета неприкосновенности помещений дипломатических представительств // Международная жизнь. 2025. URL: https://interaffairs.ru/jauthor/material/3193.
10. Пацек М. Роль дипломатических представительств в современном мире // Россия в глобальном мире. 2015. № 7(30). С. 550–557.
11. Перепелицын М.А. Дипломатическая неприкосновенность в условиях цифровой дипломатии // Молодой учёный. 2020. № 20(310). С. 307–309.
12. Рахман М.М., Дас Т.К. Противодействие кибератакам: пробелы международного права и перспективы их преодоления // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. № 4. С. 973–996.
13. Эркаева Н., Дурдылыев Р., Деряев С., Дудаев Г. Международное сотрудничество в области кибербезопасности // Наука и мировоззрение. 2025. № 2. С. 1–6.

Cyberattacks as a Threat to Ensuring the Inviolability of Diplomatic Missions and Their Personnel (in the Context of Contemporary International Law)

Ivan A. Knyazev

Postgraduate Student,
Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
119571, 82/1, Vernadskogo prosp., Moscow, Russian Federation;
e-mail: knyze.ivan56@mail.ru

Viktoriya V. Filatova

PhD in Law, Associate Professor,
Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
119571, 82/1, Vernadskogo prosp., Moscow, Russian Federation;
e-mail: filatova-vv@ranepa.ru

Abstract

The article examines the problem of ensuring the inviolability of diplomatic missions and their personnel from the point of view of new challenges and threats, in particular, such as cyberattacks. The author considers a cyberattack as a deliberate action aimed not only against the information security of a diplomatic mission but also at violating the diplomatic inviolability with which every object of diplomatic property is endowed. Possible ways of improving the legal regulation of cybersecurity issues with regard to diplomatic property within the framework of existing international treaties regulating the ensuring of the inviolability of diplomatic missions and their personnel are considered. Recommendations are proposed for minimizing the risks of violating the inviolability of diplomatic missions and their staff, which presuppose the activity of states in improving the already existing international legal norms regulating the inviolability of diplomatic missions and their personnel from cyberattacks committed by third parties of individual states, as well as cooperation in the field of cybersecurity, including the exchange of information and joint measures to investigate crimes.

For citation

Knyazev I.A. (2026) Kiberataki kak ugroza obespecheniya neprikosnovennosti diplomaticheskikh predstavitel'stv i ikh personala (v kontekste sovremennogo mezhdunarodnogo prava) [Cyberattacks as a Threat to Ensuring the Inviolability of Diplomatic Missions and Their Personnel (in the Context of Contemporary International Law)]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (9A), pp. 512-522. DOI: 10.34670/AR.2026.11.66.058

Keywords

Law of external relations, international law, diplomatic missions, diplomatic agents, protection mechanisms, ensuring inviolability, challenges and threats, cyberattack, information security, preventive measures, risk management, state policy.

References

1. Baryshnikova, S.M., Pika, S.A., & Stepanova, M.N. (2025). Kiberataka kak vyzov mezhdunarodnomu pravu i mezhdunarodnoy bezopasnosti: problemy kvalifikatsii i napravleniya razvitiya pravovogo regulirovaniya [Cyberattack as a Challenge to International Law and International Security: Problems of Classification and Directions for the Development of Legal Regulation]. *Vestnik nauki*, (12(93)), 334–342.
2. Berova, D.M. (2018). Kiberataka kak ugroza informatsionnoy bezopasnosti [Cyberattack as a Threat to Information Security]. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve*, (2), 186–188.
3. *Konventsiya o predotvrashchenii i nakazanii prestupleniy protiv lits, pol'zuyushchikhsya mezhdunarodnoy zashchitoy, v tom chisle diplomaticheskikh agentov* [Convention on the Prevention and Punishment of Crimes against Internationally Protected Persons, including Diplomatic Agents]. (1973). Retrieved from https://docs.cntd.ru/document/1900310
4. *Nagiyeva, A.A.* (2025). Aktual'nye tendentsii razvitiya immuniteta neprikosnovennosti pomeshcheniy diplomaticheskikh

predstavitel'stv [Current Trends in the Development of Immunity of Diplomatic Premises]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. Retrieved from https://interaffairs.ru/jauthor/material/3193
5. Pacek, M. (2015). Rol' diplomaticheskikh predstavitel'stv v sovremennom mire [The Role of Diplomatic Missions in the Modern World]. *Rossiya v global'nom mire*, (7(30)), 550–557.
6. Perepelitsyn, M.A. (2020). Diplomaticheskaya neprikosnovennost' v usloviyakh tsifrovoy diplomatii [Diplomatic Immunity in the Context of Digital Diplomacy]. *Molodoy uchenyy*, (20(310)), 307–309.
7. Rahman, M.M., & Das, T.K. (2024). Protivodeystvie kiberatakam: probely mezhdunarodnogo prava i perspektivy ikh preodoleniya [Countering Cyberattacks: Gaps in International Law and Prospects for Overcoming Them]. *Journal of Digital Technologies and Law*, (4), 973–996.
8. Erkaeva, N., Durdylyev, R., Deryaev, S., & Dudayev, G. (2025). Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v oblasti kiberbezopasnosti [International Cooperation in the Field of Cybersecurity]. *Nauka i mirovozzrenie*, (2), 1–6.
9. *V MVD prokommentirovali kiberataku na sayt posol'stva Rossii v Britanii* [The Foreign Ministry Commented on the Cyber Attack on the Website of the Russian Embassy in Britain]. (2018, December 26). RT na russkom. Retrieved from https://russian.rt.com/world/news/587355-velikobritaniya-ataka-posolstvo
10. *V OON soobshchili, chto ezhednevno sovershaetsya bolee 2,2 tys. kiberatak* [The UN Reported That More Than 2,200 Cyberattacks Occur Daily]. (2024, March 7). TASS. Retrieved from https://tass.ru/obschestvo/20184947
11. *Venskaya konventsiya o diplomaticheskikh snosheniyakh 1961 goda* [Vienna Convention on Diplomatic Relations of 1961]. (1961). Retrieved from https://docs.cntd.ru/document/1900372
12. Gu, Wenshuo. (2021). Kiberataka s tochki zreniya mezhdunarodnogo publichnogo prava [Cyberattack from the Perspective of Public International Law]. *Legal Bulletin*, 6(2), 130–137.
13. *Zakharova zayavila, chto sayt MID RF podvergaetsya bespretsedentnym kiberatakam* [Zakharova Stated That the Website of the Russian Foreign Ministry Is Undergoing Unprecedented Cyberattacks]. (2022, March 3). TASS. Retrieved from https://tass.ru/obschestvo/13953331

Правила для авторов

Уважаемые авторы! Представляем вашему вниманию обновленные требования, которым должны строго соответствовать направляемые нам рукописи.

Структура статьи, присылаемой в редакцию для публикации:

1) заголовок (название) статьи;

2) автор(ы): фамилия, имя, отчество (полностью);

3) данные автора(ов): телефон, адрес, научная степень, звание, должность и место работы, рабочий адрес, e-mail;

4) аннотация (авторское резюме);

5) ключевые слова;

6) текст статьи должен быть разбит на части: введение, тематические подзаголовки, заключение или выводы;

7) список использованной литературы в алфавитном порядке;

8) пункты 1-5 и 7 должны быть продублированы на английском языке (требования к аннотации см. далее).

Все материалы должны быть присланы в документе формата .doc, шрифт TimesNewRoman, кегль 14, первая строка с отступом, межстрочный интервал полуторный, сноски с примечаниями постраничные, нумерация сносок сплошная. Ссылки в тексте на библиографический список оформляются в квадратных скобках; указываются фамилия автора из списка, год издания работы и страница: [Иванов, 2003, 12].

Требования к аннотации на английском языке

Англоязычная аннотация должна быть:

– информативной (не содержать общих слов);

– оригинальной (**не быть калькой русскоязычной аннотации**);

– содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);

– структурированной (следовать логике описания результатов в статье, по схеме: предмет, тема, цель работы; метод или методология проведения работы; область применения результатов; выводы);

– «англоязычной» (написанной качественным английским языком);

– **объем от 150 до 250 слов.**

При невозможности предоставить англоязычную аннотацию необходимо предоставить аналогичный текст на русском языке, с требуемым объемом и структурой.

Фамилии авторов статей на английском языке представляются в одной из принятых международных систем транслитерации, в нашем издательстве – Британского института стандартов (**www.translit.ru**, меню **Варианты**, пункт **BSI**).

Оформление библиографических ссылок в тексте

Ссылки в тексте оформляются в стиле [Фамилия (фамилии), год, страница]. Например, такая ссылка:

Иванова П.П., Петров А.А. К вопросам о детских тарелочках // Жизнь. 2012. № 2. С. 343.

будет выглядеть в тексте как

[Иванова, Петров, 2012, 343].

При ссылке на интернет-ресурс ссылка выглядит как [Иванов, 2009, www] или (при невозможности установить год) [Иванов, www].

Постраничные сноски используются в случае смысловых комментариев, ссылок на архивы и неопубликованные документы. Допустимо указывать в постраничных сносках группы источников (например, ряд работ или диссертаций по какой-либо теме), которые не включаются в библиографию.

В библиографию включаются ссылки на использованные в работе:

– книги;

– статьи в периодике, коллективных монографиях, сборниках по итогам конференций;

– диссертации и авторефераты;

– нормативные акты;

– электронные ресурсы.

В библиографию не включаются (даются в постраничных сносках) ссылки на:

– архивы;

– неопубликованные документы.

Правила оформления библиографии на русском языке

Библиография оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка».

Правила оформления библиографии на английском языке

Английский вариант библиографии, с заголовком References, пишется согласно Гарвардской системе оформления библиографических ссылок, по следующей схеме:

Авторы (транслитерация), год публикации, транслитерация названия статьи, перевод названия статьи на английский язык (в квадратных скобках), транслитерация названия источника (книга, журнал), перевод названия источника (в квадратных скобках), место издания, издательство, страницы.

Пример:

Кочукова Е.В., Павлова О.В., Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении учёных // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: Сб. науч. тр. М.: Научный Мир, 2009. С. 190-199.

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauchnyi Mir, pp. 190-199.

Более подробные правила и примеры Гарвардской системы оформления представлены по ссылке http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2 или http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf

Если у вас нет возможности оформить английские список литературы и аннотацию по нашим правилам, это сделают специалисты издательства. Обращайтесь, вам обязательно помогут!

Об издательстве

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает 14 научных журналов:

№	Название журнала	Направление
1	Вопросы российского и международного права	юридические науки
2	Культура и цивилизация	культурология
3	Технические науки: теория, методика, приложения	технические науки
4	«Белые пятна» российской и мировой истории	история
5	Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке	философия
6	Вопросы биологии и сельского хозяйства: теории и ситуации, проблемы и решения	биологические и сельскохозяйственные науки
7	Фундаментальные и клинические медицинские исследования	медицина
8	Экономика: вчера, сегодня, завтра	экономика
9	Педагогический журнал	педагогика
10	Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования	психология
11	Искусствоведение	искусствоведение
12	Социологические науки	социология
13	Теории и проблемы политических исследований	политология
14	Язык. Словесность. Культура	филология

Журналы выходят на русском и английском языках, основное содержание номеров составляют статьи ведущих российских и зарубежных ученых и начинающих исследователей, а также сообщения о выходе книг по теме изданий.

Журналы издательства «АНАЛИТИКА РОДИС» рассчитаны на ученых, специалистов, аспирантов и студентов, а также всех, кто интересуется проблемами современной науки.

Услуги издательства

Помимо выпуска научных журналов издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает научные издания, монографии, авторефераты, а также художественную литературу.

Рукописи изданий, поступающих к нам, подвергаются корректуре, редактированию и, при необходимости, научному редактированию. Техническое оформление в издательстве «АНАЛИТИКА РОДИС» включает вёрстку, раз-

работку оригинал-макетов, дизайн обложек и иллюстраций. На каждом этапе работы авторы имеют возможность оценить результаты и внести свои корректировки, пожелания и дополнения.

Наши специалисты осуществляют помощь в оформлении научных работ – от статей до диссертаций, по требованиям ГОСТа, ВАК или конкретных научных организаций, а также техническое, литературное и научное редактирование, корректуру.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» имеет широкие научные связи с отечественными и зарубежными учёными и организациями.

Rules for authors

Dear authors! We present you the updated requirements that the manuscript must strictly comply with.

Structure of an article for publication sent to the publisher:

1. title (name);
2. author (s): the surname, first name, patronymic (in full);
3. author (s) details: phone, address, academic degree, title, occupation and place of work (+address), e-mail;
4. annotation (author's abstract);
5. key words;
6. the text of the article must be split into several parts: introduction, subject subtitles, conclusion or summary;
7. list of references;
8. Items 1-5 an 7 must be accomplished in English (see below the requirements for annotations).

All materials must be sent in .doc format, Times New Roman, size 14, indented first-line, one-and-a-half line spacing, per-page footnotes and solid footnotes numeration. References to the bibliography in the text are to be made in square brackets: [Ivanov, 2003, 12].

The requirements for abstract in English and bibliographical references

An abstract in English must be:

– informative (be free of common words);

– original (**without being a calque (loan-translation) of Russian-language annotation**);

– substantive (to reflect the main content of an article and research results);

– structured (to follow result description logic in the article according to the scheme: subject, topic, work objective, method or work performance methodology, application range of the results; summary);

– "English-speaking" (written in high-grade English);

– **volume from 150 to 250 words**.

Let's see the following structural variant of a bibliographical ref in English for articles from journals, collections and conferences:

The authors (transliteration), year, title of the article in transliteration, translation of the title into English in square brackets, the name of the source (transliteration and translation), place, publishing house and pages.

Example:

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauch-nyi Mir, pp. 190-199.

At that while **preparing the list** of literary sources of the **English-language** part of the article our **publishing house insists on using Harvard system of bibliographical references delivery**. You can find the possible typography variants on http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2 or http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf

If for some reasons you cannot formalize English list of references and abstract in accord with our rules, our specialists will do it for you. Please, contact us, we are always ready to help!

About the publishing house

Publishing house "ANALITIKA RODIS" issues 14 scientific journals:

№	Name of the journal	Scientific area
1	Matters of Russian and international law	Jurisprudence
2	Culture and civilization	Cultorology
3	Technical sciences: theory, methodology, applications	Technical
4	"White spots" of the Russian and world history	History
5	Context and reflection: philosophy of the world and human being	Philosophy
6	Questions of biology and agriculture: theories and situations, problems and solutions	Biological and agricultural
7	Basic and clinical medical research	Medical
8	Economics: Yesterday, Today and Tomorrow	Economics
9	Pedagogical Journal	Education science
10	Psychology. Historical-critical reviews and current researches	Psychology
11	Art Studies	Art Studies
12	Sociological Sciences	Sociological Sciences
13	Theories and Problems of Political Studies	Political science
14	Language. Philology. Culture	Philology

Journals are published in Russian and English. The articles of leading experts, as well as researchers working on dissertations, are published in each journal respective to its coverage, along with the reports of the books output of leading contemporary researchers!

The journals of the "ANALITIKA RODIS" publishing house are designed for specialists, students and postgraduate students, as well as anyone interested in problems of modern science.